ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 2

Nos. 1-2

1922

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970

Редакция
номера закончена
15 февраля

Printed in Switzerland

Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

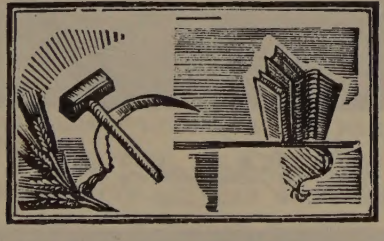
ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

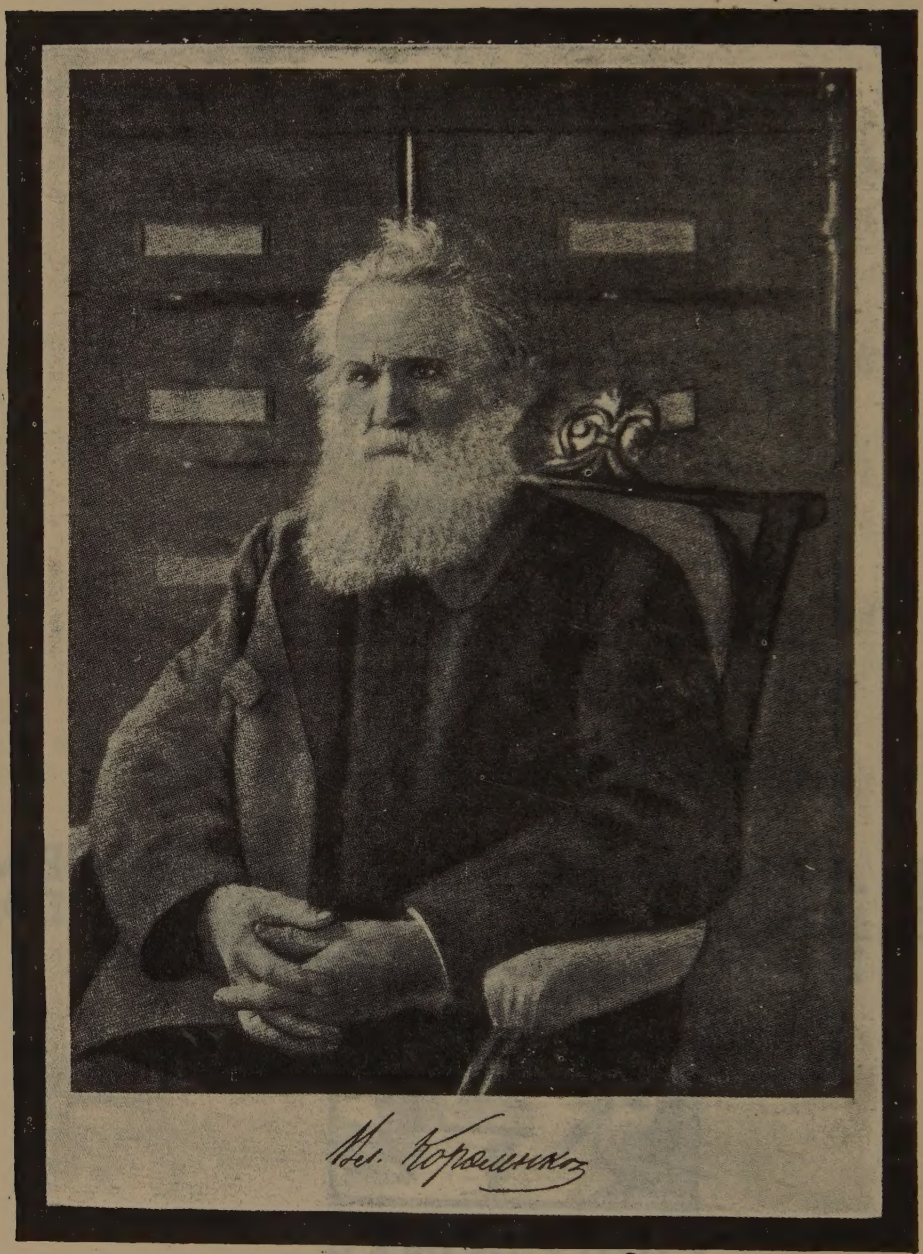
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

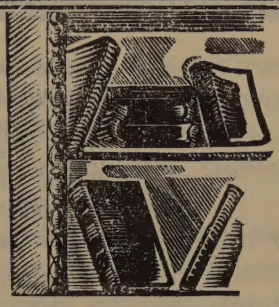


КНИГА ПЕРВАЯ
ЯНВАРЬ-МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922



СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ЧТО НУЖНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ?

Лекция для литературной студии.

В. В. Вересаев.

I.

Что нужно для того, чтобы быть писателемъ?

Прежде и после всего нужен талант, и не о чем здесь беседовать, и не о чем читать лекций. Нельзя научиться стать писателем-художником,—нужно им родиться. Poetae non fiunt, sed nascuntur,—поэтами не делаются—поэтами рождаются.

Это, конечно, верно. Прежде всего нужен талант. Но талант сам по себе, это — только семя благородного, прекрасного растения. Чтобы пышно развиться, чтобы дать яркие, благоухающие цветы, для него необходим целый ряд благоприятных условий.

В первую очередь нужны подходящие внешние условия. Если вы оглянетесь на блестящую русскую литературу XIX столетия, справедливо вызывающую удивление и восторг всего мира, то увидите, что вся она создана почти исключительно тонким верхним слоем русского народа, — дворянством и буржуазной интеллигенцией. Толща народная для нее почти ничего не дала. И понятно, почему. Безграмотный вятский мужик, безвыездно живший в глухой своей деревушке, темный фабричный ткач, забитый долгим, тяжелым и нездоровым трудом, могли обладать огромнейшим художественным талантом. Но как и в чем они могли его проявить? Не только все кругом, но и сами они даже не подозревали, что горящий в них талант есть великая жизненная ценность, а считали его чудачеством, баловством. И талант погибал, как семя, упавшее на сухую, затоптанную землю. Останавливаться на этом не стоит, — слишком все это понятно, и не об этом я хочу говорить. Я буду говорить о тех внутренних причинах, лежащих в самом писателе, которые мешают ему развернуть во всей силе и красоте свой талант.

Если я приведу несколько отрывков из стихотворений крупнейших русских поэтов, не называя их имен, то всякий из вас, сколько-нибудь знакомый с русской поэзией, сразу и без всякого труда определит, кто именно автор каждого из отрывков.

Я вас любил. Любовь еще, быть-может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит,—
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим.
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Посмотрите, как просто, как естественно. Как будто сел человек к столу и сразу, не задумываясь, написал письмо к когда-то любимой им женщине; даже трудно себе представить, как же иначе, какими другими словами можно было написать это. И вместе с тем, — какая покоряющая сила чувства, какая поэзия! Эта удивительная простота, эта гармония и хрустальная ясность стиха, эта заражающая сила настроения скажут вам с полной несомненностью: конечно, это — Пушкин.

Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил,—клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

Эти решительные, короткие, так называемые мужские рифмы, эта мужественная энергия языка, этот стальной звон боевого меча в стихе... Вы с уверенностью говорите: конечно, это — Лермонтов.

Есть некий час всемирного молчанья.
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу,
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.

Что-то странное, мало понятное, — и в то же время что-то таинственно-значительное, волнующее душу сокровенным своим смыслом. Как будто древняя, седобородая пророчица-сивилла средь непроглядной ночи в экстатическом полусне бормочет вещие какие-то слова. И вы без колебания говорите: это — Тютчев.

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь понапрасну разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце не робкое билося,
Что умел он любить...

Тяжелый, не гибкий стих, неуклюжие рифмы: «болтающих—погибающих», «разбилася—билося» (что вовсе даже и не рифма, а просто по-

в торение того же слова с приставкою). И рядом с этим—горькая тоска покаяния, страстные порывы к служению страждущему человечеству, великая трагедия возмущенной совести... Конечно, это — Некрасов.

То же и с прозаиками. По десяти строкам Гоголя, Толстого, Достоевского или Чехова вы безошибочно определите их автора.

В чем же дело? Почему среди многих сотен тысяч напечатанных у нас стихов, среди миллионов листов печатной прозы вы по нескольким стихам или строкам сразу и легко узнаете названных авторов? Потому, что у каждого из них есть своя, резко выраженная индивидуальность, есть свое характерное духовное лицо, раз увидев которое, вы его уж не смешаете ни с каким другим. Особенность художника сказывается в характере его мыслей, настроений, переживаний, в его слоге, в самом тембре и ритме его речи.

Чем же обусловливается эта оригинальность каждого истинного художника? Во-первых, тем, что он живет интересною, своеобразною внутреннею жизнью, и, во-вторых,—что он во всем является самим собою.

Что касается первого, то, в сущности, интересен и своеобразен всякий человек. Только люди поверхностные жалуются на отсутствие «интересных» людей. Паскаль говорит: «чем кто разумнее, тем больше находит он оригинальных людей; люди толпы неспособны видеть различий между людьми». И действительно, посмотрите, как высоко ценят душу каждого человека люди, умеющие видеть и любить окружающую их живую жизнь. Гёте, великая лирика которого у нас, к сожалению, почти совсем неизвестна, говорит в своем стихотворении «Самочувствие»:

Каков бы ни был ты,—и нет здесь исключенья!—
Ты—тоже человек. Без самоуниженья
Вглядись в себя,—и сам ты скажешь, что судьба
К тебе, ну, право же, не так была скупа!
Что много радостей, что и страданий много
Ты, как единственный, как сам, несешь в себе.
Что жизнь твоя совсем не так уже убога...
И как тебе не быть признательным судьбе?

И вот в какой восторг приводит человеческая душа величайшего американского поэта Уота Уитмэна:

Кто бы ты ни был, я руку тебе на плечо возлагаю.
Никто справедлив к тебе не был, ты сам справедлив
к себе не был;
Один только я не ставлю над тобой ни владыки, ни бога:
Над тобою лишь тот, кто таится в тебе же самом.
Как ты велик, ты не знаешь и сам, проспал ты себя самого.
И все, что ты делал, к тебе обернулось, словно бы кто
над тобой посмеялся.

Но посмешище это—не ты.
Там, под спудом, внизу, затаился ты настоящий.
И я вижу тебя, где никто не увидит тебя.
Твой пошлый наряд, безобразную позу, и пьянство, и похоть,
и раннюю смерть —все я отброшу прочь!
Ни у кого нет таких дарований, которых бы не было и у тебя,—

Кто бы ты ни был! Иди на пролом и требуй!
Эта пышность востока и запада—безделица рядом с тобою,
Эти равнины безмерные и эти реки безбрежные,—безмерен,
безбрежен и ты, как они.
Ты по праву владыка над скорбью, над страстью, над смертью!
С ног твоих путы спадают, и ты видишь: все превосходно!
Молодой или старый, мужчина или женщина, грубый, подлый,
отверженный всеми,
Кто бы ты ни был,—
Чрез печали, утраты, чрез обиды и скуку проложило дорогу
твое настоящее «Я».

Мюссе говорит: «я пью из маленького стакана, но этот стакан мой». Главное, чтоб был свой стакан. Если он есть у вас, если есть хоть маленькая своя рюмочка, то вы — художник, вы в праве сидеть за тем столом, где с огромными своими чашками восседают Гомер, Эсхил, Дант, Шекспир, Гёте, Пушкин, Толстой, Ибсен.

Но для этого тем важнее второе условие — быть самим собою.

Вы скажете: «Быть самим собою? Да что ж тут трудного? Трудно быть другим. А быть самим собою, это — дело самое легкое». Нет, это-то и есть дело самое трудное. Немецкий анархист-индивидуалист Макс Штирнер говорит: «во всякий момент мы бываем всем, чем мы быть можем, и не должны быть чем-то бо́льшим». Если понимать это правило в таком самодовольном, мещански-польском смысле, то осуществление его, конечно, дело нетрудное. В таком смысле всю жизнь свою был самим собою ибсеновский Пер Гюнт, — а в конце жизни он оказывается «пуговицею без ушка», оказывается недостойным даже ада, как нечто совершенно безличное. Он обречен на добычу Пуговичнику, для переливки его в новый сплав. Он сам начинает понимать, что

Я не самим собою был, а только
Самим собой *доволен*...

Пер Гюнт в смущении спрашивает: «что же значит быть самим собою?» И зловещий Пуговичник объясняет ему:

...быть самим собою значит
Отречься от себя, убить в себе
Себя иль «я» свое. Тебе-то, впрочем,
Такое объясненье непонятно.
Так слушай: быть самим собою значит
Всегда собою выражать лишь то,
Что выразить тобой хотел Хозяин,—

великий хозяин жизни, как его ни называйте, — природою, судьбою, богом. Быть самим собою — это значит развить в себе те *возможности*, которые заложены в тебе и которые придушены, изуродованы в тебе средою, воспитанием, влиянием окружающих тебя людей, собственною твоею боязнью перед душевною своею самостоятельностью.

Вопрос этот — очень большой и сложный, и здесь не место брать его во всей его широте. Буду говорить о нем лишь постольку, поскольку он имеет отношение к писательству.

Что мешает быть самим собою писателю, — особенно писателю неопытному, начинающему?

Прежде всего мешает то, что он *не доверяет себе*, — не доверяет своим переживаниям и настроениям, тому, как он видит и как слышит, как его тянет выразиться. Ему кажется: «наверно, это только *я* так чувствую, потому что я такой глупый, странный или плохой человек; нигде ничего такого я до сих пор не читал». Так тем лучше!.. Нет. Страшно, стыдно! Настоящий художник себя не стыдится. Как прежде описывали, напр., войну? Трус дрожит, прячется в канавку, храбрец с огненным взором мчится на лихом коне впереди эскадрона и бешено врубается в гущу врагов. И вот является Толстой. Он сам много раз участвовал в боях, воевал на Кавказе, на Дунае, выдержал знаменитую севастопольскую оборону, прославился там своею храбростью. И вот он описывает нам войну совершенно по-новому. И трус у него бывает храбрым, и храбрец, случается, трусит, как заяц, дрожит, потихоньку крестится под мундиром. Мы читаем и, пораженные, говорим: «А ведь верно! Так именно и должно быть!» Достиг этого Толстой тем, что безбоязненно писал, что действительно чувствовал и видел, — тем, что был самим собою.

То же и относительно слога, образов, сравнений, эпитетов. Настоящий художник пишет так, как видит собственными глазами, а не как его приучили видеть книги и разговоры. У того же Толстого вы встречаете «голубую лошадь»; на ногах у Платона Каратаева спит «лиловая собачонка». У Чехова вы читаете: «вечерняя звезда загорелась на зеленом небе». Зеленом? Что за декадентщина! Но если вы в ясный июньский вечер после захода солнца взглянете на светящийся запад, вы увидите небо определенно зеленого цвета. Или вот, напр., у Гомера в «Илиаде» вы находите такой образ: греки бьются с троянцами за тело убитого Гектором Патрокла. Богиня Афина подходит к Менелаю, упрекает его за трусость и, вдохновляя его на новый бой, сердце его — говорит Гомер — «наполнила смелостью мухи». Мухи? Да, да, мухи! Как некрасиво! Вы, не правда ли, сказали бы: «смелостью льва»? Так куда красивее и величественнее. Хорошо. Ну, а позвольте вас спросить, имели вы когда-нибудь случай наблюдать проявление смелости у льва? Видели ли вы когда-нибудь льва? Да, вы его видели в зверинце, в клетке. Но какую же он там может проявить смелость? Он, конечно, рычит на служителя, сующего ему на рогатине под решетку кусок мяса, но ведь рычит тогда и трусливая гиена. А вот смелость мухи вы имели возможность наблюдать не раз. Вспомните, как упорно и назойливо в жаркий летний день садится вам муха на потную руку. Вы ее спугнули, — она опять садится; вот чуть-чуть не поймали, она проскользнула у вас меж пальцев, — и опять садится на прежнее место. Да при таких обстоятельствах, может быть, сам лев убежит, трусливо поджав хвост. И посмотрите, как точно этот образ рисует храбрость ахейцев: троянцы отгоняют их от трупа, — а они опять и опять бросаются к нему, — именно, как мухи. У Гомера мы видим живой зрительный образ. Перед вами же, когда вы говорили о «смелости льва», был не зрительный образ, а просто словесная ассо-

циация, клише, которое от долгого употребления потеряло всякую отчетливость.

Или вот еще. Вы описываете, как человек шел по дороге, вдруг увидел что-нибудь, его поразившее, и остановился, как... Ну, конечно, «как вкопанный».

Вдумайтесь, однако, в этот образ. Человек неподвижно остановился на месте, — а нам по этому случаю предлагают представить его себе вкопанным в землю, — по шею? по пояс? Вместо стоящего человека — торчащая из земли голова его или туловище. Кто-то когда-то употребил нелепый, бездарный образ, и из поколения в поколение писатели повторяют эту бессмыслицу, даже не замечая ее. Кто пишет из себя, пишет так, как, действительно, чувствует и представляет, тот такого мертвого образа не употребит.

Сильно мешает начинающему писателю быть самим собою еще влияние великих образов. Часто ему даже нравится, что у него выходит совсем так, как у любимого его писателя. Помню, лет тридцать назад, когда у нас в большой моде был Надсон, один студент прочел мне стихотворение и спрашивает:

— Угадайте чье это стихотворение.

— Конечно, Надсона.

Студент вспыхнул от удовольствия, с скромною гордостью потупил глаза и сказал:

— Это — мое.

Он был очень горд, что его стихотворение можно было принять за надсоновское. Но гордиться тут было решительно нечем. Вовсе не трудно подделаться под чужую уже готовую форму, — для этого достаточно быть способным попугаем или скворцом. Гордость поэта как раз в том, что его нельзя было смешать ни с каким другим.

Самые крупные художники начинают с подражания. Многие в течение всей своей жизни не в состоянии бывают выбиться из-под влияния очаровавшего их образца. Вспомните, какой длительный и сильный отпечаток наложил вначале прошлого века Байрон на литературы всех стран, как неодолимо подчинял он себе все более слабые художественные индивидуальности. И даже сильным трудно было с ним бороться. Боратынский писал великому польскому поэту Мицкевичу:

Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный,
Восстань, восстань и вспомни,—сам ты бог!

Все вы, конечно, слышали о двух великих писателях раннего итальянского возрождения—Петрарке и Боккачио. Если спросить, чем известны эти два писателя, то всякий в настоящее время ответит: Петрарка известен своими сонетами и канцонами в честь Лауры, Боккачио — своим «Декамероном», — сборником не совсем приличных, но сочных, великолепных новелл, ярко рисующих современную ему итальянскую жизнь. Это — их лучшие и наиболее ценные произведения. Но совсем

не так относились к ним их авторы. Призванием своим они считали возродить древне-римскую поэзию, писали на латинском языке тяжеловесные поэмы, подражая Вергилию и Стацию. За свою латинскую поэму о Сципионе Африканском «Африка» Петрарка и был увенчан в Капитолие лавровым венком. К упомянутым же своим произведениям оба автора относились с полнейшим пренебрежением. Они называли их своими «шалостями», своими «пустячками». Петрарка, дружба которого с Боккачио была так велика, что, по выражению одного их современника, «у них была одна душа в двух телах»,—только в старости, случайно, как сам он пишет Боккачио, — не прочел даже, а только перелистал его «Декамерон». О своих песнях к Лауре он пишет: «в молодости я еще писал на народном языке, высших целей не знал и писал тогда более для развлечения и утехи». Подавленные величием древне-римских образцов, оба они «высшими целями» своими полагали писать не по-своему, а как Вергилий. Латинские поэмы их давно забыты, а осталось жить в веках то, что они писали — «шаля», «для развлечения и утехи», т.-е. по свободной внутренней потребности, забыв о всяких самых великих образцах.

Есть один русский художник, — Котарбинский. Хороший художник. Писал он больше картины из античной жизни, может-быть, немногим уступающие Семирадскому. Его, вместе с Виктором Васнецовым и Нестеровым, пригласил проф. А. В. Прахов для росписи знаменитого Владимирского собора в Киеве. Образа его кисти в этом соборе — тоже очень хорошие картины, хотя, конечно, хуже васнецовских. В промежутке между этими серьезными своими работами, — так, тоже «для развлечения и утехи», для себя, — Котарбинский писал на картонах сепией картинки на самые фантастические сюжеты. Зашел к нему однажды проф. Прахов, увидел эти картоны и пришел в восторг от их оригинальной красоты и свежести. Картоны эти были выставлены на передвижной выставке и вызвали фурор. Только о них и говорили. И, если Котарбинский войдет в историю русской живописи, то именно как автор этих оригинальных сепий. Парадоксальный на вид, но по существу глубоко-жизненный совет: хотите быть писателем, хотите печататься, — пишите, «творите», сочиняйте стихи не хуже стихов Верхарна или Александра Блока, рассказы не хуже рассказов Горького или Бунина. Вас напечатают, вас, может-быть, будут хвалить. Но когда придет соответственное настроение, — забудьте о всяком писательстве, о всяких учителях, отдайтесь творчеству для себя, пишите, не думая о читателях,— напротив, решите, что вы этого никогда и печатать не станете. Это-то и будет самым лучшим, что вы напишете, — поверьте мне.

Но не вытекает ли отсюда вывод, что писатель, желающий сохранить девственную свежесть и оригинальность своего творчества, должен избегать изучения мастеров, должен совершенно самостоятельно прокладывать свою собственную дорогу? Нет, этот вывод был бы неправилен, — так же неправилен, как если бы человек, желающий сохранить свою умственную самостоятельность, решил бы не читать умных книг и избегать разговоров с умными людьми. Художник, если не хочет остаться

дилетантом-самоучкой, должен знать достижения всех предшествующих мастеров, прочно усвоить их, претворить их в свою плоть и кровь, — и тогда забыть о них и свободно итти дальше, не оглядываясь на учителей. Как говорит Флобер: «нужно поглотить океан книг и извергнуть его обратно».

Далее, писателю очень мешает быть самим собою, — как это на первый взгляд опять ни покажется парадоксальным, — мешает выяснение для себя задач искусства, — что оно такое, какие цели должно преследовать, какими должно пользоваться средствами и т. п. Как думающий человек, он, конечно, не может не интересоваться теоретически вопросами о самом для него дорогом деле. Но, как художник, он должен, приступая к работе, совсем забыть обо всех этих вопросах. Лозунгом его должны быть слова гётевского певца:

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet,—
Подобно птице я пою,
Живущей между веток.

Как птица, в блаженной свободе бессознательного влечения, должен художник выражать то, чем полна его душа, не задаваясь вопросами, что такое поэзия, каковы ее задачи. Теория всегда узка, схематична и деспотична, искусство же широко, многогранно и не терпит на себе никаких пут.

Не так еще давно у нас жестоко боролись между собою два направления в искусстве,—так наз. «гражданское искусство» и «чистое искусство». Одни утверждали, что искусство должно служить текущей жизни, рисовать ее беды и несовершенства, призывать на борьбу с ними. Другие возражали, что это—дело публицистики, что искусство довлеет само себе, что оно должно иметь дело с «вечными ценностями» и чуждаться всего временного, всякой «злобы дня».

Некрасов, напр., писал, что стыдно поэту

в годину горя,
Красу небес, долин и моря,
И ласку милой воспевать.

Да, конечно, если вы так охвачены ощущением царящего вокруг горя, что не можете думать ни о природе, ни о милой, — вы и не должны их воспевать,—да и не сможете, если бы даже захотели. Но если вы в восторге залюбуетесь морем, если с любовью прижметесь щекою к щеке любимой девушки и не захотите художественно излить своего чувства потому, что «стыдно», — вы не поэт.

Пушкин, напротив, утверждал:

Не для житейского волненья
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Но если «житейское волненье», если «битва» будит в вас творческий отклик, то как же может поэт отказаться от этого отклика только потому, что он, будто бы, рожден не для этого? И кто откуда узнал, для чего он именно рожден? Вечные, до сих пор незаменимые учителя наши в искусстве, древние эллины, совершенно были чужды такого ограничения искусства. Лучшие их лирики, — Архилох, Кратин, Алкей, Феогнид, Пиндар, — свободно отзывались на волновавшие их самые преходящие «злобы дня»; такие же отзвуки мы сплошь да рядом находим и в греческой трагедии. Поэзия Данта теснейшим образом связана с тогдашнею современностью, с ее политическими и общественными злобами. Да и всякий знает, как полно и ярко отзывался и сам многозвучный Пушкин на все житейские волнения и битвы.

В Петербурге была выставлена на обозрение публики картина Брюллова «Распятие». Для порядка к ней были приставлены часовые и запрещено было пускать черный народ, чтоб не стеснять чистую публику. Самый ярый приверженец гражданского искусства навряд ли нашел бы этот случай достойным поэзии,—мелкий, возмутительный факт, годный разве только для негодующей репортерской заметки. И посмотрите как сумел отозваться на это настоящий поэт,—тот же Пушкин, который считал недостойным поэта всякий отзвук на «житейские волнения»:

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам животворяща древа,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим, поставлено на место жен святых—
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие—казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?
Иль мните важности придать Царю Царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

На основании мелкого, «злободневного» фактика поэт создал картину целого общественного уклада, лживого и лицемерного, сделавшего из создателя глубоко-демократической религии важного вельможу, которого недостоин видеть черный народ. И сразу падает перед вами искусственная, ненужная стенка, разгораживающая единое искусство на какие-то два искусства, — гражданское и не гражданское.

Царивший когда-то классицизм сменялся в литературе романтизмом, романтизм — реализмом, реализм — символизмом и т. д. Для критиков литературы эти смены могут дать огромное поле для наблюдений, для выводов, для борьбы. Но художник может здесь участвовать лишь в качестве объекта, в качестве материала, над которым пусть оперируют теоретики. Художник творит из нутра, озабочен только одним, — чтоб точно и полно выразить то, что у него в душе, а в какую его поместят «школу», к какому причислят направлению, — дело не его.

Последние три года мне пришлось прожить вдали от центра, совершенно оторванным от современной литературной жизни. Этою осенью я возвратился в Москву. Вышел на улицу и увидел расклеенные по стенам объявления. В них сообщалось, что в непродолжительном времени состоится под председательством одного из известных поэтов вечер поэзии. Выступят со своими декларациями и стихами: неоклассики, неоромантики, символисты, футуристы, презантисты, имажинисты, ничевоки, эклектики и т. д., и т. д. На меня эта афиша произвела впечатление ошеломляющее. Сколько стойл нагородили сами себе художники, как старательно стремится каждая группа выстроить себе отдельное стойлице и наклеить на него свою особую этикетку. И как хорошо было бы вместо этой длинной конюшни с отдельными стойлами увидеть табун диких лошадей, не желающих знать никаких сектантских стойл, свободно скачущих через загородки всяких деклараций. И пусть в растерянном изумлении смотрели бы на них классификаторы и схематизаторы, тщетно гонялись бы за ними и старались пришпилить хоть к хвосту свою маленькую этикетку.

Такая-то школа, такая-то; старые формы, новые формы... Чехов в «Чайке» говорит устами одного из своих героев: «Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет потому, что это свободно льется из его души».

Итак, основное требование к художнику, главнейшее предусловие его оригинальности и нужности, это — быть самим собою. У Берне есть статейка под заглавием: «Искусство в три дня стать оригинальным писателем». — «Возьмите несколько листов бумаги, — говорит Берне, — и в течение трех дней пишите, — но без всякой фальши, без всякого лицемерия! — все, что вам приходит в голову. Пишите, что вы думаете о себе самом, о вашей жене, о турецкой войне, о Гёте, о ваших начальниках, — и по истечении трех дней вы будете вне себя от изумления, какие у вас новые, неслыханные мысли. Вот в чем искусство в три дня стать оригинальным писателем».

II.

И это, действительно, самый правильный и верный путь для писателя вообще. Правилен он и для писателя-художника. Однако, та свобода безоглядного проявления себя, которая требуется от художника, гораздо

сложнее и тоньше обыкновенной житейской искренности, способности откровенно говорить то, что думаешь.

Процесс художественного творчества есть нечто очень сложное. Это какой-то совсем особенный процесс, очень мало сходный с обыкновенною умственною деятельностью. Художественная работа в главнейшей своей части происходит в глубокой, подсознательной области человеческого духа и отображает именно эту подсознательную жизнь человека,— его основное, «нутряное» отношение к жизни и миру, — часто самому человеку совершенно неясное, совершенно не совпадающее с его головными взглядами и убеждениями. Поэтому-то так часто и бывает, что крупный художник не в состоянии не только объяснить своего произведения, но даже сам понять его. Эту своеобразную особенность художественного творчества отметил еще Сократ. «Ходил я к поэтам, — говорит он, — и спрашивал у них, что именно хотели они сказать. И чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Не мудростию могут они творить то, что творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям».

Очень мало есть крупных художников, сознание которых более или менее совпадает с их бессознательною сущностью или, по крайней мере, сколько-нибудь полно отражает ее. Таков в некоторой степени был, напр., Гёте. У большинства же даже крупнейших художников две эти стороны душевной их деятельности живут в полнейшем разладе, и они, поистине, «не ведают, что творят».

Возьмем для примера два из крупнейших по художественной глубине и силе русских романа, — «Преступление и наказание» Достоевского и «Анну Каренину» Толстого.

Какова, говоря старым языком, «идея» «Преступления и наказания»? Мечтатель-студент решил облагодетельствовать человечество; чтоб добыть нужные для этого средства, он убивает старуху-процентщицу; в нем пробуждается совесть, он не выдерживает ее мучений, сознается в преступлении и идет на каторгу искуплять свой грех. «Идея» романа, — что к чистым целям нельзя стремиться нечистыми средствами, что высший нравственный закон карает человека муками совести, являющимися жесточайшим наказанием за совершонное преступление. Так поймет смысл романа всякий читатель, доверившийся его заглавию и прочитавший его с предвзятою готовностью понять его в определенном смысле. Всего замечательнее, что так же, по всем данным, понимал свой роман и сам Достоевский. Но если мы вчитаемся в роман без предвзятого мнения, то увидим без всякого труда, что в нем и следа нет этой христианской идеи, что, напротив, это — одно из самых дьявольских произведений русской литературы. Самой настойчивой проблемой, мучившей Достоевского в тайных глубинах его бунтарского и дисгармонического духа, была проблема «своеволия», — проблема полнейшей свободы человеческой души, права ее дерзко попирать все законы общественности и морали. И в романе мы видим захватывающую картину трагической борьбы чело-

века за это высшее свое право. «Не для того я убил, — говорит Раскольников, — чтобы сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного... Мне надо было узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Тварь ли я дрожащая или право имею?» Оказалось, — тварь дрожащая. С презрением, с отвращением к себе за свою слабость идет он отдаться в руки правосудия и сам говорит об этом: «от низости и бездарности моей решаюсь». Достоевский ссобщает, что и на каторге Раскольников не раскаивался в своем преступлении, что преступление свое он признавал только в одном: что не вынес его и сделал явку с повинной.

Вот другой роман, — «Анна Каренина», с эпиграфом: «Мне отмщение, и Аз воздам». С первого взгляда «идея» опять такая же, как в «Преступлении и наказании»: нарушение нравственного закона неминуемо ведет преступника к гибели, но судьею этого преступления и преступника не может быть человек: высший нравственный закон сам жестоко карает преступника. Но если, при обычном понимании, идея «Преступления и наказания» могла нам казаться только трафаретною и по существу ложною прописною истиною, то идея «Анны Карениной», в этом толковании, может только возмутить всякого живого человека своею узостью и заскорузлостью: Анна уходит от нелюбимого, противного ей мужа, соединяется с любимым человеком, — какое же тут преступление, и за что его карать? Но если мы вдумчиво вчитаемся в роман, мы и в нем увидим нечто чрезвычайно большое и глубокое, — увидим опять-таки отражение глубочайшей душевной сущности Толстого, — его непоколебимую веру в то, что жизнь по существу своему светла и радостна, что она твердою рукою ведет человека к счастью и гармонии, и что человек сам виноват, если не следует ее призывам. В браке с Карениным Анна была только матерью, а не женою. Без любви она отдавала Каренину то, что светлым и радостно-чистым может быть только при любви, без любви же превращается в грязь, ложь и позор. Живая жизнь этого не терпит. Как будто независимая от Анны сила, — она сама это чувствует, — вырывает из уродливой ее жизни и ведет навстречу новой любви. Если бы Анна чисто и честно отдалась этой силе, перед нею раскрылась бы новая, цельная жизнь. Но Анна испугалась, — испугалась мелким страхом перед человеческим осуждением, перед потерею своего положения в свете. И глубокое, ясное чувство загрязнилось ложью, превратилось в запретное наслаждение, стало мелким и мутным. Анна ушла только в любовь, стала любовницею, как раньше была только матерью. И тщетно пытается она жить своею противоестественною, пустоцветною любовью. Этого живая жизнь также не может потерпеть. Поруганная, разорванная надвое, она беспощадно убиваетъ душу Анны.

Однако, сам Толстой, — и это мы знаем уж вполне достоверно,— ничего такого не видел в своем романе. Он просто обличал в нем женщину, для личных радостей ушедшую от нелюбимого мужа и пренебрегшую своими семейными обязанностями.

На примере двух названных романов мы видим, насколько шире и глубже является художник в бессознательном своем творчестве, чем в сознательных заданиях. Неведомым для него самого путем, часто наперекор собственному его уму, он раскрывает перед нами глубочайшие основы своего жизнеотношения и мироощущения. И вот, представьте же себе теперь, что Достоевский или Толстой читает свой роман какому-нибудь критику, — тонкому, умному, но лишенному способности ухватить основной дух произведения, непонятный самому автору. Неопровержимейшим логическим путем он докажет художнику, что такие-то и такие-то места произведения совершенно противоречат тому, что хотел сказать автор, — и автор не сможет с этим не согласиться, не сможет ничего возразить. И представьте себе далее, что художник, согласившись с критиком, начнет вытравливать из своего произведения все кажущиеся противоречия и несообразности — и из глубокого, всю душу художника раскрывающего произведения сделает нечто маленькое, плоское, но зато ни в чем не противоречащее ни логике, ни сознательно поставленной себе автором задаче. Само собою понятно, что ни один истинный художник никогда этого не сделает. Никакая логика, никакие самые убедительные доказательства не уничтожат в нем повелительной потребности внутренней художественной свободы, стремления полно выявить себя самого, во всем противоречии и непонятности своих переживаний. А на указания критика он может ответить только так, как отвечает Гёте:

Сам, наверно, я не знаю,
Я ли в этом иль не я;
В общем все же утверждаю:
Такова душа моя!
То в восторг она приводит,
То к себе внушает страх,
И в бесчисленных строках
Вновь устойчивость находит.

Вы понимаете теперь, как важна для художника эта высшая его духовная свобода, и как в то же время трудна и ответственна задача ее осуществления. Ведь нет ничего легче, как с отстаивания этой свободы соскользнуть на отстаивание всего неудавшегося, всего, действительно, противоречивого и художественно-непоследовательного. И только величайшая художественная *честность* перед собою, благоговейно-строгое внимание к голосу художественной своей совести способно благополучно провести художника между двумя этими опасностями — недостаточною верою в себя и непоколебимым самодовольством.

Выявление самого себя,—выявление сокровеннейшей, часто самому художнику непонятной сущности своей, своей единой, неповторяемой личности, в этом — единственная истинная задача художества, и в этом также — вся тайна творчества. «А все остальное — литература!» говоря словами Верлэна.

Раньше, чем итти дальше, хотелось бы высказаться о двух человеческих группах, до сих пор очень неполно и неярко проявившихся в искусстве.

Это, прежде всего, — женщины. Душевный мир женщины резко отличается от мужского всем характером переживаний, настроений, устремлений, мотивов, — отличается и вообще, не говоря уже о специально женской сфере девичества, любви, материнства. Между тем во всемирной литературе мы встречаем едва ли не одну только единственную женщину, проявившую, хотя до некоторой степени, свои характерные женские особенности, это — древне-эллинскую поэтессу Сафо. Остальные же женщины рабски шли по путям мужского творчества, жили мужскими настроениями и подходами к жизни, пользовались их приемами, и разве только выказывали больший интерес к вопросам, касающимся женщины. Широкой женской стихии, основного существа женской души мы почти не чувствуем в их произведениях. По живому голосу, по почерку мы сразу можем отличить женщину от мужчины. Отчего же так трудно отличить по голосу, по стилю женщину от мужчины в литературе? Если у ней есть особенности, то чисто отрицательные: растянутость, чрезмерная детальность в описаниях и т. п. И не характерно ли, что все выдающиеся писательницы выступали в литературе под мужскими псевдонимами, — Жорж Занд, Джордж Эллиот, В. Крестовский — псевдоним? Среди более старых современных женщин-поэтов две наиболее выдающиеся, несомненно, — Зинаида Гиппиус и Аллегро. И не характерно ли опять, что обе они в своих стихах упорно говорят о себе в мужеском роде: «я пошел», «я увидел тебя»? И какого выявления женского существа можно ждать от художников, так чуждающихся, так стыдящихся своего пола? Не видим мы ни у кого ни основной женской стихии, ни отражения темных, недоступных нам переживаний женщины в области девичества, любви к мужчине, беременности, материнства. Если мы что и знаем об этих переживаниях, то лишь по отраженному изображению их у мужчин, — Пушкина, Тургенева, Толстого. Только в молодой нашей поэзии, — у Ахматовой, у Марины Цветаевой, у Ады Чумаченко,— женщина посмела, наконец, заговорить своим женским голосом, пытаться проявлять свою женскую душу. Из старших необходимо помянуть здесь Мирру Лохвицкую.

Другая группа, столь же мало проявившая себя до сих пор в художестве, это — пролетариат, выдвинувшийся в настоящее время на первое место исторической арены. Его психология и мироощущение отличаются от психологии и мироощущения господствовавших раньше классов еще более, чем женская психология от мужской. Широкому и свободному проявлению этого нового мироощущения в сильной степени мешают два фактора, напирающие на художника-пролетария с двух противоположных сторон. Один фактор—влияние искусства прежде господствовавших классов во всей силе, стройности и красоте своей завершонности. Взять из этого искусства все нужное, все общечеловеческое и отбросить все чуждое, все, созданное другим душевным строем, — задача трудная. Но здесь — опасность явная, на которую внимание художника обращено в достаточной мере. Между тем с тыла на него напирает другая опасность, тем более серьезная, что художник ее не замечает. Это — те требования,

которые предъявляют к нему его друзья и приверженцы, их указания, чем *должен быть* поэт-пролетарий. Чем должен быть поэт-пролетарий? Тем же, чем и всякий поэт: самим собою, больше ничего. Если он, действительно, пролетарий, если у него, действительно, пролетарское жизнеотношение, то оно полно скажется в его произведениях, — только бы художник умел быть самим собою. Если же такого жизнеотношения у него нет, то не помогут никакие требования. Душа художника, еще раз повторю, шире, разнообразнее и живее всякой схемы. Ничего не выйдет хорошего, если свои живые ощущения и переживания он будет прилаживать к «Азбуке коммунизма» и требованиям приверженцев истинно-пролетарского искусства. Не удовлетворяет художник этим требованиям, даже противоречит им? Что ж делать, — такова его душа! И пускай говорят ему, что его жизнеощущение не совсем пролетарское. Может-быть, оно и, действительно, так. Да и как может оно сразу стать чисто-пролетарским? Тем поучительнее будет нам видеть живую душу пролетария,— не схематического, отвлеченного пролетария вообще, а нашего современного русского пролетария, во всей сложности и противоречивости жизненных влияний на него. Это сможет нам дать только художник, а не теоретик. А может-быть, — может-быть, в его творчестве проявится самое подлинное, самое истинно-пролетарское жизнеощущение, до сих пор неведомое теоретику, — и сам же теоретик, пытавшийся руководить поэтом, изумленно откроет глаза и скажет: «так вот оно, как чувствует настоящий пролетарий! Насколько же это глубже, ярче и разностороннее, чем я предполагал!» В настоящее время дружественные критики предписывают поэту-пролетарию совершенно определенный круг настроений: боевой порыв, веру в себя и в свой класс, бодрый дух, жизнерадостность. Благо поэту, если у него это есть! Но горе ему, если у него этого нет, а он будет стараться натаскивать на себя соответственные настроения с целью стать истинным голосом пролетариата, его признанным выразителем. Он перестанет быть самим собою, т.-е. поэтом, и все-таки не станет ничьим выразителем, потому что будет фальшив.

Художник должен быть самим собою, — другого пути к истинному художеству нет. Вы возразите: «но мое «сам» не нравится мне, мне противно мое нутро, — зачем же я буду его выворачивать перед всеми?» Но выбора здесь нет. Хочешь быть художником, — будь самим собою, не хочешь быть самим собою, — не будешь художником. И если вы истинный художник, вы нутра своего, все равно, не сможете скрыть. «В твоих писаниях, — говорит Уот Уитмэн, — не может быть ни единой черты, которой не было бы в тебе самом. Если ты зол или пошл, это не укроется ни от кого. Если ты любишь, чтоб во время обеда за стулом у тебя стоял лакей, это скажется в твоих писаниях. Если ты брюзга, или завистник, или низменно смотришь на женщину, это скажется даже в твоих умолчаниях, даже в том, чего ты не напишешь». Вы не хотите, чтоб в вашем творчестве отразилась ваша привычка к услугам лакея, ваше тайно презрительное и тайно похотливое отношение к женщине? Отучите себя от услуг лакея. Перестройте свое отношение к женщине. Ибо знайте:

всякий сходится с женщиной, какой он заслуживает. Ищите других женщин, станьте достойными этих других женщин, — и ваше отношение к женщине переменится. И теперь вам понятно станет то на первый взгляд странное требование, которое предъявляет к художнику Гёте, — что он непрерывно должен нравственно усовершенствоваться и расти: человечество и истинное художество связаны между собою неразрывно.

У того же Гёте есть стихотворение:

Глядит ребенок наш кругом,—
Пред ним знакомый отчий дом.
С рожденья слышать он привык
Вполне сложившийся язык.
На ближнее он кинет взгляд,—
Ему про дальнее твердят.
Растет,—не дав передохнуть,
К добру готовый кажут путь:
Вот это—очень хорошо,
А это—плохо и грешно,
И сам он должен тем-то быть.
Как нужно жить, творить, любить,—
Все это писано давно,
И хуже,—в книжках уж дано.
И вот, затерянный навек,
Стоит наш юный человек.
Все для него предрешено:
Пред ним—дороги лишь такие,
Какими раньше шли другие.

Детьми мы еще сохраняем свежесть и незаимствованность восприятий, умение чувствовать своими, не отштампованными чувствами, смотреть на вещь собственными глазами, говорить собственным языком. Чем больше растем, тем все больше нивелируемся, становимся как все кругом, видим все в таком виде, как видят окружающие, привыкаем говорить общим бесцветным языком. Нам много есть чему поучиться у детей.

Взять, например, язык. Ребенок все время непрерывно творит язык, самостоятельно отыскивает новые слова, новые комбинации слов, новые обороты. Сельтерскую воду он назовет: «ежиковая вода», похоронные дроги — «помирон»; сосет мятную конфетку, скажет: «во рту дует». Мы снисходительно улыбаемся и учим ребенка, как нужно говорить «по-настоящему». С другой стороны, теперь часто в интеллигентных семьях приходится видеть детей, говорящих «по-настоящему», — особенно детей, растущих без сверстников, среди взрослых, и много читающих. Они, совсем как взрослые, говорят: «это безусловно верно», «я выношу впечатление», «он остановился, как вкопанный». Нам это тоже только смешно, как смешон маленький мальчик с наклеенными на губе усами. Но нам не стыдно, когда мы слышим отраженным в детях наш тусклый, бесцветный язык, лишенный всякого творчества. Живое творчество языка мы можем наблюдать только в детях, да еще в народе. Пушкин учился рус-

скому языку у московских просвирен. Толстой мечтает о том, как хорошо бы свои писания «перевести на русский язык». Он пишет жене: «как тогда все сокращается. От общения с профессорами — многословие, трудословие и неясность, от общения с мужиками — сжатость, красота слога и ясность».

Мы точно отпечатали у себя в мозгу все существующие слова и обороты, не позволяем себе сочинять новых и смеемся над теми, кто себе это позволяет; мы хорошо знаем грамматику и не позволяем ни себе, ни другим нарушать ее правил. Но как же обогащается и расширяется язык, как не созданием новых слов и оборотов? И что такое грамматика, как не простое констатирование форм языка данного момента? Человеческая речь — живой, текучий, вечно меняющийся поток, а грамматика, предписывая свои правила, пытается загородить поток и превратить его в стоячий пруд. И непрерывно разрабатывать, перерабатывать язык продолжают только люди, не ведающие о грамматике, которых мы готовы назвать «безграмотными». Напр., давно уже слово «пальто» стало чисто русским, давно говорят «у меня нет пальта», «на вешалке много польт». А мы твердо помним, что «пальто» — слово иностранное и не склоняется, и поправляем: «у меня нет пальто», «на вешалке много пальто». Давно уже слово «чайпить» стало одним глаголом, а если кто скажет: «они почайпили», мы поправляем: «они напились чаю». У нас нет существительного соответствующего немецкому «Ausland», французскому «l'etranger», а давно уже существующее у нас слово «заграница», точно выражающее это понятие, коробит нас своею «безграмотностью». Да, безграмотность... Еще Пушкин говорил:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не терплю.

III.

Это подчинение языка зафиксированным формам, это затягивание его в узкий корсет грамматики грозит литературному языку очень серьезными опасностями. Французский критик Реми-де-Гурмон говорит: «учась в школьных тюрьмах тому, чему когда-то гораздо лучше учила детей сама жизнь, они, из страха перед грамматикой, теряют ту свободу ума, которая так важна в эволюции слова. Они говорят, как книги, как плохие книги, и, когда им нужно сказать что-нибудь серьезное, они прибегают к фразеологии этой низменной моральной и утилитарной литературы, которою мы пачкаем их нежные и впечатлительные мозги. Народ в этом отношении не отличается от ребенка; но, более смелый и предприимчивый, он создает свой, простонародный язык, — *арго*, — и в нем он дает волю своей потребности в новых словах, в живописных оборотах, в синтаксических новшествах. Обязательное обучение в низших классах Парижа сделало из французского языка мертвый язык, — парадный язык, которым народ никогда не говорит и который он скоро перестанет

понимать: он любит свой *арго*, которому научился один, на свободе, и ненавидит французский, который все больше становится для него языком его господ и угнетателей».

Как всякому писателю, мне часто приходится иметь дело с начинающими писателями, и в частности — с писателями «из народа». Приходит такой, протягивает, конфузясь, коряво написанную тетрадку и предупреждает: «вы уж только извините, — я человек безграмотный, писать не умею». Читаешь, — да, плохо! Тусклый, робкий язык, неумело и неуклюже подделывающийся под язык литературный. А разговоришься с ним, втянешь в разговор, заставишь его рассказать что-нибудь из пережитого, — и какой у него является яркий, сочный, свой собственный язык! Записать бы рассказ стенографу, — и готов великолепный рассказ. Прочтите повесть И. С. Шмелева «Человек из ресторана». Рассказ ведется от лица ресторанного официанта и написан языком, каким говорят официанты. И этот язык, — странный и грамматически совершенно неправильный, — как он ярок, точен, своеобразен, как потрясает в нужных местах! Художник сумел схватить подлинный характер речи ресторанного лакея. А возьмись писать свои записки сам лакей,— он и подумать не посмел бы писать их своим собственным языком, а стал бы неумело и витиевато подлаживаться под книжки, которые ему довелось прочесть. И получилась бы одна скука. Читаешь современную пролетарскую поэзию, — как сильно чувствуется в ней Верхарн, Уот Уитмэн, Бальмонт. Почему эта поэзия говорит чуждым языком далеких французских и американских поэтов, вычурным языком русских модернистов? Почему не пытаются говорить поэты своим собственным языком,— энергичным и простым языком, каким говорят и выражают свои чувства русские рабочие, — живые русские рабочие нынешнего времени?

Многому приходится учиться художнику. Приходится ему учиться говорить собственным языком, — приходится также усердно учиться смотреть собственными глазами, слушать собственными ушами. Как это ни странно, но часто требуются долгие усилия целых поколений, чтоб дать себе отчет в том, как мы что-нибудь в действительности видим. На картинах итальянских художников кватроченто мы часто встречаем изображение какого-нибудь святого или святой, сидящих у открытого окна. В окно виден далекий пейзаж, — горы, деревья на горах, домики. И что-то в этом пейзаже есть странное, наивно-неверное, в чем вы себе сначала даже не можете дать отчета. И вдруг вы улавливаете причину: на этих далеких, за версту от зрителя деревьях тщательнейшим образом выписан каждый сучок, каждый листочек, птичка, сидящая на дереве, на окнах домиков и церквей нарисованы все перекладинки на рамах. Но ведь в действительности человек не в состоянии видеть всего этого издали. А художники того времени этого не замечали, не замечали и дымки, окутывающей далекие предметы. И воображали, что пишут так, как видят. Посмотрите вообще на картины, изображающие быстро движущиеся предметы, — скачущую в карьер лошадь, рукопашную схватку, мчащийся поезд. Вы чувствуете, что художники и до сих пор не сумели

по-настоящему *увидеть* движения, поймать его характерные особенности. Придет большой художник, увидит это, покажет, — и тогда нам так же будет смешно смотреть на современные изображения скачущих лошадей и боевых схваток, как смешно смотреть на тщательно выписанные детали далеких предметов на картинах старых мастеров.

Искусство видеть и слышать состоит в том, чтобы суметь поймать, как вы в действительности видите и слышите, а не как, по вашему предвзятому мнению, выглядит или звучит данный предмет. Например. Пред вами только что вспаханное поле, за ним — ярко золотая вечерняя заря. Вы знаете что земля—черная, вы так и напишете: «над черною пашнею золотая заря». И этим вы покажете, что не умеете видеть: под золотою зарею пашня имеет определенно-лиловый цвет, а не черный. Вы сидите на платформе станции, и мимо вас, свистя, проносится маневрирующий паровоз. Вы пишете: «паровоз с ровным свистом пронесся мимо». Вы не сумели услышать: ровно свистящий паровоз, проносящийся мимо вас, свистит для вашего уха вовсе не ровно: тон его свиста, по мере приближения к вам, непрерывно повышается, достигает, проносясь мимо вас, наибольшей высоты и затем опять становится все ниже и ниже.

Вы подробно описываете сановного старичка в отставке на великосветском собрании, — какого цвета у него глаза, волосы, как он одет, как ходит, как самодовольно острит. Но действительно ли всеми этими неопределенными признаками запечатлелся в нашем восприятии старичок? Или было в нем что-то особенное, характерное, чего вы не сумели заметить? Приходит настоящий художник и дает всего два-три штриха:

Тут был, в душистых сединах,
Старик, по старому остривший,—
Отменно тонко и умно,
Что ныне несколько смешно. *(Пушкин).*

И весь старик перед вами живет. Художник сумел увидеть его, сумел выделить в своих впечатлениях от него то, что его отличало от всех других гостей. В чеховской «Чайке» начинающий писатель говорит о беллетристе Тригорине: «У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса, — вот и лунная ночь готова. А у меня,—трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Как это мучительно».

Я прихожу к концу своей лекции, — а ничего не говорю о том, как нужно писателю писать. Нужно быть самим собою, нужно быть правдивым и искренним, нужно развиваться и расти нравственно, нужно уметь видеть и слышать. Теперь скажу еще два слова о стиле. У каждого писателя есть, и должен быть, свой стиль... Ну, уж тут-то, кажется, придется, наконец, услышать о том, как нужно писать, как вырабатывать свой стиль... Нет. Никакого стиля вырабатывать себе не нужно. Опять-таки: нужно только думать своими чувствами, видеть своими глазами, — и стиль придет сам собою. Интересно в этом отношении мнение двух таких

выдающихся мастеров стиля, как Шопенгауер и Флобер. «Слог есть только силуэт мысли,—говорит Шопенгауер.—Неясно или плохо писать значит сбивчиво или смутно мыслить». Почти теми же словами говорит и Флобер: «Чем прекраснее мысль, тем звучнее фраза, будьте уверены. Определенность мысли вызывает,— и есть сама по себе,— определенность слова. Если вы точно знаете, что вы хотите сказать, вы это скажете хорошо».

Искусство писать?.. Нет никакого искусства писать. Упомянутый уже умный французский критик Реми-де-Гурмон великолепно говорит по этому поводу: «Нужно спросить себя: как я это чувствую, как я вижу? И не заботиться ни об эллинах, ни о римлянах, ни о классиках, ни о романтиках. Писатель, когда пишет, не должен думать ни о своих учителях, ни даже о своем стиле. Если он видит, если он чувствует, — он скажет что-нибудь... Истинная проблема стиля есть проблема физиологии. Мы пишем, как мы чувствуем, как мы думаем, — всем нашим телом. Бюффон сказал: «стиль—это сам человек». Он был человеком науки. Это—слово натуралиста, который знает, что пение птицы обусловливается формою ее клюва, положением ее языка, диаметром горла, емкостью легких... Искусство писать есть искусство видеть, есть искусство чувствовать, всеми своими органами, всеми нервными окончаниями, и ничего больше.

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО.

И. Н. Кубиков.

В сокровищницу русской литературы Короленко войдет нетленной ценностью, как дивный художник слова и как великий писатель-гражданин.

Писатель-художник воспринимал всю красоту звуков и красок мира, но вместе с тем видел и все безобразие, всю дисгармонию в отношениях человеческих. А потому часто писатель-общественник приходил на помощь художнику-созерцателю и своим активным вмешательством в жизнь стремился уменьшить огромность царящего в мире зла.

Яркая писательская индивидуальность Короленко слагалась из тех переживаний, которыми полна его юность. В этом смысле «История моего современника» дает ценнейший материал. Красота звуков и красота природы сливаются в одно целое.

В яркий солнечный день кузина играет пьесы из своего небогатого репертуара: «Песня без слов», «Молитва девы», «Полонез Огинского», шумки и думки польско-украинских композиторов.

«Звуки, полные то беспредметной страсти, то неоформленных истерических воспоминаний, то мечтательного томления, рвутся из комнаты, веют над цветами, вьются, носятся, гаснут над истомленным садом.

Я слушаю их с наслаждением странным, томительным, жутким. Они рождают в груди ощущение, которое ищет выхода, порывается куда-то далеко за этот круг цветов и сирени, куда-то вдаль...»

Последний экзамен. Ощущение свободы. Юный Короленко сидит у учителя Андрусского, и тот вместе со стаканом чая протягивает ему «Голос» с отчетом по нечаевскому процессу. И грозным напоминанием об общественной дисгармонии звучит отрывок из прокламации: «развив наши мозги на деньги народа, вскормленные хлебом, забранным с его поля,—станем ли мы в ряды его гонителей». Эта прокламация производит на Короленко «опьяняющее впечатление».

Таково действие пламенных слов. А далее идет действие фактов жертвенного порыва. В Петрограде юноша-Короленко попадает на квартиру, где простодушная хозяйка рассказывает о рабочем пропагандисте, который жил ранее в его комнате и которого арестовали. И вот здесь, в его бывшей комнате, Короленко вспоминает о нем с интересом и сочувствием и вдыхает «ту же атмосферу неопределенной манящей мечты».

Из этих двух элементов и слагается творчество Короленко. С одной стороны, яркое восприятие всей красоты мира, с другой—лучших человеческих чувств. Когда мы проникаемся страницами этого порядка, тогда готовы вслед за безруким из рассказа «Парадокс» сказать: «человек создан для счастья, как птица для полета». Но когда перед нами возникает весь ужас, вся неправота человеческих взаимных отношений, хотя бы, напр., в сибирских рассказах, — тогда мы припоминаем вторую часть формулы героя того же рассказа: «только счастье не всегда создано для человека».

И тогда перед нами Короленко—трибун, Короленко—защитник темных и забитых жизнью людей. Таков он уже в первых ярких произведениях. Когда маленькая девочка Маруся умерла от серого камня, то герой рассказа и его сестра Соня ходили к ней на могилку и давали обеты. Какие это были обеты? Конечно, обещания бороться за тот строй, при котором не будет этих детских неповинных страданий.

Трибун человечности выступает перед нами уже в «Сне Макара», ибо сам якут в действительной жизни остается темен и безгласен. За него говорит Короленко защитительную речь перед лицом Тайона. И эта речь стремится вызвать в нас прежде всего жалость и сострадание.

Этими чувствами проникнуты и его любимые герои. «Убивец» топором поражает на-смерть своего разбойника-хозяина от великой жалости к беспомощной женщине и ее двум малюткам. Поляк-ссыльный Игнатович (в рассказе «Мороз»), с его исключительной любовью к животным, не мог равнодушно вспомнить о замерзшем человеке, и погибает сам, казня в себе «подлую человеческую природу». По какой-то иронии судьбы Короленко, так жаждавшему гармонии во всем окружающем мире, суждено было видеть исключительный мрак и хаос сибирской жизни. Если Европейская Россия молодости Короленко была страной бесправия, то Сибирь была просто страной, отданной как бы на откуп чиновным и иным ворам

и грабителям. Отсутствие каких-либо гражданских прав и личной безопасности давало удручающую картину жизни, при которой человек человеку—волк в подлинном значении этого слова. Короленко дает нам яркую картину этого взаимного озверения — в особенности в рассказе «Черкес» и «Убивец». В рассказе «Марусина заимка», полном поэзии, картины почти идиллические сменяются картинами ужасов звериного отношения человека к человеку. Злая дисгармония жизни разбивает эту неистребимую в душе писателя потребность ритма и порядка в мире и человеческих отношениях. Слепые старик со старухой — несчастные и бездомные — ходили по богатым якутам и зарабатывали пропитание помолом зерна на ручных мельницах, «на каких, вероятно, мололи еще рабыни Одиссея». Этой работой они долго копили себе деньги, чтобы купить теплые шубы на зиму и на старость. И эти сокровища, скопившиеся после стольких лет тяжелого труда, у них украли из амбара якуты. «Теперь они шли по улице, озябшие и несчастные. Слезы текли из слепых глаз старухи и замерзали на лице. Старик шел с какой-то горестной торжественностью и, постукивая палкой по мерзлой земле, поднимал лицо высоко, как будто глядя в небо слепыми глазами». Но татарин Абрам, желая сокрушить обличительное настроение писателя, несколько дней спустя показывает ему вора, тощего, как скелет, татарина, имеющего четырех детей, на лице которого «голод и застывшее отчаяние». И как бы для полноты картины хаос в отношениях людей подкрепляется хаосом в окружающей природе. «Тот вечер,—пишет Короленко,—я возвращался домой весь под впечатлением слепого горя обкраденных стариков. Ночь спускалась ненастная и бурная. Кругом юрты все гудело, над крышей отчаянно бился хвост искр и дыма, которые ветер нетерпеливо выхватывал из трубы и стлал по земле... Кругом бесновалась какая-то волнистая муть... А где-то плачут двое обездоленных стариков, и на много верст кругом раздаются бессмысленные вопли и не менее бессмысленные выстрелы испуганных людей... И я стою здесь среди метели... Я не пловец в этом море, моего места нет в этой борьбе; я здесь не умею ступить ни шагу. И казалось мне, что нигде, во всем этом затянутом метелью, беззащитном мире нет никого, кто встал бы смело и открыто за свои права...»

Но стоит только писателю отойти от этих ужасов жизни, — при малейшей возможности хотя немного отдышаться, присущая Короленко жизнерадостность берет верх. Тюлин, с его безмятежным ощущением полноты жизни, оттого так и мил сердцу Короленко, что он отвечает на его потребность видеть душевно-уравновешенных людей.

Герой рассказа «Не страшное» передает сцену свидания Гаврилы и Елены, проникнутую лаской и всепрощением. «И показалось мне, — говорит он, — это необыкновенно светло и красиво. Стоит человек в центре своего светлого мира, где все у него устроено хорошо, т.-е. все отношения с землей и небом... Одним словом, такое это было успокоительное жилище, что я пришел к себе и первый раз после многих беспокойных ночей заснул, как убитый...» И далее Короленко говорит слова о хорошем человеческом счастье, исцеляющем и выпрямляющем душу.

Этот, если можно так выразиться, ритм в отношениях человеческих, вызывает у писателя тотчас же потребность ощутить эту гармонию в красоте мира. В третьей части «Истории моего современника» Короленко рассказывает о своем этапном приезде в село Березовые Починки. Когда крестьянин Гавря Бисеров почувствовал, что перед ним редкий человек,—он слез с полатей и заговорил «с каким-то величавым и приветливым видом». «А я слушал,—рассказывает Короленко,—точно очарованный». Он принял протянутую руку Гаври Бисерова, он пожал ее от души. И этот ритм сердечных взаимных чувств заканчивается рассказом о своих, вытекающих из этого чувства переживаниях: «помню, что на чистом небе сверкали яркие звезды, искрились пушистые снега, неопределенными пятнами темнели перелески... Невдалеке за «старицей» виднелся под темной полосой лесов одинокий то разгорающийся, то угасающий огонек лучины. Влево, в версте или полуторых, мигал другой, и я представлял себе, что там живут такие же простые и добрые люди, умеющие при случае говорить такие хорошие величавые слова, как Гавря Бисеров».

Но если нет гармонии в отношениях человеческих,—тогда надо уйти в мир мечты или слиться с окружающей тишиной природы. «Меня всегда тянет,—откровенно признается писатель,—на уездные тракты и проселки, по которым так привольно, так мягко итти с котомочкой за спиной, или к мелким речкам с их тихой красой, с их лесами и неожиданностями» («В пустынных местах»). Людская жизнь так редко дарит красивыми мгновениями. Там надо писателю с пером в руках выступать против ее темноты и жестокости. Надо защитить несчастных вотяков от навета в человеческих жертвоприношениях, надо выступить против жестокого царского сатрапа Филонова—убийцы сорочинских крестьян. Ведь самые факты сорочинских злодеяний «мучат, терзают, доводят до отчаяния, обесценивают жизнь, отравляют чуткие совести сознанием бесправия».

Но может ли человек с совестью, отравленный сознанием бесправия, уйти надолго в этот мир красивых звуков, красок и молитв? Нет, не может. И в этом—душевная драма людей типа Короленко.

Вспомним рассказ «Смиренные». В деревне Колотилове корреспондент Бухвостов увидел сумасшедшего человека, десять лет прикованного к цепи. При чем на это явление уже давно равнодушно смотрят окружающие деревенские обыватели. Бухвостов взволнован и возмущен — «он знал, что ему не будет покоя». При таких условиях слабеет чувство восприятия красоты мира. «Хотя ночь была чудесная,—такая, которая способна взять у человека все его невзгоды и заботы, усмирить тревогу в душе, покрыть всякую боль дыханием своей спокойной красоты, но он чувствовал, что даже ей не победить неопределенной тревоги, которая торчала в ней настоящей занозой».

Было бы, конечно, ошибочно думать, что это исключительная способность восприятия красоты может окончательно исчезнут у излюбленных героев Короленко. Нет, — она может замереть, но при первой возможности мерцает вновь тихим светом, которым был полон сам Коро-

ленко еще в юности. Гамалиот—революционер и отважный боец. Но он, вместе с тем, и натура родственная Короленко. Рассудком Гамалиот прекрасно понимал, что война еще впереди, что римский орел собирается расправить когти. И все-таки после победы и отступления угнетателей, «смотря на багрянец заката и на синее небо, он плакал, потому что ясное небо говорило ему о вечном законе мира, а его сердце жаждало мира на земле, отвращения от крови и брани. И казалось, он смягчается от ласкового дыхания кроткой зари... Гамалиот на минуту забыл о всех ужасах жизни, над ним пролетел «тихий ангел забвения», и, вздохнув полной грудью, он сказал: «люди должны быть братьями, а божий мир хорош»...

Эти строки говорят нам об исключительной жажде гармонии мира: «божий мир хорош», а потому люди должны быть братьями. Но человечество еще в периоде обостренной борьбы классов, еще угнетатели не отступили. Ведь это только в сказке «Судный день» (Иом-Кипур), с таким дивным лирическим гимном ясной ночи, нежный, мечтательный Короленко изображает нам мельника, которого взял чорт-Хапун и который после всех приключений отказался брать проценты, перестал содержать шинок для спаивания ближних и женился на бедной молоденькой, обманутой им Гале. В жизни совсем другое. Когда эта жестокая жизнь камнями своими вопиет к небу, — тогда волнующий душу художник-публицист ведет нас в одну из кишиневских улиц, в дом № 13, и показывает кромешный ад, царящий на земле. Даже царское правительство смутилось от этой статьи Короленко, — оно запретило ее, и очерк «Дом № 13» появился за границей. Но даже здесь, в Кишиневе, Короленко отмечает крупицы человеческого милосердия. Рассказывая о громиле, отпустившем отца Хайки Берлоцкой, писатель говорит: «пусть этому человеку отпустится часть его вины за то, что хотя на одно короткое мгновение, среди этой тьмы исступленного зверства, он допустил в свою душу луч человеческой жалости, что страх дочери-еврейки за жизнь еврея-отца все-таки проник в его омраченную душу...»

Когда Короленко кончал свои наброски о кишиневском погроме, он получил известие о смерти местного кишиневского аристократа, нотариуса Писаржевского. Установлено было, что Писаржевский—наследственный алкоголик, что его угнетала перспектива суда и что он потерпел какую-то любовную неудачу. Но жаждущий гармонии в отношениях человеческих, писатель вопрошает: «все ли это?» Короленко хочется, чтобы это было не все. «Мне кажется, — говорит он, — я не унижу памяти несчастного человека, если предположу, что в том счете, итог которого сам он вывел на скамейке, могли участвовать еще некоторые цифры. Что на заре его последнего дня перед ним встало также сознание того, что сделал он, интеллигентный человек, по отношению к евреям, которых убивали христиане, и по отношению к христианам, которые убивали евреев». Здесь чувство писателя подсказывает разуму то, чего, быть-может, не было в жизни.

И понятно, Короленко не пропустит подлинного проявления пробудившейся человеческой совести. В очерках «Черты военного правосудия»

перед нами генерал Собакеев. Этот генерал должен был осудить невинного—юношу-рабочего Маниковского. Но больная совесть не давала покою. «Он не находил себе места и... вдруг его потянуло в крепость, в одиночку, где в это время метался в предсмертной тоске уже обреченный юноша». Он вошел в камеру и подал Маниковскому золотой пятирублевик: «вот, возьми; пощли телеграмму родителям, чтобы приехали с тобой проститься, а на остальные... на остальные купи себе лакомств». Это не помешало Собакееву председательствовать на суде, где юноша-рабочий с достоинством возвратил ему обратно пятирублевик.

«Люди должны быть братьями»... Но разумом Короленко понимает, что должное очень далеко от сущего. И настолько хорошо понимает, что в «Сказании о Флоре» он выступает адвокатом необходимого насилия.

Но есть два пути, по которым человек приходит в один и тот же Рим великой борьбы за правду.

Задавленные деспотизмом представители трудовых слоев народа и прежде всего передовые элементы рабочего класса йдут от великого угнетения, а следовательно, прежде всего, от великой ненависти к угнетателям. Идя от этой ненависти, они приходят к великой любви ко всем страждущим.

В сердце Менахеме — героя «Сказания о Флоре» — любовь и ненависть горели вместе, как яркое пламя. Но в жизни может преобладать или то, или другое, часто не создавая равновесия.

Для людей, испытавших на себе гнет жизни и прозревших, будет ближе первая часть формулы Менахема: «любовь была пламенем, а ненависть—ветром. Ибо по мере того, как ненавистный гнет усиливался, Менахем отдавал свое сердце народу,—сердце, горевшее любовью». Но если взять в целом облик Короленко, то для него ближе другая часть формулы Менахема: «если же сравнить ненависть с пламенем, то любовь была бы ветром, потому что *от любви к угнетенным разгорелась ненависть к угнетателям*».

«У меня темперамент не активного революционера, а скорее созерцателя и художника», заявляет писатель в своей автобиографии. Это не помешало ему, — если мы вспомним отказ от присяги, — при варварском режиме царей быть человеком исключительного мужества.

Борец, вышедший из народных низов, или даже рядовой представитель трудовой массы—идут не от любви, а прежде всего от великой ненависти к угнетателям. Исторически это неотвратимо и неизбежно, ибо прав поэт: «порабощенье, как зло за зло, всегда влекло ожесточенье». Этого ожесточенья нет и не может быть у человека, пришедшего в мир борьбы не от угнетенья, а от любви к людям, как исходного пункта своего умонастроения. Все это мы говорим вовсе не для того, чтобы сказать: это лучше, а это хуже, а чтобы понять трагическую неизбежность односторонности того и другого.

Правда, со всей чуткостью исключительно душевно одаренного человека, Короленко понимал закономерность этой острой ненависти. Судьба послала ему однажды случай пережить самому этот исклю-

чительный момент унижения человеческого, который он запомнил навсегда. Он был голодным студентом и пошел, по примеру своего товарища, продавать почтовую марку «толстому купчине». Тот смерил его с головы до ног и при покупателях сказал: «не надо-с, не требуется, господин студент... мы марочки покупаем в государственном почтамте-с, а отнюдь не у голодных студентов». Рассказывая об этом, Короленко вспоминает: «ненависть к этому «пауку» так воодушевила меня, что я не заметил, как прошел длинный путь до нашей мансарды».

Но те, которые были унижены и раздавлены, ведь они не переставали воодушевляться этой ненавистью, ибо злая жизнь их пригнетала к земле. Сорочинский крестьянин с удовольствием говорит о смерти убитого советника Филонова: «у меня ноги не ходят, а *он* не глядит на Божий свет»... «Таков, — говорит Короленко, — результат двух факторов: стояния на коленях и чувства мести за безнаказанные насилия».

Но чувство писателя опрокидывает доводы рассудка. В очерках «В пустынных местах» мужик Ефрем—талантливый сказочник передает, как вахлак женится на царской дочери, с которой не церемонится. «Собирается он навестить в деревне своего брата... Царь-тестюшка приказывает запрячь золотую карету: «Не надо, — говорит, — пешком пойду! Жена, проводи меня за околицу!» И царевна не смеет ослушаться и покорно следует за мужем. Вышли за околицу... Вахлак хлопнул ее по бедру, сказал слово... и стала из царевны кобыла. *Радостный* смех опять отдается от берега, покрывая ленивое шлепанье парохода... Слушатели восхищены тем, что царская дочь везет вахлака».

Таково настроение мужиков-слушателей, правдиво переданное писателем.

Иначе отражается эта сказка в самом Короленко. «И может-быть, один я, — говорит он, — думаю о судьбе царской дочери: бедная царевна, бедная суженая героя народной сказки... Не сладко, должно-быть, утешать удачливого вахлака Иванушку»...

В первом примере, т.-е. в радостном смехе мужиков перед нами ярко выраженное законное чувство долго угнетаемых людей, во втором—переживания борца за правду, пришедшего к этой правде от великой любви к людям.

Эта же самая антитеза перед нами проходит и в одной из глав последнего тома «Истории моего современника».

После убийства Александра II, Короленко припоминает о том, как он видел царя, проехавшего в коляске по улицам Петрограда. «В нем не было уже ничего, напоминавшего величавые портреты. Лицо было «отекшее, изборожденное морщинами, нездоровое и... несчастное».

Короленко не закрывает глаз на злодеяния царя Александра. Он говорит о том, что в нем была фамильная жестокость Романовых. Ни разу не промелькнуло с его стороны желание смягчить суровость казней и репрессий по отношению к своим противникам. Так говорил разум писателя. А чувство продолжало: «и все-таки из-за этих действий царя, попав-

шего в руки неумных и злобных сатрапов, в моей памяти вставало жалкое лицо несчастного старика»...

Иначе реагирует на смерть царя рабочий Башкиров, которому Короленко сообщил о цареубийстве. «Этот дюжий и простодушный человек сразу поднялся на ноги и, инстинктивно повернувшись к иконе, осенил себя широким, радостным крестом». «Я вспомнил, — продолжает Короленко, — озлобленных ходоков в Починках, вспомнил предсказание Санина и наверное радость этого богобоязненного крестьянина, когда мрачное предсказание сбылось».

Так поэт великой любви, понимая неизбежность великой ненависти, жаждет великого примирения, невозможного, пока человечество раздирается классовыми противоречиями, пока существует гнет и насилие.

Но эта жажда мировой гармонии, при которой «народы сойдутся на праздник братства», никогда не покидала писателя. Он не уставал верить в то, что наступит момент, когда гармония в природе и гармония в жизни сольются в один общий радостный ритм жизни, освобожденной от гнета и страданий.

И в этом смысле В. Г. Короленко является апостолом грядущего общечеловеческого братства.

ИЗ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ [1]).

Мих. Павлович.

I.

Если верить фон Дрейеру, автору лежащей перед нами книги, главным виновником поражения белой армии в борьбе с советскими войсками был главнокомандующий добровольческой армии генерал Деникин, не желавший согласиться с планом Врангеля, который считал единственным правильным операционным направлением для белой армии направление на Царицын и вдоль Волги на соединение с Колчаком.

Операционное направление Харьков — Москва Врангель считал гибельным для белой армии и неоднократно писал об этом главнокомандующему. Но «упрямый» Деникин оставался глух ко всяким доводам. Он предоставил Колчака собственной судьбе, и вместо того, чтобы итти на соединение с последним, оставил без всякого внимания важнейшее в то время направление на Царицын и вдоль Волги и все свои помыслы обратил на расширение территории к северу. Результатом этой ошибочной

[1]) *В. фон-Дрейер:* «Крестный путь во имя родины». (Двухлетняя война красного Севера с белым Югом 1918—1920 г.). Типография «Неойе Цейт». Берлин — Шарлоттенбург. 1921. Стр. 154.

стратегии было то, что X Красная армия полковника Генерального Штаба фон Клюева двинулась от Царицына на запад *во фланг и тыл* добровольческой армии и к середине апреля своими передовыми конными частями была всего в 11 верстах от Ростова. Правда, X армия была отброшена от Ростова, но в общем «ошибка, допущенная Деникиным в оценке главнейшего операционного направления, оказала свое роковое влияние на весь ход гражданской борьбы. Колчак потерпел поражение, подходя к Волге; не поддержавший его Деникин разделил ту же участь позже, под Орлом». (В фон Дрейер, стр. 14).

Согласно изложению фон Дрейера, добровольческая армия своими победами обязана прежде всего Врангелю.

Операция Врангеля у р. Хрупа (15 окт. 1918), говорит автор, поведшая к очищению от красных всего левого берега р. Кубани, взятие Ставрополя (12 ноября), Минераловодская операция (декабрь 1918), и т. д.,—«вся эта кампания Врангеля на Кубани, Тереке и под Ставрополем, известная в истории добровольческой армии под именем 2-го Кубанского похода, привела к торжеству белого оружия на всей территории Северного Кавказа и имела последствием усиление деникинской армии. После этих врангелевских «побед» в ряды войск Деникина стали стекаться не только казаки, но и все племена свободолюбивого Кавказа. Русские патриоты, бросая все, рискуя жизнью, рвались на юг из Советской России, чтобы стать плечом к плечу с деникинскими добровольцами. Росла армия, росли надежды, создавалась растоптанная государственность».

В результате этой победоносной кампании Врангель в конце декабря 1918 г. был назначен командующим Кавказской добровольческой армией. Но в январе 1919 г. Врангель заболел сыпным тифом и только в середине апреля вернулся к войскам. За это время положение белой армии ухудшилось. Крымская армия ген. Боровича была вытеснена из Крыма. Кавказская добровольческая армия, которой за болезнью Врангеля командовал ген. Юзефович, вела тяжелые бои в Донецком угольном бассейне и, казалось, готова была сдать. Донцы, державшие фронт по Донцу и Дону против IX Красной армии, стояли неподвижно. На правом фланге добровольческой армии и в ее тылу, благодаря прорыву X Красной армии, подошедшей своими передовыми конными частями в середине апреля к Ростову, положение было еще хуже.

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, Врангель подал Деникину рапорт (от 4 апреля), где доказывал, что: 1) при огромном превосходстве сил противника, действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны; 2) необходимо нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении и 3) *таким направлением может быть только направление на Царицын* (курсив наш *М. П.*).

Деникин как будто согласился с точкой зрения Врангеля. 8 мая, после взятия белыми станицы Великокняжеской, все войска Манычского фронта были объединены под общим командованием Врангеля и составили новую Кавказскую армию. Деникин, по взятии Великокняжеской,

в директиве своей от 8 мая кратко указал: «генералу Врангелю овладеть Царицыном».

После трехнедельного похома, пройдя около 300 вертт, Кавказская конная армия подошла 1 июня к передовым позициям Царицына. После двух неудачных попыток овладеть Царицыном (1 и 16 июня), армия Врангеля, наконец 18 июня ворвалась в Царицын. Значительную помощь белым оказали английские танки, находившиеся под командой майора английской службы Брусса.

19 июня в Царицын прибыл Врангель, а 20-го в экстренном поезде приехал Деникин со штабом, в сопровождении французского атташе, и в тот же день подписал новый оперативный приказ — исторический документ, получивший в добровольческих кругах, название «Московской директивы».

«В этом приказе,— говорит фон Дрейер,— ярко сказалось все военное дарование Деникина, его необыкновенная самоуверенность и *непонимание всех размеров гигантской работы, предпринятой красным командованием внутри России и в его, Деникина, тылу* (курсив наш *М. П.*).— «В этой безграмотной, в военном отношении, «Московской директиве» преданы забвению все принципы стратегии и существеннейший из них— сосредоточение сил в одном главном направлении. Деникин буквально повторил известного австрийского военачальника Вейротера: «Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert» и т. д.» (В. фон Дрейер, стр. 28).

Вот начало этой директивы:

«Вооруженные силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний: Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1) Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов—Ртищево—Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее: Нижний-Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2) Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин—Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов. Рязань и б) Н. Оскол, Елец, Волово, Каширa.

3) Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада — выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав—Брянск»...

Фон Дрейер в своей книге крайне резко, не жалея красок и слов, критикует эту директиву и видит в ней чуть ли не главную причину поражения белой армии. Он цитирует рапорт Врангеля от 9 дек. 1919 г., где противопоставляется стратегия красных стратегии Деникина.

«Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми...

Между тем, в противоположность нам, *большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага.* В то время, как продвижение Кавказской армии к Саратову создало угрозу коммуникациям Восточного большевистского фронта, красное командование спокойно смотрело на продвижение наших сил к Курску и Орлу и неукоснительно проводило в жизнь план сосредоточения ударной массы в районе Саратова, с тем, чтобы, обрушившись на ослабленную тысячеверстным походом и выделением большого числа частей на добровольческий фронт Кавказскую армию, отбросить ее к югу.

Лишь после того, как остатки Кавказской армии отошли к Царицыну и окончательно обескровленные потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцию, — красное командование, сосредоточив силы для прикрытия Москвы, начало операции против добровольческой армии, растянувшейся к этому времени на огромном фронте при полном отсутствии резервов, и, обрушившись на нее, заставило ее катиться назад.

Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, *принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью* [1]).

Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что зацепиться».

Однако, из документов, опубликованных в самой книге фон Дрейера, явствует, что причина поражения белой армии заключалась, прежде всего, не в ошибочной стратегии Деникина, и не в том, что главнокомандующим белых войск был Деникин, а не Врангель.

В письме Врангеля Деникину, написанном в марте 1920 г., мы читаем следующие строки:

«Еще в то время, когда добровольцы победоносно продвигались к сердцу России, и слух ваш уже улавливал перезвон московских колоколов, в сердца многих из ваших помощников, закрадывалась тревога. *Армия воспитанная на произволе, грабеже и насилии, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска,—такая армия не могла создать Россию.*

Не имея организованного тыла, не подготовив в тылу ни одной укрепленной позиции, ни одного узла сопротивления и отходя по местности, где население научилось ее ненавидеть, добровольческая армия, начав отступление, стала безудержно катиться назад.

По мере того, как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность нашей политики и нашей стратегии, русское общество

---

[1]) Курсив везде наш *М. П.*

стало прозревать. Все громче и громче стали раздаваться голоса, требующие смены некоторых лиц командного состава, предосудительное поведение которых стало достоянием общества, и назывались начальники, имена которых среди общего развала оставались незапятнанными.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивши власть, окруженный бесчестными льстецами, вы уже думали не о спасении отечества, а о сохранении власти.

...Еще по занятии Царицына, когда я и бывший в то время начальником штаба моей армии генерал Юзефович предложили сосредоточить в районе Харькова крупные массы конницы, объединив их под моим начальством, вы на совещании высказали достойное вас предположение, что мы стремимся первыми войти в Москву».

II.

Если армия, воспитанная на грабеже, насилии, произволе, не могла создать Россию, спрашивается, какая стратегия, какие военачальники могли спасти такую армию от разгрома? И спрашивается, чем, как не перспективой грабежа и насилия, можно было привлечь тысячи людей под знамена Врангеля и Деникина, затеявших явно преступное дело и являвшихся агентами иностранных правительств, стремившихся к грабежу России и насилию над 150-миллионной страной.

Вот как сам Врангель характеризует белую армию в упомянутом выше рапорте главнокомандующему от 9 дек. 1919 г.

«Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все,—что не могло быть использовано на месте, отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки... Подвижные запасы войск достигали гомерических размеров, — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами... Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п...

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов...

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения»,—а с этим делом соприкасались все до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, — оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство... К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которых производилось на глазах всей армии.

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, настрадавшееся от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилий и произвола.

В итоге — развал фронта и восстания в тылу...»

Крайне любопытны характеристики целого ряда военачальников белой армии, которые были прославлены и в нашей белой и в иностранной печати, как выдающиеся полководцы. Вот как фон Дрейер характеризует одного из героев белой армии, пресловутого Шкуро.

«Партизан Андрей Шкуро, выдвинувшийся в чине есаула с начала гражданской войны своими налетами на слабо защищенные красными города Минераловодской группы, благодаря потакательству дурным инстинктам своих подчиненных, смотревший сквозь пальцы на грабежи и погромы, — пользовался большой известностью и сказочной популярностью. К нему стекались не только из тыла, но и дезертировали из других частей. Подчиненные ему войска, сперва полк, затем дивизия, позже корпус, зачастую делали превосходные дела, но, в конце-концов, разбогатев, совершенно развратились и стали небоеспособными. *В военном отношении, как крупный начальник, Шкуро был круглый нуль*».

С презрением отзывается Дрейер также о Май-Маевском, Мамонтове, герое пресловутого рейда по тылам Красной армии, Покровском и многих других генералах белой армии.

Документы, опубликованные в книге фон Дрейера, решительно опровергают общепринятое в белой литературе мнение, будто Красная армия всегда побеждала белую исключительно благодаря громадному численному перевесу на своей стороне. В донесении генерала Науменко генералу Улагою мы читаем: «Бегство не поддается описанию. Колонна донцов бежала, *преследуемая одним полком*, шедшим в лаве впереди конной колонны... Донские части, хотя и большого состава, но совсем не желают и не могут выдерживать самого легкого нажима противника *меньшего вчетверо числом*, не говоря уже о массовом наступлении противника».—«Разбогатевшая награбленным добром, особенно богатой добычей после кавалерийского рейда (Мамонтовского. *М. П.*), потрясенная беспрерывными неудачами конница совершенно не желает сражаться, и часто *несколько* эскадронов гонят целую дивизию» [1]) (стр. 56—57). Правда, в начале гражданской войны небольшие отряды офицеров неоднократно обращали в бегство более сильные численно отряды красных, но затем положение изменилось.

III.

Действительно ли барон Петр Врангель является таким убежденным патриотом, в отличие от Деникина мечтавшим лишь о благе и величии России, каким изображает его фон Дрейер.

О величии и благоденствии России барон Врангель менее всего думал. Он сознательно продавал отечество вначале английским, а потом французским захватчикам. В избрании Врангелем Царицынского направления, в качестве единственного признаваемого им правильным операционного направления, важнейшую роль, кроме элемента соперничества с Деникиным, играло желание сиятельного барона послужить верой и

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

правдой своему сюзерену, английскому королю, который, как представитель английской плутократии, был заинтересован в утверждении английской гегемонии на Кавказе. С этой точки зрения, *Царицын имел огромное значение для англичан, ибо*, как правильно подчеркивает фон Дрейер, *Царицын в руках Врангеля гранитной твердыней запирал путь «красным ордам» к Северному Кавказу, а стало-быть, и к нефтяным источникам в Грозном и Баку*, овладение которыми английские империалисты считали своей основной задачей в борьбе с Советской Россией. Вот почему англичане придавали такое значение овладению Царицыном и оказали такое содействие танками Врангелю во взятии этого города. На стр. 24-й книги фон Дрейер печатает фотографию английского танка с английской командой перед атакой царицынской укрепленной позиции и так описывает роль английских танков во взятии Царицына:

«Накануне боя английская команда инструкторов обратилась к командующему с просьбой оказать ей честь разрешить участвовать на одном из танков в штурме позиции. Врангель поблагодарил, и поручил общее управление всеми танками майору английской службы Бруссу.

Около 2 часов ночи танки двинулись вперед, в направлении на деревню Копани, раздавили проволочные заграждения и разошлись — малые вправо, большие, где находились англичане, — влево, расстреливая побежавшую в панике пехоту. Неприятельская артиллерия встретила танки огнем. Град шрапнелей и гранат рвался вокруг танков, засыпая их осколками. Много офицеров было ранено. Одному из англичан, капитану Волшу, снесло локоть. Но это не мешало танкам освобождать под огнем гусеницу от проволочной паутины, обвивавшей танки, как коконом, и повсюду итти впереди пехоты.

В 3 ч. 20 м. утра фронт у деревни Копани был окончательно прорван, и пехота, а за ней и кавалерия, устремились туда».

Какое значение англичане придавали взятию Царицына, с точки зрения своих захватных интересов, видно из того, что немедленно после этой победы в Царицын прибыл начальник английской миссии при Деникине — генерал Хольман. Он привез ордена, пожалованные английским королем Врангелю и всем особо отличившимся чинам *Кавказской* (курсив наш *М. П.*) армии.

По этому случаю был произведен парад войскам в присутствии англичан, участвовавших во взятии Царицына. После парада Хольман, возлагая на Врангеля орден, произнес следующую приветственную речь, которую приводит фон Дрейер и которую мы еще задолго до этого цитировали в нашей работе «Основы империалистической политики (лекции, читаные в Академии Генерального Штаба в 1918 — 1919 гг.):

«Ваше превосходительство! По представлению генерала Деникина, его величество король Англии соизволил наградить вас знаком отличия рыцарской степени высокочтимого ордена святого Михаила и Георгия.

Для меня большая честь иметь возможность вручить этот орден вам здесь, в присутствии храбрых войск, которыми вы так доблестно

командуете. Сожалею только, что расстояние лишает его величество возможности лично передать вам эти орденские знаки.

Его величество наградил вас этим орденом за храбрость и за блестящую *службу* во время войны.

В непоколебимой верности родине и союзникам, вы стойко боролись против немцев до победы над ними, и вы боретесь теперь также *стойко против нашего общего врага — большевизма*.

Прошу вас принять мои искренние поздравления. Надеюсь, что этот орден будет всегда напоминать вам, что британская армия следит с восхищением за вашими подвигами».

Вечером, после ужина в честь англичан, по кавказскому обычаю, произошел торжественный обмен оружием между Врангелем и Хольманом. Благодаря командующего за редкую кавказскую шашку в серебряных ножнах, глава английской миссии сказал, между прочим: «Я долго прожил в России до войны. Я люблю ваши степи, ваши долины, мне дорого ваше гостеприимство, ваша русская речь. Я уверен, что не долго то время, когда ваш народ сбросит с себя цепи большевизма и заживет новой свободной жизнью».

Итак, в *первый период своей работы на белом фронте барон Врангель находился «на службе» у английских капиталистов*. В этот момент верховным вождем врангелевской армии был не Колчак, не Деникин, а иностранный государь, в данном случае—английский король, от которого Врангель получал награды за верную «службу».

После того, как британский верховный комиссар в Константинополе от имени английского правительства известил главнокомандующего, что Англия советует ему прекратить безнадежную борьбу и, в случае согласия на это, готова вступить в переговоры с Советской властью, с целью обеспечить амнистию как населению Крыма, так и чинам добровольческой армии, самому же главнокомандующему и главным его сподвижникам она предлагает у себя гостеприимство,—*Врангель перешел на службу Франции*.

«В результате летом 1920 г., — рассказывает фон Дрейер, — появился акт глубокого значения — признание Францией правительства Юга России».

Официальное извещение об этом последовало в телеграмме 31 июля (13 августа), Российского поверенного в делах в Париже начальнику управления иностранных дел в Севастополе.

«Г. Мильеран только что известил меня, что Французское Правительство решило признать Правительство Юга России и намерено отправить в Севастополь дипломатического представителя». Подписана—Базили.

Главнокомандующим 2 августа была отправлена ответная телеграмма:

«Его превосходительству господину Мильерану, председателю совета министров, министру иностранных дел, Париж.

«В виду принятого Правительством Республики решения признать Правительство Юга России, считаю долгом, господин председатель

совета, принести вам горячую благодарность за ценное содействие, оказанное вами русскому национальному делу в минуту решительного испытания, когда все наши усилия направлены на выполнение задачи по восстановлению России на основе великих начал свободы и прогресса. Генерал Врангель».

С момента признания Францией Правительства Врангеля, положение его юридически резко изменилось, так как оно приобрело все права правительства самостоятельного государства.

В сентябре Французское Правительство командировало в Севастополь, на смену своего военного атташе, верховного комиссара, графа де Мартель, с чинами миссии и облекло его широкими полномочиями.

Приезд представителя Франции в Крым пробудили в правительстве армии и населения твердую уверенность, что со стороны старой союзницы России будет оказана всемерная и самая широкая помощь войскам, которая облегчит им предстоящую зимнюю кампанию. В 20-х числах сентября граф де Мартель, на торжественном приеме, устроенном донскими казаками главнокомандующему и французским гостям, произнес следующую речь:

«Господа казачьи представители! Я очень счастлив быть среди вас в столь важный и решительный момент вашей жизни и судьбы вашей страны. Франция была всегда другом России и теперь с чувством глубокой горечи она смотрит на эту великую, богатую и прекрасную страну, захваченную насилием горсти людей, ведущих ее к разорению.

Франция никогда не мирилась с большевизмом. Всегда она была во главе всемирного противобольшевистского движения и с радостью приветствовала восшествие правительства генерала Врангеля, который, при неимоверных трудностях, предпринял объединение всех энергичных людей для продолжения борьбы и обеспечения русским людям защиту их прав. Франция сознает, что если война против Германии закончилась победой, всеобщий мир может существовать лишь тогда, когда он наступит и в России, и большевизм, занесенный из Германии, будет выметен из Русской земли. Франция знает, что казаки были в авангарде в течение всей гражданской войны и продолжают эту жестокую и трудную борьбу против этого врага. Вы сражаетесь, чтобы вырвать миллионы русских людей, обреченных на смерть, которых горсть людей в своем эгоизме уничтожает безжалостно, с жестокостью неизвестной в истории, как она разрушила бы завтра Крым, если бы его территории не защищал энергичный главнокомандующий — рыцарь без страха и упрека, взявший на себя заботу охранения порядка, спокойствия и охранения прав каждого.

Я горячо желаю, чтоб ваша земля, еще занятая противником, скоро увидела бы то же. Вы выбрали единственно верный путь, объединившись в борьбе. Еще несколько усилий—и вы придете к цели: увидите ваши станицы и тихий Дон.

Питая надежду на скорое осуществление этого, я передаю вам пожелания Франции и братский привет ваших друзей и союзников, которые

не пожалеют никаких усилий, чтобы вам помочь, по мере возможного и до конца».

Франция снабжала Врангеля финансовыми средствами, оружием, открыла запись добровольцев на врангелевский фронт и отправила до 3.000 офицеров в армию Врангеля. Перекопский перешеек был укреплен при участии французских инженеров и снабжен французскими дальнобойными орудиями.

Французская печать утверждала, что Перекопский перешеек укреплен по последнему слову военной техники и никогда не будет взят Красной армией. Сильно вооруженный французский флот крейсеровал у берегов Крыма, чтобы помочь Врангелю не допустить высадки красных войск где-нибудь на полуострове. Наконец, когда красные войска прорвались через Перекопский перешеек, врангелевская армия была посажена на французские суда и отвезена в Турцию, где содержалась на французские средства. После разрыва с Врангелем французское правительство официально заявило, что содержание врангелевской армии в Турции обошлось Франции в 200 миллионов франков.

Ни одна из иностранных держав не оказывала такой активной и открытой поддержки Врангелю, как Франция. Мы видели, что французская республика была единственным государством, признавшим правительство Врангеля. В связи с этим признанием газета Герве «Виктуар» писала:

«Екатеринослав, Таврическая губерния и Донецкий бассейн—три области, имеющие мировое значение в производстве железной руды, угля и хлеба. *Это старая зона французского влияния, где на развитие промышленности затрачено не мало французских капиталов* [1]).

Если даже допустить, что приближение зимы помешает продвижению южной армии в Екатеринославскую губернию, две другие области, Таврида и Дон, сами по себе являются, с точки зрения экономической, не менее ценными, чем вся Польша.

Достаточно вспомнить, что все эти области богаты хлебом, углем, антрацитом и что все эти блага можно ежегодно вывозить в сотнях тысяч тонн.

Вспомним, что до войны Россия вывозила ежегодно во Францию $5^1/_2$ миллионов квинталов хлеба и что она добывала 33 мил. тонн угля».

Еще более ярко, чем подобные статьи, цели, которые преследовала французская буржуазия, поддерживая крымскую авантюру, выясняются из текста соглашения французского правительства с генералом Врангелем, опубликованного в «Дейли Герольд». Соглашение это было заключено, когда ставка на Колчака, Юденича и Деникина была окончательно бита, и поэтому Франция, понимая риск операции, поставила такие условия, на которые мог согласиться только такой человек, как Врангель.

Признание долгов с конверсией их на новый заем из $6^1/_2$ годовых сложных процентов с погашением в течение 35 лет—это основной пункт договора. Далее следуют всевозможные гарантии этого долга.

---

[1]) Курсив наш. *М. П.*

Все железные дороги и таможни Европейской России эксплуатируются Францией. Излишки хлеба Кубани и Украины, $^3/_4$ экспортируемой нефти и бензина, $^1/_4$ добываемого в Донецком бассейне угля,— все это должна будет получать Франция, которая прикомандирует к министерствам финансов и промышленности своих наблюдателей-чиновников. С своей стороны Франция обязуется всеми мерами содействовать свержению Советской власти, а после свержения последней — восстановить русскую промышленность и обмундировать русскую армию.

Таким образом, согласно тексту договора, будущая «Великая, неделимая Россия» должна была, в случае победы Врангеля, превратиться в колонию французского капитала и потерять даже ту тень независимости, какую она имела при царях.

Но, конечно, французские империалисты не удовлетворялись подобными соглашениями, сулившими французской буржуазии золотые перспективы в будущем. Французы платили Врангелю и требовали от последнего реальных услуг в настоящем. Натравив на Советскую Россию свою цепную собаку — шляхетскую Польшу, Франция предписала Врангелю перейти в энергичное наступление, чтобы отвлечь часть красных войск от польского фронта. И действительно, в момент нашей войны с Польшей Врангель, получив серьезную помощь от Франции деньгами, оружием, целыми отрядами офицеров и инструкторов, перешел в энергичное наступление против наших войск на южном фронте и помог польской шляхте, домогавшейся восстановления границ 1772 г., частично осуществить свои захватные планы.

«В трагический момент борьбы на западе, когда на Польском фронте произошел перелом в пользу большевистского оружия, Врангель отвлек на себя 63 пехотных и 32 конных красных полка, из которых более $^3/_4$ уже направлялись против поляков и с пути были повернуты на Крымский фронт.

Такая поддержка не могла, конечно, не оказать влияния на ход операций на Польском фронте, что скоро и сказалось в последовавшем наступлении польских войск. И не будь этой поддержки, Польше, быть-может, пришлось бы пережить не потрясение, а катастрофу и новое порабощение. *Здесь мы не намерены разбирать того, насколько был прав Врангель, помогая полякам, начавшим войну с Советской Россией за границы 1872 года*». (Фон Дрейер, стр. 137).

Эти выдержки не нуждаются ни в каких комментариях. Роль Врангеля, как наемного агента Франции, здесь выяснена рельефно.

IV.

Объективный вывод, к которому приходишь после ознакомления хотя бы даже только с материалами, опубликованными в книге фон Дрейера, этого сторонника Врангеля, может быть только один. Белая армия потерпела поражение в борьбе с Красной армией потому, что первая защи-

щала дело враждебное не только жизненным интересам 99 процентов населения России, но и интересам последней, как самостоятельного государства. Белая армия шла под командой Врангеля и Деникина не только для того, чтобы отнять землю у крестьян, но и для того, чтобы покончить с независимостью России, как самостоятельного государства, и превратить бывшую вотчину царей в колонию англо-французского капитала, в новую Оттоманскую империю. Понятно, что вести тысячи людей на такое преступное, изменническое дело могли только наемные кондотьеры, — в роде Врангеля, «алкоголики» — в роде Май-Маевского, «садисты»—в роде Покровского, грабители и бандиты—в роде Шкуро, недальновидные, «упрямые» «честолюбцы» — в роде Деникина, и другие герои белой армии, столь верные портреты которых нарисовал нам фон Дрейер в своей написанной во славу белой армии книге.

Красная армия защищала не только землю крестьян, не только право русских рабочих устраивать в своем доме, в своей стране жизнь по-своему. Она защищала честь и свободу многомиллионного народа, независимость социалистического отечества, отстаивая каждую пядь родной земли против покушений стервятников международного капитала. И вот почему, несмотря на все недостатки в своей организации, несмотря на помощь, оказанную белым армиям иностранными правительствами, обильно снабжавшими солдат Врангеля и Деникина танками, бронированными автомобилями, бронепоездами, обмундированием и т. д., несмотря на блокаду всей страны, на голод, разруху,—Красная армия через длинный ряд поражений пришла к конечной победе над наемными армиями Антанты.

ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ОБЫВАТЕЛЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Вяч. Полонский.

Он похож на человека, который всю жизнь играл в ералаш по половине копейки серебром.

Н. Чернышевский.

«Русский человек на rendezvous».

I. „Левый писатель из народа".

В книгах, которые пишут сейчас за рубежом нынешние наши эмигранты, есть одна черта, придающая этим книгам своеобразный интерес. Авторы их в той или иной мере исповедуются перед воображаемым читателем. Не то, чтобы они каялись в грехах да заблуждениях прошло-

го,—есть и это; но, рассказывая о пережитом, они вольно или невольно возвращаются к самим себе: говорят не столько о событиях, происходивших вокруг них, сколько о том, как они все эти события воспринимали. Такой характер мемуаров лишает их крупного исторического значения; фактическая история белогвардейскими мемуаристами извращается жесточайше; но зато придает им большую психологическую ценность. Перечитывая эти книги, знакомишься с духовным миром наших врагов, наблюдаешь картину их внутренней неустойчивости, духовного распада, полного бессилия, физического и морального,—всего того, что они хотели бы скрыть, но о чем говорят весьма красноречиво.

В этом смысле любопытна книга Ивана Наживина [1]). Прежде всего—Наживин *не деятель* контр-революции. Это «так себе», небольшой человек, писатель-народник, толстовец, «бывший интернационалист», как он себя называет. Он и писателем-то заметным никогда не был. И в плеяде последователей Толстого, никогда не блестевшей талантами первой величины, он не был среди крупных. Писал в свое время назидательные поучения, пережевывал изречения и мысли великого моралиста, ничего к ним не прибавляя своего, грешил посредственной беллетристикой, банальной и безуханной, как бумажные цветы—и очень доволен был тем, что он, Наживин Иван, вместе с Львом Толстым был «левым анархистом-идеалистом». Так бы и умер, исчез с лица земли этот самодовольный старичок, оставив лишь след в Венгеровском какомнибудь словаре. Но произошла революция. Наживин Иван оказался вышибленным из привычной колеи. Наживин Иван, который двадцать с лишком лет твердил зады великого учителя, вдруг, точно осененный, под влиянием обрушившихся испытаний, начинает «*пересматривать*» свое мировоззрение. На поверку вышло, что все, чем жил он, чему учил «народ», оказалось заблуждением, ошибкой, ложью, и сбрасывая, точно змея кожу, все свое прежнее толстовство, и идеалистический «левый анархизм», и «интернационализм», он наскоро обряжается в платье черносотенного монархиста, церковника, верующего, брызжет слюной в лицо своему «народу», провозглашает «осанна» жандармам,—одним словом, весьма неожиданно приобретает лик, который ему самому еще не очень давно казался зазорным.

Если бы такое превращение было его личным делом, забавным происшествием, случившимся с одним из бесчисленных Иванов, которых сколько угодно на нашей земле,—мы махнули бы рукой на столь чудесную трансформацию и прошли бы мимо. Но в том-то и дело, что процесс превращения народолюбивого толстовца в злостного реакционера, как он рассказан им самим, дает яркую картину для характеристики русского обывателя вообще,—того «среднего» человека, который никогда о политике не думал, заниматься ею не хотел и, вышибленный политикой из теплого гнезда, вознегодовал на причину, создавшую это беспокойство, и проклял поэтому революцию.

---

[1]) Иван Наживин. «Записки о революции». Вена. Изд. «Русь». Стр. 330.

Это ничего, что он такой серый, маленький и незаметный. Качества таких, как он, невелики, но численность их огромна. Это ведь они, обыватели, средние, рядовые люди, требовали во весь голос, чтобы революция разрешилась соглашением. Они не любят крайностей. Крайние мнения им не по нутру. Все то, что по середке, «ни туда, ни сюда», им особенно по сердцу. Целая эпоха нашего прошлого, эпоха «малых дел», несла на себе печать этих людей. Таковы вкусы их во всем: в политике и в литературе, в искусстве, науках и общественной жизни. Они не любят шума и страшно боятся переворотов. Быстроты они не выносят и с твердостью повторяют: «тише едешь, дальше будешь». Чураются новизны и превыше всего ставят привычное, старое, дедовское, обычное. Потихоньку да полегоньку, аккуратно и без торопливости, чтобы волки были сыты, и овцы целы, «не вдруг», а «семь раз примерь» и ни разу не «режь»— они всегда стремились к покою, к тишине, к мирному житию, и эволюционная постепеновщина всегда предпочиталась ими стремительности революции. Они любят, конечно, просвещение, но чтобы небольшими порциями; не прочь от реформ, но чтобы не сразу, и при этом с обязательными гарантиями насчет возможного беспокойства.

Они не лишены, конечно, сознания своих экономических интересов. Это их постепеновство, умеренность да аккуратность, пристрастие к мирным сделкам и любовь к покою—продиктованы были их классовым положением. Представители преимущественно средней буржуазии, люди свободных профессий, мелкие коммерсанты, не задававшиеся большими задачами, врачи и адвокаты среднего достатка, гимназические преподаватели,—они строили свои гнезда где-нибудь сбоку, в пристроечках больших чужих домов. Они имели источники своих доходов в чужих капиталах, и на стол их перепадали крохи с богатых столов крупных воротил. Потому-то чужое благосостояние было для них необходимостью. Жалованье, получаемое за честную службу у купца или фабриканта, доходы, извлекаемые из кармана состоятельного помещика, давали средства к жизни, не шикарной, но сытной, а главное, покойной. Не эксплуатируемые так, как эксплуатируется фабричный рабочий или деревенский батрак, не разоряемые так, как разоряется мелкий ремесленник или кустарь, не испытывая нужды, на какую обречен был малоземельный крестьянин,—эти люди среднего достатка, обеспеченных, небольших, но прочных доходов в своем сознании отразили эти черты своего промежуточного, среднего, несамостоятельного бытия. Они читали книжки и еще больше писали их, имели чувствительное, не озлобленное сердце, и любимым и самым почетным занятием большинства их сделалось сеять «разумное, доброе, вечное» *в пределах умеренности и аккуратности*. Возлюбя покой больше всего на свете, они из всех теорий выбирали наименее тревожные, из всех путей предпочитали самые мирные, из всех партий—менее активные, не ставившие никаких вопросов ребром. Они были сплошь народолюбцами, потому что как же иначе? Но они не были также врагами господствующих классов, и хотели примирить верхи с низами, хозяев—с батраками, эксплуататоров—с эксплуатируемыми. Это была

мелкобуржуазная идиллия, которая могла существовать лишь до той поры, когда вспыхнула революция. О том, что произошло с этими людьми, и рассказывает нам Иван Наживин.

Некогда, до революции, у него были кое-какие «идеи» насчет несовершенств существовавшего порядка. Он был чем-то недоволен, но недовольство проявлял по-«толстовски», не противляясь злому, а лишь пытаясь усовестить творцов зла. Что все это было словесным, поверхностным недовольством, «литературой», можно заключить по тому, что первые же известия о революции поселили в душе его смуту и беспокойство. Узнав о событиях—он жил в то время в деревне—Наживин пошел домой «полный самой тяжелой тревоги», а когда начались митинги, все зашумело вокруг него «недобрым» шумом.

«Недобрый» шум—это в эпоху февральской революции, когда овцы братались с волками, а революция не обнажила еще своего острия. После же октябрьского переворота, когда самая почва заколебалась и возникло величайшее беспокойство, отношение Наживина к революции стало определенно враждебным, ненавистным. Но любопытна здесь не его ненависть к источнику тревог и всяческих личных неудобств—обыватель, жаждавший тишины («оставьте все как есть, не тяните ни туда, ни сюда», когда-то вздыхал В. В. Розанов), не мог не вознегодовать на вихрь, с блеском и громом рушивший старые устои,—любопытно то обстоятельство, что первым движением его души было *уйти* от революции, *стать в сторонку* и смотреть. Он, видите ли, не мог «работать» с горлопанами и проходимцами, появившимися на сцене истории. Под флагом союза земельных собственников он выступать *мог*, но пойти рука об руку с мужичьем — у него не лежало сердце. Потому-то он «с первых же дней определенно отстранился от участия в этом кровавом водевиле, оставив себе скромную роль свидетеля событий». По его мнению, всякий серьезный человек вообще мог сделать одно: «плюнуть и отойти». И если мы захотим понять, откуда вдруг явилось в нашем незаметном герое столь величественное презрение к «общему делу», нам нетрудно будет выяснить это из его дальнейших признаний.

Он как-то мгновенно и неожиданно для самого себя почувствовал неодолимое презрение к массе, к толпе, к народу. Этот человек, долгое время с терпением дятла долбивший «о мужике», о долге интеллигенции перед народом,—лишь только этот мужик встал на ноги и передернул плечами—стал мужика презирать страшным презрением. Оказывается, все народолюбие Наживина существовало лишь в пору, когда он мог писать чувствительные книжки, получать за них «скромный» гонорар, собирать слезу умиления со своих почтительных, таких же, как он, народолюбивых читателей и слушателей. Наживину «народ» был нужен именно и только таким, каким он был при царизме: покорным, забитым, несчастным, опекаемым,—народ, который был достоин жалости. Он, Наживин, хотел

постоянно быть плакальщиком, печальником, опекуном народа. С того же момента, как «несчастный» решил послать к чорту опекунов, умостившихся на его шее—Наживин оскорбился и вознегодовал. Такое происшествие характерно не для одного Наживина. Не то важно, что мы имеем дело с толстовцем-народником. Подобный же перелом наблюдался и среди народников-эсэров. Мы помним статью Виктора Чернова об «охлосе» и «демосе». «Народ», эсэровский кумир, был «демосом», покуда ходил в эсэровской воле. Он превратился в «охлос»—лишь только захотел по своей, по мужицкой, воле пожить. В прежнее время Наживин всячески сопрягал свои «идеалы» (было уже давно отмечено, что обыватель очень любит слова «высокие и прекрасные») с идеалами народа. Нынче же он с бешенством говорит о «толпе», которая «захватала» какие-то большие «идеалы и лозунги» и тем самым опошлила их, лишив былой привлекательности. Оказавшись же в стране, где идеалы попали в руки «черни непросвещенной», наш «народник» затосковал. Когда-то, во дни оны, Наживин, вместе с другими, такими, как и он, меланхолически декламировал сентиментальные стишки:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего.

Нынче же—о!—вон из России, прочь от обезумевшей массы, которая не хочет внимать его словам и увещаниям. «И снова вспомнил я о милой Финляндии,—элегически записывает он,—где мы так хорошо жили во время первой революции. Правда, теперь революция гремела и там, но, во-первых, думалось, что в культурной стране она была не так глупа и безобразна, как у нас, а во-вторых, мы были бы там иностранцами и могли стоять от всего в стороне». *Они стояли бы там «от всего в стороне».* Этого не могли они делать в России, так как у себя, к сожалению, они не были *«иностранцами»*. До такого признания еще не доходил ни один из обанкротившихся русских интеллигентов.

Оторванный от массы, враждебный ей по настроениям, Наживин (мы его рассматриваем как тип) первое время не знал, куда ему кинуться, что предпринять. Он передает крайне любопытную картину своих размышлений по поводу участия в муниципальных выборах.

«За кого, в самом деле, голосовать мне на муниципальных выборах? За кадетов? Я не мог простить им их упорно-дарданельской политики, я не мог примириться с той поспешностью, с которой они перекрасились из партии монархической в республиканцев. За крайних левых я не мог голосовать потому, что от заборных обещаний их сотворить на земле рай в экстренном порядке определенно пахло шарлатанством. За промышленников? Прошлое не позволяло—оно тоже ведь обязывает... Да и ясно было, что большинство они не соберут. И все, что оставалось мне, это меньшевики, с которыми я никогда не имел ничего общего. И я подал за меньшевиков».

Политический межеумок—он нашел свою урну. Но, опустив в нее записку, он и здесь не был удовлетворен и радовался, когда меньшевики провалились.

Совершенно ясно, что человеку, которому мешало оставаться на родине то обстоятельство, что он не был в ней иностранцем, делать дома было нечего. Ненавидя всех и все, сознавая, что под прессом революции рушатся устои, с которыми связано было его личное благополучие, одинокий и беззащитный, он востосковал по начальству. Наживин передает одну сцену, происходившую в редакции «демократической» газеты «Власть Народа»,—сцену, мимо которой не сможет пройти будущий историк русской интеллигенции.

«Стали расходиться (из редакции «Власти Народа»). Уже простившись, от дверей, один из собеседников вдруг обратился к нам:

— Господа, а помните ли вы городового?

?!?

— ... Помните ли вы этого скромного труженика, который, часто с огромной семьей, жил в Москве на сорок рублей в месяц в одной тесной комнатушке, который за эти сорок рублей—один фельетон—...охранял наш покой днем и ночью, обмерзал на морозе, когда нужно, погибая от пули, и никогда не роптал?

— Помним...—отозвались задумчиво голоса.

— А помните ли вы, как в благодарность за все это мы называли его?

— Помним: фараоном.

— И что же, по совести: стыдно?

— Пожалуй, немножко и стыдно,—сказал кто-то один.

— И немножко нехорошо, и немножко слава Богу... Ну, прощайте, господа, и помните городового!»

Таковы «вехи» Ивана Наживина. От идеалистического анархизма и народолюбия (*«мы с Толстым»*, говорит он в одном месте) в объятия усатого героя с красными шнурками. Но это лишь начало метаморфоз нашего «левого писателя из народа». После приведенных строк читатель уже не будет удивлен, когда узнает, что по въезде Наживина в Ростов (он, конечно, эмигрировал, получив от Советской власти все необходимые документы) наш «бывший интернационалист» «не без удовольствия» увидал первых жандармов, «вежливых и исполнительных, как в старину». Он мог чувствовать себя счастливым: под ногами его была почва, где на страже его покоя стояли жандармы.

Но читатель жестоко ошибется, если подумает, что, перебравшись к белым, Наживин перестал быть человеком, которому хочется быть в своей стране иностранцем. Белые ему были близки духовно. Их дело было его делом. Возврат к старому, разрушенному и растревоженному покою больше всего улыбался его сердцу. Но, очутившись в районе добровольческой армии, он нисколько не преобразился. Само собой разумеется, он занялся распространением небылиц про Советскую Россию. За неимением других предметов для вывоза, эти «продавцы врак» вели

крупную экспортную торговлю ложью. Но так как одним враньем прожить было трудновато, приходилось в качестве дополнительного средства к существованию «просить»—не милостыню, конечно, но всяческих услуг. «Попрошайничество»—не последняя черта в характеристике белой эмиграции. «Просил» он и в Советской России—и В. Д. Бонч-Бруевич, вероятно, не мало может порассказать о тех просьбах, которыми засыпали его «благородные рыцари» типа Ивана Наживина, столь гордо презиравшие власть захватчиков. Попав «во-свояси», Наживин попрежнему «просил». Очутившись на Украине, он с презрением третировал правительство Винниченко, но, между прочим, «решил обратиться с просьбой о помощи к председателю директории В. К. Винниченко». Увидев на вокзале салон-вагон военного министра, он пользуется случаем и обращается к часовому с просьбой (и взяткой), «нельзя ли как-нибудь нам пристроиться тут?» Выпросив телеграмму, чтобы ему оказывали содействие, он с телеграммой в руках упрашивает о содействии коменданта. Его принимают за члена директории и предоставляют ему всяческие преимущества («дорогу члену директории!»)—он не исправляет ошибки. Он «просит» при всяком случае — и даже французского часового упрашивает пропустить его детей вне очереди. Он жаждет удобств, привилегий,—этот «писатель из народа»—и то, что удобств он не мог найти и у белых, заставляет его искать новых мест, более благодатных. И когда всматриваешься в эти «искания» белогвардейского интеллигента, то видишь, что причиной его недовольства революцией, источником его ненависти были не столько какие-нибудь важные, принципиальные положения, сколько вот это лишение удобств, тепла, котлет — вообще *съедобного* в самом широком смысле слова. Не даром во всей белогвардейской мемуарной литературе лейт-мотивом проносится единодушный вздох: «Как мы раньше ели! Куда девались наши сытные обеды с аппетитной сервировкой и вкусным вином!»

Я нисколько не шаржирую. Мемуары проф. Донского, мемуары Зинаиды Гиппиус и многих других—это ведь сплошной плач о потерянных блаженствах чревоугодия. Котлеты!—вот фокус, в котором собрались вся тоска и все недовольство об утерянных привилегиях и разрушенных источниках дохода. И в поисках за «теплым» углом Наживин толкается в разные стороны. Прослышав, что в Сибири «жизнь налаживается скорей», он хочет «пробраться к Колчаку в Сибирь», мечтает о Крыме, но там «страшно дорого»—и, в конце-концов, естественным напрашивается выход: за границу!

Но Наживин—не просто обыватель, востосковавший по начальству. Он—русский писатель, и у него «все более и более» часто является мысль о том, что ему надо ехать, «чтобы рассказать там, что у нас происходит в действительности».

— Я сын мужика,—убеждает своего читателя Наживин.—Я левый писатель в течение больше двадцати лет, человек, ничем своей общественной репутации не запятнавший, я, следовательно, не менее, чем всякий другой, имею право выступить там, как представитель русской

демократии. Я, как демократ сам, совсем не думаю, чтобы демократия в новой России была сведена на-нет—от этого я далек, потому что и я, демократ, желаю сказать слово, но я хочу, чтобы демократия допускалась к делу только с очень большим разбором, ибо есть демократия и демократия».

Какую же демократию представляет наш «сын мужика»? И Маруся Спиридонова—демократия, и Керенский—тоже демократия,—перечисляет он; и пьяные матросы—демократия, но этим матросам место в каторжных работах и на виселице; наконец, безграмотный мужик, верящий в анчутку—тоже демократия, «*но ему надо сперва выучиться грамоте*». Эта демократия—не демократия Ивана Наживина. По его словам, она определяется степенью безграмотности, а также отсутствием носового платка и запасных штанов. По его же убеждениям, *демократия должна определяться как раз наличностью носового платка и запасных панталон.* Такова наживинская демократия. Это — следующая «веха» в развитии его послереволюционных настроений.

После такого определения демократии классовая природа этого «сына мужика», «писателя из народа» выворочена наизнанку. Сентиментальные слова и толстовские идеи оказались налетом на психике деревенского кулачка, отказывающего в праве называться «демократией» всякому, не обучившемуся грамоте и не имеющему запасного гардероба, т.-е. выражаясь общее—имущества.

Когда-то, очень давно, некий австрийский аристократ заметил, что для него человек начинается с барона. Русский «демократ» Иван Наживин с некоторым изменением повторил мысль австрийского крепостника. Реакционеры всех стран, в конце-концов, мыслят и чувствуют совершенно одинаково.

В презрении Наживина к «черни непросвещенной» есть что-то лакейское—да простится мне эта грубость. Человек этот, с явным удовольствием передающий свои беседы с «графьями и князьями»—вы послушайте только с каким истинно-помещичьим, старо-барским, дворянским высокомерием третирует он «черный народ», осмелившийся протянуть неумытую руку к лакомствам, доселе уходившим в культурные желудки господ белой кости.

«Величественный магазин Елисеева на Тверской. За сверкающими прилавками *величавые*, как какие-то жрецы, приказчики. *Избранные* посетители. Вваливаются двое «лохматых»,—новые хозяева жизни.

— Ну-кась, отрежь-ка нам балыку...—*развязно* обращаются они к одному из жрецов.

— Вам какого?—*презрительно* [1]) цедит тот сквозь зубы.

— Какого?—несколько опешил перед неожиданным затруднением покупатель.

— Отрежь... всякого...»

Неудивительно, что «левый писатель» из народа, до побега за границу, пребывая на территории Советской России, где «хозяйничали»

[1]) Курсив во всех случаях мой. *Вяч. П.*

неумытые и неимевшие запасных панталон «лохматые»,—словно воды в рот набрал. Он откровенничал лишь в тиши контр-революционных редакций, где можно было вздыхать о былых днях, когда на перекрестках монументально властвовал приятный облик городового. По поводу же того, что делалось вокруг, хранил презрительное молчание. И однажды один из его «поклонников» заметил ему многозначительно:

— А странно, знаете, что народный писатель забился в такое время куда-то и молчит... Очень, знаете, странно...

Но как удивился бы этот простодушный «поклонник», поверивший книжкам Ивана Наживина! Как был бы он озадачен, если бы «писатель из народа» раскрыл свой рот. Он узнал бы тогда, что этот «демократ» в земельном вопросе поддерживает помещиков против крестьян, мечтает о жандармах, о «хозяине», который железом и кровью сковал бы взволнованное народное море.

«... И вспомнился мне яркий майский день,—процитируем нашего мемуариста,—и огромные ревущие от восторга толпы народа на праздично разукрашенных улицах Москвы, и молодой царь на белом коне, и пестро-золотая свита его, и золотые кадеты, и блестящие войска, а я, тогда молодой, перед которым вся жизнь была впереди, сижу у окна с красавицей Маней... Жизнь пережить—не поле перейти... Бедный царь...»

Так вот какие вещи стал рассказывать «за границей» представитель русской «демократии» Иван Наживин! Так вот каковы его мечты о «невозвратном прошлом»—царь на белом коне... блестящее войско... окошечко... и он, наш герой, с красавицей Маней... Картина, как любят выражаться провинциалы, «достойная кисти Айвазовского». Но—увы!—это были лишь мечты, именно те мечты, «сладость» которых наполняет горечью обнищавшую душу. В действительности вокруг него толкались такие же озлобленные, потерянные люди, как и он жаждавшие покоя и возврата к старине. И прислушавшись к их речам, присмотревшись к их делам, не сообразив, что, как в зеркале, видит он в них свое собственное отражение, Наживин ужаснулся при виде безобразного лика, и сам, собственными устами, произнес свой приговор.

«Настроение здесь было далеко не радужное,—рассказываетъ он про Геленджик.—Обыватель определенно ворчал, как это ему и полагается». А недоволен обыватель был именно тем самым, что возбуждало недовольство в «Наживиных» Советской России. Добровольческая армия не добыла сразу населению сахару, добровольческая армия не доставила мануфактуры, добровольческая армия не сделала хлеб дешевым, и так далее, и так далее. И, оторопев от непроходимости обывательского своекорыстия, Наживин высказал истину, единственную, выстраданную, прочувствованную до последней запятой:

«*Великий подлец этот, так называемый, средний человек*».

Что можем мы добавить к этому великолепному афоризму?

II. В добровольческом раю.

Записки Наживина о революции не ограничиваются, конечно, рассказами о бедной своей душе, о скитаниях недовольного беженца, «искателя» такого места под луной, где было бы тепло и не дуло. Он провел некоторое время на территории добровольческой армии. Как рвался он туда, к «орлам» старой России! Как мечтал о них, поэтизировал своих «героев» — и «с волнением» вступал в Новороссийск, в преддверие заповедного рая, где не было большевиков, но зато были жандармы.

Это была какая-то героическая поэма,—рассказывает Наживин про деяния добровольцев,—что-то совершенно несовременное по красоте и силе подвига и это, кроме всего этого, была единственная наша надежда на спасение».

Его встретили, впрочем, без особенного радушия, арестовали, сволокли в контр-разведку, и здесь восторженным очам арестованного предстал первый восхитительный пейзаж:

«... один из моих конвоиров примостился к телефону и, вызвав какую-то красавицу, бесцеремонно усевшись в присутствии офицера на стул, стал умолять ее о свидании.

— А не то кислым молоком отравлюсь. Огурцом зарежусь...—угрожал он пьяным голосом...»

Это маленькое испытание не охладило белогвардейского пафоса нашего беженца. Самое главное—он был среди «своих». Пусть они пьяницы и воры, насильники и взяточники,—они «боролись» с большевиками, они, как и он, пылали страстью к «городовому»; они, как и он, хотели возвратить землю помещикам («за выкуп»), фабрики—капиталистам; они, как и он, с воздыханием подумывали о «хозяине»; потому-то, вопреки здравому смыслу, Наживин продолжал петь дифирамбы «героизму» добрармии. О, какие у них герои! Вот, напр., «совсем молодой кубанский офицер» полковник Шкуро. О его «волчьей сотне» «много и с восторгом все и всюду рассказывают». Но однажды, когда главное командование и особое совещание, обеспокоенное «грабежами», творившимися добрармией, поставило этот вопрос ребром,—генерал Деникин сказал:

«Господа, это действительно очень большое зло. Но если с ним бороться серьезно, то первый, кого я должен буду повесить, это—генерал Шкуро. Вы согласны на это?

Ответом было общее молчание, и вопрос был снят с очереди».

Добрармия занималась грабежом, она шла по русской территории, как покоренной стране. Население *взвыло* от этих благодетелей, «спасителей» отечества,—этого не смог и не сумел скрыть наш мемуарист. «Вели отряды себя отвратительно,—пишет он.— Рассказывали, что один разъезд при проезде через станицу Уланку наехал случайно на мирно пасшихся гусей. Те подняли из канавы головы и—го-го-го-го... Один из офицеров

распалился: «не сметь перед русским офицером поднимать высоко голову!» выхватил шашку и бросился рубить гусей...»

Но рубить головы гусям—занятие пустячное. Таким «баловством» «герои» не ограничились.

«Воровство шло повальное,—рассказывает Наживин,—взятки не стеснялись брать нисколько, пьянствовали и хозяйничали у всех на глазах, совершенно открыто и, если одни, как начальник штаба нашего военного губернатора полковник де-Роберти, попадали за это в арестантские роты, то другие, как генерал Добровольский, назначенный к нам для борьбы са«зелеными» и отводивший душу в «chat noir», просто уходили по весьма милостивому рескрипту...»

Так вели себя «военные герои». Что же делало «общество» патентованных патриотов, объявивших себя подлинной «Россией», от ее имени обивавших пороги Антанты, продававших «родину» оптом и в розницу? «Братья миллионеры» Р. попались на какой-то огромной и грязной афере с поставками—исконно-традиционное дело российских «патриотов». На глазах у всех некий «бывший эс-эр» с трехцветным углом на рукаве скупает земли на сотни тысяч рублей. Прекрасные дамы в сногсшибательных туалетах, полковники генерального штаба, черномазые восточные люди, шустрые евреи, совсем зеленые молодые люди, несомненно, призывного возраста, чиновники, бывшие помещики—спекулируют на дамских чулках, на валюте, на спичках, на пуговицах, на хинине, на всем, что угодно, жадно, лихорадочно, отвратительно

Такова картина, нарисованная Иваном Наживиным. Уж тут-то его в пристрастии не упрекнешь. Ведь это *его* «общество»—*его* надежды, ведь это та *белая Русь*, которая восстала против большевистской красной России и разносила по Европе ложь и ненависть против «захватчиков»,— та Белая Русь, которая мечтала победить Россию красную, мужицкую, рабоче-крестьянскую. *Вот что было у нее за душой!* Разврат и развал, грабежи, взятки, пьянство и спекуляция—с таким-то багажом она мечтала о победе, — и, сознавая свое бессилие, слабая и ничтожная, все надежды свои строила на помощи иностранцев. Эти «русские патриоты» по своим ориентациям, как признается Иван Наживин, делились так: «10% на англичан (французов все ненавидели зеленой ненавистью), 5% русской ориентации (то-есть своими силами) и 85% на германцев». Наживин с первобытной простотой рассказывает об этом. Право, не только «великий подлец» средний человек, но и великий бесстыдник.

Ну, а интеллигенция, разве ее не было у добрармии? О, да, превосходная интеллигенция! Она вся собралась в так наз. Осваге—отделе агитации и пропаганды при Особом Совещании. Она издавала книжки, писала статьи, печатала плакаты против большевиков—и эта плодотворная деятельность ее заслужила следующую резолюцию генерала Деникина:

«Приказываю полковнику Энгельгардту немедленно разогнать эту сволочь. Осваг в глазах порядочных людей все более и более стано-

вится сборищем всяких негодяев и идиотов». А на одной из брошюр, изданной Освагом—«Беседа белогвардейца с красноармейцем», тот же генерал написал про автора: «*Немедленно выгнать вон этого осла*».

Правда, после этих сердитых резолюций в Осваг пришли работать И. А. Бунин, Е. Н. Чириков, И. Д. Сургучев, С. А. Кречетов и другие, но, замечает Наживин, «резолюция главнокомандующего не имела никаких последствий: потихоньку, незаметно ее засосало бюрократической тиной. «Все осталось на своем месте, только нескольких настоящих писателей пригласили»—тех самых, имена которых я выше только что выписал. Они попали в хорошую компанию.

Мы сжато обрисовали добровольческий «рай» сверху донизу. Никаких комментариев к картине делать не будем. Она сама говорит за себя. Хочется лишь привести еще один пейзаж, заслуживающий памяти потомства. Название этого пейзажа: «Как освободитель Харькова от большевистского засилья, главнокомандующий добрармией генерал Май-Маевский, въехал в отвоеванный город».

Предоставим здесь слово нашему мемуаристу.

«Для встречи главнокомандующего были выстроены войска с хором музыки, а на правом фланге собрались депутации от города, земства, университетов, кооператоров и проч. И вот среди торжественного молчания подходит поезд «Мая»... Подошел, остановился и—ничего... Потом в открытое окно вагона вылетает пустая бутылка из под шампанского и, звеня, откатывается в сторону. И опять ничего... Общее недоумение и растерянность. И, наконец, в раме окна появляется толстая, жирная и совершенно пьяная физиономия Мая. Он тупо оглядывает всех заплывшими глазками и, наконец, обращаясь к общественным депутациям, по-генеральски, хрипло кричит им:

— Здорово, корниловцы!..

А когда попытались депутации проникнуть к нему в вагон, адъютант попросил их отложить разговор до завтра; сегодня генерал не совсем здоров,—настолько нездоров, что он не мог даже держать пера, чтобы подписать срочные, представленные ему, бумаги»...

III. „Пересмотр".

Мы не выполним нашей задачи до конца, если не последуем за дальнейшими злоключениями нашего незадачливого беженца. Вырвавшись из советского «ада», отведав добровольческого «рая»,—он начал «думать». Предлогов для размышления было больше, чем достаточно. «Многие из старых истин пошли просто насмарку,—пишет он,—а над другими поставлен был огромный знак вопроса». Нам известно, в каком направлении стал «пересматривать» свой небогатый багаж Иван Наживин. Кое-какие «вехи» мы уже наметили. Это, прежде всего, городовой, затем выше—царь, и, наконец, последняя—тихая пристань: церковь.

В этом направлении есть, конечно, свой смысл. Оно как раз противоположно тому, по какому пошла другая группа интеллигенции, объединившаяся под лозунгом «смена вех». И эти два направления—вперед, к будущему, в Советскую Россиию, и—назад, к прошлому, к мечтам о возврате старины, четко обозначаются в массе белогвардейской интеллигенции. Здесь мы наблюдаем с ясностью неопровержимой процесс отбора жизнеспособных, еще не разложившихся, сохранивших силы элементов старой, разбитой, обанкротившейся интеллигенции, от элементов обреченных, впавших в маразм, не имеющих никаких живых перспектив, никаких путей, кроме самоутешения призраками религии и мистицизма. У Наживина мелькали сомнения на этот счет.

«А что если и мы в самом деле умираем? — задает он себе вопрос, сходим в Вечность, и что через некоторое время развалины наших храмов будут посещаться туристами новых стран, которые еще не родились, и над Василием Блаженным или Московским Кремлем они будут мечтательно грустить о бренности всего земного?»

Но эти сомнения он гонит. Ведь чтобы взглянуть им в глаза—нужны смелость, мужество,—а откуда взять их «среднему» человеку? Он тихий, он мирный, он уходит от всего, что опасно, радикально, решительно. Он, как страус, прячет голову под крыло и доволен, что ему с такой легкостью удалось избежать опасности. Наживин не оправдал бы своего положения «среднего» человека, если бы оказался способным на действительный пересмотр. Он и ограничился попытками реставрировать старину, вернуться на старые, истоптанные тропы, на которых вообще «спасались» от мира, его опасностей и соблазнов слабые и потерянные люди. Его ободряло, что не он один, что с ним еще кое-кто—и с большим утешением называет он имена С. Н. Булгакова, «бывшего марксиста и профессора», принявшего «священство», и философа С. Дурылина, пошедшего по тому же пути.

«Раз как-то вечером приходит ко мне посумерничать один ci-devant,—рассказывает Наживин.—Всю жизнь работал он в газетах, воевал в качестве эс-эра с властью предержащей, терпел всякие заушения и гонения и никогда не имел запасных панталон...

— В монастырь уйти хочу... совсем...

— Но, друг мой,—опешив от неожиданности, говорю я.—Ведь для этого прежде всего надо поверить в Бога хоть немного.

И после тяжелой паузы, посиневшими губами, загнанный человек едва выговорилъ:

— Справлюсь и с этим... как-нибудь!»

Этот уже совершенно безнадежен, но для Наживина он—клад, откровение. Церковь, православие,—вот оно, место последнего упокоения, последняя тишина, где отдыхает разочаровавшееся и пустое сердце. И старый толстовец, когда-то вслед за учителем хуливший казенное православие с его обрядностью и «попиками, кушающими севрюжину», по слову В. В. Розанова, пятнадцать лет назад указавшего этот «задний ход» русскому обывателю,—Наживин нынче бросается к этому самому казенному православию с простертыми руками.

«Какая страшная разница: толпа на митинге, и та же толпа в храме; оратель, неистовствующий на трибуне, и этот величавый, кроткий, набожный Александр в сиянии золотой ризы, в облаках кадильных воскурений; Маруся Спиридонова с ее кровавыми кошмарами и эти тихие, черные монахини с кроткими лицами, так стройно, так трогательно, так красиво поющие свои прекрасные гимны».

И это характерно — Наживин здесь попадает в общий тон мистических увлечений духовных банкротов на Западе—он подчеркивает интеллигенции, что должна же она понять «что, во-первых, совсем *не разум* в жизни главное, а во-вторых, что если в старых мшистых церковках и не мирится что-то с нашим разумом, то в совместной, соборной работе,—работе терпеливой, мирной, благожелательной можно все потихоньку очистить, чтобы заключенная в Церкви истина могла уже воссиять миру».

«Без Бога трудно жить на земле», сокрушенно пишет Наживин в другом месте, и в его сознании, откуда одну за другою повыбросил он всю «обстановку», все свои толстовские и обывательские верования,—на месте пустом возникает старая, умирающая мечта о граде Китеже, с радостным перезвоном колоколов, со всеобщим забвением и прощением друг другу теперешних «великих бедствий и страданий».

Эти слова, взятые напрокат из затертых «учителей», нисколько не выражают, впрочем, всех упований нашего «среднего» человека. Для него этот «перезвон колоколов» лишь символизирует реставрацию, когда вновь все займут свои прежние, привычные места: мужик непросвещенный, не имеющий носового платка и запасных панталон,—к сохе; хорошие господа, которых не смутит презрительным вопросом «величавый» приказчик от Елисеева,—к господским занятиям: «просвещать» наш темный, добрый, хороший народ: городовых, старых, добрых, незаметных героев—на посты; охранять покой благородных граждан; ну, и всех прочих, конечно, по своим местам, а на самом верху—над зданием этого нового Китежа—царь, диктатор, «хозяин», без которого жить, молиться и «сеять разумное, доброе, вечное» господам Наживиным никак невозможно.

Пусть читатель не сетует на нас за эту довольно растянувшуюся статью. Автор рассмотренных нами «записок о революции», может-быть, и не заслужил того времени, которое мы на него потратили. Но я указывал уже, что это тип «среднего» человека, русского обывателя, которого застала врасплох великая революция. Они погибают, сходят со сцены, разлагаются, и в скором времени эта порода исчезнет с лица земли, испепеленная горячим дыханием великой эпохи, но сейчас-то покуда еще эти люди живы, пишут книжки, толкаются на улицах, даже мнения свои настойчиво высказывают—и не раскрыть их душевного мира, не показать их во всей их красе было бы оплошностью мало простительной.

Таковы представители уходящей Руси. Одни из них попытались стать грудью против народного движения, другие пробовали отойти в сторонку,—но и те и другие оказались сметенными и разгромленными.

Они не сумели приспособиться к новым условиям, не нашли в себе сил вырвать с корнем дурное наследство старой эпохи, не смогли пойти в ногу с жизнью молодой, зеленой, бьющей через край и залечивающей старые раны,—и жизнь без сожаления уходит от них, покидая их на пути.

Кто из нас вздохнет о них с сожалением?

О МЕМУАРАХ ВИТТЕ [1]).

М. Н. Покровский.

Витте был, безо всякого спора, крупнейшим государственным человеком империи Романовых за два последние царствования. В истории России он станет рядом с Канкриным—и может-быть, выше, рядом—но, вероятно, несколько ниже—Сперанского.

От воспоминаний государственного деятеля такого масштаба ждешь очень много. Они могут дать больше записок иного царя, и во всяком случае больше дневников таких царей, как два последние Романова. Ибо ведь в действительности-то от их имени и управляли люди, подобные Витте.

Впечатление, которое дает I том (единственный, имеющийся у нас; за границей вышел уже и II), несколько разочаровывающее. Не то, чтобы в книге не было интересных фактов: их очень много. Но общий тон—тон обычных *чиновничьих* воспоминаний. Тщательно отмечаются все случаи, когда тот или иной министр был назначен по его, Витте, рекомендации, а также все случаи, где его обошли: от чего, конечно, было не без беды. Подробно смакуются все обычные в больших и малых канцеляриях анекдоты, как такой-то попал в милость к такому-то потому, что умел угодить его жене и т. под. В конце-концов, читатель утомляется и готов закрыть книжку—слишком уже не до бюрократических анекдотов в наши дни. Но неожиданно блеснет яркая мысль или выплывет очень крупный, совсем не «анекдотический» факт, и снова прикует ваше внимание. И нужно сказать, чем дальше к концу книги, тем меньше хочется ее бросить. Можно думать, что II том будет еще интереснее первого.

Для широких кругов читателей, несомненно, новостью будет воинственность последнего Романова, как будто воевавшего только по необходимости и вовлекавшегося в войну другими. На самом деле Николай II драчливостью, несомненно, превосходит не только отца, но и деда, и был в этом отношении достойным тезкой Николая I. Характерно при этом, что оба Николая на полях сражений никогда не бывали: первый *почти* никогда, а второй совсем ни разу. Его отец сравнительно был боевым

*) *Граф С. Ю. Витте.* «Воспоминания.—Царствование Николая II». Т. I, 1921. Книгоиздательство «Слово», Берлин.

генералом, чем, вероятно, и объясняется осторожность его внешней политики, стяжавшая ему в льстивых устах имя «миротворца». Александр III понимал, что с войной не шутят. Сын его этого не понимал, и начал свое царствование с авантюры, не представляющей, правда, секрета для тех, кто видал архивные докуметны 1890-х годов, но, поскольку эти документы не напечатаны еще, соответствующая глава мемуаров Витте (VI) явится для подавляющего большинства читателей настоящим «разоблачением». В этой главе подробно рассказывается о *проекте захвата Босфора в 1896 году*,—проекте, подсунутом тогдашним послом в Константинополе, Нелидовым, и утвержденном Николаем, который очень дулся на Витте за его противодействие в этом случае. Операция была вполне подготовлена даже технически, и из «Воспоминаний» не совсем ясно, что помешало ее осуществлению. Повидимому, это было не совсем ясно и для самого Витте—он колеблется между предположением о вмешательстве в. кн. Владимира и Победоносцева (им инспирированных) и «влиянием той силы, которая руководит всем миром и которую мы называем богом». Весьма вероятно, что и бог, и обер-прокурор синода имели за спиной сильного союзника в лице Франции, которая не могла не понимать, что захват Константинополя Россией будет сигналом к мировой войне, а Франция была как раз накануне анти-шовинистической реакции, нашедшей свою высшую точку в деле Дрейфуса. Роли переменились: в свое время Александр III схватил за фалды «реваншаров» [1])—теперь тот же спасительный жест относительно его сына могла повторить французская дипломатия.

«Разоблачениями» на счет Николая II полна книга, но другие не столь значительны. Что Николай был на «ты» с кн. Мещерским (издателем «Гражданина»), это давно известно,—от Витте мы узнаем лишь, что это был единственный человек, с которым последний царь был на «ты»: по крайней мере, единственный, не принадлежавший к семье Романовых. Не новость, что Николай «с трудом терпел людей, которых он в душе почитал выше себя в моральном и умственном отношении—только при нужде». Но пикантно это слышать от одного из его министров, служившего ему «верой и правдой» и не терявшего надежды служить и в будущем (Витте писал свои «Воспоминания» между 1907 и 1912 годами). Еще пикантнее прочесть такую откровенность того же министра: «Пишу эти строки, предвидя все последствия безобразнейшей телеграммы императора проходимцу Дубровину, председателю союза русского народа (3 июня 1907 года). Телеграмма эта в связи с манифестом о роспуске второй Думы показывает все убожество политической мысли и болезненность души самодержавного императора» (стр. 245). О психической ненормальности Александры Федоровны также говорится совершенно определенно (стр. 176).

Все эти признания тем ценнее, что в принципиальной преданности Витте «православию и самодержавию» не может быть никаких сомнений. Человек, для которого Хомяков был первым русским писателем (стр. 446),

[1]) Сторонников «реванша», т.-е. расплаты с Германией за войну 1870—71 года и возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии.

который после заключения Портсмутского трактата «молился так горячо, как никогда» (стр. 392), который находил очень хорошим обычаем, что в семье Гогенцоллернов Вильгельму II целуют руку (стр. 108)—и сам поцеловал руку Николаю, когда тот сделал его графом (стр. 423),—человек, наконец, для которого Милюков (1907 года) и даже Набоков, даже академик Шахматов (!) были «тайными республиканцами» (стр. 489), такого человека трудно заподозрить в «вольнодумстве». Александру III он был безгранично предан (с теплого воспоминания о нем начинаются мемуары—в том виде, как они опубликованы: напечатано далеко не все). И если даже Витте по поводу Николая вспоминает о Павле Петровиче (стр. 3 и 5), это стоит больше, чем сотни анекдотов, идущих из либеральных кругов.

В памяти общества характеристика самого Витте двоится. В 90-х годах он слыл «либералом»: революция и опыт его «конституционного» министерства, в 1905—6 гг., стяжали ему репутацию лютого реакционера. «Воспоминания» расшифровывают эту загадку, которая, впрочем, для мало-мальски посвященных загадкой никогда и не была. Витте был, несомненно, «либерал» в том условном понимании этого слова, в каком оно прилагалось, например, к Николаю Милютину: то есть Витте был анти-*крепостник*. На этот счет его мемуары не оставляют ни малейшего сомнения. Крупный делец буржуазного типа, практик-железнодорожник раньше, чем он стал сановником, Витте не мог не быть другом промышленного капитала, а быть другом промышленного капитализма и дружелюбно относиться к остаткам крепостничества—две вещи несовместные. Можно поверить ему, когда он рассказывает о своих неоднократных попытках ликвидировать институт земских начальников и уничтожить выкупные платежи. Круговая порука не имела более непримиримого противника. Чрезвычайно любопытно прослеживать (особенно здесь поучительна глава XXXII—«Крестьянский вопрос до 17 октября 1905 года») эту объективную власть исторической диалектики над мозгом, воспитанным на Хомякове под надзором генерала Фадеева. Но именно дружба с капитализмом делала для прозорливого Витте невозможным быть анти-крепостником до конца,—до отрицания и самодержавной верхушки общества.

Витте ничего не имел бы против конституции дворянской и буржуазной. «Имена пострадавших дворян-декабристов чтутся ныне весьма и даже царями (!),как личности, несомненно, светлые». Знаменитую записку о земстве и в свое время многие рассматривали, как ловко замаскированную попытку доказать необходимость для России конституции, стр. 436 «Воспоминаний» устраняет на этот счет все сомнения, у кого они и были. Витте упрекает лишь дворянство за то, что оно эгоистично хотело конституции *для себя*. «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, но хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним. Многие из них проглядели образование буржуазии, третьего сословия, *сознательного пролетариата*» (курсив наш *М. П.*).

И вот этот-то «сознательный пролетариат» и заставлял Витте во внутренней политике лавировать так же, как его кумир, Александр III,

лавировал в политике международной. «Дворянство увидело, что ему придется делить пирог с буржуазией—с этим оно мирилось; но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем, последний для сих близоруких деятелей вдруг, только в сентябре 1905 года, появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности, и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который *не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы*. Вот, когда дворянство и буржуазия увидели сего зверя, то они начали пятиться, т.-е. начал производиться процесс поправения» [1]).

Переведите эту тираду с языка озлобленной буржуазной реакции на язык объективной истории—вы получите знакомую нам формулу: пролетариату нечего терять, кроме цепей, и потому он один способен довести революцию до конца. Витте уже в 1907 году видел и понимал то, чего не видели и не понимали ни Милюков, ни Керенский в 1917 году. Настолько этот верный царский слуга был прозорливее тех «тайных» и не совсем явных «республиканцев», которые шли ему на смену.

А так как этот верный царский слуга отнюдь не желал революции, был злейшим (хотя отнюдь не тупым) врагом социализма (стр. 442) и величайшим поклонником индивидуальной собственности, без которой, как он правильно рассуждает, не было бы индивидуализма вообще, а без индивидуализма для него не было бы и всей культуры («без преклонения перед «я» не было бы ни Ньютонов, ни Шекспиров, ни Пушкиных, ни Наполеонов, ни Александров II и пр., и не существовало бы чудес развития техники, богатства, торговли и пр., и пр.»), то свою задачу он и видел в объединении всех собственников против социализма и пролетариата. То, что было для либеральной буржуазии до 1905 года главным, конституция, для него было неизбежным, но второстепенным, и притом не на сейчас, когда у дверей стоял разъяренный «зверь»—сознательный пролетариат, ищущий «проглотить все, что не его породы», т.-е. уничтожить весь буржуазный строй. *Сейчас* самодержавие было нужнее. И он при таких условиях, вероятно, искренно не понимал, как буржуазия может отказываться от кооперации с самодержавием. Но буржуазия упорно не хотела оставлять своей классической позиции—между двух стульев. И для того, чтобы сковать «зверя» хоть на короткое время, понадобился кулак крепостника, столь ненавистного для Витте. Его антипатия к Столыпину мало чем отличалась от чувств, которые питала к этому последнему крайняя левая, а для Пуришкевича и К⁰ у него нет другого имени, как «сволочь». Но нечего было делать—кроме «сволочи» никто не мог задержать революцию хоть на полчаса. И точно та же картина—крепостника, пытающегося спасти буржуазные «животы»,—должна была повториться десять лет спустя, после уже того, как случилось то, до чего надеялся не дожить (и не дожил в самом деле) Витте,—гибель династии. Жутким пророчеством веет от этих слов последнего государственного человека

[1]) Стр. 436—437. Курсив наш. *М. П.*

старой России. «Сверху пошел клич—все это крамола, измена, и этот клич родил таких безумцев, подлецов и негодяев, как иеромонах Илиодор, мошенник Дубровин, подлый шут Пуришкевич, полковник от Котлет Путятин и тысяча др. Но думать, что на таких людях можно выйти—это новое мальчишеское безумие. Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай Бог, чтобы сие не было так и, во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов»... (стр. 446).

Издана книга в техническом отношении превосходно, а в редакционном оставляет желать очень много. Местами текст так исковеркан, что добраться до смысла решительно невозможно (для примера можно взять стр. 200, конец первого абзаца,—но это один из очень многих случаев). Два предисловия—И. В. Гессена и вдовы автора—выясняют историю рукописи мемуаров. Но согласиться с первым, что Витте был промежуточной фигурой между дворянством и буржуазией, своего рода русским Бисмарком, очень трудно: будь он таким «посредником», его судьба была бы другая. Его личная политическая неудача тем и объясняется, что он представлял собою великого русского неудачника в политике—промышленный капитализм.

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И КРУШЕНИЕ ИСТИНЫ.

(Страницы из истории гибели одной культуры).

Проф. П. Преображенский.

Великое дело—обладание единой и бесспорной, один раз навсегда установленной истиной. Наличие таких истин интересно не только для философа, но и для социолога. Если они налицо — это признак органичности и здоровья данной культуры, ее уверенности в самой себе. Но горе, если появляются сомнения, если на мощном и величественном здании идеологии появляются трещины и скрепа его стен начинает разлагаться—это признак того, что рано или поздно трещины разрастутся, здание рухнет и только могильный плющ украсит развалины в назидание потомкам. Европейское буржуазное общество долго считало себя обладателем таких вечных и незыблемых истин. Они казались ему столь же устойчивыми, как сама его социальная структура, как весь его общественный и государственный строй, основанный на угнетении одних классов общества другими. Буржуазный экономист был уверен, что законы и механика товарного хозяйства так же вечны, как мир; философ и моралист провозглашал незыблемость своих познавательных и нравственных категорий; богослов не сомневался в том, что европейское христианство XIX века—венец всей религиозной эволюции человечества. Вульгарность в области

экономики, метафизика в философии, папизм (в переносном смысле, конечно) в религии—вот что соответствовало пышному здоровью и упитанности европейского буржуа. Правда, в семье не без урода,—не раз появлялись люди, которые повергали столпов общества в неописуемое смущение своим поведением. Тут были мечтатели, обратившие свои взоры назад, страстно желавшие вызвать мертвецов из могил. Если их проникало сомнение в непреложности и гармоничности хозяйственного уклада, они стремились к патриархальному хозяйству; если их угнетала антиэстетичность современного им быта, они пытались воскресить средневековую религиозность, вызвать к жизни новый ренессанс в искусстве. К этим мечтателям и романтикам буржуазное общество относилось снисходительно, и в этой своей самоуверенности совершало невольную ошибку, ибо мечтательность безусловно была опасным умонастроением—и это сейчас же сказывалось, как только взор мечтателя вперялся в будущее. Мечтатель из романтика превращался в утописта. Пусть эти воздушные замки будущего, которые он рисовал себе, тотчас разлетались в прах при соприкосновении с грубой действительностью,—тем не менее, утопист приобретал совсем нежелательные черты революционера. Напор на твердыни, освященные традицией и твердым курсом биржевых бумаг становился особенно опасен во время тяжелых общественных кризисов, когда вольтерьянец становился католиком, республиканец превращался в монархиста, а буржуа-демократ подозрительно смахивал на каннибала. Но все это было еще терпимо, пока в душе оставалось твердое сознание, что вечная истина еще сияет в храме культуры, что, если и происходят и должны происходить какие-либо изменения в этой предустановленной гармонии покупателя и продавца, эксплуататора и эксплуатируемого, бога и поклонника, морали и обывателя, жреца науки и профана,—то эти изменения пойдут потихоньку и полегоньку, в линейном порядке мирной и неспешной эволюции. Грозный призрак революции, а следовательно, и смерти старого мира с его социальными отношениями, с его идеологией, заклинался всеми возможными способами, вплоть до бормотания чуть ли не магических формул, сделавших бы честь любому австралийцу. Но грозный кризис империалистской войны, апофеоз европейской цивилизации и европейской культуры, столь похожий на известную картину Верещагина с ее грудой черепов и воронами на этой груде,—заставил европейца усомниться и в вечности исповедуемых им истин. Смерть, господствовавшая на полях сражения и так часто настигавшая бойцов, приучила считаться с возможностью смерти всей культуры. Ницшевский сумасшедший бегал по улицам города с криком «умер Бог». Из Европы теперь доносятся голоса: «умерла истина».

Немудрено, что эти голоса идут, главным образом, из Германии, отданной на поток и разграбление, уже пережившей политическую революцию, для которой слова поэта «все великое земное разлетается, как дым», стали воплощенной действительностью.

Правда, если прежде европейская культура считала себя в полном обладании правом на всякую истину, то теперь осознавшие смерть этой

культуры выдвигают новое право — право утверждать абсолютную смерть Европы. Если раньше они не видели иной истины, кроме своей собственной, то теперь за собственной смертью они не видят иной жизни. Европейская философия хочет быть философией конца, столь же абсолютной, какова была философия начала. Если античный мир кончил физическим скептицизмом, то буржуазная Европа, по мнению Освальда Шпенглера, должна кончить историческим пирронизмом, скепсисом историка.

Мысль Шпенглера, без сомнения, очень причудлива и извилиста,—рационализм в ней мирно уживается с интуитивизмом, историк искусства—с математиком и физиком, романтическая тоска—с энтузиазмом поклонника техники и индустрии. Поэтому его так трудно излагать и так легко критиковать. Нас интересует только одно — исторический релятивизм Шпенглера и связанная с ним мысль о смерти Европы, о смертности и переходящести всех кумиров западно-европейской культуры. Шпенглер строит морфологию и физиогномику мировой истории. Он принципиально отвергает тот «европоцентризм», который так безраздельно господствовал над европейской мыслью. Ему хочется продолжить дело Коперника и установить новую ось мировой истории. Из таинственной и хаотической мировой души, или «перводушевности», возникают души отдельных культур,—египетской, античной, индийской, арабской, западно-европейской. Заметим, что возникновение этих душ окутано полной неизвестностью, движущие силы этого возникновения прикрыты такой же непроницаемой завесой, как намерения ветхозаветного бога, творившего мир в шесть дней. Эти души принципиально отличны одна от другой—картина мира для каждой из них совершенно иная: древний эллин живет в другом мире, нежели араб, а последний—житель другой планеты для западно-европейца. Конечно, и тут является большой соблазн для критика,—совершенно неясно, почему же сам Шпенглер может вырваться из своей западно-европейской кожи и совершить чудесное проникновение в души чужих культур? Впрочем, здесь вступает в силу шпенглеровская интуиция, а с ясновидящих нечего спрашивать: что, почему и как? Это дело их самих или же пославшего их. Эти души культур, как всякий растительный или животный организм проходят обычные стадии младенчества, юности, зрелого возраста и старческого одряхления. Последнюю стадию Шпенглер называет цивилизацией. И здесь историософия Шпенглера как будто списана с сибиллиных книг: каким образом вырастает душа данной культуры, питается ли чем-нибудь или не питается вовсе, а живет как птица небесная,—все это темно и непонятно. Но у Шпенглера есть и еще один очень важный пункт—каждая культура, служащая живым и конкретным выявлением своей души, органична и связана в своих внутренних частях. Государственное устройство, наука, искусство, религия—все неразрывно связано внутри, и одно точно соответствует другому. Взор Шпенглера особенно пристально устремлен на культуры античную и западно-европейскую; на их сравнении особо удобно выяснить идею органичности данной культуры, а кстати это наглядно проиллюстрирует уже высказанные нами положения.

Античная душа везде видит тело, меру, пропорцию, момент. Ей чужды пространство, время, переменная зависимость. Если эллин живет в своем замкнутом государстве-полисе, который как бы является политическим телом, то в физическом мире он не желает знать бесконечного мирового пространства, его окружают так же замкнутые, отделенные друг от друга тела. Этому соответствует и природа эллинского числа, которое всегда выражает определенную величину или меру, но никогда не бывает иррациональным, бежит от всего, что не допускает точного измерения или выражения. В искусстве царит скульптура с ее стремлением дать отделенное от других, законченное в самом себе и довлеющее самому себе тело. В греческой палитре нет красок для выражения дали, греческая трагедия—трагедия моментального положения, а не характера. У античного человека нет чувства истории, для него она переходит в миф,—он не основывал музеев, не занимался археологией, не знал и легко забывал свое прошлое. Его Олимп был полон мало чем связанных друг с другом божеских тел, так же независимых друг от друга, как греческие полисы, физические тела или статуи художника. Такова аполлиническая душа древнего эллина, растворившаяся в городской космополитической цивилизации вечного города—Рима, пережившая там свою старость, а затем канувшая в свое первозданное лоно—в бесформенную перводушевность.

Если застывшее тело, отъединенный момент настоящего является символом аполлинической души, то бесконечное пространство, порывный полет вдаль символизирует фаустовскую душу западно-европейца. И в выявлениях этой фаустовской души мы находим такую же полную гармонию, как в выявлениях души аполлинической. На место античного замкнутого полиса выдвигается стремящееся к расширению национальное государство с его сложным бюрократическим аппаратом, его хитроумной дипломатией. Физический мир превращается в мир бесконечного пространства, число становится функцией, дифференциальное исчисление—выразительнейшей и глубочайшей формулой фаустовской души. Вечность, эта бесконечность внутреннего порядка, живет в западно-европейском портрете—этой специфической форме фаустовского искусства, а всего полнее мироощущение фаустовской души выступает в форме контрапунктической лирики, которая первоначально раскрывается в готике—этом музыкальном порыве в бесконечность. В религии признание единого бесконечного пространства ведет к утверждению единого божества, которое, в конце-концов, с этим пространством сливается. Древний эллин был историчен, западно-европеец роется в анналах прошлого, занимается археологией, строит музеи,—для него существует не только настоящее, но и прошедшее и будущее. Но все это уже умерло, крылья западно-европейского Фауста отяжелели, высочайшие вершины достижений фаустовских взлетов в бесконечность находятся в прошлом: с Рембрандтом умирает искусство портрета, с Бетховеном—музыки, Вагнер уже эпигон, Гаусс заканчивает плеяду великих математиков. Начинаются сумерки культуры—цивилизация все закостеневает в мертвых формах лишенной

творческих порывов китайщины. Конец стремится к началу, фаустовская душа у врат царства аморфной и хаотической первобытности. Надо отречься от творческих порывов, не надо больше философов и художников—этих жалких пародий на прежних великих мастеров мысли и образа: любое акционерное предприятие, любое собрание инженеров и техников заключает в себе гораздо больше смысла, гораздо современней, чем всякая попытка дать философскую систему или художественное произведение. Космополитическая Европа, с ее преобладанием больших городов, этих современных Вавилонов, довольствуется утилитаризмом вместо морали, ее вполне удовлетворяет дарвинизм, она поклоняется причине—вместо судьбы, работе—вместо дела и голому факту—вместо бога. Социализм—это грядущая китайщина, в нем царствует пафос мертвого пространства, этого застывшего времени, его цель—благополучие всех—насквозь империалистична, его душевная динамика сводится к праву на работу. Просвета нет, смерть у порога и никакими заклинаниями и мольбами нельзя остановить ее победоносного приближения. У Шпенглера есть ницшевский amor fati—спокойно и бестрепетно он читает отходную над умирающим Фаустом в грозящем своим падением храме, где когда-то каждый кирпич и каждая колонна представляли собой твердую и надежную истину. Таким образом, у каждой культуры есть свое мироощущение, есть свой пафос, и для историка, как его понимает Шпенглер, может быть поставлена своеобразная палеонтологическая задача—по фрагменту, по обрывку данной культуры определить ее целиком, восстановить ее целостный облик. Такова задача исторической морфологии.

Ясно, что Шпенглер—последовательный исторический релятивист. Но самое замечательное, что этот исторический релятивизм не исчерпывает всей философской концепции Шпенглера; он переходит в релятивизм философский. Всякая общеобязательность форм человеческого мышления есть не что иное, как навязывание другим своих субъективных умозаключений. У всякой культуры есть своя собственная истина. Все эти истины действительны для настоящего мыслителя коперниканского типа, который не хочет ограничить себя узким кругозором своей собственной колокольни. Стоит только противопоставить эти заявления Шпенглера с гордыми положениями Гуссерля о том, что есть на свете истины обязательные даже для ангелов, чтобы почувствовать всю глубину крушения, испытанного западно-европейскими поборниками чистых и абсолютных истин. Конечно, сейчас же чувствуется и основной грех шпенглерианства с точки зрения проповедников абсолютности идеальной истины. Если все преходяще и бренно в этом мире, если все находится под знаком относительности, то такова же судьба и философии Шпенглера—и ей не уйти от этого знака на своем челе. Повторяется старая и знакомая нам картинка—спор энтузиаста Рудина со скептиком Пигасовым. Правда, Шпенглер может сослаться в ответ на права своей интуиции на то, что его противники напрасно навязывают ему те цепи логики, в которых они щеголяют сами. Вряд ли эти ответы удовлетворят оппонентов. Но для нас важен не столь-

ко этот полемический турнир, тем более, что он будет похож на сотое представление одной и той же пьесы, сколько социологическое значение того факта, что абсолют сломался, и вокруг человека, который поведал об этом миру, разгорелись страсти, его книга сделалась модной, увлекающей современность, дразнящей одних и покоряющей других. Недаром сам протестантский папа, глава ортодоксальной протестантской теологии, профессор Гарнак сделался чем-то в роде Петра Амьенского, проповедующего крестовый поход против нечестивца, поправшего святые истины и поведавшего о приближении смерти.

Особенность русского экономического развития—слабость и недоразвитость русской буржуазии, вынужденной постоянно опираться на плечи феодально-помещичьего класса и развиваться под напором крепнущего и усиливающего свой натиск пролетариата, обусловили не только более раннюю социальную революцию, но породили и сыгравший такую огромную роль в русском общественном развитии спор западников и славянофилов, сводившийся в своем конечном итоге в критической оценке западной культуры. Русская революция решила этот спор чисто практически и учла все особенности экономического и идейного развития России—вот где источник соблазна выискивать в ней славянофильские черты и ждать новый свет с востока. Но старые идеологии все еще живут, находят себе обильную пищу в нежелании принять революцию, и потому книга Шпенглера может найти себе крайне сочувственный отклик и в России. В самом деле Шпенглер особенно приятен тем, что ясный, колющий глаза факт—крах европейской культуры в мировой войне принимается, а факт другого порядка, не столь очевидный—революция, с ее социальной программой жизненного строительства,—отвергается или ставится в одну общую скобку войны, гибели культуры и старых жизненных начал. Именно потому, что критическое отношение к западно-европейской культуре было так сильно в России, а на западе с особой силой проявилось только после мировой войны, книга Шпенглера будет, может-быть, с большей легкостью усвоена русским буржуа, нежели западно-европейским. И еще одна особенность может влечь в объятия Шпенглера тех, кто еще не совлек с себя ветхого Адама старых идеологических пут. Шпенглер—это своего рода непомнящий родства. Он чрезвычайно многим обязан Риккерту, Ницше, Бергсону, последнему в особенности, но у него не только нет охоты назвать с признательностью своих предшественников, но скорее есть желание принизить их, выставить их, как типы европейского декаданса, или кольнуть их едким указанием на то, что современный философ более похож на журналиста, чем на настоящего философа. В одном Шпенглер решительно прав, скрывая свое родство,—именно этим своим предшественникам он обязан в значительной степени своей энигматичностью, своей антинаучностью, своим стремлением уйти под сень интуиции, где как в темноте все кошки серы и нет возможности аргументировать pro и contra. Нам уже приходилось указывать на прорехи шпенглеровской историософии, которые, как сфинксы с загадками, встают перед нами. Но именно это стремление Шпенглера скрыться

за порогом мистики, выступить чуть ли не творцом нового сознания и влечет к себе и староверов, и реакционеров.

Старая Европа обанкротилась—с этим пришлось примириться. Истины, считавшиеся святыми, признаны временными, включая сюда даже те твердыни, которые как аргусами охранялись профессорами философии. Но признание этого факта повлекло за собой и немедленный испуг. Во имя настоящего было обречено и будущее. Подобно древнему Сампсону, Шпенглер обрушил стены здания, чтобы задавить всех живущих в нем. «Да погибнет душа моя вместе с филистимлянами»... Для Шпенглера и его поклонников социалист, конечно, хуже всякого филистимлянина,—недаром Шпенглер характеризует социализм, как типичное упадочничество. Психологически это раздражение крайне понятно—приготовился человек умереть, обрек даже и культуру на жертву зверям земным и птицам небесным, отверг даже абсолютную истину, вечное обменил на преходящее, как дон-Жуан увидел свои собственные похороны и вдруг нашлись дерзкие людишки, которые утверждают, что у них есть тайна воскресения, что они хотят жизни и построют ее. Научный анализ дерзко и внятно говорил, что право на стороне этих людей, гибель старых истин требовала признания новых, хотя и претендующих на метафизическую абсолютность, но тут и остановилось дерзание—слишком многого сразу потребовал неумолимый исторический рок. Представьте себе Савла, который не превратился в Павла, а застыл на полдороге, перестал быть яростным почитателем раввинов, отрекся от их премудрости, но и не воспринял света нового учения. Шпенглер остановился и, чтобы закрепиться на этой неудобной позиции, вызвал к себе на помощь Мефистофеля мистики и интуиции. У всякого Фауста есть свой Мефистофель.

А филистимляне могут смеяться. Для них понятно и крушение западно-европейской культуры, и понятна обусловленность исторических форм развития, релятивность якобы абсолютных истин. Для них понятно и то, чего не могут понять у Шпенглера даже сочувствующие ему люди. Шпенглер оставляет своих читателей в неизвестности и относительно причин одряхления культур, и относительно их монадологической замкнутости друг от друга, оставляет в святая святых своей ученой лаборатории разрешение таких кардинальных вопросов, как причины возникновения различных культур или тайну проникновения в душу чуждой культуры. В святая святых иерусалимского храма первосвященник хоть один раз в год, но все же входил,—сомнительно, чтобы даже сам Шпенглер хоть один раз в жизни побывал в святилище своего собственного храма. У Шпенглера внутренняя связь форм данной культуры мистична и имеет своим стержнем таинственную душу культуры—для филистимлянина эта связь вполне реальна и имеет твердый и осязательный стержень в виде определенных классовых группировок, основанных на определенных производственных формах. Но филистимская философия утверждает не только возможность крушения культуры, она утверждает и революцию, как способ этого крушения. В этом она бесспорно неприятна именно вследствие своей близости, сходства результатов, по полярной противо-

положности выводов. Шпенглерианство вещает смерть, философия социализма—воскресение.

Мечтатель, утопист, научный социалист—такова психологическая линия эволюции изгоев буржуазного общества. Сомнение в твердости общественных устоев, связанное с допущением их мирной эволюции, сознание их грядущей смерти—приятнее этой смерти в виде социальной революции, из которой рождается новое общество и новые истины,—такова эволюция в психологии его столпов. Изгойство совершило свой путь, найдя свое прибежище в рядах класса эксплуатируемых, столпы еще в дороге—мирную эволюцию они восприняли или, вернее, их заставили принять ее, некоторые из них осознали и грядущую смерть и преходящесть своих истин, кое-кто начинает воспринимать и музыку революции. К числу вторых относится и Освальд Шпенглер. Мистика и интуиция, несомненно, сильное противоядие против принятия революции, против принятия новых истин, против установления их диалектичности, но этот опиум имеет и свои опасные стороны—он ведет к злоупотреблению им, к полному погружению в источник всякой мистики и интуиции—в религию, откуда недалеко и до лона всеспасающей церкви. Там найдутся и новые твердые истины, единственно, пожалуй, твердые в наше смутное время. Интуиция—церковь—абсолютная истина—вот Харибда для мыслителей шпенглеровского типа. Принятие революции для них—Сцилла, но, право, хитроумный Одиссей был мудр, предпочтя гибель нескольких спутников гибели всего экипажа.

НА ПУТЯХ К ПРОЛЕТАРСКОМУ ИСКУССТВУ.

Б. Арватов.

I.

Великий смысл современных нам событий, мало-по-малу захватывающих мировой пролетариат, заключается в том, что проблема социализма впервые ставится перед нами, как реальная, практическая задача. Сегодня социализм перестал быть для рабочего класса прекрасным идеалом или сентиментальной мечтой,—напротив, лишь теперь (и прежде всего в Советской России) он встал во весь свой гигантский монументальный рост, предъявляя к новым строителям человечества великие положительные требования. Именно сейчас, когда пролетариат не на словах, а на деле, приступает к выполнению своей исторической миссии, он становится перед необходимостью выработки своих собственных жизненно-организационных методов и средств, создания своих собственных ученых и художников, чтобы сделать из них могучих организаторов грядущего пересоздания общества. Так нарождается идея пролетарской культуры, коренясь в глубочайших потребностях исторического процесса.

Этого, однако, мало. В роковой классовой битве с коммунистическим авангардом пролетариата, разыгрывающейся на арене послевоенного развала, умирающая буржуазия обладает, кроме экономических и политических средств, еще одним грозным оружием: своей культурой. Буржуазная интеллигенция,—вся эта многочисленная группа сознательных и бессознательных приказчиков капитала, на каждом шагу расставляет сладко-волшебные сети своего духовного богатства рабочему классу, поступая при этом так, как всегда поступает рассчетливый буржуа: припрятывая лучшее для себя, и лишь дешевый и гнилой товар сбывая плебеям, кладя в карман практические плоды и навязывая пролетариату лишь методы буржуазного мышления и творчества, т.-е. самое реакционное и опасное из ее классового багажа. Корни оппортунизма и приспособленчества, развращающие и тормозящие рабочее движение, гораздо глубже уходят в буржуазную почву, чем это принято думать. Индивидуализм и мещанство, комнатное высиживание реформ и теорий, пассивность и авторитарная созерцательность, подчиняя себе пролетариев, оказываются самым драгоценным завоеванием буржуазии, нашедшим себе друзей там, где она боялась увидеть врагов. Разве подкупленное или неподкупленное предательство всех этих Тома и Реноделей, Жуо и Лонге было бы возможным, если бы они не думали и не жили по-буржуазному? В том-то и дело, что самые формы и методы мышления, вся психика этих господ обработалась в далеко не полезной для пролетариата культурно-капиталистической атмосфере, от которой они восприняли не только жизненный опыт (ее, так сказать, кислород), но и манеру чувствовать и мыслить. Являясь покорным выучеником властвующих классов, оппортунизм всех стран, как и всякий выученик, оказался рабом своего собственного учителя.

Теперь более, чем когда-либо, пролетариат должен противопоставить себя буржуазии во всех отношениях; он должен принципиально отвергнуть капиталистический строй, не только с его фундаментом, но и с его организационными методами (культурой); распространяя классовый анализ на все виды духовного творчества, пролетариат должен объявить беспощадную борьбу буржуазии в самой фетишистической, самой приукрашенной, самой обманчивой и потому самой привлекательно-опасной цитадели капитализма,—в его научном и художественном храме, в притворах которого вынужден молиться, за неимением ничего другого, рабочий класс, снисходительно благословляемый самовлюбленными жрецами буржуазии и подталкиваемый услужливыми дьячками из лжесоциалистического лагеря.

Я не хочу, чтобы меня превратно поняли. Речь идет, разумеется, не о сжигании книг и картин, музеев и школ, не об отказе от многовекового человеческого опыта, накопленного в произведениях искусства и науки,—речь идет об их коренном преобразовании. Пролетарии—не вандалы и гунны, какими их пытаются в бешеной злобе изобразить все лакеи старого мира, от генералов до социал-предателей; пролетарии больше, чем кто-либо, и во всяком случае лучше рантьерствующих бездельников

сумеют оценить доставшееся им наследство, критически выделив из него жизненно-важные достижения человеческого творчества. Но пролетарии в то же время—революционеры по самой своей природе, и если они до сих пор почти не касались вопросов культуры, то только потому, что жизнь не ставила их перед ними. Сейчас обстоятельства круто переменились. Победа на культурном фронте становится для созидателей нового общества такой же насущной необходимостью, как и победа на фронте политико-экономическом.

Эта насущная необходимость возникла, по вполне понятным причинам, прежде всего в России. И уже оттуда стали кидаться семена новой формы рабочего движения, зачаточных пока, но уже не по дням, а по часам растущих молодых органов пролетарской культуры — пролеткультов. Нога в ногу шагая с коммунистической революцией, пролеткульты перешли уже в решительное наступление, присоединяя к критике оружием оружие критики, вырабатывая те методы, которые, по словам Маркса, становятся материальной силой, как только охватывают массу. Пролеткульты поставили своей задачей—и в этом залог их грядущего победоносного успеха—разоблачение и преодоление специализированной однобокости, индивидуализма и схоластической отвлеченности буржуазной науки с ее исканием абсолютных истин или, наоброот, с ее бесплодным скептицизмом относительности, возводимой опять-таки в какой-то абсолют. Целью пролеткультов является создание единых и целостных научных методов, жизненно связанных с трудовым опытом человечества, а с точки зрения этих методов истина не выискивается на небе и не представляет собою пустой и лживый мираж,—нет, она выковывается в социальной практике, вместе с нею изменяясь, вместе с нею прогрессируя.

В области искусства пролеткульты повели борьбу все с тем же индивидуализмом, с пассивным, изображательством, с художественной метафизикой, с авторитарным преклонением перед «вечной красотой», а главное, с полным отрывом от жизни, который заставляет буржуазного художника, поселившегося либо в музее, либо на театральных подмостках, то витать в заоблачных просторах субъективной фантастики, то добровольно накладывать на себя рабские цепи подражания существующему, то, наконец, ограничиваться реакционным копированием старых мастеров. Вместо этого пролеткульты поставили пролетарскому искусству задачу творческого пересоздания жизни, внесения искусства в быт, превращения художника из созерцательного иллюзиониста в пламенного борца и творческого сотрудника рабочего класса.

Все это создалось не случайно. Пролетариат не мог выдвинуть иной критики, не мог не поставить именно таких положительных требований. Сотрудничество коллективизм, реальная целостность идеологии (монизм) и революционная действенность—продиктованы были индустриальным рабочим их собственным положением в производстве.

Наша эпоха социальных переворотов, обнаруживших историческую несостоятельность капиталистического общества, логически и неизбжно приводит к культурной революции; совершить ее способен только проле-

тариат, а пролетариату свойственно, в противоположность стихийной слепоте буржуазного рынка, итти по предначертанному ему пути сознательно и прямо. Вот почему уже сейчас международный коммунизм должен распространить лозунг «Освобождение рабочих есть дело рук самих рабочих» на всю область культурного богатства человечества. С углубленным содержанием, с небывалой творческой полнотой, охватывающей не только экономическую и политическую, но и духовную эмансипацию рабочего класса, раздастся тогда наш всегдашний боевой клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

II.

Прежде чем писать об искусстве, я хочу оговориться. Те точки зрения и методы работ, которые выдвинуты мною в этом очерке в плоскости исторического материализма, являются в значительной мере моими личными точками зрения, а потому отнюдь не претендуют на общепризнанность. Поэтому с меня будет вполне достаточно, если товарищи увидят в моих набросках просто одно из первых теоретических обобщений художественного опыта, проделанного до сего времени в России, и откликнутся на это своей критикой, которая внутри рабочего класса всегда является ценным и необходимым выражением идейного сотрудничества.

Что же такое—искусство? У буржуазии на это имелось три ответа. Первый из них гласит: искусство—это мечта, противопоставленная действительности, это та волшебная красавица, в целомудренных объятиях которой может найти себе забвение от колотушек жизни растерявшийся и подыхающий в одиночестве индивидуалист. Буржуазная эстетика, правда, так не говорила, но именно таков был смысл ее высокопарных разглагольствований.

Второй ответ объявлял задачей искусства подражание действительности; художник—это фотограф, щелкающий тогда и там, когда и где ему заблагорассудится, а искусство должно быть зеркалом, пассивно отражающим то, что и без него всем видно.

Третий ответ наиболее откровенен: искусство есть проникновение в тайны мироздания, потустороннее визионерство, идущее своими эстетическими, изволите ли видеть, путями, секрет которых прочно упрятан в мансардах художников под ключом их собственной самовлюбленности и под бдительной охраной ученых жандармов буржуазной метафизики.

Пролетариат с отвращением выкинет все эти три ответа в мусорный ящик истории. Для пролетариата искусство является только особым видом социального творчества, организующего поступательное бытие человечества, активным орудием трудовой практики.

Чем же отличается искусство от остальных видов человеческой деятельности? Как показывает самое название, искусство есть мастерство par excellence,—какое-то особенное, квалифицированное мастерство. Ближайший анализ обнаруживает, что сущность этой «квалифицированности» заключается в следующем: художник—это такой мастер, каждый

продукт которого является целостным, или, что то же самое, гармоническим. Художник всего себя вкладывает в свое произведение, живет им, и потому его творчество необходимо должно быть свободным и добровольно-сознательным. Художник—это творец общественной гармонии, пределы и характер которой определяются историческим развитием общественных отношений. Неотвратимая же потребность в художественном творчестве вызывается биологическими законами жизни, диктующими всем организмам наиболее полное и синтетическое, взаимно дополняющееся и объединенное развертывание их жизненных активностей; недаром мы говорим не только об искусстве людей, но и об искусстве зверей и птиц. Таким образом, искусство характерно не своими особыми, отличными от всего прочего целями, и не своим материалом, а способом достижения этих целей, методами организации материала; способы и методы искусства, как только что сказано, сводятся к одному,—к гармоническому синтезу элементов и частей произведения в одно неразрывное целое. А следовательно, можно быть художником в чем угодно,—в политике и науке, в сапожном ремесле и инженерном деле, в токарном цехе и в студии изготовителя статуй, в текстильной мастерской и в мансарде специалиста по nature-morte. Повторяю: художнику не может быть выдан монопольный патент на звание возлюбленного красавицы-мечты, даже когда она ему не изменяет; художник и не фотограф, хотя бы ему и хотелось превратить свой череп в камер-обскуру; художник, наконец, не пророк метафизических пустынь, как бы ему это ни льстило; художник—не больше, не меньше, как квалифицированный организатор, наиболее целостный, наиболее свободный творец высшей марки, синтетик более чем кто-либо, и в этом его огромное жизненное значение.

Было время,—Европа переживала тогда полуфеодальный, полуремесленный период,—когда искусство проникало во все поры жизни. Книги и платья, жилища и мебель были отмечены вкусом художника; ручное производство объединяло его с крестьянином и ремесленником, открывая перед ним широко двери социального строительства. Надо, однако, указать, что слияние искусства с жизнью было возможным не потому, что ремесленники были художниками,—напротив, это произошло в силу того, что художники были ремесленниками; ремесленная техника, в которой исполнитель является в то же время и организатором, свободным и самостоятельным, допускала целостное творчество по любому направлению. Вскоре, впрочем, все изменилось. Хищная лапа купца, денежными тисками сжавшая горло ремесленника, быстро заставила художника спасаться в те отрасли производства, которые еще сохраняли тень независимости, и в начале XV века мы встречаем их в роли ювелиров. Тень эта, положим, быстро растаяла под палящими лучами всемогущего золота. Прошло несколько десятилетий, и госпожа Гармония была выкинута из промышленности подкованным сапогом негостеприимного торговца.

Одновременно развивался в другой сфере не менее роковой процесс. Соборы раннего средневековья выстраивались коллективами мастеров, переходившими из города в город и совместно осуществлявшими свои ар-

хитектурные планы. Архитектор, живописец и скульптор в органическом синтезе воздвигали здания, конструктивно и целесообразно дополняя друг друга: архитектор строил, скульптор оформлял, живописец окрашивал. И вот рынок сумел быстро разъединить некогда неразлучных товарищей. Конкуренция, вызвавшая усиленную специализацию и заставившая города переманивать друг у друга художников, привела к тому, что какой-нибудь выдвинувшийся своим талантом живописец, будучи приглашенным на постройку, плевал с высоты своего индивидуалистического величия на общий замысел,—теперь его заботила лишь собственная субъективная идея. Мало этого: раньше он подчинял окраску плоскостям и объемам архитектурного целого,—теперь, превратившись в услужателя купцов, он принялся изображать их во всех видах и позах, ставя живописи чуждую ей технически задачу: стать точной иллюзией действительности. На многие века он потерял чувство целесообразного, и зрительно проламывая стены, потолки и полы, захлебнулся в мутной воде перспективных ухищрений. Надо было еще немного. Когда рынок потребовал от художника свободной продажи его произведений в частные руки, архитектор, живописец и скульптор распрощались друг с другом. Первый к XIX веку оторвался окончательно как от традиций, так и от социальных корней, принявшись взамен этого с усердием академического филистера копировать все стили от Египта до Ренессанса; второй и третий разъехались по мансардам для того, чтобы гармонию реальной жизни заменить призрачной жизнью гармонии.

Подлинное искусство всегда рассчитано на наш вкус, на непосредственное воздействие на зрителя,—иными словами, оно может и должно существовать, как потребительская стоимость; капитал же интересуется лишь стоимостью меновой. И чем шире становилось его мертвенное влияние, тем все реже, все случайнее и потому все произвольнее сказывалось художественное творчество, еще не ушедшее из жизни. Последний законченный европейский стиль—рококо,—это шаловливое создание впавшего в детство феодализма, был ведь не больше, как самой очаровательной насмешкой над жизненной конструктивностью. Какой-нибудь будуар королевской любовницы, с его срезанными углами, зеркалами, капризным бегом линий, изгибами и налепками,—разве он не был создан, словно нарочно, для того, чтобы прикрыть от изысканного взора сиятельной обитательницы тяжелую кладку стен, политую кровью и потом подневольных строителей. В сущности это было только последовательным завершением давнишнего процесса; уже в эпоху Людовика XIV архитектора не стеснялись смешивать античные орнаменты и итальянские арабески на готических столбах или высекать коринфские капители для поддержания арок свода. Когда же пришел XIX век, покоренный всемогущей машиной, этим злым гением буржуазного художника, стиль развалился на кусочки. И за неимением своего, стали подражать всему: наступила пора эклектической и позорной безвкусицы.

Взамен нее начал свое триумфальное шествие тот вид искусства, который только и мог процветать в индивидуалистическом обществе:

обособленная картина, отразившая субъективную замкнутость и внежизненность своего творца. Недаром она нуждается в рамке! Назначение последней—не допустить даже мысли о том, что у картины есть хоть какое-либо соприкосновение с внешним миром. Если раньше живопись была органической цветовой организацией зданий, платья, вещей, то теперь ее произведения превращаются в самостоятельный мир «в себе» и «для себя». А задачей этих произведений становится отражение одинокой души индивидуалиста, в свою очередь приспособленного только к тому, чтобы «творчески», как он любит в утешение выражаться, отражать внешний мир. Но сюжет, этот непрошенный гость, насильно навязанный живописи исторической действительностью, путем диалектического самоотрицания, стал постепенно превращаться в пустой фантом, в печку, от которой танцуют. Все больше субъективного впечатления, все больше выразительного эффекта, все больше самодовлеющей игры эмоций,—таков путь, проделанный картиной от Делакруа к Курбэ, от Курбэ к Монэ, от Монэ к Ван-Гогу. Рано или поздно предмет должен был потерять всякий смысл в глазах опустошенной личности, и что удивительного, если эпигоны Ван-Гога считают сегодня в числе своих вождей русско-немецкого художника Кандинского, превратившего картину в беспредметную игру чистых красок, подчиненных одному закону—метафизической фантазии, плюнувшего на реальную жизнь живописца.

И только Сезанн, каменьщик в живописи и отшельник в жизни раскрыл новые горизонты, принявшись за конструктивно-техническое использование живописного материала. Однако, и тут буржуазия оказалась в тупике: школа Сезанна, развившая при помощи Пикассо принципы учителя, ограничила свои построения все тем же аршином холста, снова и снова заключенного в проклятую рамку. Современные художники не в состоянии оформлять реальную жизнь или окрашивать «настоящую» вещь; с высокомерностью выскочек они предоставляют это занятие малярам.

Было бы странным, если бы буржуазные живописцы не страдали от своего отрыва от жизни; человек, даже когда он забывает о человечестве, все же остается социальным животным. И действительно: через всю историю новейшей живописи проходит красной нитью стремление к фреске, к уходу за пределы рамочного прямоугольника, полонившего искусство. Но как же найти эту фреску? Ведь нуль всегда остается нулем,—без жизни не создать жизни. Художники, однако, оказались хитрее. При свете белого дня, на глазах у всех, они стали заниматься воровством, которое буржуазный суд не внес еще в кодекс подлежащих ему преступлений,—они занялись стилизацией. Пюви де Шаванн, Морис Дени, Анри Матисс и многие другие, подняв знамя художественной реакции, решили линиями Джотто и красками дикарей осчастливить наш век электричества и пролетарских революций.

Другие, тоскуя в безысходном одиночестве, но не понимая, что искусством не переделаешь жизни, что, наоборот, лишь пересоздание

жизни освободит искусство,—либо бежали из общества, либо пускали себе пулю в лоб. Но ни таитянское поломничество Гогена, осуществившего сентиментально-утопический идеал дедушки Жан-Жака, ни самоубийство Ван-Гога не спасли искусства, доказав только их собственную несостоятельность. Ван-Гог, пожалуй, глубже всего понял причины художественного гниения,—недаром он так ждал помощи от социалистов. Но все дело в том, что надо не ждать, а действовать, и не одному, а с тем великим отрядом человечества, который через победы и поражения, не упиваясь первыми и не смущаясь последними, идет впереди всех к встающему перед ним впереди гармоническому обществу. Отряд этот—пролетариат. Лишь он на аркане классовой борьбы сбросит старый мир, удушающий искусство; лишь его художники поведут бой за творческое пересоздание жизни под знаменем международного коммунизма.

III.

Я не буду здесь касаться первых шагов, которыми отмечено пролетарское искусство в России, откладывая это до другого раза; не буду говорить и о конкретных его проявлениях; сейчас мне хочется остановиться лишь на тех общих и неизбежных, с моей точки зрения, особенностях, которые должны будут отличать уже кристаллизованное, более или менее сложившееся искусство пролетариата, вытекающее из социального бытия последнего.

Организуя стихийные активности природы, индустриальный пролетариат является единственным реальным, коллективным архитектором жизни; но если когда-то он был только физическим придатком к инструменту, своего рода инструментом инструмента, то теперь, в гигантских лабораториях развитой машинной техники, он все более и более присоединяет к усилию физическому усилие духовное, синтетически объединяя их в действенном трудовом процессе. Коллективный исполнитель становится, кроме того, коллективным организатором, и одно только обстоятельство парализует его: власть и присвоение капитала. Смерть капитала превращается в его освобождение, с концом эксплуатации начинается тот период социального строительства, когда многоголовый Гефест сможет создавать то, что он хочет, и так, как он сам считает нужным. Рабский и подневольный труд сменится тогда добровольным товарищеским сотрудничеством, радостно и объединенно производящим общий продукт. Иными словами, труд станет творчеством. Без угнетения, свободно и дружно будут пролетарии строить жизнь, внося в родное любимое дело весь свой энтузиазм, все свои лучшие порывы и стремления. Жизнь в ее целом будет подчинена не слепому велению рынка, а сознательному и планомерному руководству людей-творцов. Так будет постепенно осуществляться гармония жизни. И я спрашиваю: какой выродок захочет тогда бежать из общества в бессмысленную погоню за несуществующим призраком внежизненной гармонии? Можно сказать наверняка: если и найдется такой, то его станут лечить в психиатрической лечебнице.

Что это, собственно, значит? Это значит, что пролетарии, взяв власть в свои руки, будут не изображать красивое тело, а воспитывать настоящего живого гармонического человека; не рисовать лес, а выращивать парки и сады; не украшать стены механически подвешенными картинками, а окрашивать эти стены; не фотографировать в красках изящные костюмы, а производить их в мастерской. Вся эта буржуазная классификация художников жанра, портрета, nature-morte провалится в небытие, а на их место вступят художники металлисты, деревообделочники, текстили, электрики, друзья и сотрудники своего великого класса. *Искусство органически совпадает с производительным трудом.* Жизнь впервые заискрится динамическим потоком выразительных форм.

О такой жизни до сих пор только мечтали. Английский социалист-художник, Вильям Моррис, с пламенностью пионера призывал к слиянию искусства и жизни. Но, оставаясь во власти мелко-буржуазной ремесленной психологии, он шел по пути возврата назад, к «золотым дням» средневековья; его реакционный утопизм быстро был ликвидирован могучим натиском машины-завоевательницы.

Другую дорогу избрал сегодня французский теоретик, Анри Клузо. С филистерством буржуазного профессора, на смерть перепуганного торжеством новейшей индустрии, он взывает к здравому смыслу своих собратиев, убеждая их не сопротивляться машине: все равно ведь ничего не поделаешь. Где же видит выход из положения наш добродетельный Клузо? «Художественные ремесла могут подняться путем энергичного усилия и союза промышленников, рабочих и декораторов. Государство же должно им помочь» [1]).

Какая идиллия, не правда ли? Совсем во вкусе г-на Лонге. Клузо даже предлагает рабочим в виде вознаграждения 8-часовой рабочий день. Будьте же благодарны, товарищи рабочие, и превращайтесь в послушных выполнителей воли фабрикантов и их нового приятеля, «вдохновенного» служителя буржуазного искусства: вы будете делать, «les decorateurs» будут «украшать» (делать они не умеют: руки нежны!), капиталисты будут наживаться, а «l'etat doit les aider» [2]). Но—увы!—даже если все Ренодели мира сойдутся для того, чтобы плясать под соглашательскую дудочку Клузо, из этого ничего не выйдет. Там, где царствует прибыль, не может быть и речи о творчестве. Хороший урок дали в этом отношении немцы: они попробовали организовать такой «священный союз»,—и что же?—через пару лет он превратился в лавочку, занимавшуюся тем, чем занимается всякая лавочка: получением барыша. «Священное» искусство было забыто. Не фабрикант научился у художника,—наоборот, художник кое-чему научился у фабриканта.

Итак, лишь диктатура пролетариата сделает машину послушным и гибким орудием в руках коллектива,—орудием таким же чутким и подвижным, как кисть в руке отдельного художника. Кисть же понадобится

---

[1]) Henri Clouzot, «Les métiers d'art». Париж, 1920 г. Стр. 77.

[2]) Государство должно им помочь.

для того, чтобы в технической лаборатории изучать и конструировать живописные материалы: их плотность, фактуру, цвет, их приложение к живой действительности. Тут пролетариат с небывалой мощью использует достижения буржуазных «конструктивистов» (школа Сезанн-Пикассо-Татлин), превратив индивидуалистическую игру с «самоцелью» в творчество реальных форм, переводя живописные построения с картины на действительный предмет. Вместе с тем он не ограничится абстрактной формулой «целесообразности», но, оставаясь в ее пределах, вдохнет в технические формы всю силу своего эмоционального переживания.

Так будет найден не в кабинете ученого, а в исторической борьбе путь к органическому стилю. Города и железные дороги, сады и виадуки, жилища и костюмы—все будет насквозь пронизано творческой волей, рычагом электричества и железо-бетона пересоздающей мир. Вместо каменных коробок-домов—чудеса из стекла и расцвеченной стали; вместо серенькой пошлости сюртуков и юбок—сверкающие солнечные материи; вместо невыносимого однообразия стен и таких же невыносимых потуг стилизаторов-реакционеров—монументальная выразительность окрашенных плоскостей; вместо метафизики родэновских статуй—конструктивно-скульптурные формы мебели. И не в омертвелой законченности раз навсегда установленных образцов, а в непрерывной эволюционной динамике. От достижения к достижению, все время меняя и усовершенствуя формы, рука об руку с успехами техники и развитием социального быта, будет твориться этот текучий, живой, никогда не завершающий себя стиль,—стиль самого динамического из классов человечества, стиль пролетариата.

Все это не утопия, не болезненная фантазия маниака,—все это необходимый и естественный результат развития производительных сил, на наших глазах в неудержимом напоре разрывающих гнилую оболочку капиталистических отношений. Результат этот, однако, придет не скоро, его окончательное осуществление возможно лишь в социалистическом обществе. До тех же пор, пока классовая борьба будет тяготеть над миром, на ряду с художником-строителем пролетариат создаст еще один новый тип—художника-политика. Плакат и гравюра, вывеска и иллюстрация, знамя и карикатура станут хлестким кнутом, подгоняющим отсталых трусов, и воодушевляющим призывом для борцов на баррикадах коммунизма.

«Тенденциозное насилие»,—скажут эстествующие лицемеры из буржуазного лагеря. Да, для вас, внепространственных и вневременных самообслуживателей, для вас, рыцарей «вечной красоты», для вас, вольных и невольных пленников анархо-индивидуализма,—для вас это было бы, действительно, насилием. Но ведь мы и не зовем вас подчиниться ему. Оставайтесь там, в одиночестве своего вдохновения, отвернувшегося от человеческой трагедии. Рабочий класс сумеет обойтись без вас. Как ни тяжела, как ни ожесточенна его борьба за будущее, эта борьба лишь удваивает его силы. Пролетариат в своих собственных сынах найдет себе художников жизни; они не уйдут от него, не замкнутся в эгоистической

самовлюбленности; они, и только они, до конца будут делить со своим классом его печали и радости, его падения и подъемы, будут гореть его мечтой, с винтовкой в одной руке, с кистью в другой, завоевывая уже колеблющиеся бастионы капитализма.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ.

Сергей Городецкий.

I.

Александр Блок—поэт того огромного культурного и психологического провала, который образовался между двумя революциями—пятого и семнадцатого года. С нежнейшими очами и детски-чистым сердцем спустился он в бездну, бесстрашно прошел самыми жуткими ее ущельями и вынес свой дантовски-тяжелый опыт в ослепительную современность. Острая значительность его поэзии для наших дней и бессмертие ее в истории большой русской литературы определяется той исключительной честностью песнопения, с которой он выполнил свой подвиг и которая делает самые фантастические строки его стихов фактическим документом его эпохи.

Чужой ему внутренне, я имел счастье и радость начинать свою литературную работу под непосредственным его влиянием. Под солнцем нашей молодости была какая-то общая узкая тропка, где-то в снежных лесах Сольвейг, или на весенних проталинках, где прыгает болотный попик, может-быть, в болезненно-нежной и наивно-мистической атмосфере «Тропики» — детского журнала, издаваемого Поликсеной Соловьевой, сестрой философа, куда Блок прежде всего меня направил и где он сам чувствовал себя хорошо. Во всяком случае, моя память, при всей ясности дальнейшего разлада, резко определившегося в последней прошлогодней встрече, любовно хранит начало нашей работы, почти одновременное.

И я хочу вспомнить юность, как вспоминали мы ее с ним в прошлом году, и воскресить незабываемо прекрасный образ молодого Блока,—остальную же его жизнь, темную и страшную, осветить лучами его юности.

У меня нет сейчас его писем, и я не хочу писать «биографическую канву», я считаю первым долгом восстановить и сохранить его ранний лучистый образ. Как он встал передо мной нынешней осенью, на море, в мучительный момент известия о его смерти, так и стоит, и другого Блока я еще не вижу, а вижу только того, каким вошел он в ад. А может-быть, только такой Блок и был, во всей своей поэзии и в жизни своей всей.

II.

Я встретился с ним в первый раз и познакомился на лекциях по сербскому языку проф. Лаврова. Я переходил на третий курс, он, должно-быть, был на четвертом.

В старинном здании Петербургского университета—двенадцати коллегий—есть замкнутые, очень солнечные маленькие аудитории, где читают профессора, которых не слушают. Таким и был Лавров, читавший предмет обязательный, но скучный. Толстый, красный, сонный, он учил нас сербскому языку и читал нам былины. В сербском языке, в прошедшем времени, «л» переходит в «о»: «мойя майко помамио»—получается какой-то голубиный лепет. Блоку это нравилось, мне тоже, и, кажется, на этот именно предмет мы обменялись с ним первой фразой. Он ходил в аккуратном студенческом сюртучке, всегда застегнутом, воротник был светло-синий (мода была на темные), волосы вились, как нимб, вокруг его аполлоновского лба, и весь он был чистый, светлый, я бы сказал, изолированный—от лохмачей, так же, как и от модников. Студентов было очень мало. Блок лекций не пропускал, и аккуратно записывал все, что говорил Лавров, в синие гимназические тетрадки. Я ходил редко, и Блок мне передал свои записки—несколько тетрадок должны быть в моем архиве в Петербурге, если он цел. Там, ранним его почерком, записана вся сербская премудрость.

Не помню как, но очень скоро выяснилось, что мы оба пишем стихи. Наметилась близость. Скоро я услышал Блока в литературном кружке пр.-доцента Никольского, где читали еще Семенов и Кондратьев, будущие поэты. Ничего не понял, но был сразу и навсегда, как все, очарован внутренней музыкой блоковского чтения, уже тогда имевшего все свои характерные черты. Этот голос, это чтение, может-быть, единственное в литературе, потом наполнилось страстью—в эпоху «Снежной Маски», потом мучительностью—в дни «Ночных Часов», потом смертельной усталостью—когда пришло «Возмездие». Но ритм всю жизнь оставался тот же, и та же всегда была напряженность горения. Кто слышал Блока, тому нельзя слышать его стихи в другом чтении. Одна из самых больных мыслей при его смерти: «как же голос неизъяснимый не услышим». Записан ли он фонографом?

Кружок собирался в большой аудитории «Jeu de pomme»'а—так называлось старое здание во дворе университета. Все сидели за длинным столом, освещаемым несколькими зелеными лампами. Тени скрадывали углы, было уютно и ново. Лысый и юркий Никольский, почитатель и исследователь Фета, сам плохой поэт, умел придать этим вечерам торжественную интимность. Но Блока не умели там оценить в полной мере. Пожалуй, больше всех выделяли Леонида Семенова, поэта талантливого, но не овладевшего тайной слова, онемевшего, как Александр Добролюбов, и сгинувшего где-то в деревнях.

Встречи с Блоком в университете всегда мне были радостны. Правда, болтливой студенческой беседы с ним никогда не выходило, но он умел

простым словам придавать особую значительность. По типу мышления он с ранних лет был подлинным символистом. Бодлэровские «корреспондансы» я постиг впервые у него.

Летние вакации нас разлучили—он уехал в Шахматово, на станцию Подсолнечное, записав мне свой адрес, и за лето мы обменялись несколькими письмами. Осенью мы встретились уже у него.

Он жил тогда в Семеновских казармах на Невке, и весь второй цикл стихов о Прекрасной Даме, где дается антитеза первому облику Девы, тесно связан с этой фабричной окрайной. Огромная казарма на берегу реки со всех сторон окружена фабриками и жилищами рабочих. Деревянный мост—не тот ли самый, на котором стояла Незнакомка,—дает вид в одну сторону на блестящий город, в другую—на фабрики. По казенным лестницам и коридорам я пробегал к высокой казенной двери, за которой открывалась квартира полковника Кублицкого-Пиоттух, мужа Александры Андреевны, матери Блока, и в этой квартире две незабвенных комнаты, где жил Блок.

Я их помню наизусть.

Первая—длинная, узкая, со старинным диваном, на котором отдыхал когда-то Достоевский, белая, с высоким окном; аккуратный письменный стол, низкая полка с книгами, на ней всегда гиацинт. На стене большая голова Исадоры Дункан, Монна Лиза и Мадонна Нестерова. Ощущение чистоты и молитвенности, как в церкви. Так нигде ни у кого не было, как в этой первой комнате Блока. Вторую я не любил—большая, с мягкой мебелью, обыкновенная.

Навстречу выходил Блок, в длинной рабочей куртке с большим белым воротником, совсем не студент, а флорентинец раннего ренессанса, и его Прекрасная Дама, тоже, как со старинной картины, в венецианских волосах. Потом переходили в гостиную и столовую. Приходили Андрей Белый и Евгений Иванов, Татьяна Гиппиус. За чаем начиналась беседа, читались стихи. О чем говорили? Некоторые темы помню: о синтезе искусств, о пути «a realibus ad realiera»—по позднейшему термину Вячеслава Иванова. Я участвовал и понимал, поскольку беседа была общей, поскольку говорили и Евгений Иванов, и Александра Андреевна. Но вдруг Белый и Блок уходили в туман и, уставившись друг на друга, подолгу говорили о чем-то своем, словами обыкновенными, но уже ассоциированными с особыми, им одним понятными переживаниями. Рождался мир образов, предчувствий, намеков, соответствий,—та музыка слов, откуда вышли и «Симфонии» и все метаморфозы Прекрасной Дамы. Потом опять шли в белую келью и поздно расходились. Чудесно было бежать далеко домой по ночному городу с горячей головой.

Блок и тогда был чутким критиком. Я уверен, что он никогда и никого не оттолкнул из осаждавших его бесчисленных начинающих поэтов. Я писал тогда еще совершенно дрянные детские стихи и никому, кроме Блока, и нигде, кроме как у него, их не читал. И такого прямого и нежного толчка к развитию и творчеству, как от косноязычных реплик Блока, я никогда и позднее не имел, даже от самых признанных крити-

ков—от них всего менее. И чрезвычайно тонко вселил он в меня благотворный скепсис к редакциям и уверенность в важности своего личного пути для каждого, когда я стал посылать стихи в редакции, и их решительно нигде не брали в печать. Сам Блок уже напечатал свои стихи в «Новом Пути». Помню, как я бегал в Публичную Библиотеку читать лиловые книжки. Помню, как в университете Блок торжественно мне передал первую свою книжку с ласковой надписью—грифовское издание, с готическим рисунком на обложке, который я тут же опротестовал, как ложь и несоответствие. Для литературного университета книжка была праздником. Молодежь догадалась о ее значении раньше, чем критика. Я упорно многого не понимал и требовал объяснений непонятных мест, совсем, как знаменитые критики того времени. Блок ничего объяснить не мог и только улыбался своей безмятежной и каменной улыбкой греческой статуи. Для него тогда был первый трудный период. К выходу книги уже определился раскол в его центральном образе, и небесные черты Девы, встреченной в храме, уже болезненно искажались, подготовляя образ Незнакомки. Райская чистота первых видений уже столкнулась с миром фабричных перекрестков. Поставленные в первой книге теза и антитеза расширялись и раздирали поверхностный синтез последнего стихотворения книги. Все юношеские муки мысли, ставшие известными только теперь по недавно обнародованным стихам периода до Прекрасной Дамы, обнажались под первыми проблесками уже шедшей революции. Блок Прекрасной Дамы уже тогда спорил с Блоком «Двенадцати». И этот внутренний спор приходилось выдерживать ему и вести одному, потому что литературное болото «Нового Пути» и немного позднее—сред Вячеслава Иванова старалось закрепить, зафиксировать, сделать стилем Блока только тезы, Блока мистики деревенской церкви. В обоих лагерях критики, как шипящей, так и кадившей, не было ни одного голоса, который оценил бы и двинул Блока антитезы, Блока фабричных перекрестков. Теперь это может быть ясно всем,—тогда это никому не было видно, и если Блок пришел к «Двенадцати»,—в этом его личный подвиг, в этом его величайшая победа над мещанской средой, засасывавшей тогда его первоцвет так же, как теперь засасывается его память.

III.

Тревожный, ищущий, обворожительно кроткий, встретил Блок пятый год. Помню, как Любовь Дмитриевна с гордостью сказала мне: «Саша нес красное знамя»—в одной из первых демонстраций рабочих. Помню, как значительно читал он стихотворение, только что написанное, где говорится о рыцаре на крыше Зимнего Дворца, склонившем свой меч. Бродили в нем большие замыслы. Он говорил, что пишет поэму — написал только отрывок о кораблях, вошедший в «Нечаянную Радость». Эта зима, с черными силуэтами детей, подстреленных 9 января на деревьях Александровского сада, с казачьими патрулями, разъезжавшими по городу, была для него зимой большого творчества, давшего позднее «Нечаянную

Радость», основные темы которой зрели тогда. Прилив сил, освеженное чувство природы, детски-чистое ощущение цельности мироздания дал Блоку пятый год. Летом он увидел болотного попика, бога тварей, что было большой дерзостью тогда. Долго искал он объединяющего названия для новой книги. Помню, Белый, на узеньком листике, своим порхающим почерком, набросал около десятка названий—было среди них: «Зацветающий Посох». К выходу книги Блок остановился на «Нечаянной Радости». Но гибель революции пятого года и связанный с ней расцвет мистического болота не дал всем этим исканиям развернуться в полнозвучную песню. Все же эта книга остается единственной книгой радости Блока. Дальше пошли пытки и голгофы. К этому периоду относится время наибольшей моей дружбы с ним. Я жил в Лесном. Блок умел и любил гулять в лесу, на окраинах. Мы ходили весной через Удельный парк, к Озеркам, зеленый семафор горел на алой заре. Летом мы опять переписывались. Мужественно-здорового, крепкого, деревенского много было в Блоке этого периода. Мистическая дымка первых дней отлетела от него, тревога и хмель снежной ночи еще не нахлынули. Он еще не думал о театре, родившемся из его раздвоенности. Северная сила была в нем, без неврастении Гамсуна, без трагедий Ибсена. Была возможность Блока, нигде не узнанного, каким он был бы, если бы пятый год был семнадцатым. Была возможность могучего сдвига таланта в сторону Пушкина (от Лермонтова—властителя ранних дум Блока) и Толстого (от Вл. Соловьева, сознательно взятого в вожди в первый период). Этого Блока выявить и высвободить нужно, чтобы понять огромный запас сил, с каким он совершил свое нисхождение в провал между пятым и семнадцатым годами. Но история готовила ему другую судьбу. Реакция убила его Сольвейг и от музыки зеленого леса привела его к арфам и скрипкам цыганского оркестра. Важно указать, что он знал и любил себя—силача, здоровяка. Никогда после он так хорошо не умел смеяться и шутить, как в этот период. Помню, играли мы втроем: он, я и Владимир Пяст, пародируя названия книг и фамилии новых поэтов. «Александр Клок»—предложил он про себя и—«Отчаянная Гадость» («Нечаянная Радость»).

Летом этого года я написал в деревне центральные стихи «Яри». Послал ему. Он один из первых и мудрее многих сказал о них то, о чем через год все кричали.

Осенью начались «среды» Вячеслава Иванова, на Таврической, над Государственной Думой. Я там не бывал. Блок бережно меня от них отстранял. Попрежнему мы встречались только у него. Подвел Пяст. В конце года он привел меня на «башню», как назывались чердачные чертоги Вячеслава. В виду того, что в период «Снежной Маски» среды сыграли для Блока большую роль, нужно на них, немного забегая вперед, остановиться. Большая мансарда с узким окном прямо в звезды. Свечи в канделябрах. Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал в хитоне. И вся литература, сгруппировавшаяся около «Нового Пути», переходившего в «Вопросы Жизни». Бывали: мистики—троица: Мережковский, Гиппиус, Философов; Бердлев; профессура и доцентура: Зелинский, Ростовцев,

Евгений Аничков; Георгий Чулков, творивший тогда свой «мистический анархизм» и «Факелы», Валерий Брюсов, Блок, Андрей Белый, Бальмонт, Сологуб, Ремизов, Эрберг; критики только что нарождавшихся понедельничных газет—Чуковский и Пильский; писатели из «Знания»—Леонид Андреев, Семен Юшкевич; затем эстеты—Рафалович, Осип Дымов, Сергей Маковский, Макс Волошин; был представлен и марксизм—Столпнером и, кажется, один раз Луначарским; художники — Сомов, Бакст, Добужинский, Бенуа и, наконец, молодежь: Кузмин, Пяст, Рославлев, Яков Годин, Модест Гофман. Собирались поздно. После двенадцати Вячеслав или Аничков, или еще кто-нибудь делали сообщение на темы мистического анархизма, соборного индивидуализма, страдающего бога эллинской религии, соборного театра, Христа и Антихриста и т. д. Спорили бурно и долго. Блестящий подбор сил гарантировал каждой теме многоцветное освещение—но лучами все одного и того же волшебного фонаря мистики. Маленький Столпнер возражал язвительно и умно, но один в поле не воин. Надо отдать справедливость, что много в этих средах было будоражащего мысль, захватывающего и волнующего, но, к сожалению, в одном только направлении. После диспута, к утру, начиналось чтение стихов. Это проходило превосходно. Возбужденность мозга, хотя своеобразный, но все же исключительно высокий интеллект аудитории создавали нужное настроение. Много прекрасных вещей, вошедших в литературу, прозвучали там впервые. Оттуда пошла и «Незнакомка» Блока. В своем длинном сюртуке, с изысканно-небрежно повязанным мягким галстуком, в нимбе пепельно-золотых волос, он был романтически-прекрасен тогда, в шестом—седьмом году. Он медленно выходил к столику со свечами, обводил всех каменными глазами и сам окаменевал, пока тишина не достигала беззвучия. И давал голос, мучительно-хорошо держа строфу и чуть замедляя темп на рифмах. Он завораживал своим чтением, и когда кончал стихотворение, не меняя голоса, внезапно, всегда казалось, что слишком рано кончилось наслаждение, и нужно было еще слышать. Под настойчивыми требованиями он иногда повторял стихи. Все были влюблены в него, но вместе с обожанием точили яд разложения на него. В конце пятого года и в шестом среды Вячеслава еще имели некоторую связь с революцией, с общественностью. Но выявление их и развитие шло в сторону интеллигентского сектантства, мистической соборности, выставляемой против анархизма личности, тоже поощряемого. Все более накипало гурманства в отношении к темам. Ничего не решалось крепко и ясно. Процесс обсуждения был важнее самого искомого суждения. Целью художнику ставилось итти от земной реальности к реальности небесной через какие-то промежуточные звенья сознания, которые именно и должен был уловить поэт-символист путем изображения «соответствий». В конце-концов, всю эту хитрую музыку каждый понимал по-своему, но она постулировалась как всеми искомая единственная истина. Возражали: будущие богоискатели, марксисты, реалисты, но настроение давал Вячеслав. От идеи страдающего Диониса и, следовательно, поэта-жертвы, он уже начинал переходить к идее «совлечения», «нисхождения», применяемой к исто-

рической судьбе России. Достоевский назывался «Федором Михайловичем», как сообщник и хороший знакомый. Чем больше разгоралась реакция, тем более среды заинтересовывались идеями эротики. Правда, здесь никогда не ставились «проблемы пола», и Вербицкая была в презрении, но по существу-то разница была только в марке. Из этой хитрой музыки выявлялись самые разнообразные течения. Чулков спелся с Вячеславом на теме «мистического анархизма» и ловил на «Факелы» Андреева и Блока. Первый попался больше, чем второй. Молодой студент Модест Гофман изобрел «соборный индивидуализм». Но все было замкнуто в узком мистико-эротическом, интеллигентски-самодовольном кругу. Запах тления воспринимался как божественный фимиам. Сладко-дурманящая, убаюкивающая идейными наркозами атмосфера стояла на «Башне», построенной «высоко над мороком жизни». Дурман все сгущался. Эстетика сред все гуще проникалась истонченной эротикой. Кузьмин пел свои пастушески-сладострастные «Александрийские песни», Сомов и Бакст были законодателями вкуса в живописи, пряно-чувственного—у первого через призму помещичьей жизни, у второго через античность. «Бурно ринулась мэнада, словно лань, словно лань», без конца читал Вячеслав свое любимое всеми стихотворение. Все были жрецами Диониса. На этом парнассе бесноватых Блок держался как «Бог в лупанаре» (название стихотворения Вячеслава, обращенного к Блоку). Но душа его была уже в театре, что означало победу в нем лирики над эпосом, ночи—над солнцем, мистики—над революцией.

Из трех его «лирических драм» только в отдельных местах «Короля на площади» и в сатирических сценах буржуазной гостиной «Незнакомки» чувствуется Блок, несший красное знамя с рабочими пятого года. «Балаганчик» же, за исключением сцены заседания мистиков, целиком мистико-эротический дурман, рожденный реакцией. Именно он стал любимой пьесой в театре Комиссаржевской-Мейерхольда. Театр сильно увлек Блока. Первому представлению «Балаганчика»—31 декабря 1906 г.—предшествовал целый ряд чтений пьесы у Блока и Вячеслава. Пьеса заколдовывала внимание. Это, пожалуй, единственная пьеса русской романтики со всеми ее непременными чертами: ироническим реализмом и мистической мечтой. Тема арлекинады целиком вышла из предыдущих стихов Блока. Арлекинада—любимый лейт-мотив Блока («Двенадцать»—тоже арлекинада). Вокруг «Балаганчика» сразу создалась борьба защитников и возражателей. Последние много нападали на структуру пьесы, построенной как лирическое стихотворение. Театр Мейерхольда как нельзя лучше осуществил трудные задания автора. Музыка Кузьмина, особенно вальс, затягивала в сладкий омут. Декорации Сапунова отлично передавали мистически-чувственный колорит пьесы. Мейерхольд в тревожных mise-en-scène чутко уловил символику блоковских образов. Это была безусловная победа театра. На первом представлении Блок маской торжественности скрывал большое беспокойство. Театр был первым его исходом из узкого круга лирики,—исходом, которого он искал всю жизнь. Аплодисменты и шиканье встретили спуск занавеса. Но мастер был до-

волен. В зимних метелях уже мелькал облик «Снежной Маски». Вокруг Блока очертился магический круг. Внешне он совершенно ясен: среды Вячеслава, вечера у Комиссаржевской, ее театр, вечера у Веры Ивановой, только что сыгравшей Раутенделейн в театре Суворина, ночные поездки парами на лихачах на острова, Снежная Маска. Из магического круга своей белой комнаты, своей первой юности, Блок вошел в другой круг, более глубокий, ниже, ближе к аду, но тоже замкнутый,—круг театра, метелей, страсти. Кажется, он был счастлив. По крайней мере, он был наиболее красив в этот период. Осознав себя мастером, почуяв в театре Мейерхольда простор, счастливый в страсти, Блок маленький вальс своего круга воспринимал как мировое вихренье. Но не надолго «Мрежи иные» его ожидали, «иные заботы».

IV.

Как зерно на солнце, рвалась из него коренная его, здоровая сила. Следующий период его жизни характеризуется героическими попытками выйти из заколдованного круга мистического индивидуализма на широкую дорогу большого, общественно-нужного писателя. Он дал только забыться себе в снежных вихрях метели. Пронеслась «Снежная Маска», и тотчас же в посвистах вьюги он услыхал стоны «Куликова Поля». Он только притворился поэтом вальсирующей интеллигенции. Быть-может, на минуту поверил своему притворству. В его столе, на котором он в одну ночь набрасывал симфонию «Снежной Маски», тотчас изданной «Орами» Вяч. Иванова с рисунком Бакста, таились другие строки, изданные только теперь. «Снежная Маска» мгновенно выросла в «Землю в снегу». «Лелей, пои, таи ту новь», писал он тогда же, повторяя в своих стихах завет Тютчева: «молчи, скрывайся и таи». В своем же заколдованном кругу умел он видеть тогда же «гроба, наполненные гнилью», «довольных сытое обличье» и клялся, в эти же годы: «нет, не забуду никогда». Но окружающая его среда, но темное безвременье реакции не давало этому его голосу силы, загоняя его вглубь, зажигая тот внутренний пожар, в котором он и испепелился под надетой в последние годы маской немоты. Внутрь и вглубь ушел подлинный Блок, и надменным дэнди, не допускающим мысли о том, что внутри его, пошел он по кругам ада все глубже и ниже, бесстрашно и покорно.

Этой внутренней силой питались в последующие годы все его взрывы и вылеты за предназначенный предел. Их было много. В лирике эти взрывы отразились приливами гейневской иронии и злобы. Главной мукой Блока было—к 8-му году—это то, чтоб нельзя было про него сказать: «Был он только литератор модный, только слов кощунственных творец». Она продиктовала ему гневные строки про свою «малую» судьбу—лирика интеллигенции, каким его посейчас делают: «Молчите, проклятые книги, я вас не писал никогда». Все шире открывались глаза Блока на болото «Башни» и весь мистический круг. Никто злее не говорил о литературных друзьях, чем он: «Друг другу мы тайно враждебны, завистливы, глухи,

чужды». «Когда напивались, то в дружбе клялись. Болтали цинично и пряно». Еще злее говорит он о мещанском обществе, сливки которого он уже высмеял в первых пьесах: «Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцой. А вот у поэта—всемирный запой, и мало ему конституций». Ни одна статья из бесчисленных появившихся после смерти Блока статей не говорит о нем, как о сатирике. А сатира — основной тон всех лет его немоты и отчаянья. «Я задохнулся», говорил он матери еще тогда.—«Вот моя клетка», говорил он позже.—«Песни вам нравятся! Я же, измученный, нового жду и скучаю опять». Он ненавидел тех (и за то), кому его песни нравились. Бунт против эстетов был первым его бунтом.

Оставленные Блоком книги его стихов—только знаки его мучений над основными вопросами его большой литературной деятельности, которую он всячески старался выявить. Потому они и дороги, как раны распятого. Но ни его отчаянье, ни его «мировые запои», ни его порывания к юному идеалу Прекрасной Дамы, ни арфы, ни скрипки его «Страшного Мира» не будут понятны, если не изучить большого русла, по которому он хотел итти—и не мог. Смерчи в пустыне ложатся наносами. По их направлению можно узнать силу и путь бури. Такими упавшими смерчами после Блока остались: 1) его статьи, 2) его театр, 3) опыты его прозы (если они сохранились), 4) его поэма.

Я не могу усвоить данных памяти, что этот период тянулся целых 8 лет — с 8-го по 16-й, когда я уехал на Кавказ,—настолько цельным и неизменным стоит передо мной Блок этих годов. Я помню его в разных позах и жестах, но, кажется, что это прошел год, а не восемь. Где-то на Литейном, в каком-то доме пьянства, под утро, за коньяком, с Аничковым, в оцепенении, с остекляневшими глазами. Он и в пьянстве был прекрасен, мудр, молчалив,—весь в себе. На эстрадах каких-то огромных белых зал, восторженно встречающих его чтение, все тех же стихов, и посылавших ему в момент ухода с эстрады девушку с восторженными глазами, подававшую ему лилии и розы. У него, в его кабинетах, которые стали большими и мрачными, заставленными книгами, — но осталась прежняя тяга к окраинам, к реке (он умер на Пряжке). Мы оба стали уже литераторами, и беседы у нас были литературными, на текущие темы, при чем каждой текущей теме Блок давал отпор. Он ненавидел всякие литературные комбинации, кружки, течения, моды, и от всего этого иронически отделывался уничтожающими фразами. Периодически вспыхивали у него ссоры и дружбы с Вячеславом, Чулковым, Белым, Мережковским. Он никогда не лицемерил в литературных отношениях, и мнения свои говорил резко и прямо. На редакционных собраниях в «Шиповнике» помню его немного среди болтунов, ушедшего в себя и все время измерявшего свою глубину лотами внешней литературной суеты... У себя, среди друзей, когда иногда вдруг вспыхивало что-то прежнее, молодое... Но в общем на литературной улице он стоял памятником. Хорошие, живые минуты бывали дома, у него, вдвоем, когда он читал новые стихи с четвертушек, резко исписанных, с нажимом, показывал корректуры, свои и чужие новые книги. Он был отличный библиограф, у него был

полный список стихов со всеми пометками: когда написано, где напечатано. Не терпел растрепанных листов. Нарезанная бумага лежала ровно в столе, и аккуратно все складывалось в черные клеенчатые покрышки от тетрадей. Еще хороши бывали случайные встречи, над Невой, или в книжной лавке Митюрникова. Иногда опять мы долго шли вместе, в беседе, и каменная маска с него спадала. Волосы носил он короче и только любил маленький локон из-под шапки.

Критика установит, какой из указанных выше порывов был для Блока важнее, в какой они между собой зависимости и хронологии. Я беру их глыбами, как выявления одной и той же силы, таившейся в нем. И теперь же укажу на два факта из его бедной внешними событиями жизни, имевших огромное влияние на углубление его писательского самосознания. Это — смерть, тотчас после рождения, его ребенка и смерть его отца. Обе эти личные потери — желанного ребенка, который жил несколько часов, отца, которого он всю жизнь не видел, пережиты им были как тяжелые правонарушения космического порядка, усилив общее сознание неблагополучия мира, обострив его одиночество, из которого он искал выхода и озлив его порывы на волю из клетки.

Первым по времени его порывом были его статьи в «Золотом Руне». Публицист в нем жил крепко. Студенческой его работой было исследование о Болотове. Страницы «Золотого Руна» были первые, на которых он мог продумать свои мысли. Он не смутился тем, что его голос прозвучал из цитадели купеческого эстетизма. Начал он свою работу в «Золотом Руне» с теоретической статьи «Слова и краски» (если память не искажает названия, но смысл тот), в которой цитировал мои стихи. Помню, с лукавой и доброй улыбкой, показал он мне этот номер. Но не об эстетике хотел он говорить. Он обложился зелеными книжками «Знания», презираемого у эстетов, внимательно перечел всю беллетристику реалистов и дал ряд очерков о Горьком и других. Это был прямой шаг на волю из узкого круга эстетизма, который его душил. Внутри круга статьи были встречены с враждебным недоумением. Вне круга они не получили эхо, потому что «Золотое Руно» не доходило до широкого читателя. Круг был настолько узок, что, помню, когда я мог поехать к Льву Толстому, мне вбивалось в голову, что это неприлично. Печататься можно было только в «Орах», «Грифе», «Скорпионе». С трудом принимался «Шиповник». И вот в этом воздухе прозвучал вдруг отчетливый, всем наперекор, голос Блока о реалистической литературе. Этот голос заглох, и статьи сыграли значение только для Блока, как проверка самого себя.

Опять его энергия ушла вглубь. Стала наростать тема «Руси», которая впоследствии дошла до «Скифов». Своеобразное народничество Блока вскоре выразилось в его переписке с Клюевым. Одной из своих знакомых он писал в то время: «Сестра моя, Христос среди нас. Это—Николай Клюев». Мессианство России, высокая предназначенность ее народа и жажда найти и утвердить свою личную близость с народной стихией—вот дорога, на которую выходил Блок из эстетики.

Мы часто говорили с ним об Александре Добролюбове, «ушедшем в народ». Он любил Ивана Коневского. И при редких приходах в город Леонида Семенова, тоже ушедшего в деревню, он всегда с ним виделся. Его взволновал Пимен Карпов. В Клюева он крепко поверил. Благодаря тому, что Клюев целиком использовал Блока в ранних своих стихах, он казался Блоку родным. Блока не могло не радовать, что его слово пустило корни в народ, воплощением которого казался и показывал себя Клюев. В этих настроениях подошел Блок к первому своему опыту большого театра — «Песне Судьбы».

Все, о чем я сейчас пишу, и статьи, и пьесы, и поэма, давались Блоку с большим трудом. Работать он умел и любил. Знал высшее счастье свободного и совершенного творчества. «Снежная Маска», «Двенадцать» и многие циклы писал он в одну ночь. Но на пьесы и поэму он тратил огромные силы.

Но не было и не могло быть тогда театра, который дал бы ему возможность развиться в драматурга. «Песню Судьбы» Блок непременно хотел ставить в Художественном. В результате долгих переговоров постановка все-таки не состоялась. (То же повторилось через несколько лет с «Розой и Крестом»). Эта неудача была тяжелым ударом для Блока. Неудача на премьере не испугала бы его. Но невозможность постановки подрывала его драматургию. Круг был заколдован. Опять разбивалось на мучительные строфы возлелеянное им сокровище, и большие замыслы дробились на лирические циклы.

Театральные техники могут сколько угодно рассуждать о несовершенстве пьес Блока. Но то, что он видел на сцене только «Балаганчик» и, кажется, «Незнакомку», лежит клеймом позора на его эпохе, на ее культуре. Блок мог создать театр. Помню, с какой любовью перевел он «Действо о Теофиле» для дризеновского «Старинного Театра», как волновала его атмосфера театра. Романтическая лирика неминуемо разрешается театром. Из противоречия между вечным идеалом и остро наблюдаемой реальностью родится ирония (путь Гейне, которого любил и переводил Блок, и его личный путь), которая может вырасти в сатиру. Театр был самым естественным выходом для Блока на широкий путь. И он оказался за семью заставами. Среда, эпоха, с одной стороны, не давала Блоку довести свою драматургию до наглядного совершенства, с другой стороны, омещанила весь театральный аппарат до того, что в нем не нашлось ни одних подмостков для опытов Блока в театре. Вспоминая все перепитии театральной работы Блока, я думаю, что самым тяжелым в его литературной, в общем победительной, жизни были его неудачи в театре.

Но большая сила, не вмещавшаяся в лирику, рвалась наружу. Оставался только эпос. Я отчетливо помню, что был момент, когда Блок пробовал писать рассказы. Мне он говорил об этом с какой-то недоуменно-покаянной улыбкой, но текста не показывал. Как будто он показывал их Леониду Андрееву, с которым одно время был в дружбе. Может-быть, видел их З. Н. Гржебин («Шиповник»). Не знаю, сохранились ли они.

Но во всяком случае, они были бы любопытнейшим и ценнейшим документом его усилий разорвать кольцо лирики. Так или иначе, и эта попытка не удалась.

Следующим опытом было «Возмездие».

С похорон отца в Варшаве Блок вернулся сосредоточенным и встревоженным. «Весь мир казался мне Варшавой». В стихах, посвященных сестре («Ямбы»), раскрылись все раны, нанесенные поэтическому сознанию Блока еще в юности, на берегах Невки, социальными контрастами. Незнакомка закуталась в меха и ушла. Язвы мира предстали опустошенной душе поэта. Он задумывает своих «Ругон-макаров». Паутина символики истлела под упрекающим взором парижских нищих. Взор поэта ослеп к вечно-сущему, или, вернее, стал искать его на земле, в реальности. Этот кризис символической техники у Блока был выражением общего кризиса, в который вступил символизм. Блок начал «Возмездие» аналитически, прощупывая предметы мира насквозь, замечая все, вплоть до спичечной коробки в кабинете, из которого в гробу унесли отца. И, может-быть, сразу бы он закончил большую работу. Но вскормившее его болото оплело его и не выпускало.

Я помню первое чтение «Возмездия», в присутствии немногих, у Вячеслава Иванова. Поэма произвела ошеломляющее впечатление. Я уже начинал тогда воевать с символизмом, и меня она поразила свежестью зрения, богатством быта, предметностью, — всеми этими запретными для всякого символиста вещами. Но наш учитель глядел грозой и метал громы. Он видел разложение, распад, как результат богоотступничества, номинализм, как говорили мы немного позднее, преступление и гибель в этой поэме. Блок сидел подавленный. Он не умел защищаться. Он спорить мог только музыкально. И когда Вячеслав пошел в атаку, развернув все знамена символизма, неофит реализма сдался почти без сопротивления. Поэма легла в стол, где пробыла до последних лет, когда Блок сделал попытку, если не докончить, то привести ее в порядок. Это воспоминание—одно из самых тяжелых у меня в литературной жизни. Нельзя, конечно, винить Вячеслава Иванова, что он для защиты своего учения надавил всем своим авторитетом, всей своей ученостью, всем своим обаянием, что он, в окружении своей эпохи, ничего вне ее не видел и не слышал. Нельзя требовать от Блока, еще не остывшего от творческой работы и породивших ее мучений, полного сознания этой работы. Как лирик, он меньше всего сам знал, в момент создания, что им создано. Он привык определять значение своих вещей по отгулу их — в своем же кругу. Как бы то ни было, работа в эпосе была сорвана так же, как и в драме, и по тем же общим причинам. От великих бурь остались только упавшие смерчи. И пустыня.

V.

У него все-таки хватило силы противостоять шовинистическому угару, охватившему русское общество в 1914 году. «Ура» прозвучало для него как «пора!» Он не любил рассказывать о кратковременном своем

пребывании на фронте на службе связи. Он держался в стороне от военного шума, захлестнувшего и литературу, многие представители которой в 15 и 16 гг. щеголяли в блестящих мундирах и ловили «Георгиев». В это время он написал «Соловьиный сад», который был бы значительнейшей его вещью, если б ирония в ней была доведена до конца. Ешачий крик (символ труда?) освобождает каменщика из объятий женщины, и он идет ломать камни. В последний раз ожил Блок юности, деревенского труда, веселья. Первое, что он мне сказал, когда мы обнялись летом 20-го года после долгой разлуки, это то, что колет и таскает дрова и каждый день купается в Пряжке. Он был загорелый, красный, похожий на финна. Про дрова сказал не с дамски-интеллигентской кокетливостью, как все, а как здоровяк. Глаза у него были упорно-веселые,—те глаза, которые создали трагическую гримасу, связавшись с морщинами страдания, на последнем его портрете. Встреча эта была чудесная, незабвенная. «Милому с нежным поцелуем», написал он мне на «Двенадцати». Опять сидели за столом, как в юности, все, Любовь Дмитриевна и Александра Андреевна. Он больше требовал рассказов, особенно про деревню, откуда я приехал, чем сам рассказывал. Никакого нытья я в нем не заметил. Весь быт его был цел. На полках в порядке, как всегда, лежали новые его книги, он с молодой ловкостью доставал их с верхних полок. Я был счастлив, что встретил его живым и здоровым. И показался он мне живым, нашим, по эту сторону огненной реки, расколовшей всех на два лагеря. Вспомнили все и всех. В нем была жадность понять, увидеть, осязать новое, вложить персты в рану революции и убедиться. Но когда я ему говорил о значении «Двенадцати», о том, как эта поэма принята была на Кавказе, мне почудилось, что он не все знает об этой вещи, синтезирующей всю его поэзию. В любимой форме арлекинады (Ванька, Петруха, Катька—Арлекин, Пьеро, Коломбина) он, до октября, уловил его лозунги, правда, в их внешней, стихийно-бунтарской форме, но все же уловил и дал им оправдание, опять-таки, как и Клюев, в старой, церковной идее Христа, которому давно сам он сказал: «Скорбеть я буду без тебя»,—но уловил и оправдал. Для многих «Двенадцать» были более действенны, чем для него самого. Усталой души Блока хватило только на последний порыв. И за месяц своего пребывания в Петербурге я скоро убедился, что первое впечатление о сохранности его первоприродных сил было у меня преувеличено. Вскоре я его увидел во всех позах его последней жизни: на вечере его в Вольфиле, где он читал «Возмездие» аудитории из дам и барышень, любивших в нем совсем не то, куда он шел сокровенно; в палаццо «Всемирки», где он дэндировал революцию вместе с ненавистным ему Гумилевым; в канцеляриях и заседаниях. Был еще хороший момент, когда он пришел к Раскольниковым в Адмиралтейство, где жил также Рейснер, ученик его отца, построившего социологическую систему в алгебраической форме, где Ларисса Рейснер, прошедшая всю Волгу и Персию с революционерами, была неодолимым агитатором, где были немецкие товарищи, приехавшие на Коминтерн. В этой среде Блок раскрылся необычайно глубоко. Любовь и уважение этих новых людей

дали ему возможность оценить петербургское литературное болото, которое затянуло его с головой. Он опять был весел, молод, остроумен и силен. Но на утро опять начиналась осада эстетов и литераторов и канцелярская скука. Его рвали на две части новый мир и старый, при чем к новому у него не было практически прямой дороги. Старое нагрузло на нем, объявило его своим гением, своим Пушкиным—и задушило. «Россия задушила меня, как свинья своего поросенка», написал он кому-то перед смертью. Какая Россия задушила его? Недостаточно отчетливо он понял это, остался на перепутье в тот момент, когда нужно было бесповоротно взять дорогу,—и задохнулся.

На моем вечере, в Думе, где я читал новые стихи, в которых с обычным мне наскоком на будущее фиксировал в данность желаемое и требуемое, он очень взволнованно говорил мне, что не все принимает, что я многого не вижу и не знаю. Этот разговор продлился потом, и в последние дни перед моим отъездом дошел до разлада, правда, не такого, какой у. меня произошел с депутацией петербургской интеллигенции, возглавляемой Гумилевым, но все же трещина ощутилась очень болезненно, и с этим тяжелым впечатлением я и уехал, чтобы не увидеть Блока никогда больше. Но все же стоит он навсегда в моей памяти не таким, каким погибнул, а таким, каким погибал,—недорожденным сыном новой России.

СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ.

Анри Гильбо.

Разложение литературного и художественного движения, наблюдаемое повсеместно, особенно отчетливо обнаруживается во Франции. Но Франция не является монополистом подобного явления—в России, например, это разложение еще далеко не закончилось, что сильно препятствует всем новым начинаниям творческого порядка.

Война открыла капитальное произведение Барбюсса: «Огонь». В послевоенном периоде литературы совершенно отсутствует что-либо хотя в малой степени приближающееся к этому роману как по тенденции, так и по таланту. Те некоторые критики, которые с безапелляционным педантизмом утверждали, что война неминуемо повлечет за собой возрождение искусства и литературы, вынуждены теперь признать, что они ошибались самым грубейшим образом. Грызня писательских кружков и художественных лавочек не только не прекратилась, но даже расцвела пуще прежнего, и количество так называемых литературных школ далеко не убавилось.

Тем не менее, местами проглядывают кое-какие произведения или журналы, обнаруживающие более чем почтенные творческие усилия.

Большинство передовых литературных панов погибло за время военных действий, но возникли другие, которые все, кто отчетливее, кто путаннее, а все-таки достаточно единодушно проявляют себя протестами против войны, отупения и грубейшей проституции, до которых пали писатели.

Например, «Французские Тетради Идеалистов», из которых основатель, Эдуар Дюжарден, пытался сделать, конечно, не без умеренности и осторожности, антивоинственный орган. Эдуар Дюжарден, принадлежащий к школе символистов, основал около 1885 года «Вагнерианское Обозрение». С его помощью пытался он пропагандировать во Франции идеи Рихарда Вагнера. Позже он организовал научный журнал высокой интеллектуальной культуры: «Обозрение Идей». Автор многочисленных романов, поэм и драматических произведений, он все время обнаруживал тенденцию к некоторого рода пангуманизма, но во время войны счел особенно необходимым подчеркнуть свое противодействие германофобски шовинистическому течению и ни на минуту не скрывал своего глубокого восхищения Германией. «Тетради Идеалистов» не только пережили войну, но и расширились: в данное время они называются—«Второе Вагнерианское Обозрение и Французские Тетради Идеалистов». Дюжарден проявляет ими свое стремление к выполнению программы интернационального культурного единства и отводит большое место политике и социологии.

Среди сгруппированных им сотрудников следует отметить Марселя Мартине, поэта «Проклятых Времен», Шарля Вильдрака, Леона Базальжета, Марселя Соважа, Марселя Милле, Жана Ришара, Блоха и других передовых писателей, с более или менее выраженными революционными тенденциями.

Рядом с этим журналом следует поставить двухнедельник «Смиренные», редактируемый Морисом Вюлленс, учителем, одним из тяжких раненых прошлой войны, бывшим военнопленным Германии, получившим затем военную награду и напечатавшим потрясающий «Дневник тяжело раненого». Вернувшись во Францию еще во время самой войны, он возобновил издание своего журнала, прерванное с 4 августа 1914 года, и стал защищать революционно-последовательный пацифизм. К сожалению, Вюлленс, талант и характер которого вызывают к себе исключительные симпатии, только что высказался в своем журнале против всякой диктатуры вообще.

Из новых повременных изданий следует упомянуть еще «Обозрение Эпохи», основанное Марселло Фабри и объединяющее представителей новых и даже взаимопротиворечивых тенденций в литературе и искусстве. Сам Марселло Фабри издал «Неизвестное о городах»,—произведение, которому он дал подзаголовок: «Роман современных толп».

«Меркюр де Франс» (Французский Меркурий, бывший лейб-орган символистов), более чем когда-либо разыгрывает из себя «Двоесветное Обозрение» («Ревю де Де Монд», консервативнейший и академичнейший французский журнал), но еще более иссохший, чем его образец. В нем свалены вперемежку бесконечные диссертации литературных и до ужаса университетских проходимцев, статьи против большевиков и филиппики против евреев. Единственным светлым пятном являются там театральные

отчеты Анри Беро, который, в качестве подлинного преемника острейшего Поль Леото (Морис Буассар), свободно излагает свое мнение о гнуснейшем штамповании французской театральных дел фабрики.

«Новое Французское Обозрение», закулисно предводимое Андре Жидом, проделывает чудеса эквилибристики, усиливается заменить «Меркюр де Франс» и весьма благоразумно подбирает ушедших с поля действительной литературной борьбы писателей. Андре Жид некогда терпеливо дожидался смерти Шарль Луи Филиппа, чтоб нажиться за счет наследства покойника. Теперь тот же Андре Жид публикует продукцию того литературного шарлатана, каким был Гийом Аполлинер.

Покидая область повременных изданий, мне остается упомянуть о недавно опубликованной «Парижским Обозрением» длинной новелле Мопассана «Доктор Эраклю Глосс». Этот маленький роман, по духу и по манере совершенно отличный от всего, что мы знали про великого реалистического рассказчика, несколько напоминает нам повести Вольтера и уже предвещает Анатоля Франса. Написано, повидимому, около 1875 года. Редактирование «Парижского Обозрения», лежавшее прежде на господах Марсель Прево и Бераре, в настоящее время перешло в руки г. Андре Шомэ, весьма почтенного универсанта, сделавшего карьеру на страницах высокоакадемического «Журналь де Деба» и прилагающего в данное время всяческие усилия к омоложению старого обозрения. Сейчас, например, он печатает Бернара Шоу и пригласил к участию в своем органе Колетту Вилли, аккуратно посылающую ему очерки о современности, крайне живые, не всегда справедливые, но неизменно интересные.

Марсель Прево, почтенный романист, светский и щепетильный, при поддержке Жозефа Бедье, ученейшего профессора Коллеж де Франс и переводчика легенды о Тристане и Изольде, недавно заменившего во Французской Академии покойного и запоздалого романтика Эдмонда Ростана, организовал недавно новый журнал—«Французское Обозрение».

Главный критик «Парижского Обозрения»—старая известность, унаследовавший, как будто от Фаге, страсть к многописанию: это—Анри Биду. Будучи театральным критиком в «Журналь де Деба», он в военное время превратился в военного обозревателя, в каковом качестве был ни умней, ни глупей всей прочей орды старцев, комфортабельно устроившихся в глубоких креслах и проводивших из бумажных газетных траншей сложную стратегию предсказания побед и разъяснения сокровеннейших замыслов Генерального Штаба.

Похоже на то, что французские литературные критики, желая загладить впечатление о широко распространившихся доказательствах своего невежества и непроходимой тупости, а также намереваясь изобразить себя благожелательными и расположенными к новаторам, по примеру своих коллег, художественных критиков, приняли новую ориентацию. В настоящее время они с равной готовностью способны посвятить целый фельетон прославлению какого-нибудь ископаемого академика, давно неведомого для любого читателя, изложению мемуаров какого-

нибудь почтенного аббата или пристальному изучению творчества несовершеннолетних юнцов, изнемогающих от жажды рекламы. Так большинство крупных критиков: Анри Биду, Фернан Вандерем, Жид и Поль Судэ, оспаривали друг у друга первенство в прославлении талантов некоторых протагонистов школы «дадаистов».

Маленький пример послужит к обнаженью почтенной глупости уважаемого Анри Биду. Гийом Аполлинер, некогда, заседая в каком-то кафе, в компании двух друзей, составил каталог, от напечатания которого затем воздержался. Каталог этот имел форму поэмы, но состоял исключительно из сопоставления нарочито бессвязных формул, вписанных веселыми собутыльниками, хотя и был подписан Аполлинером. Господин Анри Биду расхвалил это посмертное произведение и объявил его «законченной поэмой, мандаринской поэмой, в которой грамматическая связь заменена невидимыми щупальцами».

Со времени прекращения военных действий Ромэн Роллан обнародовал несколько трудов, которые, говоря по совести, очевидно, не стоят его «Жан Кристофа» и лишены исторического значения книги «Выше схватки». Тем не менее, его драматическая сатира на войну «Лилюли» во многом превосходит его роман «Пьер и Люс» и «Клерамбо»—произведения крайне слабые и ничего не прибавляющие к его писательской славе. Анри Барбюс, не дав нам нового романа, опубликовал в издательстве «Свет» (Кларте), под титулом «Нож в зубах», книгу, в которой он низводит некоторые положения марксизма до уровня понимания интеллигентов, чье невежество уступает только их самомнению.

Жюль Ромэн печатает новые свои произведения и переиздает старые, но надо признать, что как это ему ни грустно, ему так и не удается написать книгу, вровень с его первым сборником «Единодушная Жизнь». Последнее его собрание: «Путешествие любовников», почти и вовсе лишено малейших следов юнанимизма, напоминая местами ту рифмованную злободневность, которую порой можно открыть в иных газетах. В поэме об Амстердаме тщетно пытаешься обнаружить малейший признак характеристики столицы Нидерландов:

И эту башню Биржи
Не наш ли рот выбросил,
Как испускают крик?

Друг Жюля Ромэна, клоделианнейший и педантичнейший Жорж Дюамель, усиливается захватить на театральной ярмарке место, доселе почетно занимавшееся великим бульварным закройщиком пьес, Анри Батайем. Хотя его проза и стихи несколько лучше его театра—в них вряд ли удастся отыскать оригинальность, какой его ежедневно наделяют кое-кто из верных поклонников. Другой старый сочлен «Аббатства»—Рене Аркос, побывавший в юнанимистах, не впадает в погоню за легким и поспешным писательством, но творчество его, все-таки, попрежнему безжизненно и сухо. Тем не менее, в его последней книге «Казарма» несколько сдержанных рассказов ярко подчеркивают бессмысленность и развратность общежитий этого рода.

Роман «Лина», напечатанный Северином, вызвал некоторой шум в коммунистических кругах, мало оправданный, равно как и хвалебные или даже сочувственные о романе отзывы. В конечном счете «Лина» не больше, как газетная хроника, написанная так, как умеет ее писать Северин, то-есть безгранично сентиментально, в путаном и расхлябанном стиле.

Много говорили еще о новоявленном в литературе Андре Байон. Конечно, Андре Байон не лишен таланта, достаточно одноцветного, тем не менее. Его «История одной Марьи», напоминающая, как и говорит в своем предисловии Шарль Вильдрак, манеру Шарль Луи Филиппа и Жюля Ренара, представляет собой крайне сентиментальную повесть об одной бельгийской проститутке, с униженным смирением принимающей жизнь и различных любовников. Другой бельгиец, Фернан Кроммеллинк, чье имя до войны было известно разве нескольким только любителям литературы в связи с его «Ваятелем Масок», теперь привлек широкое внимание большой публики двумя драматическими произведениями: «Великодушный Рогоносец» и «Тщетные любовники». Обе эти вещи отличаются от современной театральной литературы абсолютным отсутствием банальности (по нашим временам качество достаточно редкое), пониманием задач подлинной драматургии, а также богатым и гибким языком. Обе эти работы встретили столь же восторженный прием, когда они появились в форме книг.

Наконец, чтоб закончить настоящий отчет, укажу еще на критическую работу «Карнавал умер», объединяющую большую часть написанного до войны Жан Ришар Блохом и напечатанного им тогда в им же основанном журнале «Свободные усилья». Журнал этот определялся им тогда как известного рода лаборатория революционной цивилизации. Он так объясняет титул своей книги: «Карнавал умер, означает, что там, где исчезает моральное принятие целым обществом некоторого верования, исчезает и то оплодотворяющее влияние, каким это верование пользовалось в области искусства». Весьма искусным, но и весьма произвольным образом автор утверждает, что известный ряд событий: русская революция, венгерская революция, австрийская революция и «начала» немецкой революции не опровергли его «скромных прозрений». Жан Ришар Блох, если чем и грешен, как видите, во всяком случае не скромностью, потому что, несмотря на свой талант, очень большой, и ум, чрезвычайно острый, какими он напитал собранные в книге статьи,—он все же вряд ли сумеет заставить их выдержать сопоставление с гигантскими событиями, потрясающими наш мир.

Перев. с рукописи И. Аксенов.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ПЛАНЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ.

М. А. Рейснер [1]).

При изучении идеологических организаций общества до сих пор слишком мало обращали внимания на *техников социальной организации* или, говоря иначе, на *интеллигенцию*.

И это понятно. Идеологические формы вначале изучались исключительно со стороны правового их выражения или тех идей, которые были положены в их основу. Впоследствии эти формы подверглись исследованию со стороны хозяйственно-общественной и сочетания отдельных классов. И в первом и во втором случае осталась без внимания та социальная группа, которая несла на себе всю тяжесть организационной работы. А между тем не только древнее общество, но также и новые его формы в одинаковой степени были результатом, с одной стороны, стихийного процесса, а с другой—технического участия и работы особых специалистов, которых мы называем интеллигенцией.

В настоящее время, когда наука вступает на путь изучения не только хозяйственно классовой основы общества или его конечного юридического выражения, но выясняет самый путь, которым идет образование политических и культурных форм, вопрос об интеллигенции приобретает особую остроту. Ибо, несомненно, в том психологическом преломлении хозяйственной жизни, которое, в конце-концов, создает идеологическую надстройку, профессиональная психология мастеров слова и ремесленников духа играют также значительную роль.

Как призма, преломляющая хозяйственный процесс в классовой, а затем национальной и государственной идеологии, интеллигенция всегда накладывала свою печать на общественные формы. При чем, само собой, интеллигенция в различные времена и при различном укладе народного хозяйства складывалась в весьма своеобразные центры и существенно различно влияла на создаваемые ею организации и нормы.

Однако, прежде чем приступить к историческому обзору состава психологии и качества работы социальных техников разного вида, нам надо условиться относительно самого понятия «интеллигенция».

В этом отношении, может-быть, было бы правильнее совершенно отбросить этот термин и заменить его другим, более точным и, следовательно, научным. Но нам не хочется терять этого слова, которое обладает одним большим преимуществом: оно получило теперь право гражданства среди широких кругов общества и притом не только у нас, но и за границей. Поэтому мы воспользуемся этим общепризнанным обозначением, хоть и внесем в него необходимые поправки.

[1]) Не соглашаясь с некоторыми утверждениями проф. М. А. Рейснера, редакция, тем не менее, дает место его статье, ставящей значительный вопрос, который еще долгое время не потеряет своей остроты.

Дело в том, что слово «интеллигенция» употребляется и в слишком широком и чрезмерно узком смысле. С одной стороны, под этим термином разумеют всякого просвещенного человека, а с другой—едва ли не ограничивают его значение понятием какого-то идеального героя и подвижника духа. Остановимся подробно на всех этих многоразличных смыслах одного и того же слова.

Когда под именем интеллигента разумеют вообще *просвещенного человека* или даже более—человека, который предается так называемой *«духовной» деятельности*, то этим обозначают известное качество индивидуальности, но менее всего социальную категорию. Ибо такой человек духа может практиковать самые высокие его проявления исключительно для себя самого, совершенно не интересуясь окружающим его обществом. Самые пышные мечты какого-нибудь уединенного созерцателя или гениальные постижения одинокого мыслителя совершенно не входят в круг нашего рассмотрения, если они замыкаются сферой личной жизни их автора. И такой мыслитель, поэт, даже изобретатель, который осуществляет духовную деятельность лишь в себе и для себя, не может быть причислен к интеллигенции, как общественной категории.

Под интеллигентом в социальном смысле мы разумеем лишь такого деятеля духа, произведения коего имеют общественное значение, создаются для общества и вливаются тем или иным путем в его идеологические формы. Однако, и здесь нужно сделать ограничение. Ведь признак способности к духовной работе и ее практического осуществления может быть свойствен не только членам профессиональной группы интеллигентов, но также и деятелям, работающим в классовых организациях и притом непосредственно для осуществления классовых же интересов. Просвещенный коммерсант, который применяет свои знания и талант исключительно для обслуживания своих классовых интересов, образованный помещик-аристократ, создающий произведения искусства от нечего делать в виде благородной игры, крестьянин, рассказывающий новые сказки своим соседям ради взаимного удовольствия и просвещения,—все это люди, которые занимаются духовной деятельностью—это правда, но меньше всего они могут быть названы профессионалами, то есть людьми, которые живут со своей духовной работой или приобретают путем ее отчуждения необходимые средства к жизни. Таким образом, у всех перечисленных лиц совершенно *отсутствует профессиональный признак*, который единственно делает интеллигента членом не классовой, а междуклассовой организации. Интеллигент, с этой точки зрения, не есть просто деятель духа, отдающий плоды своей работы обществу, но это есть *деятель профессионал, техник-специалист, который добывает средства существования путем эксплуатации своих способностей, знаний и опыта, отдаваемых на общественное дело.*

Этим по существу исчерпываются те слишком широкие определения слова «интеллигенция», которые способны затемнить его социальный смысл. Но в такой же мере мы должны оговорить и слишком узкие определения данного слова. Эти последние как раз в большом ходу у нас, в России.

Наша русская практика приучила нас к *противопоставлению понятия интеллигента понятию бюрократа*. Как будто интеллигенция и бюрократия—понятия противоположные. Этим слово «интеллигент» как бы ограничивается исключительно понятием деятеля свободных профессий или свободного творчества. С этой точки зрения интеллигентом является адвокат, врач, инженер или деятель свободной музы и свободной мысли в роде композитора, мыслителя, проповедника и т. п.

Против такого сужения понятия «интеллигенция» мы, однако, решительно возражаем. Во-первых, само различение свободной и не свободной профессии весьма сомнительно. И если, с одной стороны, мы имеем непосредственное подчинение воле правительства и всякого начальства, то с другой—не менее тяжелую зависимость от хозяина или заказчика. Экономическая власть хозяина может быть значительно тяжелее правового господства представителя государства. И обыкновенно профессия получает по внешности тем более свободный характер, чем менее она свободна по существу. Замена внешней и грубой зависимости более тонкой и глубоко идущей мотивацией в общественной жизни обыкновенно приводит не к ослаблению власти, а. наоборот, к ее усилению. Человек свободной профессии, таким образом по общему правилу гораздо более связан в своей духовной работе, нежели бюрократ, отдающий государству строго определенный труд в законом установленных рамках.

А, во-вторых, свобода или несвобода в осуществлении профессии никоим образом не является существенным признаком самой профессии. Здесь решают государственный уклад и его разнообразные виды. И если интеллигент пишет статью для государственной газеты, он считается не меньше журналистом-интеллигентом, нежели его собрат, печатающий свои статьи в газете какой-нибудь политической партии. Врач, состоящий на государственной службе, не делает никакого другого дела, нежели врач, практикующий на свободе. Оплаченный государствомъ поэт нисколько не меньше становится поэтом оттого, что он получает свое вознаграждение от казны, а не от частного издателя. Все эти профессионалы духа делают одно и то же дело и в одинаковой степени кормятся со своей духовной работы. Как мы увидим ниже, при более подробном рассмотрении, бюрократия является только одним из видов интеллигенции вообще.

Политическая жизнь России создала еще одно определение интеллигента, которое окончательно суживает термин «интеллигенция». Под влиянием учения народников была выдвинута *теория о революционном призвании работников духа*. Предполагалось, что не только идеи двигают жизнь, но во главе прогресса идут особые *герои или подвижники, революционные борцы*, которым как раз и присвоено священное имя интеллигента. В таком смысле интеллигентом оказывался лишь тот свободный деятель мысли и чувства, который исповедует революционные или социалистические учения и вместе с тем несет в себе великие доблести самоотвержения и героизма.

С таким понятием интеллигента мы менее всего можем согласиться уже потому, что оно совершенно не научно. При определении интеллигента

в качестве идеальнаго типа необходимо установить прежде всего тот критерий, которым измеряется указанный идеал. Но это совершенно невозможно, так как здесь мы имеем дело с моральной или эстетической оценкой, последняя же носит в себе чисто временные, местные, условные и субъективные признаки. И прежде, чем признать того или иного человека интеллигентом, или, иначе говоря, героем и подвижником, пришлось бы сначала условиться относительно того, что считать высоким и благородным, добрым и прекрасным в отличие от злого, низкого или дурного в данное время и в данной среде. Само собой разумеется, на таких колеблющихся понятиях нельзя строить строго научного заключения.

Если мы теперь попробуем установить понятия интеллигенции в смысле социологического определения, то перед нами выясняются следующие основные признаки, характеризующие как раз профессиональную сторону интеллигенции.

Так, во-первых, интеллигентом мы называем деятеля, который *пользуется техническими способностями, а главное, профессиональными знаниями в целях обеспечения себе средств к существованию*. С этой стороны интеллигент подходит довольно близко к ремесленнику, мастеру или квалифицированному рабочему, которые продают не просто свое рабочее время, а труд специального характера, или же получают вознаграждение за отдельные профессиональные услуги, или же, наконец, отдают на рынок законченные произведения своего труда. Эта сторона профессии интеллигента сразу отличает его от различных классовых групп и ставит на промежуточное положение между армией труда и организацией капитала.

С экономической стороны интеллигенция дает целый ряд отдельных градаций, которые начинаются каким-нибудь надзирателем, писцом, репортером или дьячком и заканчиваются монопольными обладателями великих дарований, стоящими на верху интеллигентской иерархии. Наименее квалифицированные из них довольствуются *заработной платой* подобно всякому рабочему. Следующая категория обеспечивается ежемесячным или годовым *содержанием*, которое очень часто достигает большой устойчивости и прочности. Еще выше стоят интеллигенты, обладающие пожизненным содержанием, которое в известной степени уподобляется *ренте*.

Подобные же ступени находим мы и в том разряде интеллигентов, которые работают, что называется *сдельно*, и получают вознаграждение за отдельные технические услуги. И если низшие разряды интеллигентов, подобно ремесленникам, получают вознаграждения за составление бумаг или прошения, за отдельный медицинский и технический совет и в этом приравниваются положению парикмахера, массажиста или поденщика, берущего на себя выполнение сдельной работы, то высшие категории интеллигентов могут получать довольно крупные гонорары за исполнение отдельных заказов, порой довольно сложного характера. Вообще вся эта категория приближается по своему положению к *ремесленникам, работающим на определенную клиэнтуру по своей специальности*.

Наконец, подобный же переход от самой скромной оплаты до громадных гонораров дает нам и *продажа интеллигентами уже готовых произведений своего труда*, которые являются более или менее редкими на бирже духа и сообразно этому расцениваются по общим законам рынка и царящего на нем спроса и предложения. Конечно, рынок, на котором предлагаются и продаются произведения интеллигентного труда, отличается некоторыми особенностями. Здесь часто встречаются интеллигенты, которые напрасно предлагают к продаже продукты своего непризнанного гения. Но, с другой стороны, здесь мы находим и большое количество ходкого товара с обеспеченным сбытом и произведения общепризнанных «капиталистов духа», которые не только получают солидное содержание, но и громадную цену за отдельные произведения своего знания и таланта. Однако, во всех этих случаях *основным фондом*, который питает интеллигента, должно признать *именно его способности, знания и опыт*, которые, будучи так называемой духовной природы, входят в общий состав производительных сил общественного хозяйства и дают возможность работнику духа найти свое особое место в общем процессе производства и обмена. И хотя в разные исторические эпохи оплата интеллигентного труда совершается самым различным способом, тем не менее, именно этот *признак утилизации так называемых духовных сил в целях общественного хозяйства и оплата их в качестве специально технических услуг со стороны общества является признаком постоянным и неизменным.*

Вторым признаком профессионального положения интеллигенции является ее более или менее *монопольное положение в деле приготовления всевозможных духовных или идеологических ценностей*. Здесь мы находим своеобразное *разделение физического и интеллектуального труда*, которое свойственно обществам, стоящим еще на классовой ступени развития. Разумеется само собой, что в обществах, где вся масса населения одинаково получает фактический доступ к просвещению, общественной и культурной деятельности, там никоим образом не может выделиться интеллигенция, как особая профессиональная группа. Раз все граждане являются достаточно интеллигентными, чтобы в известном порядке принимать участие в идеологической организации общества или создания его духовных ценностей, то становится совершенно излишней какая-то особая профессия интеллигентов. В таком обществе все становятся интеллигентами.

Совершенно иное наблюдаем мы в древности, в средние века и даже в классовом обществе нового времени. Здесь масса населения остается целиком прикованной к тяжелому физическому труду. У нее нет ни времени ни возможности стать причастной к просвещению и культуре. Более того, даже класс-хозяин, в роде буржуазии или крупного землевладения, оказывается недостаточно интеллигентным и просвещенным для того, чтобы самому создать все нужные, идеологические формы и творить культуру. И если масса работников физического труда благодаря нищете коснеет во власти тьмы, то класс-хозяин обыкновенно освобожден от труда интеллектуального благодаря возможности покупать интеллектуальные силы на рынке и эксплуатировать их. *Одни невежественны и темны от бед-*

ности, другие избавлены от просвещения и умственного труда благодаря богатству. Все это приводит к образованию специальной группы техников мысли и слова, пера, циркуля и кисти.

Положение такой профессиональной группы интеллигентов, конечно, изменяется очень существенно в зависимости от общего уклада народного хозяйства и классовых отношений в той или иной среде. При наличности особенно отсталых хозяйственных форм возможна такая глубокая пропасть между народными низами и небольшой кучкой интеллектуальных работников, что они могут получить совершенно *исключительное положение*, в особенности, если общество не имеет еще крепкого класса-хозяина, или, другими словами, если классовая структура общества еще не завершена. *При слабости крупного капитала, хотя бы в его древнейшей форме, группа интеллигентов может даже выдвинуться на положение псевдо-класса*, который, будучи по существу лишь профессиональной организацией, на самом деле получает вид, характер и значение подлинного класса-хозяина. В этих случаях интеллигенция, образуя *правящую касту*, придает *кастовый характер и всему обществу*, так что остальные профессиональные и классовые подразделения принимают вид и характер подобный кастам и сливаются в общую кастовую структуру.

В тех обществах, где уже достаточно определилось классовое расслоение, а в частности достаточно резко обозначился класс-хозяин с его активной ролью в хозяйственной деятельности страны, интеллигенция принуждена уступить свое господствующее место—и с положения псевдо-класса становится одним из *корпоративных образований* в сословном обществе, или же переходит на *положение умственного пролетариата* и духовного ремесла в свободном классовом обществе. И в том, и в другом случае не исключена для интеллигенции возможность новых кастовых образований, раз для этого представляются подходящие условия и создается, быть - может, временная монополия исключительного характера в области духовной деятельности и труда.

Организация интеллигентов, как профессионалов духа, может поэтому дать самые различные формы. Более того, в одно и то же время в одном и том же обществе интеллигенция может дать нам и *монопольную касту идеологического творчества*, и *ремесленную корпорацию*, и чисто *хозяйственное объединение тружеников духа*. Но во всех случаях характерным является ее *профессиональная деятельность*, которая резко выделяет образованных, просвещенных и технически подготовленных специалистов духа на общем фоне, или совершенно невежественных и темных, или полуобразованных и неспособных к самостоятельной духовной деятельности масс. Интеллигенция, таким образом, существует лишь там как отдельная профессиональная группа, где ей противополагается недостаточное образование и духовная развитость остального населения.

Третья предпосылка, определяющая существование интеллигенции как особой группы и вместе с тем дающая ей характерный признак, это *наличность классового общества*, в его более или менее завершонной

форме. Для выделения интеллигентской группы вполне достаточна наличность одного общественного класса и хотя бы не вполне законченное образование остальных. Только при этой предпосылке интеллигенция получает свойственный ей *междуклассовый или общеклассовый характер*, который вместе с тем дает ей способность быть связующим и организующим началом для образования классового общества и его политических, так же как и культурных форм. И если мы отметили возможность приобретения интеллигенцией псевдо-классовой организации, то, конечно, это нисколько не лишает ее указанного признака. Такой *псевдо-класс по существу делает все же дело не классо-хозяина, а профессиональной касты*, которая в той или другой степени обслуживает интересы всех наличных классовых образований.

При *сословном обществе* междуклассовый характер интеллигенции приобретает уже совершенную ясность. *Каждое сословие претендует на услуги корпоративных организаций интеллигенции* и в действительности получает их. И если даже отдельные сословия зачисляют порой в свои ряды всевозможных профессионалов духа, и последние получают определенное сословное положение, то это нисколько не мешает характеру их технической работы, а, с другой стороны, она очень часто выходит из пределов нужд одного сословия и приобретает значение деятельности междусословной. Впрочем, определенный ранг интеллигентских корпораций средневековья, который причитался им в общем укладе сословного общества, никогда и не отнимал у них произведений *характера междусословности*.

В обществе чисто классовом, каким оно складывается на основе буржуазно-капиталистического производства, междуклассовое значение интеллигенции выступает с особой яркостью. Именно здесь интеллигенты, лишенные даже по большей части корпоративной организации, поставляют специалистов и техников духа *для всех классов общества*, при чем как раз классовая борьба предъявляет особый запрос на развитие интеллигенции как профессиональной группы. *Каждый класс*, стремясь к сохранению своего господства или к низвержению владычества другого класса, *прибегает* здесь на протяжении веков не только к силе оружия, но к *обширнейшим средствам идейной борьбы* и политической организации. И если присоединить к такому запросу все усложняющийся ход народного хозяйства и его запросы на техническую подготовку, то нам станет понятно, почему интеллигенция, как профессиональная группа, получила при классовом обществе буржуазного типа такое громадное расширение и сосредоточила в себе такое богатство духовных сил.

Перечисленные нами характерные признаки интеллигенции, как профессиональной группы, дают нам теперь возможность определить самое понятие интеллигенции, как социального явления. Сводя воедино сказанное, мы получаем, таким образом, интеллигенцию, как *профессиональную группу специалистов и техников духовной или интеллектуальной работы, которые осуществляют эту свою деятельность в целях получения материального обеспечения и, пользуясь слабым распространением духовной*

культуры среди остального населения, обслуживают классовое общество путем доставления ему необходимых идеологических и культурных ценностей.

Из данного определения выясняются для нас с полной очевидностью задачи научного изучения интеллигенции. И так как мы желаем изучить самую природу интеллигенции в указанном выше смысле, то мы должны и задачи нашей работы поставить так, чтобы они осветили нам со всех важнейших сторон социальные законы, управляющие интеллигенцией и ее работой. В этом отношении необходимо, во-первых, поставить в связь *интеллигенцию с классовым типом образования общества.* Ибо существенно различно ее влияние при кастовом, сословном или чисто классовом порядке жизни общества. Во-вторых, должно рассмотреть различные *формы идеологической деятельности* и в связи с этим отметить различные виды организаций самой интеллигенции, а также ее интеллектуальные работы. Наконец, в высшей степени интересно проследить, как среди самой интеллигенции складывается *борьба между старым и новым*, как разыгрываются так называемые социальные дуэли, и на ряду с передачей уже имеющейся культуры рождается *изобретение новых форм* в соответствии с меняющимися условиями жизни.

Все эти вопросы вводят нас, так сказать, в святая святых жизни интеллигенции и знакомят с внутренней борьбой, отражающей классовое соперничество в причудливом преломлении и подчас весьма отдаленном отражении интеллигентской психики. В конце-концов, конечно, жизнь интеллигенции целиком связана с жизнью общества вообще. Лишь в известном преломлении интеллигенция повторяет по существу вне ее проходящие процессы. Но, подходя к ним через исследование ее жизни, мы можем уже сейчас отметить некоторые *присущие интеллигенции тенденции и свойства*, которые являются как бы ее *дополнительными и второстепенными признаками.*

Так, прежде всего, интеллигенции, как междуклассовой группе, всегда была присуща особая тенденция *к неподвижности и единству, возможному смягчению междуклассовых отношений* и к образованию различных государственных форм, построенных именно на соглашении или примирении отдельных классов. С этой стороны, как профессиональная группа, интеллигенция всегда отличалась характером примиренчества и косности и была в общем и целом врагом различных переворотов. В этом смысле профессиональное стремление интеллигенции было выше и лучше всего удовлетворено при кастовом строе, где, благодаря крайне медленному накоплению и развитию производительных сил, процесс общественного движения почти остановился и господствующая каста интеллигенции могла целые века хранить раз установленные социальные формы.

Уже сословное общество в этом отношении сделало громадный шаг вперед. Идея сословий немыслима без противоположности интересов и сословной борьбы. Здесь хозяйственный процесс привел не только к сословному разделению, но к обострению сословной вражды. Интеллигенция

должна была покинуть свою роль универсального организатора общества и единственного монопольного поставщика социального и политического единства. И если при помощи религиозной организации интеллигенция пыталась сохранить непоколебимым прежний единый порядок косности и покоя, то во всех других сферах идеологической деятельности ей пришлось подчиниться новым требованиям. *Интеллигенты были разорваны между отдельными группами и принуждены были подойти к жизни гораздо ближе, чем это им хотелось.* Интеллигенция, как участник сословной борьбы, принуждена была приняться за такую интенсивную работу в области духа, которая менее всего была совместима с мечтательным созерцанием или бесцельной схоластикой кастового покоя.

Классовое общество буржуазного типа еще в большей степени разбило интеллигентов на текучие свободные группы, втянуло их в самую схватку междуклассовой борьбы и заставило еще более чутко отвечать на новые запросы жизни и вечно меняющейся действительности. Лишенные крепкой защиты—кастового покрова, интеллигенты оказались поставленными в необходимость напряженной конкуренции в борьбе за существование, при чем наибольший приз мог получить лишь тот, кто наиболее удачно обслуживал требования господствующего класса. *Классовое господство при буржуазном порядке в высшей степени усилило и улучшило работу интеллигенций*, но саму ее поставило перед фактом тяжкой зависимости от требований рынка и власти буржуазии. Истинно культурная и свободная деятельность творящего духа и здесь не была достигнута.

Лишь социальный переворот, несущий за собой полное упразднение классового порядка, может принести новые формы идеологической работы и культурного созидания, которые, наконец, упразднят интеллигенцию, как профессиональную группу, и превратят в интеллигентов всех тружеников рабочей и крестьянской массы. *Когда все общество станет интеллигентным, интеллигенция прекратит свое существование*, как некоторое собрание избранных душ среди темных людей, а вместе с тем кончится и всяческая продажа духа в целях прокормления его носителей.

Из сказанного мы можем уже теперь вывести в качестве предположения некоторый закон развития интеллигенции, который может быть выражен следующим образом: «*рождаясь вместе с классовым обществом как технический аппарат его организации, интеллигенция приобретает тем большую подвижность и напряженность в работе, чем более она увлекается классовой борьбой и принимает участие в организации классового общества. И когда с ростом производительных сил постепенно множится состав интеллигенции и ширится область ее работы, она, наконец, достигает момента, когда она разрушается как профессиональная группа и растворяется в массе культурного и просвещенного населения. Но это совершается лишь вместе с падением классового общества. Являясь созданием этого общества, профессиональная интеллигенция гибнет в буре социального переворота. Ее заменяет интеллигенция общенародная, совпадающая с массою всех трудящихся*».

Другая тенденция, которая подлежит нашему рассмотрению, заключается в самых условиях и формах интеллектуальной работы. Она коренится в том факте, что наше познание, начиная от его мистических форм и кончая рациональными и положительными, связано с такими приемами и методами, которые как раз увлекают работников духа в сторону догматики, схоластики, окостенения мысли и чувства. И подобно тому, как у каждой профессии есть свои особые, ей одной присущие, болезни, точно так же имеются они и у работников интеллекта. И здесь мы можем различать опять-таки некоторые стадии общего процесса. В древнем обществе господствует *мистическая или религиозная идея*. Находя благоприятную почву в кастовом строе, мистика порождает необычайный дух косности и традиции. Можно сказать, *болезнь мертвенного идеализма, холодной обрядности и высокомерного невежества* дает здесь самые пышные цветы.

Переход от мистики к другим формам познания и общественной идеологии создает гораздо более благоприятные условия для внутреннего освобождения интеллигентской души. И в сословном обществе, вместе *с торжеством романтики, военной доблести и светского права*, мы находим и облегчение интеллигенции в ее социальной работе. Формы становятся более подвижными, символы точнее выражают действительность, а вместе с этим падает прежняя исключительность и надутое самодовольство. *Живое слово и яркий образ* постепенно сменяют старые хартии закона, и с этим вместе совершенствуется техническое приспособление общества к условиям окружающей его среды.

Последний шаг в деле освобождения интеллигенции от ее профессиональных пороков совершается в буржуазно-классовом обществе, где, наконец, на подобающее место выступает *рациональное мышление*. Но и здесь классовый порядок со своей внутренней ложью неминуемо ведет к различной *метафизике*, нагромождению *призраков и фикций*, к замене индукции *логически мыслящей фантазией*. С великим трудом под влиянием революционного переворота рождается истинное понимание процесса познания, как жизненного акта, как целостного процесса, где неразлучно связаны подсознательный опыт, художественная архитектоника и положительное познание живого, вечно текущего мира.

Однако, буржуазное общество не может дать полного завершения интеллектуальной работы. Это выпадает уже на долю социалистического строя, где отпадает какая бы то ни было необходимость в обмане, и где вместе с тем громадное напряжение хозяйственной и культурной деятельности требует соответственной техники, а следовательно, и науки.

Второй закон развития интеллигенции, на основании сказанного, мы наметили бы в следующих словах: «*по мере перехода от кастового строя к обществу, лишенному классовых делений, интеллигенция переживает и постепенный процесс замены первоначальных мистических методов все более разнообразными приемами не только художественного, философского, но и научного познавания. Это развитие несет с собой обогащение культуры, приближение теории к жизни и заканчивается полным слиянием науки и деятельности, мысли и труда*».

Третья черта, вытекающая из общего понятия интеллигенции, коренится в самом существе ее деятельности как техников идеологической организации. Работа интеллигенции, с этой стороны, может быть разбита на три основных отдела. Во-первых, на обязанности интеллигентов лежит сообразно с данными *нового опыта* выработка соответственных теорий, норм, образцов, идеалов и планов, которые в общем и целом предопределяют организацию общественной жизни и деятельности. Во-вторых, все эти общие принципы, идеи, начала и образцы подлежат соответственному *приспособлению* в целях их практического применения. В-третьих, наконец, на обязанности интеллигентов, как техников организации, лежит по большей части и самое *хранение и проведение в жизнь* раз принятых планов, норм, принципов и т. п. Это различие интеллектуальной работы дает и подразделение среди самой интеллигенции.

Таким образом на первом плане мы можем отметить выдвинутых самим ходом интеллигентской работы *интеллигентов-изобретателей* или *новаторов*. Эти люди, в силу особенности своего призвания, должны обладать определенными свойствами и способностями, которые выражаются прежде всего в умении подмечать новые факты, приводить этот опыт при помощи новых комбинаций в оригинальные формы и затем противопоставлять старой практике такие приемы практической деятельности, которые соответствуют новым данным накопленного ими опыта.

Мы не будем сейчас подробно разбирать психологию таких *изобретателей* или *новаторов*. Мы отметим только своеобразие их интеллектуального уклада, который дает им возможность не только чутко наблюдать действительность, но и отражать ее в теоретических, художественных и технических ценностях, которые могут совершенно нарушать или даже прямо опрокидывать вверх дном старые понятия, общепринятые правила и общепризнанные идеалы. И поскольку революционна сама жизнь, а в особенности ее хозяйственное развитие, постольку же являются в своем душевном складе революционерами и эти интеллигенты-изобретатели. Обыкновенно они ближе всего стоят к непрерывному творческому течению жизни и с наибольшей яркостью отражают то, что для принятой рутины представляется еще совершенно закрытым и неразгаданным. Вся сущность этих изобретателей в том, что они, *с одной стороны, подмечают лучше других действительность, а с другой—наиболее ярко отражают ее в своих творениях*.

Следующая категория техников-интеллигентов дает нам обширный кадр *приспособителей, компиляторов, виртуозов* и т. п. мастеров дела, задачею которых является использование открытых изобретателями планов, образцов или идей в целях дальнейшего создания организационных форм. Здесь революционный характер интеллигента-изобретателя сменяется склонностью и способностью к соответственной реформе, то-есть такому сочетанию старой практики и новых начал, которое позволяет наиболее безболезненное и легкое проведение самых революционных принципов в уже ранее налаженную деятельность. В основе такой деятельности лежит *своеобразный реформизм*, совмещение старого и нового,

а очень часто и компромисс с уклонением в ту или другую сторону. Ведь ясно само собой, что при таком соглашении, с одной стороны, может пострадать новая идея, которая приспособляется к старой практике вплоть до потерь своих важнейших черт, а с другой, конечно, также может пострадать и старая практика, которая под видом реформы может претерпеть форменную революцию.

Такие приспособители в качестве технического аппарата по организации общества естественно вырабатывают в себе своеобразные способности и дарования, которые и ложатся в основу профессиональной психики. Революционный порыв и творческая интуиция здесь сменяется даром *ассимиляции и систематики*. На место необычайной чуткости к новому является *бережливость и осторожность* в сохранении старого. Односторонность и фанатизм изобретателя сменяется гибкостью и широтой в учитывании широкой гаммы существующих навыков и методов. *Осторожность и практичность*—таковы основные черты этих деятелей духа, тактиков и политиков по преимуществу.

Наконец, последний вид интеллигентской деятельности дает нам широкие круги тех работников духа, которые становятся в ряды непосредственных *хранителей, управителей* или даже *исполнителей* более широких императивов и норм, установленных приспособителями. Такова деятельность всех интеллигентов, несущих на себе работу общественной связи и социального господства, поддерживающих дисциплину и непосредственно заведывающих движением хозяйственных, политических или культурных организаций. Для этой работы совершенно излишним является способность изобретения или даже широкого приспособления новых принципов к существующей деятельности. Интеллигенты-хранители и исполнители могут быть подведены под общую категорию *интеллигентов-исполнителей*, и сообразно с этим они вырабатывают в своей психике нужные способности и навыки.

Как мы заметили уже выше, интеллигенты являются своеобразными ремесленниками духа, которые технически аппарат создают не из каких-нибудь внешних орудий—рычагов, колес, клещей и подобных механических приспособлений, а из своего мозга и нервной системы. Это—ремесленники, у которых орудия производства находятся в их собственном теле, а в частности—в мозговой корке и нервных клеточках. Поэтому, когда мы говорим о различных видах интеллигентской работы, нам приходится каждый раз строить и соответственный *технический тип интеллигента*, который является исключительно или преимущественно приспособленным к данной работе. И точно так же интеллигент-исполнитель в своей психике вырабатывает *способность беспрекословного повиновения и точного исполнения* раз данных ему приказаний или норм. В своей душе интеллигент-исполнитель должен найти не только энергию для немедленного и беспрекословного исполнения, но и преданность раз поставленной ему задаче. Чем менее такой исполнитель проявляет способности к самостоятельному творчеству, тем это подчас может быть лучше и полезнее для дела. Само собой, здесь также имеется целая градация от чисто механического испол-

нения вплоть до виртоузного осуществления поставленных исполнителю задач.

Все эти подразделения работы интеллигенции для нас важны потому, что сообразно с разделением профессиональных задач они дают нам и *психически родственные группы интеллигентов*, которые дают своеобразную организацию внутри самой интеллигенции, и если мы отмечаем революционный характер новаторов и изобретателей, и на этой основе между ними может родиться известная солидарность, то гораздо в большей степени даст психическую спайку сходства душевного уклада приспособителей, с одной стороны, а исполнителей—с другой. Консерватизм окажется необходимым свойством группы исполнителей-интеллигентов, и эта черта объединит их в противодействии и борьбе против изобретателей. Группа приспособителей-реформистов всегда будет занимать промежуточное положение и так или иначе объединять деятельность изобретателей, с одной стороны, и исполнителей—с другой. И если мы захотим проследить *борьбу нового против старого в самой интеллигентской среде, она всегда даст нам борьбу различных профессиональных групп или слоев внутри самой интеллигенции.*

Формулируя на этом основании третью основную тенденцию в истории интеллигенции, мы должны отметить преобладание одной из указанных групп в деле вообще всей работы интеллигенции. И не будет ошибочным сказать, что поскольку в древние времена даже в высших областях духа преобладает деятельность исполнителей и приспособителей, постольку же, чем ближе к новому времени, тем шире, раскрывается возможность для работы изобретателей, а вместе с тем наука, художество и техника делают громадные шаги вперед. Этот закон можно было бы выразить следующим образом:

«*Интеллигенция выполняет свою профессиональную задачу при помощи трех функций: первая—изобретение новых духовных ценностей, вторая—приспособление их к жизни, и третья—непосредственное сохранение и проведение идеологических и культурных форм в практической деятельности. На основании такого разделения труда создается разделение самой интеллигенции на три профессиональных типа—изобретателей, приспособителей и исполнителей, при чем каждая из групп вырабатывает своеобразную психику, приспособленную к ее роду деятельности. Самый же процесс перестройки общества, то-есть замены старых отживших форм новыми, совершается при помощи борьбы трех указанных групп между собою. В историческом процессе мы наблюдаем постепенное сужение господства исполнительной функции, а с нею интеллигентов-исполнителей в пользу развития творческой деятельности, а с нею вместе интеллигентов-изобретателей*».

Сводя теперь воедино все данные, полученные нами при анализе понятия «интеллигенция» и свойственных ей, как профессиональной группе, признаков и тенденций, мы видим, что они обусловливают собою и построение дальнейшей работы по изучению интеллигенции. При анализе интеллигенции мы вскрыли прежде всего три главнейших вида ее профессионального положения—в кастовом, сословном и буржуазно-классовом об-

ществе. Отсюда и исследование должно дать три отдельных части—исследование об интеллигенции в *кастовом*, *сословном*, *буржуазно-классовом* и социалистическом укладе.

Каждая из этих частей, в свою очередь, должна ответить на вопросы отношения интеллигенции к ее среде питания, а с тем вместе к образующим общество классовым подразделениям, затем вопросы о способах и методах технической работы интеллигенции и, наконец, вопросы о борьбе изобретения и косности в среде самой интеллигенции. Этим исчерпывается план работы об интеллигенции, логически вытекающий из анализа понятия интеллигенции, как профессиональной группы.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Проф. А. А. Сидоров.

Введение.

Всякое знание неизбежно проходит через установленные раз навсегда состояния. Знание научно-художественное, конечно, не делает исключения. Пусть каждая наука имеет свои индивидуальные в этом отличия: прежде, чем определять, чем мы будем заниматься, не представляется ли правомерным на недолгое время оглядеться, на какой ступени вообще стоит исследование наше по отношению ко всей лестнице знания?—что мы: только начинаем путь,—или уже взошли к самой высоте?

Все эти более или менее отвлеченные положения имеют к нашей теме очень непосредственное касательство. Мы полагаем, что книга, продукт печатного мастерства, должна быть изучаема сама по себе, как всякое иное произведение человеческого творчества, со всей строгостью научной методологии, со всей внимательною тщательностью, которой учит нас, может-быть, лучше других история искусств, так любящая и ценящая самый свой объект изучения—памятник. Мы утверждаем, что книга, как таковая, предметом такого изучения не была. Конечно, ею занимались очень многие и почтенные ученые. «Похвалу книги» воспевали столетия. Но мы неблагодарны: воспринимая в книге ее содержание, мы обычно забывали о той оболочке его, которая для всякого серьезного монист неизбежно оказывается не только отражением, а, наоборот, необходимой составною частью организма. И—с другой стороны: воспринимая в книге ее внешность, не задавая себе вопроса о том, соответствует ли она внутреннему содержанию книжного целостного этого организма, мы вырываем у себя из-под ног объективную почву всякой оценки. Ибо оценка книжной внешности, понятой именно как *книжная*, только тогда *полна*, когда она учла все стороны возможного единства. Возьмем пример.

Когда, как это обычно, рассматривая книгу, сделанную мастером книжного искусства, любитель смотрит только на приложенную к книге гравюру, и любуется ее тонким выполнением, и оценивает ее совершенно независимо от того, совпадает ли она с текстом или нет,—мы имеем полное право характеризовать такое его отношение, как мало имеющее касательства к книге. Это—точка зрения гравера: и заменитый ученый наш Д. А. Ровинский давал именно этой позиции весьма явное предпочтение. Еще: когда мы имеем исследователя, который, описывая книгу, перечисляет добросовестно все гравюры, в ней находящиеся, учитывая всего прежде *подписи* под ними, а оценивая иллюстрацию, задает себе вопрос, похожи ли изображенные в ней персонажи на действительных лиц—перед нами тип противоположный, библиографа или историка. Как в том, так и в другом случае исследователь не учитывает в книге органичности замысла. Исследователь гравюры, хотел бы (и делает так!) извлечь из книги все ее иллюстрации и любоваться ими на отдельных листочках. Библиографу совершенно все равно, *где* и *как* помещена в книге иллюстрация: справа или слева в раскрытой книге, вверху или внизу страницы. И та и другая точка зрения неизбежно однобоки.

Целью этих наших очерков, скажем больше: целью основных наших трудов, как специалиста по истории и теории искусств,—одною из самых насущных и важных задач современной культурной мысли, нам представляется обоснование (не скажем заносчиво: создание) самостоятельной дисциплины *книговедения*, научно-художественного учения о книге (*библиология*), которое нами мыслится, как входящее наравне с историей изобразительных искусств в широкую и еще границ не имеющую область *технологии:* науке о завоеваниях человеческого мастерства вообще. Постановленная нами общая тема учения о книге представляется нам исключительно своевременной: ибо кто и когда должен был обратить на книгу и ее значение такое внимание, как именно деятель печати в эпоху строительства новой культуры? Только *сознательное* творчество введет нас «в новое царство». То, что у нас в области книжного мастерства делалось до сих пор, было—в лучшем случае—делом хорошего личного вкуса. Но и с другой точки зрения необходимость такого книговедения явственна. Современная научная мысль, хочет она или нет считаться с прочной базою марксизма, уже избежать не сумеет «производственной» точки зрения в подходе к продукту человеческого творчества. А именно книга есть продукт производства. Мы сказали бы, испугав, быть-может, доброе число наших сотрудников по общей историко-художественной работе, что логика *стиля* в книге отражается явственнее и последовательнее, чем в картине. Искусство—лучший барометр социальной жизни человечества. Книжное искусство из всех, может-быть, наиболее чуткий указатель этого барометра.

И еще, и еще можно было бы приводить основания в доказательства правомерности существования библиологии, как самостоятельной дисциплины. От этого мы здесь воздержимся. Но мы не случайно начали с указания, что какие-то неизбежные ступени должно всякое знание

пройти, прежде чем очутиться на своей вершине. В дальнейшем мы отметим несколько разновидностей отношения существующих научно-художественных интересов к проблеме книжной иллюстрации. Остановиться на этом еще необходимо: только здесь мы сумеем обосновать свою методологию и своеобразие своей темы.

Первым пионером всякого научно-исторического знания нам рисуется—*любитель*. Он это, порою бескорыстный до конца, порою чуть «тронутый» пристрастием, собирает, выкапывает, оберегает. Он всегда «дилетант» в точном значении этого слова, и труд его может быть наиболее оправдан общей суммой возвращаемых наслаждений. Но поскольку любитель—только любуется, и коллекционер—только собирает, точного знания еще нет налицо. Оно наступает только в следующий момент. Любитель становится *знатоком*. Признаемся, что далеко не всякий любитель им делается. Ибо для знатока нужно кое-что, чем одарен не каждый собиратель: прежде всего—большая память, привычка к систематизации, небоязнь труда, порою чисто механического. Любитель собирает—знаток распределяет. В первом случае мы получаем «материалы», во втором—«словари», «каталоги» или «указатели».

Нами избранная область—книговедение,—приходится признаться, остановилась именно на этой второй ступени. Любителей, друзей книги было множество, начиная с самого того дня, как первая книга появилась на свет божий. Знатоки книги, ее истории, ее техники, ее искусства—в настоящее время налицо в очень большом, слава богу, числе. Наша непосредственная тема—русская иллюстрированная книга XIX века—имела и имеет таких исключительных знатоков, как Д. А. Ровинский, В. А. Верещагин, Н. К. Синягин, Е. Н. Тевяшов, Н. Обольянинов, В. Я. Адарюков, П. П. Шибанов. Их мы рады приветствовать, как своих непосредственных учителей. Но современная научная мысль никогда не удовлетворится ступенью достигнутою, хотя бы и полного, только фактического, знания. Третья стадия требует толкования и оценки—оценки, во имя чего? Для нас очевидна несостоятельность подхода к какой бы то ни было отрасли книжного искусства с точки зрения иных областей художественного производства—так, например, суждения о книжной иллюстрации со стороны техники гравюры. Но методология научно-художественного книговедения вырабатывается только на практике. Это теоретическое введение было для нас обязательно. Перейдем к нашей конкретной области исследования.

Статья первая.

Русская иллюстрация начала XIX века.

1.

Для судей русской книги в будущем (ибо нами ни на миг не забывается возможная непосредственная практическая цель предлагаемых очерков) два источника могут быть решающими. Можно остановить свое

внимание на последних достижениях книжного искусства на Западе. Увы!—техника европейской книги от нас ускользнула. Скажем еще больше: то, что дает экспрессионистическая, хотя бы, Германия, нам представляется вовсе не столь образцовым. Тем паче интересна вторая возможность. Новая культура как-то в прошлом должна же иметь свои корни. Лично себя мы причисляем до конца к самым решительным сторонникам *новой* культуры. Мы верим во все расцветы пролетарского творчества. И вместе с тем мы не боимся признаться, что в области книжного, хотя бы, производства, нам еще надо учиться у наших классиков. Предлагаемые очерки имеют целью дать образец и показать, как в книге отражено лицо времени; дать толкование; сделать из книги, бывшей предметом любования и забавы, то, чем она может же быть: учительницу, живую, истории и искусства.

В свое время В. А. Верещагин выставил деление истории русской книги на четыре периода [1]). Восемнадцатый век, по его мнению, предваряет первую половину девятнадцатого, образуя в то же время некий общий с нею этап, определяемый для книги превалированием в ней металлической гравюры. Нашей теме надо дать некоторое ограничение. Именно для яркой сжатости получаемой картины берем мы предметом нашего рассмотрения не книгу вообще, а ту ее сторону, которая обращена к изобразительному искусству: иллюстрацию. Здесь можно уже с определенностью сказать в самом начале, что исследуемая нами эпоха действительно в некоторых отношениях была классической. Восемнадцатый век да будет позволено оставить в стороне. Книга эпохи Екатерины, которую возможно в иных отношениях сближать с началом девятнадцатого столетия, все же была не столь характерно-связанной со всем строем жизни, как книга первого сорокалетия XIX века. Между роскошно-тяжеловатою книгой восемнадцатого столетия, детищем неповоротливого несколько русского стиля «рококо», и книгою эпохи Александра I лежит очень определенная грань, и мы боимся, что никогда не успеем высказать того, что нужно, если позволим себе запутаться в привлекательнейших сетях любительства и «знаточества».

2.

Какая книга наиболее характерна для изучаемого периода?

Иллюстрированная вообще, т.-е. украшенная и поясненная участием изобразительных искусств, книга обращается, конечно, к особого круга читателю. Оставаясь сознательно в ее пределах, т.-е. отстранив от себя книгу научную, учебник, философскую (хотя неоднократно и они должны были войти в область внимания изобразительного искусства), мы можем все-таки установить некоторого рода приблизительные рубрики, весьма поучительные для нашего исследования. Определим прежде всего его границы хотя бы установленными раньше признаками производства.

[1]) «Русская и иностранная книга XV—XIX века»—Кружок-любителей Русских Изящных Изданий. Спб., 1914. Стр. 9—11.

В сороковых годах XIX столетия к нам решительно вторгается с запада Европы деревянная гравюра, принеся с собою совершенно особый принцип книжной композиции. Для эпохи непосредственно предшествовавшей характерно, как мы указали, превалирование в книге металлической гравюры и некоторые иные особенности в плоскости уже содержания.

О связи книги с ее потребителем—читателем должно прежде всего спрашивать книговедение. Случайно ли тогда, с этой точки зрения, что как раз на первые два десятилетия XIX века падают лучшие издания литературы «поучительной»? Мы имеем в виду *басни*. Мейснер, Хемницер, Измайлов, Крылов—вот авторы, которым посвящалось наибольшее внимание в эпоху 10-х годов XIX века. С некоторого обследования этой группы мы и начнем. Укажем лишь пока кое-что для идеологического обоснования. Не басни, как таковой: сам Измайлов в своем известном «апологе» дал ей объяснение, очевидно, бывшее вполне удовлетворительным для психологии его читателя. Истине, которой подобает быть, как ведомо, нагою, в таком виде нельзя показаться перед «двором»; в шутовском наряде она приемлема всюду. Но нам более интересна чисто художественная, образная идеология того времени. Она была, по всей вероятности, бессознательной, как все обычно художественное творчество. Мы можем в этом месте только очень кратко наметить существование двух идеологических струй в искусстве начала XIX века: одна, бывшая бесспорно превалирующею, обращала внимание на «благородство» образа, выявляя в нем высокие уроки строгого стиля. Это—классическая, интеллигентская, струя, наиболее, быть-может, характерная для искусства Великой французской революции, у нас родившая так называемый стиль «ампир». Другая—которую правильно, может-быть, назвать демократической, струя насмешливой наблюдательности, во Франции XVIII века представленная сентиментально Шарденом и Грезом, но в Англии—полносочной сатирой Гогарта, Раулендсона, подготовившая в будущем расцвет реализма,—также присутствует и в изучаемой нами сегодня теме. Басня, как таковая, откликается скорее ведь все-таки на потребности, представленные второю из отмеченных струй. Иллюстрации к басне чудесный пробный камень дает прежде всего идеологической стороне русского графического искусства начало XIX века.

Одною из самых ранних книг XIX века, по существу, принадлежащею еще к эпохе Павла, поскольку гравюры книги были выполнены в то время, являются «басни» Г. Мейснера, автора бесспорно популярного, издаваемого не только в Москве, но и в провинции, притом неоднократно, с 1798 до 1816 года. Анонимная гравюра к одной из басен весьма поучительна как раз с «идеологической» стороны. Автор излагает старую притчу об орле и черепахе. «Черепахе пришла в голову странная мысль, чтобы (sic) выучиться летать», повествует он. К басне прибавлено нравоучение: «не желай таких вещей, которые запрещены тебе самою природою». Вся басня представляется двумя уравновешенными чашами весов—повествовательной и поучительной, при чем неясно, какой автор сам придает больше значения. Художник весь свой авторитет бросает

на «чашку повествования». Перед нами орел и падающая неразумная черепаха. И еще одно: не даром так распростерла свои крылья птица, привыкшая, очевидно, быть эмблематическою в руках рисовальщиков стольких гербов. Вся иллюстрация, несмотря на то, что она как раз очень выдерживает изначальное требование своего искусства—быть точным сопровождением текста—великолепно выполняет и другую роль: быть украшением печатной страницы. Она чудесно располагает свои линии (обр. вним. на пальмы: они растут как раз там, где надо, для сохранения равновесия). Она условна, ибо иначе, реальнее, она была бы несоответствующей басенному характеру: представьте себе настоящего орла и черепаху—вся общеобязательность притчи пропадает. Мы искренне считаем эту иллюстрацию образцовой. «Любители» книжку Мейснера ставят ни во что; выполнение *гравюры* им мнится грубым. Не будем еще раз повторять того, что мы писали выше. Но точка зрения любителя графических изощрений не есть обязательная позиция книговедения.

— 56. —

Гравюра из „Басен" Мейснера.—Декоративное трактование сюжета нравоучения.

Не имея возможности—и надобности—останавливаться на всех, пусть только басенных изданиях начала XIX века, выберем для анализа хотя бы иллюстрации к басням Хемницера издания 1820 года. Это пятое издание с «искусно гравированным портретом, картинами и виньетами» является исключительно типичной книгой, выпущенной под эгидою всевластной тогда Российской Академии Художеств. К каждой из трех частей приложена гравюра на особом листе. Нам представляется, что анализ их с точки зрения идеологии иллюстративного искусства тем паче нужен, что до сих пор все именитые наши предшественники свое внимание к ним основывали только на их технике. Но, очевидно, пора воздать каждому свое. Что для книги, как таковой, более важно: изобретение или выполнение иллюстраций? До сего времени ударение ставилось так решительно на втором моменте, что нам представляется делом справедливости отдать должное тем мастерам-рисовальщикам, не граверам, которые в значительной мере были руководителями и организаторами читательских представлений в ту эпоху. Мастером таким, забытым теперь вполне, явившимся кстати «изобретателем» иллюстраций к Хемницеру, был академик перспективной живописи Иван Алексеевич *Иванов* (1779—1848), может-быть,

больше всех потрудившийся в свои дни на поле книжно-изобразительного искусства. Чтобы не было недоумений, автору рисунка принадлежит перевод образа из области литературных представлений на плоскость зрительную, расположение форм и пятен рисунка по поверхности бумаги и самый конкретный *стиль* форм этих, т.-е. самое главное. Гравер, тонким более или менее резцом выполняющий чужой рисунок, в конце-концов, только техник. Именно то обстоятельство, что заботы о книге находились до сих пор в руках любителей книги, не искусствоведов, привело, боимся, к решительной переоценке истинных заслуг гравера-исполнителя на счет рисовальщика-изобретателя. Д. А. Ровинский с его исключительной любовью к гравюре здесь несколько загипнотизировал наших последующих изучателей книги.

Вернемся к «басням» Хемницера, и поскольку наш первый пример ввел нас в область «животного эпоса», остановимся на той гравюре, которая дает иллюстрацию к басне «медведь-плясун». Здесь изобретательское дарование И. А. Иванова—на полной высоте. «Человекоподобность» зверя—это ведь для басни обязательно—выражена чудесно и в то же время тактично. Смысл басни в том, что научившийся плясать медведь своим исполнением, вызвав на неудачное соревнование и зависть своих соплеменников, быстро теряет свою популярность: «Скотина эдака умней быть хочет нас!»—и вот во все стороны (очень правильным композиционным кругом) центрального Мишки валятся на землю неопытные плясуны. Нравоучение здесь совсем отсутствует. Предсказать развитие вложенной в басню мысли нельзя. Изобразительное искусство требует своего за счет рассказа.

Нам жаль, что мы не сумеем здесь воспроизвести другой композиции И. А. Иванова—его сложной иллюстрации к «Руслану и Людмиле», где он постарался избежать основной особенности изобразительного искусства—его «единовременности» включением на один лист целого ряда разновременных «сюжетов»: здесь и бой Руслана с головою, и Черномор, и пробуждение Людмилы, и прочие плоды фантазии молодого Пушкина. Но в басенных иллюстрациях—как и потом в иных трагических композициях (напр., к Озерову 1828 г.)—И. А. Иванов остается не рассказчиком, а показывателем—как это и должно. Из тех двух идеологических струй, о которых мы говорили выше, он, как академик, скорее относится к первой. В какие только классические формы ни облек он иные басни Крылова!—но и вторая, условно нами названа демократическою, карикатурная струя, не осталась ему чуждой. Изображая крыловского повара, читающего коту нравоучения, или толпу гуляк, глазеющих на Хемницерова «Зеленого осла», И. А. Иванов выказывает себя наблюдателем достаточно тонким. Дело организации представлений читателя здесь сводится к указаниям последнему на ряд современных жизненных явлений, связанных с текстом. Правда, особенной остроты толкования не давало все то время. Думается, что не случайно. В одном отношении Ровинский и его внимание к стороне выполнения вполне оправдано: так смотрели на дело и сами авторы начала XIX века. Главную плату за

иллюстрацию книги—и главный труд—получал гравер. Рисовальщик давал ему, в конце-концов, только материал. Идеологическая сторона от технической была строго отделена. И, конечно, ремесло гравера по меди в начале XIX века было великолепным искусством, к которому нельзя даже и приближать современную фотомеханическую репродукцию. В рассмотренной нами гравюре с медведями исполнителем рисунка был Иван Васильевич *Чесский* (1777—1848), крепостной по происхождению, очень достойный сотрудник всякому художнику. Поставив ударение на изобретении иллюстрации, мы все же должны признать, что роль техника-выполнителя для книги по другому исключительно важна. Именно он, превращая рисунок в сеть линий и пятен, дает то *декоративное пятно*, которое сливает гравированный лист с относящимся к нему набором в одно единство. И если бы исследователи гравюры русской хотели дать отзывы о ней более точные, нежели только «прелестно» или «суховато», то представилось бы весьма интересным сравнить техническую манеру И. В. Чесского с тою, обладателем которой был его более знаменитый сотоварищ по гравированию рисунков И. А. Иванова—Степан Филиппович *Галактионов* (1779 — 1854). Представляется не случайным, что Чесский, крестьянин, в своих работах предпочитает «благородные» классические мотивы, Галактионов — не боится жанров карикатурных. Сын чиновника и профессор академии, этот последний мастер сравнительно счастлив своей известностью. Как раз в недавнее время эпоха петербургских «Старых годов» и «Кружка любителей изящных изданий» его превознесла на большую высоту. Разница между ним и Чесским в области их технического мастерства очень поучительна. Чесский более кропотлив, работает пунктиром, разлагает рисунок на перетекающие живописные пятна. Галактионов гораздо лучше чувствует линию, и с другой стороны, будучи причастным к живописи и к литографии, умеет порою в своей гравюре достигать чудесных контрастных эффектов. Мы к нему еще вернемся.

И. А. Иванов.—Иллюстрация к басне Хемницера (1820 г.), грав. И. В. Чесский.—Совпадение с текстом.

3.

Поскольку мы обратили в предыдущем хотя бы малое внимание на идеологическую сторону русской басенной иллюстрации, нам теперь

хотелось бы совсем вкратце остановиться на типе книги, представляющемся чрезвычайно характерным для второй половины первого сорокалетия XIX в. Это — *альманах*, золотым веком которого были 20-е и 30-е годы. Небольшого размера сборнички стихов и прозы, обращенные к «любительницам и любителям русской словесности», альманахи удивительно удачно попали в цель вкусов того времени. Ах, были эти вкусы не бог весть какие требовательные! Повздыхать и закатить глаза над чувствительным стишком было неизбежно модным для обитательницы деревенской усадьбы или столичного особняка, отвлечься от прозы крепостничества в область самой романтической экзотики — любезно сердцу идеалистически настроенного молодого «любомудра». Несмотря на свое, известное в истории литературы, отрицательное отношение к «альманашникам», именно здесь печатался Пушкин. «Полярная Звезда», издававшаяся Рылеевым и Бестужевым, разошлась через три недели в числе 1500 экземпляров. Альманашная иллюстрация — это тип совершенно особый. Прежде всего — она с книгой не связана. Двадцатые годы видят чрезвычайно интересный перелом в области книжного искусства вообще. Столь любопытный, что он бросает свет не только на одну эту эпоху.

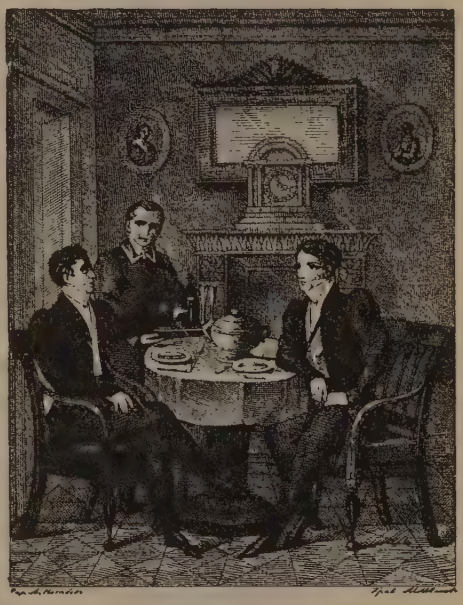
Гравюра на меди, которою выполнялись иллюстрации книг начала XIX века, *органически* с печатью текста не связана. Там, где набор предполагает выпуклую печать, гравюра дает углубленную. Ее нельзя печатать с буквами вместе на одном станке. В силу этого ее приходится или делать на особых листах, как это обычно и бывало, или же, когда виньетка была нужна вверху полосы набора, приходилось подчиняться возможным случайностям, что как-либо косо или неправильно будет втиснута гравюра в страницу: примеры чего могут быть отысканы в любой изготовленной так книге 20—30 годов прошлого века. Все это заставляет признать, что медная гравюра в книге не конструктивна, а декоративна [1]). Что связать книгу с гравюрой на меди в нераздельное единство нельзя, это почувствовалось в 20-х годах особенно четко. Конечно, гравированная (обычно сначала вытравленная крепкой водкой, потом пройденная резцом) картинка слишком очаровательна, чтоб от нее отказаться совсем. Выходом является: рассматривать гравюру *не* как книжную иллюстрацию, а как нечто самостоятельное. В альманахе, более или менее случайном сборнике, это было наиболее легко. И мы, действительно, видим, что иллюстрирующие некое литературное содержание гравюры выдвигаются в начале сборника, составляют его первый отдел, не связанный с последующими, и что текст становится подобранной к картинке подписью.

Именно так был иллюстрирован в знаменитом «Невском Альманахе» 1829 года «Евгений Онегин». Наш пример, изображающий Онегина и Ленского за бутылкой вина, весьма поучителен. Его рисовальщик, не исполнивший своих обещаний талантливый *А. В. Нотбек* (1802—1866)

[1]) Отсылаем к нашим статьям об «Искусстве книги» в №№ 1—3 «Печати и Революции» 1921 года.

очень определенно чувствует себя с пушкинским текстом не связанным. Его вымысел мог бы иметь касательство и к «Онегину» и к десятку других современных сочинений. В нем нет ничего того индивидуально-специфического, что мы в праве ждать от иллюстративного искусства. Перед нами просто жанровая сценка, и мы отмечаем, как любовно художник изобразил костюмы франтов своего времени, характерную обстановку комнаты. Иллюстрация становится оторванною, свободной гравюрой. Несмотря на подпись — «благословенное вино в бутылке мерзлой для поэта на стол тотчас принесено», связи с текстом нет.

Листок Нотбека гравирован Михаилом (Афанасьевичем) *Ивановым* (ок. 1774 — ок. 1840) правильными перекрещивающимися линиями — достаточно невыразительно. Отказ от действенной, драматической иллюстрации, связанной с книжным текстом, психология, которая побудила Пушкина писать Плетневу в 1835 году: «... заставь нарисовать виньетку *без смысла*, были бы цветочки да лиры, да плющ... Это будет очень натурально» [1] — все это для книги даром не прошло. Сказать ли? Представляется, что именно это новое отношение дало толчок к развитию вида иллюстрации, который никогда не переживал потом такого расцвета. Мы имеем в виду *титульный лист* книги. Исключительное его значение не должно быть путаемо с задачей книжной обложки, с которой он имеет общего то обстоятельство, что, как и она, должен как-то считаться с заглавием сочинения. Титульный лист в то время понимался очень правильно, как некий автопортрет всей книги. Там, где иллюстрация, в точном значении, должна была характеризовать определенное место текста, «титул» обязан был такую характеристику дать всей книге: организовать мнение о ней читателя до чтения.



А. В. Нотбек. — Иллюстрация к Пушкину (1829 г.), грав. М. А. Иванов.—Безразличие к индивидуальности текста.

Эволюция титульного листа в книге начала XIX века исключительно интересна. Одно из лучших изданий самого начала столетия, «сочинения Державина» 1808 года, в титульном листе своем дает чудеснейший пример строгого «стиля ампир». Награвировавший виньетку и надпись (по всей вероятности, иностранный) художник очень строго отделяет текст от украшения. Верхние строчки заглавия даны определенными и чет-

[1]) Срв. статью Н. Соловьева: «Воспит. императорского лицея Валериан Лангер», «Старые годы», 1912 года. Январь, стр. 43.

кими линиями, вокруг которых вьется линейная игра орнамента. Маска, меч и труба к тексту книги не имеют касательства: это—мотив чисто архитектурный; и вообще вся страница — очень хороший пример строго формального отношения к задаче, нас интересующей. Художник хочет только одного: украсить книгу. Титульный лист — как фасад изысканного дворца.

Возьмем теперь не менее характерный пример через десятилетие. В 1817 году выходит в Москве книжка с заглавием «Послание Лагарпа к графу А. Н. Шувалову о действиях сельской природы и о поэзии описательной». Очень скромная простая обложка скрывает титульный лист — и мы прежде всего должны отметить, что гравированная страница, оказывается, вклеена рядом с заглавным листом, где то же наименование книги повторено набором. Титульный гравированный лист, очевидно, толкуется как приложение, *необходимое в книге*. По сравнению с «титулом» сочинений Державина, этот отмечает нечто новое. Исчезли завитушки наверху, вокруг строк заглавия. Зато архитектурная виньетка заменена иллюстрацией, и чтобы у нас не было сомнений, что сидящая в грустной позе на камне красавица имеет касательство к тексту сочинения, под гравюркой помещена ссылка на страницу 13:

Титульный лист, гравированный на меди 1808 г.—Орнаментальная композиция.

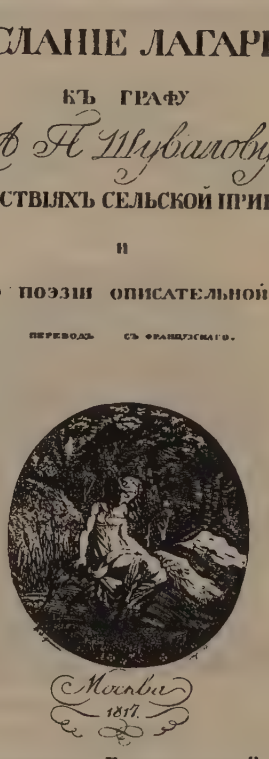
Под тенью сих дубов маститых,
От взоров уклонясь, одна, сама с собой,
В местах, от смертных позабытых,
Вот *меланхолия* где дух питает свой!

То-есть: текст заглавия совмещен с иллюстрацией, превращенной, в свою очередь, в орнаментальное — недаром овальное — пятно. Не надо забывать, что буквы заглавия к картинке награвированы вместе на одной доске малоизвестным гравером Д. Аркадьевым. Замысел очень характерен. Но, конечно, комбинация заглавия книги и иллюстрации, имеющей касательство к одному только ее месту, не так уж органична. Тип такого титульного места, однако, был чрезвычайно распространен. Его возлюбил, например, небезызвестный романист Фаддей Булгарин, пушкинский зоил.

В двадцатых годах титульный лист претерпевает новое изменение. Эпоха последних лет царствования Александра I любила длинные, широковещательные заглавия; вышедшее в последнем году его эры, 1825-м, чудесное издание басен Крылова дает в своем титульном листе, гравиро-

ванном Галактионовым по рисунку И. Иванова, другой тип, который нам и приходится счесть характерным для второй эпохи изучаемого времени. Здесь текста мало, зато большая половина занята аллегорической виньеткой с амуром и двуглавым орлом. На альманахах того времени рисовальщики — тот же Иван Иванов, В. Лангер, к которым несколько позднее присоединяется А. Брюллов — неизбежно должны были выработать себе «обложечный», эмблематический тип: лира, цветы — как советовал Пушкин — без особого смысла.

Зато в тридцатых годах XIX века гравированный титульный лист достигает полного расцвета. До того времени все-таки надпись и виньетка существовали рядом. Может-быть, со стороны изображения делались скорее некоторые шаги в сторону надписи. 30-е годы делают наоборот. Бывшие в начале строго прямыми, строчки заглавия теперь гнутся подобно гирляндам, образуют кайму и рамку для виньетки. А она, со своей стороны, вырастает почти вдвое против отведенного ей вначале малого места (надпись становилась все лаконичнее и лаконичнее), и умеет чудесно быть иллюстрацией ко всей книге одновременно. Рисунок талантливого *А. П. Брюллова* (1798—1877) к сочинениям Батюшкова, гравированный в издании 1834 года С. Ф. Галактионовым может быть сочтен образцовым. По темному небу романтического пейзажа летит рассыпающий цветы ангел: что лучше придумаешь для поэтической книги? Плавно гнутся строчки: вся страница, по иному, правда, чем вначале, приобрела органический вид. И что это—не случайно, может быть доказано и другим примером: «басни» Хемницера, о которых мы упоминали, в издании 1820 года имеют чудесный свежий вид, их титульный лист строг, ясен и несколько скучен по своей композиции. Седьмое издание той же книги (1832 года), с теми же гравюрами, не выдерживает сравнения с предыдущим по вялости отпечатков «утомленных» досок, по общему более мизерному виду. Но титульный лист скомпанован лучше. Строки заглавия изогнуты, получилась общая орнаментальная система.


ПОСЛАНІЕ ЛАГАРПА

КЪ ГРАФУ

А. Н. Шувалову

О ДѢЙСТВІЯХЪ СЕЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ

И

О ПОЭЗІИ ОПИСАТЕЛЬНОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Москва 1817.

Д. Аркадьев. — Гравированный титульный лист 1817 г. — Сочетание орнамента с иллюстрацией.

4.

Наше исследование нуждается еще в нескольких словах. Почему же кончился расцвет русской гравированной книги начала века? Произведенная статистика никоим образом не указывает падения общего

числа книг с иллюстрациями. Наоборот, линия все время идет вверх. В конце несколько цифр были бы не лишними. Именно они объективно показывают, каким точным барометром является книга по отношению к своей социальной среде. Так, эпоха Павла, как известно, весьма мрачная для книжного дела, отмечена в области издания иллюстрированных книг цифрами небольшими [1]). В 1797 году их появилось 16, в 1800—14. Царствование Александра — и сразу скачок вверх: 1801 г.—29, 1802—39, 1803—48. Это, впрочем, самая высокая цифра для первого двадцатилетия XX века. После 12 года число издаваемых ежегодно иллюстрированных книг колеблется от 18 до 48 (1821 год). Декабрьское восстание на рынке книжной иллюстрации отражается очень психологически интересно. Тогда как в 1825 году вышло 36 книг, в 1826—35: как будто бы то же самое. Но книги, как известно, заготовляются в значительной мере заранее, и издательство, представляется, в строгом 26 году затаило дух и не знает, как себя вести. Иначе нельзя объяснить, почему в 1827 году мы имеем резкий скачок вверх: 50 иллюстрированных книг; на этом уровне держится издательство почти все царствование Николая I, достигая своего зенита в 1844 году (74 книги), снова падая при нажиме реакции в связи с 1848 годом (в 1848 году издано 50 книг, в 1850—40).

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА,

ВЪ СЕМИ КНИГАХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1825.

И. А. Иванов.—Титульный лист 1825 г., гравированный С. Ф. Галактионовым.— Виньетка начинает расти и вытеснять заглавие.

Такого рода статистика должна получить в одном решающее примечание: если в начале периода речь идет о книге с медными гравюрами, в конце—они исчезают почти совершенно. Сначала литография, затем деревянная гравюра совершенно вытеснили гравирование резцом с занятого им места книжной гегемонии. Это объяснено, конечно, очень просто: гравюра на меди — дорога и медленна. Когда Державин незадолго до своей смерти захотел иллюстрировать гравюрами на меди свои сочинения и обратился к знаменитому резчику Н. И. Уткину за расценкой, то получил от него смету на 39.150 рублей, при чём гравирование фронтисписа исчислено по 200 рублей, виньеток—по 100 рублей, «кюделамп» (cul-de-lampe, мелкая заставка) — по 50 рублей [2]), — цена еще сравнительно дешевая, принимая во внимание большой размер книги. «Альманашники»

[1]) Данные «Каталога русских иллюстрированных изданий» Н. Обольянинова. М., 1914, т. II, стр. 683—4.

[2]) См. «Русский Библиофил». 1916. № 3, стр. 86.

при небольшом размере своих гравюрок платили за виньетки до 200 рублей. Печатание должно было производиться, как мы указывали, особо. Правда, тем же отличается и литография—но на ее стороне преимущество дешевизны, легкости и быстроты исполнения. Железные законы экономики, сочетавшиеся здесь чудесно с общим низким уровнем художественной культуры русской публики, обрекли гравюру резцом на неизбежное умирание. В начале XIX века в Академии Художеств у талантливого Клаубера, учителя Уткина, Галактионова, Чесского и др., было свыше 30 учеников. В 1817 году класс граверов насчитывает 17 человек. За всю свою деятельность Уткин (профессор Академии с 1817 по 1854 г.) имел около 33 учеников, его преемник Иордан—только 2-х. С 1894 года из Академии уволен был Иван Петрович Пожалостин, последний русский гравер резцом на меди. В настоящее время—это забытое искусство, которому нельзя научиться.

А. П. Брюллов.—Титульный лист 1834 г., гравированный С. Ф. Галактионовым.—Победа виньетки-иллюстрации.

Для художественной науки статистические результаты, конечно, не являются последним объяснением. О требованиях, предъявленных книгою гравюре *на дереве* лучше говорить другой раз. Пока же остановимся вкратце только на одном еще явлении обследованного периода. На ряду с типично-классической гравюрой резцом по металлу, ищущей передачи линией формы изображений, мы имели в начале XIX века еще один вариант гравированной иллюстрации: чисто линейную «очерковую» гравюру, возникшую под влиянием «научных» репродукций памятников античной скульптуры, в полном соответствии с стилем эпохи, чуждавшемся всяческой живописности. Не будем останавливаться на ней подробно. На проблему книжной композиции очерковая гравюра откликается совсем особо, отзываясь, очевидно, на рисунок отдельной буквы каллиграфией своего штрихового узора — не на общую прозрачно-серую массу набора, как это художественно делает гравюра. У нас особенно В. А. Жуковский, поэт-художник, любил также чисто линейные иллюстрации, поручив свою «Ундину» дерптскому мастеру Л. Майделю, снабдившему ее для издания 1837 года очень нравившимися публике «очерками». Но общая эволюция металлической гравюры в книге и для этой ее разновидности была та же. Разные способы художественного производства — разные логические требования печатной техники, властно разорвали связь между книгой и гравюрой. Лучшие памятники русской очерковой иллюстрации—

уже не *книги*, а *альбомы*. Так, к вышедшему в 1844 году сатирическому роману В. И. Даля «Похождения Виольдамура» был приложен особый альбом очерков (исполненных офортом) А. Сапожникова. В знаменитой «Душеньке» гр. Ф. Толстого текст сведен к одной странице взятых из текста поэмы подписей. Цитат текста совсем уже нет в «Ветхом Завете» А. Агина (СПБ. 1846 г.). При всем исключительном интересе, который имеют все эти серии гравюр для темы об иллюстрации вообще, мы их тем самым можем не рассматривать, что между книгой (для *чтения*, не устанем повторять того) и альбомом (для смотрения)—в наших глазах психологическая и методологическая пропасть.

А что художник-иллюстратор все-таки будет всегда влечься назад к печати, к набору книжной страницы—доказывается примером последующей деятельности того же Агина. Оставим пока до будущего русскую ксилографическую книгу. Нам представляется, что наш очерк первого этапа русской иллюстрации XIX века дал достаточно поучительные указания для деятелей книжного искусства и наших дней. Наиболее важным уроком мы считаем самую судьбу изысканного мастерства. Считаться с требованиями производства, как в области экономики, так и в чисто художественной, очевидно, неизбежно для всякого художника книги.

РУССКИЕ ГРАВЕРЫ.

А. П. ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА.

Проф. В. Я. Адарюков.

Анна Петровна Остроумова-Лебедева родилась в Петербурге 5 мая 1871 года. В своем автобиографическом письме А. П. указывает, что с раннего детства она имела особенное влечение и любопытство к гравюре. Будучи ребенком, любимым занятием ее было вырезание ножиком по дереву азбуки и несложных орнаментов. Образование А. П. получила в Литейной гимназии и, будучи в последнем классе, начала посещать вечерние классы школы барона Штиглица, по окончании же гимназии, в 1891 году, окончательно поступила в эту школу и стала заниматься гравированием на дереве у В. В. Матэ, который сначала засадил ее за штриховую гравюру. Работа эта показалась ей очень скучной, и она, сославшись на утомление зрения, бросила ее через несколько месяцев. В школе барона Штиглица она пробыла еще два года, учившись живописи у Новоскольцева, Кошелева и Манизера. Не окончив школы, держала экзамен в Академию Художеств и была принята в мастерскую И. Е. Репина. Перед выходом на конкурс А. П., по совету Репина, решила поехать на год в Париж. Совершенно случайно, за несколько дней до отъезда, В. В. Матэ, убеждавший ее вернуться к гравюре, показал А. П. цветные итальянские гравюры XVI века. Первое знакомство с этими гравюрами

КАНАЛ В ВЕНЕЦИИ. А. Остроумова.

произвело огромное впечатление на А. П., и она, по приезде в Париж, серьезно занялась в Национальной Библиотеке их изучением.

Одновременно с этим она начала заниматься живописью в мастерской знаменитого Джемса Мэка Нейля Уистлера — одного из крупнейших и удивительнейших художников, влияние которого на современную живопись было огромно. Уистлер — тонкий загадочный поэт, соединивший в себе несметные богатства, — тактичность краски французов, аллюр Веласкеза, тон Рейнольдса и поражающий рисунок японцев. Уистлер подверг А. П. Остроумову суровой школе, посоветовав прежде всего забыть все то, чему ее учили в нашей Академии. Он дал ей совершенно другие понятия о свето-тени, лепке, живописи и рисунке. К этому же времени относится знакомство А. П. Остроумовой с Александром Николаевичем Бенуа, оказавшим большое-влияние на развитие ее крупного таланта. Вернувшись в Россию, она поступила не в мастерскую И. Е. Репина, где была раньше, а к В. В. Матэ. Здесь она проработала еще год, занимаясь вместе с Серовым, Бакстом, Лансере и Сомовым.

Петербург.—Биржа.

«В. В. Матэ я считаю, — пишет А. П., — моим первым учителем, хотя я совершенно отошла от его манеры гравировать, и он дал мне полную свободу работать, как я хочу. Настоящим моим учителем был Дюрер, который всегда особенно волновал меня необыкновенной красотой своей линии, какой-то особенной ее жизненностью, ее бегом, не говоря уже о всех остальных совершенствах его гравюр».

Имя В. В. Матэ занимает в истории русской гравюры бесспорно одно из крупных мест. Еще будучи в Академии Художеств, он занимался гравированием на дереве, специализировавшись на гравированных портретах, которые он помещал в руководимой Микешиным и Праховым «Пчеле». Уже тогда, 20-летним юношей, он в своих портретах умел лучше других ксилографов сохранить портретное сходство и показать более живую, сознательную технику и «лепку», и в его гравюрах, вместо скучных однообразных штрихов, являлась особая живописность и вместе с тем мастерство, и хотя Матэ не был большим живописцем, но работы его относятся бесспорно к лучшим образцам нашей тоновой гравюры. После Академии он учился у Паннемакера в Париже и, сделавшись профессором-руководителем гравировального класса нашей Академии, обставил занятия в ней очень свободно, проводил много времени вместе со своими учениками, стремясь поделиться с ними всеми знаниями, которые успел приобрести сам. Он и гравировал, и рисовал вместе с учениками, передав свое искусство целому поколению ксилографов. Неоцененная заслуга Матэ, как преподавателя, заключается в том, что он не

застыл ни во взглядах, ни в технических приемах школы тоновой гравюры, направляя своих многочисленных учеников по единственному верному пути: к гравированию собственных композиций. Именно на эту свободу в работе указывает и А. П. Остроумова. В этом отношении В. В. Матэ представлял среди профессоров Академии, насквозь пропитанных рутинерством, формализмом и провинциализмом, положительно счастливое исключение.

На конкурсе в Академии большинство профессоров не были довольны работами А. П. Остроумовой, и она только одним голосом получила звание свободного художника-гравера, хотя на этом конкурсе А. П. были представлены такие классические вещи ее, как «Персей и Андромеда», «Дорожки», «Финляндия под голубым небом» и др.

У А. П. Остроумовой было, несомненно, душевное влечение, призвание к гравюре, в особенности к цветной. Во всех ее работах она дает только строго обдуманное, полное, ясное и гармоничное целое. Она—восхитительный мастер: тонкий, поэтичный и искренний до конца. Ее краски, сведенные к «характернейшему минимуму», поистине гениальны. Нельзя не удивляться тому уменью, с которым она двумя-тремя тонами достигает поразительных впечатлений. Ее техника—смелая, упрощенная и безошибочно меткая. В ее работах виден большой вкус и вместе с этим прямой и простой подход. Гравюры ее пленяют своей высокой художественностью и чрезвычайно мягким колоритом.

В талантливой статье Н. И. Романова, напечатанной в 1916 г. при каталоге ее работ, автор говорит: «выдающееся мастерство, художественная красота образов, гармоническое сочетание простоты и правды с выразительной стильностью и тонким настроением — таковы обычные черты произведений Остроумовой. В ее технических приемах есть также известные особенности, придающие особую прелесть и типичность ее гравюрам».

Замечательно красиво и метко описывает сама А. П. Остроумова свой взгляд на гравюру и на процесс ее творчества: «Я ценю в гравюре на дереве невероятную сжатость и краткость выражения, ее немногословие и, благодаря этому, сугубую остроту и выразительность. Ценю в деревянной гравюре беспощадную определенность и четкость ее линий: контур ее линий не может быть расплывчатым, неопределенным, смягченным. Край линии обусловливается острым краем вырезанного дерева и не смягчается, как в офорте, вытравлением водкой, т.-е. случайностью, а остается резким, определенным и чистым. Сама техника не допускает поправок, и потому в деревянной гравюре нет места сомнениям и колебаниям... Что вырезано, то и остается четким и ясным... Спрятать, замазать, затереть в гравюре нельзя.

Петербург.—Чернышев мост.

РѢШЕТКА ЛѢТНЕГО САДА

Гравюра на дереве.

Туманностей нет.

А как прекрасен бег инструмента по твердому дереву! Доска так отшлифована, что кажется бархатной, и на этой блестящей золотой поверхности острый резец стремительно бежит, и вся работа художника — удержать его в границах своей воли!

Из - под блестящего кончика его вылетают с мягким хрустением маленькие золотые стружки и щекочут глаза и губы!

Петербург.—Сенатская площадь.

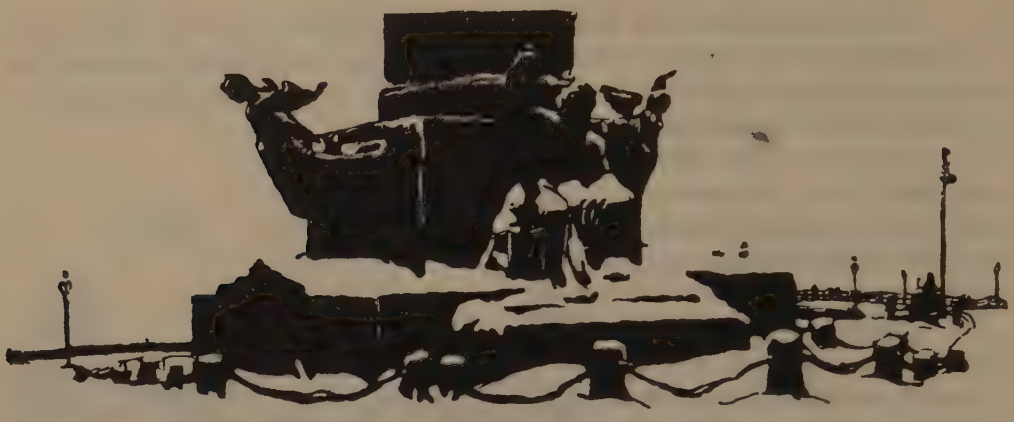
Прекрасен момент, когда, после трудной и медленной работы, связанной с непрестанным напряженным вниманием—не сделать промаха, вы накатываете валком краску, и все линии, оставленные вами на доске, начинают блестеть черной краской—и вдруг доска выявляет свою сущность.

Я всегда жалела, что после такого блестящего расцвета гравюры, какой был в XVI, XVII веках, это искусство стало хиреть, сделалось служебным, ремесленным! И я всегда мечтала дать ему свободу!»

И можно без преувеличения сказать, что мечта эта ею была осуществлена! Она первая, можно сказать, у нас ввела цветную гравюру на дереве, дав в своих работах чудесные и удивительные образцы этого творчества.

Первое выступление А. П. на общественный суд состоялось в 1900 г. на выставке «Мира Искусства». Это были гравюры: «Весна», «Зимка», «Русалка» по рис. Е. Лансере и Ex-libris по его же рисунку. В двух первых гравюрах, с чрезвычайно простыми мотивами, видна замечательная упрощенность пользования плоскостями и чрезвычайная легкость, виртуозность в пользовании штрихами.

В 1901 году А. П. Остроумова выступает на всероссийский конкурс в Обществе Поощрения Художеств с крупнейшей и серьезнейшей работой «Персей и Андромеда» с картины Рубенса, находившейся в Эрмитаже. В этой гравюре, являющейся у нас первым опытом передачи в деревянной гравюре живописи Рубенса, А. П. Остроумовой удалось выявить самую мощь воли Рубенса, с его сладострастным упоением тяжелыми массами тела. Одна уже эта работа могла бы составить славу Остроумовой, доказав ее блестящее дарование. «Персей и Андромеда» были присланы А. П. на конкурс под девизом «Старый друг лучше новых двух»; гравюра эта судьями была принята за акварель, и они отказались принять ее на конкурс, и только письмо А. П. Остроумовой с объяснением способа гравирования выяснило недоразумение; гравюра была принята, и автору присуждена вторая премия. Случай этот показывает с очевидностью малое знакомство с цветной гравюрой на дереве даже людей, казалось бы, компе-



Петербург.—Деталь Ростральной колонны (у Биржи).

тентных, что объясняется прежде всего тем, что в прошлом цветная гравюра в России вовсе не практиковалась, и А. П. явилась у нас первой и блестящей представительницей этого рода творчества.

На Западе, еще с 1506 года, граверы, для получения оттисков с разноцветными тонами, похожими на раскрашенные рисунки, употребляли особый способ «camaieu». Название это происходит от слова camée — рельефно гравированный камень с несколькими разноцветными слоями. Способ этот состоял в том, что гравер гравировал столько досок, сколько предполагалось в картине красок, после чего деревяшки отпечатывались на бумаге последовательно одна за другой. При этом последовательном наложении листа бумаги на ряд досок требовалась безусловная точность, чтобы достигнуть правильного совпадения всех отдельных оттисков, из которых составлялась гравюра. Эти цветные оттиски с нескольких досок отличались большою красотою, мягкостью и ровностью тонов и производили полное впечатление оригинальных рисунков и зачастую за них сходили.

Первые немецкие и фламандские ксилографии в красках отпечатывались в два цвета. Буркмайр в Аугсбурге и его последователи вскоре начали применять несколько красок. Гравер Негкер (Jobst de Negker) в письме к императору Максимилиану в 1512 году утверждал, что техника цветной ксилографии была применена им впервые. Знаменитыми мастерами цветной ксилографии, кроме Дюрера, на севере Европы были: Кранах, Гольтциус и Иегер. Более широкое применение цветная ксилография получила в Италии, носившая там название chiaroscuro. Подражая рисунку тушью, цветная ксилография работает более плоскостями, чем линиями. В Италии знаменитым гравером цветной ксилографии был Уго да Карпи, которому Вазари приписывает это изобретение.

Уго да Карпи в 1516 г. отстаивал свои права на это изобретение перед Сенатом в Венеции, называя его «modo nuova di stampere chiaro et scuro cosa nuova et mai piu non fotta». Он внес целый ряд технических

АДМИРАЛТЕЙСТВО ПОД СНЕГОМ. Гравюра на дереве.

усовершенствований. Вырезал на доске для черных штрихов не весь рисунок, а лишь отдельные места для усиления самых темных пятен в складках, в тенях лица, рта и носа, а формы самого изображения определялись только плоскостями и линиями цветных досок. Такая гравюра носит скорее плоскостный, чем линейный, скорее многотонный, чем многоцветный характер. В такой гравюре краски произвольны, не приближаются к реальным, она рассчитана на декоративность. Уго да Карпи применял сочетание черной краски сперва с серовато-коричневой, а потом с зеленовато-голубой и желто-зеленоватой. Его цветные гравюры с оригиналов Рафаэля имеют исключительную прелесть колорита. Другими выдающимися представителями этой техники являются Андреа Андреане, Николо Болдрини (Nicolo Boldrini) и Бартоломео Кориолано (Bartolomeo Coriolano), воспроизводивший композиции Гвидо Рени. В числе граверов цветной ксилографии можно назвать англичанина Джексона (John Baptiste Jachson), воспроизводившего картины Тициана, Боссано, Тинторетто и Веронеза.

Более столетия цветная ксилография была в полном загоне, главным образом, по причине огромных трудностей, связанных с этой техникой, и только под влиянием японской гравюры в красках в конце прошлого столетия, сперва в Англии, а потом в Германии, возрождается интерес к этому способу. Никольсон, Флеттер и Ли—в Англии, Эклеан и Беренс—в Германии, а Орлик—в Праге являются первыми представителями и распространителями возрожденной цветной ксилографии. Во Франции блестящими представителями цветной ксилографии являются Ривиер и Огюст Лепэр.

Работы последнего имеют много общего с работами А. П. Остроумовой. Крошечные виды Парижа Лепэра, подобно маленьким видам Петербурга Остроумовой, исполнены в удивительно красивых тонах, изумительно верно и непринужденно стилизованы и упрощены. Самые сложные эффекты сведены к очаровательно-ясным схемам, открывающим «образную» суть и смысл. Манера обоих не модная, они имеют много общего с некоторыми романтическими литографиями и с мастерами XVI и XVII вв., и оба они—великие мастера в своих скромных маленьких сферах.

Петербург.—Новая Голландия.

Работы А. П. Остроумовой-Лебедевой, начиная с 1899 года и кончая последними, нынешними годами, в техническом отношении стоят на одной высоте, развитие ее таланта характеризуется усилением сжатости и краткости выражения. Во всех 156 гравюрах, вырезанных ею, нет ни одной неудачной, все они дышат жизнью и полны прелести. По меткому выражению Н. И. Романова, «А. П. стремится уловить в своих гравюрах эфир воздуха и света и выразить пространство не только сокращением

линий и пятнами теней, но и тонким сокращением контрастов и оттенков теней. Во всем, и в линиях, и в красках, она умеет уловить лишь необходимое, главное для художественного выражения своих образов, их формы и сущности. Общие линии, очищенные от всего случайного и мелкого, ровность светлых матовых тонов и чудесное единство в характере стилистического замысла, техники и материала— вот что сближает гравюры Остроумовой с итальянскими chiaroscuro XVI в. и с японской гравюрой».

Петербург.—Зимняя Канавка.

Влияние последних яснее выступает в некоторых ранних ее листах, как, например, «Луна» и «Мыс Филолант» (1904 г.) подражание Хорошиче. Но это влияние совершенно свободно от внешней подражательности, и она всегда остается самостоятельной. Во всех гравюрах А. П. Остроумовой-Лебедевой очень маленькую, почти ничтожную роль играют человеческие фигуры. Только в гравюрах, относящихся к 1899—1901 гг., мы видим людей, в работах последующих годов фигуры почти совершенно исчезают, и первенствующую роль играют мотивы природы и зданий, что составляет особенность ее творчества.

Большая часть гравюр Остроумовой относится к видам Петербурга и его окрестностей: она является настоящим поэтом Северной Пальмиры. Строгий, стройный вид Петербурга и определенность замыслов его созидателей передан в многочисленных гравюрах Остроумовой с особенной уверенностью резца, мягкостью и замечательным искусством. Двумя-тремя тонами она достигает впечатления белых ночей, первой зелени или снежной тишины. Она, как никто другой, чувствует красоту северной природы и угрюмое величье Петербурга. В самой крошечной виньетке ей удается вложить самую душу этого пленительного города. Великолепен «Дворец Бирона и барки»—самый большой лист, выдающийся по силе впечатления, прекрасен романический и поэтический уголок Петербурга «Новая Голландия». У Остроумовой чистейшая романтика прошлого, она вся в сдержанной грусти и удивительной мягкости!..

А. П. Остроумова-Лебедева исполнила, между прочим, целый ряд книжных знаков. Из них только два исполнены по чужим рисункам, все остальные по собственным композициям, и эти Ex-libris'ы чрезвычайно изящно исполнены и декоративно трактованы, вполне отвечая основному назначению Ex-libris'а — служить не только знаком принадлежности книги, но и украшением ее. К сожалению, А. П. не занималась иллюстрированием книг. В 1906 г. она исполнила 7 превосходных иллюстраций в красках для «Последнего из могикан» Фенимора Купера, но издание это не вышло.

ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ. Гравюра на дереве.

Многие гравюры А. П. вырезала прямо с натуры на доски без предварительного рисунка. Так ею были исполнены гравюры: «Портрет», «Этюд натурщицы», «Финляндия под голубым небом», «Сломанная ель», «Набросок», «Кипарисы на кладбище». Только тогда, когда она стала употреблять несколько досок и темы более сложные, то понадобился рисунок, калька с него, эскиз в красках и т. д. Для гравирования Остроумова употребляет только твердые пальмовые доски или из кавказского дерева — буксуса, склеенные из поперечных слоев ствола, и режет доску граверным резцом. Гравюры Остроумовой находятся в музеях Парижа и Рима. Что касается наших музеев, то первый музей, который приобрел значительное количество ее гравюр в 1912 году, был Румянцевский. Академия Художеств приобрела только одну гравюру— «Венеция», да и то уже в 1915 году, т.-е. тогда, когда слава А. П. Остроумовой уже прочно установилась. Несколько гравюр и оригинальных рисунков имеется теперь в Русском Музее в Петербурге. В 1916 году Румянцевский музей устроил специальную выставку работ А. П. Остроумовой-Лебедевой, на которой были выставлены 96 листов, из числа 129 — всех исполненных ею в 1916 году. Выставка эта была устроена очень интересно, так как давала не только историю работ художницы, но этой истории было предпослано особое введение в виде целого ряда гравюр на дереве в Германии, Италии, Англии и Голландии XVI—XVIII стол., а также в Японии, и целый ряд гравюр XIX и начала XX веков. Все это было расположено в хронологическом порядке и давало возможность судить, какие влияния отразились на творчестве Остроумовой. К каталогу была приложена статья Н. И. Романова, с биографией и меткой ха-

Петербург.—Набережная.

рактеристикой деятельности Остроумовой, как ксилографа. Помимо гравюр, А. П. Остроумова известна как прекрасная акварелистка. Свои знаменитые виды Петербурга, Амстердамские этюды, виды Венеции, Баку и Испании она выставляла на выставках «Мира Искусства». В 1919 году на выставке «Музей города—виды Петрограда и его окрестностей» она выставила 30 очаровательных акварелей и гуашей. А. М. Эфрос писал в 1916 году: «цикл остроумовских видов Баку и Испании — это, может-быть, лучшее, что дала художница в области акварели».

Петербург.—Набережная.

Гравюры А. П. Остроумовой по содержанию незатейливые, тихие, но изумительные по мастерству, по правдивости эффектов и по своему благородному стилю.

А. П. Остроумова-Лебедева, как гравер,—наша слава и наша гордость, и имя ее должно занять в истории русской гравюры почетное место рядом с именами: Уткина, Чемесова, Скородумова, Галактионова и Мартынова.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ.

Б. Завадовский.

Статья первая.

I. Введение.

В ряду многочисленных и многообразных, кричащих о себе, потребностей сегодняшнего дня вопрос о снабжении народных масс здоровыми научными знаниями и, следовательно, здоровой популярной книгою занимает не последнее место. Вместе с тем, тяжелая и ответственная задача ложится на всех нас, живущих в эти годы мировой революции. В самом деле мы находимся в настоящее время в том периоде, когда разрушено все старое и когда уничтожен весь старый книжный рынок. На нас же ложится задача удовлетворить новыми книгами духовный голод народных масс. И вот перед нами встает вопрос: что же мы должны дать этим массам? Какова должна быть та книга, которую мы с полным правом и с чистою совестью дадим в руки стомиллионному читателю, впервые почувствовавшему свет науки.

От того, насколько верно мы сумеем разрешить этот вопрос, зависит очень и очень многое: ведь популярная книга — это то орудие, которым формируется сознание обслуживаемых ею масс, это одно из тех средств воздействия, которыми мы воспитываем их психологию, их мировоззрение, их общественное самосознание и, наконец, их волю к строительству жизни. Но если, с одной стороны, популярная книга воспитывает и формирует сознание своего читателя, то с другой—она есть порождение той общественной среды и того класса, который эта книга обслуживала и которым она творилась.

Мы хорошо помним тот круг читателей, для которого писалась популяризация недавнего прошлого: это—подрастающая интеллигентная молодежь, это—полуинтеллигентный разночинец, изо всех сил тянущийся подражать во всем «настоящим» интеллигентам, это, наконец, серая и тусклая обывательская масса, тупо глазеющая и разевающая рот на валящиеся на нее открытия науки и техники.

И мы знаем хорошо тот результат, к которому приводила наша ходовая популяризация: поверхностность и верхоглядство, самоуверенное невежество в самых элементарных явлениях природы, и вместе с тем безнадежная беспомощность в жизни, непригодность к практической деятельности и строительству жизни, которые так ярко отмечали нашу хныкающую интеллигенцию.

«Беспочвенная интеллигенция», «книжное знание», «лишние люди», — вот те эпитеты и образы, которые характеризовали наше недавнее прошлое. Это «книжное знание» и «беспочвенность», очевидно, питались из соответствующих источников и, наоборот, беспочвенность составителей не могла не отражаться на характере популярных книг...

Хотим ли мы, чтобы наши молодые кадры рабочей и крестьянской интеллигенции, едва начавшие приобщаться к знанию, пошли по этому старому и истоптанному пути, или же мы хотим сделать из них твердых и стойких бойцов и строителей жизни?

. . . . . .

В ряду многих других средств формирования общественного самосознания книге принадлежит большое значение; а среди разного рода книг, огромное значение может и должна играть естественно-научная популярная книга, как вводящая массы в круг наук о природе.

«Естественные науки,— писал еще Писарев,—сообщают человеку такую трезвость и неподкупность мышления, такую требовательность по отношению к своим и чужим идеям, такую силу критики, которая сопровождает этого человека за пределы избранных им наук и кладет свою печать на все его рассуждения и поступки».

И еще кратче и определенней писал Герцен: «Без естественных наук нет спасения современному человеку».

Естественные науки лежат в основе современного научного, и в частности, марксистского мировоззрения.

Этим определяется неизмеримо большое значение популяризации естественных наук в наши дни формирования нового мировоззрения.

Но не всякая естественно-популярная книга сможет удовлетворить нашим требованиям. Книги бывают разные. Есть книги, которые способны зажечь читателя огнем исканий, и есть такие, которые угасят уже существовавший интерес; есть книги, которые внушают читателю глубокое уважение к науке и ее достижениям; но есть и такие, которые дискредитируют науку в глазах читателя и подрывают его уважение к знанию.

В нижеследующем я предполагаю высказать некоторые соображения по этому жгучему вопросу, чего мы должны ждать от настоящей здоровой популяризации, как мы должны оценить, с точки зрения требований, существующую до сих пор ходовую популярную литературу по естествознанию и, наконец, какие задачи должны себе ставить в деле распространения в массах здорового научного знания.

II. Основные положения.

Начнем с установления тех принципов, которые следует положить в основу оценки популярной литературы по естествознанию. Распределяю их по пунктам.

1) Всякая популяризация должна стремиться сообщить читателю научные знания, отвечающие последним и конечным достижениям данной науки.

Сведения, сообщаемые массам, не должны отставать от своевременного состояния и текущих проблем данной науки.

Это основное, и казалось бы, бесспорное положение может показаться кое-кому даже излишним по своей неоспоримости. Но я не без умысла подчеркиваю его, ставя его под первым пунктом, ибо стоит пересмотреть существующую у нас литературу, чтобы убедиться, что это основное теоретически мало оспариваемое положение практически редко кем осуществляется. Вся наша популяризационная практика проникнута принципом *многоступенности* знания. Большинство книг, написанных для широкого потребления, старательно ограничивает себя пределами самых элементарных и поверхностных сведений. Считается, что большинство последних открытий по своему существу недоступно пониманию широких народных масс. Поэтому наши популяризаторы для народа ограничиваются сообщением лишь верхушек знаний, откладывая наиболее животрепещущие и конечные проблемы науки до «старших» ступеней образования.

Автор исходит из убеждения, что нет такой сложной научной проблемы общего значения, которая не была бы доступна пониманию примитивного читателя. Достоинство и цели наук в *упрощении* научных схем, т.-е. в объяснении сложных видимостей через посредство более простых концепций.

Уж потому по самой своей природе наука знаменует не удаление от понимания масс, а приближение к нему. Наука по самой природе своей демократична. Ее сделали аристократкой ложное понимание или ложные недемократические интересы лиц, владеющих ею. Но лучшие науч-

ные умы всегда умели писать свои классические научные работы в форме, вполне доступной общему пониманию. Таковы Дарвин, Клод-Бернар, Уоллес, Гексли, И. П. Павлов, Тимирязев, Мечников. Их книги справедливо составляют украшение современной общедоступной литературы.

Правда, не всегда эти книги можно предложить для первоначального чтения. Но причина этого не в недоступности затронутых проблем или неинтересности их содержания, а в их «интеллигентском» языке. До сих пор большинство книг писалось и пишется для интеллигентов. Это отражается на их недоступном для рабочего или крестьянина языке. Но стоит лишь заменить или пояснить эти иностранные слова или интеллигентские обороты речи, внести несколько поясняющих предварительных сведений в текст этих книг, чтобы сделать из них лучшие образчики народной популярной литературы.

2) Хорошая популяризация должна поддерживать и питать непрерывный духовный голод читателя. Таким требованиям удовлетворяют лишь те книги, которые несут на себе печать творчества и оригинальной проработки, какая лежит и на всякой истинно-научной книге.

Нигде не требуется в такой степени авторский талант, знание и мастерство изложения, как в естественно-научных популяризациях: это вытекает как из характера задачи, так и из психологии читателя, на которого рассчитывает книга.

По задаче популярная книжка должна рассказать в абсолютно доступной, понятной и ясной форме самые глубокие завоевания науки, и притом такие, которые в историческом развитии потребовали для своего достижения тысячи лет. Задача автора — сократить этот путь в миллион раз, т.е. подвести к тому же открытию своих читателей на протяжении пути в несколько десятков страниц. Естественно, что это—задача, требующая и большого таланта, и большой эрудиции. Неправильно мнение, будто бы можно быть хорошим популяризатором при малых личных знаниях. Это мнение породило ряд безталанных или талантливых, но поверхностных популяризаций. Но столь же недостаточна одна эрудиция без талантливости: популяризация имеет дело с массами, в которых едва пробуждается интерес к знанию. Чтобы не дать угаснуть этому огоньку, его надо обдать жаром авторского увлечения и таланта: не талантливо и скучно написанная книга скорее загасит огонь, чем поддержит его.

3) Хорошая популяризация — та, которая вводит массы в суть работ научных лабораторий, приближает их к интересам научной современности. Это может быть дано лишь теми лицами, которые непосредственно живут интересами науки.

Кто-то сказал: «Если бы Бог держал в правой руке самое Истину, а в левой — процесс достижения ее, и спросил бы меня, что я предпочитаю, то я попросил бы левую руку, ибо в исканиях — красота жизни». Это чувство все растущего голода по новым знаниям хорошо знакомо всем тем, кто бескорыстно прикоснулся к исканиям научной мысли.

Эти радости искания доступны каждому смертному. Но для этого необходимо, чтобы он питался знаниями из рук мастеров своего дела, а не из рук посредников.

Отсюда вытекает общее положение, что бесспорно хорошие популяризации выходят, как правило, из рук специалистов.

4) Популярная книга не может, по существу своему, придерживаться догматической формы изложения. *Она должна дать читателю методы науки и тем указать пути и способы, которыми ведется научное исследование. Она должна тем самым учить его методам научного мышления.*

В связи с этим мне вспоминается один случай из моей лекторской практики, который лучше всяких других слов поясняет, что это положение не есть теоретическое построение.

Однажды мне пришлось работать в качестве лектора на одних естественно-научных краткосрочных курсах повышенного типа для рабочих. По окончании курсов рабочие выставили своего оратора, который в жестокой речи подверг резкой критике большинство лекторов. Центр тяжести его обвинений, встретивших оживленное сочувствие аудитории, состоял в том именно, что лектора, сообщая ряд знаний, не научили и не показали слушателям тех методов, при помощи которых были добыты эти знания наукою и при помощи которых по окончании курсов слушатели смогли бы работать и дальше самостоятельно над своим самообразованием. Обвинения оратора шли дальше и говорили даже о якобы сознательной утайке со стороны интеллигенции ключа к знанию от рабочих масс, и тем характерно подчеркивают один из многих моментов, питающих недоверие к интеллигенции с их стороны. Не приходится, конечно, разъяснять, что здесь не было места сознательной утайке, но была допущена одна из тех грубейших педагогических ошибок, которые повторяются большинством популяризаторов.

Этот эпизод подчеркивает ту глубокую потребность в знании методов наук, которая растет в народных массах. Рабочие и крестьянские массы, ходом исторических событий привлекаемые к активному строительству жизни, хотят знать не только то, «что открыла человечеству наука», но и «как и откуда она это узнала».

Но методы естественно-научного исследования по самому существу своему являются, быть-может, высшими ценностями среди достижений человеческого гения. С точки зрения дисциплины ума, воспитательного влияния на все мироощущения человека, его отношения к жизни, характера его поведения, знание и усвоение методов точного естественно-научного исследования, быть-может, важней всей суммы фактов, добытых наукой при помощи этих методов. Знакомство с методами науки дает читателю яркое понимание тех трудностей, с которыми сопряжена работа ученого, и в то же время — той ловкости и остроты ума, которые необходимы, чтобы вызвать у природы ее тайны. Но вместе с тем оно указывает тот путь, по которому приглашается итти каждый из читателей готовый принять участие в научной работе.

5) *Всякая популяризация должна учить массы самостоятельной работе, указать кратчайшие пути от популярной книги к первоисточникам знания.*

Такими первоисточниками являются, с одной стороны, живая книга природы, с другой — основные научные труды и капитальные сочинения, которыми питается всякое научное знание.

Помимо общих методических указаний, обязательность которых подчеркнута в предыдущем пункте, это положение требует также, чтобы всякая популярная книга, ставя перед читателем проблемы, указывала бы в конце те книги, по которым он смог бы дополнить свое образование в желательном для него направлении. Такие библиографические справочники должны быть по возможности кратки. Они должны обходить все те популяризации, которые по своему содержанию повторяют уже только что прочитанную; они должны по возможности отсылать к тем основным сочинениям, которыми питался сам автор при составлении своей книги. Это положение само собою напрашивается для всякого человека, искренне стремящегося к поднятию уровня образования масс до пределов возможного, но оно до сих пор, к сожалению, не принято, как должное, в практике русской популяризации. А между тем — это одно из существеннейших условий успеха всей работы по демократизации знания. Необходимо всеми средствами стремиться к тому, чтобы лучшие образцы научной и популяризационной литературы сошли с пыльных полок и стали достоянием широких масс.

Изложенные положения естественно способны возбудить во многих вопрос, много ли найдется книг, удовлетворяющих одновременно всем выставленным требованиям. Поэтому я спешу здесь же оговориться, что все мыслимые идеальные требования не исключают необходимости считаться с отсутствием книг, отвечающих всем этим требованиям. Так и нам, при оценке существующей популярно-научной литературы, придется часто удовлетворяться книгами, если они не *противоречат* нашим требованиям, хотя бы в них и не были включены все положительные качества идеальной популяризации.

Жизнь всегда сильнее абстрактных принципов. На наши основные положения мы должны смотреть не как на «категорические императивы», но как на некоторую идеальную схему, допускающую разные степени приближения к ней.

Но чтобы до конца уяснить читателю свою точку зрения на популярную книгу и на книгу вообще, я остановлюсь еще на шестом положении, лежащем в основе нашей оценки литературы.

6) *На всех работниках по народному образованию, помимо благодарной задачи пропаганды разумной книги, лежит еще не менее ответственная, но постоянно забываемая нами задача борьбы с книгою.*

Под этим я подразумеваю не только борьбу с вредною книгою, но и борьбу с бесполезною книгою, и даже больше того—борьбу с слишком

усердным чтением вообще. Я имею в виду здесь прежде всего ту болезнь книжного значения, о которой будет речь еще ниже и которая проела насквозь всю нашу интеллигенцию. Теперь нам угрожает заразить тою же болезнью новые кадры интеллигенции, растущей из рядов рабочего класса и крестьянства. Она выражается в той изумительной способности глотать бесконечные вереницы книг, без всякой попытки и тем более умения связать весь прочитанный материал между собою и с жизнью. Это касается, правда, в большей степени чтения беллетристики нашими скучающими барышнями, но те же приемы мы склонны переносить и на чтение популярных книг. В кругах молодежи устанавливается обычай измерять ученость количеством прочитанных книг, а высшим успехом пользуется тот, кто может «убить» собеседника в любой момент цитатою из ученых многочисленных сочинений. В применении к популярной литературе также применяется та система «заинтересовывания» детей и подростков ворохами увлекательных книг, приключений и т. д. При этом совершенно забывается, что истинное знание заключается не в числе прочитанных книг и даже вообще не в книгах, а в умении, пользуясь книгой, наблюдать действительные факты природы, в приобретении навыков делать самостоятельные из них выводы.

Это положение приобретает новую силу, когда наши воспитатели, преодолевая все законы здравого смысла и логики, «за неимением лучшей книги», всовывают детям заведомо неблестящие по своим достоинствам книги, дабы «приохотить их к чтению». Такие воспитатели, вопреки голосу логики, склонны часто понижать требования к книге, лишь бы иметь что «всунуть» в руки алчущего знаний ребенка. Боюсь, что в таких случаях часто говорит не защита интересов воспитанников, а сознательное или бессознательное желание «занять» чем-нибудь ребенка, заполнить его досуг с тем, чтобы больше иметь свободы самому. Ведь в наше время книга так часто играет роль «соски», которою затыкают рот не только детям, но и взрослым.

Итогизируя сказанное, я подчеркиваю тот принцип, что мы должны значительно повысить уровень требований, которые мы предъявляем ко всякой книге вообще и в частности к популярно-научной книге. Боязнь, что останется мало чего читать, часто в корне неосновательна; часто лучше предпочесть отказаться от чтения, чем предлагать книгу, страдающую бессодержательностью и тем лишь понапрасну отнимающую время и дающую ложное представление о задачах и содержании самой науки.

В заключение я позволю себе привести прекрасные слова Б. И. Райкова, ярко и выпукло формирующие те требования, которые предъявляются к здоровой популяризации (из журнала «Естествознание в школе», 1920 г. № 1—2).

«Популяризация (конечно, хорошая популяризация)—дело весьма трудное и сложное, и тем более сложное, чем менее подготовлен круг читателей, для которого она предназначается. Она требует ряда условий для своего успеха. Автор-популяризатор должен быть прежде всего

специалистом в данной области, научно в ней работающим. Дилетант или недоучка, даже вполне зная предмет, никогда не будет в состоянии говорить или писать о нем так ясно, глубоко и свободно, как досконально его изучивший. Дилетант, скованный боязнью наделать ошибок, либо будет передавать тускло и бледно, чужими словами, либо, поставив на первый план занимательность рассказа и бойкость пера (примечание: хороший пример—известный немецкий популяризатор Вильгельм Бельше, усердно обрабатывающий науку на потеху почтеннейшей публики), невольно вульгаризирует науку, и вместо упрощения, «уплощит» ее, да еще приправит историческими промахами. Второе условие хорошей популяризации — достаточная «широта захвата» излагаемой темы. Специалисты работают обыкновенно в узких областях, в отдельных клетках и кометах грандиозного храма науки. Для популяризатора же узкая тема, конечно, мало подходит. Ее необходимо расширить до известного масштаба, захватить и смежные области знания. Таким образом, хороший популяризатор должен быть человеком с широким кругом интересов, с разнообразными и обширными познаниями и вне своей области. При передаче тех или иных вопросов подготовленным слушателям он должен уметь черпать сравнения, пояснения, примеры из самых различных областей знания. Вот здесь-то и лежит камень преткновения для ученых специалистов, которые так часто ничего не хотят знать, кроме своего шестка».

Наконец, третье условие, как нечто само собой понятное — наличность литературного таланта, способность к живому, образному, действующему на чувства, изложению.

У нас обычно думают, что популяризация есть упрощенная передача научных фактов несведующей или малосведующей аудитории. Это—грубо-элементарное понимание дела. Лучшее определение основной задачи популяризации дал, по моему мнению, наш известный геолог Г. Е. Щуровский, сам много и с выдающимся успехом потрудившийся на этом поприще. «Популяризация,—сказал он на съезде русских естествоиспытателей в 1867 году,—есть *стремление при помощи данной науки действовать на все мышление современного общества*».

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕТСКОЕ ПРАВО.

(Материалы к его изучению).

(Обзор).

В. Д. Виленский (Сибиряков).

А. А. Иоффе (В. Крымский). Мирное наступление. Петербург. Госиздат. 1921 г. 39 стр. Цена 150 руб. Отпеч. 25.000 экз. **Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,** заключенных Р. С. Ф. С. Р. с иностранными государствами. **Выпуск I.** Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу по 1-е января 1921 г. Народный Комиссариат по Иностранным Делам. Петербург. Госиздат. 252 стр. Цена 20.000 руб. Отпеч. 3.000 экз. **То же. Выпуск II.** Москва. Госиздат. 1921 г. 159 стр. Цена не обозначена. Отпечатано 3.000 экз. **Годовой отчет Н. К. И. Д. к IX Съезду Советов.** 1920—1921 г. Издание Наркоминдела на правах рукописи. Москва 1921 г. 192 стр. Отпечатано 5.000 экз. **Деятельность русской железно-дорожной миссии за границей.** Берлин, 1921 г. 46 страниц.

После Каннской конференции, постановившей созвать Европейскую конференцию, с участием Р. С. Ф. С. Р., Германии, Австрии, Болгарии и др. стран, Россия вновь выходит на международную арену, где она призвана играть решающую роль.

Это совпадает с моментом, когда первый период борьбы Р. С. Ф. С. Р. за свое существование закончен. Советская власть, как правильно отмечает тов. А. А. Иоффе, родилась под знаком борьбы за мир и с первого же момента своего рождения должна была перейти в «мирное наступление» против буржуазного строя, ибо тогда для нее вооруженное наступление было невозможно, а совместное существование Советской власти с империалистической казалось немыслимым.

В дальнейшем это мирное наступление Советской власти превратилось в самооборону; это относится к периоду «Брестского мира». Но началась борьба, и самые взаимоотношения между капиталистическим миром и Советской властью перешли в открытую войну, которая закончилась победой Советской власти и заключением так наз. Рижского мира, который служит началом новых взаимоотношений между Р. С. Ф. С. Р. и окружающим ее капиталистическим окружением.

Сейчас буржуазная Антанта умерла, и по меткому выражению Иоффе «за зеленым столом «международного концерта» открывается уголок для красного сукна советских республик, и решения буржуазных государств более не могут приниматься без заслушания мнения советских республик и без реального учета этого мнения». Предстоящая Европейская конференция с участием Р. С. Ф. С. Р.—лучшее тому доказательство.

Лежащие перед нами два тома собрания действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных Р. С. Ф. С. Р. с целым рядом государств, могут служить доказательством того, что Советская Россия выходит на международную арену отнюдь не с пустыми руками. Нет,

она несет богатый материал, правда, пока еще полусырой, для пересмотра основ старого международного права, которым до сих пор капиталистические страны руководствовались в своей международной практике.

Достаточно бегло просмотреть содержание сборников, чтобы видеть, как разнообразен и богат этот материал. *Союзные договоры и соглашения*—с Арменией, Белоруссией, Бухарой, Азербейджаном, Украиной Хорезмом (Хивой). *Договоры об установлении сношений*—с Афганистаном, Великобританией (Торговое соглашение), Германия, Монголия, Норвегия, Персия, Польша, Турция, Грузия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония. *Договоры и соглашения о границах*—с Дальне-Восточной Республикой, Польшей. *Соглашения по правовым вопросам*—с Венгрией, Германией, Латвией, Литвой, Польшей, Турцией, Грузией, Эстонией, Дал.-Вост. Республикой. *Соглашения по экономическим вопросам*—с Финляндией. *Соглашения по вопросам транзита*—с Дальне-Восточной Республикой, Латвией. *Соглашения по вопросам почтово-телеграфной связи*—с Латвией, Эстонией. Наконец, ряд соглашений по вопросам здравоохранения и социального обеспечения и соглашение с Американской Администрацией Помощи—соглашение о помощи голодающим. Всего 73 договора и соглашения.

В эти сборники не вошел Брестский акт и заключенные в его развитие договоры. Они аннулированы и сейчас представляют чисто исторический интерес.

Одно перечисление стран, с которыми Р. С. Ф. С. Р. вошла в то или иное дипломатическое соглашение, достаточно говорит за себя. А разнообразие вопросов, разработанных этими договорами, соглашениями и конвенциями, дает достаточно оснований, чтобы сказать. Р. С. Ф. С. Р. и ее международная практика уже сейчас имеют достаточно метериала, чтобы начать ревизию основ старого международного права и сделать попытку заложить первые кирпичи для основания новых международных правовых норм в соответствии с Советской системой, которая выдвинута русской пролетарской революцией и сейчас осуществляется Советскими республиками Р. С. Ф. С. Р.

Все перечисленные нами договорные материалы можно разбить на три группы. Первая группа—это договоры по правовым вопросам с капиталистическими государствами, в которых Р. С. Ф. С. Р. заключает вынужденные деловые соглашения, касающиеся обмена военнопленными, соглашения о возвращении граждан и т. п. Другая часть—договоры об установлении сношений: это договорные отношения, закрепляющие в той или иной форме безопасность для Р. С. Ф. С. Р. со стороны капиталистического окружения. И, наконец, третья группа—это союзные договоры и соглашения, где Р. С. Ф. С. Р. кладет начало новым основаниям для федеративного строительства России.

Эта последняя группа договоров представляет особенный интерес для изучения принципов и практики, которые положены в основание взаимоотношения входящих в советскую федерацию отдельных независимых советских республик.

«Азербейджан и Россия заключают между собою тесный военный финан.-эконом. союз». Так же приблизительно формулированы соответствующие пункты договоров с Р.С.Ф.С.Р., с У.С.С.Р., с С.С.Р. Белоруссии и др.

Не менее интересен другой момент, отмеченный в договорах Р. С. Ф. С. Р. с Хорезмийской Советской Народной Республикой, который определяет федеративные отношения с бывшими колониями Российской империи. «Исходя из провозглашенного Р. С. Ф. С. Р. права всех народов на свободное самоопределение и отказа от колониальной политики бывших правительств России, эксплуатировавших и угнетавших бывшее Хивинское Ханство и его трудящихся,—Россия безоговорочно признает полную самостоятельность и независимость Хорезмийской Советской Народной Республики со всеми вытекающими из такого признания последствиями, и во имя осуществления лозунгов, за которые борются российские трудящиеся, на вечные времена отказывается от всех прав, которые были установлены прежними российскими правительствами по отношению и к Хорезмийской Республике».

Этот последний момент еще более подчеркнут и развит в статьях 3 и 4-й этого же договора. «Р. С. Ф. С. Р. передает независимой Х. Н. С. Р. все принадлежавшее Российской Республике и российским государственным учреждениям как по праву собственности, так и по праву пользования недвижимое имущество, как-то: земли, водные пространства, городские участки, строения, заводы, фабрики, расположенные в пределах Х. Н. С. Р.» и «Р. С. Ф. С. Р. считает вместе с тем уничтоженными все те соглашения о концессиях и правах на землю и воду, кои были предоставлены отдельным российским гражданам, обществам или учреждениям правительством бывшего Хивинского Ханства».

Аналогичные моменты развиты также в договоре с Бухарской Советской Республикой и др. Вряд ли кто может оспаривать, что эти новые ноты, звучащие в заключенных договорах между Россией и ее бывшими колониями, кладут кирпичи в прочный фундамент новых международных отношений России и Востока.

Не менее любопытен в этом отношении договор между Р. С. Ф. С. Р. и Турцией. В этом договоре мы находим: «Обе договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным освободительным движением народов Востока и борьбою трудящихся России за новый социальный строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям». Этим пунктом договора за национально-освободительным и революционным движением среди народов Востока обеспечивается признание.

С другой стороны, договор с Турцией интересен еще в том отношении, что обе договаривающиеся стороны в нем соглашаются не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, которые навязаны против воли и желания договаривающейся стороны. Это чрезвычайно интересный момент, имеющий огромное значение для образования фронта против происков Антанты на Востоке.

Приведенные нами примеры из договорной практики Р. С. Ф. С. Р. в достаточной мере ярко свидетельствуют, что Советская Россия за четыре года своей борьбы за мир сумела не только создать из дипломатии могучее средство обороны завоеваний пролетарской революции, но и дать первые вехи новых путей и новых слов для творчества в области как основ федерирования, так и принципов норм международного советского права.

На Западе нашей дипломатии удалось прорвать блокаду Антанты, и замыслам бело-буферного окружения, выдвинутым Антантой, Р. С. Ф. С. Р. противопоставила свое буферное окружение своей территории и закрепила его целым рядом договорных отношений, давшим возможность расширить брешь прорванной блокады.

На Востоке Р. С. Ф. С. Р. создала прочный союз с рядом угнетенных и эксплуатируемых в прошлом колоний, ныне свободных и независимых республик. Восток был Ахиллесовой пятой английской политики, и успех советской дипломатии бил в слабую точку Антанты. Именно ему мы обязаны многим из тех успехов, которые мы имели на Западе и которые имели значение рефлективного отражения нашего успеха на Востоке.

Лежащая перед нами книжка, представляющая отчет о деятельности русской железнодорожной миссии за границей, так сказать, наглядно иллюстрирует, как Советская Россия расширяла брешь, пробитую тараном советской дипломатии, и как практически велось закрепление победы пролетарской революции не только договорами, соглашениями и конвенциями, но и могучими паровозами, которые европейский капитал принужден был изготовлять для пролетарского государства.

Отчет, изданный в Берлине, снабженный прекрасными снимками первых паровозов, изготовленных для Р. С. Ф. С. Р.,—документ, свидетельствующий о трагическом тупике капитализма, который должен отказаться от своего первородства и начать работать на пролетарское государство, выступающее сейчас на мировую арену в качестве гигантской, несокрушимой силы, рожденной в революционной буре пролетарской революции.

Экономическо-Правовой Отдел Народного Комиссариата по Иностранным Делам, которому принадлежит труд и редакция «Сборников договоров», в предисловии к последним сообщает, что дальнейшие выпуски Сборников будут издаваться 2 раза в год, и будут давать, помимо новых договорных материалов, также сведения, характеризующие происшедшие изменения в старых договорах. Такая систематизация безусловно желательна. Но нам казалось бы вполне уместным и своевременным поставить вопрос не только о систематизации, но и о более серьезной разработке наших договорных материалов для определения тех норм международного советского права, которые, несомненно, могут быть сейчас намечены для того, чтобы в дальнейшем наша дипломатическая практика получила не только руководящие вехи, но и возможно большую четкость в своей повседневной работе.

У нас существует Институт Советского Права,—надо полагать, выдвигаемая нами задача должна быть возложена в первую очередь на него.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО НОВОЙ КООПЕРАЦИИ [1].

А. Юрьев.

Н. Л. Мещеряков. Кооперация в Советской России. Изд. Госиздата. Москва, 1921 г. 72 стр. **Его же.** Что такое единое потребительское общество и как оно управляется. Изд. Центросоюза. Москва, 1920 г. 30 стр. **Его же.** Государственный налог и кооперация. Изд. Госиздата. Москва, 1921 г. 31 стр. **Его же.** Кооперация и социализм (Сборник статей). Изд. Госиздата. (Кооперативная серия Центросоюза). Москва, 1920 г. 111 стр. **Сборник материалов и статей по кооперации.** Пособие для агитационно-политических кооперативных курсов. Изд. Главполитпросвета. Москва, 1921 г. 226 стр. **Новые идеи в кооперации.** (Сборник статей). Изд. Центросоюза, Москва, 1919 г. 93 стр. **П. Комиссаров.** Организация рабочего кооператива. Изд. Госиздата. Москва, 1921 г. 47 стр. **И. Степанов.** Потребительские общества и рабочий класс. Издание пятое с дополнениями о новой кооперации. Издание Госиздата. (Кооперативная серия Центросоюза). Москва, 1920 г. 31 стр. **Его же.** Кооперация в земледелии и промышленности. Изд. Госиздата. (Кооперативная серия Центросоюза). Москва, 1920 г. 31 стр. **Борьба течений в новой кооперации.** (Сборник). Изд. Госиздата. (Кооперативная серия Центросоюза). Москва, 1921 г. 51 стр. **Аппарат Центросоюза и внутренняя организация его работы.** (К вопросу о конструктивно-организационных проблемах деятельности хозяйственных органов). Изд. Центросоюза. Москва, 1921 г. 36 стр.

Едва ли есть в народном хозяйстве Советской России более или менее другая крупная область, столь незаслуженно бедно освещенная в нашей коммунистической литературе (мы не говорим о газетных статьях), как это мы видим в отношении к кооперации. И особенно приходится отмечать это по отношению к потребительской кооперации, занимающей на протяжении всей нашей революции одно из главных мест в деле организации хозяйства на социалистических началах.

От добровольного объединения потребителей, как это было до Октябрьской революции, когда кооперация ставила своей задачей борьбу против эксплуатации и злоупотреблений торгового капитала, потребительская кооперация призвана была в ходе пролетарской революции превратиться в общенародный государственный распределитель продуктов среди всех членов общества, иначе говоря, пройти по пути превращения потребительского общества, в узком смысле этого слова, в социалистическую потребительскую коммуну. За весь истекший четырехлетний период революции значение и роль потребительской кооперации на ряду с другими видами кооперации ни на минуту не ослабевают. Мучительный процесс организации народного хозяйства в целом неизбежно все время вовлекает кооперацию в строительства хозяйственных основ, как обязательное звено в единой цепи развития революции. От опыта единого государственного распределителя продуктов потребительская кооперация

[1] Обзор литературы, посвященный старой кооперации, будет дан в одной из ближайших книг нашего журнала. *Ред.*

переходит к монопольному посреднику между государством и производителем сельско-хозяйственных продуктов в целях проведения обязательного товарообмена. В дальнейшем, когда с весны 1921 года Советская власть, в целях сохранения и укрепления основы власти рабочих и крестьян — крупной национализированной промышленности, — вынуждена была стать на путь новых способов хозяйствования, открывших свободный рынок со свободным обращением на нем продуктов сельского хозяйства, кустарной и мелкой промышленности, — потребительская кооперация явилась, как главный регулятор в процессе свободного обращения в стране товарных ценностей.

Уж из одних этих, отмеченных выше, основных этапов прохождения кооперации по пути строительства народного хозяйства можно видеть, насколько велико значение кооперации и насколько существенна ее роль в общей жизни Советской России.

Когда же мы обращаемся к обзору нашей кооперативной литературы за время существования Советской власти, приходится сознаться, что этой литературы у нас почти нет. Мы лишь имеем несколько, не свыше десятка, книжек, большинство которых брошюрного типа, которые в настоящее время уже утратили свою злободневность и значение. Есть лишь три-четыре книжки, заслуживающих внимания. Из этих последних, без преувеличения следует сказать, что одна из них, пожалуй, стоит всех остальных.

Мы говорим о только что вышедшей в свет новой книжке единственного, кажется, у нас марксистского теоретика-кооператора *И. Л. Мещерякова*—«Кооперация в Советской России». Книжка издана в Москве Госиздатом по отделу Главполитпросвета. (Агитационно-пропагандистская серия.) Написана она автором по заказу Агитационно-пропагандистского отдела Ц.К.Р.К.П. и принята им, как руководство для губернских советско-партийных школ.

По существу эта книжка, как говорит и автор в своем предисловии, представляет переделку его же брошюры «Что такое единое потребительское общество и как оно управляется». Эта маленькая брошюра вышла весной 1920 г. в издательстве Центросоюза и в свое время была отмечена кооперативными партийными работниками, как весьма полезное и популярное изложение понятий: что такое единое потребительское общество, как оно управляется, на какие средства существует и что такое самодеятельность трудящихся. Сейчас эта брошюра свое значение уже потеряла. Натуральный продовольственный налог и новый декрет о потребительской кооперации (7 апреля 1921 года) значительно изменили экономическую обстановку Советской республики, а тем самым изменилось и положение потребительской кооперации. Все это немногое, что писалось у нас о кооперации до весны 1921 года, подлежало изменению, переделке, существенной переработке, дополнению. Чувствовалась громадная потребность в практическом руководстве по кооперации, где были бы даны ответы практикам-кооператорам на ряд вопросов, выдвинутых в новых условиях жизнью в области кооперативного строительства. С другой

стороны, широкие рабочие слои, хотя и не работающие в кооперации, но в силу новых с весны условий организации народного хозяйства вынужденные соприкасаться с кооперативными организациями, также ищут популярного литературного материала для ознакомления с кооперацией. Н. Л. Мещеряков правильно подошел к поставленной задаче составления руководства по кооперации, положив в основу своей новой книжки прежнюю свою брошюру, уже наметившую основные вопросы, интересующие широкие круги читателей. Облегчая этим свою задачу, автор, перерабатывая прежнюю брошюру, ввел в нее ряд новых глав. Благодаря этому, новая книжка увеличилась более чем в 4 раза. Книжка содержит 13 глав, из которых 9 глав были написаны совершенно вновь. остальные 4 переделаны из прежней брошюры. Рассматриваемая нами книжка — «Кооперация в Советской России» — подкупает прежде всего своим популярным, простым и понятным изложением. Читатель, имеющий весьма отдаленное представление о кооперации, совершенно не знакомый с ее задачами, ролью в хозяйственной жизни страны, с ее организацией, сразу вводится автором в «курс». «Что такое единое потребительское общество?» Эту первую главу новой книжки автор с небольшими изменениями почти целиком взял из прежней брошюры, о которой мы упоминали выше.

Понятие о «едином потребительском обществе» у читателя складывается вполне, при чем автор подходит к этому вопросу не отвлеченно, как это можно видеть у «старых» кооператоров, а ведет читателя за собой по исторической лестнице, всякому знакомой и памятной: как у нас было дело с потребителем до войны, когда «торговец старался привлечь к себе побольше покупателей, отбивая их у других торговцев»; как во время войны интересы потребителей страдали и от торговцев и от городских дум и земств, где сидели те же купцы и торгаши и устраивали продовольственные склады и магазины «не для серьезной борьбы с дороговизной и спекуляцией, а только для успокоения населения, для отвода ему глаз». Как война истощила все запасы товаров в стране, что заставило купцов прятать остатки своих товаров, с тем, чтоб потом «жестоко ими спекулировать»; как историческая обстановка привела измученных войной трудящихся к захвату власти у эксплуататоров, отнятию у них всех оставшихся товаров и организации распределения их по карточкам через единые потребительские общества, через кооперации и т. д. Отсюда в задачах и в основных характерных чертах единого потребительского общества, как говорит автор в конце главы, «ясно проступает одна черта — забота об интересах трудового населения и предоставления этому населению, т. т. рабочим и крестьянам, права самим управлять всеми делами общества, при чем элементы эксплуататорские этого права, наоборот, лишаются».

Замена весной 1921 года продовольственной разверстки продналогом поставила перед кооперацией две задачи: товарообмен государственный, когда кооперация обязуется на переданные ей от государства товары обменять для государства хлеб у крестьян, и товарообмен коопе-

ративный, при котором кооперация обменивает у крестьян хлеб на товары, принадлежащие самой кооперации, и используя обмененный хлеб для своих непосредственных нужд. Эти две задачи потребительских обществ автором «Кооперации в Советской России» изложены в отдельной главе, хотя и кратко, но ясно и толково.

Мы не будем подробно излагать содержание книжки. Укажем лишь основные вопросы, освещенные автором под углом новой экономической политики и введенные в его книжку как вновь написанные главы, отсутствующие в прежней брошюре «Что такое единое потребительское общество». Новая книжка включает изложение вопроса о многолавочных кооперативах, о мелких потребительских объединениях, объединениях потребительских обществ; рассматривает вопрос о потребительской кооперации в связи с сбором сырья, о сельско-хозяйственной и промышленной кооперации; отдельная глава говорит о старой и новой кооперации; эта последняя глава заслуживает особенного внимания, так как здесь автор вскрывает то «большое и глубокое различие», существующее между старой и новой кооперацией, которое читателю при поверхностном чтении покажется не существенным, ибо «мы видели,—говорит автор,—что та кооперация, которая создается и крепнет в настоящее время в Советской России, во многом похожа на старую кооперацию, которая существовала у нас до Октябрьской революции».

В чем же автор видит различие между старой и новой кооперацией? Во-первых, в том, что «старая дореволюционная кооперация не ставила перед собой серьезно задач социалистического строительства». Старая кооперация вела борьбу, главным образом, против эксплуатации торгового и ростовщического капитала. Ее не интересовал вопрос об эксплуатации рабочих—со стороны фабриканта, или крестьян—со стороны помещика. «Каждый вид,—говорит автор,—старой кооперации стремился уничтожить только эксплуатацию капитала *в своей области* *). Сплошь и рядом случалось так, что кооператоры оказывались самыми подлинными эксплуататорами вплоть до эксплуатации своих собственных служащих. Новая же кооперация ставит своей целью борьбу «против» *всякой эксплуатации капитала, борьбу против самого существования капитала*» *). «Старая кооперация была средством защиты своих членов против эксплуатации капитала. Новая кооперация есть орудие созидания социалистического строя». Второе различие автор видит в том, что старая кооперация заботилась о защите только своих членов, не охватывая *всех* потребителей, тогда как новая кооперация имеет целью объединить в потребительские общества *всех потребителей*, как членов единой потребительской коммуны. Третье различие в том, что задачи, которые ставят себе и старая и новая кооперации глубоко между собой различны: старая кооперация занималась только теми задачами, которые *сама для себя* намечала. Новая же кооперация, работающая в Советской России, берет на себя задачи социалистического строительства. И четвертое различие, отме-

*) Курсив автора.

чаемое автором, заключается в том (это уже касается различия в сельскохозяйственной и промысловой кооперации), что эти виды старой дореволюционной кооперации занимались, главным образом, организацией сбыта продуктов земледелия и кустарных промыслов, снабжая в то же время мелких производителей необходимым для их производства сырьем. Теперь же в Советской России сельско-хозяйственной и промысловой кооперацией ставятся задачи, главным образом, производственные. Нам кажется, следовало бы отметить еще одно существенное различие между старой и новой кооперацией, о чем в книжке Н. Л. Мещерякова, правда, хотя и говорится в главе о «средствах потребительского общества», но разлад в средствах, на которые существовала прежняя и нынешняя кооперация, уместно было бы ярче оттенить в последней главе о «старой и новой кооперации».

В конце книжки имеются два приложения: 1) Потребительская кооперация в России до революции 1917 года и 2) Потребительская кооперация в России во время революции 1917 г. Эти приложения имеют характер справочного материала, дополняющего основную часть книжки с исторической стороны.

Наше кооперативное строительство, тесно связанное с организацией всего народного хозяйства, все время претерпевает неизбежные превращения.

Кооперация — добровольное объединение граждан; кооперация — единый государственный распределительный аппарат; кооперация — монопольный посредник в деле товарообмена; кооперация — регулятор торговли, громоотвод от спекуляции, мощный аппарат купли-продажи. Кооперативная литература не поспевает за быстрыми организационными перестройками и отстает от жизни. Кое-что и в книжке «Кооперация в Советской России», написанной автором в июле 1921 г. уже теперь подлежит исправлению и дополнению. Например, глава о «средствах единого потребительского общества», в части, излагающей вопрос о кооперативном кредите, уже в некоторых своих местах подлежит изменению, так как с учреждением государственного банка, с близким к осуществлению выступлением кооперации на международном рынке (по соглашению с Наркомвнешторгом), с наличностью, вступающей в торговые сделки с кооперацией государственной трестированной промышленностью,—все вопросы кредитования кооперации необходимо уже осветить с точки зрения новых объективных условий, в которых приходится выступать на сцену кооперации.

В общем книжка Н. Л. Мещерякова, появившаяся очень своевременно (хотя следовало бы пожелать более раннего ее выхода), представляет значительную ценность, как единственный пока литературный источник, притом крайне нужный, из которого всякий работник кооперации может почерпнуть массу полезного и практически необходимого материала для правильного понимания роли и задач кооперации.

Вышедшая в 1920 г. в изд. Госиздата (кооперативная серия Центросоюза) другая книжка *Н. Мещерякова* «Кооперация и социализм» теперь

уже не годится в значительной своей части. Книжка представляет собой сборник статей, написанных автором в разное время и помещенных первоначально в различных кооперативных журналах («Рабочий Мир», «Союз Потребителей», «Труды Центросоюза»). Некоторые из помещенных в рассматриваемой книжке «Кооперация и социализм» статей входили в еще ранее изданный Центросоюзом сборник под названием «Новые идеи в кооперации». Из четырех статей, принадлежащих Н. Мещерякову, в этом сборнике три целиком вошли в книжку «Кооперация и социализм». Весь почти материал, помещенный здесь, уже утерял свое практическое значение. В этом сборнике следует лишь остановиться на статье «Маркс и кооперация». Это, кажется, единственная статья во всей нашей скудной литературе по кооперации, говорящая об отношении К. Маркса к кооперации. Здесь автор статьи дает указания, в каком месте своих сочинений и что писал К. Маркс о кооперации. Мы здесь только перечисляем ссылки Н. Мещерякова на сочинения Маркса, откуда брались цитаты о кооперации. Об этом виде народного хозяйства у Маркса имеются указания в следующих его произведениях: III том «Капитала», глава о «Роли кредита»; «Манифест Интернационала» (1864 г.); резолюция по вопросу о кооперации, написанная Марксом для Женевского Конгресса Интернационала; «Готская программа». Приведя все ценное, что Маркс писал в указанных своих произведениях, Н. Мещеряков в своей статье рассматриваемого нами сборника подробно разобрал взгляды Маркса на кооперацию. Указав на все, что в них было ошибочного, Н. Мещеряков, заканчивая эту свою статью, говорит, что, «несмотря на ошибки Маркса, в его взглядах на кооперацию в свое время было много нового. И в этой области, как и во всех других,—продолжает автор,—Маркс много сделал для рассеяния ложных взглядов и для правильного выяснения вопросов. Изучение мыслей Маркса о кооперации крайне важно и в настоящее время»..

Последняя брошюра *Н. Л. Мещерякова*, указанная нами в начальном перечне кооперативной литературы, это—«Продовольственный налог и кооперация». Небольшая брошюра в 31 страничку, повторяющая отчасти то, что было написано тем же автором в его прежних книжках с соответствующими в этой брошюре изменениями, внесенными в кооперативные организации декретом 7 апреля 1921 г. Рассматривая роль кооперации при новой системе извлечения хлеба от крестьянина-производителя путем продналога, автор просто и толково подходит к разрешению задачи, кто же должен работать в новой кооперации, реорганизованной по декрету 7 апреля. Все те, кто всецело стояли за Советскую власть, коммунисты и идущие за ними беспартийные «окажутся лучшими кооперативными работниками. Их и должен поставить трудовой народ во главе кооперации». В этой же брошюре имеется небольшая глава о сельско-хозяйственной и промысловой кооперации; эти виды кооперации, благодаря введению натурального продовольственного налога также имеют широкую возможность развиться и помочь русскому «крестьянину и кустарю поднять свое разоренное хозяйство». Брошюра заслуживает

внимания, как подсобный справочник для агитаторов, работающих в сельских местностях в области кооперации.

Вышедший осенью 1921 г. в издании Главполитпросвета «Сборник материалов и статей по кооперации» представляет собой довольно объемистую книгу в 226 страниц, дополненную наполовину официальным материалом по агиткооперативной кампании, по потребительской, рабочей, транспортной, сельско-хозяйственной и промысловой кооперации (постановления В. Ц. И. К., Совнаркома, резолюции съездов, положения, правила и т. п.). Значительная часть этого материала теперь уже потеряла свой интерес вследствие издания новых постановлений, резолюций, инструкций, частью дополняющих, частью отменяющих ранее изданное. Редакционная комиссия этого сборника в предисловии к нему указывает, что этот сборник составлялся при ближайшем участии Центросоюза, Главкустпрома и Церабкопа. В него вошли все статьи, тезисы, официальный материал и резолюции, которые по преимуществу являются результатом работ съездов, конференций и дискуссий, имевших место после X Всероссийского съезда Р. К. П., на котором определилась твердая линия в новой экономической политике. «Содержание сборника,—говорится в предисловии,—скомбинированное из газетных и журнальных статей, распланировано в таком порядке, чтобы читатель, по прочтении книги, имел более или менее правильное и законченное представление о нашей кооперативной политике в освещении современного общеэкономического курса». Сборник предназначается для агитационно-политических кооперативных курсов, которые должны подготовить «не только техников кооперации», как сказано в предисловии, «но и работников, практически разбирающихся в новой кооперативной политике».

«Сборник» разбит на 9 глав: 1) обще-экономическая политика Р. С. Ф. С. Р., 2) продналог и кооперация, 3) потребительская кооперация, 4) рабочая кооперация, 5) сельско-хозяйственная кооперация, 6) кустарно-промысловая кооперация, 7) международная кооперация, 8) официальный отдел и 9) приложения.

Как и большинство рассмотренной нами выше кооперативной литературы, «Сборник» в своей основной части уже требует значительных дополнений и изменений. Теперь для курсанта кооперативных курсов (а «Сборник» предназначен для них) уже недостаточно приведенного в первой главе «Сборника» материала по вопросу обще-экономической политики Советской республики. Основные положения, изложенные т. Лениным в его речи на Всеросс. конференции Р. К. П. (в мае 1921 г.) и в длинной выдержке, напечатанной в начале «Сборника», тем же т. Лениным, при его позднейших выступлениях на нескольких съездах и в печати, были развиты с большой ясностью и определенностью и поставившие точки над i в тех местах, где этого еще не требовалось в период майской конференции. На этой конференции т. Ленин не говорил еще, что мы вынуждены сделать еще небольшой шаг назад «от государственного капитализма к государственному регулированию торговли и денежного обра-

щения». То же следует сказать и относительно приведенных в первой главе «Сборника» выдержек из речей т.т. Хинчука и Милютина на той же Всероссийской конференции Р. К. П.

Если основная глава «Сборника» об общеэкономической политике Р. С. Ф. С. Р., дающая направление всему «Сборнику», уже сейчас требует существенных дополнений, то помещенные в дальнейших главах «Сборника» статьи работающих в кооперативных органах товарищей (В. Яхонтова, С. Л. Маслова, М. Кантора, А. Гуревича, А. Падэрина, Н. Ангарского, А. Тихомирова, Г. Крамарова, Я. Бранденбургского), а также статьи товарищей, близко знакомых с кооперацией (Н. Мещерякова, А. Сольца, А. Кактынь, Н. Богданова и др.) в известной степени утратили свое значение в той перспективе развития хозяйства страны, которая выявилась к концу 1921 года. Некоторые из помещенных в «Сборнике» статей взяты из периодической печати («Экон. Жизнь»). Чем дальше мы идем в искании путей нового хозяйственного строительства, тем больше «Сборник» Главполитпросвета утрачивает значение пособия для агитационно-политических кооперативных курсов, дающего «правильное и законченное представление о нашей кооперативной политике», как сказано в предисловии, и тем ближе этот «Сборник» становится похожим на справочник, из которого курсант может только взять справку о каком-либо не утратившем еще значения официальном документе.

Тем не менее, при нашей бедности в изданиях по кооперативной литературе, «Сборник» все же может служить руководителем для тех, кто, соприкасаясь с массами, нуждается в подкреплении своих выступлений по кооперативным вопросам соответствующими официальными материалами, поскольку они еще не устарели.

Две книжки *И. Степанова*: «Кооперация в земледелии и в промышленности» и «Потребительные общества и рабочий класс», переизданные Госиздатом по кооперативной серии Центросоюза в 1920 г., в настоящее время практической ценности не представляют, как устаревшие. Первая из них является дополненным и переделанным изданием брошюры, написанной автором еще в конце 1916 г., а вторая книжка—«Потребительные общества и рабочий класс» есть тоже старая работа автора, выпущенная в 1920 г. 5-м изданием с дополнениями о новой кооперации.

Небольшая брошюра *И. Комиссарова*—«Организация рабочего кооператива» может явиться довольно удачным и полезным справочником для рабочих фабрик и заводов, где необходимо организовать добровольное кооперативное объединение по декрету 7 апреля 1921 года. Брошюра подробно указывает, как практически подойти к устройству рабочего объединения (кооператива), как сорганизовать общее собрание рабочих для этой цели; даются указания и по другим вопросам, связанным с устройством добровольных объединений. В конце брошюры, в приложении, помещены декреты о потребительской кооперации от 7 апреля 1921 г. и о натурпремировании, постановления С. Н. К. о порядке отчисления продуктов в фонд натурпремирования и об обменном фонде, постановления С. Т. О. о коллективном снабжении.

В заключение можно еще указать в нашей литературе по кооперации на два издания кооперативной серии Центросоюза: «Борьба течений в новой кооперации» и «Аппарат Центросоюза и внутренняя организация его работы».

В первой брошюре собрано все то существенное, что было написано о кооперации в периодической печати в начале 1920 г., когда Советская власть обратила усиленное внимание на роль кооперации в хозяйственном строительстве страны и когда вопрос о кооперации был поставлен в порядок дня 9-го Всероссийского съезда Р. К. П. Брошюра имеет теоретический характер и отражает все главные течения в новой кооперации, выплывшие в связи с постановкой Советской властью весной 1920 г. коренного вопроса: «чем же должна быть кооперация в социалистическом государстве?» В ряде небольших статей Н. Крестинского, В. Ногина, Н. Мещерякова, О. Шмидта, А. Лежавы, напечатанных сначала в периодической печати («Экон. Жизнь» и «Правда»), указанные авторы намечают ход мыслей и выводов, к которым они приходят в оценке деятельности кооперации. В другом ряде статей, изложенных в форме тезисов (Н. Мещерякова и А. Сольца, С. Розовского, А. Цурюпы, А. Свидерского и Л. Хинчука, В. Милютина, И. Скворцова), делаются попытки теоретического обоснования вопроса о кооперации.

Весь сборник представляет большой интерес для историка советской кооперации и собранным в нем материалом характеризует основные направления, наметившиеся в период пролетарской революции, коммунистической мысли по вопросам кооперации.

Книжка «Аппарат Центросоюза и внутренняя организация его работы» явилась результатом обследования аппарата Центросоюза, как со стороны численности состава и распределения его персонала, так и со стороны характера, содержания, объема и технического построения его работы. Обследование было произведено Статистико-экономическим отделом Центросоюза и касалось лишь центрального аппарата.

Во вводной части книжки, составленной завед. Статистико-экономическим отделом Г. Кипен, говорится, что «добытые итоги дают достаточное основание для некоторых существенных выводов в области хозяйственно-организационных проблем». В книжке приложены таблицы и чертежи, иллюстрирующие текст. Книжка может годиться, как материал для лиц, интересующихся вопросами построения хозяйственных организаций, внутреннего хозяйственного механизма, в связи с системой самого хозяйства. Для широкого круга читателей книжка не годится.

В заключение настоящего обзора кооперативной литературы следует отметить характерную для этой литературы, более, чем для какой-либо другой, судьбу: всякая, за редким исключением, книжка, написанная о советской кооперации, очень быстро теряет живой интерес и впадает в «преждевременную старость». Едва лишь мы выпустим что-нибудь новое по кооперации, как это «новое» требует уже чуть ли не в момент выхода книжки дополнения, изменения, переделки. Формы хозяйственного строения нашей республики за весь период ее существо-

вания кристаллизуются со столь неизбежными в революционный период постоянными изломами, изменениями, трещинами и новыми спайками, что зафиксировать эти формы в виде цельного и стройного изложения в какой-нибудь книжке или брошюре не всегда удается. И это особенно относится к формам нашего кооперативного строительства.

ОРГАНЫ ГУБЭКОНОМСОВЕЩАНИ .

(Обзор).

Н. Батурин.

Органы губэкономсовещаний представляют совершенно новый тип провинциальных изданий. Таких органов не было в провинции не только до революции, но и до самого последнего времени. Казенная экономическая литература («Торгово-Промышленная Газета», «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», «Ежегодники М-ва Финансов» и пр.), а также частный орган русских капиталистов («Промышленность и Торговля») существовали только в центре. Их главное содержание — торговые бюллетени, грубый статистический материал и т. п. — было приспособлено к интересам крупных промышленных тузов, спекулянтов, да разве еще и узкого круга ученых экономистов.

Уже самые первые экономические издания Советской России, так же как и экономические статьи общей ежедневной печати, как небо от земли, отличаются от своих буржуазных предшественников. Только в этих органах экономические вопросы, т.-е. вопросы производства и распределения, получают освещение, как вопросы подлинного *народного хозяйства*.

Гражданская война, а также *старый курс экономической политики*, с его крайним централизмом, в высшей степени мешали выполнению главнейшей задачи нашей экономической печати: втягиванию широких масс в круг народно-хозяйственных интересов. Не только широкие рабочие массы, но и ответственные руководители предприятий и хозяйственных органов на местах ставились в положение исполнителей заданий центра. Всякая инициатива в деле развития местных производительных сил таким централизмом убивалась в корне. Задания же центра тем меньше могли воодушевлять местных работников, чем больше выяснялась их несогласованность. А расчеты и планы, определявшие эти задания, могли быть ясными и убедительными разве только для кабинетных работников центра, заблудившихся в чаще собственных бюрократических «аппаратов» и в горах отчетов и анкет. Жестокий провал Главтопа больно резанул по всему производству и транспорту и послужил, может-быть, последним испытанием старого курса, последним наглядным уроком. Старый курс сдан в архив. Значительная часть задач, полномочий и ответственности в деле руководства местной хозяйственной жизнью возлагается теперь

на местные хозяйственные центры. Созданные и создающиеся губ- и у-эконом-совещания получают огромное значение. На них возлагается главнейшая задача по части излечения старых недугов. Они должны внести порядок, согласованность, а иногда (скажем без обиняков) и здравый смысл в работу местных хозяйственных ведомств.

Губэкономсовещания существуют совсем недавно. Просматривая их протоколы, невольно обращаешь внимание на очень частое употребление слова «немедленно»: немедленно принять меры, немедленно составить комиссию для обследования... Уже одно это изобилие немедленных мероприятий показывает, что большая часть работ ведется в «пожарном» порядке, что настоящее плановое хозяйство будет вырабатываться только медленно. Но подготовка к такому хозяйству ведется уже теперь. Уже первые номера появившихся печатных органов сделали много для этой подготовки.

Здесь, прежде всего, нужно отметить такое систематическое, полное и всестороннее обследование и освещение хозяйственной жизни края, какого никогда не давалось ни до революции, ни после — в центральных экономических органах. Так, наприм., вопрос о состоянии главнейшего нашего промышленного района, Донбасса, вот уже несколько месяцев не перестает нас волновать и занимает столбцы экономической и общей печати. Из всех этих статей, большею частью поверхностных и противоречивых, составлялось только очень смутное и сбивчивое представление. Но вот уже из первых номеров органа Донецкого губэкономсовещания (перед нами только № 2 «Хозяйства Донбасса») мы можем обстоятельно разобраться в том, что̀ собственно творится во «всероссийской кочегарке», каковы условия ее работы, где коренятся причины ее упадка и в чем предпосылки возрождения.

Ряд обстоятельных статей и обзоров («Перспективы восстановления Донбасса» Н. Шишкина, «Каменно-угольная промышленность Донецкого бассейна в первом полугодии 1921 г.» В. Ренке и Л. Монина, «Котельное хозяйство Донбасса» Юрилина) дают яркую картину положения вещей. Здесь чувствуется близкое знакомство с производством, с его технической и бытовою стороной. Как резко отличаются эти обстоятельные и деловые статьи от сухих и голых таблиц в «Экономической Жизни», извлеченных из очередных докладов заведующих отделами В. С. Н. Х. и снабженных ничего не стоющей отсебятиной.

Ценным вкладом в нашу экономическую литературу нужно признать ряд превосходных обзоров местных естественных богатств. Отметим в том же «Хозяйстве Донбасса» (№ 2): «Соляные богатства Бахмутского района» Ив. Гусарова и «Разработки фосфорита в Курской губернии» В. Купинского и Е. Берестецкого («Наше Хозяйство», орган Курского гэса).

Большую пользу должны принести журналы гэсов широким осведомлением о работе местных хозяйственных органов, и прежде всего они должны дать подробный отчет о деятельности самого главного нерва хозяйственной жизни—губэкономсовещания. К сожалению, целый ряд губэкономсовещаний (Курское, Астраханское, Петроградск. областное,

Владимирское) ухитрились в своих органах ни словом не упомянуть о собственной работе.

Систематические обзоры, характеризующие целые отрасли промышленности, составляются, как общее правило, лицами, стоящими во главе соответствующих хозяйственных органов. Это вполне естественно, но этого недостаточно. Органы гэсов, как мы сказали, должны втягивать массы в круг хозяйственных вопросов, а следовательно, они должны проникнуть в рабочую и крестьянскую библиотеку и там найти живой отклик в виде писем, корреспонденций, запросов и пр. Нельзя, конечно, требовать этого от первых же номеров этих журналов. Да и сами издатели отмечают в своих редакционных воззваниях потребность в расширении круга сотрудников. Но уже из самых этих воззваний можно заметить, что издатели слишком суживают свои задачи, сокращают размах работы. Не случайность, конечно, что все прочитанные нами редакционные воззвания такого рода обращаются исключительно к «экономическим работникам» (Астрахань), к работникам хозяйственных органов (Курск) или к государственным организациям, принимающим участие в хозяйств.-экономической жизни, и т. д. (Тверь). При такой постановке дела «Наше Хозяйство», наприм., в Курской губ., при всем его добром желании, навсегда останется органом «наших хозяйственных ведомств», не станет тем, чем экономические органы никогда не были, чем они теперь, больше чем когда-либо, должны стать: органами народного хозяйства в прямом смысле, т.-е. хозяйственными органами трудящихся. Это давно усвоила наша политическая печать еще до революции (см., наприм., «Правду» 1912—14 г., наполовину наполнявшуюся корреспонденциями, статьями, стихотворениями рабочих). Это должны усвоить с самого начала и органы гэсов.

Что самый объективный обзор или отчет представителя ведомства не может заменить критического ока постороннего наблюдателя (иногда кровно заинтересованного в экономической политике этого ведомства), это доказывают сами органы гэсов. Так, обстоятельные статьи в «Хозяйстве Донбасса» с очевидной убедительностью доказали, что главная вина— упадок каменно-угольной промышленности — лежит не на местных, а на центральных органах (Укр. Наркомата). Вопиющую несогласованность и отсюда бесхозяйственность в работе некоторых главков (Главторфа и Главлескома) показываетъ т. В-ский в органе Владимирского гэса («Торфяные разработки и древозаготовки»): в виду установленных в том ведомстве продовольственных норм заготовка 1 пуда торфа во Владим. губ. обходится в 10 раз дороже заготовки 1 п. дров (приблизительно равного, по тепловым качествам, 1 пуду торфа). Органы гэсов сумели усмотреть ряд прорех в работе центров. В этой критической работе их несомненная заслуга. Разработка же местных хозяйственных вопросов, критика местных хозяйственных органов (первая и главная их задача)— будет успешно осуществляться только тогда, когда круг их читателей и сотрудников станет шире, когда «объективные» отчеты ведомств войдут в полосу перекрестного огня дискуссий и всесторонней критики. Пока же

о прорехах местной работы можно судить по отчетам, которые ясно говорят сами за себя.

Как на пример сугубо-ведомственной литературы можно указать на статью т. А. Лифанова во Владимирском «Нашем Хозяйстве». Автор рассказывает печальную повесть о судьбах профтехнического образования в губернии. В течение многих месяцев работа Губпрофобра сводилась лишь к приведению в известность учреждений по профтехническому образованию и к приисканию специалистов для заведывания п/отделами и секциями. «Однако, усилия по приисканию сотрудников не привели почти ни к чему». Не успев еще сорганизоваться, Губпрофобр подвергся реорганизации, после которой он остается в самом плачевном состоянии: отсутствуют полностью такие основные п/отделы, как п/отдел технического и сельско-хозяйственного образования, «нет ни канцелярии, ни даже машинки». Как ни скверно стоит дело с «аппаратом», но, оказывается, самое-то дело профтехнического образования вовсе не так плохо: «оно осуществлялось и осуществляется довольно энергично», только вот «аппарат» тут не при чем. Оказывается, что «инициатива в этом деле была проявлена со стороны педагогического персонала технических учебных заведений, профсоюзов, фабрично-заводских управлений, кооперации и отчасти экономических органов губернии».

Самая злая критика не могла бы изобразить работу Владимирского Губпрофобра в таком жалком и смешном виде, в каком изобразил ее заведующий Главпрофобром. Как жаль, что редакция «Нашего Хозяйства» не привлекла в сотрудники вместо заведующего педагогов, работников профсоюзов и пр. Ведь сумели же эти люди без машинки проявить инициативу. Они, наверное, сумели бы и для журнала написать кое-что поинтереснее, чем «история аппарата» и голый список учебных заведений, приведенный в заключение т. А. Лифановым.

В тесной связи с этим «ведомственным» недостатком журнала стоит другой, который можно обозначить одним словом: сырье. Этим грехом страдает «Экономическая Жизнь», хотя ей-то, как центральному органу, этот грех меньше всего к лицу. Недостаточная обработка сырого материала заметна в некоторых органах гэсов.

Но мы должны особо отметить один журнал, который как будто взялся показать всем своим содержанием, как не нужно издавать органы гэсов. Это—«Бюллетень Донского Областного Экономического Совещания». Он целиком состоит из подробнейших протоколов ведомственных совещаний и заседаний,—длиннейших описей учета материалов, сухих, чисто канцелярских отчетов разных отделов Д. С. Н. Х., инструкций и т. п. Для кого и для чего публикуются такие материалы во всеобщее сведение. Ничтожная горсть ответственных руководителей хозяйственных органов, которой эти списки и таблицы нужны, обыкновенно знакомятся с ними до напечатания, по подлинным ведомственным документам. Из прочих же читателей, наверное, не найдется в Донобласти ни одной души, которая осилила хотя бы четверти столь делового журнала. Правда, редакция оговаривается, что этот (1-й) № журнала выходит по техническим условиям

без статей, с одним лишь информационным материалом. Но ведь и в области информации нужно иметь к читателю милосердие. Тт. донцы, информируйте, но не до бесчувствия.

Нам остается рассмотреть еще один пункт, имеющий, по нашему мнению, чрезвычайно важное значение при выработке губернского экономического журнала. Это — разработка технических вопросов. О теснейшей связи техники с экономикой производства говорить не приходится, недостаток этой связи — больное место всего нашего хозяйственного строительства. Достаточно напомнить недавнее распоряжение Ц. К. о проведении кампании по ликвидации технической (с.-хоз.) безграмотности крестьян. Пришлось начать с организации с.-хоз. курсов для политических работников, которые должны эту кампанию проводить. Тем самым выдано свидетельство о технической безграмотности нашим политическим работникам.

«Учитесь у спецов» — уж сколько времени долбит нам об этом Ильич. Но в том-то и дело, что технические вопросы у нас трактуются или только для посвященных (сюда относятся ученые труды Научно-Технического Отдела В. С. Н. Х.) или непосвященным (сюда относятся технические экскурсии в нашей общей политической печати). Напомним хотя бы восторженную, но—увы!—совсем не компетентную статью т. Белякова об электроплугах в «Известиях». В этом не только наша беда, но и наша вина.

Нужно, однако, отметить, что некоторые политические газеты сумели сделать почин в деле ликвидации технической безграмотности. Вспомним только, сколько пользы принесла въ этом деле «Беднота», привлекшая к сотрудничеству ряд первоклассных специалистов по сельскому хозяйству.

Само собой понятно, что наши экономические органы должны гораздо больше заниматься разработкой техники производства, чем общая ежедневная печать. И, однако, наши центральные экономические органы до сих пор не сделали ни одного шага в этом направлении. Можно сказать, что Научно-Технич. Отдел В. С. Н. Х. не имеет ни малейшего отношения к последней «Экономической Жизни» (теперь орган СТО) и «Народному Хозяйству». Дело тут, конечно, не в недостатке специалистов, а в чрезвычайно стройной логической системе аппарата В. С. Н. Х. Зачем путаться Научному Отделу, когда есть Издательский. Да притом же спецы В. С. Н. Х.—слишком ученый народ, чтобы выступать перед читателем из простого звания. Припомним, сколько было случаев, когда в повседневной печати всплывал и страшно дебатировался какой-либо интересный технический вопрос, но В. С. Н. Х. и его Н. О. хранили гордое молчание. Мало того, я помню, как года $1^1/_2$ назад Н. О. сумел отмолчаться, когда его определенно «потянули за язык» в «Известиях» по поводу изобретения Уфимцева (инерционный аккумулятор). Благодаря такому «разделению труда» важнейшие технические достижения остаются совершенно неизвестными широкой публике, а в то же время, напр., пресловутый электро-поезд Махонина размусоливался в печати чуть ли

не как гениальное изобретение, пока Съезд электротехников не разъяснил его как никчемную и дорогую затею.

С полным удовлетворением можем отметить, что большинство органов гэсов не пошло по пути своих старших собратьев. Технических специалистов там, конечно, гораздо меньше. Но они успели уже дать ряд превосходных технических статей и обзоров, притом тесно связав их с экономикой края. Отметим здесь только некоторые, наиболее интересные и характерные. В «Хозяйстве Донбасса»: Д. Крамаренко «К вопросу о механизации работ в Донбассе»; М. Фюнер «К вопросу об использовании тощих углей». В астраханской «Экономической Жизни»: «Засуха и борьба с ней в условиях Астраханской губернии», и целый ряд других статей по сельскому хозяйству. В курском «Нашем Хозяйстве»: «Об употреблении угольной пыли при отоплении паровых котлов». В том же журнале особо нужно отметить интересную статью А. Уфимцева «Об использовании энергии ветра». Эта статья с величайшим интересом читалась бы не в одной Владимирской губернии. Невольно вспоминается, какие героические меры были приняты для широкого осведомления о докладе по электрификации России. Члены В. Ц. И. К. были использованы, как книгоноши в своих губерниях. Между тем, этот проект в силу своей грандиозности и технической сложности может практически осуществляться только органами государственных сооружений. Самое восторженное отношение читателя к этому докладу может быть все-таки только пассивным. Всеобщее распространение статьи А. Уфимцева «Об использовании энергии ветра» могло бы принести большую практическую пользу в деле широкой пропаганды электрификации, так как применение ветряных двигателей для получения тока по техническим условиям доступно самым маленьким хозяйственным коллективам.

Будем надеяться, что статья А. Уфимцева подвергнется дальнейшей практической разработке в органах гэсов, даст толчок к технической инициативе местных хозяйственных органов, которым новый курс развязывает руки.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НОВОСТИ ПО АНГЛИЙСКИМ И НЕМЕЦКИМ ЖУРНАЛАМ 1919—1921. („Nature" 1919—1921, „Das Weltall" 1919—1921, „Sirius" 1919—1921).

(Обзор).

Проф. В. А. Костицын.

Начинающие поступать заграничные научные и научно-популярные журналы приносят большое число астрономических новостей, познакомиться с которыми будет весьма интересно многим из читателей «Печати и Революции». Предлагаемый их вниманию обзор является лишь предва-

рительным. Систематические обзоры этого рода найдут себе место в более специальных изданиях. Кроме того, Научно-Популярный Отдел Государственного Издательства подготовляет к печати ряд сборников, в которых по главнейшим научным дисциплинам и по крупнейшим и актуальнейшим вопросам будут даны руководящие статьи.

Теоретические исследования. Огромный материал, явившийся результатом работы американских обсерваторий, вызвал большой интерес среди теоретиков. Самой крупной работой относительно строения звездного мира и его прошедшего и будущего является книга известного английского физика *Джинса:* I. H. Jeans. Problems of Cosmogony and Stellar Dynamics. Cambridge Press, 1920. В этой книге автор, один из крупнейших специалистов по статистической механике сделал сводку своих многолетних работ по применениям статистической механики к проблемам происхождения и строения звездного мира. Подробную рецензию этой книги я сделаю в другом месте; здесь ограничусь тем, что сообщу главнейшие достигнутые Джинсом результаты. В первых главах детально разработан крайне важный для астрономии и геодезии вопрос о фигурах равновесия вращающихся жидкостей и разрешен спор между Дж. Дарвином и гениальным русским математиком Ляпуновым относительно устойчивости некоторых серий фигур равновесия, в пользу Ляпунова. В главе VIII рассмотрена эволюция газовой массы и подтверждены взгляды Russell'я относительно порядка эволюции, согласно которым через каждый спектральный тип звезда проходит дважды: один раз в начале своего развития в качестве туманной звезды-гиганта и другой раз в конце развития в качестве плотной звезды-карлика. В главе IX изучается происхождение спиральных туманностей. Глава X посвящена звездным скоплениям и показывает, что их состояние нельзя рассматривать как статистически-устойчивое, — взгляд, который в 1916 году был высказан в печати и автором настоящего обзора.

Книге Джинса суждено в теоретической астрономии занять место рядом с крупнейшими классическими работами, и было бы весьма желательно увидеть скорее ее русский перевод, как и «Космогонических гипотез» Пуанкарэ.

К работам Джинса тесно примыкает работа *Эддингтона* по вопросу о внутреннем строении звезд. Рассматривая звезду, как газовый излучающий шар, Эддингтон принимает во внимание и Лебедевское световое давление. Это позволяет строго обосновать закон распределения вещества внутри звезды, а также определить наибольшие размеры, которые может иметь звезда, не обращаясь в туманность. Работа Эддингтона также подтверждает взгляды Russell'я.

Переворот в науке, вызванный принципом относительности, не мог не отразиться на астрономии, и прежде всего, конечно, Эйнштейновская теория тяготения была применена к различным астрономическим проблемам. Прежде всего, Эйнштейном было удачно объяснено движение перигелия Меркурия, совершенно необъяснимое с точки зрения классической небесной механики. Далее, Freundlich весьма удачно объяснил

совершенно парадоксальное явление, отмеченное при измерении радиальных звездных скоростей по принципу Допплера. Именно, в среднем оказывалось, как будто все звезды разбегаются от того места, где находится Земля. Freundlich доказал, что это явление нужно объяснить не применением принципа Допплера, но особенными условиями тяготения на звездах. Наконец, при солнечном затмении 29 мая 1919 года обнаружилось явление, предсказанное Эйнштейном: притяжение Солнцем световых лучей.

Солнце. О влиянии Солнца на планеты известно достаточно, в последние годы многие исследователи (Маундер, Архтовский и др.) занялись вопросом о влиянии планет на солнечную деятельность, и прежде всего Земли. Маундер теперь путем тщательного статистического изучения солнечных факелов за время от 1878 до 1916 года доказал, что имеется приблизительно $3^0/_0$-ное преобладание факелов на восточном краю Солнца, что̀ можно объяснить только влиянием Земли и, по всей вероятности, электромагнитным влиянием.

Магнитное поле Солнца после работ Hale'я исследуется весьма тщательно. Американский астроном Seares обнаружил, что магнитная ось Солнца наклонена к оси вращения на 6° и обращается вокруг нее в 31,44 дня. Сила поля с высотой весьма быстро падает: при удалении от поверхности на 200 километров сила падает с 50 гауссов до 10 гауссов.

Расстояния звездных скоплений и̇ туманностей. Шведский астроном Карл Лундмарк в недавно вышедшей книге делает сводку всех работ относительно расстояний звездных скоплений и туманностей. Различными косвенными, но взаимно дополняющими путями определены расстояния нескольких десятков звездных скоплений и спиральных туманностей. Результаты этого исследования вполне подтверждают неоднократно высказывавшийся взгляд на спиральные туманности, как на «островные вселенные», подобные нашему Млечному Пути. Знаменитые Магеллановы облака в южном полушарии являются ближайшей из подобных островных вселенных. По отношению к шарообразным звездным скоплениям интереснейшим следствием является возможность определить их средний диаметр, который оказывается порядка сотни световых лет. Таким образом, плотность распределения звезд в центральных областях звездных куч должна в сотни тысяч раз превышать плотность распределения звезд в области Солнца, что чрезвычайно повышает шансы столкновений и полустолкновений между звездами и позволяет сделать ряд выводов относительно эволюции звездных куч и спиральных туманностей,—выводов, которые излагаются мною в другом месте.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСУ О КУРСКОЙ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ

Проф. В. А. Костицын.

1) **В. И. Бауман.** К вопросу о возможности применения шведских приборов съемки к исследованию Курской Магнитной Аномалии. («Горное Дело», 1921 г., № 3). 2) **В. В. Кисельников.** О Курских Магнитных Аномалиях. («Горное Дело», 1921 г.,№ 3). 3) **П. П. Лазарев.** Отчет о работах за 1919 г. 4) **Его же.** Курская Магнитная Аномалия. (Успехи физ. наук, т. II, вып. I). 5) **Lasareff.** L'Anomalié Magnétique dans le gouvernement de Koursk (Frosès-Verbaux de l'Académie des Sciences de Russie, 1921 г.) 6) **Э. Г. Лейст.** Курская Магнитная Аномалия. 7) **Д. П. Ортенберг.** О Курских Магнитных Аномалиях («Горное Дело», 1921 г., № 3). 8) **Сообщения о научно-технич. работах в Республике.** Вып. 3: I Съезд Росс. Ассоциации Физиков.

Магнитная аномалия в Курской губернии представляет огромный интерес для геофизиков, как своими исключительными размерами, так и протяженностью площади, которую она захватывает. Для промышленных кругов и для правительственных органов с Курской магнитной аномалией связываются надежды на богатейшие залежи полезных ископаемых, залежи неслыханного размера. Наконец, для русского народа этот вопрос важен потому, что не сегодня—завтра область аномалии может явиться предметом концессий той или иной группы иностранных капиталистов, и не безразлично, на каких условиях и в какой обстановке концессионный договор будет заключаться. Магнитная аномалия в Курской губернии была обнаружена (6) [1]) еще в семидесятых годах прошлого столетия прив.-доц. Каз. университета И. Н. Смирновым, но впервые обстоятельно исследована проф. Московск. университета Э. Е. Лейстом, результаты работы которого, к сожалению, пропали для русской науки (3). Проф. Э. Е. Лейст в течение 14 лет (1896—1910) произвел магнитную съемку в более чем четырех тысячах точек и обнаружил, что аномальная область тянется с северо-запада на юго-восток двумя полосами, разделенными полосой с нормальным магнетизмом. Северная полоса проходит (6) через Дмитровский уезд Орловской губернии и далее через Фатежский, Курский, Щигровский, Тимский уезды Курской губернии, направляясь далее к востоку в область Воронежской губернии. Южная полоса тянется через Обоянский, Белгородский, Корочанский и Ново-Оскольский уезды. Общая длина обеих полос равна приблизительно 500 километрам. Средняя ширина (6) каждой полосы (принимая за ширину расстояние между нулевыми изаномалами вертикальной слагающей) колеблется от 3 до 12 километров. Максимальная вертикальная слагающая в три с лишком раза больше, чем полная сила на северном магнитном полюсе земного шара. Мы видим, таким образом, что и по

[1]) Цифры, заключенные в скобки, обозначают ссылку на соответственную работу, вошедшую в обзор.

величине захваченной аномалией области и по напряженности намагничения мы имеем действительно исключительное явление.

Возникает вполне естественный вопрос о причинах магнитных аномалий. В этой области были высказаны самые разнообразные гипотезы в зависимости от того, с какими именно аномалиями данный автор имел дело. Доктор Науманн (6), близко изучивший японскую магнитную аномалию, повидимому, тесно связанную с геологической трещиной, называемой Fassa Magna, приписывает возникновение магнитных аномалий влиянию больших дислокаций на земные токи, как справедливо замечает Э. Е. Лейст (6). Ни один из защитников этой гипотезы не сделал попытки построить схему земных токов для объяснения хотя бы одной крупной аномалии, к тому же эта гипотеза совершенно не обоснована физически, и оспаривается возможность ее применения даже к японской магнитной аномалии.

Вторая гипотеза — это гипотеза залежей полезных ископаемых и прежде всего полезной руды. Эта гипотеза поддерживается и Э. Е. Лейстом (6). Она основывается, главным образом, на аналогиях с Лапландской магнитной аномалией, где действительно имеются огромные залежи магнетита. По расчету Гюлленшульда, количество руды в Кируне 1.372.000.000 тонн. Если принять во внимание огромную площадь Курской магнитной аномалии и значительную величину аномального поля, казалось бы, можно было вместе с проф. Э. Е. Лейстом (6) полагать, что курские залежи несравненно богаче железными рудами с высоким процентным содержанием металлического железа, чем Лапландские.

В 1918 году проф. Э. Е. Лейст уехал в Германию для лечения и там скончался. Он увез с собою (3) решительно все материалы по своей работе, кроме рукописи, дающей общий обзор вопроса и ныне изданный Российской Академией Наук [1]). За границей незадолго до смерти Э. Е. Лейст совместно с некиим Штейном выпустил брошюру (3), где рекомендовал область Курской магнитной аномалии вниманию немецких промышленных кругов. После смерти Э. Е. Лейста все его материалы оказались в руках Штейна, который и приступил к организации синдиката предпринимателей для получения от Советской власти концессии на область Курской магнитной аномалии. При заключении договора положение сторон оказывалось совершенно различным: немецкие капиталисты имели в своих руках огромный материал Э. Е. Лейста, в то время как Российское правительство имело лишь упомянутую рукопись Э. Е. Лейста, где *не содержится ни одного точного указания, где не даны координаты ни одной из точек.* В виду этого весной 1919 года народн. комиссар Л. Б. Красин обратился к акад. П. П. Лазареву (3) с предложением организовать новую съемку области Курской магнитной аномалии. Была образована Комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии, работавшая сначала при Российской Академии Наук, затем при Горном Совете

[1]) Это та самая рукопись, в сокрытии которой инж. Ортенберг и Кисельников обвиняют Особую Комиссию по исследованию К. М. А.

В. С. Н. Х., а теперь состоящая при президиуме В. С. Н. Х. Перед Комиссией стояла очень трудная задача: в возможно короткий срок проделать ту работу, которая от нашего первоклассного работника, как Э. Е. Лейст, потребовала свыше 14 лет наблюдений и 8 лет обработки материала. Нечего было и думать о пользовании теми громоздкими абсолютными приборами, которыми пользовался Э. Е. Лейст. По предложению акад. А. Н. Крылова (3), Комиссия приняла, как рабочий инструмент, дефлектор де-Колонга, употребляющийся в русском флоте. Этот прибор представлял следующие преимущества: он портативен, легко устанавливается и дает горизонтальную и вертикальную слагающие с точностью до $^1/_4\%$, что̀ более чем достаточно. Кроме того, имелась возможность сразу пустить в работу несколько десятков инструментов с хорошо обученными наблюдателями — штурманскими офицерами из главного Гидрографического Управления.

К сожалению, в 1919 году Комиссия смогла выполнить только часть намеченной программы: через Курскую губернию проходил фронт гражданской войны, и наблюдателям, как это видно из отчета о работах Комиссии (3) за 1919 год, приходилось работать в боевой обстановке и, наконец, работа должна была прекратиться на несколько месяцев.

Весной 1920 года Комиссия возобновила свою работу, но уже при Горном Совете. Этому предшествовали новые попытки Штейна и К° получить концессию. На этот раз помехи работам Комиссии возникли со стороны некоторых членов Комиссии, именно инж. Кисельникова (2) и инж. Ортенберга (7), всячески старавшихся опорочить прибор де-Колонга, принятый Комиссией, и провести на его место прибор Тиберга-Талена, которым пользуются шведские инженеры при разведках железной руды. Отголоски этой борьбы чувствуются почти во всех реферируемых мною работах. Инструмент Тиберга-Талена прекрасно охарактеризован в статье проф. В. И. Баумана (1), на которого все время ссылались инж. Кисельников и Ортенберг. «Некоторые экземпляры,—говорит проф. Бауман,—могут дать при столь значительных напряжениях, какие наблюдаются в районе Курской аномалии, ошибки, превышающие 10% измеряемой величины. Только при весьма тщательной и кропотливой работе и частом, при различных напряжениях, сравнении показаний прибора с данными точных приборов, возможно уменьшить, как на то указывают работы Гюлленшульда в Кирунаваре, ошибку до $2—3\%$. Но при этом утратится основное преимущество прибора — большая в смысле числа измерений в смену производительность работы с ним». Мы видим, таким образом, что по сравнению с прибором де-Колонга, где ошибка около $^1/_4\%$, магнитомер Тиберга-Талена может дать только очень грубые результаты. В чем же дело? Может-быть, магнитометров Тиберга-Талена у нас больше, чем дефлекторов де-Колонга? И этого нет. В статье инж. Ортенберга (7) говорится буквально следующее: «у нас имеется 100 котелков [1]) тяжелого типа и всего лишь пять магнитометров Тиберга-Талена».

[1]) Дефлекторов де-Колонга.

Портативность обоих приборов не слишком различна. Что же касается до быстроты работы, то на одном из заседаний проф. В. Я. Павлинов предлагал инж. Ортенбергу и проф. Ключанскому устроить состязание приборов, на что и тот и другой ответили молчанием.

Мы видим, что инж. Кисельников (2) и инж. Ортенберг (7) предлагали заменить точные приборы, имеющиеся в достаточном количестве, приборами грубыми и неточными, которых во всей России несколько штук в довольно плохом состоянии. Если бы дело ограничивалось просто предложениями, к этому можно было бы отнестись с улыбкой. Но на ряду с постоянными скандалами в Комиссии делались попытки навязать Комиссии приборы Тиберга-Талена через президиум В. С. Н. Х. и через председателя Горного Совета Ф. Ф. Сыромолотова. Что дала бы эта замена? Вместо нескольких десятков хорошо работающих дефлекторов де-Колонга были бы пущены в ход 2—3 Тиберг-Талена; темп и качество работы понизились бы в несколько десятков раз. Вместо 7300 точек, которые проработаны отрядами Комиссии (у Лейста за 14 лет было, как мы упоминали, 4100 точек), не было бы сделано ничего. Таким образом, предложение Ортенберга и Кисельникова вело к срыву всей работы Комиссии в тот момент, когда в правительственных кругах рассматривался проект концессии, и правительству более чем когда-либо было необходимо иметь точные сведения о всей области Курской магнитной аномалии. Создавалась обстановка, напоминающая «волка Фенриса» [1]) и исключающая возможность спокойной работы. Комиссия была принуждена принять резолюцию об исключении инж. Кисельникова, инж. Ортенберга и проф. Ключанского. Одновременно с этим Комиссия перешла в ведение президиума В. С. Н. Х. С этого момента началась эпоха мирной работы, давшей за короткое время очень большие результаты. Наблюдения произведены в 7300 точках; на ряду с магнитной съемкой ведутся проф. Никифоровым и проф. Михайловым под руководством акад. Стеклова измерения силы тяжести, обнаружившие гравитационную аномалию. Под руководством проф. А. Д. Архангельского ведутся геологические работы. Наконец, производится геодезическая съемка для того, чтобы точно определить географическое положение заснятых точек. Для выполнения необходимых буровых работ сделано все, что только возможно при нынешних тяжелых условиях. Таким образом, в результате двух лет работы Комиссия обладает неизмеримо большими данными, чем Э. Е. Лейст. Правда, данные эти еще далеко не полны, но можно надеяться, что в два-три года главная часть работы будет выполнена, и русская наука будет гордиться тем, что при нынешней разрухе силами русских ученых всесторонне исследована крупнейшая магнитная аномалия на земном шаре.

Остается сказать еще несколько слов о методике исследования. Шведские магнитологи имели дело с залежами, расположенными сравнительно близко к земной поверхности. С такими же залежами имел дело

[1]) Известный роман талантливого анонимного автора, в свое время напечатанный в «Летописи».

и инж. Ортенберг на Урале. Там годится, быть-может, метод Тиберга-Талена, хотя можно спорить против утверждения проф. Баумана (1), что при весьма густой сети пунктов достаточна сравнительно небольшая точность каждого отдельного наблюдения. Там, где в каждом отдельном наблюдении возможна ошибка в 10%, а градиент на 1 метр равен, скажем, 5% (цифры взяты из статьи проф. Баумана), густота сети точек не даст никакого реального результата, и утверждать обратное — значит, ставить вверх головой все основы практики физических измерений. Между тем, инж. Ортенберг предполагает (7) гору Высокую в Нижнем Тагиле покрыть сетью в 20.000 точек, т.-е. по точке на каждую квадратную сажень, пользуясь при этом неточными магнитометрами Тиберга-Талена. Проекты этого рода нельзя не признать преступными попытками бесполезного истребления народного достояния.

На ряду с шведскими приборами и шведскими методами инж. Ортенберг рекомендовал и «шведские формулы». Его попытка изложить эти формулы на 1 съезде Всероссийской ассоциации физиков повела к тому, что съезд признал (8) метод, описанный Ортенбергом для определения глубины магнитных слоев, основанным на ряде недоразумений. Отголосок этих недоразумений мы находим и в статьях в № 3 «Горного Дела», где проф. В. И. Бауман (1) пишет, что «дело сводится к определению глубины залегания, пользуясь формулами и графическими построениями для однополюсной или, что все равно, однонитной аномалии». Между тем, беглого взгляда на карты изодинам вертикальной составляющей Курской магнитной аномалии (v4—v5) достаточно, чтобы видеть, что случай однополюсной аномалии совершенно не годится и не может объяснить даже главнейших особенностей наблюдаемых изолиний. Таким образом, систематическое навязывание «шведских формул» инж. Ортенбергом было попыткой сорвать теоретическую обработку экспериментального материала, а может-быть, просто проявлением крайнего математического невежества [1]).

Вернемся еще к вопросу о причинах Курской магнитной аномалии. Инж. Кисельников в «Горном Деле» (2) пытается доказать геологическими и иными соображениями, что К. М. А. вызывается залежами железных магнитных руд. Геологические соображения инж. Кисельникова были неоднократно опровергнуты проф. А. Д. Архангельским. Я могу прибавить только, что предварительная математическая обработка результатов съемки показала, что ни одно из известных нам ферромагнитных веществ не может дать такой интенсивной аномалии. К тому же величину намагничивающего поля приходится принять вдвое больше, чем земное поле. Таким образом, вопрос о причинах, вызывающих Курскую магнитную аномалию, не может быть так легко и просто разрешен, как это кажется инж. Ортенбергу и инж. Кисельникову. Правильное техническое использование всей этой области возможно только после ее всестороннего геофизического изучения.

[1]) На это же указывает и выражение: «силы, присущие данному участку» («Горное Дело», № 3, стр. 117),

В заключение укажу ряд неправильностей и неточностей в статьях Ортенберга и Кисельникова. Смешно говорить о рукописи Лейста, хранящейся где-то в несгораемом шкапу, когда эта рукопись уже издана (6). Инж. Ортенберг уверяет, что Комиссия не дала возможности испробовать на деле метод Тиберга-Талена. Между тем Комиссия постановлением от 16 августа 1920 года допустила к рекогносцировочной работе приборы Тиберга-Талена, но, как и можно было ожидать, *защитники метода Тиберга-Талена от работы уклонились*.

Инж. Ортенберг уверяет (7), что дефлектор де-Колонга весит 50 фунтов, между тем самый тяжелый дефлектор первоначального образца весит не более 20 фунтов, а облегченные дефлекторы, которыми ныне работают отряды Комиссии, весят не более 10—12 фунтов, т.-е. столько же, сколько магнитометры Тиберга-Талена. Инж. Ортенберг много говорит о большей производительности работы, ссылаясь на свой уральский опыт. Он забывает, что на Урале точка от точки отстояла на сажень, а в Курской губернии при самых благоприятных условиях на сотни сажен. 4100 точек Лейста расположены на площади в несколько тысяч кв. верст, т.-е. среднее расстояние точки от точки не менее версты. В таких же условиях работает и Комиссия. И потому уверения Ортенберга, что за один летний сезон шесть магнитометров Тиберга-Талена дадут 16.000 точек, являются чистейшей фантазией, основанной на полном непонимании действительных условий работы. Что касается до уверения Ортенберга, что у Комиссии отсутствует «производственный план», то совершенно достаточно взглянуть на фиг. 3 в отчете акад. П. П. Лазарева Академии Наук (5), чтобы убедиться, что там, где градиент больше, там и сеть гуще; но дальнейшее увеличение густоты сети было бы бессмысленно, так как при этом требовалась бы гораздо большая точность измерений. Дополнительная съемка в таких местах будет производиться магнитным теодолитом и инклинатором.

Таким образом, мы видим, что Особой Комиссией по исследованию Курской магнитной аномалии выполнена громадная работа, важная и для русской науки и для русского народного хозяйства. Эта работа далеко еще не закончена. Пожелаем, чтобы Комиссии удалось беспрепятственно докончить исследование величайшей в мире магнитной аномалии и чтобы в результате этих работ для русской промышленности открылись новые перспективы.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО

О РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ.

Н. Л. Мещеряков.

При организации Государственного Издательства весной 1919 года перед ним был поставлен ряд важных и трудных задач.

Оно должно было прежде всего объединить издательскую деятельность различных комиссариатов и правительственных учреждений и взять на себя обслуживание их необходимой им литературой.

Оно должно было дать литературу, необходимую для громадного количества библиотек, агитационных пунктов, изб-читален и т. п. И, наконец, оно должно было создавать собственной инициативой литературу, освещающую учение коммунизма и разрабатывающую те вопросы, которые выдвигались в ходе революции.

Выполнение всех этих задач оказалось чрезвычайно трудным по многим причинам.

Недостаток бумаги и технических возможностей мешал использовать старую литературу для переиздания с целью снабжения библиотек. Различные Наркоматы и другие ведомства, которые получали от Госиздата заказанную ими литературу бесплатно, засыпали Государственное Издательство заказами книг, брошюр и т. п., подчас совершенно ненужных, и требовали отпечатания их в больших количествах. Государственное Издательство боролось против этого, отказывало в печатании одних книг, сокращало тираж других, но оно не могло уследить за всеми изданиями: в печать проскальзывало много таких, без которых можно было обойтись; бумаги и типографских возможностей на эти издания тратилось больше, чем нужно. А борьба с ведомствами отнимала много сил у Редакционной Коллегии Госиздата.

Самостоятельной работе Государственного Издательства мешала также страшная перегруженность работой всех коммунистов, которые могли бы взять на себя литературную разработку того или иного вопроса. Найти автора для какой-нибудь работы, задуманной Редакционной Коллегией, было чрезвычайно трудно. Часто приходилось прибегать к содействию Ц. К. партии, чтобы он в порядке партийной дисциплины обязал того или другого товарища написать брошюру или книгу по какому-нибудь неотложному вопросу, просить при этом об освобождении этого

товарища на время от другой работы и т. п. А враждебное отношение интеллигенции к Советской власти и к идеям революции, которым были отмечены первые три года революции, не позволяло использовать в качестве авторов некоммунистические силы интеллигенции. Большим препятствием в этом отношении были также крайне низкие ставки литературного гонорара, существовавшие в то время. Нужно поэтому удивляться не тому, что Государственное Издательство выпустило мало новых и полезных изданий за $2^1/_2$ года своей работы, а тому, что в тех крайне неблагоприятных обстоятельствах, в которых оно работало, оно могло все-таки сделать то, что было им сделано.

Громадным препятствием в работе Государственного Издательства была также из рук вон плохая работа Центропечати, анекдотически плохо распространявшей выпускаемые издания. Книги плохо доходили до провинции, попадали не туда, куда нужно. До читателя книга не доходила. Это убивало энергию авторов, которые в жизни не видели плодов своей литературной работы. Расхолаживающим образом это действовало и на энергию многих работников Государственного Издательства. С другой стороны, и у читателей, не видевших в чтении и в библиотеках книг, действительно выпущенных Госиздатом, создавалось впечатление, что работа его была менее того, что было в действительности.

Наконец, крупным препятствием в работе было и то, что члены Центральной Редакционной Коллегии Государственного Издательства никогда не могли отдать ему все свое время и все свои силы, так как помимо этого дела они были обременены работой в ряде других учреждений.

Так как различные ведомства, которые обслуживались *бесплатно* Госиздатом старались раздуть свои заказы, то Госиздат, в своем стремлении регулировать их заказы, старался подчинить себе их редакционные аппараты, превратив их в подчиненные себе органы. Отсюда стремление Центральной Редакционной Коллегии Госиздата создать вокруг себя ряд вспомогательных коллегий (число их доходило до двадцати). Двойное подчинение, в котором находились эти коллегии, порождало ряд трений между ведомствами и Госиздатом, которые сильно тормозили работу.

Все эти условия сильно изменились с конца лета 1921 года, когда стала осуществляться новая экономическая политика.

Подчиняясь этой политике, Государственное Издательство должно было также стать на рельсы хозяйственного расчета. Для этого нужно было прежде всего сократить часто ненужные или чрезмерные требования ведомств, сократить тиражи изданий, приступить к осуществлению платности изданий.

Подчиняясь этой политике, Государственное Издательство должно было прекратить бесплатное снабжение изданиями различных ведомств и учреждений. Нужно было ввести принцип платности, построить издательство так, чтобы ведомства и учреждения, заказывающие или получающие литературу, оплачивали ее из своих средств. Государственное Издательство при таких условиях должно было взять на себя дело центрального учреждения, учитывающего заказы ведомств и распределяющего

скудные запасы бумаги. С другой стороны, оно могло стать исполнителем—за плату, конечно,—заказов различных ведомств.

Этот переход на платность повел к тому, что ведомства, принужденные теперь оплачивать из своих средств стоимость издания, перестали гребовать чрезмерных тиражей. С другой стороны, меньше стало издаваться и ненужной ведомственной литературы. Кое-что в этом отношении уже достигнуто, но достигнуто еще далеко не все. В деле экономии остается сделать еще многое.

Вместе с тем для Госиздата исчезла в значительной степени и та причина, которая побуждала его ставить ведомственные редакционные коллегии в зависимость от себя. Теперь стало возможно целиком передать их ведомствам. Осенью 1921 года все эти вспомогательные коллегии перешли от Госиздата к ведомствам. К сожалению, не все ведомства справляются успешно с этой работой, и Госиздату приходится теперь приступить к восстановлению при себе ряда вспомогательных редакционных коллегий, обслуживающих различные части Наркомпроса, напр., коллегию по созданию учебников, коллегию детской литературы и т. п.

Переход работы Государственного Издательства на хозяйственные рельсы вызвал необходимость перестройки его высшего руководящего органа. До осени 1921 года функции председателя Редакционной Коллегии и заведующего соединялись в одном лице. Теперь эти должности разделены.

Осенью 1921 года Центральная Редакционная Коллегия Государственного Издательства состояла из следующих лиц:

Н. Л. Мещеряков (председатель редакционной коллегии), И. И. Скворцов-Степанов (заместитель председателя), О. Ю. Шмидт (заведующий Государственным Издательством), М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, В. М. Михайлов, С. И. Гусев. В декабре в Коллегию был включен тов. Г. Ф. Махарадзе, но уже в начале января он снова возвратился в Грузию.

Большим препятствием в работе Госиздата попрежнему было то, что ни один из вышеупомянутых товарищей не мог отдавать работе в Издательстве все свое время. Решительно все они работали и в других учреждениях и могли отдавать Госиздату только часть своего времени. Более того. Регулярную работу в Госиздате вели только Мещеряков и Шмидт. Остальные бывали только на заседаниях коллегии. В январе дело еще ухудшилось, так как часть членов Коллегии получила отпуск, а часть уехала в командировки в провинцию. Это отсутствие работающих сил тяжело отзывается на работе. Для успешности ее необходимо привлечение к руководящей работе Госиздата, по крайней мере, двух товарищей, которые отдавали бы ему если и не все, то значительную часть своего времени [1]).

---

[1]) Статья была уже написана, когда в Центральную Редакционную Коллегию были введены Наркомпросом новые члены взамен выбывших. Взамен уехавшего т. Гусева введен т. Полонский, а взамен т. Махарадзе—т. Воронский. Он же на время отпуска т. Скворцова назначен заместителем председателя Центральной Редакционной Коллегии. Но и вновь введенные въ Редакционную Коллегию товарищи работают и в других местах, а потому не будут отдавать Госиздату всего своего времени.

Новая экономическая политика вызвала к жизни проявление частной инициативы в издательском деле в виде нарождения ряда частных издательств. В период диктатуры пролетариата Советская власть не могла, конечно, оставить эти частные издательства без своего контроля, чтобы не дать возможности врагам революции использовать эти издательства в контр-революционных целях. С этой целью при Центральной Редакционной Коллегии был организован так называемый «политический отдел», во главе которого должен стоять один из членов Редакционной Коллегии. Такой же политический отдел организован при Петербургском отделении Госиздата. В настоящее время ведется работа по организации ряда таких же отделов в крупных провинциальных центрах. Все эти политические отделы должны работать под наблюдением и по директивам московского центрального политического отдела.

Для регулирования работы частных издательств был издан следующий декрет:

I. Частные издательства действуют на основании нижеследующих правил:

2. Для возникновения издательства требуется разрешение Государственного Издательства или соответствующего местного органа, которое немедленно сообщается Главному Управлению Госиздата на утверждение.

3. Издательства могут иметь собственные типографии, конторы, редакторские и проч. кабинеты, склады, магазины и т. д., а также арендовать таковые у правительства и частных владельцев с соблюдением установленных на этот предмет правил. Приобретение или аренда типографии может осуществиться лишь с разрешения президиума В.С.Н.Х. и согласия Государственного Издательства и Ц.К. печатников (постановление СТО от 28 XII—1921 г.)

4. Издательствам предоставляется заготовлять за границей книги, картины и другие произведения печати и ввозить их в Россию, с соблюдением действующих узаконений и правил о ввозе товаров из-за границы и с разрешения в каждом случае Государственного Издательства.

5. Издательствам принадлежит право свободно сбывать по вольной цене произведения печати, изданные на собственные их средства без субсидий со стороны Государства. Госиздат и его органы на местах имеют право преимущественной покупки всего издания или части его по ценам, установленным по соглашению, но не свыше оптовой цены.

6. Кооперативные издательства образуются в форме кооперативных товариществ авторов или в смешанном составе писателей, ученых, художников с тружениками печатного и книжного дела.

7. Все существующие частные издательства подлежат перерегистрации согласно ст. 2 сего постановления.

8. Выдача разрешений на возникновение издательства и на печатание рукописей (ст. 9) возлагается на Государственное Издательство и его отделения на местах, а где их нет—на Губполитпросветы, согласно особой инструкции Наркомпроса.

9. Каждая отдельная рукопись до сдачи ее в набор должна быть разрешена к печати органом, указанным в ст. 8, о чем должно быть отмечено на каждой напечатанной книге. Решения местных органов могут быть обжалованы в Редакционную Коллегию Госиздата.

10. Книги, изданные без надлежащего разрешения, конфискуются и поступают в распоряжение Госиздата, а издатели их привлекаются к судебной ответственности.

11. При представлении рукописи в органы, указанные в ст. 8, последними взимается сбор в размере одного довоенного рубля с печатного листа (40.000 типографских знаков).

12. По отпечатании издания 1%, но не менее 10 экземпляров, представляется бесплатно в орган, выдавший разрешение; половина этого количества немедленно пересылается местным органом в Госиздат.

Примечание. Упомянутые в ст. 12 экземпляры представляются независимо от экземпляров, посылаемых в Книжные Палаты для библиографических целей, согласно постановления С.Н.К. о передаче библиографического дела в Р.С.Ф.С.Р. Государственному Издательству (Собр. узакон, 1920 г. № 65, ст. 289) и инструкции Наркомпроса по применению означенного постановления.

13. Издание учебной литературы регулируется постановлением С.Н.К. от 16 августа 1921 г. (Собр. узаконений, № 61, ст. 430).

В общем Коллегия Государственного Издательства не хочет видеть в частных издательствах своего врага или конкурента. Наоборот, она видит в работе частных издательств очень полезное добавление к своей работе и с удовольствием уступит этим издательствам ту часть работы, которая в настоящее время менее интересует Советскую власть, или с которой Госиздату трудно одному справиться, чтобы удовлетворить потребности целиком. Сюда относится, например, беллетристика и литература по искусству, детские книги, техническая, агрономическая, медицинская и т. п. литература.

К сожалению, действительность пока не оправдывает ожиданий. За исключением некоторых, немногих частных издательств большинство их представляет крайне несерьезные, эфемерные или даже спекулянтские предприятия. Издаются большею частью тоненькие книжки стихов, такие же тоненькие книжки по искусству, наскоро и как попало состряпанная макулатура якобы популярно научного содержания и т. п. Была большая тяга к изданию театральных журналов бульварного характера. Есть стремление к изданию ряда литературных журналов, но вряд ли и они будут иметь серьезный характер.

Возвращаясь к работе самого Государственного Издательства, нужно заметить, что главные усилия его будут в ближайшее время направлены на обслуживание нужд Наркомпроса (я уже сказал, что обслуживание в литературном отношении других ведомств ляжет в значительной степени на их собственные редакционно-издательские аппараты), а в

частности на издание учебников, в которых школы разных типов ощущают громадную нужду.

В заключение следует указать на успешные результаты, которые дала работа в организации ряда журналов. Сюда, кроме «Печати и Революции», надо отнести «Красную Новь», издаваемую Главполитпросветом и Госиздатом, редактируемый «Истпартом» журнал «Пролетарская Революция» и журнал «Красный Архив», первая книга которого должна выйти в свет одновременно с настоящей книгой нашего журнала. Издание всех этих журналов на будущее время нужно считать поставленным прочно.

О РОССИЙСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЕ.

Н. Яницкий.

Задачей Российской Центральной Книжной Палаты, существующей с 1917 года, является собирание, регистрация и распределение всего печатного материала Р. С. Ф. С. Р. В идеале Палата должна собрать все, выходящее из-под печатного станка (книги, брошюры, журналы, газеты, плакаты, листовки, ноты и т. д.).

Получая требуемое количество экземпляров (теперь 25) и оставляя 1 экземпляр для себя (Архив Палаты), остальные 24, она распространяет по библиотекам Р. С. Ф. С. Р.

Печатное произведение, хранящееся в Палате, регистрируется и проходит через библиографическое описание — для него составляется карточка с подробными библиографическими данными (автор, заглавие, год издания, место, размер, тираж и т. п.); далее печатное произведение получает индекс по международной десятичной системе. Все эти карточки, библиографически описывающие печатный материал, прошедший через Палату, сдаются периодически в печать; таким путем составляется библиографический журнал «Книжная Летопись», где интересующийся выходящей в России литературой найдет необходимую справку.

Таким образом, Палата ставит себе следующие задачи: 1) получать и распределять по государственным книгохранилищам весь печатный материал России, 2) хранить в качестве образца 1 экземпляр всех произведений печати в своем Архиве, 3) регистрируя весь этот материал, заносить его на страницы журнала.

Задача очень ответственная. Невыполнение ее тяжело отражается прежде всего на читателе, затем—на научной работе русских библиографов. Неполучение Палатой какой-либо книги, газеты и т. п. влечет за собой потерю этого экземпляра для всех государственных книгохранилищ (Румянцевского музея, Петроградской Публичной Библиотеки, Академии Наук, Социалистической Академии и др.). Малейший перерыв или тормоз в работе Палаты—и приток книг в государственные книгохранилища

ослабевают; многие книги теряются навсегда — ведь наши крупные библиотеки не приобретают книг, но питаются пополнением путем присылки обязательных экземпляров. Читатель Румянцевского музея, вероятно, не раз недоумевал по поводу отсутствия в хранилище той или иной книги, не представляющей библиографической редкости; дело же объясняется просто: Книжная Палата (или отдел при Главном Управлении по Делам Печати до 1917 года), очевидно, не была в силах выкачивать из книжного рынка все, что ей полагалось.

Другая задача — помощь работе библиографов—не менее, если не более, ответственна, так как библиографирование необходимо предполагает государственный масштаб.

Таков в общих чертах план деятельности учреждения, именуемого Книжной Палатой. Постараемся наметить, хотя бы бегло, действительную картину работы и предполагаемые исправления ее механизма.

Прежде всего надо откровенно признать, что Палата в настоящий момент не справляется с своими функциями. Однако, это не ее вина. Ослабляет Палату и понижает темп ее деятельности вся окружающая обстановка. Необходимо поставить Палату в такие условия, которые обеспечивали бы правильное ее функционирование. Этого требуют интересы, хотя бы тех сотен тысяч читателей настоящего и будущего, переполняющих читальные залы государственных книгохранилищ. Без правильно налаженного аппарата, ведающего получением и рассылкой обязательных экземпляров, нет полноты книжных хранилищ. Как идет дело в настоящее время? Незачем скрывать — неудовлетворительно. Лучше пусть будет известно, что дело не слажено, что опасность исчезновения книг для читателей не только грозит объявиться в будущем, но имеется и сейчас. Надо что-то сделать, чтобы книга была в наших руках.

Для иллюстрации положения, в котором находится сейчас Палата, приведем цифровые данные [1]).

Прошло через регистрацию (до 1917 г. Главного Управления по Дела Печати, с 1917 г. Книжной Палаты) названий:

Годы:	Непериодическая печать.	Периодическая печать.
1908	23.852	2.028
1909	26.638	2.173
1910	29.057	2.391
1911	32.361	2.543
1912	34.630	2.787
1913	34.006	2.915
1914	32.338	3.111
1915	26.044	2.267
1916	18.174	2.491

[1]) Составлены заведующим Информационным Отделом Рос. Центр. Книжн. Палаты А. А. Боровским.

Годы.	Непериодическая печать.	Периодическая печать.
1917	13.144	3.596
1918	5.326 (из них книг 3.050, остальные листы, воззвания и т. п.).	1.671
1919 [1]).	7.268 (из них книг 3.138)	1.061
1920 [2]).	4.868 (из них книг 2.165)	?
1921 [3]).	18.459 (из них книг 5.030)	891

Сопоставление цифр должно произвести удручающее впечатление. Необходимо принять возможно скорее меры, чтобы Книжная Палата (а следовательно, главные книгохранилища России) получала минимум 80% всего печатного материала России. Читатель должен иметь полностью литературу сегодняшнего дня,—хотя бы потому, что эпохи исторического мирового значения не так часты. Нельзя полагаться на формальное выполнение требований декрета об обязательной регистрации всего печатного материала через Книжную Палату (декрет Совнаркома Р. С. Ф. С. Р. от 30 июня 1920 г. и Постановления Наркомпроса от 3 августа 1920 г.). Необходимо действительно наладить получение печатного материала и распределение по книгохранилищам.

Что же предстоит сделать? Чего прежде всего должна коснуться реорганизация дела доставки обязательных экземпляров?

В первую очередь необходимо *установить действительный суровый контроль*, чтобы ни одна книга, появившаяся на рынке, не отсутствовала в Книжной Палате. Надо действительно налагать взыскания за недоставление обязательных экземпляров. Теперешнее положение Палаты совершенно нетерпимо: Палата фактически получает лишь тот материал, который по доброй воле идет в ее руки; следить же за остальным не имеет возможности. Надо дать в руки Палаты оружие для борьбы с небрежностью издательств и типографий, а иногда с прямым уклонением от декрета.

Палате необходим контролирующий орган, который, отмечая появление того или иного печатного произведения на рынке, немедленно наводил бы справку, поступило ли оно в Палату. Надо установить, как неизменное правило, что *печатный материал должен отсылаться в Палату до его выхода в свет*, что наличие на рынке и отсутствие его в

---

[1]) Книги—по данным за первые 8 месяцев 1919 г.; периодическая печать—по данным работы Трутовского: «Газеты Советской России». Данные 1918—19 г. далеки от истины; правильная регистрация новых изданий началась с конца 1920 г.

[2]) Непериодическая печать—по данным за пять последних месяцев 1920 г.; для указаний цифры названий периодической печати за этот год не было источников.

[3]) По данным за 11 первых месяцев 1921 г. (непериод. печать). О периодической печати на 1 декабря 1921 г. не было сведений из четырех губерний Центральной России и Закавказья.

Палате уже означает ответственность типографий, не доставивших данный экземпляр в Палату.

Главная трагедия Палаты в том, что связь ее с местами очень слаба. Если контроль в столицах возможно наладить сравнительно легко, то контроль над поступлением провинциальных изданий установить во много раз труднее. Действовать через местные отделы печати, отделения Госиздата и т. п.? Но приезжающие с мест рисуют яркую картину того, что соответствующие органы далеки от деятельности Книжной Палаты, сплошь и рядом не понимают ее и чужды ей по духу. Ясно, что *необходимо наладить связь с местами более действительную* — на местах надо подыскать подходящие библиографические силы, которые душой были бы преданы этому делу. Лучше иметь одного энтузиаста-библиографа на четыре—пять провинциальных губерний, чем целый штат из 5—10 человек соответственных органов на 1 губернию, но штат далекий от энтузиазма. За примерами ходить недалеко. Кавказ дает Палате очень мало; в то же время местными библиографическими силами проведена громадная работа по библиографированию всего печатного материала последних лет. *Агентуры на местах из местных квалифицированных работников* — второе, что необходимо Палате (подъ первым разумеется строгий контроль и фактическая ответственность). Агентуры не нужны в большом числе, но необходимы хотя бы в крупных областных центрах (напр., Петроград, Казань, Ростов-на-Дону, Томск, Минск и т. п.).

Третья мера — *распространить обязательную присылку на всю территорию Р. С. Ф. С. Р.* Если не сделать этого, Палата будет иметь лишь обрывки печатного материала. Некоторые автономные республики вовсе не присылают обязательных экземпляров, другие высылают случайно, считая это для себя необязательным. Между тем при изменении списков своих адресатов (т.-е. учреждений, которым высылаются обязательные экземпляры) Палата приняла во внимание именно эту сторону дела — разверстать обязательные экземпляры и снабдить ими республики, федерирующиеся с Российской.

С Украиной необходимо теперь же заключить и фактически провести в жизнь договор об обязательных экземплярах, так как Украина почти вовсе не присылает своего материала.

Наконец, последняя мера, предлагаемая Палатой — четвертая по счету — *изменить порядок представления материала:* ввести получение его непосредственно от типографий, прекративши получение через местные органы. Книги теряются на промежуточных инстанциях; это — во-первых. Во-вторых, у типографий надо отнять отговорку, что книга послана, но утеряна в губернской инстанции. Имея дело непосредственно с производителем, Палата легче сможет установить правильность получения экземпляров.

Вот все, что удалось в беглой заметке сообщить о Р. Ц. Кн. Палате, ее работе и планах реорганизации. Помощь требуется неотложная и скорая со стороны всех учреждений, заинтересованных в росте умственных сил страны. Палату часто обвиняют в том, что она не справляется

с заданиями, поставленными ей. Последнее Палата откровенно признает. Но, отводя от себя вину указанием на недостатки своего механизма, она ждет проведения в жизнь намечаемого ею плана реорганизации ее деятельности: усиление контроля в центре и на местах, учреждение сети провинциальных представительств, усиление ответственности за неприсылку обязательных экземпляров и ряд других. Только добившись осуществления этих планов, Книжная Палата сможет стать государственным учреждением, именуемым «Российским» и «Центральным».

БИБЛИОГРАФИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ.

Проф. Б. М. Городецкий.

Русская библиографическая литература по местным вопросам по своему объему очень не велика. Тяготение к регистрации местных произведений печати наблюдается в России уже с 60-х годов прошлого столетия, но долгое время ею занимались лишь отдельные лица, в большинстве случаев местные провинциальные деятели. Свои, чисто «любительские», работы они вели без определенного плана, бессистемно, составляя преимущественно списки статей, печатавшихся в местной прессе. Временами кое-где такие списки, разнесенные по принципам тогдашней каталожной системы, появлялись на столбцах «неофициальной части» местных губернских «ведомостей».

С конца 80-х годов XIX столетия регистрация литературы по местным вопросам начинает приобретать уже более организованный характер, входить в наиболее правильное русло. В этом отношении видную роль суждено было сыграть Ученым Архивным Комиссиям, Статистическим Комитетам и тем немногочисленным Обществам изучения местного края, которые стали появляться по многим уголкам России только с середины 90-х годов. Но и такие библиографические работы сплошь и рядом носили характер дилетантизма и кустарности. Это не были указатели, исчерпывающие краеведную литературу во всей ее совокупности и полноте. В подборе материала наблюдалась случайность его, отрывочность. С точки зрения библиографической техники, этот материал также в большинстве случаев не выдерживал критики.

Все подобные библиографические работы можно разделить на 3 группы.

К первой группе должны быть отнесены *указатели к местным периодическим изданиям*, преимущественно к губернским и епархиальным «ведомостям». Составление таких указателей постепенно наладилось почти во всех губерниях, и к 900-м годам мы имеем их почти ко всем губернским официозам и к некоторым частным изданиям. Эти сухие, иногда бессистемно напечатанные, списки статей имеют все же огромное значение в

деле краеведения, так как дают возможность отыскать разбросанный по столбцам старых газет и журналов ценный материал по местным вопросам. Я, конечно, имею в виду не все наши официозы, а такие из них, которые приобрели уже давным-давно репутацию «порядочных» (а иногда и «прогрессивных») газет и содержат в себе действительно массу серьезных и важных сведений по различным сторонам краеведения, преимущественно же по истории, этнографии, фольклору и сельскому хозяйству. К таким изданиям относятся «губернские ведомости»: саратовские, владимирские, воронежские, нижегородские, кубанские, ставропольские и др.

Вторую группу составляют *указатели литературы, приуроченной к определенной территории*. Их имеется несколько разновидностей:

а) указатели *периодические* (по-годные); как пример таких перечней, можно отметить «Библиографические указатели литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю» (составлены очень тщательно и напечатаны в «Известиях Общества изучения Олонецкой губернии» 1913 г.) и «Библиографические обзоры литературы по Северному Кавказу» (в «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области»).

б) указатели *по отдельным отраслям краеведения* (истории, геологии, этнографии, фольклору, кустарной промышленности и т. п.); наиболее типичными из таких указателей являются: ряд «списков книг и брошюр» по истории Владимирской губернии (в «Трудах Влад. Ученой Арх. Комиссии»), «Историческая литература о Ростове-на-Дону. Опыт библиографии местной истории» М. Б. Краснянского (в «Записках Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы»), «Опыт библиографического указателя литературы о кустарной промышленности Владимирской губернии» А. В. Смирнова, и проч.;

в) указатели *общей местной литературы*; во главе таких указателей нужно поставить: «Сибирскую библиографию» известного библиографа Межова, доведенную до 1890 года, «Библиографию Владимирской губернии» И. Ф. Масанова (1905 г.), «Библиографический указатель литературы по Кубанской области» Е. Д. Фелицына (90-ые годы), «Библиографию Кубанского края» Б. М. Городецкого (1918—20 г.), «Указатель сочинений о Черноморском побережьи Кавказа» Н. И. Воробьева (1915 г.), «Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе» Д. Д. Пагирева (Тифл., 1913 г.), «Указатель литературы по Костромскому краю» и др.

В третью группу входят *словари местных деятелей*. Они начали появляться в провинции вскоре после выхода в свет первых выпусков известного «Критико-библиографического словаря» проф. С. А. Венгерова и составлялись в большинстве случаев по тому же плану, но только местными силами. Кроме биографических очерков ученых и писателей, в таких словарях помещались подробные списки их трудов. Наиболее удачными, по полноте материала, являются: несколько выпусков сборника «Уроженцы и деятели Владимирской губернии», составленного А. В. Смирновым, материалы для био-библиографического словаря, собранные С. Д. Соколовым и напечатанные в «Трудах Саратов. Арх. Комиссии» под заголовком «Саратовцы—писатели и ученые», ряд очерков, появив-

шихся в «Кубанском сборнике» под общей рубрикой «Северо-Кавказские литературные и общественные деятели», «Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губ.» И. Ф. Павловского, и др. Центр тяжести в таких словарях для каждого краеведа заключается, конечно, в списках той литературы по местным вопросам, которыми сопровождаются биографии всех местных деятелей, упоминаемых в словарях.

В таком виде, в общих чертах, представлялись провинциальные библиографические работы по местным вопросам в дореволюционный период.

Революция внесла в библиографическое дело большое оживление, и новый строй отвел почетное место библиографии, придав ей характер государственный. Одной из забот правительства свободного государства стало не только раскрепощение учреждений, обслуживающих науку и служащих делу печати, но и создание особо благоприятных условий, при которых можно было бы людям науки, книги, печати вообще учесть свои накопленные книжные богатства, разобраться в них, но уже без оглядки и утайки, и в то же время создать базу для всестороннего наблюдения и изучения «рек книжных словес», широко бегущих по лицу русской земли. Задачи широки и многообразны. Прежде всего должно было регистрировать и опубликовывать все, что только выходит из-под печатного станка, начиная с книги, газеты, гравюры, кончая летучкой и открыткой; должно было не только зарегистрировать, но и научно обрабатывать весь печатный материал, извлекая его из моря печати,—не только из книг, но и из журналов, даже из газет; извлекать, группировать, систематизировать по отделам знания, важнейшим вопросам и т. п. рубрикам и, наконец, опубликовывать во всеобщее сведение.

Такие библиографические проблемы были признаны правительством новой России имеющими государственное значение и для решения их была учреждена государственная *Российская Книжная Палата* с состоящим при ней отделом регистрации и Русским Библиографическим Институтом [1]), а *30 июня 1920 г.* Совнаркомом было издано особое *постановление* о передаче библиографическаго дела в Р. С. Ф. С. Р. Наркомпросу. Этим постановлением предусматривается открытие библиографических институтов и курсов, организация библиографических библиотек, издание книг и журналов по вопросам библиографии, регулирование и согласование деятельности всех библиографических учреждений и обществ и пр. Немного позже (3 августа 1920 г.) функции по регистрации произведений текущей печати были переданы вновь образованной при Госиздате *Центральной Книжной Палате* (и ее отделениям), а Российская Книжная Палата была переименована в *Петроградский Институт Книговедения*, где сосредоточилась научно-теоретическая работа по библиографии.

Новые правительственные веяния чрезвычайно окрылили местных провинциальных библиографов и те научные ячейки (исследовательские институты, общества краеведения и т. п.), где библиографические работы на-

[1]) «Библ. Изв.» 1917, № 1—2, стр. 7—8.

ходились лишь в зародыше (я не говорю о старейших библиографических обществах при Одесском университете и при Ярославском лицее, давно уже зарекомендовавших себя своими трудами). В течение очень короткого срока в некоторых провинциях были организованы вполне стройно научные библиографические аппараты. В этом отношении наиболее выпукло вырисовались две наших окраины—Сибирь и Северный Кавказ: в Томске при Институте исследования Сибири было создано особое библиографическое бюро, задавшееся целью составить Сибирскую библиографию за послемежовский период, т.-е. с 1891 г. по настоящее время; это бюро насчитывает уже до 25 тыс. библиографических карточек, часть которых подготовляется к печати в виде двух огромных монографий: 1) «Сибирь в русских исторических журналах 1901 — 17 гг.» и 2) «Сибирь в общей русской журналистике 1901 — 17 гг.»; в Краснодаре (Екатеринодаре) при Совете обследования и изучения Кубанского края была учреждена Библиографическая Секция, собравшая библиографическую картотеку до 30 тыс. записей и напечатавшая четыре выпуска «Библиографии Кубанского края», с рецензиями о каждом зарегистрированном в ней печатном труде; в Краснодаре же был организован Институт Книговедения, преобразованный из отделения Российской Книжной Палаты. Я не собираюсь делать подробного перечня всех тех библиографических ячеек, которые создались на местах под влиянием постановления Совнаркома от 30 июня. Я отмечаю лишь наиболее выпуклые из них с целью подчеркнуть провинциальные достижения библиографической мысли в революционный период.

Следует еще добавить, что обилие народившейся с первых же дней государственного переворота революционной литературы, преимущественно брошюрной и листовочной, заставило провинцию приняться за библиографицирование скопляющегося материала, так как для всех стала ясна настоятельная потребность во-время ввести это море в библиографические берега. Во многих провинциях образовались особые бюро как для информации ad hoc, так равно и для ведения научно-библиографических работ по регистрации литературы текущего момента [1]). Особенно удачны в этом отношении оказались работы окраин.

К сожалению, подъем или даже, я сказал бы, энтузиазм, проявляемый провинцией к библиографии с 1918 г., к настоящему моменту значительно опадает, и провинция из оптимистической постепенно превращается в пессимистическую. Причины такой перемены кроются прежде всего в оторванности провинции от центра, в отсутствии естественной связи с высшим библиографическим центром Республики и в неимении средств. Крайне целесообразное постановление Совнаркома от 30 июня о централизации библиографического дела, стремившееся, очевидно, к планомерному проведению своей идеи в жизнь на местах, в действительности в провинции свелось к нулю. И в этом вина не провинциальных библиографов. Вполне объективно следует отметить, что значительнейшее количество местных библиографических работ выполнялось всегда и выполнено

[1]) «Библ. Изв.» 1917, № 1—2, стр. 29—30.

в революционный период, в момент полного расстройства правительственного библиографического аппарата, совершенно безвозмездно, без всякой оплаты гонорара. В этом отношении библиографы, как отметил однажды уже Б. С. Боднарский, выполнив долг своей научной совести, оказали существенную услугу своему государству.

Постановление от 30 июня недостаточно было детализировано и, вследствие этого, дало возможность различно трактовать его местным Губнаробразам, Губполитпросветам и другим организациям. В некоторых городах, где в 1917—19 гг. довольно правильно функционировали библиографические аппараты, в 1920 г. таковые были закрыты, а вновь организованные там же «библиотечно-библиографические» подотделы Губполитпросветов, «отделения» Центропечати или не сумели ровно ничего сделать, или создали такой параллелизм в работе, что от него также ничего доброго ожидать нельзя. Другим тормозом в провинциальной работе является полное отсутствие средств, твердо забронированных за организациями, ведущими библиографические работы. Из-за неимения средств закрылось Библиографическое Бюро Исследовательского Института Сибири в Томске, чахнет Северо-Кавказский Институт Книговедения, погибает Библиографическая Секция Совета обследования и изучения Кубанского Края. Это случаи, мне лично известные, но, вероятно, положение не лучше и в других местах Р. С. Ф. С. Р.

Такое расшатанное состояние библиографического дела на местах наводит на очень грустное размышление и безусловно отрицательно отражается на разрешении краеведных вопросов, ибо библиография в них играет далеко не последнюю роль.

К какой бы мы ни приступили работе—научной или практической, надо прежде всего ознакомиться с тем, что сделано раньше по интересующему нас вопросу. Отсюда значение библиографии, как указателя пути к отысканию всех необходимых обоснований, отсюда старинное определение библиографии, как ключа ко всем наукам, открывающего входы в сокровищницу знания. Но если уже в прошедшие века, когда появление каждой книги было своего рода событием, библиография была ключом всякого знания, то что говорить об ее значении теперь, когда хлынул настоящий поток книг и периодических изданий, исчисляемых десятками и сотнями тысяч.

Огромное значение библиографии при современном колоссальном развитии печатного слова давно сознано на Западе, где о библиографии заботятся и научные учреждения, и могущественные книгопродавческие организации. Значение библиографии не только научно-теоретическое, но и чисто практическое. Так же, как ни один вопрос государственной и общественной жизни не может быть решен без статистики, он не может быть решен и без библиографических указаний на литературу предмета. В последние годы самым ярким признанием не только научного, но и государственного значения библиографии может служить создание в Брюсселе на средства государств Международного Библиографического Института, за короткое время собравшего много миллио-

нов библиографических записей по всем отраслям и знания, и практической жизни [1]).

Библиография местного края—точнее топобиблиография—имеет значение в деле краеведения по преимуществу практическое, почему ей в общей библиографической классификации и отводится место в специальной библиография. В международной десятичной классификации топобиблиография значится под индексом 0,16 (3/9).

Основной задачей местных библиографических аппаратов должна являться *полная и своевременная регистрация* всего печатного материала о данной территории, как вышедшего и выходящего в свет в пределах этой территории, так и вне ее. Регистрации подлежат не только отдельно выпущенные издания, но и статьи в периодических изданиях. В целях более удобного выполнения задачи, составление местной библиографии должно быть разделено на три очереди:

а) в первую очередь описываются книги, брошюры, сборники и отдельно изданные карты, планы, рисунки и т. п., относящиеся до данной территории, без различия, где бы они ни были выпущены в свет;

б) во вторую очередь—местные журналы, периодические органы местных ученых учреждений и организаций и произведения, помещенные в русских и иностранных периодических органах;

в) в третью очередь—местные газеты, произведения, помещенные во всех местных и главнейших столичных и иностранных газетах.

Вторая задача местных библиографических организаций заключается в детальной систематизации всего собранного материала, относящегося к данной территории и, что крайне ответственно, в реферировании всякого зарегистрированного произведения; при этом желательно, чтобы систематизация материалов производилась по международной десятичной системе, а реферирование—при помощи специалистов (геологов, биологов, экономистов и т. п.).

Окончательным аккордом такой работы должен быть полный список всего печатного материала по данной территории с начала книгопечатания до наших дней.

Второстепенные местные библиографические задачи состоят в составлении словарей местных деятелей в области науки, литературы, политики и общественности; в регистрации всех печатных произведений (книг, брошюр, листовок, плакатов и проч.), выпущенных в данной местности без отношения к их содержанию; в составлении, на основании этих данных, периодических обзоров о состоянии печатного дела в данном районе и вообще в собирании материалов, могущих освещать все стороны местного типографско-издательского дела.

Выполнение такого плана возможно лишь при условии установления теснейшего контакта местных библиографических аппаратов с организациями и учреждениями, специально посвятившими себя библиографии, и, в частности, с высшим центральным библиографическим органом

[1]) «Библ. Изв.» 1917 г. № 1—2, стр. 5—6.

Р. С. Ф. С. Р., а также при условии забронирования особых сумм на эти библиографические работы. Только при таких условиях можно рассчитывать, что провинциальная библиография станет на должную высоту.

Местные деятели сделали свое дело—в величайший период русской истории они выявили свою энергию и стремление к работе. Теперь остановка за центром, который обязан поддержать провинцию не только словом, но и делом.

И это сделать необходимо во имя того значения, какое имеет библиография в деле краеведения.

РОССИЙСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

Проф. Б. Боднарский.

Вполне справедлива аллегория, рисующая библиографию в виде «ключа знаний», так как библиография не только указывает пути, по которым шло человечество при создании интеллектуальных ценностей, но в то же время способствует и дальнейшему их росту, вскрывая мало освещенные сферы науки, и являясь, таким образом, двигателем научного прогресса.

Высказанные суждения находят себе подтверждение в культурной истории всех времен и народов. Перенесемся ли мыслью к временам библиографа древней Греции Каллимаха, или к эпохе французских энциклопедистов, или, наконец, к трудам современного нам философа натуралиста Оствальда,—всюду мы встретим симбиоз библиографии и науки.

Передовые слои русского общества с давних пор отчетливо сознавали крупное значение библиографии, с давних пор ими предпринимались усилия демократизировать идеи библиографии... И тем с большей горечью приходится констатировать крайне низкий уровень библиографии в России.

В самом деле, тогда как на Западе имеются многочисленные и исчерпывающие библиографические труды по самым разнообразным отраслям жизни и знания, тогда как наука библиографии культивируется в школах и даже возглавлена специальным Международным Библиографическим Институтом, — у нас не только не библиографированы многие наиболее важные научные сферы, мы не имеем даже общего свода нашей книжной производительности, а об изучении и преподавании библиографии до последнего времени мы не смели и мечтать.

Естественно, что после раскрепощения русской жизни одним из лозунгов дня наших культурных деятелей были библиографические desiderata и прежде всего—создание своего рода библиографической академии.

Ход событий способствовал реализации названной идеи, но он же и внес свои «коррективы», едва не погубившие всего дела.

С упразднением Главного Управления по делам печати не стало органа, тормозящего печать, но вместе с тем не стало и безусловно необходимого государственного аппарата по регистрации произведений печати. Было решено возродить подобный аппарат. Он и возродился под именем «Российской Книжной Палаты», и ему-то была отдана библиографическая наука.

Такой дуализм, как вскоре стало очевидным, имел своим последствием то, что ни регистрационные функции, ни научные не могли быть выполняемы нормально: регистрация потеряла смысл, отставая от жизни на целый год (!!), библиографическая наука выявлялась лишь в проектах, осуществление которых откладывалось ad calendas graecas.

Дело закончилось тем, с чего должно было быть начатым: за Книжной Палатой пришлось сохранить лишь функции органа государственной регистрации, для осуществления же функций научно-теоретических с конца минувшего года создана особая государственная ученая ассоциация—Российский Библиографический Институт.

Так осуществилась заветная мечта русских ученых библиографов.

Российский Библиографический Институт призван культивировать исключительно науку библиографии, понимаемую в широком смысле этого слова, т.-е. собственно библиографию, библиотекономию и книжное дело. В виду этого главнейшим отделом Института является Отдел Теоретический, на котором и лежит обязанность разработки научных норм во всех названных областях библиографии.

Параллельно с ним поставлен Информационный Отдел, задача которого, как показывает его наименование, давать библиографические справки и указания всем нуждающимся в них. При Информационном Отделе организуется так наз. Библиографический Репертуар (картотека), т.-е. каталог всех вышедших и выходящих в России изданий,—как бы адресный стол русской книги.

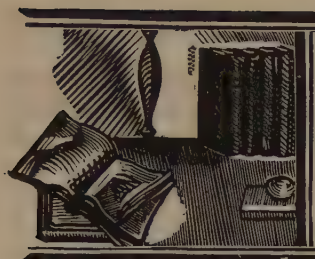
Для того же, чтобы обе задачи (по научным исследованиям и информации) могли быть успешно выполняемы, в Институт, кроме того, входят: Библиографическая Библиотека и показательный Музей Книги.

Наконец, в целях научной подготовки деятелей во всех областях книжного просвещения при Институте учреждаются специальные Высшие Библиографические Курсы.

В структуру Российского Библиографического Института вложена идея, чтобы все части Института, являясь вполне самостоятельными единицами в организационном отношении, в то же время составляли неделимое целое, давая друг другу материалы для отправления их жизненных функций. Так, теоретические исследования будут иметь пищу в Библиотеке, Музее Книги и Картотеке; информация будет вестись по принципам, вырабатываемым Теоретической частью, тесно связанной, как сказано выше, с Библиотекой и Музеем; Высшие же Библиографические Курсы будут базироваться на достижениях Теоретической части Института и иметь своей лабораторией Библиотеку и Музей.

Лишь такая организация, логически стройная и практически необходимая, позволит твердо надеяться на то, что дело российской библиографии будет, наконец, поставлено на должную высоту. Лишь с учреждением Библиографического Института появятся силы, которые сдвинут с мертвой точки работу по всестороннему библиографическому обследованию как накопившихся веками, так и вновь выходящих произведений печатного слова, помогут делу нормальной организации наших библиотек и приложат свои знания к усовершенствованию наших книгораспространительных аппаратов: книгоиздательств и книгопечатен.

P. S. Российский Библиографический Институт, имея свой центр в Москве, имеет в то же время и отделения на местах. Пока такими отделениями являются: в Петрограде Институт Книговедения и в Краснодаре Северо-Кавказский Институт.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Собрание сочинений. Т. III. Исторические работы. 1. К. Маркс. Борьба классов во Франции 1848—50 г. 2. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. 3. Ф. Энгельс. Революция и контр-революция в Германии. 4. К. Маркс. Перед судом присяжных. в Кельне. 5. Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов.—Государственное Издательство, 1921г. Стр. 519. Ц. 60.000 руб.

Маркс первый поставил изучение человеческого общества на прочную основу науки. Его теоретический подвиг—открытие метода диалектического материализма и применение этого метода к объяснению явлений человеческого общества—сделал в науке эпоху, точно так же, как и открытия Коперника или Дарвина. Не основываясь на работах Маркса, теперь нельзя серьезно говорить об общественной науке. И если буржуазные профессора попрежнему вращаются в кругу до-марксовских идей, то это свидетельствует только о жалком состоянии буржуазной науки. Для того, чтобы серьезно заниматься изучением человеческого общества, нужно Маркса знать и знать основательно.

Но произведения Маркса и Энгельса имеют не одно только чисто теоретическое значение. Одна из величайших заслуг Маркса состоит в том, что он первый, основываясь на своем историческом методе, открыл всемирно-историческую задачу пролетариата — создание коммунистического строя. Правильное теоретическое познание общества и его развития имеет поэтому громадное практическое значение. Его широкое распространение необходимо для того, чтобы рабочий класс смог выполнить стоящую перед ним задачу переустройства общества.

Пролетарская революция «даже не может начаться, пока не вытравлены суеверия прошлого» (Маркс и Энгельс Собр. соч., т. III, стр. 137), т.-е. всевозможные идеологические неверные представления.

Потому-то Маркс и Энгельс, выяснив для себя вполне свои теоретические взгляды, нисколько не намеревались сделать свои открытия достоянием только одного ученого мира, изложивши их в толстых книгах (См. ibid., стр. 412). Всем известна та роль, которую играли Маркс и Энгельс в международном пролетарском движении.

Понятно, что произведения Маркса и Энгельса принадлежат к таким, которые необходимо издавать и переиздавать, и поэтому надо приветствовать каждый выходящий в свет новый том собрания их сочинений.

Только что вышедший третий том содержит собрание исторических работ.

На первом месте помещена работа Маркса: «Классовая борьба во Франции 1848—50 г.г.», появившаяся впервые в 1850 г. в первых трех книгах журнала «Обозрение Новой Рейнской Газеты», который выходил в Гамбурге. Эта работа замечательна тем, что она была первой попыткой, с помощью материалистического метода объяснить отрывок современной истории данным экономическим положением. Кроме того, эта работа имела особое значение еще и потому, что в ней Маркс впервые дал формулу: экспроприация средств производства. Во второй главе, говоря о праве на труд, этой первой беспомощной формуле, в которой резюмируются революционные требования пролетариата, Маркс замечает:

«но за правом на труд стоит власть над капиталом, за властью над капиталом—*присвоение средств производства*, их подчинение ассоциированному рабочему классу, т.-е. уничтожение наемного труда, равно как и капитала и их взаимных отношений» (т. III, стр. 8).

Два года спустя после выхода в свет «Классовой борьбы» Маркс снова пересмотрел период, схваченный им в этой работе и разобрал последующий ход событий—декабрьский переворот Луи Бонапарта. В результате появилась его работа «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», напечатанная впервые в 1852 г. Она занимает второе место в третьем томе.

В одном из своих писем Энгельс, указывая на то, что изучать теорию Маркса лучше всего по оригинальным источникам, пишет: «Маркс не писал почти ничего, в чем бы эта теория не играла роли. В особенности великолепным образцом ее применения является «Восемнадцатое брюмера».

В начале работы Маркс дает блестящую краткую характеристику Великой французской революции, на изучении которой, как известно, и сложились его исторические взгляды. Интересно сопоставить эту наиболее отчетливую и ясную характеристику с более ранними взглядами Маркса на французскую революцию в «Критике гегелевской философии права» 1844 г. и в «Святом семействе» 1845 г.

Особенно интересна в «Восемнадцатое брюмера» гл. VII, где Маркс дает анализ бонапартизма и его социальной основы.

В связи с этим он подробнее определяет задачу пролетарской диктатуры в области политической. Изобразив развитие государственной власти (стр. 221), Маркс указывает, что все прежние перевороты только совершенствовали бюрократическую машину буржуазного государства, а интересы пролетариата требуют, чтобы эта государственная машина была сломана.

В той же VII главе Маркс дает подробную характеристику мелкого крестьянства (см. стр. 222—223).

Третье место в томе занимает «Революция и контр-революция в Германии»—работа, ранее приписывавшаяся Марксу. Теперь, с выходом в свет переписки Маркса и Энгельса, выяснилось, что эта работа написана Энгельсом. В предисловии к настоящему изданию указаны те места переписки, которые это доказывают. Работа эта — тоже мастерское произведение. Кроме освещения определенного периода (от 1840 до 1851 г.) истории Германии, в ней даются имеющие общее значение характеристики различных общественных классов и особенно подробно мелкой буржуазии — класса в Германии того времени наиболее многочисленного.

Эти три произведения перепечатываются с издания 1906 г.: К. Маркс. Собрание исторических работ в переводе И. И. Степанова.

Впервые появляется в свет перевод Дволайцкого «Кельнского процесса коммунистов», сделанный с нового немецкого издания 1914 г., снабженного очень интересным предисловием Меринга.

Предисловие Энгельса к этой брошюре Маркса и дополняющее его предисловие Меринга освещают раннюю историю коммунистической партии. Энгельс собирался подробнее изложить эту историю, но, к сожалению, не выполнил этого своего намерения, и его очерк остался всего лишь беглым наброском, тем не менее чрезвычайно богатым содержанием. См., например, яркие характеристики деятелей движения Шаппера, Бауэра, Молля (стр. 406—407), изображение хода развития взглядов самого Энгельса и Маркса (стр. 411) и т. д. Статья Меринга дополняет этот очерк весьма интересными подробностями. Меринг приводит, напр., текст мандата Молля, явившегося к Марксу и Энгельсу в январе 1847 г. от «Союза Справедливых» для переговоров о вступлении Маркса и Энгельса в союз; приводится устав союза коммунистов, обсуждавшийся на первом съезде союза коммунистов летом 1847 г. и многие другие интересные документы.

В самом конце приложен полный текст 17 требований Коммунистической партии, выпущенный весной 1848 г.

В заключение нельзя не выразить пожелания, чтобы Государственное Издательство выпустило скорее следующий том исторических работ Маркса («Гражданская война во Франции 1870 г.»—хо-

роший, полный перевод под ред. Н. Ленина вышел в 1905 г.) и, главным образом, Энгельса («Крестьянская война в Германии», «Кампания за Имперскую конституцию» (1849 г.) и др.).

Относительно внешности издания надо заметить, что перепечатка первых трех работ сохраняет, к сожалению, не только старую орфографию, но и полностью все опечатки старого издания: напр., король прусский Фридрих II и в новом издании, так же как и в старом, попрежнему остался Фридрихом III, жившим в XVII в.

В. Адоратский.

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. К новой культуре. Государственное Издательство. Петербург, 1921 г., 91 стр.

Тов. Керженцев прав, когда в предисловии к своей небольшой, но интересной книжке говорит, что «проблемы, которых приходится касаться в этой работе, чрезвычайно мало разработаны в марксистской литературе».

Он не ставит себе универсальной задачи—затронуть все вопросы и понятия коммунистической культуры в виде многообразного нового политического, хозяйственного и культурного строя, созидаемого пролетариатом. В своем этюде «К новой культуре» он останавливается только на духовной культуре в более узком смысле этого слова.

Книжка распадается на девять глав, из которых каждая имеет самостоятельную ценность. «Смена культур», «Буржуазное наследие», «Пути социалистической культуры», «Пролеткульты», «Методы нового творчества», «Пролетариат и наука», «Пролетариат и искусство», «Новый быт» и «Мировая революция и пролетарская культура» — таковы названия девяти глав книжки.

Темы все крайне интересные, и каждая из них в отдельности требует крупного произведения. Совершенно естественно поэтому, что многих вопросов приходится автору коснуться едва, мимоходом затронуть. Автор сам сознает это и в предисловии предупреждает, что ему в этой книжке часто «приходится скорее ставить вопросы, чем разрешать их».

Вследствие этого не все главы равноценны. Особенно интересны первые главы, где дается общая оценка буржуазной культуре, где дается диалектический подход к смене культур. Главы, касающиеся пролетарской культуры, несколько схематичны и не всегда достаточно убедительны. Зато прямо блестящи определения первых глав, трактующих марксистски неизбежность смены культуры буржуазной пролетарской культурой.

Наша эпоха—эпоха смены классов у власти. Эта смена, создавая новые политические отношения, перестраивает заново экономическую жизнь и делает иною культуру. «Смена классов есть в то же время смена культур».

Но в то время, как эта смена в прошлые эпохи проходила крайне неорганизованно и стихийно, в нашу эпоху пролетарской диктатуры, когда пролетариат имеет непреложные формулы Марксова «Коммунистического манифеста» и величайшие программные и организационные достижения своей Коммунистической партии, момент сознательности делает всю работу над новой культурой особенно значительной и продуктивной.

Массовый характер творцов новой пролетарской—коммунистической культуры является одним из отличительных моментов нашей революционной эпохи.

Буржуазная культура крайне индивидуалистична.

В основе пролетарской культуры лежит не личность, а коллектив. Товарищеское единение, организованность, дисциплина, разносторонность, равноценность, солидарность,—вот что в общем определяет характер пролетарской культуры.

Пролетарская культура является одновременно и социалистической: она пролетарская по своему носителю и социалистическая по содержанию.

«Только обладая полнотой политической власти, пролетариат может ставить перед собой широкие культурные задачи,—до того момента он лишь кустарничает» (стр. 26).

Условие строительства—политическая диктатура. Средство — широкая всесторонняя самодеятельность масс.

Управление государством, участие в экономическом строительстве, широкая работа в профсоюзах, в строительстве Красной армии, ликвидация безграмотности, густая сеть культурных внешкольных учреждений, — такова та общая обстановка, в которой вырабатывается новая культура.

Но самая исключительная роль в деле выработки новой культуры принадлежит безусловно Коммунистической партии: героизм, настойчивость, самопожертвование, революционный идеализм, субботники, добровольная дисциплина, коммунистическая агитация и пропаганда— вот благодаря чему Р. К. П. явилась исключительным фактором в деле выработки новой психологии, а следовательно, и новой культуры.

Пролеткульты в Советской России являются специальной организацией, задавшейся целью выработки пролетарской культуры.

Хотя вначале Пролеткульты и приходили в столкновение с органами Наркомпроса, но в дальнейшем, по мере развертывания международной революции, эти два рода деятельности должны будут все больше и больше совпадать и в конечном счете они сольются.

Пролеткультам удалось выявить творческие способности у ряда рабочих, имена многих из них стали популярными.

В работе Пролеткультов есть много дефектов (слабая связь с массами, замкнутость, недостаточная близость с работой культотделов, профсоюзов и т. д.

Но есть и много положительных сторон.

Студийность работы, коллективная разработка темы, открытая критика в самый момент творчества, не только «вдохновение», а органическая систематическая работа.

Культура пролетарская затрогивает не только область искусства, но и область быта. Вместе с новой культурой появляется новый быт.

Ломаются старые семейные традиции. Раскрепощается женщина. Освобождаются дети. Разбиваются филистерские перегородки. Появляются общественные отношения в воспитании, во внедомашней обстановке.

«Разрушается буржуазный индивидуализм со всем его тяготением к семейному очагу, к семейной замкнутости, к узкому эгоизму (стр. 84).

Одновременно и рядом с разрушением семьи новая культура разрушает и религию.

Появляется новая мораль, основанная на иных человеческих отношениях, на коллективной работе, независимости, свободе и вере в мощь человеческого гения.

Таково в основном содержание книжки тов. Керженцева.

Надо помнить, что она написана в 1920 году, когда о новой экономической политике не могло быть и речи. Теоретически все положения этюда «К новой культуре» правильны. Но вторая часть книжки сегодня является в некоторой степени абстракцией. Ибо сегодня анархическая, индивидуалистическая, мелкобуржуазная стихия прет из всех щелей.

Было бы полезно получить от автора «К новой культуре» ряд ответов на возникшие сегодня вопросы...

Книга полезна, как пособие для совпартшкол.

Бор. Волин.

Г. САФАРОВ. О научных основах коммунизма. Петербург. Гос. Изд. 1921 г. Стр. 112. Ц. 300 р.

Не правда ли, очень гордо звучит: «О научных основах коммунизма!»

Но уже после первой главы (а их целых восемь!) читателю ясно, что в этой книжке нет ни науки, ни основ, ни коммунизма, а есть лишь безнадежная путаница.

«Если умственная деятельность до сих пор была оторвана от производительной деятельности, — пишет автор, — и отражала общественные противоречия, то это было обусловлено *присвоением* (курсив. его. *В. В.*) всей массы производительных сил командующей верхушкой».

Что ни слово в этом отрывке, то нелепость. Спроси кто-нибудь у т. Сафарова, что значит «присвоить всю массу производительных сил» и как это осуществимо. Эта фраза с уст его сорвалась не случайно, на 29 стр. он без тени сомнения повторяет это почти дословно: «*Сознательная* (курс. его. *В. В.*) организация общества и его сознательное развитие

осуществимы только при условии *общественного* (курс. его. *В. В.*) присвоения производительных сил»...

Из многочисленных авторов, которых цитирует т. Сафаров, более всего не повезло Марксу и Энгельсу. Цитаты из их творений приводятся почти всегда невпопад. На стр. 22 приведены две больших цитаты из Энгельса, где он говорит о том, что «Развитие человеческого общества... началось с того момента, когда труд семьи стал создавать более продуктов, чем было необходимо для его поддержания», что разделение общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых явилось «необходимым следствием прежнего недостаточного развития производства»—и приходит к выводу, что *«закон разделения труда* образует основу классового разделения».

«Отсюда видно,—глубокомысленно умозаключает т. Сафаров,—что общественное развитие началось с разделения общества на классы, т.-е. с самого начала общественного развития сознательная организация *общества в целом* (курс. его. *В. В.*) сделалась невозможной».— Хуже понять Энгельса нельзя.

Вот еще один пример: приведя цитату из «Нищеты философии», которая заканчивается фразой: «Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая», автор продолжает: «но именно отсюда и вытекает неизбежность *общественного* (курс. его. *В. В.*) разделения труда, *пожизненного прикрепления определенных групп к определенным занятиям»*... Если что и вытекает из слов Маркса, так это как раз то, что никакое разделение труда не есть—в смысле людском — величина постоянная, что никакая группа *«пожизненно»* не может быть прикреплена к какому бы то ни было занятию, и что общественное разделение труда прямо и непосредственно зависит от условий развития средств производства и техники, т.-е. что в обществе, особенно внутри данного класса, происходит непрерывное, непрекращающееся движение и перегруппировка человеческого состава, сообразно с постоянным прогрессом техники.

Но т. Сафаров не хочет понять Маркса и Энгельса, он гораздо охотнее понимает М. Гюйо: цитаты, приведенные из его книги «Иррелигиозность будущего» занимают больше двух третей двух глав; охотно цитирует А. Бергсона, Маха и его учеников, недурно усваивает уроки из «Новых идей в социологии»,—так усердно, что почти вся книга испещрена цитатами отовсюду.

Такая неслыханная сумма цитат совершенно не переваренных, не обработанных, не проанализированных! Собранные вместе цитаты. В результате — брошюра представляет из себя сплошную чехарду цитат, где Маркс оказывается в дружбе и согласии с Кассиером, где Анри Бергсон дополняет Энгельса, а последний иллюстрирует Г. Маха, и т. д. и т. д.

Судя по тому, что Сафаров тщательно каждое иностранное слово объясняет (иногда до анекдотичности—стр. 33, 48, 65), книжка предназначена для массового читателя. Но без всякого преувеличения можно сказать, что, к счастию, ни один рабочий ничего не поймет в его безобразных и бесконечных периодах, в его туманной фразеологии; все его философские упражнения так непроницаемо забронированы, что иногда при всем добросовестном желании до сути дела не доберешься.

Книжка издана в 20.000 экземплярах.

В. Ваганян.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ.

Я. ЯКОВЛЕВ. Русский анархизм в Великой русской революции. Гос. Издат. Москва, 1921 г.

В краткой, сжатой, но популярной и живой брошюре автор характеризует русский анархизм в переживаемой нами революции. Если принять во внимание, что до 18 года русский анархизм почти ничем себя не проявил и даже не пытался осмыслить происшедших явлений, не выставил своей программы, не определил своей тактики, то брошюра т. Яковлева из попытки характеристики

анархизма в настоящее время превращается в начало истории русского анархизма с документами, резолюциями и воплощенным в действие «бакунинским» action directe, интересными не только для современников, но и для будущего историка.

«Русский анархизм» в одно и то же время и повесть о делах наших и злоключениях анархистских, и социологический очерк анархической мысли, рисующий все ее бессилие и неспособность хоть сколько-нибудь ориентироваться в происходящих классовых столкновениях. Идеологически это—творческая никчемность, практически и в действиях — сплошная контр-революция—подчас и нередко — рука об руку с чистейшей белогвардейщиной.

Не имея своих лозунгов и определенных программных целей в настоящей социальной драме, имеющей своим первым действием Россию, жалко плетясь за большевистскими лозунгами в начале революции, анархисты быстро костенеют в практических формах движения и начинают безгранично идеализировать партизанщину.

Нет ничего удивительного, что партизанский герой Махно скоро делается их излюбленным вождем движения, выразителем анархизма действием. Анархисты не только солидаризуются с ним, но санкционируют все его действия, идеализируют его и его армию и скоро становятся политическими и идеологическими вдохновителями и руководителями всей «махновщины».

На войне, как на войне. Имея свою партизанскую в несколько тысяч армию, анархисты не раз захватывают целые районы, крупные города и имеют таким образом возможность на деле проявить себя, свои принципы и методы и свое отношение к тем или другим классам общества.

Как вели себя анархисты в это время, как претворяли в жизнь свою теорию и программу, а главное, как относились к удовлетворению требований рабочего класса и как защищали интересы его—об этом читатель найдет в ряде фактов и сведений много интересного в рецензируемой книге. Общий вывод заключается в том, что анархизм твердо и недвусмысленно заявил себя и в политическом и в экономическом отношениях выразителем интересов не города, а деревни, не рабочих, а крестьян,—по преимуществу кулацкого, зажиточного крестьянства. В качестве идеологов деревенской мелкобуржуазной стихии анархисты попирали и окончательно дискредитировали не на словах, а на деле, и не на деле мелком, а в исторических действиях, те анархистские принципы, на которых зиждится учение Бакунина и Кропоткина.

Исторические действия... Надо хорошенько вдуматься в *исторический* смысл этих слов, сводящихся в данном случае к определенной, веками подтвержденной, опытом проверенной формуле: ошибки стоят партиям дороже, чем преступления.

Анархо-махновщина—это та анархо-ошибка, благодаря которой анархисты потеряли в глазах рабочего класса и то незначительное обаяние, которое они могли бы иметь, пользуясь демагогическими фразеологией и идеалом.

Анархо-махновщина окончательно погубила русских анархистов; она есть больше, чем преступление анархистов,—она их политическая ошибка.

В чем главная сущность и где главная причина этой ошибки? Сущность — в непонимании взаимоотношения рабочего класса и крестьянства вообще, а в России в частности; причина—в непонимании природы пролетарской диктатуры вообще, а в России при данных конкретных, исторических и международных условиях в частности, то-есть это та роковая Ахиллесова пята анархии, на которую указывал еще Маркс в своих спорах с Бакуниным.

Как отнеслись всевозможные анархические группы к этому и к другим «великим конфузам» анархистов (отношение к Красной армии, к Советской власти)? За исключением группы Гордина все остальные полностью, целиком, без остатка, без оговорок, без колебаний солидаризировались со всеми анти-коммунистическими лозунгами, лишь прикрашенными туманными, крикливыми, научно-абсурдными и практически-фальшивыми формулами, блистающими цветами радуги от розового до красного.

Подробно обо всех резолюциях всех этих многочисленных под различными названиями выступающих групп, их съездов и конференций, начиная от единой федерации (никогда не бывшей единой) через «Набат», анархистов «подполья» и кончая синдикалистами и универсалистами, читатель найдет в брошюре т. Яковлева. Вначале у анархо-синдикалистов как будто бы замечалось желание вырваться из лап анархического бланкизма и вступить на путь массового движения. Еще в 19 году они противопоставляли анархическому бунтарству организованное участие анархистов в строительстве нового общества и зовут от революционных фраз к непосредственной работе организации масс, но суть дела не в пожеланиях, а в том, что между «пожеланиями» и фактической работой анархо-синдикалистов целая пропасть. Скоро пожелания забываются, анархо-синдикалисты объединяются с конфедерацией «Набат», став таким образом под знамя восстания против Советской власти, как единственной форме анархической работы. Анархо-синдикалистам, как и прочим анархистам, не удается выскочить из бакунинского отношения к диктатуре пролетариата.

В результате получилось своеобразное явление: в то время, как на Западе Европы анархизм—это продукт распада капитализма и отображение люмпенской неорганизованной части пролетариата, России анархизм знаменует собой борьбу мелкого жадного собственника с пролетариатом. В интересах буржуа не дать укрепиться Советской власти, всячески расшатывать ее, срывать ее отдельные начинания, и, наконец, свалить ее каким бы то ни было способом,—и русские анархисты, в качестве вольных и невольных слуг и агентов буржуазии, все это проделывают, воплотив в себе всю дикую ненависть буржуа к коммунистам.

Таким образом, и все резолюции анархистов, и все их действия рисуют их в одном лишь свете: русский анархизм ничего общего не имеет с борьбой рабочего класса за социализм; русский анархизм—это борьба против рабочего класса, против его интересов, против социализма, это борьба за кулаков-крестьян, за мелкого буржуа, за капитализм.

Нам надо знать, что такое анархисты вообще и русские анархисты в частности. Об анархизме у нас есть прекрасная популярная книга Е. Преображенского. Читателям недоставало книжки о русском анархизме. Этот пробел восполняется книгой т. Яковлева о русском анархизме в русской революции. Нам остается горячо рекомендовать ее читающей публике, особенно рабочей, а также и для чтения в рабочих народных домах, агит-пунктах и т. д. Эти знания сейчас более чем своевременны, они настоятельно необходимы и для пополнения общего развития, и для блага пролетарской республики.

Б. Эльцин.

ДЖ. БАРРЕТ (ДЖ. БАЛЛАРД.). Анархическая революция. Перевод с английского. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург-Москва. 1920. 48 стр.

У русских анархистов достаточно и своих писателей. Однако, они переводят английского автора. Очевидно, его работа должна обладать особенными достоинствами—с точки зрения анархиста конечно. Посмотрим!

Анархическая революция... Как же она будет происходить? Дж. Баррет начинает так:

«Анархист, это — человек, который не верит, что правительство есть благо для народа». А посему—«первым шагом, необходимым для установления свободы, будет, очевидно, уничтожение правительства». Это и есть «анархическая революция». Просто и ясно—не правда ли?

Для Баррета не существует элементарного, в сущности, вопроса о том, что ведь с уничтожением правительства, охранявшего интересы буржуазии, классовая борьба не прекращается, а, наоборот, разгорается сильнее. Он не понимает того, что если рабочий класс менее опытный, хуже организованный, чем буржуазия,—если он после победы не захватит в свои руки государственного аппарата и не повернет его целиком против буржуазии, то этот аппарат снова приберут к своим рукам вчерашние «владыки жизни» и расправятся с пролетариатом. Переходного периода для

Баррета не существует — его не существует и для русских анархистов, которые своими глазами видели жестокую гражданскую войну, начатую буржуазией, и все-таки издают в стране пролетарской диктатуры книжку английского анархического Манилова...

Но пусть будет так, как хочет Дж. Баррет. «Поверим», вместе с ним, что всякое правительство — и рабочее, и буржуазное — чудовищное зло. «Поверим, что отказ от рабочего правительства не приведет к немедленной и кровавой буржуазной диктатуре. Будем считать, что «анархическая революция» проходит благополучно. А дальше что? Как будет организована хозяйственная жизнь? Баррет дает следующий замечательный ответ:

«Великий переворот совершон рабочими, их прямое действие сделало их хозяевами положения. *Ясно, что кто нибудь из улицы, где люди голодали до тех пор, догадается пойти в пекарню, захваченную бунтарями, и даст им список, сколько хлебов нужно для его улицы.* Разве так трудно предположить, что *необходимое количество хлеба будет тогда изготовлено.* К этому времени *пекари определяют, сколько требуется телег и лошадей*, чтобы развезти хлеб. И когда они дадут знать *союзу возчиков*, сколько требуется подвод, разве возчики не сделают все нужное, чтобы развозить хлеб, точно так же, как пекари сделали все нужное, чтобы изготовить хлеб? Если же добится больше столов и машин, чтобы месить тесто, то *столяры* не откажутся сделать столы, а *инженеры*, извещенные, что нужны новые машины, *займутся составлением новых чертежей.* Если чертежникам понадобится бумага, они обратились бы непосредственно к *рабочим бумажной фабрики* и к рабочим, изготовляющим карандаши. *Литейщики*, тем временем, обратятся к *плавильщикам*, а те, в свою очередь, обратятся к *шахтерам* за железной рудой и углем».

И замечательная же штука эта анархическая революция! Люди преспокойно разгуливают по городу, пишут письма извозчикам, сносятся с углекопами, дают заказы плавильщикам и столярам. Инженер и чертежник — к их услугам. Они живо садятся за «составление нужных чертежей». О хозяине, так щедро его вознаграждавшем, инженер забыл. Да и где вообще хозяева? Их не видно. Они улетучились. Не революция, а чудо! Люди сразу стали ангелами. Люди стали милыми, нежными, заботливыми. «Кто-нибудь из улицы» составляет список голодных своей улицы. На каждой улице находится свой заботливый «кто-нибудь». Пекаря ничего не говорят ни о заработной плате, ни о сапогах, ни о мясе, ни о мануфактуре. Такими «низменными» вопросами никто, вообще, не задается: ни извозчик, ни столяр, ни инженер, ни углекоп...

Такова анархическая сказка для маленьких детей и больших... чудаков. Да, именно такую идиллию и позволит буржуазия разводить рабочему классу! В действительности революция означает вот что: владелец пекарни еще в начале борьбы вывозит муку из пекарни и прячет ее, производит в пекарне кое-какие разрушения. Владелец столярной прячет сырье и топливо. Шахтовладельцы дезорганизуют производство. Бумажная фабрика тоже оказывается без сырья и топлива. Инженеры саботируют. Высшие служащие саботируют. Белая гвардия поднимает восстания. Взрывает мосты, портит пути, сильно затрудняет подвоз съестных припасов. Продовольственный вопрос обостряется. Извозчик, столяр, углекоп, металлист — все они требуют хлеба. Буржуазия начинает играть на голоде и развивает бешеную антиреволюционную агитацию.

И революция погибнет, если пролетарский авангард не прогонит в шею всех анархических болтунов и не создаст железной диктаторской власти, которая беспощадно раздавит сопротивление буржуазии... Баррет должен признать, что борьба рабочего класса может вызвать сопротивление буржуазии—«силой штыка и винтовки». Он считается и «с отсутствием понимания со стороны рабочих». Что же он, в таком случае, рекомендует? Беспощадную классовую войну? Организацию пролетариата в армию? Ничего подобного! Если буржуазия окажет сопротивление, то—

«Придется временно пользоваться орудием прямого действия лишь в том

смысле, что... *пока-что просто выторговывать себе лучшие условия жизни у правящего класса*... Класс производителей может заставить хозяев давать ему больше пищи и всего другого, чего захотят производители».

Но ведь это самый доподлинный тред-юнионизм! Где же «анархическая революция»? Баррет утешает:

«Можно надеяться, что в ближайшем будущем анархисты составят боевую организацию рабочих, которая всякой забастовке придаст тот революционный оттенок, который ей должен принадлежать по праву. Рабочие сами понимают не хуже капиталистов, что весьма важно организовать питание бастующих. Конечно, первый к этому шаг будет — захват забастовщиками же всех пекарен. Но это будет также первым шагом к революции вообще».

Подлинные революционеры началом революции считают захват власти, банков, бирж — вообще центров крупного капитала. Анархисты все свое внимание сосредоточивают на булочной. Это вовсе не случайно, что единственная рабочая среда, где русские анархисты пользовались хоть некоторым влиянием, это была именно среда булочников. Послушаем еще Баррета:

«В чем же будет состоять перемена, произведенная анархической революцией? *В свободном обществе пекарь должен будет иметь право печь такой хлеб, какой он действительно считает хорошим*. И он должен иметь так же право установить те условия работы, которые он считает нужным». Ибо «каждое учреждение должно быть свободным и самобытным и должно сотрудничать, кооперировать с другими ячейками... Нет и не должно быть централизованного государства, которое эксплуатирует или диктует»...

Теперь мы знаем, что такое «анархическая революция». Если буржуа испугается анархиста и откажется от власти, то анархист «уничтожит государство», установит «свободу» прежде всего для булочника, а затем для всех. Если буржуа окажет сопротивление, то анархист будет «выторговывать» у него «лучшие условия жизни». Торгуясь, соглашаясь, договариваясь «с правящим классом», анархист составит «боевую организацию рабочих», захватит булочную и произведет... анархическую революцию...

Веселые книжки пишут английские анархисты! Умные книжки переводят и издают русские анархисты!

Ил. Вардин.

Н. К. ЛЕБЕДЕВ. Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург - Москва. 1920 г. 120 стр.

Автор, насколько нам известно, не анархист. Он «сочувствующий» анархо-синдикалистам. Книжка о Реклю написана в сентиментальном, анархо-либеральном духе. Тем не менее, книжка Н. К. Лебедева может быть рекомендована всякому, кто желает ознакомиться с жизнью этого крупнейшего ученого и видного анархиста. Брошюра Н. К. Лебедева содержит в себе интересный биографический очерк и характеристику Реклю, как ученого и анархиста. Довольно подробно выяснено отношение Реклю к русскому революционному движению.

Реклю вступил в первый интернационал в 1865 г. За год перед тем он вошел в бакунинское революционное общество международного братства. «Тем не менее Реклю не был бакунистом. Он расходился с ним в вопросах революционной тактики. И когда в 1868 г. Бакунин основал знаменитый «Союз социальной демократии», изнутри взрывавший марксистский интернационал, Реклю в этот союз не вошел и остался «независимым братом». Реклю не верил в действительность революционных актов, он отрицательно относился к террору. Он говорил: «Преобразование должно совершиться в голове и сердце человека прежде, чем вылиться в соответствующий акт». К социальной революции следует итти путем интенсивной пропаганды социалистических и анархических идей.

В сущности Реклю был мирным анархистом, его взгляды во многом совпадали со взглядами старого, «классического» либерализма. Но всем своим сердцем, всей своей огромной душой он был на стороне трудящихся. Когда в

1871 г. в Париже была объявлена коммуна, он встал в ряды ее защитников. Версальцы захватили его в плен с оружием в руках. Однако, на суде выяснилось, что он из своего ружья не сделал ни одного выстрела. Это не помешало судьям Версаля приговорить Реклю к вечной ссылке в Новую Каледонию...

Особый интерес представляет для нас отношение Реклю к революционному движению России. Он понял всемирное значение русской революции. Он считал что «русская революция, подобно французской, составит одну из великих эпох человечества».

В феврале 1905 г. Элизе Реклю выступал в Париже на митинге, организованном Анатолем Франсом и др. в защиту русской революции. В своей речи он, между прочим, сказал: «Мы ожидаем от наших русских братьев, что в день своего собственного освобождения они помогут также освободиться миллионам людей угнетенных и побежденных народностей».

Последняя литературная работа Реклю — предисловие к русскому переводу его сочинения «Человек и Земля». Здесь он останавливается на том великом значении, которое имеет Россия в деле нарождения единой «нации будущего».

Элизе Реклю скончался 4 июля 1905 г. В последние часы своей жизни он слушал чтение газет, сообщавших радостную весть о восстании в Черном море броненосца «Потемкин». Его последними словами были: «*Революция идет! Революция приближается!*»

Ил. Вардин.

М. Р-СКИЙ. Франциско Феррер и его новая школа. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург - Москва. 1920 г. 144 стр.

Испания—страна, где и по настоящее время господствует «конституционная монархия», опирающаяся на союз духовенства и помещиков. Католическое духовенство в Испании представляет собою могущественную силу. Пролетариат численно и политически слаб. До недавнего времени главной политической силой в испанском рабочем классе были анархисты. Достаточно сказать, что первая попытка «анархической революции» была проделана в Испании в 1873 г. (См. Фр. Энгельс: «Бакунисты за работой»).

Вследствие слабой политической подготовки испанского пролетариата, поповско-дворянской реакции удавалось систематически подавлять отдельные выступления революционных отрядов. Задача правительства и жандармерии облегчалась тактикой части испанских анархистов, начавших применять «безмотивный» террор. Например, в 1896 г. в Барцелоне была брошена бомба в религиозную процессию.

Другая, меньшая часть испанских анархистов, относясь отрицательно к террору, решила нанести удар поповско-помещичьему блоку на почве народного просвещения. Но главная сила испанской реакции заключается именно в народном невежестве. Поэтому здесь она должна была повести беспощадную борьбу против всякого «новшества».

Основателем «новой школы» в Испании явился Франциско Феррер. Книжка М. Р-ского дает общее представление о школе Феррера. Она должна была быть утверждена «на базисе антирелигиозного, антигосударственного, антикапиталистического, антимилитаристского мировоззрения». Новая школа—говорит автор брошюры—«открыто была местом воспитания граждан-бунтарей».

Предприятие Феррера было утопичным, ибо несомненно, что школа неразрывно связана с данной формой общества и государства. Анархисты, в том числе, конечно, и русские, представляют дело воспитания вне общей связи со всеми явлениями современной жизни. Они стремятся отделить школу от государства и предоставить воспитание «свободной инициативе» и «свободному договору». В капиталистическом государстве это просто утопия, ибо какое правительство потерпит, чтобы подрастающее поколение воспитывалось в антибуржуазном духе? В социалистическом государстве идея «независимой» школы является *реакционной* утопией, ибо как может социалистическое правительство мириться с воспитанием подрастающего поколения в духе антипролетарского индивидуализма? «Антигосударственная» школа не может

быть терпима ни реакцией, ни революцией.

Но это, разумеется, не значит, что школа Феррера, направленная против поповско-дворянской, королевско-жандармской реакции, не была фактором революционным. Она наносила удар господству духовенства, способствовала духовному раскрепощению народа. Поэтому реакционная Испания повела бешеную атаку против Феррера и его школы. Духовенство требовало его казни. Полиция начала преследовать школу и ее работников.

В июле 1909 г. испанская реакция получила удобный предлог для расправы с Феррером. В Марокко началось восстание туземцев против испанского владычества. Правительство двинуло туда войска. Народные массы были против войны. Солдаты не хотели проливать кровь во имя укрепления в Марокко господства испанской буржуазии. На этой почве в Барселоне началось восстание. Масса решительно поднялась на борьбу. Но — рассказывает автор брошюры.—

«У восставших не было никакого определенного плана, и они действовали каждый по своему усмотрению, стараясь утолить сжиганием ненавистных им монастырей долго скоплявшуюся в их сердцах жажду мщения».

Феррер не принимал в движении участия. Он относился к нему скептически,— считал его «бесполезной вспышкой». Движение, не имевшее вождей и руководителей, конечно, не могло победить. После подавления восстания началась расправа. Был арестован Феррер, на основании *подложных* «документов» осужден на смерть, и 12 октября 1909 года расстрелян.

При чтении книжки М. Р-ского необходимо иметь в виду, что автор относится не критически к идеям Феррера, что он считает за анархическую добродетель даже наиболее грубые ошибки анархического движения.

И. Вардин.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИЛИТАРИЗМ.

1. NICOLAI, Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920. E. Mittler und Sohn.

1. НИКОЛАИ. Информационная работа, печать и народное мнение в течение мировой войны. 236.

2. Г. О. ГОРДОН. Немецкая пропаганда на русском фронте. „Голос Минувшего". 1918. № 4—6.

3. ФРАНСУА ЛЕШАНЕЛЕ. Пропаганда лорда Нортклифа во время войны. Перевод статьи из „Correspondant." «Вестник Комиссариата Иностр. Дел.» 1921. № 3 — 4.

Выдающаяся роль общественного мнения вообще, в особенности в эпоху войны или революции, всегда была ясна для руководящих кругов всех стран. Политические партии буржуазной Европы руководились в своей политике стремлением завоевать симпатии широких народных кругов. «Тенденция в области политических или церковных вопросов,—указывает К. Бюхер в своем очерке «Зачатки периодической печати»,— впервые имела место в Англии в эпоху Долгого парламента и революции 1649 года». Как видим, пропаганда путем печатного слова имеет за собой более двух с половиной веков, в течение которых периодическая печать всегда формировала общественное мнение.

В настоящее время мировая война уже закончена и стоит перед нами, как история. Однако, страсти, связанные с возникновением войны, с ее течением и ее концом, еще не утихли. Мировая война представляет из себя и в наше время, в России, быть-может, меньше, чем на Западе, главн. образом, в Германии, важную политическую проблему. Этот двойной интерес к войне, интерес историко-политический, обусловливает появление целого ряда мемуаров участников войны.

В области мемуарной литературы на первом месте стоит Германия. Побежден-

ные всегда нуждаются в оправдании — мемуары преследуют по преимуществу оправдательную роль. Одним из таких, написанных pro domo sua мемуаров, является произведение генерал-лейтенанта германского генерального штаба Николаи. Этот последний во время войны стоял во главе III отделения генеральн. штаба—отделения информации, пропаганды и печати. Круг деятельности этого «III отделения» охватывал и военную цензуру, которая при всесильном могуществе и высоком значении верховного командования распространялась далеко за пределы сохранения военной тайны, то-есть ее непосредственных задач. Николаи был одним из ближайших помощников Людендорфа по генеральному штабу. Влияние Людендорфа поэтому очень велико в его мемуарах. Их связывает с мемуарами Людендорфа общий язык, как в смысле общих понятий, общего обоим авторам отношения к тем или иным социальным явлениям, политическим партиям, так и в буквальном смысле. Мемуары Людендорфа — образец военного языка—занимают среди германской современной литературы выдающееся место, и Николаи один из его первых последователей.

Автор все время подчеркивает свою объективность и внепартийность в качестве «истинного солдата». Много раз на все лады повторяется: мы, солдаты, беспартийны; политика не наше дело. Однако, в Николаи проглядывает убежденный националист и монархист. Его отличает стремление к твердой монархической власти; в нем крайне сильны кастовые идеалы и предрассудки прусского юнкерства. С ненавистью и злобой говорит он о «жидовско-демократической печати» или ненавистных «социал-демократах». К его оценке прессы я еще вернусь впоследствии.

Для успешного ведения войны—указывает Николаи—необходимо, чтобы солдаты были воодушевлены стремлением к победе. И в тылу, и в особенности на фронте должны знать, что поражение влечет за собой гибель родной страны. Поэтому если среди врагов необходимо подорвать желание сражаться, то в своих солдатах необходимо воспитывать стремление и уверенность в победе.

С этой целью в Германии — рассказывает Николаи—была разработана целая система так наз. «отечественного преподавания»—Vaterlandischer Unterricht среди солдат. Основные принципы этой системы Николаи обрисовывает следующим образом.

Во главе «отечественного преподавания» стоял командир-офицер, как призванный руководитель солдат. В рамках преподавания никакая дискуссия не допускалась—«nicht zuzulässen. Солдатам предоставлялось лишь право задавать преподавателю-офицеру письменные вопросы.

В основу «преподавания» следует положить—гласит приказ генерала Людендорфа о «Vat, Unterricht»—объяснение солдатам причин войны, экономического развития Германии, значения и последствии германского поражения, в особенности для германского рабочего. Желательно было показать солдату заинтересованность всех «немцев» в войне; в отношении этой заинтересованности все равны—от императора и до социал-демократа-рабочего, — все равно являются немцами. Николаи здесь последователь своего «высокого покровителя» императора Вильгельма—в его известном обращении к «meine guten Socialdemocraten».

Далее следует внушить солдатам «уверенность в необходимости бороться далее, пока не будет сломлено желание противника—уничтожить Германию (der Vernichtungswille unserer Gegner) и не будет обеспечено дальнейшее экономическое развитие Германии.

«Обеспечение дальнейшего экономического развития» рисовало перед Людендорфом, Николаи и присными приятную картину целого ряда аннексий, контрибуций, «самоопределений» и т. под.

«Достигнутые нами до сего времени успехи,—писал Людендорф в своем приказе (июль 1918 года),—позволяют надеяться на окончательную победу. Необходимо поэтому воспитывать в солдатах уверенность в победе, чувство долга и мужество. Судьба уже на нашей стороне. Сырье и снаряжение имеются; значение подводных лодок растет».

Следует объяснить солдатам необходимость в управлении, в командовании—des Führung—во всех областях. Необходим авторитет, с одной стороны, подчи-

чение—с другой. Необходимо поддерживать в солдатской массе доверие к кайзеру и союзным государям, как и к военному командованию.

Внушая солдатам, с одной стороны, «здравый оптимизм», отечественное преподавание имело целью объяснить солдатам также, что с концом войны еще не наступит конец экономическим затруднениям. Сокращение потребления, суррогаты и рационализация в распределении продуктов и угля необходимы.

Если в солдатах, сражающихся за свое отечество, должно быть воспитываемо воинственное мужество, то того же солдаты имеют право требовать и от тыла. Солдатам надлежит разъяснить,—приказывает генерал Людендорф,—что стачки в тылу подрывают победу и стоят лишних жизней на фронте. Болтовня о мире (Friedensduselei) затягивает победу.

Приведенные из приказа цитаты чрезвычайно характерны. Солдаты подвергаются со стороны командования сильной и длительной обработке. Им пока не говорят о настоящих «целях войны». Это скрыто под оболочкой «обеспечения экономического развития». Указывая им на вздорожание жизни, на сокращение потребления, как на естественный результат войны, все же стараются найти какого-то козла отпущения. Это—внутренний враг: стачки, рабочие и т. под. Командование заранее подготовляет солдат к наступлению на внутреннего врага. От вредной агитации, между тем, солдат необходимо строжайше изолировать. В приложении к приказу об отечественном преподавании Людендорф указывает, что независимая социал-демократия «продолжает вести свою вредную работу», подрывая мужество среди солдат. Поэтому устанавливается строгая цензура для газет и писем, прибывающих к солдатам с родины.

В целях пропаганды в тылу в мае 1916 года был организован так наз. «культурбунд». К пропаганде были привлечены выдающиеся ученые, литераторы и политические деятели Германии. Одним из первых вошел в культурбунд Герман Зудерман, ставший председателем союза; в качестве членов комитета в союз входили: профессора Вальдейер, С. Пресбер, Л. Фульда, Планк, д-р В. Ратенау (недавний министр восстановления, директор В. комп. Электричества) и лейтенант Пробсанус. Однако, канцлер отказал, из парламентских соображений, в денежной поддержке союзу. «Вследствие этого, — пишет с горестью Николаи,—деятельность культурбунда была значительно сужена».

Деятельность т. наз. «Kriegspresseamt'a была также направлена на укрепление в тылу т. наз. программы Гинденбурга. Эта сторона пропаганды не рассматривается Николай сколько-нибудь подробно.

Весьма интересен отдел книги, гласящий об отношении германской прессы к войне. Германская периодическая печать и ее отношение к войне еще не нашли своего исследователя; однако, мемуары Николаи дают в этом отношении довольно много ценного материала.

Из 3000 германских газет, выходивших в течение войны, 1450 называли себя беспартийными, 205 — консервативными, 214—национальными, 216—национал-либеральными; 400—католич. центра, 287—свободомыслящих, 79—социал-демократических, 23—польских и 4—датских. В Берлине, представляющем из себя центр германского общественного мнения (берлинские газеты читаются и в провинции), выходило в общей сложности 80 газет, — из них 44 беспартийных, 5 консервативных, 7 националистских, 3 национал-либеральных, 5 катол. центра, 14 свободомыслящих, 1 соц.-демократ., 1 польская.

Если мы примем во внимание, что «беспартийные газеты» в сущности мало влиятельны и мало отличаются от правых, то общий уровень прессы покажется нам более чем «лойяльным». Большинству газет—указывает и Николаи—обязано военное командование благодарностью. Большая часть прессы выказала себя «достойной доверия генерального штаба».

Немецкая объективность представляла по мнению Николаи, исключительно благоприятную почву для «свободы печати», приносившей много вреда. Влияние прессы нельзя проследить по количеству газет. В Берлине, например, во время войны имелся один социал-демократический «Форвертс», но его «вредное

влияние», по уверению беспристрастного Николаи, было очень велико. Социал-демократическая печать была печатью партийной по преимуществу. Ее влияние на рабочие массы было очень значительно и все время росло. Николаи отдает дань исключительно умелому редактированию социал-демократической печати, например, «Hamburger Volkszeitung», где писал К. Радек. Влияние правительства на социал-демократию в направлении отказа от ее классовых позиций, по мнению Николаи, мало к чему приводило. Военное командование пыталось даже привлечь (в 1918 г.) редакторов «Vorvärts'a» к суду за государственную измену, но правительство уже тогда всецело зависело от принявшего резолюцию мира парламентского большинства, и провести такой громкий политический процесс накануне падения монархии Гогенцоллернов не удалось.

Другой вредной, по мнению Николаи, частью прессы была «жидовско-демократическая печать», в первую очередь «Берлинер Тагеблатт» и «Франкфуртер Цейтунг». «Жидовство» этих газет для Николаи несомненно. «Обе эти газеты выказали себя еврейскими газетами по преимуществу (als ausgesprochen judische Blätter). Их отношение к войне колебалось (Steig und fill) в зависимости от военного положения, как курсы на бирже» (стр. 182).

Довольно много места посвящает Николаи вопросу о германской пропаганде за границей и пропаганде союзников в Германии. Однако, исчерпать содержание книги Николаи невозможно в небольшой заметке. С этой точки зрения мемуары Николаи значительно дополняют статьи Гордона и Лешанеля.

Г. Гордон исследует «по личным впечатлениям и подлинным документам» вопрос о немецкой пропаганде на русском фронте. В руках г. Гордона имелись немецкие агитационные издания на русском языке для русских солдат: берлинский «Русский Вестник», венская «Неделя» и виленский «Товарищ». Отмечая характерное в содержании немецких агитационных изданий, автор не перестает упоминать о пособничестве немцев «большевистской революции». Тем не менее он не дооценивает работу русских пропагандистов среди немцев, братание и его роль в области подготовки германской революции. Николаи в этом отношении объективнее: он отмечает «испорченность солдат по возвращении с восточного фронта», агитационную (неизменно вредную) роль русского посольства во главе с тов. Иоффе в Берлине и т. д. (стр. 163, 158, 40, 130—31).

Статья Франсуа Лешанеля о «пропаганде лорда Нортклифа во время войны» чрезвычайно интересна и следует одобрить помещение ее перевода в «Вестнике Нар. Ком. Ин. Дел». На основании книги сэра Кемабель Стюарта, ближайшего помощника Нортклифа по Crewe house'y (помещение отдела пропаганды), Лешанелю удается нарисовать весьма красочную картину пропаганды английского газетного короля, ставшего в начале 1918 года во главе отдела пропаганды. Сам Гинденбург назвал эту пропаганду «ядом, который заразил не только дух армии, но дух всей Германии» стр. 38). Недаром литературная пропаганда в Германии была поручена Нортклифом Уэллсу. «Пропаганда имела целью не только произвести угнетающее моральное впечатление на германскую армию и народ, но также ознакомить их с военным положением союзников, с превосходством их военных запасов, с снабжением живой силой и материалом, с их научными открытиями и т. д.» (стр. 40).

И. Звавич.

Dr. PAUL MICHAELIS. Kurland und Litauen in deutscher Hand.

Д-р. П. МИХАЕЛИС. Курляндия и Литва в руках немцев. Берлин, 1918. Стр. 198.

Книга написана в момент величайшего торжества немецкого империализма на Востоке. Автор книги был военным корреспондентом «Berliner Tageblatt'a». Этим объясняется содержание всей книги, предназначенной для прославления победоносного немецкого оружия. Кроме того, автор принимал деятельное участие в организации немецкой администрации в завоеванной территории, которая с того момента оказалась тесно связанной и культурно и политически с Германией.

Мечты поклонника немецкого империализма оказались разбитыми суровой действительностью. Немецкий империализм потерпел на всех фронтах полное поражение. Балтийские провинции были освобождены от оккупационных властей. Литва и Латвия, в состав которой вошла Курляндия, заключили мир с Советской Россией на принципе национального самоопределения. Началась новая жизнь для Литвы и Латвии, но несколько иная, чем предполагал д-р Михаелис. Для истории войны и немецкой оккупации Литвы и Курляндии эти корреспонденции, объединенные в одной книге, конечно, будут не бесполезными, так как написаны тонким наблюдателем происходивших вокруг него событий. Книга издана весьма изящно. Великолепны рисунки в красках.

В. Пичета.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

А. СУВОРИН. Поход Корнилова (воспомин. участника), 2 изд. Ростов н/Д. 1919 г.

Среди исторических источников воспоминания занимают своеобразное место. Это—источник чрезвычайно субъективный, но в то же время он дает возможность проникнуть в самую глубь события, узнать и понять его сокровенные, интимные стороны.

Воспоминания контр-революционеров в этом отношении очень интересны, они дают много такого, о чем еще долго будут молчать официальные документы и акты.

Воспоминания Суворина сейчас, пока корниловщина еще не изучена, имеют первоклассный интерес. Написаны и изданы они были в то время, когда контр-революция была уверена в своих силах. Вокруг имени Корнилова среди контр-революционеров создавался своего рода культ. Суворин был участником корниловского похода, был почти очевидцем его смерти. Суворин знал несравненно больше, чем написал, но и то, о чем он писал, заслуживает глубокого внимания. Чрезвычайно интересны сведения, сообщаемые Сувориным о начале деятельности Корнилова на Дону, об его отношении к коммунистам, о настроении населения Кубани и его отношении к отрядам Корнилова.

«Для разрешения финансово-экономических вопросов, вызывавшихся ходом организации Добр. Армии, образовалось в Новочеркасске «Экономическое Совещание», и с удивлением и болью,—пишет Суворин,—я узнал, что в совещании этом по финансовой части главную роль играет такое финансовое ничтожество, как М. М. Федоров, по политической—такая темная неизвестность, как С. С. Щетинин, затем там участвуют семидесятилетнее «честное дитя» П. Б. Струве, тригонометр дипломатии кн. Трубецкой, террорист Б. Савинков, мужественно и успешно боровшийся с царями Романовыми, но с царем Лениным вдруг потерявший и былую энергию и «звезду» и т. п.

— У вас М. М. Федоров объявляет себя представителем московско-финансового центра,—сказал я Корнилову,—но в Петрограде-то хорошо известно, что если где является имя М. М. Федорова, то это верный признак, что там крупных денег нет и не будет, пока его не сменят другим.—«Похоже на правду», както для себя произнес Корнилов сурово. Он, видимо, был бессилен что-либо изменить во всем этом.—Никакого московского финансового центра нет,—продолжал я...—Во всяком случае не он за спиной Федорова. Тут есть просто банковская делецкая операция: несколько петербургских банков сложились по 20—30 т. каждый и, набрав со всех 300—400 тысяч, послали с ними Федорова разнюхать, что делается в Новочеркасске и нельзя ли тут устроить крупное и выгодное дело, например, захватить под свой контроль государственный банк нового правительства при самом его зарождении...300—400 т.—вот все, что может быть в руках у Федорова» (стр. 6).

Это сообщение хотя и не дает полного ответа на вопрос, но чрезвычайно ха-

рактерно. Финансировали контр-революцию банковские дельцы. Главный организатор Добр. Армии, сподвижник Корнилова ген. Алексеев на вопрос об источнике средств для Добр. Армии отвечал довольно определенно. 18 янв. 1918 г. в кабинете М. Богаевского в Ростове-на-Дону состоялось совещание представителей войскового правительства с ген. Алексеевым по вопросу об отношении донского правительства к деятельности ген. Корнилова и Алексеева. Здесь, на этом совещании, на вопрос: «Откуда вы получаете средства для существования? — ген. Алексеев сказал: «Средства, главным образом, национального характера и добываются путем добровольных пожертвований частных лиц. Кроме того, не скрою от вас, что некоторую поддержку мы имеем и от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обстоятельствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку» («Донск. Волна», 1919 г. № 13).

Борьба с большевизмом, по мнению Корнилова, должна быть борьбой на уничтожение. «Отпуская офицерский батальон из Новочеркасска в середине января 1918 г., — рассказывает Суворин,—Корнилов напутствовал его словами, в которых выразился точно его взгляд на большевизм: по его мнению, это был не социализм, хотя бы самый крайний, а призыв людей без совести людьми тоже без совести к погрому всего трудящегося и государственного в России. Он сказал: не берите мне этих негодяев в плен. Чем больше террора, тем больше будет с нами победы!» (стр. 8). Такой лозунг бросала кучка офицеров, такая задача ставилась ими, и, как свидетельствует сам участник корниловского похода Суворин, в трудовом населении Кубани они не встречали сочувствия. Корниловский лозунг террора сводился к террору против трудящихся вообще. Путь Корнилова был устлан трупами расстрелянных крестьян и освещен заревом пожаров сожженных корниловцами деревень. Вот что пишет Суворин: «... Перейдя паромы вброд реку (Лабу), мы потянулись по равнине среди хуторов... Населены они были «иногородними» ярыми большевиками, а не казаками. Жители их встречали разъезды наши выстрелами или просто оставляли хаты, уходя сами и уводя с собою крупную «худобу»—животину. Медленно брели мы между хуторами, задерживаясь и отстаиваясь, выжидая, когда наши боевые части откроют нам проход дальше... Позади нас и с боков поднимались столбы дыма над запаленными нами в наказание хуторами «иногородних»... (стр. 59).

Далеко не сочувствовали корниловцам и казаки. «В каждой из проходимых нами донских станиц,—свидетельствует Суворин, — Ольгинской, Хомутовской, Качальницкой, Мечетинской, Корнилов собирал сход и говорил речь, побуждая присоединиться к Добр. Армии. Речи его вызывали сочувственные ответы «стариков», но фронтовая молодежь отмалчивалась, не решаясь в присутствии грозного генерала, которого она попросту боялась, выступать со своими обычными уверениями, что-де большевики—друзья «трудового казачества» и не тронут станиц и хуторов» (стр. 29).

Политические представления корниловцев были крайне спутаны. Вот, например, как передает Суворин свою беседу с каким-то офицером из отряда Корнилова. Беседа происходила на берегу реки Кубани в момент переправы для штурма Екатеринодара.

«С видимым желанием сразу огорошить меня, «петербуржца» по платью, офицер сказал: «Я ведь монархист! Как и большинство офицеров армии». Я не смутился... «Монархия должна быть конституционной!» На это Суворин возразил: «Не в одном, так в другом десятилетии «царь» всегда преподнесет стране позор, который отбросит ее на сто лет назад. Офицеры эти просто не видят того, что желается им не царь, а диктатор, и что, будучи «монархистами», они потому так слепо идут за Корниловым, что он и есть прирожденный диктатор, т.-е.то самое, что им и нужно».—«С этим я готов согласиться! Пусть будет диктатор—это сильнее царя», сказал офицер.—«Конечно, сильнее. Он и введет порядок» (стр. 93).

Подробно описывает Суворин встречу корниловцев с отрядом Кубанской рады, выгнанной из Екатеринодара, довольно

подробно описанную и в воспоминаниях, изданных под псевдонимом «Кубанец»; этот момент ничего особо интересного не представляет и имел лишь обостренный политический интерес в момент размолвки Кубанской рады с командованием Добр. Армии. Спорили о том, кому должна принадлежать военная верховная власть. По свидетельству Суворина, она была признана за Корниловым.

Много места отводит Суворин описанию боевых операций Добр. Армии во время корниловского похода, описывает подробно смерть Корнилова, отдельные «подвиги» участников корниловского отряда и т. п. Цель этих воспоминаний—возвеличить и украсить образ Корнилова. Но под слоем агитационной тенденциозности видны черты исторической правды. Под крыло развенчанного генерала сбегается свора темных дельцов, финансовых аферистов, политических авантюристов и тому подобной публики из мира банкиров и московских буржуев. Идейное руководство находится в руках партии к.-д. Вся эта свора объявляет смертельную борьбу трудящимся, обрекая всех в жертву террору. Численно ничтожная, не встречающая поддержки и сочувствия в рядах крестьянства и казачества, она все более и более распускает крылья террора.

Ее орудием служат сбежавшиеся к ней офицеры, гимназисты, женщины-ударницы, кадеты и т. д., политически темные, не развитые, желающие лишь одного «порядка», — который мыслится ими в восстановлении всего, что было с царем, или, еще лучше, диктатором во главе, так как «это—сильнее царя».

С. Пионтковский.

РЫЦАРИ ТЕРНОВОГО ВЕНЦА. Воспоминания члена Госуд. Думы Л. В. Половцева о 1-м Кубанском (ледяном) походе ген. М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина. Прага. 219 стр.

В этих «воспоминаниях» одного из организаторов Добр. Армии дается история первого Кубанского похода, главным образом, описание боев, с примерами мужества, доблести и величия участников похода и презренной низости их врагов. Этот поверхностный очерк написан крайне тенденциозно, с вполне определенным желанием не сказать лишнего. Автор говорит только лишь о хорошо известном и дает даже гораздо меньше для истории Корниловского похода, чем, например, записки Суворина. Во многих отношениях Половцев подтверждает показания Суворина. Так, он категорически утверждает, что, «получив от союзников твердое обещание оказать армии возможно скорую помощь деньгами и заручившись согласием донского атамана генерала Каледина, генерал Алексеев выработал план добровольческой организации и немедленно приступил к его выполнению» (стр. 10). Глухо указывает автор «воспоминаний», что обещали финансировать Алексеева московские и петроградские организации, называет случайно, по отдельному поводу, Гучкова, как знавшего об организации и содействовавшего ей.

Интересно вскользь брошенное сообщение о том, что заговор против новой России обсуждался Корниловым еще во время его заключения в Быховской тюрьме, из которой велись постоянные сношения с генералом Алексеевым. «Там, в Быховской тюрьме,—пишет Половцев,—обдумывались прежние ошибки и создавались новые комбинации. С генералом Алексеевым поддерживались постоянные сношения» (стр. 31).

Таких случайных обмолвок довольно много в «воспоминаниях». Они указывают на то, что автор знает очень много, но говорит об этом лишь случайно и глухо.

Самое интересное, что можно извлечь из этих «воспоминаний», это—показание автора о классовом составе корниловской армии, об ее социальной физиономии. «Половина состояла из офицеров, из лучших офицеров армии, так оскорбленных в своем достоинстве этими же солдатами».

«Нижними чинами в армии были—инженеры, адвокаты, земские и городские деятели, журналисты и, главным образом, учащаяся молодежь—юнкера, студенты, гимназисты и кадеты всех кадетских корпусов, откуда и пошло

название добровольцев: «кадеты»... Они были разорены и оторваны от своих семейств... У одного разорили до тла и сожгли на глазах любимое родовое гнездо—имение; у другого замучили отца, брата и всех ограбили да ниточки» (стр. 92).

Это были люди вполне определенной социальной категории. Люди, которых революция лишила их привилегированного, сытого положения.

Армия Корнилова была армией классовой, армией имущих.

Это давно известно, конечно, но это самое интересное, что есть в «воспоминаниях» Половцева,—интересное потому, что говорится и признается именно Половцевым.

Значение «воспоминаний» Половцева, как исторического источника, ничтожно. Даже историю Корниловского похода, которому посвящена вся книга, можно будет написать без них.

С. Пионтковский.

Г. КИРДЕЦОВ. У ворот Петрограда. Берлин, 1921 г. 315 стр.

Совсем неталантливый, говорят, даже неспособный Юденич стал сколачивать вокруг Петрограда небольшие части для наступления на ближайшую Советскую столицу.

Пролилась кровь у Нарвы. Стал устанавливаться фронт. Юденич стал главнокомандующим сев.-зап. фронта,—так, по крайней мере, называли его колчаковцы. А в Прибалтийском крае Юденич чувствовал себя главою правительства. Собственно «у ворот Петрограда» были налицо целых две «главы» одного и того же правительственного центра—богослов А. В. Карташов и генерал Юденич. Сочетание замечательное: богослов и полководец. Богослов мудрил, полководец правил. Вообще говоря, доля так называемой интеллигенции у белых была несладкой. Кирдецов описывает весьма характерный случай военно-полевой расправы с неким, бывшим сотрудником «Дня», Садыкером, который был расстрелян «за сочувствие большевизму».

Приютившись на окраинах, которые царское правительство держало в порабощении, эти «правители» даже и в этих условиях «ничему не научились». Вот что, например, пишет Кирдецов: «Но А. В. Карташов, Юденич, Кузьмин-Караваев (*И. В. Гессена в Политическое совещание не пускали, потому что он «жид»*)....шли на поводу у Милюкова и Сазонова, которые—первый на берегах Темзы, а второй из роскошного палаццо русского посольства на Rue de Grénelle—как боги олимпийские вещали, что признание независимости Финляндии может быть дано только Учредительным Собранием, которое будет созвано *после полной победы* над большевиками, в *обстановке общего успокоения*; что до тех пор никакие акты об отложении той или иной окраины не будут почитаться действительными».

Хорошо, действительно, сидеть на Rue de Grénelle и не разрешать финляндской «окраине» «отложиться»! Немудрено, что финны возражали русским правителям даже на те их «теории», которыми они, довольно, впрочем, доморощенно, хотели отвести внимание финских капиталистических кругов в сторону «временной стратегической необходимости» держать войска в Финляндии.

Что касается политики самой Финляндии по отношению к Антанте, то она благоразумно прислушивалась, приглядывалась, прицеливалась. Она одинаково нужалась в расположении всех членов Антанты. Из Соединенных Штатов она получала продовольственные продукты, из Англии — фабрикаты первой необходимости, из Франции—военных инструкторов и вооружение.

Кирдецов довольно подробно останавливается на политическом международном положении Финляндии. И это весьма любопытные страницы, в них документально доказано (по вопросу об Аландских островах), насколько трудные «казусы» создавались вследствие отсутствия России. И тут же видно, насколько Российское Советское правительство уже в 1919 году было в общем и целом de facto признано. По крайней мере с ним считались.

Что касается чисто военных действий, то они не блистали «стратегией». И даже

больше того,—вот какое имеется признание самого Юденича: «Я получил документальные данные, что члены штаба ген.-м. Балаховича и чины его личной сотни (черной сотни!! *А. А.*) занимались разбоями и грабежами, вымогательством и печатаньем фальшивых денег». Нечего сказать, штабы! Ясное дело: фальшивомонетчики—плохие стратеги! И понятно, что снабжение всей армии стояло на весьма низком уровне: сплошь и рядом не выдавался хлеб по нескольку дней.

И вот когда такое правительство с такими штабами и армией было на голову разбито, началась «игра в политику». Лианозов, как министр иностранных дел, «завязывал» сношения с Финляндией, посылал ноты финляндскому правительству с признанием абсолютной независимости молодой республики».

Хотя и говорят «лучше поздно, чем никогда», но, кажется, в политике — наоборот: лучше никогда, чем поздно. Разбитое на «все корочки», Юденическое правительство вдруг признает «независимость»....

Плохо кончилась игра в политику. Кончилась тем, что Кирдецов называет «катастрофой», но что в действительности было простым и неизбежным провалом.

Ал. Дросев.

А. ВЕТЛУГИН. Авантюристы гражданской войны. Париж. Русское издат. «Север». 1921 г. 187 стр.

Франция издавна славилась, как страна, в которой появлялись книги, сообщавшие самые дикие сведения о России. Упомянутая в заглавии книга может только укрепить эту заслуженную репутацию.

Автор претендует быть веселым, остроумным фельетонистом. Но эти претензии остаются простыми потугами. Трудно сказать, что автору мешает: отсутствие ли таланта, или непомерная злоба, которую он питает не только к коммунистам, но и ко всему русскому народу, осмелившемуся установить и поддержать ненавистную ему Советскую власть.

Было бы скучно перечислять все те нелепости, которые автор рассказывает о коммунистах. Они ничем не уступают знаменитой «развесистой клюкве». Для образчика приведу только характеристику, которую он дает Бухарину.

По его словам, «Бухарин ненавидит вообще всех, желает гибели всем, одному за умение говорить, другому за женскую любовь, третьему за красоту, четвертому за писательский талант» (стр. 118). «Иссиня бледный от перманентной внутренней злобы Бухарин»,—пишет он во втором месте. В третьем мы узнаем, что «Бухарин — владелец чужого дома на Кузнецком Мосту, подаренного ему Р.С.Ф.С.Р. осенью прошлого года».

Я привожу только одну эту характеристику. Справедливость требует признать, что в книге Ветлугина вряд ли можно найти равную ей: здесь автор превзошел себя в лживости и озлобленности.

Ветлугин рассказывает, что он жил при Советской власти в Москве. При этом он был, повидимому, близок с анархистами, бывал в их клубе, обедал у них. Он делал это не потому, что сам был анархистом. Тяготение к анархистам в то время (весна 1918 г.) обнаруживали многие противники Советской власти. «За анархистов—по словам Ветлугина—уцепились, как за возможный трамплин к лучшему будущему. Настали любопытные недели: в Купеческий клуб (там в то время помещался клуб анархистов. *Н. М.*) открылось паломничество представителей самых различных групп. Купцы, офицеры, рабочие (?), безработные адвокаты—приходили с самыми разнообразными предложениями и просьбами»... «Так, организатор офицерских ячеек в Москве получил инструкцию с юга, из штаба Алексеева,—поддерживать интенсивную связь с организацией Льва Черного» (74—75).

Вот как описывает Ветлугин то, что он видел в то время в клубе анархистов.

«В обширной столовой клуба, за длинными столами, среди сотен курносых и скуластых физиономий, мелькали зачастую твердые подбородки и англо-саксонские профили; в штатском, слабо скрывавшем их личность, представители английской военной миссии и информационного отделения американского коми-

тета, слушали, рассматривали, ходили по комнатам, внимательно подсчитывали количество оружия, валявшегося повсюду».

«Спустя год, на банкете в честь союзных миссий в Ростове, — продолжает Ветлугин,—я встретил майора, с которым однажды обедал в Купеческом клубе. Он рассказал мне, что к началу апреля 1918 года интерес, возбужденный анархистами, был так велик, что их организациям и возможности их использования для борьбы с Советской властью уделил целую главу в докладе своему правительству английский консул; французский же генерал Лаверн (глава московской миссии) через третьих лиц предложил своих офицеров в качестве инструкторов».

Интересные признания, рисующие совместную работу фабрикантов и анархистов, белогвардейских офицеров, безработных адвокатов и французского и английского правительств.

Ветлугин глубоко ненавидит не только коммунистов, но и весь революционный русский народ. Если б от него зависело, он не остановился бы ни перед чем, чтобы отмстить этому народу, уничтожить его, лишь бы вернуть буржуазии и ее лакеям прежнее положение. В конце своей книжки он приводит известную фразу Ленина: «Или вошь съест коммунистическую Россию или коммунистическая Россия победит вошь», и затем кончает свою книжку словами:

«Спаси нас, великая, единственная русская вошь!..»

Подобная мерзость издается за границей. Очевидно, она приходится по вкусу многим русским белогвардейцам.

Н. Мещеряков.

ГРИГОРИЙ РАКОВСКИЙ. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Изд. «Воля России». Прага, 1921 г. Стр. 276.

Среди изобилия «мемуарной» белогвардейской литературы книга Г. Раковского выделяется и представляет большой интерес. Пред нами сборник «воспроизведенных по стенограммам показаний виднейших деятелей стана белых в период его вырождения, агонии и ликвидации». Книга не лишена и морали, сводящейся к утверждению: правы были с.-р., когда еще на IX съезде провозгласили: «ни Ленин, ни Колчак, а третий путь»... Г. Раковский и ставит себе задачу «объективно» наметить России выход из «заколдованного круга», в котором она бьется. Этот путь—тесная связь с «русской либеральной демократией», он «параллелен пути социалистов»... Таким образом, изображение деятельности Крымского правительства, его крах, бегство из Крыма и жизнь в изгнании—все это должно иллюстрировать основную мысль автора.

«Крымский нарыв» на теле Р.С.Ф.С.Р. возник, собственно, случайно. Разбитая армия «деникинских орлов» остановилась «проездом» в Крыму, и на короткое время Крым стал центром «старой бюрократии, аристократии, черносотенного духовенства, царских чиновников»... Республика была занята на Западном фронте и мало обращала внимания на Крым, а Франция желала отвлечь Советскую Россию от главного врага страны, от поляков, и поддерживала Врангеля... Так выросла крымская опасность. Англия в своей декларации заявила, что *впредь* она не будет оказывать поддержки белым, и Франция «сама» вынесла все бремя «крымской эпопеи». Наиболее интересные страницы книги Г. Раковского посвящены распродаже Крыма. Вся операция по занятию С. Таврии была затеяна с целью обеспечить себе хлебный район для вывоза зерна за границу. По договору, заключенному Врангелем с Францией, «весь юг России со всеми его промышленными предприятиями, железными дорогами попадал в кабалу Франции на долгие годы». После эвакуации Врангель расплатился с Францией: отдал ей Черноморский флот и огромные запасы товаров в Крыму. Во главе «русской армии» («добровольческая»—то же) стал барон Врангель. Он объявил себя диктатором Крыма. Это было новое слово «врангелевской политики». «То, что было до меня,—говорил Врангель,—у Колчака и Деникина, это не диктатура». Тормозом у Колчака были с.-р., у Деникина же существовали всякие со-

вещания, которые связывали его по рукам и ногам. Врангель, опираясь на армию кондотьеров, создал правительство из матерых черносотенцев (Глинка, Кривошеин), но он гордился тем, что в правительстве был «бывший революционер» П. Струве и с ним «сотрудничал» с.-р. Долгополов. Он давил всякую общественность, реставрировал царскую администрацию, покрыл Крым сетью охранок, ввел цензуру, которой—как пишет Г. Раковский — преподал инструкцию: «Если по какому-либо вопросу не издан приказ главнокомандующего, — значит, говорить об этом несвоевременно. Если издан—лучше его никто не напишет». Идеологами «врангелевской линии» было духовенство. Г. Раковский образно передает рапорт командира стрелкового полка генералу Витковскому о пропаганде отцов церкви: по их мнению, на знаменах «Русской армии» следует написать: «За веру» и «Бей жидов, спасай Россию», и итти вперед без всяких сомнений, а то писали: «За единую, неделимую», и очутились в Крыму»...

Духовенство и реакционные круги провозглашали восстановление «хозяина» и весьма усиленно поговаривали о «болярине Петре», как о претенденте на престол. Г. Раковский усиленно подчеркивает в своей книге именно это чистое, без примесей, черносотенное лицо Врангеля. Но следует отметить, что к концу обороны Крыма белыми создалась оппозиция ультра монархистов, для которых Врангель был «левым». Если по идее Струве Крым должен был стать «опытной станцией», показателем той свободы, которую несут белые миру, то это была «свобода» царской России. Все дело, однако, в том, что Врангель проводил «левую политику правыми руками». В этом была соль его новой тактики. Но все сводилось только к «вдохновенному надувательству». Аграрная реформа о наделении крестьян землею в собственность предполагала, что крестьяне в продолжение 25 лет в пользу помещиков будут выплачивать $^1/_3$ своего урожая, а по истечении срока получат «купчую»... Г. Раковский передает, как проводилась в жизнь аграрная реформа. Когда полковник Крыжановский занял станицу Таманскую, он обратился к казакам с речью: «Вот я вам покажу, где и чья земля» и... выпорол старика. Врангель надувал и признанием «самоопределения народов». Эта тактика имела успех. Врангель стал центром всех контр-революционных сил: от Востокова и Маркова до Савинкова и Долгополова.

Мы не будем приводить картин суда, террора и расстрелов в дни царствования Врангеля, нас больше интересует конфликт между «верховным правителем» и казачеством, а также расслоение внутри последнего, в изображении Г. Раковского. Дело в том, что в Крыму было несколько правительств: Врангеля, донского, кубанского и терского казачеств. Казачество было настроено оппозиционно. Газета «Донской Вестник» выставила программу: «За землю и волю», «За учредительное Собрание». Но милое сердцу автора, близкое к с.-р. казачество, только фрондировало: Врангель ладил с казачьими верхами, и «третья сила» смирно «держала под козырек» Врангелю. В этих правительствах чехарда царствовала, шла упорная «гражданская война». Но и правительство Врангеля, все начальники и подчиненные грабили,— грабили без конца. Разговор о валюте, о торговле был самым излюбленным в этом аристократическом обществе... Да еще брали взятки: от генерала до солдата. Над всем этим «обществом»: над армией, общественностью, правительством царила скука, апатия, отсутствие веры в предпринятое дело. Воевали или для грабежа, или потому, что выхода не было. Вот почему частичные победы так быстро сменялись неслыханными поражениями. Г. Раковский уделяет не одну интересную страницу изображению эвакуации. «Бежали,—пишет он,—обезумевшие толпы, оставляя за собою ужас и ненависть населения». К сожалению, не можем мы также привести картину переезда в Константинополь. На кораблях царил ужас: «измученные, терявшие человеческий облик люди превратились в зверей», а в это время офицеры пировали и в перерывах устраивали военно-полевые суды и даже... приводили в исполнение смертные приговоры. Не стало лучше беглецам и по прибытии в Босфор. Долго их держали на кораблях

у Константинополя, после чего разместили по пустынным островам: Лемнос, в Чаталджинских лагерях... Здесь, изолированные от всего мира, казаки живут впроголодь, проклиная своих вождей. А Врангель в Константинополе возрождает и укрепляет свою «верховную власть», пьяный делает смотр казакам. Надежды Врангеля, как и всей белогвардейщины, выросли вместе с кронштадтским мятежом. Врангель собирается высадить десант. Созывает «русское собрание», ведет борьбу с «левыми»... И Г. Раковский с печалью отмечает: «Ему говорили, что он губит дело кронштадтцев, губит русское дело одной своей маркой», но он продолжал свое... Стоило, однако, генералу Пелле, представителю Франции, отдать приказ 14 марта 21 г. о распылении армии, как пред правительством Врангеля не было другого выхода, кроме подчинения. К первому апрелю Франция отказывается от помощи, армия должна быть распущена: или в Советскую Россию или в Бразилию!.. После некоторого сопротивления дело было кончено.

Вот как Врангель в разговоре с Г. Раковским изображает «крымскую эпопею»: «В Крыму происходила гальванизация трупа. Все, что там делалось было лишь искусственным поддержанием жизни умирающего организма»... Нельзя с этим не согласиться. «Стан белых стал станом черных», делает вывод Раковский. В этой окончательной ликвидации идеи о сотрудничестве демократических элементов с реакционными, в крахе идеи об интервенции—для него смысл поражения Врангеля. «В настоящий момент,—пишет он,—параллельно созданию демократического, республиканского фронта идет концентрация реакционных сил, создается антидемократический, черный, монархический фронт». Идейный исход из лагеря белых начался давно. Уже конфликты между казаками и Врангелем предвещали это, но созрел он в изгнании в лагерях... Здесь «белые» отделились от «черных», и начала развиваться, оформляться идеология «розовых». Именно тогда Россия № 2 предстала перед нами, как два лагеря: «Общее Дело» и Врангель; «Последние Новости» и «Воля России». Разложение эмиграции создало также почву «сменовеховцам». А казацкая масса на пустынных островах не знает, зачем она погибала и куда ей направиться.

Г. Раковский видит спасение идеи о «возрождении России» в коалиции с.-р. и «либеральных демократов» через взрыв Советской власти изнутри (Кронштадт). Но и для него—это мечта... Пока он вынужден признать, что в борьбе между «Лениным» и «Колчаком» победили коммунисты. Но мы знаем теперь, что победу коммунисты одержали не над одним «Колчаком». Пролетарская Республика одержала моральную и военную победу над целым сонмом врагов. Одним из лучших литературных доказательств этого является книга Г. Раковского.

Ц. Фридлянд.

К Д. НАБОКОВ. Испытания дипломата. Стокгольм. «Северные Огни». 1921 г. 282 стр.

К. Д. Набоков был почти с самого начала империалистической войны русским дипломатическим представителем (поверенным в делах) в Лондоне. За время войны и революции перед его глазами прошло многое. Поэтому от него можно было ожидать книги захватывающего интереса. Но автор или не умеет или не хочет рассказать то, что он знает. Он сохраняет старую привычку дипломатически молчать, и его книга дает мало интересного, нового. Но кое-что в книжке Набокова не лишено интереса.

Интересна, например, роль, которую Набоков, как представитель временного правительства в Лондоне, играл в деле возвращения русских эмигрантов времен царизма. Он сам признается, что старался пускать их в Россию с разбором, стремился не допускать возвращения большевиков. «Нужно принять меры к тому, чтобы остановить наплыв большевиков в Россию», писал он временному правительству.—«Если вы будете продолжать водворять на родину всех без разбора,—вы этим самым подрубите тонкий сук, на котором сидите» (стр. 87). Тут же Набоков прибавляет, что живший в то время в Лондоне известный эс-эр Гав-

ронский был с ним согласен, ибо «понимал опасность массового проникновения большевиков-агитаторов в Россию».

Интересно описание тех усилий, которые делались Набоковым, чтобы убедить английское правительство в необходимости посылки войск в Россию летом 1918 г. для вооруженной интервенции. Набоков старательно защищал эту идею в ряде писем к Роберту Сесилю. Он горячо убеждал англичан «создать из двух портов—Северной России и Владивостока базу для привлечения русских сил, путем посылки отрядов, численность которых была бы в зависимости от практических соображений и возможностей данного момента» (стр. 218). И эта проповедь не оставалась без влияния. Она делалась для стремившихся к интервенции англичан ширмами, за которые они могли укрыться. Из английского министерства Набокову отвечали, что «высказанные им соображения приняты в самое серьезное внимание» (219). Далее Набоков свидетельствует, что и «Керенский, приехав в Лондон летом 1918 года, усиленно ратовал за интервенцию». А интервенцию Франции на юге России Набоков любовно именует «дружескими услугами Францией России на южном берегу Крыма и в Одессе» (92).

Но интервенция кончилась для Антанты таким поражением, что даже на Набокова нападает раздумье, и он пишет:

«Эпопея архангельско-муромской союзной экспедиции настолько печальна, что... невольно напрашивается вопрос: разумно ли было настаивать на этой экспедиции, не следовало ли предвидеть ее фиаско. Мы говорили: пошлите войска, и русские десятками тысяч примкнут к вам. Этого-то и не случилось» (220).

Интересно далее описание тех унижений, тех «испытаний дипломата», которые приходилось выносить Набокову от английского правительства после Октябрьской революции, когда он оказался представителем несуществующего правительства.

Описывая положение, создавшееся во время войны еще при царизме, Набоков пишет:

«Россия стала в полную материальную зависимость от Англии. За те жертвы материалом, тоннажем, капиталом, которые приносила Англия для снаряжения нашей армии, Россия не в состоянии была оплачивать материальными средствами. *Она платила лишь кровью сотен тысяч своих сынов, погибавших в бою.* Россия всегда просила, Англия — давала». Но после Октябрьской революции в России стало правительство, которое не захотело продолжать быть орудием, наемником Англии, не захотело торговать «кровью сотен тысяч своих сынов, погибавших в бою». Естественно, что такое правительство лишилось всех симпатий империалистической Англии.

Первые дни после Октябрьской революции противники этой революции за границей не верили в ее прочность. «Дело нескольких дней — вот отзыв, который,—по словам Набокова,—чаще всего приходилось слышать и который, помнится, был дан в газетных интервью одним видным русским политическим деятелем».

Но английские политические деятели, повидимому, если не видели, то чувствовали, что положение Советской власти более прочно. И чем далее, тем более убедили их в этом события и обнаруживающаяся беспочвенность русской контрреволюции. «Никто не поднимался в защиту этих восприемников «свободной России», пишет Набоков.—«Стало ясно, что русский народ... не пойдет ни за кем, кто попытается отнять власть у большевиков во имя верности союзникам». А раз у союзников исчезла надежда использовать Россию, как поставщика неограниченного количества пушечного мяса, исчезла вера в возможность возвращения русских контр-революционеров к власти,—они перестали церемониться с ними. Их отношение к «дипломатическим представителям» русской контрреволюции стало необыкновенно презрительным. Набокова лишили дипломатических прав и привилегий, его отказывались принимать, его содержали, на всякий случай, жалкими унизительными подачками.

«Приемы, примененные английским правительством при закрытии русского правительственного комитета и конфискации русских кредитов, были таковы, что даже теперь, два года спустя, вспо-

минать о них мучительно», пишет Набоков (194).

«Фонды наши,—продолжает он далее,—были конфискованы без остатка, включая все суммы, стоявшие на текущем счету посольства... Правительство (английское), однако, заявило мне, что имеет намерение «поддерживать» нас. Признаюсь, что все, связанное с материальным обеспечением посольства, переговоры мои с правительством, запросы в палате общин и комментарии печати — одно из самых болезненных жгучих воспоминаний всего этого страдного периода» (195). При обсуждении вопроса в английской палате общин, по словам Набокова, «представительство антибольшевистской России подверглось утонченному издевательству». Вообще же члены этого злополучного представительства «воистину испили до дна чашу унижения». Горек оказался хлеб субсидий и подачек. Но какого же другого обращения заслуживали эти господа, занимавшиеся натравливанием на Россию иностранцев.

Набоков старательно описывает, как он старался стать советником английского правительства. Впрочем, замечает он, наша «официальная точка зрения перестала приниматься в соображение. Между тем министерство иностранных дел и военное принимали и выслушивали несметное число безответственных русских людей». В число этих безответственных русских людей он заносит Струве, Гучкова, Ю. Гессена, князя Белосельского, «имя же им легион», говорит он. Иностранцы пользовались этими предателями родины, но вместе с тем в душе их, конечно, глубоко презирали... В конце-концов «влияние русских политических деятелей, дипломатов и случайных советников на политику держав согласия по отношению к России свелось к нулю. В особенности же в Англии», заключает Набоков.

А вот как Набоков описывает положение победителей после войны:

«Была победа. Но мира, свободы и благоденствия не последовало. Растерянные победители с каждым днем с изумлением соображали, что «времена мирные» еще за горами, и что плоды победы еще не созрели. Запасы хлеба, угля и мяса не увеличивались по мановению волшебного жезла—«четырнадцати пунктов». Жить стало труднее, чем прежде. Народ начинал сердиться. Немецкого милитаризма более нет... А жить трудно... Герои, спасители отечества не находят заработка. Их жены и сестры, зарабатывавшие по десяти фунтов в неделю на заводах для изготовления снарядов, — уволены. А жизнь дорожает. Все это вызвало крик: «Экономия». Правительство должно считать каждый грош. Армию надо сократить. Лишних чиновников надо уволить. Не надо могущественного флота. Мы думали, что сдерем с немцев последнюю шкуру—и вдруг оказывается, что платить они не могут, потому что мирный договор лишил их возможности быстро встать на ноги. Все это вызвало раздражение в массах» (274—275).

С интервенцией дело тоже становится плохо, «Франция противится плану англичан мириться и торговать с Совдепией. Из Лондона раздается голос: «А, вы готовы посылать войска и тратить деньги для спасения России (под спасением России Набоков понимает интервенцию)? Когда доходит до дела, до «вынь да положь», — вы к нам. Извините—мы больше не можем» (275).

А на последней странице своей книги Набоков с глубокой грустью должен признать, что международное положение Советской России теперь в корне изменилось. В 1919 г., говорит он, Литвинов входил к англичанам с заднего крыльца. А теперь Красин подъезжает к «парадному» ходу дома, в котором живет Ллойд-Джордж».

Н. Мещеряков.

К. ОБЕРУЧЕВ. В дни революции. Воспоминания участника Великой русской революции 1917 года. Издание «Народоправства». Нью-Йорк. 1919 г. 143 стр.

В первой главе книги К. Оберучев рассказывает кратко историю своей жизни до революции 1917 г. В конце 1888 г. молодым офицером он примкнул к партии «Народной Воли». В 1889 г. Оберучев и его сотоварищи были арестованы. После полугодичного заключения в тюрь-

ме он и его сотоварищи были разосланы по отдельным военным округам России. Оберучев, оставаясь офицером, был отправлен в Туркестанский край, где пробыл 10 лет. После поражения революции 1905/6 годов он был снова отправлен в Туркестан, но скоро вышел в отставку в чине полковника. Таким образом, всю свою жизнь К. Оберучев прожил военным.

Сперва он был народовольцем, а потом сблизился с эс-эрами. Но в душе своей Оберучев остался типичным обывателем. Судя по книжке, он, должно-быть, прекрасный, добрейшей души человек, но все миросозерцание его не поднимается над уровнем «честного», добропорядочного русского либерала-народника.

Февральская революция застала его в Киеве. Вскоре он был избран членом исполнительного комитета общественных организаций, который избрал его военным комиссаром Киева. Позднее он был назначен командующим войсками Киевского военного округа. Революцию он наблюдал все время в провинции.

Как истый обыватель-либерал, Оберучев не видит великих задач, стоявших перед Великой революцией. Он не вдумывается в них. Он только приходит в сентиментальный восторг по поводу того, что «над Россией взошла заря свободы, единый порыв, единое чувство овладело всеми, и не было споров, распрей и раздоров. Все жили одной верой в лучшее будущее и надеялись на укрепление начал свободы и права на русской земле» (103).

Во всей книге Оберучева нет ни слова о классовой борьбе. Взамен их читатель находит только либерально - сентиментальные восторги по всякому пустяковому поводу и такие же либерально-обывательские сентенции, достойные пера мадам Курдюковой времен революции.

На ряду с обывательскими восторгами книжка Оберучева переполнена таким же чисто обывательским непониманием большевизма и страхами перед кознями большевиков. По его мнению, большевики—это «опоздавшие к революции люди, огорченные, что таковая произошла без их участия и решившие во что бы то ни стало продолжать и углублять революцию». До такой обывательской плоскости не додумывался, кажется, еще никто, кроме Оберучева. На примере этого обывателя лучше всего оправдывается известное определение филистера, согласно которому филистер—это пустая кишка, полная страха и надежды.

А между тем Оберучев—старый революционер, член партии эс-эров. Только с этой стороны, только как образчик той обывательщины, которая наполняла партию эс-эров и выдвигалась ею на видные, высокие революционные посты, интересны Оберучев и его книга. Для истории революции она не дает ничего.

Книжка была написана автором в Швеции в ноябре—декабре 1917 года.

Н. Мещеряков.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПРОФ. И. М. КУЛИШЕР. Очерки финансовой науки. Вып. I-й Изд. 1919 г.

Эта книга, по словам самого автора, должна была вначале выйти под заглавием «Принципы обложения и податные системы», охватывая более узкую область финансовой науки. Затем автор переработал эту тему, превратив ее в «Очерки финансовой науки», имеющей своей целью служить пособием при изучении финансовой науки в высшей школе.

Финансовая наука—это такая область экономики, где еще бесконтрольно господствует глубоко буржуазная точка зрения на предмет, хотя действительная теоретическая основа этой экономической дисциплины коренится в третьем томе «Капитала» (Отдел седьмой—«Доходы и их источники») К. Маркса. Основным и конечным источником доходов является единственный финансовый источник—прибавочная стоимость, образуемая трудом рабочих в процессе производства. Налог является одним из разветвлений

прибавочной стоимости, ее формой (подобно ренте и прибыли), частицами овеществленного (в деньгах или в натуре) человеческого труда, присвояемого в целях укрепления своего господства классом капиталистов. Но от этих простых и ясных истин далеки корифеи финансовой науки, и имя Маркса на страницах их толстейших трудов встречается чрезвычайно редко.

Далек от этих истин и проф. Кулишер, хотя его книга вышла в свет в 1919 г. в эпоху великой хозяйственной перестройки и жестокой практической критики принципов финансовой науки (контрибуция, разверстка, натурналог, бумажно-денежная миссия). Вся книга Кулишера состоит из 12 глав и представляет собой шаблонную профессорскую компиляцию, уснащенную множеством выдержек давно забытых мелких немецких, французских и иных экономистов в роде Гока, Кона, Конрада, Канора, Кэвесса, Париэ и т. д. и т. п., кроме, конечно, Маркса, имя которого он только вскользь упоминает в связи с Коммунистическим манифестом и идеей единого прогрессивного подоходного налога (глава VIII, стр. 147).

Все 12 глав книги можно разделить на три общих части: введение, приход и расход и теория налога. В первой части автор дает определение финансам и финансовому хозяйству; во второй разбирает расход и приход. В этом вопросе автор проводит принцип определения доходов расходами, считая этот принцип «страшным только на первый взгляд», хотя по этому вопросу некоторые и буржуазные финансисты (Нитти) держатся наиболее прогрессивного взгляда — принципа определения доходами расходов. Дело финансистов—изыскание и систематизация источников дохода, расходный же бюджет в большей своей части—дело сметной бухгалтерии. В главах о теории налога (идея налога и переложение налога) приводятся обычные хитроумные измышления в оправдание института налогов, в роде теории эквивалента, страхования и возмездия. Сам автор (очевидно, стесняясь присоединиться ко всей ветоши этой убогой буржуазной миссии) выдвигает еще одно измышление—«новое понимание налога, как обязанности, вытекающей из самой идеи государства и из тех коллективных потребностей, которые удовлетворяются государством» (стр. 82, глава V). Вместо того, чтобы высказать простую, ясную мысль, что налоги являются частицами человеческого труда, присваиваемого государством, как системой классового господства буржуазии, Кулишер выдвигает свою новую путаницу (путаницу потому, что автор, выдвигая эту точку зрения, совершенно не развил и не обосновал ее) и именует ее «социальной системой обложения. В вопросе переложения налога,—над которым особенно любят ломать копья финансисты, измышляя объяснения в роде «теории диффузии», по которой выходит так, что налог распыляется и от него никому не тяжело,—почтенный профессор придерживается той точки зрения, по которой, чем больше падает налог на рабочего, тем меньше последний пьянствует и празднует, тем богаче он становится, тем усерднее «плательщик старается наверстать утраченное в виде налога путем усиления своей производительной деятельности и в связи с этим увеличения своего дохода» (стр. 120). Автор не высказывает прямо и до конца той простой и ясной мысли, что вся тяжесть налогов в буржуазном государстве, где необходимые средства существования рабочему не обеспечиваются в виде установленной нормы, ложится на тех, кто производит прибавочную стоимость, т.-е. стоимость самого налога.

Ясно одно, что автор держится не только буржуазного, но и реакционного взгляда на рабочий класс и на сущность налога. Это явствует еще раз хотя бы из следующей цитаты: «В XVII—XVIII стол., когда даже в промышленной Англии рабочий класс немногим отличался от современных индусов, довольствующихся небольшим количеством риса и по получении его прекращающих работу, ибо большего им не нужно,—налог мог служить таким стимулом, таким возбуждающим средством к продолжению работы. Но с точки зрения народного хозяйства, налог может приписать себе такую заслугу лишь при одном условии: если вызываемый таким путем рост богатства не сопряжен с переутомлением и изнуре-

нием плательщика налога, иначе и самый рост богатства оказывается лишь кратковременным».Много еще найдется комплиментов по адресу рабочего класса в книге Кулишера.

Только странным кажется, как эта книга могла появиться в Советской России да еще с претензией быть учебным руководством для студентов факультета общественных наук Государственного университета Социалистической Республики.

М. Русаков.

Н. ЛЮБИМОВ. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. Критическое изложение работы Кейнса: «Экономические последствия мира». Стр. 132. Государственное Издательство. Москва, 1921 г.

Так как весь интерес данного труда заключается в изложении взглядов Кейнса, безусловно было бы скромнее выделить в титуле книги на первый план имя Кейнса, а отнюдь не ставить его как бы в скобки. Не следовало ли бы попросту написать: *Кейнс.* «Экономические последствия мира». (Критическое изложение Н. Любимова). Это более соответствовало бы содержанию работы, предложенной нашему вниманию Н. Любимовым.

Было бы совсем хорошо, если бы Любимов дал попросту хороший перевод Кейнса. Но автору почему-то вздумалось выступить в роли самостоятельного «исследователя». Путь для этого выбран очень неподходящий. В результате мы не имеем ни полного перевода книги Кейнса, крайне известной для нас как своими сильными, так не в меньшей мере слабыми сторонами, ни самостоятельного исследования Н. Любимова.

Банкротство Версальского мира представляет в настоящий момент общепризнанный факт. Из держав-победительниц в особенно тяжелом положении очутилась Франция, т.-е. именно та держава, которая обнаружила особую беспощадность по отношению к побежденной Германии в ложной надежде на окончательном разорении и обескровлении последней создать фундамент своего экономического возрождения и мировой гегемонии. Кто теперь во Франции тешит себя подобными химерами? Quantum mutatis ab illo.

Как много изменилось с той поры. Передо мною лежит сегодняшний номер «Правды» от 15 января, содержащий выдержки из доклада сенатора Шерона, который цитирует «Матэн» в номере от 29 декабря. Долг Франции равнялся в 1914 г. 28 миллиардам фр., к концу 1918 г.—171 миллиарду фр., к концу 1921 г.—328 миллиардам фр. Цитируя эти цифры, «Матэн» говорит: *«Четыре года войны нам стоили 143 миллиарда франков, а три года мира—197 миллиардов фр. Таким образом, сфабрикованный для нас мир обходится дороже войны».* Но ведь только недавно «Матэн», на ряду со всеми другими буржуазными французскими газетами, прославляла Версальский мир и видела в нем справедливое и драгоценное увенчание великих заслуг Франции в деле спасения всего человечества от страшных опасностей, которыми грозила последнему победа «германского бронированного кулака».

Шерон предвидит, что к 1 января 1930 г. французский государственный долг будет равняться 425 миллиардам и потребует уплаты ежегодных процентов свыше 21 миллиарда. Между тем все французские доходы равнялись в 1920 г. 19 миллиардам, а в 1921 г.—23 миллиардам. *«Как же мы будем жить»*, восклицает в ужасе «Матэн», резюмируя общее положение Франции в следующих словах: «Ни финансовой, ни военной безопасности». Это уж не подведение итогов,—говорит «Матэн»,—*а приговор над людьми, которые нас довели до этого».*

Итак, результаты Версальского мира теперь налицо. Крах всей буржуазной политики настолько очевиден, что желтая пресса, чувствуя приближение грозы, старается уже переложить ответственность за последствия Версальского мира с плеч целого класса—буржуазии—на отдельных личностей, Клемансо и т. п. Но в момент Версальской конференции, от участия в которой Кейнс отказался (июнь 1919 г.), убедившись в том, что надежды на сколько-нибудь существенные изменения условий мирного договора должны быть оставлены, взгляды Кейнса могли казаться ученым представителям

буржуазии победивших стран или парадоксом, или продуктом германофильства. Кейнс был представителем английского казначейства на парижской мирной конференции; придя к заключению об опасных последствиях условий мирного договора, он отказался от своих должностей и решил опубликовать мотивы своего отрицательного отношения к договору или, точнее, ко всей политике конференции в области основных экономических проблем Европы.

Предлагаемая работа распадается на следующие главы: Европа накануне войны. Конференция в Версали. Основные положения мирного договора в Версали. Условия возмещения убытков, принятые Германией по Версальскому договору. Европа после Версальского мира. План экономического возрождения Европы.

Уж из этого краткого перечня вопросов, освещаемых в работе Кейнса, видно, насколько богато содержание последней. Само собой разумеется, что в беглой рецензии нет возможности затронуть все эти вопросы. Остановимся лишь на одной из трактуемых Кейнсом тем.

Говоря о материальных убытках союзников, понесенных в период мировой войны по вине Германии, Кейнс доказывает, что размеры материального ущерба во Франции, Бельгии и проч. странах сильно преувеличены. *Бельгия—одна из наименее пострадавших от войны стран.* Разоренная часть Бельгии представляет совсем небольшой процент к общей территории страны. Брюссель, Антверпен, по существу дела не затронуты и почти вся земля, главное богатство Бельгии, обработана так же хорошо, как и раньше. Размер предъявленных к Германии Бельгией требований превышает *общую сумму довоенного богатства* страны и по суждениям Кейнса совершенно недопустим. Равным образом, необычайно раздуты убытки Франции в результате разрушений, произведенных немецкими войсками. Кейнс оценивает эти материальные убытки в 500 миллионов ф. стерлингов, между тем министр восстановления промышленности Лушер заявил в сенате 17 февраля 1919 г., что восстановление разрушенных областей составит расход в 3 миллиарда ф. стерлингов. Эта цифра в шесть раз превышает действительную цифру убытков и *вдвое превышает оценку довоенного богатства всего населения Франции*, сделанную французским экономистом Пюпеном.

Кейнс, оценивая материальные убытки союзников, т.-е. Франции, Бельгии, Англии, Румынии, Италии, Греции, Сербии, в 2 миллиарда ф. стерлингов, предложил ограничиться требованием от Германии возмещения этой суммы, между тем союзники потребовали от Германии уплаты контрибуции в пять миллиардов ф. стерлингов,—сумму, которую Германия ни в коем случае не в состоянии выплатить.

Требования, предъявленные Францией по отношению к Германии, Кейнс прямо называет обманом французского народа и полагает, что, когда наступит час неизбежного просветления широких масс, как относительно объема собственно французских претензий, так и относительно способности Германии оплатить их, наступит переворот всего политического и общественного строя в целом (см. Н. Любимов: «Мировая война» и т. д., стр. 68).

Сознание бессмысленности Версальского договора начинает все более и более проникать даже в буржуазные круги стран Антанты. Мнение, высказанное бывшим итальянским премьер-министром Нитти: «При строгом проведении Версальского договора в жизнь должны разориться не только побежденные, *но и победители*», становится уже общепринятой истиной в Италии и Англии. Приведенные нами в начале этой рецензии цитаты из «Матэн» показывают, что и во Франции плоды Версальского договора начинают казаться слишком горькими и тем, кто только недавно настаивал на предъявлении самых беспощадных требований по отношению к Германии, видя в этих требованиях лучшее средство для одурачения народных масс Франции перспективами обогащения страны на счет Германии.

Отсылаем всех интересующихся вопросом о положении Европы в результате мировой войны к книге Кейнса, хотя бы в сокращении Н. Любимова. Однако, думаем, что всякому читателю было бы по-

лезнее ознакомиться с работой Кейнса в хорошем переводе без всяких сокращений, хотя бы и без «критических» замечаний и дополнений Любимова. Думаем, что неправильные мысли Кейнса для нас интереснее, чем правильные рассуждения его комментатора и критика.

Мих. Павлович.

ПЕТР МАСЛОВ. Мировая социальная проблема. Чита. 252 стр. 1920 г.

Новая работа известного экономиста Петра Маслова, автора трудов «Аграрный вопрос», «Теория народного хозяйства, «Капитализм» и т. д., заслуживает, несомненно, серьезного внимания, даже если-б в книге и не было жалоб автора на замалчивание его трудов, непонимание и других косвенных призывов к внимательной экономической критике.

Книга заслуживает серьезного внимания, несмотря на крупнейшие недостатки в изложении и некоторые теоретические и тактические ошибки в коренных вопросах.

Книга посвящена проблеме распределения производительных сил и непонятно, почему носит такой катедер-социалистический подзаголовок. Начало книги читатель может смело пропустить не читая,—это сплошь скучная ненужность на 22 страницах, где автор в стиле либерала 40-х годов говорит о вреде веры в авторитеты. Эта часть искусственно пришита к основному содержанию книги.

Основное содержание книги, если передать его в нескольких фразах, сводится к следующему. Вопрос о распределении производительных сил, о соотношении производительного и непроизводительного потребления имеет огромное значение для каждого типа хозяйства; в частности для капиталистического и особенно для социалистического. Этому вопросу экономическая наука почти не уделяла внимания и гораздо больше занималась проблемами распределения национального дохода. Непонимание проблемы обнаруживалось и в том, что при борьбе рабочих за увеличение заработной платы не обращалось внимания, в какой степени эта борьба задевает не только потребительский фонд самого капиталистического класса, но и тот фонд, который хотя и находится в распоряжении капиталистов, но предназначается для воспроизводства. Мировая война, во время которой произошло огромное перераспределение производительных сил в сторону непроизводительных затрат для фронта, привела к страшному обеднению Европы при внешнем обогащении капиталистических классов. Смысл этой перемены и ее корни не были поняты экономической наукой.

После войны, во время которой воюющие страны жили накопленным за предыдущие годы капиталом, распределение производительных сил остается таким, что огромные массы средств продолжают тратиться на милитаризм, что приводит к дальнейшему проеданию ранее накопленного капитала. Отсюда ошибка социалистических партий и рабочих организаций, которые борются за увеличение доли рабочего класса в национальном доходе вообще, а не за иное распределение производительных сил, при котором были бы устранены огромные траты на милитаризм и другие непроизводительные расходы. Та же проблема неправильно разрешается и в Советской России, где переход власти к пролетариату не привел к развитию производительных сил, где хозяйство падает, издержки аппарата и другие непроизводительные расходы безмерно велики, где, в частности, система разверстки совершенно приостановила развитие производительных сил в мелком крестьянском хозяйстве.

Вывод же такой. И капиталистические страны, и Советская Россия платятся теперь за то, что не могли поставить и разрешить правильно проблему распределения производительных сил и не обратили внимания на соответствующие труды Петра Маслова.

Разберемся в основных положениях автора.

Первая основная ошибка П. Маслова заключается в том, что он находит возможным проблему распределения производительных сил трактовать одинаково и для капиталистического, и для социалистического строя и теоретически, и в

смысле основных практических выводов. Это приводит его, с одной стороны, к крупной теоретической ошибке, а в области практической—к измене делу пролетарской классовой борьбы, поскольку она ведется в капиталистическом обществе. П. Маслов рассуждает таким образом. Вся продукция промышленности, как известно, делится на три осчовные части: фонд заработной платы, фонд воспроизводства, фонд личного потребления капиталистического класса. Рабочий класс не заинтересован в сокращении второго фонда, потому что это приводит к задержке развития производительных сил, а благодаря сокращению продукции ведет к сокращению того, что вообще может подлежать распределению. Поэтому борьба за увеличение доли рабочего класса должна быть по третьему, а не по второму фонду, а главная цель борьбы должна заключаться в сокращении непроизводительного потребления буржуазных классов, а потому—поскольку дело идет о распределении производительных сил в стране—к сокращению рабочих сил и орудий производства, выделяемых для обслуживания непроизводительного потребления, с тем, чтоб большая часть переливалась в отрасли, обслуживающие потребления производительные.

Это кабинетное расписание правил классовой борьбы опрокидывается и теорией и практикой рабочего движения, опрокидывается и самим автором, как увидим ниже. Сначала о теории. Уже сам автор в другом месте книги подчеркивает, что понятие непроизводительного потребления является относительным. Потребление одних предметов при низкой продукции хозяйства может считаться роскошью, при гораздо более высокой ступени развития производительных сил может считаться потреблением производительным, необходимым или, во всяком случае, не роскошью. Возьмем такой пример. «Потребление» автомобильных шин и горючего комиссаром, перевозящим на грузовике мебель на дачу за 50 верст, когда нехватает транспорта для перевозки картофеля с вокзала в склады Наркомпрода, есть непроизводительное потребление при нашей нищете. Наоборот, покупка американским рабочим автомобиля, на котором он ездит ежедневно на работу, а по праздникам—отдыхать за город в Чикаго или Нью-Йорке, в условиях продукции американской промышленности не является непроизводительным потреблением. Но раз так, то не правильней ли понятия непроизводительного потребления поставить в связь со всей данной *системой хозяйства в целом*?

Понятие производительного и непроизводительного труда, как и понятие производительного и непроизводительного потребления, совершенно различны для капиталистического и для социалистического общества. Является ли труд рабочих, строящих броненосцы в данной капиталистической стране, производительным трудом? Для П. Маслова это очень ехидный вопрос. В последних главах книги он много распространяется о той непроизводительной растрате средств, которая вызывается усиленным вооружением после войны, а перед этим автор, желая оправдать свою патриотическую позицию в период империалистской войны, подыскивает аргументы за оборону страны. Как же это так? Если оборона нужна, то ведь нужны и пушечные заводы.

Я не знаю, что ответит П. Маслов на этот вопрос, но для нас совершенно очевидно, почему он попал в такое противоречие. Он пытался занять какую-то подзвездную теоретическую позицию над капиталистическим и социалистическим обществом и взялся обучать людей правильно распределять производительные силы, независимо от того, пролетариат или буржуазия стоит у власти. Между тем в капиталистическом обществе производительные силы распределяются таким образом, что часть идет на воспроизводство продуктов «необходимого» потребления, орудий производства и производительное накопление, часть на обслуживание непроизводительного потребления класса капиталистов, часть на поддержание всей капиталистической системы в целом. Производительны ли траты современной Франции на милитаризм? С точки зрения социалиста и коммуниста—непроизводительны. Но для капиталистической системы Франции эти траты нужны, потому что поддерживают

данный, т.-е. выгодный для буржуазной Франции, status quo Версальского мира. И когда П. Маслова попросили сойти в дни войны с теоретической высоты и ответить на простой вопрос: надо ли бить немца, он ответил: «надо оборонять страну», что для пушечных заводов одинаково означает расширение их производственной программы. Иными словами, П. Маслов стал на точку зрения данной, т.-е. буржуазно-помещичьей, системы; и с *точки* зрения *данной системы* ответил положительно на тот самый вопрос, на который на других страницах книги, как социалист, отвечает отрицательно.

Возьмем дальше — фонд непроизводительного потребления буржуазии. П. Маслов рекомендует рабочим добиваться увеличения заработной платы за счет этого фонда, а не за счет фонда воспроизводства. Но как это сделать? Ведь и тот и другой фонд находятся в руках капиталистического класса, ответственного (если можно так выразиться) за весь ход производства в целом. Не станут же рабочие металлургического завода, объявившие стачку, требовать увеличения заработной платы, но обязательно за счет того фонда, на который данное капиталистическое общество содержит дамские корсетные мастерские или шикарные магазины бриллиантов. А самый вопрос об уничтожении непроизводительных расходов практически можно поставить лишь с переходом к плановому хозяйству, что предполагает завоевание власти пролетариатом. Но рецепт П. Маслова, ничего не давая пролетариату, даст богатейший материал буржуазии против экономической борьбы рабочих вообще. Не плохо, а очень хорошо, что до сих пор экономическая борьба рабочего класса развивалась не по рецепту Маслова. Даже в тех случаях, когда увеличение заработной платы происходило иногда не только за счет третьего, но и второго фонда, это заставляло капиталистов уменьшать издержки производства путем улучшения техники и в общем двигало вперед экономическое развитие. Если же теперь массовая стачечная борьба, как, например, недавняя стачка английских углекопов, подрывают производительные силы капиталистического общества, то это лишь ускоряет момент его ликвидации, и неприлично социалисту плакать по этому поводу, хотя бы и теоретическими слезами. Всякая хорошая вещь, и в том числе хорошая пролетарская революция, дорого стоит. Я думаю и П. Маслов должен будет, подумавши, признать (если правда, что он социалист), что издержки революции нельзя причислить к непроизводительным издержкам человеческого общества.

Основная причина падения производительных сил в мировом буржуазном хозяйстве—это капитализм.

Основное решение проблемы—социальная революция.

Между тем, при чтении книги П. Маслова создается впечатление, что если б капитализм смог принять действительные меры против непроизводительного потребления, то этим «мировая социальная проблема» была бы решена. П. Маслов много издевается над нашим планом электрофикации, считая его утопичным при нашей нищете и не учитывая, что этот план поставлен в зависимость от подъема всего производства и рассчитан на 10 лет. Но если наш план электрофикации—утопия, то эта утопия есть ничтожная мелочь, в сравнении с мелкобуржуазной утопией П. Маслова о возможности спасения капитализма по предложенному им рецепту.

Но П. Маслов не только не одобряет социалистов и рабочих, которые в стачечной борьбе покушаются на фонд воспроизводства при капиталистическом обществе (увы, социалисты Амстердама, кажется, выше этих упреков даже в отношении фонда потребления капиталистического класса), но и упрекает меньшевиков за подстрекательство рабочих, к таким требованиям, выполнить которые пролетарское государство не может без вреда для восстановления промышленности. Упреки меньшевикам правильны лишь постольку, поскольку в России существует диктатура пролетариата. Вообще же позиция П. Маслова выгодна для господствующего капиталистического класса.

П. Маслов подчеркивает не раз, что он только экономист, а не политик, и что его выводы есть лишь объективные выводы научной теории. Однако, его по-

пытка занять какую-то архивозвышенную позицию бесстрастного наблюдателя над капитализмом и социализмом, над буржуазией и пролетариатом терпит самое жалкое фиаско.

Во-первых, П. Маслов, как не народник и не идеалист, а почти марксист, должен был бы знать, что таких позиций в классовом обществе вообще не бывает: сидеть на воздухе—противоречит законам физики. Сидеть же на земле возможно лишь занимая стул в ряду какого-либо класса. На классовой земле тесно — все места давно разобраны, и кто даже уселся бы между двух стульев, то эти стулья все же, в конце-концов, есть классовые стулья. А во-вторых, П. Маслов говорит не правду, будто он не политик потому, что делает ряд политических выводов из теоретических построений и даже по вопросу об участии в войне высказывался и теперь высказывается определенным образом, т.-е. что надо было «оборонять» милюковско-гучковскую Россию от тех, кто не желал отдавать даром Константинополь и Галицию. Разве это не политика? П. Маслов—политик, но только плохой политик, если не сказать больше.

Весьма характерной чертой автора является его необычайное самомнение при изрядном невежестве по части экономической литературы последних лет—европейской и русской.

Так, например, он тоном человека, только что открывшего Америку, говорит о том, что никто до сих пор из экономистов не сумел объяснить причин разорения Европы, и никто не догадался, что основная причина заключается в употреблении огромного количества рабочих сил и материальных средств производства на обслуживание войны, т.-е. на хозяйственно непроизводительную трату средств. Он пишет: «Ни рабочий класс, ни буржуазия, ни экономисты не замечали тех хозяйственных процессов, которые происходили за спинами производителей: процессов общего сокращения производительных сил страны и ее капитала, благодаря изменению характера потребления производимых продуктов». Если бы автор интересовался не только экономической, но хотя бы брошюрной политической и газетной литературой Запада, он узнал бы, что все это давным-давно известно, и соответствующие места его книги вызывают лишь улыбку жалости со стороны тех, кто считает автора на основании прежних работ крупнейшим и часто весьма оригинальным экономистом-теоретиком.

Теперь о критике нашей экономической практики. Автор пишет: «Основываясь на изучении политической экономии, социалисты-большевики в России попытались организовать хозяйство на новых началах. Им казалось, что организованное на этих новых началах хозяйство должно окрепнуть и развиваться, если в их руках находится власть регулирующая хозяйственные отношения. Между тем, производительные силы народного хозяйства продолжают падать с катастрофической быстротой, и экономическая наука пока не дает этому удовлетворительного научного объяснения» (стр. 26).

Читатель знает, что и без экономической науки из Читы у нас сотни раз выяснялись все причины нашей хозяйственной разрухи, несмотря на приступ Советской власти к плановому хозяйству. Мы знаем теперь наше государственное хозяйство в точных цифрах, знаем, как распределяются наши рессурсы, и ни для кого никогда не было тайной, что государство, содержащее 5-миллионную армию и 3 миллиона рабочих без достаточного продовольствия для последних,— не может поднять производительные силы, пока длится война.

Наоборот, теперь при продовольственных рессурсах в два раза меньших, чем прошлый год, мы имеем несомненный подъем промышленности, к сожалению, упирающийся в ограниченность продовольственных рессурсов сельского хозяйства. Что касается критики нашей продовольственной политики и описания ее вредных последствий для сельского хозяйства, то в этой критике автор прав, Но тот факт, что эту политику *после войны* мы изменили еще до появления в свет книги П. Маслова, доказывает, что в Советской России живут не одни только дураки. И наоборот, если б П. Маслов написал свою книгу в 1918 г., то это ни на иоту не изменило бы хода событий, в частности в деле проведения той

продовольственной политики, которая была объективно необходимой для военной победы пролетариата.

Что касается полжительного научного содержания книги, то оно весьма значительно, хотя уступает предыдущим трудам автора. Если и неверно утверждение П. Маслова, что проблемой распределения производительных сил марксистская политическая экономия почти не занималась, — достаточно вспомнить 2 том «Капитала», книгу Р. Люксембург «Накопление капитала», «Развитие капитализма в России» Ленина, «Экономику переходного периода» Бухарина, работы Парвуса, Варги и т. д., тем не менее автор в этой области имеет несомненные заслуги и в ряде вопросов научный приоритет. Несомненно, что и проблема потребления, которой автор занимался не с целью опрокинуть теорию ценности, как это делали буржуазные экономисты всех мастей, а с целью связать законы массового потребления с законами производства и распределения, им поставлена во весь рост, хотя ряд положений автора в этой области и подлежит спору. В частности автор преувеличивает влияние законов потребления на производство и не дооценивает влияния *распределения* на размеры и характер массового потребления различных классов, а следовательно, влияние *распределения национального дохода на распределение производительных сил.*

В конце книги автор, без лишней скромности, пытается напомнить читателям, сколько раз он оказывался прав в споре с тов. Лениным. В частности он пишет: «В 1902 г. я выступал в печати против аграрной программы Ленина, принятой с.-д. партией в том же году. В 1906 г. его программа была отвергнута». П. Маслов в своем безграничном самомнении искажает всем известные факты из истории нашей партии. В 1902 г. он возражал против *одной* аграрной программы Ленина (с отрезками), а в 1906 году на Стокгольмском съезде Ленин от фракции большевиков защищал *другую программу*, не «отрезки», а национализацию земли. Можно ли так путать?

Меньшевистским большинством объединительного съезда национализация, защищавшаяся т. Лениным, была отвергнута, но зато она была принята рабоче-крестьянским большинством страны в Октябрьскую революцию и остается незыблемой до сих пор, тогда как муниципализация так и осталась кабинетной выдумкой П. Маслова.

Несмотря на все свои недостатки, книга заслуживает переиздания в центре России, даже Госиздатом, особенно, если автор сделает необходимые поправки на основании более обстоятельного знакомства с хозяйством Советской России и если выбросит не нужные повторения одного и того же одними и теми же словами, что слишком часто встречается в книге. От этого, не в ущерб содержанию книги, можно было бы текст сократить по крайней мере на $^1/_3$, что для Советской России, с ее бумажным кризисом, было бы весьма полезно в смысле борьбы с «непроизводительным потреблением», о которой так много говорит автор.

Е. Преображенский.

КАРЛ БАЛЛОД. (Атлантикус). Государство будущего. Перевод со 2-го нем. изд. А. и И. Рубиных. Москва. Госуд. Изд. 1921 г. Серия Центросоюза. Стр. 178.

Книга Атлантикуса, вышедшая первоначально больше 20 лет назад с предисловием Каутского, была встречена, как одна из обычных социалистических утопий. Между тем уже тогда она резко отличалась от всех прежних утопий *конкретностью* и *реальностью* своих основных положений и расчетов. Как правильно указывает сам автор в предисловии к новому изданию, его «сочинение не представляет собою агитационного излияния одаренного фантазией писателя, *не является беспочвенной утопией*, в обычном смысле, но *есть попытка научного синтеза целостной формы народного хозяйства* [1]) из отдельных составных частей, уже теперь известных и применяемых, но в существующей капиталистической системе хозяйства не собранных в одно целое, потому что это противоречило бы интересам господствующих классов».

---

[1]) Курсив автора.

В новом издании книга вышла в Германии в начале германской революции, когда власть была в руках социалистов и вопросы социализации производства, казалось, стояли на очереди. В теперешнем своем виде она представляет конкретный и детально разработанный план, обнимающий все важнейшие отрасли производства, и ставит своей задачей показать, что при социализации всего общественного хозяйства, даже при условии *выкупа* средств производства у частных владельцев и уплаты им пожизненной ренты на капитал,— достаточно для всего населения нескольких лет обязательной трудовой повинности с 8-час. раб. днем, чтоб все остальное время оно было обеспечено всем необходимым.

При этом, говорит Баллод, «при сокращении имуществ до уровня, допускаемого буржуазными экономистами, и при вполне достаточном вознаграждении умственного труда—*доля физического труда может равняться не трем десятым, а восьми десятым национального производства*[1]), при этом по крайней мере удвоится средний доход широких народных масс, измеряемый в *реальных ценностях* (курсив автора. *Б. Г.*).

К этим выводам, повторяем, приходит автор не голословно, а на основании конкретнейших, подробнейших и вполне убедительных *хозяйственных расчетов* и выкладок. Любопытно отметить, что некоторые отрасли производства, как, напр., постройку жилищ и книжное дело, автор предоставляет частной или кооперативной инициативе. И еще одна интересная подробность... «Государство» или общество снабжает граждан за их обязательный труд лишь *необходимыми* предметами потребления. Для получения предметов роскоши или наслаждения они должны работать сверх нормальной трудовой повинности. Как известно, эту мысль впервые детально разработал *Вейтлинг*.

Тем не менее книге присущ один серьезный недостаток: в ней не чувствуется «экономики переходного периода», веяния живой и сложной жизни, с ее по-час разрушительной борьбой, меняющей все стройные планы. Автор—рационалист, и это все-таки роднит его со старыми утопистами, от которых он открещивается. Притом в его плане социализации производства не видно *классового* пролетарского характера. С несколько бо́льшим уклоном в сторону собственников его мог бы—теоретически говоря—осуществить и какой-нибудь всемирный, всеобъемлющий трест, в роде того, какой изображен у Уэльса в романе «Когда спящий проснется», или в роде парагвайского иезуитского коммунизма, перенесенного в новейшие капиталистические условия.

Впрочем, как правильно замечает в предисловии к русскому изданию Ю. Мархлевский, классовая борьба, разразившаяся после выхода книги в самой Германии, вероятно, многому научила автора. А пребывание его в России в 1920 г. заставило его более объективно оценивать и русскую революцию, что отразилось на его послесловии к русскому изданию.

Предисловие Ю. Мархлевского дает ряд верных—и принципиальных и конкретных—критических замечаний к книге Баллода, что не мешает ему считать ее очень ценной и полезной. С этим нельзя не согласиться. К книге приложена еще статья Н. Л. Мещерякова о роли кооперации в момент социализации.

Перевод книги хорош. Она вообще заслуживает широкого распространения и притом не только среди рядовых читателей, но и среди «многих» главкистов...

Б. Горев.

К. Н. КАШКИН. Наш юго-восток. Изд. Н. К. П. С. 1920 г.

Книга эта написана инженером-практиком еще в 1919 году, проектировавшим жел.-дорожную линию Александров Гай—Эмба, и представляет собою ряд предложений делового характера с кратким мотивированным текстом.

Для рядового читателя она, пожалуй, не представляет интереса, для специалистов же, может-быть, и окажется полезной, преимущественно в главах, касающихся железнодорожного строительства.

[1]) Курсив мой. О трех десятых говорил Родбертус. *Б. Г.*

Название книги совершенно не соответствует содержанию, так как, кроме упомянутых глав, она написана «слегка», мы бы сказали, газетно, и годилась бы, за некоторыми сокращениями, в ежедневную прессу в качестве хорошего большого фельетона.

Суть предложений автора сводится к следующему:

«Пока главная будущность и ценность нашей юго-восточной окраины состоит в развитии колонизации, путей сообщения и земледелия, которое может дать продукты ценных культур, не произрастающих в остальных частях России, кроме разве Закавказья, южного берега Крыма и Черноморского побережья»,— поэтому главнейшей задачею являются оросительные работы, к которым нужно подходить с большой осторожностью во избежание ошибок, которые уже были сделаны в разных местах земного шара и в частности в Средней Азии. «Следующее место за оросительными работами принадлежит, несомненно, нефтяному делу. Необходимо тщательно изучить восточное побережье Каспийского моря, где, по мнению геологов, есть много шансов найти новые нефтяные месторождения».

Затем нужно произвести изыскания соединения русской сети с индийской и найти направление соединения Среднеазиатской дороги с Саратовом; произвести также изыскания сети дорог в северо-восточной Персии, с которой нас связывают широкие перспективы товарообмена; сделать перечень имеющихся в наличии проектов подъездных путей в Средней Азии и определить экономическую потребность в дальнейшем их развитии; «при составлении проектов крупных оросительных предприятий непременно давать хотя бы не разработанный детально проект железных дорог для обслуживания этих районов с указанием стоимости сооружения этих линий и их экономической оценки».

Книга, как может понять читатель, деловая, по затрогиваемым вопросам достаточно значительная, но... первые две страницы испортили все дело, если помнить, что книга издана в 1920 году комиссариатом революционного правительства и т. п. Н. К. П. С. следовало бы тщательнее редактировать издаваемые им книги. Ведь не можем же мы преподносить самую разимпериалистическую «историю Российской Империи». Если наши инженеры ровнехонько ничего не понимают в философии истории, то редакции советского комиссариата такое непонимание непростительно.

Автор рецензируемой книжки пишет, например, что кочевники средне-азиатских степей совершали набеги, грабили, уводили в плен жителей «и тем вынудили Россию постепенным продвижением в глубь Средней Азии... привести наших беспокойных соседей к необходимости мирного образа жизни». И дальше: «Только завоевание Хивы в 1873 г. и разгром текинцев под Геок-Тепе в 1881 г. окончательно открыли краю возможность спокойного (!) развития культуры и освободили (!) десятки тысяч невольников».

Так же пишут буржуазные историки Англии об Индии, Бельгии — о Конго, Франции—о Марокко. Не хорошая кампания.

В. Н. Сарабьянов.

Профессор П. Н. ПЕРШИН. Об экономическом положении России. Воронежское Отделение Госуд. Изд. Воронеж, 1921 г Стр. 40.

Эта книга составлена из двух очерков, освещающих, в элементарно-обобщенной форме, совокупность фактов и цифр, наиболее существенные стороны экономического быта современной России.

В первом очерке в очень сжатом виде автор дал характеристику некоторых отраслей нашего народного хозяйства (металло-промышленность, хлопчато-бумажную промышленность, сельское хозяйство, топливо, транспорт, денежное обращение), снабдив эту характеристику минимально необходимыми и элементарнейшими теоретическими предпосылками-обобщениями.

Второй очерк, посвященный кустарной промышленности в общей экономике страны может заинтересовать тех, кто на мелкой промышленности мечтает построить возрождение народного хозяйства.

Большим «минусом» последнего очерка является почти полное отсутствие ста-

тистических материалов, что лишает выводы автора той убедительности, на которую он, может-быть, имел бы право.

В первом очерке статистический материал все-таки имеется и относится к сравнительно недавнему времени, что в экономических работах всегда является не маловажным достоинством.

В. Михайлов.

В. Н. САРАБЬЯНОВ. Металлопромышленность России. Всерос. Бюро Производственной Пропаганды при В. Ц. С. П. С., № 10 Серии Экономической. Госуд. Изд. 1921 г. Стр. 88. Цена не указана.

Что мы, строя нашу хозяйственную жизнь в течение четырех лет пролетарской диктатуры, плохо знали экономическую географию России—это бесспорный факт. Рабочему классу, ставшему у власти, приходилось на практической работе строительства приобретать те познания, какие «капитаны индустрии» в капиталистическом обществе черпали щедрой рукой из обильных источников школы. Но столь же бесспорен факт, что пролетариат, вынужденный одной рукой вести грандиознейшую борьбу в мировой истории и другой — налаживать свою жизнь и жизнь своего государства, не упускал ни малейшей возможности пополнить ясно ощутимые пробелы.

Когда перед пролетарским государством во весь рост встала проблема хозяйственного строительства, когда с очевидностью выяснилась необходимость для профсоюзов принять непосредственное участие в этом последнем—при В. Ц. С. П. С. было даже организовано Всероссийское Бюро Производственной Пропаганды.

На это последнее возлагалась совершенно определенная задача: быть школой производственных знаний для самой широкой массы. Правда, общая определенность задачи сочеталась с достаточно большой туманностью в определении конкретных методов решения последней. В сущности никто толком не знал, *как* и *где* вести пропаганду... В значительной мере, поэтому, работа Всеросбюро Пропаганды при В. Ц. С. П. С. носила случайный, несистематический характер. В конце-концов, как известно, Всеросбюро и прекратило свое существование...

Но даже несистематично проводимая и не дававшая ожидаемых результатов работа оставила по себе кой-какие и далеко не незаметные следы.

В числе конкретных заданий, какие Всеросбюро ставило себе, была и задача ознакомления широкой массы профессионально-организованных рабочих с экономической географией России — с целью дать ясное представление о том, чем должен быть единый хозяйственный план и каково значение работы отдельного работника, занятого в той или иной отрасли промышленности. Полностью это задание не было, конечно, выполнено. Для этого у Всеросбюро не хватило не только сил, но и времени. Однако, часть задания воплотилась в жизнь в виде издания ряда популярных брошюр, посвященных отдельным отраслям народного хозяйства. Работа В. Н. Сарабьянова, трактующая металлопромышленность России, представляет собой конкретную попытку выполнения частицы такого задания.

Само-собою понятно, брошюра является популярным очерком, в котором подготовленный читатель найдет для себя разве только достаточно хорошо подобранный статистический материал; вместо того, чтобы разыскивать этот последний в отдельных номерах «Экономической Жизни» и «Народного Хозяйства», не всегда к тому же оказывающихся под рукой, он может в соответствующих главах найти цифры, изображающие металлопромышленность до войны, во время ее и после Октябрьской революции. Случайно, наугад взятые цифры из брошюры В. Н. Сарабьянова, при проверке оказались вполне точными и не вызывающими никаких сомнений. Автор при подборе проявил и достаточную осторожность, точность и, вместе с тем, внимательность. Но есть одно обстоятельство, значительно умаляющее достоинства брошюры, если рассматривать ее как популярную «книгу для чтения» по экономической географии Советской России. Речь идет об *оптимизме* автора.

Отчасти его оптимизм находит свое оправдание в тех статистических ошибках, которые были допущены в конце

1920 г. Всем памятна картина, какую В. С. Н. Х. рисовал в качестве перспектив нашей промышленности накануне 1921 года. И всем памятно то, как жестоко действительность разрушила иллюзии относительно возрождения нашей чугуно-и сталелитейной промышленности всего несколько месяцев спустя. Одним из существеннейших побуждений к переходу на новый курс экономической политики было признание, что мы, пока что, не в силах возродить нашу тяжелую индустрию. А между тем т. В. Н. Сарабьянов, в книжке, вышедшей в 1921 г., пишет, базируясь на данных (оказавшихся не вполне достоверными), не только, что «металлопромышленность выздоравливает»,—он говорит: «К счастью, мы можем категорически утверждать, что перелом в нашей промышленности уже наступил, что 1920 год, и преимущественно его вторая половина, является годом начинающегося выздоровления, что кризис миновал, а нам остается лишь еще энергичнее толкать советскую промышленность в гору» (стр. 78—79).

Разумеется, подготовленный читатель, знающий историю нашего хозяйственного строительства и умеющий учитывать сделанные ошибки—учтет и эти увлечения т. Сарабьянова. Но неподготовленного массовика, для которого брошюра написана (языком и характером построения она доступна рядовому члену профсоюза), может ввести в заблуждение подобный оптимизм автора. Зачем было огород городить с ломкой всей нашей хозяйственной политики, спросит он себя. раз уже во вторую половину 1920 г. мы твердо сошли на путь хозяйственного возрождения? Зачем было привлекать частную инициативу, если нам оставалось лишь еще энергичнее толкать советскую промышленность в гору?

Такие оптимистические увлечения автора значительно уменьшают ценность работы, которая во всех отношениях была бы прекрасным популярным руководством по экономической географии России. И отговоркой не может служить то, что брошюра писалась тогда, когда иллюзия быстрого восстановления металлопромышленности России владела не одним т. Сарабьяновым.

В. Яроцкий.

Русская статистика за время революции. Р.С.Ф.С.Р. Государственная Статистика. „ВЕСТНИК СТАТИСТИКИ". Орган Центрального Статистического Управления. 1919. № 1, стр. 164; № 2—3, стр. 191; № 4—7, стр. 223; № 8—12, стр. 228; 1920. № 1—4, стр. 223; № 5—8, стр. 180; № 9—12, стр. 192; 1921. № 1—4, стр. 306. Издатель ЦСУ, редколлегия П. И. Попов, Т. И. Семенов, Я. В. Бляхер. Москва (Спасо-Песковская пл., 10).

При чрезвычайной бедности русской статистической литературы орган ЦСУ, «Вестник Статистики», играет для русских статистиков громадную роль. Как с основанием ЦСУ государственная статистика впервые получила серьезное обоснование в России, так и заработав свой государственный орган она получила возможность вести в широком масштабе большую теоретическую и практическую работу. Восемь выпусков «Вестника Статистики» говорят о том, что мы реформировали нашу статистику «всерьез и надолго». Взамен разрозненных попыток земских деятелей и актуариев частных страховых обществ, мы имеем теперь слитную дружную и удивительно продуктивную работу ЦСУ. Конечно, возможны нападки, и им статистика подвержена более чего другого, так как в обществе до сих пор царит недоуменное отношение к этой дисциплине, подозреваемой в излишней гибкости и склонности доказывать, что угодно, в зависимости от обстоятельств. Оно и не удивительно, ибо до последнего почти времени статистика была методом описания, и не более того. Позднейшие достижения математической статистики, требующие для своего абсорбирования кое-какой научной подготовки, широкому обществу пока неведомы. И немало еще из стариков-статистиков таких, которые всяким мудреным и подозрительным «коэффициентам корреляции» предпочитают сложные последовательные манипуляции с «арифметическими средними». В свое время историк без труда сможет показать, что не мало современных наших экономических промахов имеют своим основанием упрощенно-статистический взгляд на сущность экономических явлений и незнакомство с основанием

математической статистики, теорией вероятности. Нет сомнения, конечно, что подходить в современности с нормами «закона больших чисел» надо с великой осторожностью, и неуклюжесть в таком деле может быстро скомпрометировать метод, но серьезная, вдумчивая работа здесь должна дать великие результаты. К сожалению, мы почти не имеем руководств: книги проф. Орженцкого «Учебник математической статистики» и «Сводные признаки» неполны, не точны и испещрены массой грубых ошибок, даже в части компилятивной. В работах Леонтовича интересны и полезны только перепечатанные у англичан таблицы, недурен учебник Слуцкого, но слишком сжат и также не свободен от необоснованных допущений (напр., о критерии соответствия эмпирической линии регрессии теоретической), да и эти книги в настоящее время на рынке совершенно не появляются. К теоретическим статьям «Вестника Статистики» относятся: Б. С. Ястремский, «О корреляции сводных признаков»; излагается уже опубликованный в свое время почтенным автором труд о мере устойчивости статистических рядов и коэффициента дисперсии, как мере этой устойчивости. Данная статья, развивая изложенную теорию, говорит также о весьма важном моменте—связи между коэффициентами дисперсии и корреляции: вывод статьи: применимость коэффициента корреляции к исследованию взаимоотношений между сводными признаками должна быть обусловлена единообразным «взвешиванием» материала. Того же автора: «Косвенный метод определения устойчивости или изменяемости статистических рядов» развивает изложенную ранее мысль о привлечении коэффициента дисперсии к определению плавного уровня ряда. К сожалению, автор чуть не в каждой статье ссылается на свое исследование, опубликованное в IX вып. «Известий о-ва страховых знаний», достать которые ныне невозможно,—почему ЦСУ не удосужится перепечатать этот основной труд. Б. С. Ястремского—непонятно. Автор, сравнивая действительное и теоретическое квадратическое отступление при перегруппировках рядов, весьма остроумным способом устанавливает границу «выравнивания» ряда,—границу тем более полезную, что его критерием указывается и недостаточность выравнивания и избыточность его, чего на дает, напр., критерий «хи» Пирсона. Пример, приводимый Б. С. Ястремским, говорит о приросте портфеля страхобществ и росте горимости. Выравнивание, однако, произведено по «механическому способу сглаживания» Вольгоуза, теоретические достоинства которого невысоки. В № 1—4 за 1920 год находим необыкновенно любопытную статью того же Б. С. Ястремского: «Теория изменяемости статистических рядов». В этой работе автор, выяснив непригодность коэффициента дисперсии в схеме Лексиса, снова развивает свой метод пользования коэффициентом дисперсии, как мерилом устойчивости плавного переменного уровня. Примером в данной статье является чрезвычайно любопытный материал: связь сбора ржи, стойлового содержания скота, прилета жаворонков и относительного числа солнечных пятен. Фактический материал (кроме числа солнечных пятен) по Московской губернии с 1884 по 1913 г. сглаживался по «механическим формулам», и диаграмма показывает высокую корреляцию между этими явлениями, положительную—между прилетом жаворонков и стойловым содержанием скота и количеством солнечных пятен и отрицательную—между пятнами и урожаем. Трудно, конечно, судить на основании единственной попытки в довольно узком масштабе (одна губерния—одна культура) о возможности сличить и сопоставить столь грандиозные явления, но опыт совершен, в своем роде (если не бояться «сглаживания») он удался и таким образом можно говорить, что статистическому обследованию теперь могут подлежать и явления космического порядка. К сожалению, Б. С. Ястремский постоянно манипулирует с невзвешенными рядами и сравнительно малыми совокупностями. Применим ли его метод «косвенного определения устойчивости» к массовым совокупностям с большими весами—он не говорит, а возможность такого применения кажется нам несколько сомнительной в виду невозможности для крупных совокупностей, даже (простейший случай) подчиняющих-

ся Гауссовой кривой, определить меру изменчивости при перегруппировке, которая при невзвешенном ряде определяется простым делением.

Далее укажем на следующие статьи Б. С. Ястремского: «Можно ли пользоваться непосредственными данными переписей о возрастном составе населения», где автор рядом таблиц и диаграмм устанавливает странную—хоть и легко объяснимую — притягательную силу нулей и пятерок в возрасте, особенно в России и особенно у неграмотного населения. Имеется тенденция «округлять» свой возраст или до цифры кончающейся нулем (т.-е. 30 вместо 28 и 33), или пятеркой (т.-е. 25 вместо 22 или 27), что в конечном счете дает немыслимую кривую возрастного состава. Явление это было замечено и ранее (Новосельский), но для ликвидации его дельного метода изобретено не было. Автор предлагает свою формулу выравнивания по пятилетиям, предполагая что в этом промежутке кривая растет по параболе третьего порядка, и получает превосходные результаты. Кстати сказать, пример говорит о том, что за 20 лет с 1897 по 1917 г. никаких изменений к лучшему у населения в этом отношении не случилось. В № 9—12 напечатано весьма и весьма интересное и ценное исследование А. Хрящевой: «Крестьянство в войне и революции».

Громадный материал исследовательницы приводит ее к следующим выводам: война 1) сократила рождаемость, уменьшив относительно и абсолютно численность детей, 2) уменьшила средний размер семьи, 3) парализовала промыслы, 4) усилила участие в промыслах женщин, 5) изменила полеводство в сторону расширения культивирования продажных культур, 6) сильно дифференцировало крестьянское хозяйство, резче разделив богатеев и бедняков, 7) изменила самый характер социальных процессов деревни, результатом чего — большая убыль и массовая ликвидация хозяйств. Революция—с другой стороны: 1) в деревне интегрировала социальное строение в сторону увеличения количества середняков, из чего следует, что революция ослабила классовое неравенство в крестьянской массе, 2) восстановила соотношение между мужским и женским трудом в промыслах, 3) в противоположность военной тенденции—увеличивать засев и сбор торговых и технических культур, увеличила площадь засева продовольственных хлебов, даже в ущерб травяным посевам, 4) уменьшила промысловой характер русской деревни и во время продовольственного кризиса городов сделала деревню «бестом» квалифицированной рабочей силы, сохранив ее, таким образом, для будущего. К этому обследованию, громадного интереса, Б. С. Ястремский присоединил математическое обследование того же периода. Просматривая эту статью можно только удивляться неутомимой энергии исследователя; в статье—достаточно указать только на это—приведено не мало, не много—двести двадцать пять коэффициентов корреляции, да еще кстати, между делом, развита теория «корреляции рангов», весьма удобной для обследований, не требующих большой точности. Выводы Б. С. Ястремского таковы: 1) связь между посевной площадью и семейным составом в 1917 г. была тем сильнее, чем сильнее развивались капиталистические сношения в землепользовании, 2) революционный передел земли достиг наибольших результатов там, где классовая дифференциация развилась глубже, 3) связь между посевной площадью и семейным составом оказалась в 17 и 19 гг. слабее там, где население было больше оторвано от земли, 4) процесс укрепления земли нарушал равномерность землепользования, 5) Октябрьская революция подавила индивидуалистические тенденции процесса укрепления земли. Наконец, в последнем выпуске «Вестника Статистики» помещена статья В. М. Обухова, являющаяся прямо событием в русской теоретико-статистической литературе. Тяжелые годы недорода и голода, начавшиеся прошлым годом и имеющие продолжаться еще немалое время, по соображениям статистиков и метеорологов, заставили ЦСУ обратить особое внимание на учет урожая и, главное, предсказание его. Последнее является совершенно необходимым и для вывоза и для распределения и для продналога. Для того, чтобы оперировать с хлебом, надо уметь сосчитать его. А это очень

трудно. Работы по предсказанию урожая начаты ЦСУ в текущем году, и уже достигнуты серьезные результаты.

В одном из «Бюллетеней ЦСУ» был опубликован ряд формул, выведенных Ястремским, при помощи которых возможно, пользуясь корреспондентскими оценками урожая (балловые оценки), примерно определить будущий урожай. Попутно в работе исследователю пришлось столкнуться с рядом нелепостей, к которым привело неумелое и поспешное реформирование корреспондентской отчетности. В том же «Бюллетене» Н. С. Четвериков, большой знаток теоретической статистики, опубликовал свои соображения, касательно учета матереологических факторов урожая; этот автор выбрал себе самую трудную, хоть и самую интересную из задач, входящих в разрешение проблемы предсказания урожая, В. М. Обухов в цитируемой статье оперирует с данными Петроградской губернии за 33 года и определяет урожай как в зависимости от корреспондентских оценок, так в зависимости и от матереологических факторов. Ряд чрезвычайно остроумных поправок приводит его к необыкновенной точности предсказания. Теоретически же метод В. М. Обухова интересен остроумным использованием коэффициентов регрессии в качестве «весов» для вывода некоего «среднего индекса» по тому или другому фактору урожайности. Сводя, таким образом, ряд индексов к таким «средним индексам» регрессивного типа, он сводит линейное уравнение регрессии чуть ли не с одиннадцатью переменными к уравнению, связывающему два явления: урожай и последний из «средних регрессивных индексов». К теоретическим же новостям надо отнести указанные мимоходом В. М. Обуховым способ коррелирования выравненного ряда с эмпирическим, а также замену квадратного уравнения двойной регрессии линейным уравнением тройной регрессии, куда в качестве лишней переменной входит квадрат переменной, обнаруживающей криволинейную регрессию. В общем В. М. Обухову удалось определять урожай с средней ошибкой в 2,5 пуда на десятину, что представляет собой исключительную точность. Из других теоретических статей заслуживает внимания статья Н. С. Четверикова о выборочном исследовании.

Исчерпать весь материал «Вестника Статистики» за два с лишним года почти невозможно. Отсылаем читателя в остальном к самому журналу, указав еще, как на очень любопытный и полезный в наше время материал, на статьи: Н. Череванина, «Эволюция русского земледелия по данным об урожаях», А. Лосицкого, «Обследование питания городского населения в 1919 г.; А. Хрящевой. «К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени»; Н. Череванина, «Откуда идут предостережения» (о шумихе, поднятой в связи с статьей Михельсона о Брюкнеровских периодах»); А. С. Первушина, «Движение вольных цен в годы революции» и мн. др. Можно только радоваться, что в настоящее тяжелое время работники ЦСУ сумели сделать так много для русской статистики, и всячески приветствовать деятельность П. И. Попова и его сотрудников.

С. П. Бобров.

Л. ГЕРМАНОВ. (М. ФРУМКИН). Товарообмен, кооперация и торговля. Издание информационно - издательского отдела Наркомпрода. Государственное Издательство. Москва, 1921 год. 39 стр.

Тов. М. Фрумкин состоит в настоящее время заместителем народного комиссара по продовольствию, а перед этим в течение трех с лишним лет был членом коллегии Наркомпрода. За время революции он был одно время членом правления Центросоюза, а раньше—до революции — работал в потребительской кооперации в Сибири. Все это показывает, что брошюра написана знатоком продовольственного и кооперативного дела.

Брошюра, как показывает ее заглавие, распадается на три части. В первой т. Фрумкин рассматривает продовольственную политику во время революции и приходит к следующим выводам.

«1) В первый период существования Советской власти до осени 1918 года при сохранившемся, хотя и ослабевшем, товарном рынке, обмен производился не в натуральной, а в денежной форме.

2) Во второй период, с осени 1918 г. до весны 1921 г.,— период полного прекращения торговли и отсутствия легального товарного рынка, крестьянство по своим мелким операциям с различными мешочниками, не доверяя бумажному рублю и не имея возможности на свои бумажные деньги приобретать предметы первой необходимости на рынке, требовало исключительно товарного покрытия.

3) С весны 1921 г., с легализацией торговли и с постепенным расширением товарного рынка, натуральный обмен быстро исчез, и должен был исчезнуть.

«В условиях развития товарного рынка... товарный обмен не может иметь места, как пережиток натурального хозяйства или как начало близкого подхода к коммунистическому строю. В системе капитализма, хотя бы государственного, натуральному обмену нет места».

«Мы вплотную вошли уже в полосу торговли, мы можем только принять те или другие меры для регулирования ее в интересах нашего экономического настоящего и перехода к коммунистическому будущему, но должны определенно считаться с условиями товарного рынка» (16).

Во второй главе т. Фрумкин рассматривает вопрос о кооперации [1]).

В этой главе он затрогивает ряд больных и спорных вопросов кооперативного строительства в обстановке новой экономической политики. К сожалению, решительно нельзя согласиться с некоторыми предлагаемыми им решениями.

Возьмем, например, вопрос об обязательности кооперирования (речь идет, конечно, только о потребительских кооперативах). Тов. Фрумкин находит, что «в городах принцип добровольного членства уже проведен» путем организации ряда так называемых мелких кооперативных объединений. Тов. Фрумкин предлагает поэтому уничтожить современное Е.П.О. (единое потребительское общество) в современной организации и превратить Е.П.О. в союз добровольных объединений. А с другой стороны, он предлагает «сделать некоторое дополнение в том направлении, чтобы Е.П.О. могло обслуживать и тех граждан, которые не могут входить в эти групповые объединения. Служащие и рабочие мелких учреждений и предприятий *должны быть* объединены Е. П. О. в районных распределителях». «Должны быть объединены»—это составляет обязательство, которое т. Фрумкин собирался уничтожить. Вместо опровержения принципа обязательности т. Фрумкин снова приходит к *совершенно справедливому выводу* о том, что М. П. О., — по крайней мере в городах, должно охватывать все население, т.-е. принцип обязательности кооперирования должен быть сохранен.

Еще слабее те доводы, которые т. Фрумкин приводит в защиту принципа добровольности для сельской потребительской кооперации. Относительно городов ему кажется, что там «принцип добровольного членства уже проведен», а поэтому нужно только «оформить» этот уже осуществленный жизнью принцип. А относительно деревень он признается, что там «мы еще не видали движения более или менее заметного» в пользу образования добровольных потребительских кооперативов. Тов. Фрумкин, по-видимому, признает, но не хочет ясно выразить, что членами добровольных кооперативов явятся только зажиточные элементы деревни, которые теперь начинают организовываться в сельско-хозяйственные товарищества. Но если состав членов в добровольных сельских потребительских обществах и в сельско-хозяйственных товариществах, которые возьмут на себя функции потребитель-

[1]) Пользуюсь случаем, чтобы исправить небольшую ошибку т. Фрумкина. Говоря о проектах резолюций о кооперации, которые были предложены IX съезду Р. К. П., он касается тезисов, представленных мною и т. Сольцем, и цитирует якобы находящуюся в этих тезисах фразу: «кооперация есть *средство для* развития капиталистического строя». В действительности в тезисах эта фраза читается так: «кооперация есть *следствие* развития капиталистического строя». Так она была напечатана в «Правде», в моей книжке «Кооперация и социализм» и в книжке «Борьба течений в новой кооперации». Только в такой редакции фраза и имеет смысл.

ского общества, будет одинаковый, то совершенно непонятно, почему мы должны, с точки зрения интересов пролетариата, предпочесть такие потребительские общества; почему «мы легче найдем общий язык и общий план работы не через сельско-хозяйственные товарищества, а через потребительскую кооперацию».

В общем нужно признать, что принцип обязательности кооперирования тов. Фрумкиным решительно не поколеблен, ат. Фрумкин является одним из наиболее сильных противников обязательности.

Но если в вопросе о добровольности членства т. Фрумкин занял неправильную позицию, то, наоборот, он защищает вполне правильную позицию во многих других вопросах, например, в вопросе о сохранении и укреплении руководящей роли Центросоюза, о финансировании кооперации (всякого вида кооперации), которое должно происходить только через Центросоюз. Правильными кажутся нам и его сомнения в успешности работы кредитной кооперации в деле получения вкладов при условии падения курса рубля. Правильно его положение, что выступление на внешнем рынке должно быть разрешено только одному Центросоюзу. Правильна его защита интегральных кооперативных союзов, во главе которых стоят потребительские организации, и положение, что союзы сельско-хозяйственной и промысловой кооперации должны направить свою работу только на область производства, а отнюдь не на дело сбыта, предоставив последнее Центросоюзу.

В общем брошюру тов. Фрумкина надо признать очень содержательной и интересной, в особенности при бедности нашей кооперативной литературы.

Н. Мещеряков.

К. А. ТУБАСОВ. Растение и почва. Петербург. 1921 г. Гос. Издат. Стр. 30.

Первую часть своей книги К. А. Тубасов посвящает морфологии и физиологии растений, описывает строение семян, их прорастание, состав растений, питание, размножение и условия жизни их.

Во второй части дает основные понятия о почве, происхождение и состав ее, свойства почв, зависящие от состава, виды почв, свойства подпочвы и значение ее для земледелия и улучшения почв изменением их свойств.

Мало кто из земледельцев-крестьян сознательно подходит к вопросам: для чего обрабатывается почва, какая цель преследуется обработкой, какое важное значение имеет правильная обработка для урожая, как накопить в почве пищу и сохранить влагу; еще меньше—знакомство с характером почв и их особенностями, с точным знанием почв, их состава и свойства.

В этом отношении книжка К. А. Тубасова дает самое поверхностное знакомство с затронутыми выше вопросами. Нет указаний об отношении почвы к воде, к теплоте, о пористости почв. В описании почв не говорится о солонцах, о черноземах, залегающих широкой полосой в южной и отчасти центральных губерний России.

А. А. Бессер.

Н. А. ЛЮТОВСКИЙ. Как лес помогает бороться с засухой. Москва, 1921 г. 31 стр. Гос. Изд.

Небольшая книжка Н. А. Лютовского, изложенная популярным языком, знакомит читателя с влиянием леса на урожайность. Утилизация древесной растительности для нужд сельскохозяйственной культуры обусловливается тем влиянием, которое оказывает лес на отдельные элементы, слагающие климат данной местности.

Влияние это состоит в том, что 1) лес замедляет движение ветра на прилегающих к ним полям и является хранилищем снежных запасов; 2) таяние снега задерживается в лесу, проходит медленно, спокойно, отчего снеговая вода, постепенно стекая на соседнее поле, впитывается корнями растений; 3) лес, влияя на поддержание в реках более высокой воды, увеличивает испаряемость воды из рек; 4) часть выпавшего над лесом дождя остается на деревьях и вода начинает постепенно испаряться, возвращаясь опять в воздух; 5) в жар-

кое время лес уменьшает несколько температуру воздуха, что имеет значение для окружающих его полей; 6) лес поощряет и усиливает образование росы, что объясняется способностью лесного воздуха содержать большое количество водяных паров; 7) леса, черпая воду из более глубоких горизонтов почвы, способствуют орошению осадками примыкающих угодий и содействуют увеличению в стране запаса активной влаги; 8) выпадение града находится в связи с топографическими условиями, с почвою, а также с распределением леса. Количество выпадающего града увеличивается с вырубкою лесов. Градоотводящее действие леса объясняется нейтрализацией деревьями электричества облаков.

Все эти положения указывают, что лес увеличивает количество влаги в земле, уменьшает испарение ее, увеличивает поступление влаги в воздух и, увлажняя его, содействует образованию облаков, а из них—дождя. Все вместе взятое прямым или косвенным образом служит одной и той же цели—борьбе с засухой.

Однако, надо оговориться, что вопрос о климатической и гидрологической роли леса в круговороте влаги еще и до сего времени, несмотря на имеющуюся обширную литературу, являлся лишенным точных научных исследований. Шлейден, Кинг, Вейнберг, Е. Оппоков, Докучаев, Оттоцкий и целый ряд других экспериментаторов приходят к диаметрально противоположным взглядам, когда дело касается указанного выше вопроса. Не достаточно ясным является вопрос о влиянии лесов на количество и распределение осадков и о привлечении их лесами. Одни отрицают влияние леса на привлечение осадков (П. Оттоцкий); другие приходят к заключению о невозможности дать определенное мнение (И. Шрейбер); третьи—что лес не может ни повышать, ни понижать общего количества осадков и только способствует восходящему току воздуха (A. Hazen, Вейсе) и, наконец, четвертые говорят о благотворном влиянии леса на увеличение осадков (Е. Бернштейн, Э. Анри и др.).

Только недавно появились чисто научные, правда, немногочисленные, исследования о благодетельном действии в круговороте влаги леса—этого надежного союзника в деле борьбы с засухой.

А. А. Бессер.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

Проф. Г. К. РИЗЕНКАМПФ. Транскаспийский Канал. (Проблема орошения Закаспия). Редакционно-Издательский Отдел В.С.Н.Х. (Труды Управления Ирригационных работ в Туркестане). 1921 г. Москва. 83 стр., 25 черт. в тексте. 8°.

Под Закаспийской проблемой автор разумеет вопрос об орошении земель, входящих в левобережную группу бассейна р. Аму-Дарьи, а также о «повороте р. Аму-Дарьи обратно в Каспийское море» или, точнее выражаясь,—устройстве сплошного водного пути между Каспийским морем и Аму-Дарьей.

Ознакомление читателя с существующими схемами оживления Закаспия и защиту собственной схемы автор, естественно, начинает с характеристики р. Аму-Дарьи, как источника орошения. По его подсчетам, площадь свободных земель, могущая быть орошенной из Аму-Дарьи, составляет 3.860.000 десятин при фактической площади орошения в 2.700.000 десятин. За неимением достоверных данных о кривой потребления воды в Аму-Дарьинском бассейне, автор пользуется своим обширным опытом в отношении Сыр-Дарьинского бассейна и, вводя в него известные коррективы, приходит к заключению, что в ближайшие 20—30 лет после сооружения всех Аму-Дарьинских систем естественный режим реки удовлетворит всем потребностям, так что вопрос регулирования ее встанет на очередь лишь в сравнительно отдаленном будущем.

В описании районов, затронутых его схемой, автор уделяет довольно много внимания Сарыкамышской котловине и

сухим руслам, пересекающим Закаспийскую область. Оговариваясь, что он не придает этому особого практического значения, автор склоняется к тому взгляду, что одно из этих русел—Узбой—является высохшим морским протоком, некогда соединявшим Каспийское море с Сарыкамышским бассейном, вопреки мнению многих прежних исследователей, видевших в нем древнее русло Аму-Дарьи, по которому она будто бы текла в Каспийское море.

Общая площадь подлежащих орошению земель, входящих в Закаспийскую проблему, исчислена автором в 2.600.000 десятин. Рассмотрев последовательно существующие схемы оживления Закаспия (вопрос имеет свою историю в России и поднимался впервые еще Петром Великим), а именно Глуховского, Ермолаева, Сазонова, Моргунекова и Букинича, автор приходит к одному общему заключению: Закаспийская проблема, есть проблема водно-хозяйственная и, как таковая, должна рассматриваться с трех точек зрения—судоходства, мелиорации и утилизации водной энергии. Каждая точка зрения выражается автором рядом тезисов. Рассматривая прежние схемы в освещении этих тезисов, приходится признать, что ни одна из них всей совокупности этих тезисов не удовлетворяет: один автор выдвигал, например, значение судоходства в ущерб значению мелиорации; другой, начиная магистральный канал на низких отметках, терял огромную часть площади командования; третий разрешал проблему лишь частично; четвертый вел трассу канала по чрезвычайно неблагоприятной местности; ни один из них не обратил должного внимания на вопрос утилизации водной энергии. Это побуждает автора предложить собственную схему, удовлетворяющую поставленным тезисам почти полностью.

Описывать трассу канала здесь не представляется возможным; необходимо, однако, обратить внимание на то, что он берет начало на Афганской территории. Это обстоятельство является, конечно, неблагоприятным. Но потеря площади командования при перенесении головного сооружения на русскую территорию была бы столь велика, что, как справедливо замечает автор, разрешение Закаспийской проблемы во всей ее полноте возможно будет только тогда, когда в этом вопросе будет достигнуто соглашение с Афганистаном. Канал имеет в длину 1225 верст, две ветви—Красноводскую—длиною в 125 верст и Астрабадскую—длиною в 185 верст. На всем своем протяжении, а также на протяжении Красноводской ветви, канал является судоходным при минимальной глубине в 2 сажени. Даже в предположении, что канал будет проходить по совершенно ровной местности, понадобится вынуть 40 миллионов куб. саж. грунта и уложить его в дамбы, на что при работе 200 экскаваторов понадобится 10 лет. Бетонирование канала существенно сократило бы объем земляных работ, но не уменьшило бы грандиозности задачи, ибо пришлось бы поставить огромные бетонные работы.

Подсчеты автора весьма беглые. Сам он рассматривает свою схему лишь как рабочую гипотезу, жизненность которой может быть доказана лишь исчерпывающими изысканиями.

Нередко приходится слышать мнение, что труд проф. Ризенкампфа составлен «вне времени и пространства» и является фантастичным. Конечно, никто, не исключая самого автора, не утверждает, что к осуществлению постройки канала можно будет приступить в нынешних условиях и немедленно же. Однако, более или менее отдаленное будущее неизбежно поставит и этот вопрос на очередь, ибо хлопковый голод заставит искать ирригационного фонда и в Закаспии, наиболее благоприятном для хлопководства из всех районов России. А оживить Закаспий иначе, как водой Аму-Дарьи, нет никакой возможности. Всякий большой проект требует времени для того, чтобы его можно было «разжевать» и ассимилировать. Поэтому схема проф. Ризенкампфа, далеко ушедшего вперед от своих предшественников, имеет свою неоспоримую ценность.

Инж. И. Л. Дикман.

Проф. Г. К. РИЗЕНКАМПФ. Проблемы орошения Туркестана. Выпуск I-й: Хлопковая программа. Редакционно-Издательский Отдел В.С.Н.Х. (Труды Управления Ирригационных работ в Туркестане). Москва, 1921 г. Стр. 147. XX таблиц и 5 графиков в тексте, 7 репродукций. 8°.

«Хлопковая программа»—первый выпуск труда проф. Ризенкампфа под общим заглавием «Проблемы орошения Туркестана» — представляет из себя вполне законченную работу. В ней устанавливается прогноз потребности России в хлопке на ближайшие 20 лет, дается общая характеристика хлопковых районов, программа введения в оборот лежащих втуне хлопковых земель, очередность работ по различным проектам; выпуск заканчивается подсчетом потребных затрат денежных средств, валюты, материалов и рабочей силы для осуществления работ первых двух пятилетних очередей. Последующие выпуски предполагалось отвести разрешению технических и экономических проблем, связанных с орошением отдельных районов, но нет особенных надежд на быстрое появление их в печати.

Рядом статистических данных автор характеризует потребление и продукцию хлопка, а также состояние текстильной промышленности в главнейших странах мира; останавливаясь более детально на Англии, Соединенных Штатах и Германии, он указывает, что хлопковые фонды Соединенных Штатов весьма велики, почти беспредельны, что Англия, получила возможность расширить свое хлопковое хозяйство в Месопотамии и Персии и что, наоборот, Германия утратила все свои колонии, а с ними все свои хлопковые рессурсы. На этом основании автор приходит к выводу, что Соединенные Штаты и Англия не проявят интереса к делу туркестанского хлопководства, но такого интереса следует ожидать со стороны Германии. С таким заключением можно не согласиться. Германия, конечно, всецело будет зависеть от ввоза из других стран, но трудно себе представить, чтобы туркестанский хлопок мог в данном случае конкурировать с американскими, так что вернее было бы ожидать полной зависимости германской текстильной промышленности от американского импорта; точно то же будет, по всей вероятности, относиться и к Польше. Что же касается вопроса участия иностранного капитала в туркестанском хлопководстве, то таковое вполне возможно под видом концессий, с тем, что хлопок в концессионируемых районах не будет предназначаться для экспорта, а для продажи внутри самой России, при чем наиболее вероятным является здесь участие именно англичан и американцев.

Установить прогноз потребности России в хлопке на более или менее отдаленное будущее, конечно, весьма затруднительно. Поэтому ав ор разрешает его, по своему обыкновению, по методе «пределов», т.-е. рассматривает два случая—минимальный и максимальный,—и заключает, что истина лежит между ними. В основу первого случая автор кладет предположения, что: 1) народонаселение России уменьшилось до 136.846.000 человек, 2) что норма годового потребления хлопка на душу населения остается прежней, равной 6 фунтам, 3) что ежегодный рост потребления также остается прежним, равным 5,5%. В основу второго случая положены предположения, что. 1) народонаселение увеличилось до прежних размеров и составляет 179.715.000, 2) потребление повышается скачком до среднего мирового потребления в 9,3 фунтов, 3) ежегодный рост потребления остается равным 5,5%.

Автор справедливо замечает, что, прежде всего, необходимо восстановить русское хлопководство до тех размеров, какие оно имело в 1915—16 году и провести ряд мероприятий по интенсификации хлопкового хозяйства. В предположении, что под хлопком будет засеяно 33% от всей орошаемой площади и учитывая медленный темп загрузки ирригационных систем, автор определяет потребные площади орошения (всех культур) в рамках программы, рассчитанной на 20 лет, для 4-х ее вариантов—минимум и максимум потребностей при пределах урожайности от 20 до 35 пудов волокна на десятину.

Пределы, которыми оперирует автор, чрезвычайно широки. Урожайность в 35 пудов волокна на десятину весьма

высока и может быть достигнута лишь путем весьма длительных усилий агрономического характера; ожидать ее в течение ближайших 20 лет вряд ли приходится, рациональнее поэтому базироваться на урожайности в 20 пудов, каковая уже, правда, встречалась в Туркестане и ранее, но в 3 раза превосходит урожайность последних лет.

Данные о свободных хлопковых землях впервые собраны автором из самых разнообразных разрозненных материалов и сведены с огромной тщательностью в ведомости, с распределением по бассейнам, районам и местностям. Каждый район охарактеризован кратким, но довольно обстоятельным описанием. Такая сводка появляется в печати в первый раз и представляет огромную ценность. В итоге автор получает следующие площади свободных хлопковых земель: в бассейне Сыр-Дарьи.—1.931.900 дес.; в бассейне р. Аму-Дарьи—4.117.500 дес. и на Кавказе (в бассейнах рек Куры и Аракса) — 1.263.000 дес., а всего — 7.312.400 десятин.

Работы разбиты автором на четыре очереди, по 5 лет каждая, при чем в первую очередь им включается 893.100 дес. и во вторую—1.600.400 дес. Затраты на осуществление столь грандиозного задания поистине чрезвычайно велики. Одних денежных затрат понадобится на первую очередь 365.925.000 золотых рублей и на вторую—489.200.000 рублей. В заключение автор доказывает, что вопросы, касающиеся финансирования, приобретения оборудования и обеспечения рабочей силой, могут быть разрешены.

Во время составления рассматриваемого труда (1920 г.) Туркестан был отрезан от России, и только в последнее время выяснилось, что состояние ирригации пало там до такого состояния, какого автор, конечно, не мог ожидать. Фактически орошаемая площадь сократилась с 2,4 до 1,4 милл. десятин; площадь под хлопком сократилась значительно сильнее и составляет ныне около 100.000 десятин, к тому же урожайность пала с 20 до 7 пудов волокна на десятину.

Туркестанские органы, ведающие ирригацией, разработали пятилетнюю программу восстановления ее до прежних размеров, но план работ 1921 года удалось выполнить лишь в размере 15%. Таким образом, первейшая задача—восстановление ирригации и хлопководства до ее состояния в 1915 году, на выполнение которой автор полагал 2 года, выросла в нынешних условиях в грандиозную проблему: что же касается крупных новых государственных строительных работ, то о таковых и речи сейчас быть не может.

Поэтому невольно встает вопрос, стоит ли в настоящее время заниматься разработкой вопросов, разрешение которых может оттянуться на многие годы. Ответ на это может быть только один. Вопрос обширных оросительных работ неминуемо встанет перед Р. С. Ф. С. Р. во всей своей остроте и, может-быть, значительно скорее, чем это ныне нам кажется. Когда Р. С. Ф. С. Р. придется расходовать свой золотой фонд на приобретение английского или американского хлопка, форсирование туркестанских оросительных работ ценою самых отчаянных усилий будет, может-быть, признано одной из самых насущнейших задач государства.

Несомненно, в хлопковой программе проф. Ризенкампфа некоторые даты должны передвинуться на известное число лет, но сама программа, как подбор ценного и продуманного материала, останется серьезной базой для выработки будущих конкретных мероприятий.

Инж. И. Л. Дикман.

Проф. Г. К. РИЗЕНКАМПФ. Опыт создания теории водооборота в ирригационных системах. Редакционно-Издательский Отдел В.С.Н.Х. (Труды Управления Ирригационных работ в Туркестане). 1921 г. Москва. 36 стр., 9 чертежей.

Под общим названием водооборота автор разумеет разделение непрерывного потока на периодически действующие поливные струи, т.-е. разверстку воды, имеющейся в главном канале, между потребителями.

Как совершенно справедливо автор замечает во введении, в ирригационной

литературе не приходится не только встречаться с разработанной методологией вопроса, но даже с косвенными указаниями на то, как приступать к установлению плана водооборота. Таким образом, попытка автора создать теорию водооборота, являющегося основным элементом проектирования всякой оросительной системы, встречается впервые не только в русской, но и, повидимому, во всемирной ирригационной литературе.

Автор рассматривает последовательно все виды водооборота: 1. Разверстка на главном канале. 2. Разверстка на распределителях. 3. Разверстка на оросителях. 4. Сложная, или комбинированная разверстка: а) по главному каналу и оросителям, б) по главному каналу и распределителям, в) по распределителям и оросителям и г) по главному каналу, распределителям и оросителям. 5. Частичная разверстка.

Все виды водооборота пояснены исчерпывающим образом схематическими чертежами; для основных видов приведены также краткие схемы проектирования.

Оценивая в конце книги рассмотренные виды водооборота с точек зрения: первоначальных затрат на сооружение системы, эксплуатации и коэффициента полезного действия, автор приходит к заключению, что наиболее рациональным является водооборот, при котором: а) все оросители работают неделимым хозяйственным током, б) все распределители работают полным расходом без чередования оросителей, в) главный канал питает в период наибольшего расхода все распределители, в остальные же периоды оросительного сезона работает «перегонами». Таким образом, выгоднее всего применять основной вид разверстки по оросителю в период наиболее интенсивной подачи воды и комбинированный вид разверстки по главному каналу и оросителям в остальное время.

Такой вид водооборота не является самым выгодным с точки зрения потерь в ирригационных системах, но другие его преимущества настолько велики, что автор применял его в своих обширных проектировочных работах при составлении проектов орошения Голодной, Дальверзинской и Уч-Курганской степей при чем его теоретические выводы получили должное подтверждение.

Несомненно, теория водооборота будет подвергаться дальнейшей, более детальной, разработке. Но и в таком виде труд проф. Ризенкампфа надлежит признать ценнейшим вкладом в научно-исследовательскую ирригационную литературу.

Инж. И. Л. Дикман.

К. П. КАЛИЦКИЙ. Геология нефти. Лекции, читанные в Петроградском Горном Институте. Редакционно-Издательский Отдел В.С.Н.Х. Серия редакции журнала «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство». 1921 г. Петроград. Стр. 224, in 8°.

Книга К. П. Калицкого «Геология нефти», представляющая курс лекций, читанных автором в Петроградском Горном Институте в истекшем 1920—1921 академическом году, должна привлечь к себе исключительное внимание не только учащихся и преподавателей, но и вообще русских геологов, уже по одному тому, что она является первым оригинальным произведением по данному вопросу в русской литературе. Значение книги, однако, еще увеличивается тем, что она принадлежит перу одного из лучших знатоков русских нефтяных месторождений вообще и, вероятно, лучшего русского теоретика в области геологии нефти; кроме того, что особенно важно, книга основана почти исключительно на русском материале и представляет первую попытку сводки тех обобщений, которые можно сделать на основании огромного фактического материала, накопившегося при изучении и эксплуатации русских нефтяных месторождений. Автор в изложении того или другого вопроса не ограничивается существующими литературными источниками, но использует неопубликованный еще материал своих многосторонних исследований и, наконец, пользуется неопубликованными данными работ некоторых других геологов.

Курс распадается на 14 глав. В первой из них излагаются задачи курса, а также сообщаются, в излишне краткой, по нашему мнению, форме, некоторые

сведения о свойствах, добыче и использовании нефти. Во второй главе рассматриваются признаки нефтяных месторождений, с многочисленными примерами из русской геологии и рядом практических указаний на значение того или другого явления. Третья глава посвящена рассмотрению вопроса о сводном геологическом разрезе нефтяных месторождений, при чем выясняются способы его составления и использования. В четвертой и пятой главах разбирается кардинальный вопрос о картировании нефтяных месторождений. Здесь излагаются методы детальной геологической съемки, при чем автор касается вопроса о применении к составлению геологических карт приемов начертательной геометрии, излагаются различные способы составления «пластовых карт», и на примерах русских месторождений выясняются соотношения между расположением слоев на выходах и в глубине месторождений. В шестой главе автор рассматривает распределение нефти в пласте и, пользуясь, как и везде, материалом русских месторождений, устанавливает неравномерность заполнения нефтью вмещающей ее породы, выясняет формы залежей и отношение их к тектоническим элементам и излагает методы нанесения их на карту, «оконтуривания» этих залежей. В седьмой главе рассматривается петрографический характер нефтесодержащих пород и их нефтеемкость, приводятся сведения о возможной степени извлечения нефти из пород, а также излагаются способы подсчета запасов нефти и определения благонадежности нефтяных месторождений. В главе восьмой сообщаются краткие сведения о газах нефтяных месторождений, рассматривается вопрос о связи между этими газами и грязевыми вулканами и дается краткая характеристика воды, которая встречается в нефтяных месторождениях. Глава девятая рассматривает процессы разрушения нефтяных месторождений денудационными, тектоническими и другими факторами; при этом автор вторично касается признаков нефтяных месторождений, стремясь уловить в них закономерности и выясняя значение отдельных признаков. Изложенный в предыдущем материал дает автору возможность в десятой главе перейти к рассмотрению вопроса о выборе мест для заложения буровых скважин, при чем практически разбираются принципы, на которых основывают бурение в различных случаях.

Четыре последних главы книги посвящены теоретическим вопросам. В первой из них (XI) рассматривается так называемая антиклинальная теория залегания нефти. Критический разбор фактического материала и теоретических обоснований этой общепринятой гипотезы приводит автора к полному ее отрицанию: он доказывает, что нефть встречается и в горизонтальных пластах, и на крыльях складок и в синклиналях, и приходит к заключению, что значение антиклиналей в нефтяном деле сводится лишь к тому, что на их гребнях нефтеносные свиты ближе всего подходят к поверхности, а потому и легче всего могут быть достигнуты.

XII, XIII и XIV главы содержат в себе критический обзор главнейших гипотез о происхождении нефти, с точки зрения современной геологии, и изложение собственных воззрений автора по этому вопросу. К. П. Калицкий приходит к заключению, что «нефть является типичным осадочным образованием,— столь же типичным, как, например, каменный уголь. Она образовалась из материала, отложенного в море или солоновато-водном бассейне, при чем этот материал отлагался в прибрежной полосе, где еще происходит отложение песчанистых осадков» (стр. 214).

Исходным материалом, давшим начало нефтеносных месторождений, автор считает заросли морской травы, которые приурочиваются к таким же песчаным осадкам, в которых в подавляющем большинстве случаев встречается и нефть.

Таково в кратких чертах содержание курса К. П. Калицкого. В нем, как и во всяком аналогичном произведении, можно найти не малое количество дефектов, но последние решительно исчезают перед положительными сторонами книги. Обилие, свежесть, строгая научность интересного для всякого русского геолога фактического материала, краткость и ясность изложения, оригинальность мысли и своеобразный, живой

язык—заставляют пожелать возможно большего распространения книги.

Проф. А. Д. Архангельский.

Проф. К. И. БОГДАНОВИЧ. Очерк месторождений нефти и других битумов. Курс лекций по месторождениям полезных ископаемых не-рудных. Часть I. Редакционно-Издательский Отдел В. С. Н. Х. Серия редакции журнала «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство». 1921 г. Петроград. Стр. 138, in 8°.

До последнего времени у нас, в России, по части учебников и руководств по изучению нефти и ее месторождений дело обстояло довольно плачевно. Имелся перевод известной книги Гефера «Нефть и ее производные». В Ташкенте был издан (1908) мало кому известный перевод книги Ангермана «Общая геология нефти». В Ставрополе (Кавказском) вышла (1912) брошюра Стоппевича «Горючий газ и нефть вообще и в городе Ставрополе в частности». Можно еще указать на книгу проф. Харичкова «Минералогия углерода или органическая минералогия», Тифлис, 1911 г. В настоящее время замечается отрадное оживление издательской деятельности по части руководств по нефти и нефтяным месторождениям. Так, напр., издательский Комитет В. С. Н. Х. в Баку выпустил в 1921 г. «Научные основы переработки нефти» проф. Л. Г. Гуревича. Но особенно энергичную деятельность в указанном направлении обнаруживает редакция журнала «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство». Кроме ряда опубликованных за 1920—1921 гг. на страницах журнала монографий по химии, технологии и геологии нефти, ею подготовляются к печати переводы известных руководств Джонсона и Гентли, Крега, Хагера. Упомянутой редакцией выпущена в 1921 г. и реферируемая книга проф. Богдановича. Задачи, рисовавшиеся автору этой книги, заключались в том, чтобы, ознакомившись с геологическими условиями месторождений нефти, сделать выводы о способах образования этих месторождений, и таким путем создать рацио альное основание для разведки и поисков новых месторождений. Центр тяжести книги заключается в описании месторождений, при чем автор книги ставит эту задачу широко, не ограничиваясь русскими месторождениями, а рассматривая все более известные месторождения мира. Можно даже сказать, что автор слишком широко раздвигает рамки предмета, беря под одну скобку месторождения нефти и пиробитумов (веществ, дающих при перегонке нефтеподобные продукты). При распределении месторождений автор следует схеме де-Лонэ и различает месторождения провинции палеозойских отложений, месторождения в области развития герцинской складчатости и месторождения провинции альпийской складчатости. В теоретических своих выводах автор реферируемой книги является сторонником органического происхождения нефти, считая нефть типичным осадочным ископаемым, приуроченным к местам частого колебания береговой линии. Различие в составе нефтей он приписывает физическим факторам, а именно: различию в давлении и температуре, при которых совершался процесс нефтеобразования, не приводя, однако, данных в подтверждение такого воззрения. Теоретические взгляды разбираемого автора вообще совпадают с господствующими воззрениями на генезис нефти и нефтяных месторождений. Некоторые главы кажутся слишком конспективными, напр., глава о натуральном газе, об озокерите, о разведке и т. д. Точно так же слишком кратки описания некоторых месторождений, в особенности по сравнению с более пространными описаниями других. Издана книга, с точки зрения современных условий, хорошо: удовлетворительная бумага, разборчивая печать и ничтожное число опечаток.

К. Калицкий.

Д-р В. ШЕЙТХАУЕР. Буроугольные и сланцевые смолы, их получение и переработка. Редакционно-Издательский Отдел В.С.Н.Х. Серия редакции журнала «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство». Петроград, 1921 г. Стр. IX+178 in 8°+2 листа чертежей.

Одной из очередных и наиболее важных задач нашей промышленности, несо-

мненно, является рациональное использование топлива, в частности, наших богатых залежей торфа, бурых углей и сланцев. В Западной Европе буроугольная и сланцевая промышленность за последнее время получила широкое развитие, в особенности в Германии, которая за военное время всю свою огромную потребность в бензине, смазочных маслах, парафине и проч. нефтепродуктах покрывала путем сухой перегонки бурых углей и сланцев. У нас за последние годы по вопросам химической утилизации различных видов топлива совершена большая подготовительная работа, как в смысле разведки и химико-аналитического обследования отдельных месторождений, так и в смысле выяснения условий и возможности их использования.

Работа эта, между прочим, сильно затруднялась отсутствием специальной литературы. Появление в русском переводе книги известного авторитета и деятеля в буро-угольной промышленности д-ра Шейтхауера, несомненно, будет встречено с большим интересом и удовлетворением не только работниками по сухой перегонке бурых углей, сланцев и др. видов топлива, но также и специалистами-химиками, интересующимися методами исследования смол и способами их получения, переработки и разделения на свои разнообразные составные части.

Книга знакомит читателя с основными конструкциями печей для сухой перегонки бурых углей и сланцев, применяемых в Германии и Шотландии, с главнейшими свойствами твердых, жидких и газообразных продуктов сухой перегонки, с перегонкой смол, с химической обработкой их и получающихся из них дистиллятов, а также и химическим составом буро-угольных и сланцевых смол и их дистиллятов и с методами их лабораторного исследования. Хотя книга Шейтхауера на немецком языке была издана еще в 1911 году, она по сие время является фундаментальным трудом в области технологии буро-угольной и сланцевой смолы, и остается лишь пожелать, чтобы в неотдаленном будущем в нашей периодической специальной литературе появлялись статьи, посвященные последним достижениям по вопросам сухой перегонки различных видов топлива, в частности—новым методам сухой перегонки при низких температурах с получением так называемых первичных смол, представляющих большой научный и прикладной интерес.

Проф. А. Э. Мозер.

«ГОРНОЕ ДЕЛО». Журнал Главного Управления Горной Промышленности В. С. Н. Х. Москва, 1921 г. № 1—2 (7—8), стр. 1—97; № 3 (9), стр. 97—148, in 4°, с 3 рис. ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ «ГОРНОЕ ДЕЛО» № 6. Сборник технических статей. Москва, 1921 г. 53 стр. in 8°, с 1 табл.

Последний номер «Горного Дела» вышел со значительным опозданием вследствие типографских затруднений. Судя по заявлению редакции, в дальнейшем есть надежда на более аккуратный выход журнала. Это было бы крайне желательно, так как в настоящее время «Горное Дело»—единственный русский журнал, посвященный горной промышленности (не считая нескольких более специальных журналов, напр., «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство»), и регулярный его выход необходим для информации горных работников. «Горное Дело» является продолжателем и наследником официального органа бывшего Горного Департамента — «Горного Журнала», издававшегося непрерывно с 1825 года. После революции, в 1918 г., «Горный Журнал» был заменен эфемерными «Известиями Горного Отдела В. С. Н. Х.», просуществовавшими несколько месяцев и издававшимися крайне небрежно в типографском и редакционном отношениях. В 1920 г., возникший на развалинах Горного Отдела, Горный Совет В. С. Н. Х. начал издавать «Горное Дело», ныне заканчивающее второй год своего существования. За это время физиономия журнала вполне установилась, и выявились ясно его достоинства и недостатки. По сравнению с «Горным Журналом» он представляет по самому плану своему значительный шаг вперед. Покойный журнал Горного Департамента представлял скорее ряд тяжеловесных

сборников научных статей, чем периодический орган,—в нем почти не было текущих обзоров, библиографии и проч. Этот недостаток исправлен в «Горном Деле», которое, кроме оригинальных работ, во втором своем отделе дает регулярные обзоры (по четвертям года) отдельных отраслей горной промышленности, деятельности горных главков, обзор профессионального движения среди горнорабочих, статьи по профессиональному образованию, интересный иностранный отдел с довольно обширной (при скудости проникающих в Россию специальных журналов) хроникой и статистикой заграничной горной промышленности. Наконец, в каждой почти книжке журнала помещается очень полная библиография, состоящая из обзора журналов, хотя бы отчасти касающихся горного дела, указателя статей и книг по горному делу, разбитого по полезным ископаемым, и, наконец, аналогичного указателя важнейших газетных статей. В конце журнала помещается официальный отдел, — важнейшие декреты по горной промышленности.

В первой части журнала, кроме научных статей по рудным месторождениям, горной технике и проч., целый ряд актуальных статей о положении горной промышленности в различных районах, производительности труда рабочих и проч. Эти статьи как раз и являются самым уязвимым местом «Горного Дела», так как до сих пор они нередко сбивались на выступления самого общего газетно-популярного характера, которым не место в солидном технико-экономическом журнале. Однако, судя по последним номерам, журнал начинает увеличивать число серьезных оригинальных работ за счет легковесного материала, и надо пожелать, чтобы в этом отношении, т.-е. по ценности печатаемого, «Горное Дело» со временем не уступало своему предшественнику — «Горному Журналу». В «Горном Деле» уже и сейчас более крупные и более сложные научные работы (со многими чертежами, с математическими выкладками и пр.) издаются в виде отдельных приложений, выходящих книжками in 8°. За 1920 и 1921 гг., кроме рецензируемого № 6—сборника мелких технических статей, вышло 5 книжек приложений, содержащих несколько ценных статей по разведочному делу и обзоров. Эта система отдельных книг, посвященных различным вопросам, позволяет наиболее целесообразно распределять издания между читателями и одновременно сохранить тип живого, следящего за текущими событиями журнала, не внося ущерба печатанию более серьезных и объемистых работ.

В типографском отношении журнал издается достаточно тщательно, представляя пример весьма экономного использования бумаги (лист корпуса вмещает 80.000 букв). В другое время неудобный, слишком большой формат (8×6 вершк.) и густота строк текста вызвали бы резкое осуждение со стороны всякого любителя книги, но сейчас приходится мириться с этим недостатком, раз он дает реальную возможность опубликовывать несколько лишних материалов.

Из статей рецензируемых номеров (среди них отметим: Д. Стрельникова, «Анализ работы Анжерских и Судженских копей»; проф. В. А. Обручева, «Об ископаемых богатствах Крыма»; проф. Д. И. Мушкетова, «О Петроградском Горном Институте в 1917 — 1920 гг.» и др.) заслуживают особого упоминания 3 статьи о Курских магнитных аномалиях [1]). Эти аномалии, наибольшие из всех известных на земном шаре, уже больше года привлекают напряженное внимание ученых кругов и возбуждают жаркие споры. Главным спорным пунктом, кроме вопроса о самой причине аномалий, пока еще остающегося открытым, является вопрос о методе исследования аномалий и применяемых приборах. На этой почве в среде комиссии, которой были поручены исследования, возник резкий конфликт, закончившийся переводом комиссии из Горного Совета в непосредственное ведение президиума В. С. Н. Х. и уходом нескольких членов ее. Две из напечатанных в № 9 «Горное Дело» статьи (проф. Ортенберга и инж. Кисельникова) являются изложением точки зрения меньшинства комиссии. Третья статья принадлежит перу проф. Баума-

[1]) См. обзор проф. Костицына в настоящей книге нашего журнала.

на, известного знатока магнитометрии, являющегося беспристрастным арбитром в этом вопросе. Проф. Бауман в общем склоняется к точке зрения большинства комиссии, и полагает, что при исследовании Курских аномалий предлагаемые Ортенбергом и Кисельниковым приборы не применимы. Вопрос о Курских аномалиях—животрепещущий и интересный, и нельзя не приветствовать обещания редакции поместить в следующем номере статьи представителей большинства. К сожалению, нельзя сказать того же о заявленных к выходу в «Приложении № 8» протоколах комиссии за первый период ее существования,—период наибольших внутренних раздоров. Протоколы эти имеют чисто личное значение, и кроме самих участников комиссии да нескольких любителей дипломатических перебранок вряд ли кому будут интересны. Поэтому в настоящее время тратить бумагу на их печатание совершенно недопустимо.

С. Шаманский.

К. Ф. НЕЙМАЙЕР, инж.-техн.—Переплавка чугуна в коксовых вагранках на древесном угле. Редакционно-Издательский Отдел ВСНХ (Работы Отдела Металла). Год и место издания не указаны. Стр. 24+4 отдельных страницы чертежей.

Книжка написана в 1919 году, когда положение чугуно-литейного дела,вследствие недостатка кокса, было особенно тяжелое. Так как из всех родов топлива можно было в то время рассчитывать более всего на дровяное, а на заводах имелись вагранки, приспособленные только для кокса, естественно, явилась неотложная необходимость дать указания, каким образом в существующих вагранках, без длительного переустройства и при наименьших затратах, переплавлять чугун на древесном топливе, именно—древесном угле, получая в то же время доброкачественное литье.

Автор указывает, что доменные печи Урала, Вятской губ.,Владимирской и др. по сие время производят выплавку чугуна на древесном угле, иногда с добавкой хорошо просушенных дров, что плавка в вагранках, как по отношению к меньшему расходу горючего, так и по отношению к быстроте процесса, превосходит всякого рода другие типы плавильных печей; так, для переплавки 100 пудов чугуна в отражательной печи требуется около 50—60 пуд. каменного угля, а в вагранке, для того же количества чугуна,—около 10—15 пуд. кокса, включая и расход на задувку вагранки; что касается быстроты плавки, то в отражательной печи процесс длится от $3^1/_2$ до 5 и более часов; в коксовой вагранке можно в час получить 300—400 пуд. жидкого чугуна; автор указывает, что быстрая плавка не дает возможности чугуну изменять свои свойства настолько, как это имеет место при медленной переплавке в отражательных печах; в последнем случае чугун, теряя вследствие выгорания свои составные части (кремний, марганец, углерод), делается хрупким и для большинства отливок непригодным.

Далее автор излагает сущность процесса переплавки в вагранках, системы вагранок, их размеры, дает сведения о «фурмах» (отверстия в нижней части шахты для вдувания воздуха), о количестве потребного для горения воздуха, о давлении его (в m/m водяного столба) и проч.

В особой главе автор трактует о древесном угле и сообщает данные относительно его состава, веса, теплотворной способности и хранении. Затем описывает существовавшие до сего времени древесно-угольные вагранки (Людиновского завода, из Мальцевской группы); сообщает результат переделки коксовой вагранки Брянского завода на древесноугольное топливо (при чем выход чугуна на 1 кв. сантим. площади сечения шахты у фурм оказался в 2,6 раза более чем у Людиновской вагранки) и т. д.

Далее автор дает подробные мотивированные указания относительно переделки коксовых вагранок на древесноугольные; в общих чертах работа по переделке состоит из: увеличения давления воздуха (до 380 m/m водяного столба), увеличения количества вдуваемого воздуха, опуска вниз «фурм» (до величины 250 m/m от пода), сужения диаметра шахты у фурм (до 700—800 m/m), увеличения высоты вагранки, примерно,

до 6 м. (от пода до завалочного окна); увеличение высоты достигается заделкой кирпичом старого окна и прорубкой над ним, на соответствующей высоте, нового.

Автор рекомендует устройство «рекуператора», т.-е. подогрева воздуха, нагнетаемого сквозь фурмы в вагранку, пропуская его через чугунные трубы, при чем последние обогреваются горячими газами, выходящими из вагранки.

В конце книжки имеется «Инструкция», в которой систематизированы все необходимые данные относительно переделки вагранки и ведения всего процесса плавки.

Топливный кризис по сие время не потерял своей остроты, и работа инж. Неймайера полностью сохраняет свое практическое значение, особенно применительно к нередко критическому положению малых чугуно-литейных заводов, которые, как раньше, так и теперь, менее обеспечиваются надлежащим топливом в сравнении с крупными государственными заводами.

Инж. М. Цоллер.

„ТЕХНИКА и ЭКОНОМИКА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ". Орган Народного Комиссариата Путей Сообщения. Петроград, 1921 г. (год издания четвертый). № 1—2, стр. 170; № 3—4, стр. 162; № 5—6, стр. 104; № 7, стр. 36; № 8, стр. 46; № 9, стр. 52; № 10, стр. 42; № 11, стр. 40; in 4°, с приложением таблиц, чертежей, рисунков и диаграмм.

Журнал этот, являющийся органом НКПС, издается 4-й год. Несмотря на трудные условия, с которыми сопряжено в настоящее время издательское дело, журнал умело справляется с этой задачею: выходит часто, без опоздания (за 1920 год вышло 24 номера, общим объемом около 150 печатн. листов) и дает своим читателям довольно интересный материал по техническим и экономическим вопросам.

Журнал открыл следующие постоянные отделы: Общий Отдел, Сооружение и ремонт железнодорожного пути, Инженерные сооружения, Подвижной состав и тяга железных дорог, Организация железнодорожных мастерских, Железнодорожные станции и станционные устройства, Электротехника и связь, Холодильники и элеваторы, Эксплуатация железных дорог, Сооружение и эксплуатация водных сообщений, Порты, Судостроение, Организация, нормирование и премирование труда на путях сообщения, Техническая статистика путей сообщения, Машиностроение и машиноведение, Строительные материалы, Топливо, Жилищное строительство и санитарная техника, Дорожный и автомобильный транспорт, Воздушные сообщения, Общие технические науки, Экономика транспорта, Техническая хроника, Библиография.

По каждому отделу, за исключением четырех, в текущем году имеются статьи, при чем по наиболее существенным вопросам транспорта до 10 и более статей.

Если принять во внимание условия момента, мало располагающие к усидчивой научно-литературной работе, количественное оскудение технического персонала вследствие гибели многих инженеров за годы империалистической и гражданской войны и слабо привитую русским техникам склонность к литературной деятельности вообще, то нужно признать за редакцией журнала большую заслугу в деле привлечения стольких сотрудников по разным вопросам инженерной науки и практики.

Правда, в текущем году все более замечается заполнение журнала статьями, представляющими собою служебные доклады авторов или их переложения, но это не удивительно для журнала, являющегося официальным органом высшего государственного учреждения, и нужно лишь приветствовать редакцию, что она все-таки уделяет значительное место и оригинальным статьям по злободневным вопросам техники.

Мы не можем в краткой заметке передать сколько-нибудь подробное содержание отдельных статей и должны ограничиться лишь тем, что указываем наиболее интересные из них. В смысле актуальности нужно отметить прежде всего статью инж. Егиазарова—«Снабжение Петрограда гидроэлектрическою энергиею со Свири и Волхова» (№ 1—2), в которой автор дает краткую историю

вопроса и излагает сущность проекта, общую сводку и сметные соображения.

Проф. Рынин в статье «Современные воздушные сообщения» (№ 1—2) знакомит с состоянием авиации за границею, а в заключение сообщает о предстоящей организации факультета воздушных сообщений при Ин-те Инж. П. С.—В № 8 под заглавием «В воздушном океане» помещен маленький отчет того же автора о своем полете на дирижабле «Астра».

Очень основательно разработан чрезвычайно важный в данное время вопрос о шпалах в статье проф. Оппенгейма «Необходимые мероприятия в области нашего шпального хозяйства» (№ 1—2).

Приятно констатировать, что железнодорожные инженеры принимаются вновь за производство серьезных технических опытов, как свидетельствуют две статьи инж. Сыромятникова «Исследование рабочего процесса паровозного котла» (№ 1—2) и «Об опытном исследовании паровоза «Пасифик» (№ 3—4).

Из строго научных статей назовем статьи: проф. Белзецкого—«О прочности рельсовой колеи» (№ 3—4), проф. Филоненко-Бородича—«Об одном графическом приеме и тегрирования уравнения движения поезда» (№ 3—4), Куницкого—«О допускаемых напряжениях литого железа в железнодорожных металлических мостах» (№ 10) и Калиновича—«Технически-эксплуатационные характеристики внутреннего водного пути и их определение» (№ 5—6).

Интересна, хотя и не для ближайшего будущего, но по существу, статья инж. Ганкара—«К использованию глин подмосковного бассейна для производства гончарных и огнеупорных изделий, строительных кирпичей и т. д.» (№ 10).

Из описаний сооружений отметим статью инж. Янушевского—«Подъемный железнодорожный мост через р. Дон в Ростове» (№ 10).

Из статей, относящихся к вопросу об организации производства, укажем на статью инж. Риццони — «Как следует проектировать современные большие паровозо-ремонтные мастерские» (№ 10) и две статьи инж. Бутакова — «Об административно-технической организации промышленных предприятий» и «Административная организация промышленных предприятий по военному типу» (№ 3—4). Можно не соглашаться с И. Н. Бутаковым, но и эти статьи, как все, что он пишет, оригинальны и свидетельствуют об эрудиции и вдумчивом отношении автора.

Мы здесь отметили исключительно такие статьи, которые производят впечатление специально написанных для журнала, и не касаемся многих очень интересных статей, являющихся воспроизведением докладов различным органам НКПС или Съездам деятелей транспорта.

В общем журнал «Техника и Экономика Путей Сообщения» является одним из самых живых и интересных среди немногих научно-технических органов специального типа, и можно только пожелать, чтобы он несколько расширил свои рамки добавлением отдела по общепромышленной технике и методам организации, хотя бы во имя той тесной связи, в которой развитие промышленности находится с развитием путей сообщения.

Л. Элькинд.

А. Н. МИТИНСКИЙ. Словарь-справочник по техническим свойствам металлов. Редакционно-Издательский Отдел ВСНХ. (Труды Технического Совета Отдела Металла ВСНХ. Выпуск II). Москва 1920 г. Стр. 260, in 8°.

Необходимость проведения строгой индивидуализации качеств материалов для разных деталей современного машиностроения стала в настоящее время аксиомой. Чем многочисленнее и разнообразнее детали для разных областей машиностроения (авиация, автомобили, двигатели внутреннего сгорания, турбины паровые, газовые и т. д.), тем больше сложности вносится в дело систематизации металлов по их качествам и составу применительно к специальным целям.

В этом отношении попытку инж. А. Н. Митинского соответственным образом систематизировать металлы в алфавитном порядке по образцу американских лексиконов следует признать весьма удачным опытом, практическая нужда в коем давно назрела.

Автор, много занимавшийся исследованием металлов в применении их к общему машиностроению, не мог ограничиться одною лишь классификацией и систематизацией металлов по качеству и дополнил свои данные сведениями о структуре, способах приемочных испытаний и, где требуется, методах металлургической обработки. В результате получился солидный труд, вполне удовлетворяющий запросам современного машиностроения.

Остается пожелать, чтобы этот ценный справочник и в дальнейшем, в виду быстрого темпа развития техники, соответствовал требованиям времени, и чтобы необходимые дополнения и изменения своевременно выпускались в виде особых приложений.

Инж. Г. Л. Зандберг.

ИСТОРИЯ.

А. ТЮМЕНЕВ. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Том первый. Революция. Госуд. Изд-во. Петербург, 1920 г. (179 стр.).

Книжка А. Тюменева является лишь частью трехтомной его работы: том 2-й и 3-й, уже находящиеся в печати, будут посвящены «расцвету», «кризису» и «упадку» демократии.

В первом томе дается очерк социально-экономического развития Греции от X до IV в., представляющий собою «попытку, при помощи частью уже достигнутых научных результатов, частью собственных социальных экскурсов, реконструировать общую картину экономической и социальной жизни древней Греции» (стр. 5).

Касаясь различных эпох греческой истории, автор показывает, как с изменением способа производства видоизменялась классовая структура общества, переходила от одних социальных групп к другим политическая власть. Последовательно проведенная точка зрения классовой борьбы, несомненно, помогла автору выяснить многие стороны социального развития Греции, являющиеся предметом споров в исторической литературе.

Не всегда, однако, можно согласиться с теми решениями таких спорных вопросов, которые даются в разбираемой книге. Так, напр., автор разделяет традиционную точку зрения на социальные и политические реформы Солона, и считает «мало обоснованным скептицизм пр. Виппера относительно данных, касающихся этой эпохи», но не дает сколько-нибудь основательной критики виппе-ровской позиции в данном вопросе (см. стр. 64—67; 69—70).

Социальное развитие Греции в значительной степени отличалось от социального развития новейших европейских обществ. «Если феодальный порядок существовал в средневековой Европе не одну сотню лет, то этим он обязан не какой-либо особой устойчивости установленных им социально-политических отношений, а исключительно медленному темпу экономического развития. В Греции, напротив, именно, быстрый прогресс и усложнение экономической жизни свело время господства землевладельческой знати к minimum'у» (стр. 25).

Но тот же быстрый темп экономического развития повел к раннему проникновению денежно-хозяйственных отношений в греческую деревню, революционизировал крестьянство, которое и выступает, как «активная политическая сила» уже в тот период, когда городское население еще едва формируется в новые общественные классы (стр. 59—60).

Наиболее интересным и оригинальным нам представляется взгляд автора на особенности греческого города по сравнению с средневековыми городами центральной Европы. Если средневековый ремесленник долгое время работал почти исключительно на местного заказчика или на рынок, не выходящий за пределы городской округи, то в греческих городах, благодаря их необычайно выгодному географическому положению, рано развилось производство для сбыта

на отдельные рынки. Именно потребности внешнего рынка положили своеобразный отпечаток на всю греческую экономику, социально - политический строй греческих общин, обусловили то доминирующее положение, какое занимали в жизни греческих городов вопросы *внешней* политики (стр. 73, 81, 82, 90). Так как развитие свободного ремесла не поспевало за все возраставшими потребностями внешнего рынка, то в греческую промышленность все более и более проникает рабский труд, конкуренция которого гибельно отражается на свободном ремесле. Вот почему, в противоположность средневековым городам центральной Европы,—в греческих общинах так и не сложилось прочного класса ремесленников, не создалось ничего, что хоть в отдаленной степени напоминало бы развитую цеховую организацию средневековых городов и их промышленное законодательство. Последнее совершенно не интересовало в Греции заправил городской политики, все внимание которых было устремлено вовне, на все новое и новое расширение вывозной торговли. Слабость класса городских свободных ремесленников, все более и более опускавшихся до положения неквалифицированных рабочих или lumpen—пролетариев, объясняет и тот факт, что представители *торгового* капитала неизменно играли руководящую роль во всей политике Афин, несмотря на полную демократизацию афинского политического строя в V веке (стр. 91, 92, 96—97).

Средневековое ремесло медленно, но неуклонно развилось на базисе все расширявшегося *вглубь* внутреннего рынка, что вело к постепенному разрушению натурально-хозяйственных отношений в городе и в деревне, и содействовало прогрессу промышленной техники. Греческая промышленность развивалась почти исключительно за счет расширения внешнего рынка, удовлетворяя потребности преимущественно высших классов, а потому «не имела под собой никакого прочного и надежного основания» (90). Вместе с тем слабо развивалось и товарное хозяйство внутри страны. Свободное ремесло хирело; зато пышно развилась промышленность, основанная на рабском труде.

Но широкое применение рабского труда не только затормозило дальнейшее развитие техники, но повело к ее регрессу. Технически греческая промышленность никогда не стояла поэтому на том уровне, какой был достигнут в средневековом ремесле.

Организации греческой промышленности автор посвящает особую (5-ую) главу, которая представляется нам наиболее интересной в разбираемой работе. Следовало бы, однако, привести более обстоятельные данные, иллюстрирующие отсталость греческой техники по сравнению с средневековой. Обильный интересный материал по этому вопросу дают недавно вышедшие работы Feldhaus'a, Neubürger'a и glotz'a, а особенно *Dils*'a, оставшиеся, повидимому, неизвестными нашему автору [1]).

Логическим выводом из всего сказанного является его взгляд на уровень экономического развития древней Греции, одинаково далекий как от «ойкосной» теории Родбертуса-Бюхера, так и от позиции Эд. Мейера, как известно, ставящую хозяйственную жизнь Афин V—IV в.в. в параллель с экономическим развитием Англии в XVIII в.

Самый источник резкого расхождения современных исследователей по данному вопросу А. Тюменев видит в «основном противоречии экономической жизни греческого города, которое заключается в «наличности значительного торгового обмена и денежного обращения при отсутствии действительных элементов для создания новых форм экономического быта» (стр. 148, 149, 151).

Интересная книжка А. Тюменева, к тому же написанная общедоступным языком, должна заинтересовать не только специалистов-историков и экономистов, но и широкие круги читателей.

Н. Лукин-Антонов.

---

[1]) *Feldhaus*. Die Technik der Vorzeit der geschichtlichen Zeit und der Natur Völker (1914). *Neubürger*. Die Technik des Altertums. (Leipzig 1919). *Glotz*. Le travail dans la Grèce ancienne. (Paris 1920), *Dils*. Antike Technik (1920).

Н. РОЖКОВ. Учебник истории всеобщей и русской. Гос. Изд-во. Петроград, 1921 г. Стр. 128+XXI.

Учебник Н. Рожкова «составлен применительно к примерной программе, изданной в 1918 г. Отделом подготовки учителей Комиссариата Просвещения Союза Коммун Северной области», и предназначается, в качестве систематического курса, для второй ступени единой трудовой школы и для самообразования.

Пока автором издан лишь *первый* выпуск: «Древняя История», распадающийся на шесть глав. Первые две посвящены первобытному человечеству и дикарям, 3-я и 4-я—истории Египта, древнейшей Месопотамии и азиатским культурам второго и первого тысячелетия до Р. Х., в двух последних главах дается очерк истории древней Греции и древнего Рима. К книжке приложена 21 таблица с иллюстрациями.

Отдел, посвященный первобытной культуре, оказался наиболее разработанным: ему уделена целая треть учебника. Остальные главы носят, на наш взгляд, чрезмерно конспективный характер. Правда, по словам автора, «учебник должен заключать в себе, во-первых, сжато и точно формулированные обобщения... во-вторых, минимальное количество хорошо подобранных фактов, иллюстрирующих эти обобщения» (стр. 7—8). Но сжатость изложения требует особенно точного определения понятий, которыми оперируешь. Между тем, некоторые места разбираемого учебника должны оставить неискушенного в обществоведении читателя в полнейшем недоумении. Так, напр., автор не раз говорит о феодализме и феодальной революции, которую он находит в истории самых различных народов. Но что такое феодализм,— остается совершенно неясным. «Вскоре после Суббилулиумы,—говорится на стр. 54,—хетиты перешли в органическую эпоху полного развития феодализма, сопровождавшегося торжеством земледелия, изолированностью отдельных феодальных владений, а следовательно, и политической раздробленностью народа». «В обычной форме феодализма,—читаем на следующей странице,—сущность дела заключается в том, что земледелие торжествует, что частный (?. *Н. Л.*) землевладелец, имеющий частную собственность на землю, выдвигается на первый план и, соответственно этому, выделяются... феодальные властители в каждой данной местности, которая становится политически самостоятельной».

Такое определение феодализма нельзя, конечно, признать сколько-нибудь удачным. Еще хуже обстоит дело с «феодальной революцией», которая, по мнению Н. А. Рожкова, предшествует эпохе полного развития феодализма. Оказывается, феодальная революция была в свое время и в Египте, и в Сумеро-Аккадо-Вавилонии, и у хетитов, и у евреев; всюду она связана с именем какого-нибудь царя, который «укрепляет земледелие и частное землевладение и создает временное политическое объединение с этой целью» (58). Вот и все.

Книжка Н. Рожкова вызывает ряд возражений и по существу. Прежде всего, в вопросе об эволюции форм семьи автор находится под сильным влиянием, несомненно, устаревших уже схем Моргана-Энгельса, упорно игнорируя выводы новейших исследований в области этнологии. Н. Рожков разделяет здесь курьезную боязнь разойтись в этом вопросе с Энгельсом, свойственную многим марксистам. А между тем новые наблюдения и выводы этнологов относительно развития семьи не только не опровергают социологической теории Маркса, но гораздо лучше укладываются в ее рамки, чем схемы Моргана! Излагая историю древней Греции и Рима, автор воспроизводит традиционные рассказы о законодательстве Дракона, реформах Солона, Сервия Туллия, легендарных аграрных законах Столона и Секция Латерана и т. п. (см. стр. 76, 77, 99, 102). Нам кажется, что обременять память учащихся фактами, самая достоверность которых представляется многим новейшим исследователям весьма сомнительной, едва ли целесообразно.

Совершенно непонятно, далее, почему автор думает, что так называемый, «заговор» Катилины представлял попытку создать в Риме «Объединенную самодержавную, единоличную власть (стр. 111),

тогда как в действительности движение катилинариев стоит в связи с неудачей аграрной реформы Руллы и является последней попыткой деревенской и городской бедноты добиться земли.

Нельзя согласиться и с характеристикой раннего христианства, из которой почему-то совершенно элиминированы элементы анархо-революционной идеологии (стр. 122). Ведь не будь этой революционной стороны в идеологии первых христиан, они едва ли считались бы пезарями особо вредной сектой и подвергались преследованиям со стороны государственной власти.

Не может, наконец, не вызвать возражений и объяснение так называемого «падения» римской империи исключительно напором варваров (стр. 125—6). Как известно, возврат к натуральному хозяйству и феодализация римского общества совершались еще задолго до решительного натиска на Империю германцев и обусловливались более глубокими причинами экономического порядка.

По всем этим вопросам можно, конечно, спорить. Но в книжке Рожкова имеются, к сожалению, недочеты, совершенно недопустимые для автора-марксиста. Говоря о духовной культуре Греции в V и IV веках до Р. Х., он не делает ни малейшей попытки связать новые культурные явления с социально-экономическими переменами эпохи, или выяснить классовую основу новых политических философских учений. Идеология оказывается чем-то самодовлеющим, развивающейся в силу противоречий заложенных в ней самой. Отсюда и традиционное противопоставление Сократа и софистов, и объяснение смерти Сократа во вкусе историков идеалистов, и характеристика Платона, как «первого в истории социалиста и т. д. (стр. 84—88).

В связи с введением новых программ наши школы второй ступени испытывают сейчас острую потребность в марксистски-выдержанных и в то же время стоящих на уровне современных научных знаний учебниках по обществоведению. Удовлетворяет ли новая книжка Н. Рожкова эту потребность?—Увы!—На это приходится ответить отрицательно.

Некоторое недоумение вызывает еще список книг по древней истории, рекомендуемых автором для *первоначального* чтения. Между прочим, здесь названы: Энгельс «Происхождение семьи» и т. д., Виппер «Лекции по истории Греции» и Ферреро «Величие и падение Рима». Но ведь это солидные работы, которые впору осилить студенту университета, а не школьнику 2-ой ступени!

До сих пор мы отмечаем лишь недостатки учебника Н. Рожкова, но у него есть и известные достоинства—сжатость и популярность изложения, марксистский метод, хотя и не везде, как мы видели выдержанный.

Н. Лукин-Антонов.

Акад. М. И. РОСТОВЦЕВ. Эллинство и иранство на юге России. Изд-во «Огни». Петроград, 1918 г. VI+193 стр. и 16 табл.

Культурно-историческое прошлое юга России в эпоху античную далеко еще не исследовано с достаточной полнотой и ясностью. Представления о нем весьма сбивчивы: то оно рисуется нам, как нечто спутанное, смешанное, наслоенное до невозможности различить эти наслоения, то прошлое представляется однообразным, но также туманным и чем-то тоже отрезанным от всего дальнейшего развития как этого края, так и стран, лежащих к северу и западу. Особого интереса к югу России не проявляли, проходили мимо него, не подозревая громадного его значения для судеб европейской культуры,

В предлагаемом очерке автор, с одной стороны, как бы подводит итоги всем своим «южно-русским» работам, с другой стороны, он ставит и разрешает новые вопросы, более подробное изложение которых обещано в печатающемся большом труде «Исследования по истории Скифии и Боспора».

Данный очерк составлен не только на основании литературных первоисточников, но, что делает его таким убедительным, он опирается на документы вещественные. Перед нами наглядно, можно сказать, осязаемо ярко, встает прошлое юга России; автор заставил говорить камни, весь инвентарь курганов и силой своего таланта вынудил подземные архивы раскрыть свои тайны.

Значительное место уделено искусству, памятники коего, находимые в так называемых скифских могилах, составляют еще не решенный до сих пор вопрос относительно времени и места их изготовления. Акад. Ростовцев полагает, что середина III ст. до Р. Х. является terminus ante quem для драгоценных вещей «скифских» курганов, и думает, что не все эти сокровища были привозные, а могли быть изготовлены в Пантиканэе, расцвет которого приходится на III ст. до Р. Хр. Второе положение—исторический факт, и мнение М. Ростовцева в данном случае вряд ли встретит возражения; что же касается датировки, то думается, что ее надо отодвинуть ближе к концу III ст. или даже к первой половине II ст. до Р. Хр., ибо как в достаточной степени убедительно показали исследования проф. Б. В. Фармаковского, весь стиль многих «скифских» ювелирных изделий (напр., чертомлыцкий налуч и пр.) и другого погребального инвентаря дает повод относить их скорее ко II ст. до Р. Хр.—к эпохе послепергамского *алтаря*.

Книга богато снабжена хорошо исполненными иллюстрациями (16 отдельных таблиц с 93 рисунками), воспроизведенными на основании фотографических снимков; изображены не только памятники зодчества, живописи и скульптуры, но и торевтики и нумизматики. Издана книга прекрасно.

Проф. Н. Щербаков.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1 МАРТА 1887 г. Воспоминания И. Д. Лукашевича. Гос. Изд. 1920 г. 47 стр.

1 марта 1887 г. в Петербурге были арестованы три студента с бомбами: в этот день предполагалось покушение на царя Александра III, подготовленное кружком молодежи, главным образом, из петербургского студенчества. По этому делу были казнены Генералов, Андреюшкин и Осипанов, захваченные с бомбами в руках, а также Шевырев и Александр Ильич Ульянов (старший брат т. Ленина), как организаторы. Лукашевич попал в Шлиссельбург, так как смертный приговор ему был смягчен. В своем рассказе о подготовке покушения он дает понять, что именно он-то и был организатором заговора, не был же казнен отчасти потому, что детальная роль заговорщиков не была вполне выяснена правительством; отчасти же потому, что подал прошение о помиловании.

Воспоминания Лукашевича написаны вскоре по его выходе из Шлиссельбурга 1905—6 гг.). Хотя для данного издания они «пересмотрены и исправлены автором», но дело в целом, очевидно, еще не подверглось изучению по материалам. Это сказывается на изложении, кое-где во всяком случае спорном. Так, например, Лукашевич приписывает раскрытие заговора случайности,—перехваченному письму Андреюшкина с фразой: «боюсь попасть на казенные харчи, так как повлек бы за собой много хорошего народа». Эта фраза дала повод для установления тайного надзора. «Правда,— продолжает Лукашевич, — Андреюшкин, приняв на себя роль метальщика, стал вести тихий и уединенный образ жизни, так что не мог никак возбудить подозрения. Но когда он вместе с другими стал выходить на улицу и подолгу ждать проезда царя, то обратил на себя внимание сыщиков, и они успели выследить и тех, кто был вместе с ним».

Такое объяснение слишком наивно. Оно фигурирует в «деле», скорее всего, с целью затушевать истинный источник полицейской осведомленности, с целью замести следы.

В истории революционной борьбы в России «дело 1 марта 1887 года» стоит несколько особняком и представляет интерес эпизодический для характеристики периода безвременья.

Партия «Народной Воли» умерла; зародилась социал-демократия чуть заметной струйкой; правительственное торжество полное; проявлению революционной энергии нет места в сколько-нибудь широ-

ком и активном общественном течении. Среди организаторов кружка уже получают влияние марксистские взгляды,— нет уже идейной цельности народничества; но последнее берет реванш на почве безысходного положения, создавшегося для активно-революционных единиц. Принести свою жизнь в жертву хотя бы с единственной надеждой сколько нибудь всколыхнуть болото политического затишья,— таково настроение, имевшее место среди части молодежи средины 80-х годов.

М. Ольминский.

Н. АШЕШОВ. Н. И. Рысаков. Материалы для биографии и характеристики.

Собственно говоря, никаких *новых* материалов для «биографии и характеристики» в книжке нет. Все, чем оперирует Н. Ашешов, заключается в действительно ценных материалах, опубликованных в журнале «Былое»,—главным образом, в № 10—11 за 1918 (специальный номер, посвященный 1 марта 1881 г.). Таким образом, роль составителя книжки свелась к перепечатке уже известных материалов, к некоторой прихотливой группировке их и к снабжению комментариями, выражающими личные взгляды автора на те или иные моменты интересующего его эпизода в связи с характеристикой личности Рысакова.

Возникает вопрос,—какой же интерес представляет эта попытка Н. Ашешова дать, на основании опубликованных материалов, биографию и характеристику того из первомартовцев, которого животный страх смерти довел до самых низких ступеней падения?

Рысаков не принадлежит к числу интересных представителей из коллекции бесславнх Эфиальтов. Молодой паренек, не прошедший революционной школы, не имевший той силы революционного устремления, которая заставляла подлинных революционеров смело глядеть в глаза смерти и не содрогаться при виде грозившего им эшафота,—этот юноша-обыватель не вынес первых же моментов налетевшего на него шквала, ослабел духом и пошел по скользкой дорожке продажи жандармам своей чести, всех лучших сторон своей души за обманчивый призрак пощады.

Но, скажут, тут интересен не сам юноша, а лишь исключительный психологический момент, та его душевная драма, которая разыгралась в жандармском застенке.

Может-быть, для романиста и имеются поводы с этой точки зрения интересоваться личностью Рысакова и позорным финалом его жизни.

Страдал ли он от сознания своего нравственного падения? Очень вероятно: ведь он не был из числа тех действительно интересных загадочных натур (в роде, напр., Азефа), которые по своей аморальности являлись рекордными экземплярами человеческой породы.

Играли ли на его слабых струнках прокуроры и жандармы? О. наверное. Было бы странно, если бы это было иначе... Ведь на войне, как на войне... И ожидать от представителей политического обыска и политической инквизиции каких-нибудь гуманных движений души в ущерб интересам непосредственного дела—это было бы столь же наивно, как и предположение, что голодный волк прольет слезу жалости над ягненком, попавшим ему в зубы. Поэтому негодующие крики протеста со стороны автора брошюры по адресу «купцов—мородеров бессовестности», которые «взяли голыми руками душу Рысакова, перевернули ее вверх дном, испакостили, изнасиловали и выбросили вон, на эшафот, палачу Фролову, который его задавил... А потом ненужный труп выбросили в яму вместо именной могилы»...—эти крики не производят сильного впечатления.

Вообще ни с какой стороны личность Рысакова не привлечет к себе острого внимания, и эпизод с его предательством можно было бы просто даже предать забвению, за исключением, пожалуй, одного обстоятельства. Хотелось бы знать, как такой опытный организатор, как Желябов, не разглядел своевременно физиономии того мальчика, которого он наскорую руку «обработал» и поспешил использовать на самом ответственном и опасном посту.

«Не было людей», говорится где-то в «материалах». Но это не ответ на вопрос. Людей было во всяком случае

достаточно много, чтобы сделать лучший выбор, оставив Рысакова на ученических—второстепенных или третьестепенных ролях, и не насыщая его сознания слишком большой осведомленностью насчет задуманного цареубийства. Нужно предположить, что сам Рысаков импонировал какой-нибудь такой особенностью своего ума и характера, что ввел в заблуждение и Желябова, и Перовскую, и других «старых воробьев» по части подбора действующих лиц подготовляемой драмы. Но именно как раз эта-то сторона вопроса в книжке Н. Ашешова и остается в тени, при чем автором недостаточно, с этой точки зрения, использован даже тот самый первоисточник (№ 10—11 «Былого»), который лег в основу его монографии.

Следует еще отметить, что неприятное впечатление производит попытка автора ссылаться на мнения жандармов и прокуроров для характеристики Рысакова. Что генерал Шебеко будет врать и прокурор Н. Муравьев будет по-своему рисовать портрет обвиняемого—это можно было бы утверждать и a piori. Ни полемизировать с ними, ни соглашаться для историка не представляется ни малейшей надобности.

Такого рода более чем мутными источниками лучше совсем не пользоваться. А об этом правиле Н. Ашешов как раз и забыл.

П. Лепешинский.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ П. Л. ЛАВРОВА. [Под. ред. П. Витязева. Вып. I Петроград. Издат. Т-во «Колос»—1921. Стр. 89.

Настоящий выпуск содержит биографический очерк П. Витязева, посвященный эпохе 1870—73 гг., т.-е. первых годов эмиграции Лаврова, затем письма Лаврова к ряду лиц, в том числе к Н. И. Кареева и В. Я. Яковлеву (Бучарскому) и, наконец, архивные материалы: «агентурные донесения» о Лаврове сотрудников III отделения.

Это содержание далеко не во всех своих частях представляет одинаковую историческую ценность, хотя реакция, любовно относящаяся к изданию всего, касающегося Лаврова, имеет, конечно, право стремиться к возможно большей полноте материалов.

Очерк П. Витязева читается с интересом и содержит некоторые новые данные о жизни и взглядах Лаврова в годы непосредственно следовавшие за парижской коммуной. Из писем Лаврова большое биографическое значение имеет письмо к сыну Михаилу, писанное из-за границы в июле 1870 г. и рисующее во весь рост принципиально-нравственную личность Лаврова. Для определения его политических взглядов в позднейшие годы, когда он стал социалистом и революценером, чрезвычайно важно его письмо к В. И. Иохельсону (от 1882 г.), где он высказывается против «стремлений к Земскому Собору», и особенно большое политическое письмо к покойному Богучарскому, посланное уже в начале 1896 г. и воспроизводимое впервые с копии, найденной в архиве Деп. Полиции. В этом письме Лавров критикует русских с.-д. и советует молодым народовольцам вернуться к традициям и организационной сплоченности старой «Народной Воли».

Много любопытных черточек для характеристики эпохи 2-й половины 60-х годов имеется и в «агентурных донесениях».

Весь выпуск снабжен множеством исторических примечаний, составленных редакцией, что делает его доступным для более широкого круга читателей.

Странной его особенностью является старая орфография.

Б. Горев.

Б. ИВАНОВ. Яков Михайлович Свердлов, жизнь его и деятельность. 1885—1919. Гос. Издат. Петербург, 1921 г. 40 стр.

Когда, почти не отрываясь, дочитаешь о конца небольшой биографический очерк-воспоминания, составленный Б. Ивановым, то невольно опускаешь голову в раздумьи: сколько страданий физических и моральных приходилось переживать в «те времена», сколько самоотвержения и «твердокаменной» настойчивости приходилось проявлять русскому революционеру такого типа, как Яков Михайлович Свердлов—

один из пионеров большевистского движения в Нижнем, впоследствии первый председатель В.Ц.И.К.

И откуда только брались силы у этого «щупленького, в чем душа держится», человека, чтобы переносить все эти страдания и не только не сломиться, но даже *не надломиться* под их тяжестью в жестокой борьбе за освобождение пролетариата, которое казалось тогда таким далеким, таким недостижимым в ближайшее время.

А таких революционеров, сильных своим пролетарским классовым сознанием, стойких несокрушимостью своей воли, было не мало на всем протяжении великой Российской Революции.

Уже в силу своей революционности, большевики всегда находились в исключительно трудных и тяжелых условиях. Каждый, вступавший в ряды этой партии, обрекал себя на борьбу не только с самодержавием и не только за достижение ближайшего «переходного этапа» в движении к социализму, но и за скорейшее осуществление самого социализма установлением диктатуры пролетариата над буржуазией. И не только в теории, как это, к сожалению, выявилось исторически у Г. В. Плеханова. Действительность показала полную возможность диктатуры пролетариата, но лишь при одолении и царизма, и буржуазии, и всех социалсоглашательских предательских партий, отравлявших ядом своего оппортунизма все рабочее революционное движение.

Многие и из нас, сверху донизу, бывало, проявляли некоторые сомнения и колебания, но такие большевики, как Свердлов, не знали двух путей, никогда не стояли на распутьи колебаний и нерешительности. И если бы в нашей социальной революции не было таких могучих пловцов «против течения», то мы все еще были бы где-нибудь там, внизу, вместе со всякого рода «сплавом», в роде учредилки и социалбуржуазного «демократического правительства», а не в авангарде революционного пролетариата всего мира в лице рабоче-крестьянской власти Советов и III Коммунистического Интернационала.

Брошюра тов. Иванова заключает в себе не только достоинства—ясность и, местами, даже художественность изложения, вытекающего из глубокого проникновения автора идеями коммунизма и любви к своему старому товарищу и учителю, но и некоторые недостатки. С одной стороны, брошюра недостаточно обоснована документальными данными историко-биографического характера, а с другой—партийно-революционная и в особенности громадная советская работа Якова Михайловича далеко не выявлена и еще менее органически и исторически связана со всем ходом революционного движения пролетариата, как первого, так и последнего, самого важного периода. Это пока еще не биография, а лишь биографический очерк (основанный на личных воспоминаниях автора), дающий легкий, но живой абрис исторической фигуры Свердлова и канву для написания биографии революционного вождя и первостроителя Российской Советской Республики, самоотверженного борца за ее сохранение и утверждение.

Она является все-таки прекрасной агитационной брошюрой для широких масс и довольно четким первичным наброском той биографии, которая когда-нибудь будет составлена в коллективном сотрудничестве во всей ее исторической полноте. Как набросок, брошюра т. Иванова, несомненно, представляет большую ценность, особенно в связи с его личными воспоминаниями, которые послужат поводом к появлению еще многих других воспоминаний, рисующих во весь рост фигуру Свердлова.

К. Злинченко.

КАТОРГА И ССЫЛКА. Издание Об-ва бывших политических каторжан и сс.-поселенцев. Москва, 1921 г. Сборник № 1, стр. 101; № 2-й, стр. 99.

Возникнув первоначально по инициативе частной группы бывших каторжан и поселенцев, начиная со 2-го номера, сборники «Каторга и ссылка» становятся изданием возникшего весной 1921 г. Об-ва полит. каторжан и сс.-поселенцев.

Содержание вышедших сборников далеко не однородно по своей литературной и историко-политической ценности и носит несколько случайный характер.

Воспоминания из каторги и ссылки, изредка кое-какие документы, стихи. Тем не менее оба сборника читаются не без интереса, а некоторые статьи, как статья *П. Климушкина* об амнистии в Александровском централе в 1917 г., *Билибина* — об Орловском централе, *В. Плескова* «Памятные дни» (все из 1-го сборника), а также *Коткина* «16 дней» (голодовки) из № 2-го—читаются даже с волнующим интересом, несмотря на то, что наши нервы под влиянием гражданской войны притупились в достаточной степени.

Особый, выдающийся интерес по своему бытовому и психологическому значению представляет очерк Г. Сандомирского «На последней ступени». Здесь, если не ошибаюсь, впервые в нашей обширной тюремной литературе мы заглядываем в мир тюремных «падших»: в камеры «укрывающихся», или, на арестантском языке, «лягавых», т.-е. предателей и доносчиков, совершавших свои черные деяния «на воле» или уже в самой тюрьме, и из боязни мести укрывающихся под покровительством начальства в особые камеры. Здесь мы, действительно, находимся «на последней ступени» человеческого падения...

Можно пожелать редакции сборников в дальнейших выпусках более строго подбирать материал, а также расширить программу включением в нее всей вообще жизни политических тюрем и ссылки. От этого сборники станут живее и разнообразнее.

Б. Горев.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ. По неизданным документам составил Александр Блок.—Изд. „Алконост". Петербург, 1921. Стр. 168.

Книжка А. Блока едва ли расчитана на читателя серьезного и критически настроенного. Это—журнальная статья, написанная для «Былого» наспех, материал подобран без достаточной полноты: многие части изложения требуют дополнений,—и применять к последнему серьезную критическую мерку, конечно, нельзя. Книжку приходится рассматривать, как своего рода занятный материал для чтения о моменте, история которого еще не изучена достаточно полно и не поддается простому описанию без анализа и суровой критики. Определенного плана нет, но интересные подробности есть. Имеются некоторые детали для характеристик, но характеристики лиц или целого эпизода нет. Вся книжка разделяется на четыре раздела. *Первый*—под заголовком «Состояние власти» (стр. 7—22), в котором автор, останавливаясь на группе лиц с А. Д. Протопоповым во главе, очень преувеличивает роль последнего. Во *втором* разделе—«Настроение общества и события накануне переворота» (стр. 23—50)—значительную цену и большой интерес представляют выдержки из докладов с.-петербургского охранного отделения, и их надо было, нисколько не стесняясь, привести целиком. Кто вообще знаком с докладами московского и петербургского охранных отделений за время 1914—1916 годов, тот ясно может представить себе всю цену этого первоисточника, правда, требующего жестокого критического анализа, но в значительной степени ничем незаменимого. Наиболее крупный по своим размерам раздел *третий*—«Переворот» (стр. 50—113), начинающийся 22-м февраля и отличающийся наибольшим обилием выдержек из документов, к сожалению, не поддающихся по некоторым признакам (напр., стр. 57) констатированию в абсолютной точности их передачи. *Четвертый* раздел (стр. 114—166 составляют приложения, вне всякого сомнения, очень любопытные, но до известной степени обесцененные тем, что автор лишил их определенности, не сообщив при каждом отдельном документе его местонахождение. Будь даны на этот счет точные сведения и будь расширены некоторые выдержки, книжка в значительной степени выиграла бы, сделавшись, можно сказать, незаменимым источником. Заканчивается книжка как-то странно, неожиданно... как будто выпущена в свет без надлежащего окончания... Сказав, что бывший император «был заключен в Царскосельском Александровском дворце», автор после заключительной точки помещает адресованный на имя Николая II документ, который не датирован и неизвестно

откуда взят, даже неизвестно, от кого исходит... и неизвестно, для чего приведен.

Работа, вероятно, осталась незаконченной и в предисловии издатели должны были это точно оговорить.

Проф. В. Н. Сторожев.

Проф. Ю. В. ЛОМОНОСОВ. Воспоминания от мартовской революции 1917 г. Стокгольм-Берлин. Издат-во не обозначено. 1921 г. Стр. 86.

Воспоминания Ю. В. Ломоносова кратки. Они охватывают лишь одну неделю— с 28 февраля, когда он, не подозревая значительности развертывавшихся событий, готовил у себя дома в Царском очередную лекцию для Политехнического Института — по 6 марта, день сдачи А. А. Бубликовым, правой рукой которого был Ломоносов в эти дни, министерства путей сообщения «революционному министру» Некрасову. Но краткость не мешает быть им интересными и значительными, так как Ломоносов рассказывает о первых днях внутренней работы в захваченном путейском ведомстве, о торопливом овладевании мозгом и всей нервной системой транспорта. Имеются в его воспоминаниях интересные эпизоды, связанные с передвижениями царского поезда, с движением на Петербург «георгиевских» эшелонов генерала Иванова, различных пертурбаций с документом об отречении, подписанным царем, попавшим в руки Ломоносова. Имеется также много любопытных деталей, живых и ценных зарисовок, случайных встреч с тогдашними «героями» дня, вождями кадетской партии. Верно подмечена растерянность и смущение их, очень живо запечатлена вообще кинематографическая, стремительная, нервная напряженность первых дней переворота. Историк, без сомнения, использует эту небольшую книжку, иллюстрированную несколькими сфотографированными документами.

Воздав должное содержанию воспоминаний, мы хотим сказать пару слов по поводу самого издания. Оно анонимно— имени издателей нет. Это было бы с полбеды, но к книжке вслед за великолепным портретом автора предпослано вступление «вместо предисловия» от имени этих самых анонимных издателей. И с анонимностью предисловия, пожалуй, можно было бы примириться, если бы оно не было написано в тонах самого неумеренного, «по-американски» развязного панегирика. Если издатели хотели оказать услугу автору воспоминаний, они оказали ему услугу не блестящую, так как их предисловия нельзя читать не поморщившись.

Такой же характер американской рекламы имеет и второе предисловие, предпосланное воспоминаниям, также анонимное (подписано: «коммунист»). Статейка этого анонимного коммуниста говорит о детальной осведомленности в событиях жизни Ломоносова не только в туркестанский период его жизни, когда, как можно предположить, анонимный коммунист работал вместе с Ломоносовым, но и в период американский, непосредственно предшествовавший революции. И так как рассказ свой анонимный автор сопровождает чрезвычайно точными хронологическими датами (приведен, так сказать, полный формулярный список трудов и заслуг проф. Ломоносова), то кажется временами, будто этот «коммунист» потому не захотел открыть своего имени, что писал статейку под диктовку профессора Ломоносова, любезно поделившегося с ним весьма точным знанием своей собственной биографии. Оба американских» предисловия на автора этих строк произвели неприятное впечатление. Возможно, конечно, что это дело вкуса, и смогут найтись читатели которых этот именно «американский» прием и восхитит. Ну что ж. В таком случае автор этих строк навлечет на себя упрек в неумеренном пристрастии к элементарным требованиям литературной этики.

Вяч. Полонский.

А. КОЛЛОНТАЙ. Из моей жизни и работы. Всеукр. Госиздат. Одесса—21 г. 55 стр.

Одесский губженотдел просил т. Коллонтай написать свою автобиографию, считая, что она может характеризовать

эпоху, в которой складывались деятели Великой Рабочей Революции.

«Идя навстречу этим просьбам,—говорит далее т. Коллонтай,—я считаю своим долгом составить этот бедный и далеко несовершенный очерк».

Т. Коллонтай в общем и целом довольна своим «беглым и далеко несовершенным очерком», ибо не только сдала его для печати в Одессе, но еще передала его в журнал «Пролетарская Революция». Но одесский губженотдел, по-моему, в известной мере разочаруется. Он хотел получить характеристику эпохи в связи с деятельностью и жизнью т. Коллонтай, между тем книжка этому совершенно не удовлетворяет. В ней в хронологической последовательности сообщается, когда т. Коллонтай родилась, где училась, какие статьи в каких журналах печатала, какие книжки выпустила, когда была с меньшевиками и когда с большевиками, когда сидела в тюрьме и когда ее благополучно избегала, с какими «великими людьми» дружила и с кем не ладила, кто ее одобрял и кто осуждал,—а затем идет перечень всех постов, которые она занимала, как она была наркомом и как ее неизменно выбирали в члены ВЦИК. Книжка скорее похожа на те автобиографии, которые сочиняются членами партии для комиссии по очистке партии, но не на характеристику эпохи, ибо никакая эпоха тут не представлена.

Кто эпоху эту и деятелей ее знает, тот по этому «беглому и далеко несовершенному» очерку может проверить правильность написанного. Кто эпохи не знает, ничего из этой брошюры поучительного и просвещающего не почерпнет. Пролетарки, обращаясь к т. Коллонтай, именно это имели в виду, и ей не следовало так небрежно и «бегло» писать то, что она писала, а издателям не следовало ее издавать, чтобы заставить т. Коллонтай выполнить свое обещание — дать характеристику эпохи в связи с своей в ней работой и не вводить в соблазн других деятелей писать такие «беглые» очерки.

А. Сольц.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

D-r WEULE. Vom Kerbstock zum Alphabet Urformen der Schrift. Stuttgardt, «Kosmos», 1915.

Д-р вейле. От бирки до алфавита. Первобытные формы письма. Штутгардт. 1915 г. Стр. 96.

Научно-популярные книжки д-ра Вейле, известного этнолога и путешественника, директора Лейпцигского музея Народоведения и профессора Лейпцигского университета, хорошо известны всем интересующимся этнологией; три из них вышли и в русском переводе. Поводом к появлению настоящей книжки послужила международная выставка книжного дела и графического искусства, бывшая в Лейпциге в 1914 г., в помещении Лейпцигского музея Народоведения. Музей и сам участвовал в этой выставке—устройством Отдела «Зачатки (Vorstufen) письма в первобытные времена и теперь». Отдел вышел очень поучительным и вызвал большой интерес к нему в публике. Многие посетители высказывали пожелание, чтобы существенное содержание этого Отдела составило предмет общедоступного изложения в особой книжке чему Вейле и последовал в разбираемом сочинении.

Книжка делится на 8 глав: 1. Введение. 2. Сущность письма. 3. Замена письма (бирка и т. п.). 4. Рисунки для забавы и магические символы. 5. Культурный круг Средиземья: a) Замена письма. b) Финикийский алфавит. c) Доисторическое живописное письмо. d) Руны. 6. Остальные формы звукового письма в старом свете. 7. Суррогаты письма и образное письмо во внеевропейских странах. В заключение книжка иллюстрирована 42 рисунками, наглядно поясняющими изложение. Обладая обширными этнографическими сведениями, автор сопоставляет примеры из всех частей света и всех

эпох человеческой культуры и дает почти исчерпывающее представление о различных стадиях эволюции письменности. Книжка представляет интерес как для специалиста-этнографа, так и вообще для любознательного читателя; ознакомление с ней может быть поучительно для юных читателей старшего возраста.

Проф. Д. Анучин.

D-r WEULE. Die Anfänge der Naturbeherrskhung. 1. Frühformen der Mechanik. Stuttg, 1921.

Д-р Вейле. Начатки господства над природой. 1. Ранние стадии механики. Штуттгардт, 1921 г. Стр. 76.

Новая книжка проф. д-ра Вейле посвящена первобытной механике. Она знакомит с эволюцией примитивных механических приспособлений и представляет, таким образом, как бы введение в технику. Оригинальная идея, развитая со свойственной д-ру Вейле обстоятельностью на основании обширных этнографических данных, способна привлечь внимание многих читателей, интересующихся как начальными стадиями развития житейской техники, так и успехами мало-культурных народов в подчинении себе природы. Автор начинает с пользования рукой, ногами, с утилизации камня и дерева, с простейших орудий и инструментов, с применения огня и превращения работы в тепло и переходит затем к применению рычага, блока, колеса, наклонной плоскости, клина, винта, останавливаясь на принципе инерции, параллелограмме сил, на пользовании светом и звуком и т. д. В заключительной главе делается вывод, что примитивные народы не в состоянии господствовать вообще над природой, но они хозяева в занимаемых ими местностях. Заканчивается эта глава данными об эволюции горшечного и кузнечного искусств и о применении упругости (древесных сучьев—для ловушек, лука и т. п.). Книга иллюстрирована 45 рисунками.

Проф. Д. Анучин.

Ф. ЭНГЕЛЬС. К истории первоначального христианства. Перевод с Немецкого. Петербург. Гос. Изд. 1921 г. 27 стр. Цена 40 руб.

Этот очерк, написанный около 30 лет тому назад, в настоящее время представляет интерес, главным образом, как материал к характеристике Энгельса. Научный захват Энгельса не может не вызывать удивления. Подготовляя к печати работы Маркса, поставленный в центре мирового движения рабочего класса, он до конца своих дней находил время, чтобы следить за движением научной мысли в таких областях, которые непосредственно не соприкасались с его главной деятельностью.

Конечно, во всяком собрании сочинений Энгельса, претендующем на некоторую полноту, маленький набросок о первоначальном христианстве найдет свое место—но от его отдельного издания можно было бы воздержаться. Для товарищей, которые только приступают к этому предмету, он окажется слишком трудным. А для тех, кто хотя бы отдаленно познакомился с позднейшими результатами исторической критики, он представится устарелым. И, несомненно, сам Энгельс менее всего стал бы отстаивать многие положения своего очерка, в котором он просто набросал некоторые мысли, навеянные на него результатами, добытыми критической историей христианства в его время.

С того времени много воды утекло. Протестантская либеральная теология была вынуждена сделать много новых уступок. То, что она хотела бы объявить бесспорным и незыблемо установленным, окончательно развалилось. И этот развал, эти уступки еще далеко не закончены.

Вот один пример. Характеризуя заслуги Бруно Бауэра в изучении источников христианства, Энгельс, однако, писал: вследствие того, что Бауэр пошел слишком далеко в усвоенном им направлении, у него «исчезает и всякая историческая почва для новозаветных рассказов об Иисусе и его учениках; эти рассказы у него превращаются в сказки, в которых внутренние фазы развития и духовной борьбы первых общин переносятся на более или менее вымышленные личности»

(10). В настоящее время Энгельс, несомненно, признал бы, что истина лежит не между Бауэром и тюбингенской школой, давно оставшейся позади, а ближе к Бауэру.

И едва ли он стал бы настаивать, что «Апокалипсис» принадлежит к числу одной из первых христианских книг и является одним из надежнейших источников для характеристики первоначального христианства. Между тем эта гипотеза занимает центральное положение и лежит в основе целого ряда выводов его очерка.

В виду этого приходится признать, что разбираемая брошюра была бы мало пригодна для тех читателей, которые только еще приступают к изучению христианства.

У меня под руками не было оригинала. Во всяком случае, перевод очень тяжелый, местами совсем неуклюжий. Такие вещи следует выпускать за подписью лица, которое несет ответственность за удовлетворительное выполнение перевода.

И. Степанов.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

БИБЛИОТЕКА «РАБОТНИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ». Вып. 3. ДЖ. ДЬЮИ. «Введение в философию воспитания». Перевод с английского, с предисловием С. Шацкого. Москва, 1921 г. 62 стр.

В предисловии от редакции говорится, что она предоставляет место в своей серии самым различным педагогическим течениям, если они представляют собою серьезную практическую ценность.

Шацкий начинает свое предисловие словами: «С этой книгой не достаточно знакомиться, ее надо изучать самым внимательным образом, вдумываясь в каждое утверждение лучшего философа в области современной школы». А кончает его указанием, что вследствие условий, заставляющих сильно экономить средства печатания, дается неполный перевод книги Дьюи, но возможно полное изложение его мыслей. Конец не вяжется с началом: если надо вдумываться в каждое утверждение, то такую книгу нельзя давать в сокращении. Если же она без вреда для своей внутренней ценности доступна сокращению, то она разведена водой и, ergo, не всякое ее утверждение ценно. Нам скажут: все ценные утверждения изложены в сокращении. Но если в каждую мысль надо действительно вдумываться, если «в книге сконцентрировано огромное богатство мысли», то нельзя представить себе, чтобы дальнейшее сжимание этого богатства не вредило содержанию книги и не затруднило бы необходимый процесс вдумывания в каждое утверждение. Или—или. Нельзя представить себе середины, особенно если отдать себе отчет в том, для какой публики предназначается книга. Очевидно, для широкой среды работников просвещения, ибо для немногих философски образованных педагогов ее не стоило бы переводить, а тем более—сокращать. Условия печатания у нас, конечно, трудны, но ведь выходит много книг, которые можно либо дать в сокращении, либо, еще правильнее, не давать вовсе. Книга же действительно содержательная, да еще требующая серьезного изучения должна даваться либо целиком, либо уже в кратком реферировании—в статьях.

Не имея перед собой всей книги, нам трудно сказать, насколько можно было бы ограничиться ее изложением в двух—трех статьях в педагогическом журнале. Данная сжатая передача ее заставляет нас думать, что такое реферированье ее было бы вполне возможно и предпочтительнее сокращенного издания. В него вошло бы все, касающееся более непосредственно воспитания, в то время как чисто философские положения могли бы быть с большей пользой отнесены в специальный труд, ибо упоминание, между прочим, различных философских систем и взглядов—Сократа, Платона, Бэкона, философии XVI века,—«природа—макрокосм, а человек в ней—микрокосм», «по выражению Виндельбанда естественные на-

уки были дочерью гуманизма», и т. д.— никому ничего дать не может. Людям, незнакомым с философскими системами и их представителями, все это не может дать никакого знания,—получится лишь впечатление бессистемно нахватанных голословных утверждений, засорение мозгов, а знакомым следует излагать прямо эволюцию взглядов на воспитание, а не философских. Для тех и других форма статьи, излагающей систематично и сжато именно то, что дается книгой нового относительно воспитания, гораздо приемлемее и продуктивнее. Во-первых, этим избегались бы повторения. Так, напр., против механичности обучения и за активность, за связь знания с опытом, за необходимость общественности в воспитании говорится в разных перефразировках в нескольких местах книги. Это создает впечатление разбросанности, бессвязности. Против дуализма говорится очень много. Шацкий считает, что вся книга проникнута духом единства процесса воспитания против дуализма прежних философов воспитания, но с точки зрения истинно монистической основы марксизма диким является «демократический критерий», как нечто неделимое. «Одной из основных задач воспитания является устранение противоречий между национальными и общечеловеческими стремлениями». Классовые противоречия не отмечаются. «Демократический идеал должен изменить всю систему воспитания. Не достаточно избегать в школах всего, что возбуждает вражду и зависть к другим народам. Необходимы положительные указания на значение кооперации и сотрудничества». Точно это возможно при хотя бы наиболее демократическом капиталистическом строе. Государства будут нагромождать вооружения друг против друга, а школы будут поучать необходимости сотрудничества? Это ли не дуализм?—«Общественная агитация и пропаганда, законодательство, администрация могут изменять жизнь согласно теории... Но даже в лучшем случае эти методы ведут к компромиссу с установившимися обычаями и привычками. Зато школа, как область влияния, свободна от унаследованных привычек». Ну, конечно, давнишнее, знакомое явление. Каждому интеллигенту его область, его специальность кажется независимой, свободной. Сколько он не ратует против дуализма,— напр., «дуализма представления о разуме, изолированном от физических, телесных и материальных условий природы»,— это не мешает ему освободить свою область, напр., педагогику, от унаследованных привычек изолировать ее, поставить надо всем. Отрекаясь от дуализма, автор безнадежно путается в нем и путает, конечно, и читателя. Поэтому мы и считаем, что надо было подойти к этой путанице критически, изложить все взгляды на воспитание, все новое, что в них есть, с точки зрения определенного, вполне устойчивого и действительно чуждого дуализма направления, показать, почему многие интересные и ценные мысли оказываются бесплодными, почему автор так часто совсем почти подходит к нам, говорит как будто бы одним языком с нами и снова свертывает в какие-то дебри оговорок, туманностей. Потому, что он верит в общий идеал демократии. «У нас сейчас больше данных за осуществимость общественного прогресса, чем когда-нибудь. При осознанном желании перед нами нет препятствий.

Школа может создать в проекте такой тип общества, который мы захотели бы осуществить. Влияя на умы в этом направлении, мы постепенно изменили бы и характер взрослого общества».

Одним словом, старая погудка рационализма—изменение общества путем влияния на умы. Ни слова о социальных противоречиях, о социальных катаклизмах, изменяющих в корне весь экономический *базис общества и дающих* возможность изменить и идеологическую надстройку его. И поэтому все ценные мысли: о значении среды для воспитания, о необходимости ставить его общественно,—«насущной задачей воспитания должно быть соединение духовного развития личности с развитием способности к общественной работе»,—о необходимости одинакового образования для всех и т. п.—являются оторванными, блуждающими, поскольку выводятся из общих идеалов демократии.

Мы знаем, что в капиталистических условиях никакая демократия не даст действительно одинакового для всех воспитания, что таковое возможно лишь в социалистическом обществе, и покуда со-

циалистическая революция не устранила радикально всякое неравенство, все разговоры о равном для всех воспитании будут хождением вокруг и около. И поэтому Дьюи лишь «полон желания построить школьную систему, не поддерживающую социальных противоречий» (предисловие Шацкого), осуществить же ее та демократия, к которой он взывает, не в состоянии.

Статья, которая, показав и объяснив это бессилие прекрасных пожеланий, отметила бы, как искренние люди других общественных воззрений подходят к тем же взглядам на воспитание и выделила бы все ценное, приемлемое для нас, на нашей социалистической основе, все вдумчивое, оригинальное и новое, что есть в них,—такая статья была бы и полезна, и интересна и в ней читатель не путался бы бесплодно. Интересно у Дьюи, что он видит вредный дуализм в делении воспитания на гуманитарное и техническое,—одно для белой, другое для черной кости,—что он оригинально заменяет понятие о «подражании» у детей понятием о «совместных их действиях» со взрослыми, заключая из этого о присущей детям в высокой степени общественности, благодаря которой никто, как ребенок, не сплачивает так вокруг себя; о необходимости активной постановки как опыта, так и всего преподавания; о том, что во главе всего должен стоять интерес к делу; о том, что учение должно итти путем открытий самостоятельных исследований и т. п. Вообще интересен весь дух свободы, чуткости, свежести, внимания к ребенку и часто глубины, которым веет от работы Дьюи.

Но в связи с общим характером книги многие утверждения часто рационалистичны. Напр., «разница между сильной и слабой волей чисто умственного характера. Сильная воля—это способность продумать до конца все последствия».

Может-быть, при вполне гармоничном воспитании в далеком будущем так и будет. Но теперь мы слишком хорошо знаем,—и русская жизнь и литература кишат такими типами,—какая глубокая расщелина существует часто между умственным развитием и развитием воли, чтобы сбрасывать со счетов воспитания развитие последней. Или: несмотря на все значение интереса или призвания, нельзя говорить, что надо вести ребенка исключительно по линии последнего, ибо тогда у нас могут получиться узкие специалисты в области искусства, техники,—в то время как более широкое и всестороннее развитие всех способностей,—конечно не формальное, а педагогически продуманное,—даст более гармоническую личность, а следовательно, и более правильный выбор призвания.

Возможно, конечно, что некоторая авторитарность и недосказанность утверждений зависит от проделанного над книгой сокращения. Резюмируя сказанное, мы полагаем, что в настоящем своем виде книга не должна переиздаваться. Она должна быть издана либо полностью со вступительной статьей, объясняющей читателю ее повторения и блуждания, либо реферирована на основе цельного общественного мировоззрения.

А. Елизарова.

Е. МЕДЫНСКИЙ. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. Москва, 1919 г. Изд. «Наука». 292 стр.

Литература по общим вопросам политпросветработы у нас крайне бедна, и естественно, что приходится пересматривать старые книги—нельзя ли оттуда извлечь что-либо полезное для рядового работника, так нуждающегося в пособиях? Книга Медынского является одним из основных пособий до-революционного времени, выдержавшим за пять лет пять изданий, и поэтому она особенно интересна. Последнее издание выпущено в 1919 году, но, к сожалению, в нем не учтены все перемены, происшедшие как в организации внешкольной работы, так и в содержании. Попрежнему в книге фигурирует земство, «общественная самодеятельность», «учредительное собрание» и пр. архаизмы. Но если мы оставим все это в стороне (автор закоренелый мелкобуржуазный социалист, и было бы странно если бы он быстро изменил своим богам)—для нас важно внутреннее содержание, пригодность этой книжки для нас, как методического руководства.

Книга разбивается на несколько частей: общие вопросы внешкольного образования, исторический обзор развития форм его (главным образом, борьба земства с кооперацией) и разбор отдельных видов работы (школы, библиотеки и т. д.). Конечно, исторический обзор борьбы земства и кооперации не представляет для нас животрепещущего интереса, но для человека, который пожелал бы проследить историю внешкольного образования, возникновение отдельных видов и форм,—книга дает большой материал (хотя бы по вопросу о роли кооперации в развитии «Народных Домов» и пр.). Гораздо интереснее общетеоретическая часть. Автор подробно останавливается на основных методах как живой работы, так и форм ее; отчетливо разбирается вопрос о локализации работы, индивидуализации и т. п. Большое внимание уделяется вопросу о связи в работе отдельных учреждений, их взаимоотношений. Выпукло поставлен вопрос о *сети* политпросветучреждений. К этому вопросу мы пытались подойти в 1919 году (на первом съезде по внешкольному образованию), но неудачно, и только теперь в отдельных отраслях проводится сеть учреждений (библиотечках, совпартшкол и пр.). Правда, у Медынского вопрос разрешается неважно, но принципиальная постановка самого вопроса уже важна.

По отдельным видам работы материал Медынского разноценный: по библиотечной работе и по музейно-экскурсионному делу интересный, тем более, что эти виды работы пока в загоне (особенно важна постановка вопроса о передвижных библиотеках), по школьному делу материал слабый, принципиально неприемлемый. Наконец, некоторые стороны и вовсе в книге не освещены (конечно, не по вине автора): агитационная работа, художественная массовая пропаганда и т. д.

В общем книгу можно признать в некоторых частях полезной и, главным образом, в том, что она дает связное представление о всей работе в целом. Но читать ее можно давать тем работникам, которые достаточно ясно представляют себе задачи коммунистического просвещения. Неопытный, нетвердый работник собьется с верной дороги.

Для работников же среднего масштаба, получивших подготовку на курсах политпросветработы, книга будет полезна.

М. Смушкова.

Н. КРУПСКАЯ. Народное образование и демократия. Издание 3-е. Гос. Издательство. Берлин, 1921 г.

Книга Н. К. Крупской, вышедшая новым изданием, несмотря на ряд перемен в организации у нас школьного дела, продолжает быть очень ценным материалом для знакомства с основными учениями и течениями в вопросе о воспитании детей. В предисловии к настоящему изданию автор указывает, что правильнее было бы книгу назвать иначе, подчеркнув основную мысль о роли просвещения в деле борьбы пролетариата против капитала. Но в то время, когда книга писалась, нужно было уметь писать «Эзоповым языком», а после уже не хотелось переделывать. В предисловии же т. Крупская указывает, что задачей книги было дать историю вопроса о трудовой школе, рассмотреть этот вопрос на основе марксизма, выявить задачи трудовой школы в государстве, в котором власть принадлежит пролетариату.

Основной вопрос, который определяет задачи школы, — выявление роли производительного труда в просвещении. С этого и начинает т. Крупская, рассматривая педагогические взгляды Руссо, Песталоцци, Оуена, французских реформаторов эпохи Великой революции и затем пролетариата. Автор не хочет давать историю педагогических учений, намеренно ограничивая свои задачи, преследуя одну выше нами указанную задачу. И это т. Крупской вполне удается—книга не является конспектом, излагающим в чрезмерно сжатой форме все вопросы воспитания в их историческом разрезе, а дает отчетливое и ясное представление о той роли, которую играл труд в педагогических учениях нового времени. В этой первой исторической части интересно остановиться на деятельности революционного Конвента, который ощупью шел в вопросе о реформе школы, принял несколько постановлений (не испугавшись той ломки, которая так пугает наших «уме-

ренных» критиков), пока не остановился 15 сентября 1793 г. на проекте Лувуазье. Отдельные параграфы этого постановления очень интересны, и под ними мы смело можем подписаться. Но, конечно, декрет остался на бумаге—революция пошла на убыль.

Во второй части т. Крупская выясняет взгляды на просвещение Маркса, Энгельса и рабочего класса. Выяснение взглядов Маркса очень важно, так как дает основу для установления сущности трудовой школы, нужной пролетариату. Далее автор очень выпукло устанавливает содержание новой школы, принципиальное ее обоснование. Т. Крупская не дает практических рецептов для построения конкретной школы—ее задача показать, что трудовая школа есть школа, единственно отвечающая задачам пролетарского государства, что эта трудовая школа есть необходимое условие успешного строительства новой культуры, нового социального строя.

Книга написана прекрасным языком, популярна, изложение увлекательное.

Каждый учитель, каждый работник просвещения должен ее прочитать.

Книга напечатана в Берлине и издана очень изящно.

Вад. Смушков.

С. ЗЕЛЬЦЕР и Д. ЭЛЬКИНА. Книга для чтения в школах взрослых. Госуд. Издат. 1921 г. 160 стр.

За четыре года революции выходит вторая хрестоматия для школ взрослых (о первой мы писали ранее в «Печати и Революции»). Если первая книжка носит характер спешности и отчасти устарела, то вторая, являющаяся результатом четырехлетней работы в послереволюционное время, гораздо удачнее и содержательнее. Прежде всего надо отметить, что весь материал, вошедший в хрестоматию, чисто художественный, все рассказы написаны прекрасным языком. А это крайне важно, так как хрестоматия не только должна служить для упражнений в чтении, но и воспитать в учащихся любовь к литературе, привить интерес к чтению.

Удачен подбор материала и по содержанию. Русская художественная литература достаточно много уделяет социальным вопросам, и это умело использовано авторами, удачно расположившими материал. Для примера укажем не следующее: первые страницы посвящены детству — взят отрывок т. Коллонтай, отрывок из «Детства» Толстого, два стихотворения Некрасова, «Ванька» Чехова, «Как я учился» Горького и т. д.

Сравнение детства Толстого и Коллонтай жизнь подростка Ваньки и пр.—все это вызывает яркое представление о разнице в воспитании у правящих классов и трудящихся, дает богатый материал для бесед.

Удачен подбор стихотворений, как старых, так и новых, пролетарских авторов. Все они звучные, стройные, ласкающие слух и глубокие по содержанию.

Книга снабжена методической статьей, ясно определяющей задачи книги и метод ее использования.

Все работники в школах для взрослых имеют теперь прекрасное пособие, которое облегчит сложную их работу.

В. Смушков.

М. Н. МАСЛЕНИКОВ. Руководство по математике для взрослых. Часть I. Введение в математику. Москва, 1921 г.

Задачник т. Масленикова является тем пособием нового типа, которое вкладывает совершенно новый материал в методику математики. Эта книга одинаково полезна для занятий самоучкам, в школах взрослых и кружковых занятиях, оставаясь научным пособием. В задачнике в ясной, доступной форме, на конкретном, близком слушателям материале, выявляется ряд основных математических понятий: целые и дробные, положительные и отрицательные числа, проценты и т. д. Порядок изложения материала очень удачен—дается задача, выводится решение, даются необходимые правила и пояснения, а затем ряд задач для самостоятельного решения. Темы для задач взяты из окружающей жизни (главным образом, экономические), близкие рабочему и крестьянину. Таблицы, которых в задачнике довольно много, не только полезны для арифметических вычислений, но дают и много конкретного материала

для общего развития учащихся и политической работы (количество неграмотных в России, деление по сословиям старой России и т. п.) Много материала дают таблицы также и по вопросам техники и экономики—производительности труда, энергии, учету рабочей силы и пр. Чувствуется, что весь задачник создан на живой работе, а не по тому шаблону, по которому писались все задачники. Остается пожелать, чтобы поскорее вышла вторая часть, крайне необходимая для школ повышенного типа.

Н. Богуславская.

А. КОЧЕТОВ и Н. БОГУСЛАВСКАЯ. Продзадачник. Госиздат. М., 1921 г. 64 стр.

Русская революция, разбив старые формальные методы, выдвинула уже давно намечавшиеся требования педагогики, чтобы учебники не были оторваны от жизни, а черпали свой материал из окружающей действительности. Одним из таких опытов сближения задачника с жизнью и является настоящая книжка. К сожалению, авторы слишком узко поняли свою задачу. В предисловии они говорят: «Нужно итти от близкого к далекому, будить мысль сначала на вопросах знакомых, волнующих, местных. Научить ребенка в известной степени в известном порядке разбираться в вопросах, возникающих в деревне, в его хозяйстве—это значит обеспечить ему в будущем лучшее уменье разбираться в общегосударственных вопросах». Но при такой постановке скорее может случиться, что он будет на государственные вопросы смотреть со всей узко-эгоистической крестьянской точки зрения. Авторы не идут от близкого к далекому, а останавливаются только на близком. Хотя они и отмечают, что цель задачника «послужить проводником здоровых представлений о продналоге, помочь населению правильно усвоить его значение и роль в восстановлении промышленности и сельского хозяйства», но они не дают материала для составления задач по вопросам общегосударственного значения. Как может перейти деревенский учитель от местных интересов к общегосударственным, когда у него нет никакого материала! Ведь сам он слабо разбирается в том, какое значение для восстановления промышленности имеет продналог! Правда, в постскриптуме к предисловию заведующий Главсоцвосом В. Невский как бы извиняется за авторов и объясняет все (как полагается) спешкой, но этим оправдываться нельзя—ошибка не формальная, а весьма существенная.

Есть промахи и в самом содержании—так, на стр. 25 при переводе хлебных единиц на продуктовые приведен ряд уравнений: одна хлебная единица равна 1 п. ржи $\times$ 80=80 пудам. Следовательно, выходит, что 1 пуд=80 пудам!? Далее приводится сложение продуктовых единиц, что не имеет никакого смысла здесь, а важно при рассмотрении вопроса о транспорте, где будет находиться на месте по смыслу.

Язык задачника тяжелый, трудный. Чтобы не быть голословным, приведу два примера: стр. 13: «За число едоков в хозяйстве принимаются действительно проживающие в хозяйстве члены семьи, за исключением красноармейцев, которые хотя и проживают на стороне, но считаются в числе едоков»; или стр. 44 (объяснение, как чертить диаграмму): «столбиками это изображается так: берут листок бумаги, разграфленной на равные квадратные клеточки или вымеряют по масштабу и расчерчивают».

Но, конечно, несмотря на эти недостатки, задачник можно приветствовать, как шаг вперед, и надеяться, что в будущем авторы исправят свои ошибки, а главное, будут итти от близкого к далекому, не останавливаясь на близком.

Мих. Масленников.

Н. КАМЕНЬЩИКОВ. Начальный счет (цыфирь). Пособие для обучения неграмотных взрослых с приложением счетной таблицы. Государственное Издательство, Петербург, 1921 г. Напечатано 40.000. Стр. 75.

Эпиграфом книжки служит: «Числа управляют миром». Но мир автора настолько узок, что не выходит за пределы самых плохих задачников дореволюционного периода. Изучение чисел и сло-

жение автор ведет на косточках домино, которые он знает великолепно. Но как только он выходит за эти пределы, то оказывается полным невеждой. Напр., при определении нуля, он говорит: «Нуль означает ничего, отсутствие количества». С точки зрения игрока в домино это действительно так, но в жизни это не так. Возьмите хотя бы нуль градусов,—неужели это отсутствие всякой температуры? Да спросите у какого угодно ученика 1-ой ступени, он скажет вам, что это не так. Еще пример: при определении вычитания, которое совершенно не встречается в игре в домино, он говорит: «уменьшаемое всегда больше вычитаемого». И много, много других нелепостей в этой книжке. Но все же к чести автора нужно сказать, что он и не стремится выходить за пределы своих знаний, он в своей книжонке оперирует только в пределах целых чисел, от 0 до 1000. В задачнике подобрано 844 самых пустых задач. В конце приложена счетная таблица, взятая из руководства Маршеля: «Приемы быстрого счета», но таблица эта Каменьщиковым не понята и исковеркана.

Но за все это, конечно, нельзя винить автора: он—плод дореволюционной школы, которая, очевидно, его забила окончательно. Но Государственное Издательство, которое выпускает подобные книжонки, оправдать нельзя.

Мих. Масленников.

«ЭКСКУРСИОННОЕ ДЕЛО». Научно-педагогический журнал, изд. Экскурсионной секции сектора Социального Воспитания Петроградского Отдела Народного Образования, под редакцией проф. И. И. Полянского и академ. В. М. Шимкевича. 1921 г., № 1. Петербург. Государственное Издательство.

Выход в свет первого номера журнала «Экскурсионное Дело» отвечает, несомненно назревшей потребности среди педагогов в разработке вопросов методики и практики экскурсий в связи с большим развитием в последнее время экскурсионной работы. Журнал задуман весьма интересно и заключает целый ряд интересных статей. Отмечу те из них, которые заслуживают наибольшего внимания. Статья проф. И. И. Полянского знакомит с развитием экскурсионного дела в Петербурге, выразившегося, прежде всего, в организации вокруг Петербурга целой сети экскурсионных станций для приема школьных и других экскурсий. Необходимо отметить, что работа петербургских педагогов представляет весьма ценный опыт, особенно если принять во внимание те трудности материального и технического характера, какие встречаются на пути организации подобного рода учреждений в настоящее время.

Далее следует целый ряд статей, посвященных отдельным типам и темам экскурсий. Интересна статья проф. И. М. Гревса «Монументальный город и исторические экскурсии».

Естественно-историческим экскурсиям в журнале уделено весьма видное место. Это вполне понятно, если принять во внимание то преимущественное значение, какое должны иметь экскурсии в деле изучения природы в школьной и внешкольной работе. Особенно ценны в этом отношении статьи проф. М. Э. Янишевского «Река Поповка, как ключ к изучению геологического строения окрестностей Петрограда», и статья проф. Н. И. Свитальского «Залегание горных пород в районе гор. Павловска и нарушения в нем». Обе статьи дают конкретный материал для экскурсирования в одну из интереснейших местностей в окрестностях Петербурга для изучения отложений Палеозойского моря. Эти статьи, несомненно, окажут большую услугу педагогам Петербурга и его окрестностей.

Подробный очерк проф. Дерюгина «Петергофская экскурсионная станция» указывает на многие, весьма существенные, к сожалению, промахи в работе петербургских экскурсионных станций. Поражает оторванность экскурсионной работы от всей остальной школьной жизни. Экскурсиями детей руководят на станции «очередные» руководители, не знающие в большинстве случаев данную группу детей, встречающиеся с ней впервые. Автор статьи остался в стороне от современных течений в области методики естествознания, и его методические воззрения во многих пунктах являются весьма спорными. Все время говорится о *демонстрации* объектов жи-

вой природы, о *сообщении* сведений биологического характера и не имеется в виду активная, исследовательская работа экскурсанта. Вероятно, другие экскурсионные станции могли бы дать более ценный материал о своей работе, и очень жаль, что не появились в номере журнала статьи, посвященной работе станции имени проф. Половцева, являющейся крупнейшей и интереснейшей по своей работе.

Отдел «Экскурсионная хроника» весьма беден и дает исключительно, как и весь журнал, петербургский материал. Отсутствуют отчеты об экскурсионных конференциях в Москве и других городах, материалы о которых не трудно было бы получить.

Вообще журнал носит печать односторонности и не отражает всей широты направления, в котором развивается экскурсионное дело в России вообще, более или менее хорошо отражая лишь петербургскую работу и господствующие в Петербурге течения в этой области.

Вызывает некоторое удивление отдел «Научные новости». Непонятно, какое отношение омоложение, новые данные о строении атома и т. п. вопросы, конечно, весьма интересные, имеют к экскурсионному делу. И почему выбра при этом материал из естествознания? Не лучше ли было бы отвести занятое этим отделом место материалам, имеющим отношение к задачам журнала, в которых ведь не может быть недостатка.

Это только нарушает цельность впечатления от специального журнала, и не хотелось бы подозревать редакторов журнала в погоне за сенсацией. Ведь все-таки «Экскурсионное Дело» достаточно ценный и интересный журнал, чтобы и без этого заинтересовать педагогов, для которых, конечно, он предназначен. Можно только пожелать скорейшего выпуска дальнейших номеров и процветания журнала.

В. Ф. Натали.

БИБЛИОГРАФИЯ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

РОДИОНОВ. Методы библиотечной работы. Издание Укрпура. Харьков 1921 г. 58 стр.

Всем известно, как бедна у нас библиотечная литература. И большая часть книжек по этому вопросу посвящена вопросу техники и классификации, тогда как методика совершенно не разработана. Поэтому каждая новая книжка по методике вызывает живой интерес, тем более, что теперь, когда библиотечная работа должна играть не малую роль в общей политико-просветительной деятельности, на методы должно быть обращено особо сугубое внимание.

Брошюру т. Родионова мы горячо приветствуем, и не только потому, что она посвящена методике, но и потому, что автор совершенно правильно освящает задачи и формы работы. Автор прежде всего определяет место библиотечной работы в общей системе политпросветучреждений и форм работы. Он устанавливает живую преемственность в работе между ликвидацией неграмотности и библиотекой, когда задачей библиотекаря является привлечь прозелита просвещения к чтению книг, заинтересовать его.

Большая часть брошюры посвящена вопросу о руководстве чтением. А это основная тема — ведь недостаточно так расставить книги, чтобы их было легко найти, гораздо важнее способствовать вовлечению читателя в круг культурной жизни, разнообразить его запросы, повысить его требования к жизни, расширять кругозор. И эту задачу автор освещает широко и полно. Он говорит, что надо так приучить читателя к книге, «чтобы он владел книгой, как винтовкой и шашкой», «нужно, чтобы читатель сумел уловить основную мысль автора и оценить ее, определить ее ценность с точки зрения пригодности в жизни для создания нового коммунистического строя». Большое внимание (поскольку это позволяют размеры брошюры) автор уделяет работе с газетой, рассказыванию и т. д.

И что особенно важно отметить, что книжка ставит перед библиотекарем определенную задачу политического воспитания коммунистической пропаганды. А отсутствием этих задач как раз страдают наши культурнические книжки А. А. Покровского, Хавкиной и других старых работников.

М. Смушкова.

ВОЛОГОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ СОВЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Годъ работы (9 февраля 1919 г.—9 февраля 1920 г.) Вологда, 1920 г. Стр. 48.

Отчет Вологодской Публичной Библиотеки воспроизводит перед нами ту сложную работу, которую пришлось проделать, чтобы собрать библиотеку в 50.000 томов (к 1919 г.) и развернуть ту широкую работу, которой имеет право гордиться Вологодская библиотека. В отчете мы имеем исчерпывающую сводку поступления книг из усадеб Вологодской губернии — «Никольского» (владельцы Метиковы), «Минкина» (Н. С. Левашова), «Спасского-Курпина» (Андреевых) и «Покровского» (Брангапинов) и двух новых усадебных библиотек— б. министра путей сообщения С. Рухлова и А. Можайских (Котельниково). Библиотеки этих имений поступили в Вологодскую библиотеку частично; для каждой дана точная справка.

Можно только пожелать, чтобы издание подобных отчетов сделалось обычным делом для наших публичных библиотек.

Д. Эйхенгольц.

И. ПОРШНЕВ. „Книжная Летопись Иркутска" за годы революции (1917—1919). Иркутск, 1920 г. Стр. 75.

Регистрация печатной производительности окраин, оторванных за время гражданской войны от центра, для Центральной Книжной Палаты была невозможна. Работа Г. Поршнева частично восполняет этот пробел. В предисловии автор дает подробную историю регистрации печати в Сибири. В первый период революции для Сибири не существовало самостоятельного регистрационного учреждения, и печатный материал с грехом пополам отправлялся в Петроград. При Советской власти была организована Книжная Палата в Сибири, которая никакой работы не вела. Сибирское правительство, объявившее к неуклонному исполнению закон о печати Временного Правительства от 27/V 1917 года, переименовало ее во «Временное Бюро Книжной Палаты» с краевыми отделениями. В мае 1919 г. было организовано такое отделение в Иркутске, ставившее своей задачей исключительно собирание печатных произведений для описания их в будущем в Петрограде. Единственным органом, проводившим описание на месте, был информационный отдел при управляющем губернией, который с большим трудом собрал материал 1917—1918 гг. Настоящая книга является результатом этой кропотливой работы. «Книжная Летопись Иркутска» дает любопытный материал для характеристики печати Сибири революционных годов. В 1917 г. больше половины изданий падает на партию с.-р., второе место занимает с.-д. всех группировок, третье—анархисты и, наконец, последнее—кадеты. Много изданий с.-р. связано с именем Брешко - Брешковекой. Печать 1918—1919 гг. отражает бурную историю Сибири. Воззвания революционных организаций сменяются контр-революционными, содержание которых—борьба с большевиками, учредительное собрание, восстановление прежних учреждений, добровольческая армия и ее успехи. Многие издания печатаны в подпольных типографиях.

Нам трудно проследить, за неимением материалов, насколько полно проведена регистрация. Сличение с «Книжной Летописью» центра показало, что в «Летописи Иркутска» в отделе периодических изданий пропущены газеты: 1) «Дело», газета с.-р. Иркутск. 1-й год изд., закрыта («Кн. Летопись», № 42—45. 1918 г.), 2) «Сибирская рабоче-крестьянская газета». Орган Обл. Исп. К. Сов. Раб., Кр., Солд., Каз. Деп. в Сиб. Иркутск. Ежедневно. Ред. Н. Ф. Насимович («К. Летопись», № 46—50. 1918 г.), 3) «Вечерние Известия Ирк. Губ. Сов. Раб., Кр. и Кр. Деп.» Рабоче-кр. газета.

Ред. Кол.: Ф. Лебедев, Н. Насимович, М. Рюничи. («Кн. Летопись», № 12. 19 г.). Сведения о первой газете «Книжная Летопись» получила из газеты «Труд. Мысль», 1918, № 4. В свою очередь, «Книжная Летопись» зарегистрировала из 36 №№ периодических изданий за 1917 г.—3 и из 50 №№ за 1918 г.—4. Для газеты «Дело» (№ 22. 1917 г.) указан в «Книжной Летописи» редактор Н. М. Берлинский вместо И. М. Бердинский («К. Л.», 4). Общее число зарегистрированных изданий за 1917 г. — 257, в 1918 г.—254, в 1919 г.—392.

«Книжная Летопись Иркутска» ставит на очередь вопрос о местных летописях, обсуждаемый сейчас в библиографических кругах. Нужно признать, что местные «Книжные Летописи» за 1917—20 гг. (конец гражданской войны) необходимы, ибо Центральной Книжной Палате при самых благоприятных условиях трудно полно собрать печатный материал. Только в результате работ по местной библиографии за эти годы можно будет дать свод печатной производительности всей Республики.

Непонятно, почему автор назвал свою книгу «Летописью Иркутска», включая в нее издания Бодайбо, Нижнеудинска, Черемхово (Иркутская губ.).

Книга готовилась к печати в белой Сибири и этим объясняется неосведомленность автора, обнаруженная в предисловии о положении библиографической работы в Республике.

А. Эйхенгольц.

КАЗАНСКИЙ БИБЛИОФИЛ. Журнал критико-библиографический. 1921 г. № 1. Изд. Библиографическаго Кружка «Друзей Книги». Казань. Стр. 117.

Появление этой книжки чрезвычайно симптоматично: оно лишний раз показывает, насколько остра сейчас нужда осмотреться в том хаосе, который создался около книжного и вообще книгоиздательского дела, и разобрать, понять его в свете революционного строительства. И если вслед за столичными изданиями—«Книга и Революция», «Печать и Революция»—начинает откликаться на те же темы провинция, то это верный признак, что такого рода задача, действительно, насущно необходима.

Но если коснуться самого содержания «Казанского Библиофила», здесь возникает сразу много возражений. В то время как библиографические издания центра имеют более или менее определенный тип, проводят свою внутреннюю линию сравнительно выдержанно, облик «Казанского Библиофила» еще не установился. В нем встречаются черты и строгого, даже чрезмерно строгого академизма и широкой информации, почти газетного пошиба. Хроника его хороша, достаточно полна, близко затрогивает текущую жизнь. Что же касается статей, то здесь против предложенного материала можно много спорить. Академизм, сухость, какая-то досадная оторванность от широких проблем книги в теперешнем ее положении,—вот что чувствуется, когда читаешь «Казанский Библиофил». Нам не это сейчас нужно. Две крохотные статьи в начале сборника, носящие характер передовицы, мало удовлетворяют по причине микроскопического идейного своего захвата и какого-то налета узости, провинциализма.

Главное место в «Библиофиле» занимают статья о библиографической классификации и очерк по истории книгоиздательства. Работа А. Фирсова: «Библиографическая классификация по международной десятичной системе» представляет собою в высшей степени схоластическое изложение вводной главы «Manuel'я» Библиографического Института в Брюсселе. Интерес она может составить чисто теоретический, только для углубления специальных познаний мало подготовленных библиотекарей. Для широкой же работы, для использования ее в целях текущей деятельности общедоступной библиотеки она нисколько не подходит. Статья П. Дульского «Книга и ее художественная внешность» несравненно живее. Здесь мы находим сжатый очерк развития, иллюстрирования и внешнего улучшения книги, переходящий потом на технику художественного издания ее и, наконец, останавливающийся подробно на книгоиздательском деле в Казани в начале прошлого столетия; статья написана

легко и обильно иллюстрирована снимками со старых казанских изданий. Остальные статьи способны повергнуть прямо в недоумение. К чему, например, помещена «Взаимопомощь, как закон природы и фактор эволюции по учению П. А. Кропоткина», излагающая зоологические и этнографические наблюдения нашего ученого? И вообще весь подбор статей носит невыдержанный, случайный характер: тут и заметка о взаимопомощи, и отзыв о казанском графике В. Д. Фалилееве, и некрологи о казанских преподавателях университета. В значительной степени весь «Библиофил» отличается местным—и вдобавок не очень глубоким—захватом; в Самаре, напр., и в Нижнем он будет скучен. Известное значение, впрочем, имеет библиография его (единственно, что оправдывает подзаголовок «журнала критико-библиографического»); но отдел этот слаб, не полон, узок по захвату и академичен. Таким образом, внутренняя мозаичность, шатания, местный масштаб—отличительные черты «Библиофила». Для широкого распространения он не годится и наибольшее применение может иметь лишь в специальных и крупных библиотеках. Если его и можно приветствовать, как проявление местной инициативы, ныне крайне ценной, то хотелось бы надеяться, что к следующему его выпуску редакция сумеет нащупать правильный тон, более соответствующий нашей живой и горячей эпохе, с многообразными и широкими запросами.

М. И. Слуховский.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ-КРИТИКЕ. Библиографический указатель. Составила Р. С. Мандельштам. Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова. Саратовское Отдел. 1921 г. 32 стр. Тираж 2000 экз.

Н. К. Пиксанову присуще особое уменье вовлечь в живую и насущную работу молодежь, довести дело до осязательной черты и результат, ощутимый для аудитории, сделать достоянием многих. Так было в Петербурге, так случилось и в Саратове. «В 1920—1921 академич. году в Саратовском Институте Народного Образования я вел библиографический семинарий. Первой работой семинария оказался выполнен настоящий указатель и приготовлена к печати «Библиография Радищева».

Работа безусловно полезна, как учащимся (высш., средн. школ, рабоч. факультетов), так и руководителям занятий.

Нельзя не согласиться с словами редактора издания: «трудно провести границу между критикой и публицистикой или историей литературы. Еще труднее было выделить прямых марксистов из окружающей их среды сочувствующих, сопутствующих и проч.. составители руководились при этом и формальными признаками (напр., печатание статьи в марксистском издании), и приметами внутренними; но иногда принадлежность того или другого автора или произведения к марксистскому мировоззрению оставалась спорной». Спорной она останется и для читателей в отношении некоторых имен, как, напр., Яковлева-Богучарского, Ляцкого и др.

Было бы целесообразнее дать указания в книге, кто из критиков является строго ортодоксальным, кто, принимая марксистский метод, проводит его случайно, кто из современных критиков является эклектиками, в работах которых пестрят и иные методы. Для начинающего это имеет определенное значение, давая возможность сравнить чистого последователя марксизма с «сочувствующим», сопутствующим в отношении метода. Помещение же в ряд таких имен, как Ляцкий и Луначарский, Богучарский, Коробка и Коган, Кранихфельд и Львов-Рогачевский, Горький и Плеханов—вынуждает руководителя занятиями по русской литературе делать разъяснения о различии методологического подхода каждого к изучению литературных явлений. Удобнее, может-быть, дать в отдельных списках последовательных марксистов близких к ним т. д., или же в общем списке обозначить особым разъяснением эти группировки.

Брошюра нуждается и в дополнениях. Так, из статей Ф. И. Калинина, кроме указанной «Путь пролетарской критики» и «Поэзия рабочего удара» А. Гастева

(«Прол. Культура», 1918, IV), можно указать на его статьи: «О футуризме», «По поводу литературной формы» и др., все его статьи, напечатанные в разных периодических изданиях, объединены в сборник «Памяти Ф. И. Калинина», изд. Петр. Пролеткульта, 1920 г.—А. В. Луначарского—статья: «О художнике вообще и о некоторых в частности» («Р. Мысль», 1903, кн. 2) пропущена; Ольминского М. С.—«О М. Е. Салтыкове»; Орловского—«О А. И. Герцене и Л. Толстом» (обе в «Правде»), Ю. М. Стеклова—«О Герцене» (брошюра), В. П. Полонского—«М. Горький» (1919 г.—брошюра) и статьи из «Летописи»—нет очень ценной статьи Н. А. Рожкова: «30-е годы» («Совр. Мир», 1913 г.,); книжечки М. Горького «О писателях - самоучках», Петроград, 1915 г.; статей Шулятикова В., помещенных им в «Курьере», и статей других критиков, разбросанных в разных повременных и периодических изданиях. Журнал «Летопись» (ред. М. Горького, 1915—1917 г.) пропущен совершенно—его название даже не упоминается. Надо отдать должное, правда, тому трудолюбию и тщательности, с какими просмотрена очень значительная часть изданий сборников, газет, альманахов и проч. Однако, мы не нашли следующего ценного и крупного сборника (он пропущен): «Из истории нов. русской литературы», изд. «Звено», 1910 г. Здесь статьи: Орловского, П.—«О романе»; Фриче, В. М.—«О театре» и драме»; Шулятикова, В.—«О лирике» и др.

Совсем отсутствует «зарубежная» печать (до 1914 г.). Не встречаем работ Плеханова, Г. В., и других работ, изданных за границей. Напр., «Работы Плеханова—о Некрасове» (Женева, 1903, изд. Р. С. Д. Р. П.), о Белинском (Женева, переизд. Союзом Коммун. Северной области, 1919 г.) должны быть введены в указатель.

Затем необходимо ввести указания на рецензии хотя бы о крупных явлениях критической марксистской мысли, особенно необходимы ссылки на те рецензии, которые значительны или ценны в том смысле, что дополняют или критически восполняют методологический подход к литературным фактам с точки зрения марксизма. В этом смысле совершенно нельзя обойти рецензии на «Очерки реалистического мировоззрения» (1904 г.), напр., Л. Клейнборта, «О наших направлениях» («Очерки реалистического мировоззрения») в «Образовании», 1904, № 8, стр. 18, или рецензии в «Правде», 1904 г. № XI, и др.

Отмеченные недочеты вполне понятны. «Работа производилась в трудных условиях,—сообщает редактор,—не только внешних, житейских, но и литературных: при современной бурной мобилизации библиотек было затруднено пользование книгами. «Это первое издание можно даже считать корректурным». Пожелаем нового в самом непродолжительном времени издания книге,—это тем более необходимо, что работа издана в Саратове, и дошла в очень незначительном количестве до Москвы, где спрос на эту книгу должен быть очень большой.

Книга снабжена двумя указателями: по критикам и по критикуемым писателям; пользование ими облегчает нахождение справок. Затем надо отметить и еще очевидные заслуги составителей. Здесь иные из критиков впервые введены в общий список, в других указателях они или забывались или не отмечались по каким-либо другим причинам. Затем подобрана почти вся целиком библиография работ современных критиков, как Львова-Рогачевского, Когана, Луначарского, Соловьева (Андреевича), Фриче и др. Дополнения к этим перечням необходимы; но главное сделано, учтено все более или менее известное и крупное, и ищущий найдет много поучительного и забытого теперь за временем.

Есть опечатки в инициалах В. Л. Львова-Рогачевского (стр. 19), Мих. Степан. Ольминского (стр. 21), Вл. Макс. Фриче (стр. 32).

Н. Бельчиков.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

STANISLAW TIIUGUT. Polska i polacy. Ilosc i rozsiedlenie ludnosci polskiei.

СТАНИСЛАВ ТУГУТ. Польша и поляки. Численность и распределение польского населения. Варшава. Стр. 30.

Империалистическая война 1914 г., выдвинувшая в международном масштабе польский вопрос, поставила на очередь также вопрос об этнографических границах Польши. Автор брошюры, воспользовавшись новейшими статистическими данными, предпринял своевременную попытку дать статистическое описание Польши в национальном и религиозном отношениях, а также представить отчетливую картину распределения поляков на территории, на которой последние составляют значительное меньшинство населения, но которое, несмотря на свою незначительную численность, представляет собой видный элемент, как в общественном, так и в культурном отношениях. Согласно статистическим наблюдениям С. Тугута, поляки составляют меньшинство в бывших белорусских губерниях: Гродненской — 16,9, хотя в уездах Белостокском процент поляков подымается до 40,6; в Бельском — 35,7, и в Сокольском — 35,3; в Ковенской — поляков только 11,4%; в Виленской — 26,2%, но в Виленском уезде поляки имеют абсолютное большинство — 50,9%. Такой высокий % польского населения автор объясняет тем, что в одной Вильне польское население составляет — 53,5%. В губернии Минской поляков всего только 10,3%; в Могилевской — 2,7%; в Витебской — 8,6%. Равным образом и на Украине поляки составляют относительное меньшинство: в губ. Киевской — 3,0%, в Подольской — 8,6%, в Волынской — 10,0%. Наименьшее значение для польского элемента имеют бывшие губернии Могилевская и Витебская. На территории, отошедшей по разделам Польши к Пруссии, поляки составляют абсолютное большинство в к. Познанском. Но в западной Пруссии только в отдельных поветах поляки составляют абсолютное большинство, тогда как на протяжении всего административного округа польский элемент составляет меньшинство населения. Так в Квидзинской регенции поляков только 41,0%, хотя в поветах: Торунском, Бродницком, Хельминском, Хойницком, Любавском, Швецком, Тухольском, Вонбржеском, польский элемент имеет резко выраженное абсолютное большинство от 53,3%—79,4%. В регенции Гданской поляков всего лишь 28%. Только в четырех поветах: Картуском, Кошарском, Пуцком и Старогородском поляки составляют абсолютное большинство от 57,7%—73,7%. В восточной Пруссии, за исключением поветов: Янзбергского, Лецкого, Ольштынского, Щыценьского, поляки составляют относительное меньшинство—47,8%. В Силезии, только в Горной, поляки составляют преобладающую массу населения 57,0%. Остальная часть Силезии, по утверждению автора, онемечена. Наконец, поляки имеют абсолютное большинство в западной Галиции—95,1%, и меньшинство в восточной—39,6,%, хотя по отдельным поветам: Тарнопольском, Саноцком, Скалацком, Трембовельском, Ярославском, Львовском, Пржемысском, Бжозовском польский элемент является доминирующим по своей абсолютной численности. Таковы выводы автора. Вобщем, они правильны, хотя нуждаются в некотором коррективе, в особенности по отношению к польской Галиции.

В. Пичета.

W. ST. VIDUNAS. Litauen in Vergangenheit und Gegenwart.

В. Ст. ВИДУНАС. Литва в прошлом и настоящем. Тильзит, 1917. Стр. 132.

Очень дельно и объективно составленная работа посвящена прошлому литовского народа и его современному состоянию. Автор уделяет наибольше внимания этнографии и антропологии литовского народа, а также литовскому языку и литературно-художественному творчеству. Автор считает вполне воз-

можным культурно-политическое возрождение литовского народа.

В. Пичета.

ERICH ZINKSCH. Litauen und die Litauer.

ЭРИХ ЦИНКШ. Литва и литовцы. Штудтгарт, 1197. Стр. 56.

Небольшая книжка Цинкша знакомит читателя с географией, этнографией Литвы, а также с состоянием производительных сил в Литве. Впрочем, все это описано весьма кратко. После небольшого исторического очерка Цинкш переходит к вопросу о литовском культурном возрождении, возникшем с половины 90-х годов XIX столетия. В общем, основные линии культурно-политического движения очерчены правильно. Остальная часть книги посвящена описанию современной Литвы. Автор книги верит в будущность Литвы, при условии самой тесной культуры—экономической и политической связи с Германией. Несомненно, книга Цинкша отражает в себе военные империалистические замыслы. В этом отношении она достаточно показательна и заслуживает внимания.

В. Пичета.

Dr. W. CAIGALAT. Litauen. Das besetzte Gabiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen.

Д-р В. ГАЙГАЛАТ. Литва. Территория. Народ и его духовное развитие. Франкфурт, 1917. Стр. 179.

Книга Гайгалата представляет собою очень детальное описание территории Литвы в естественно-историческом, историко-политическом, культурно-этнографическом, художественно-бытовом отношениях. Наибольшая часть книги отведена внешней истории литовского народа и характеристике политического движения, охватившего литовскую буржуазную интеллигенцию. Рабочее движение не нашло отражения в книге Гайгалата. Остальная часть книги посвящена описанию духовной жизни литовского народа и состоянию народного хозяйства в Литве. Автор—большой сторонник национально-политической самостоятельности Литвы, но последнее осуществимо только с помощью Германии. Отсюда вытекает, по мнению автора, и та позиция, которой Литва должна была держаться во время войны.

В. Пичета.

И. МАЙСКИЙ. Современная Монголия. (Отчет Монгольской Экспедиции, снаряженной Иркутской Конторой Центросоюза). Иркутское отделение Госиздата. Иркутск, 1921 г. 325+134 стр. и 5 карт. Издано в 2000 экз.

Книга Майского представляет не отчет, как это стоит у нее в подзаголовке, а большое и чрезвычайно интресное исследование современной Монголии. Автор правильно понял свою задачу. Вместо рассказа о своей экспедиции, что обычно делают наши многие путешественники, он поставил себе задачу—дать возможно более полное описание Монголии. И надо отдать ему справедливость, он справился с своей задачей.

Триста с лишним страниц убористой печати дают целостную картину, рисующую описание страны, населения, народного хозяйства, государственного строя, религии и, наконец, выводов автора о будущих судьбах Монголии. Кроме того, слишком 128 страниц в книге занимают чрезвычайно интересные статистические данные, характеризующие современную Монголию.

Автономная Монголия, описанная Майским, занимает свыше 1.250.000 кв. верст, что примерно представляет около 1/15 площади России. Очень долгое время количество населения Внешней (Автономной) Монголии исчислялось в 2—3 миллиона душ. Так исчисляли населенность Монголий Беннигсен, Кушелев (Котвич несколько меньше—700 тысяч душ). Майский, внимательно изучивший перепись, произведенную в Монголии в 1918 году, население Внешней Монголии устанавливает в 542.504 души, а все количество населения, включая, кроме монгол, также и китайцев и русских, в 650.000 душ. Плотность населения в Автон. Монголии,

таким образом, автором исчисляется в 0,52 на 1 кв. вер.

Эта полумиллионная масса монгол, приблизительно с конца XV в. нашей эры распалась на три главные ветви: северную — халахасцев, составляющих основную массу населения Автономной (Внешн.) Монголии; южную— туметов, чахар и др., составляющих население Внутренней Монголии, и западную—ойратов (союз четырех племен: Черос, Хайт, Хощут, Торгоут), кочевавших в Джунгарии между Алтаем и Тянь-Шанем. На протяжении четырех веков эти племена и ветви не раз приходили то в дружеские, то в враждебные столкновения, бродили по огромным пространствам центрально-азиатского плоскогорья, выходили даже на равнины Европы. Современная Монголия представляет довольно пеструю смесь этих племен.

Монголы—пастушеский народ. Скот— единственная основа их существования. Но скотоводство монголов находится в первобытном состоянии, почти без всякого применения человеческого труда. Говоря о возможных хозяйственных перспективах для Автоном. Монголии, автор формулирует их так: «земледелие не имеет здесь шансов на широкое развитие, но зато вполне вероятен пышный расцвет скотоводства и промышленности, при введении в стране европейского транспорта».

Мы не имеем возможности передать в маленькой рецензии массу интересных наблюдений и обобщений из быта, верований и хозяйственного уклада Монголии, приводимых автором в его книге, поэтому рекомендуем интересующимся обратиться непосредственно к книге. Мы же позволим себе остановиться на выводах автора, касающихся оценки будущего Монголии, которое тем более интересно, что Монголия сейчас стряхнула пыль прошлого и превратилась в Монгольскую Народно-революционную Республику.

Когда-то Н. М. Пржевальский писал: «Мне кажется... что номады Центральной Азии так и останутся дикарями-номадами на долгие времена, пока, наконец, роковой ход событий не приведет их к окончательной погибели, подобно тому, как гибнут на наших глазах туземцы Америки и Австралии». Майский возражает против такого приговора монголам. Он приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о способности монголов усваивать элементы европейской цивилизации, и делает вывод, что перед потомками Чингис-Хана не смерть и разложение, а повышение благосостояния и приобщение к сокровищам материальной и духовной культуры передового человечества.

Весь вопрос—каким путем пойдет к своему будущему монгольский народ и с кем? Перед Монголией два пути: один с Китаем, другой с Россией.

Автор, анализируя современное положение Китая, приходит к выводу, что Китай переживает сейчас ломку, и монголам с ним не по пути—потому, что современный Китай может дать Монголии лишь культурный застой и экономическое разорение. Иное Монголия может ожидать от Советской России. Русская ориентация для Монголии означает культурный процесс и экономическое преуспеяние.

Помимо богатого научного содержания, книга Майского представляет большой интерес в литературном отношении. Целый ряд страниц этой книги представляют прекрасно зарисованные уголки из бытовой жизни монгольского народа, это делает книгу не только интересной, но и живой. Очень хотелось бы пожелать, чтобы «Современная Монголия» стала достоянием не только ученых и специалистов, но и широкой публики. К сожалению, книга издана только в 2000 экземплярах.

К книге приложено четыре хорошо исполненных карты Внешней Монголии.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Prof. DIELS. Die Slaven. (Aus Natur und Geistesvelt).

Проф. ДИЛЬС. Славяне. Природа и духовный мир. 1920. Стр. 141.

Книжка бреславльского профессора Дильса имеет целью ознакомить с историей, распределением, численностью,

языками, религией, литературами, искусством, наукой славянских народностей. В предисловии автор говорит, что подобного обзора нет в немецкой литературе, да, пожалуй, нет и в иностранной. Говоря о славянах, по мнению автора, часто их переоценивают, но во многих отношениях и недооценивают. На некоторых вопросах, особенно интересующих профанов, напр., о телесных и духовных расовых признаках славян, автор не останавливается, так же как и на особенностях быта, изложение которых требовало бы много больше места. Поставленная задача—вывести настоящее из прошлого, современное—из истории, исключала слишком долгую остановку на так наз. «жгучих» вопросах современности.

В общем книжка дает достаточно правильный обзор славянства, но местами уж очень краткий и шаблонный. Автор, повидимому, более знаком с польской, чешской, юго-славянской литературой, чем с русской, и иногда уделяет западным и южным славянским народностям более места, чем русской. Немецкая национальность автора также иногда просвечивает, но не настолько, чтобы искажать факты. С некоторыми дополнениями, особенно по отношению к России, книжка могла бы, нам думается, быть издана и в русском переводе.

Проф. Д. Анучин.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

Проф. А. П. ПАВЛОВ. Представление о времени в истории, археологии и геологии. Изд. Сабашниковых. 1920. Стр. 24.

Задача названной брошюры—указать на громадную древность земли и жизни на ней по сравнению с древностью человека, а еще более по сравнению с исторической хронологией. И чем более подвигается вперед наука, тем более приходится удлинять в прошлое историю, археологию, в особенности же палеонтологию и геологию. Еще в конце первой половины XIX века годом создания мира признавался 5507 год до Р. Х. Теперь ни один ученый не относится серьезно к таким хронологическим ссылкам. Исторические изыскания и археологические раскопки заставили отодвинуть назад и начало исторического времени, точное определение которого представляется, впрочем, невозможным. В Вавилоне, Египте, Греции считали не по годам, а по династиям, царствованиям, олимпиадам, — счет очень неточный. Сравнительно поздно пришли к счету по годам,—в Вавилоне с царя Набонасара (747 до Р. Х.); в Риме с основания Рима, датой которого большей частью принимали 753 год до Р. Х. Но так как события распределялись по годам обыкновенно позже начала летоисчисления и, конечно, более или менее предположительно, то уже за первое столетие до Р. Х. исторические даты представляли много шаткого и неточного.

Чтение вавилонской и ассирийской клинообразной письменности и египетских гиероглифов позволило отнести начало здесь государственности ко времени за 5000 лет до Р. Х. Это были еще времена доисторические, эпохи каменного (неолитического), медного и бронзового веков. Последний закончился около 1500 года до Р. Х. и только около 2000 лет до Р. Х. проник в Западную Европу. Хронология этих эпох еще очень проблематична.

Вообще, можно сказать, что продолжительность «исторической» и даже «доисторической» древности не превышает 7000 лет.

Но человек существовал уже много раньше, в течение так называемого каменного века. Медному веку предшествовал так называемый неолитический (новокаменный), продолжительность которого в Западной Европе определяют минимум в 6000 лет. Это была эпоха, относившаяся в геологическом смысле уже к современной, когда климат, флора, фауна не отличались существенно от нынешних. Человек в это время хотя и находился в каменном веке, т.-е. не знал

металлов и пользовался орудиями из камня, кости, рога, дерева, но уже дошел до искусства лепить глиняную посуду, сумел развести несколько видов питательных и других растений (ячмень, пшеницу, лен и др.) и приручить несколько пород домашних животных (начав с собаки и кончив лошадью), научился путем шлифовки, обтачивания, сверления приготовлять себе разнообразные каменные орудия из всевозможных горных пород, наконец, научился тканью и выработке льняных материй. Древность неолитического века, однако, была ничтожна по сравнению с предшествовавшим ему и гораздо более продолжительным — древнекаменным или палеонитическим веком. Этот век относится уже к предшествовавшему современной эпохе геологическому периоду, когда и климат, и растительный, и животный мир Европы значительно отличались от современных.

Европа не один раз переживала за это время эпохи интенсивных и длительных холодов, когда горные ледники из высоких областей спускались далеко вниз по долинам, выступали даже в прилегающие равнины, а в северной Европе распространялись тогда ледяные пустыни наподобие нынешней Гренландской. Эти эпохи великих оледянений отделялись одна от другой эпохами возврата теплого климата—межледниковыми эпохами. Наиболее полно эти события изучены в Альпийской области Европы профессором Пенком. Здесь констатировано четыре ледниковых эпохи, разделявшиеся тремя межледниковыми. В совокупности продолжительность всех этих эпох, с последовавшими тремя меньшими подвижками льда, определяется Пенком не менее, чем в миллион лет. Во второй половине этого громадного периода уже существовал человек, древность которого, по Пенку, составляет не менее 500.000 лет, но, вероятно, была еще больше.

Ледниковый период соответствует по старой номенклатуре дилювиальному; его называют также послетретичным и четвертичным. Ему предшествовал целый ряд периодов в жизни земли, распределяемых в три больших отдела, или эры: палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую (третичную). *Третичная эра*, непосредственно предшествовавшая четвертичной, продолжалась очень долго; в течение ее последовала эволюция почти всего класса млекопитающих животных и существенное преобразование всей земной поверхности. Достаточно сказать, что в начале этой эры на месте нынешних горных систем—Альп, Пиринеев, Гималаев и др. располагались моря, на дне которых откладывались те осадочные пласты, из которых потом были построены горы. К середине эры начали воздвигаться мощные складки гор, надвигавшиеся одна на другую и сложившиеся, наконец, в горные хребты и цепи, которые успели уже с того времени значительно разрушиться. Кто скажет, сколько времени потребовалось для заполнения указанных морей и для образования на месте их горных систем? Очевидно, требовались такие промежутки времени, сравнительно с которыми продолжительность послетретичного периода представляет величину очень малую, а эпохи исторические и неолитический век, можно сказать, ничтожную. Определить годами третичную эру трудно; за единицу меры приходится брать продолжительность послетретичного периода, и, по мнению проф. Павлова, придется отвести на третичное время не менее сорока таких периодов, т.-е. около 40 миллионов лет.

Третичной эре предшествовала *мезозойская* (средняя), разделяемая на три периода, из коих последний был так называемый *меловой*. Между ним и третичной эрой имеется большой перерыв, незаполненный еще палеонтологическими открытиями. В меловом периоде мы встречаем совсем иной мир животных, иных пресмыкающихся и беспозвоночных. Растительный мир в течение этого периода испытал глубокие преобразования. Все лиственные деревья, цветковые растения, злаки, травы—всего этого не было еще в начале периода, когда преобладали хвойные, саговые, папоротники; все это развилось в продолжение мелового периода. Очертания материков подверглись за это время большим изменениям, а в морях отложились громадной мощности осадки. Например, белый пишущий мел, образовавшийся

на дне морей из раковинок, микроскопических корненожек и выдвинутый затем на поверхность, образует у нас, в России, толщи, достигающие местами мощности в 230 сажен. Вообще продолжительность мелового периода вместе с перерывом между ним и третичной эрой была много больше, чем продолжительность третичной; если принять в пять раз больше, то, как думает проф. Павлов, это будет очень скромной оценкой. Предшествовавшие меловому *юрский* и *триасовый* периоды имели в совокупности продолжительность не меньшую одного мелового, и таким образом для всей мезозойской эры получается минимум 400 миллионов лет.

Предшествовавшая мезозойской *палеозойская* эра представляла опять иной мир. Не было ни млекопитающих, ни птиц, ни характерных для мезозоя летающих драконов и гигантских динозавров. Делится эта эра на пять периодов, из коих последние два *каменноугольный* и *пермский*, равны, вероятно, по продолжительности всей мезозойской эре, а в состав ее входят еще периоды — *девонский*, *силурский* и *кембрийский*. В общем на всю палеозойскую эру надо положить не менее 700 миллионов лет, а на все время с начала кембрийского периода—1141 миллионов лет. Конечно, все эти подсчеты гадательны, но ошибки возможны скорее в сторону преуменьшения, чем в сторону преувеличения геологического времени.

Животный мир кембрийского периода был чрезвычайно сложен и разнообразен. Все нынешние типы животного царства, кроме типов позвоночных, в нем уже существовали. «Эта фаза органической эволюции,—замечает профессор Павлов,—предполагает предшествовавшие времена необъятной продолжительности, превосходящей продолжительность всех трех геологических эр, и памятниками этих времен являются мощные отложения *архейской* эры, очень сложно построенные,с остатком фундаментов горных цепей, много раз вздымавшихся и вновь срезавшихся рукою времени, с памятниками долгой и напряженной работы могучих вулканических сил».

«Перед этой величественной и сложной историей Земли,—продолжает проф. Павлов,—человек со всей его жизнью, с его мерами и понятиями, совершенно исчезает, как ничтожнейшая пылинка мироздания; здесь близок предел его познавательной способности, здесь река его жизни вливается в океан жизни космической... Оценить продолжительность этих геологических времен, протекших с образования Земли, как планеты, бессильно человеческое воображение, и попытка измерить их годами и даже миллионами лет представляет, с точки зрения геолога, совершенно бесплодную работу. Перед нами раскрывается неизмеримая пропасть времен, уже прожитых нашим миром»...

Проф. Д. Анучин.

Проф. О. Д. ХВОЛЬСОН. Как произошел мир. Петроград. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1921 г.

Можно много спорить относительно различных методов популяризации. Что предпочесть: форму разговора или форму прямого изложения предмета? Каким языком писать? Обыкновенным литературным языком или приспособленным «мужицким»? Книжка О. Д. Хвольсона имеет как раз форму диалога и написана приспособленным языком. Достоинство это или недостаток? Мне кажется, что недостаток. Прямое и систематическое изложение предпочтительнее разговорного, потому что приучает читателя к логическому ходу мыслей и дает более цельную картину предмета. Точно так же нужно приучать читателя к тому языку, который является русским литературным языком, а не заниматься порчей языка. Представляю себе, как смеялся бы Даль, знавший все русские говоры, над той смесью их, которой является каждая интеллигентская подделка под простонародный говор.

Быть-может, однако, многим читателям то, что я считаю недостатком, покажется достоинством; быть-может, проф. О. Д. Хвольсон избрал правильный путь для подхода к части читательской массы. Повторяю, в этом мы—плохие судьи, и, может-быть, было бы правильнее для оценки популярной литературы устраи-

вать особое жюри, составленное из представителей той массы, для которой книжка предназначается. Нечто подобное делают французские газеты при приеме к печатанию новых романов: рукопись дается на прочтение крестьянину, рабочему, мелкому торговцу, ремесленнику, приказчику и домовой прислуге. Только после их одобрения газета бывает уверена, что сбыт обеспечен. По отношению к языку и доступности изложения такое жюри, несомненно, может дать ценнейшие указания. Быть-может, тогда и для меня будет ясно, зачем нужно писать «к примеру», и почему нельзя сказать «например».

Теперь перейду к существу. Книжка состоит из трех «вечеров». Первые два вечера разговор идет относительно различных физических и химических понятий, необходимых при изложении любой космогонической гипотезы. Третий вечер посвящается собственно астрономическим вопросам. В то время, как первые два вечера возражений не вызывают, в третьем есть и lapsus'ы и прямые ошибки. Например, на странице 41 автор уверяет, что Венера в 10 раз меньше Земли, тогда как она почти равна Земле; на стр. 42 Сатурн оказывается больше Земли в 650 раз, тогда как на самом деле он больше в 821 раз; точно так же и Уран больше Земли в 55 раз, а не в 87 раз, и Нептун больше Земли в 85 раз, а не в 105 раз.

Происхождение планет объясняется слишком примитивно (стр. 50): «от большого ядра отлетел кусок, который сейчас же стал шаром». В этом объяснении, которое ничего не объясняет и ничем не обосновано, нет ни одного слова, которое не резало бы слух астронома, какой бы космогонической гипотезы он ни придерживался. Изложение автора слишком конспективное, и боюсь, что, несмотря на физико-химическое введение, занимающее 38 страниц из 56, читатель так и не поймет, как произошел мир. Очень большим недостатком книги является отсутствие иллюстраций.

Проф. З. Костицын.

Н. Н. ЯКОВЛЕВ. Из истории наук о земле. (Культурно-просветительная библиотека. 3-я ступень знания. Серия естественно-научная). Коопер. Книгоизд. Т-во «Книга». Петрогр., 1921. Стр. 63 и приложение 16 рисунков, в том числе 13 портретов ученых.

Во введении автор утверждает, что все, что мы знаем о земном шаре, составляет науку, называемую *землеведением*; земля, однако—продолжает он—может быть изучаема с разнообразных точек зрения, поэтому землеведение распалось с течением времени на несколько самостоятельных наук. Главнейшими из них в землеведении автор признает три: географию, химию и геологию, поэтому он и подразделил свою книжку на три главы: I. Как возникла наука география, II. Как возникла наука геология и III. Как возникла наука химия.

Но термин «землеведение» (перевод немецкого—Erdkunde) прилагается исключительно к географии и в него никогда не включают химии, которая (особенно в отделе органической химии) преследует совершенно другие задачи. С большим правом можно сближать с географией минералогию и почвоведение, а если включать и химию, то тогда надо включить и физику и биологию (ботанику, зоологию и антропологию), т.-е. все естествознание.

Автор вообще имеет неправильное представление о географии. По его словам, «география имеет предметом изучения землю, взятую целиком и преимущественно рассматриваемую с точки зрения ее внешних или наружных особенностей». Под «внешними» особенностями земли автор разумеет, повидимому, ее поверхность, но география не ограничивается рассмотрением земли, взятой целиком; в ее задачи входит и изучение частей земли, отдельных стран, и этот отдел—страноведение—может быть даже назван географией по преимуществу. Но и общая география не может ограничиваться только явлениями на поверхности земли; для объяснения их она должна часто обращаться к силам, действующим внутри земли (плотность земли, землетрясения, вулканические явления, горообразование); физическая география, по автору, «изучая землю саму

по себе, ее форму, величину, плотность, распределение на ее поверхности суши и воды»; но не одним этим ограничиваются задачи указанной дисциплины. Одним из важных ее отделов является жизнь атмосферы,—метеорология и климатология, затем жизнь моря (приливы и отливы, морские течения), геометрология суши, действие эндогенных и экзогенных сил и т. д.

Курьезно утверждение автора, что правильность в мировых движениях, устанавливаемая астрономическими наблюдениями, вызвала представление о какой-то неизвестной единой силе, чем и объясняется происхождение единобожия. Наоборот, «неправильность и разнообразие явлений земного шара, невозможность определить неполезные явления природы были главными источниками возникновения многобожия. Однако, первые основы астрономии были положены в Вавилонии, где господствовало многобожие, да и у евреев, народа, не заявившего себя в науке, единобожие утвердилось сравнительно поздно, после продолжительной борьбы с многобожием. С другой стороны, не все в мировом движении свидетельствует о необыкновенной точности. Укажем на кометы, на падение звезд (метеоров), на возгорание новых звезд, на изменение пятен на солнце и т. п. и, наоборот, многие явления на земле правильны и периодичны, например, приливы и отливы, морские течения, вскрытия и разливы рек и т. п.

«Первоначально,— говорит автор,— в астрономии преобладали чистое умозрение и наблюдения без измерений, позже и за исследование небесных явлений принялись с более трезвым взглядом: вошло в употребление наблюдение» (?) Тут, очевидно, путаница: вместо «наблюдение» должно было бы стоять «измерение».

В кратком очерке развития географии у автора много пропусков и неточностей. В обзоре древней географии не упоминаются такие имена как Эратосфен, Страбон, Птоломей, а в обзоре новой— А. М. Гумбольд, К. Риттер и др. По автору, греки представляли себе землю в виде круга, но такое представление характерно только для древнейшего периода (Гомера), и уже Геродот (V в. до Р. Х.) смеется над мнением о кругообразности земли. С V века, даже ранее, у философов утверждается представление о шарообразности земли, причем «обитаемая земля» сначала представляется в виде острова в умеренной зоне северного полушария, а впоследствии—у Птоломея—границы ее на севере, востоке и юге признаются неизвестными. К представлению о кругообразности земли возвращаются только с упадком знания, в Средние века, когда это представление получает большее распространение, чем представление о четырехугольности ее, идущее от Корин Индикоплова (VI). Кстати, автор называет этого христианского космографа Интихоплевстом, что неверно (по-гречески Индикоплейст), и говорит, что он был купец и путешественник, однако, хотя он и путешествовал ранее в Индию, но, в конце-концов, был монахом.

От греков автор перескакивает прямо к португальцам, не упоминая о заслугах в деле мореплавания (и картографии) итальянцев и каталонцев. Васко де (а) Гама, по автору, в 1498 г. достиг *Калькутты*. Васко де Гама достиг не Калькутты, а Каликута,—города, существовавшего совсем в другой, противоположной (северо-западной) части Индии. Автор упоминает об открытии полюсов земли и об исследованиях морских глубин, но умалчивает об изучении метеорологических, сейсмических и других явлений, об исследовании эндогенных и экзогенных сил, о путешествиях, открывших неизвестные области в Азии, Африке, Америке и т. д.

Глава о геологии более удовлетворительна, но и в ней есть неточности, и притом совершенно игнорируется историческая геология и палеонтология. Наиболее автор знаком, повидимому, с химией, почему и глава, посвященная ей, наиболее удачна, но глава эта пристегнута к «землеведению» совершенно произвольно,—химия могла бы рассматриваться, как совершенно отдельная наука.

Проф. Д. Анучин.

А. Р. ХИНКС. Астрономы и их обсерватории. Перев. В. Е. Мурашкинского. Петроград. «Научное Книгоиздательство». 1920. 35 стр.

Как указано в предисловии, книжка представляет собой первую главу из книги А. Р. Хинкса «Астрономия», имеющейся и в русском переводе. «Научное Книгоиздательство» решило выпустить ее отдельным изданием в виду ее самостоятельного значения и позаботилось об иллюстрациях (13 рисунков). Книга представляет краткий очерк работ астрономов с древнейших времен по настоящее время. Очерк, конечно, беглый, но в нем с достаточной выпуклостью представлено и направление астрономических работ в разные эпохи и их осуществление в целесообразных инструментах. Большая часть книги отдана, естественно, изложению развития наблюдательной астрономии за последнее столетие, и конец книги содержит примерные указания на то, как должна была бы быть построена астрономическая обсерватория среднего размера в настоящее время. Изложение очень живое, содержит много интересных отдельных замечаний, иллюстрации хорошо подобраны и удовлетворительно исполнены. Книга может быть наиболее интересна для астрономов-любителей, следовательно, лиц, уже имеющих некоторое знакомство с астрономией; для лиц мало подготовленных некоторые места, термины могут быть непонятны, но больших знаний в астрономии от читателя не требуется.

По затрагиваемой теме и характеру изложения книга должна быть очень рекомендована русским любителям астрономии в широком смысле этого слова.

Проф. С. Блажко.

В. В. АЛЕХИН. Основные черты в распределении растительности Европейской России. Изд. М. и С. Сабашниковых. Москва, 1921 г. 48 страниц. Приложение: 3 карты и 3 рисунка.

Необходимо всячески приветствовать выход книги Алехина, одного из видных русских ботанико - географов. По ботанической географии в русской литературе очень мало популярных книг, и уже поэтому вышедшая книга представляет, несомненно, большую ценность, тем более, что материалом для автора служит растительность России.

Указав на зональное распределение в России растительности (пять зон: тундра, лес, лесостепь, степь и полупустыня), автор останавливается на характеристике этих зон и попутно разрешает некоторые вопросы, имеющие общий характер. Такими вопросами являются: генезис растительности северной половины Европейской России в связи с ледниковым периодом, вопрос о причинах безлесья русских степей (больной вопрос для русских ботаников-географов, споры о котором в свое время вызвали появление обширной литературы). Заключительные строки посвящены так называемой реликтовой растительности, сохраняющейся благодаря особенно благоприятным условиям в некоторых местностях и заслуживающих поэтому специальной охраны.

Таковы основные мысли, излагаемые автором.

Крайне приятным является то, что к книге приложены две цветные таблицы, которые по современным условиям было выполнить, несомненно, крайне трудно. Вследствие очень мелкого масштаба карты, границы древесных пород в Европейской России проведены не точно. Для карты южной границы ледника Европейской России и для рисунка «Вид степи» использована, повидимому, ради экономии места, обложка книги.

Не совсем понятно, почему автор остановился, кроме указанного рисунка, еще только на двух: болотная форма сосны и перекати поле. Крайне желательно в следующем издании увеличение иллюстраций и возможно большее увеличение масштаба карты границ древесных пород.

Популярный язык автора без всякого ущерба научности изложения заставляет рекомендовать книгу для самых широких кругов лиц, интересующихся вопросами ботанической географии.

Д. Жадовский.

Проф. А. А. ИВАНОВ. Теория ошибок и способ наименьших квадратов. 56 страниц в 12°. «Научное Книгоиздательство». Петроград, 1921 г.

В маленькой книжке проф. А. А. Иванова дается краткое изложение теории ошибок и способа наименьших квадратов. Книжка предназначается для астрономов и геодезистов, но весьма пригодится и геофизикам и физикам, а также и учащимся. Изложение краткое, ясное и простое с большим количеством поясни тельных примеров и схем, дающих возможность сейчас же применить полученные знания к делу. Можно пожалеть об одном, что автор не определяет точнее понятия вероятной ошибки и не говорит, в каких случаях это понятие может быть полезно.

Проф. В. Костицын.

А. П. ПАВЛОВ. О громовых стрелах. Москва, изд. Сабашниковых. 1919 г. 2-е изд. 17 стр.

Содержание брошюры А. П. Павлова состоит в популярном описании тех разнородных предметов, которые иногда сохраняются народом под именем громовых стрел. В одних случаях последние оказываются белемнитами, и в тех местах, где они попадаются часто, обыкновенно называются в народе не громовыми стрелами, а чортовыми пальцами. В других случаях громовыми стрелами называют кремневые острия, служившие древним людям для наконечников копий или стрел. Дальше автор описывает так называемые фульгуриты, причудливые трубочки, происходящие от удара молний в песок, но не похожие на стрелы. Наконец, указывает на то, что в природе встречаются еще камни с небольшими каналами, проплавленными при ударе молний.

Затронутая автором тема освещена всесторонне. Брошюра представляет интерес, как для детей в возрасте 9—12 лет, так и для взрослого читателя, способного разбираться только в самых легких популярных книжках.

Брошюра безусловно заслуживает распространения, так как может обратить внимание читателей на такие предметы, которые представляют большой научный интерес, а между тем иногда уничтожаются вследствие невежества их владельцев.

Д. Чернов.

С. И. НИКИФОРОВ. Как самому собирать материал для полных биологических препаратов развития лягушки, тритона, некоторых дневных и ночных бабочек, стрекозы, кузнечика, жужелицы, мясной мухи и жуков, мертвоеда и плавунца. Вып. 3. Петербург, 1921 г. Госиздат.

Трудовая школа должна стремиться к активности усвоения изучаемых предметов и к возможно полному согласованию физического труда с умственной работой (физич. труд, как метод при изучении предмета). Это пожелание может осуществиться в том случае, если мы будем располагать возможно большим числом хороших указаний на то, как производить самостоятельные наблюдения, как собирать и обрабатывать материал для коллекции, между прочим, и его определять, что делать на практических занятиях и экскурсиях. Эти указания дадут возможность получить надлежащую подготовку, которой часто не имеется даже у естественников. Физиологи, напр., почти всегда *не знакомы с обычными* животными и растениями.

К числу узко практических руководств относится рассматриваемая брошюра С. И. Никифорова, посвященная сбору школьного материала по метаморфозу указанных в заглавии животных. В виду трудности добыть в природе все нужные стадии развития, автор вполне правильно советует заняться «домашней» выводкой, которая, находясь все время под контролем наблюдателя, даст ему желаемые стадии. В брошюре указывается время и место кладки яиц, их внешний вид, описывается форма и места обитания личинок, куколок и иного (взрослая половозрелая форма), указывается продолжительность жизни на разных стадиях развития, а главное внимание обращено на приемы «домашней» выводки (особеннно плавунец, стрекоза, наездник). Начинающих люби-

телей должно сильно заинтересовать лов самцов на неоплодотворенную самку, развитие наездника. Полнее всего изложен сбор материала по метаморфозу бабочки и наездника, плавунца, стрекозы, тритона; наиболее слабо—по развитию кузнечика и жужелицы. К сожалению, имеются и кое-какие недостатки:

1) Вряд ли целесообразно брать *из природы* личинки кузнечиков; сам автор признается, что он «грешил, ставив в коллекцию в среднюю ступень развития кузнечика взрослое *насекомое другого* вида». Но ведь еще легче спутать личинки разных видов. Также трудно найти в природе куколки жужелицы.

2) Способ, который предлагается автором для собирания стадий мертвоеда, мясной мухи, вряд ли даст удовлетворительные результаты: на труп слетятся для кладки яиц и проч. разные представители мух и жуков (из сем. Silphidae, Histeridae, Staphilinidae и др.), и начинающий любитель не сможет разобраться в их личинках, которыми будет кишеть труп. Нужна изоляция слетающихся животных, чтобы кладка их яиц происходила отдельно.

3) Почему-то пропущена в развитии лягушки стадия (без парных конечностей) с наружными и потом внутренними жабрами, тогда как на жаберную стадию у тритона автор обращает особое внимание. Также хорошо бы поместить в коллекцию взрослых самца и самку лягушки.

4) Не всегда ясно, о каких животных говорит автор (напр., «жужелица», «мертвоед» и пр.): лучше бы привести научные термины, как это сделано автором для окаймленного плавунца.

5) Странны следующие слова заглавия: «... жужелицы... и жуков: мертвоеда и плавунца», как будто жужелица—не жук.

6) На первой странице автор говорит о биологических коллекциях, думая, очевидно, только о коллекциях по развитию; не всякая биологическая коллекция иллюстрирует «превращения».

7) Не указан стиль (старый или новый) и рекомендуемая литература.

8) Местами неясность (13, 18, 20 стр.) и тяжеловесность слога. Изложение же вообще очень популярное.

Поскольку автор брошюры ставит себе скромную задачу научить собирать материал по метаморфозу указанных животных, он выполняет ее вполне удовлетворительно (а местами даже хорошо), а потому его брошюра может быть рекомендована и преподавателям, и любителям живой природы. Необходима иллюстрация текста.

М. Н. Тихомиров.

«ВЕСТНИК ЛОМОНОСОВСКОГО ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА». Т. 2. Вып. 1, 2, 3. 1821 г.

За два года своего существования журнал этот сложился и получил определенную физиономию: электрохимия, химия коллоидов и родственные этим двум области являются его центром. Главные сотрудники журнала принадлежат двум группам: одной, руководимой проф. Н. А. Шиловым, другой—под руководством проф. Н. А. Изгарышева; обе группы поставляют обильный и интересный материал. В особенности следует отметить исследования по адсорбции Н. А. Шилова и его учеников, которым удалось найти ряд интересных закономерностей в этой области.

Таким образом, в России, наконец, возник самостоятельный и интересный физико-химический журнал, и нельзя не пожелать ему долгого существования и широкого распространения.

Проф. Н. Андреев.

«РУССКИЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ИМЕНИ И. М. СЕЧЕНОВА». Орган Российского Общества Физиологов имени И. М. Сеченова, издаваемый под редакцией следующих лиц: почетный редактор И. П. Павлов, ответственный редактор Б. И. Словцов; соредакторы: Бабкин, Б. П. (Одесса), Вериго, П. Ф. (Пермь), Данилевский, В. А. (Харьков), Кулябко, А. А. (Томск), Лавров, Д. М. (Воронеж), Мисловский, Н. М. (Казань), Лихачев, А. А. (Петроград), Орбели, Л. А. (Петроград), Чаговец, В. Ю. (Киев), Чуевский, М. А. (Саратов), Шатерников, М. Н. (Москва).—Петербург. Госуд. Издат. 1921 г. 279 стр.

Отрадно наблюдать признаки оживления, до недавнего времени как бы оше-

ломленной, русской научной мысли. Инстинкт жизни берет свое. Пробудилась острая потребность в обмене мыслью. Несмотря на большие технические затруднения, за последний год возобновились или возникли заново немалочисленные научные журналы. Среди последних с особенной радостью мы приветствуем «Русский физиологический журнал имени Сеченова».

Наука, ряд блестящих страниц которой написаны русскими исследователями (Сеченов, Павлов, Введенский и др.), давно имела все права на орган, в котором содержательная мысль могла бы кристаллизоваться. С чувством глубокого удовлетворения должно отметить, что журнал сумел объединить на своих страницах, не дробя сил, всю русскую физиологию.

Перед нами третий том. Он распадается на две части. Первая часть содержит отчет об одиннадцати петроградских физиологических беседах 1920—21 академического года—на 47-ми страницах. Отчет обнимает рефераты 18-ми докладов, прочитанных на совместных заседаниях сотрудников петроградских лабораторий физиологии, физиологической химии, фармакологии и общей патологии.

Вторая часть содержит 13 статей (на 95-ти страницах). В них так же, как в первой части, отражается по преимуществу жизнь физиологических лабораторий Петрограда, центра физиологической работы России.

Содержание обеих частей тома отмечается большим разнообразием. Трактуются: условные рефлексы, деятельность пищеварительных желез, влияние фармацевтических препаратов на периферию кровеносной системы, физиология нервного волокна, ферменты мозга, функция желез внутренней секреции и пр. темы, в разработках: Л. Васильева, Я. Тен-Кате, А. Крестовникова, Д. Фурсикова, О. Розенталь, П. Попова, В. Савич, Н. Веселкина, В. Судаковой, Б. Вериго, Н. Введенского, А. Ухтомского, Н. Резвякова, Е. Глинки-Черноруцкой, Б. Словцова, Н. Окунева, Т. Фальборт, Е. Сперанской, Г. Степанова, Н. Черна, И. Раздольского, Р. Мигай, Сошественского, А. Тонких, М. Петрунькина, Г. Богословского, В. Коренчевского, Д. Лаврова, Н. Рубинштейн, Е. Синельникова, Б. Колдаева, Е. Каневской, М. Виноградова, С. Аничковой, С. Завадского, Б. Бабкина.

Статьи снабжены резюме на иностранном (по преимуществу на французском) языке.

Перед нами журнал,—по составу редакции, сотрудников и корням в русской физиологической лаборатории, хотя и с небольшим по времени прошлым, но со всеми данными на длительное и многообещающее будущее.

Если со страниц вышедшего III тома и не смотрит на нас epochenmachende мысли, то все же они достаточно ярко говорят, что даже в трудные годы ломки социальных отношений, русский физиолог не покидал своего поста и его мысль и руки сохранили пульс жизни.

М. Завадовский.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

Проф. Г. В. ХЛОПИН. Основы гигиены. Том I. Выпуск I, с 65 рисунками. 239 стр. Москва, 1921 г. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения.

Хорошо изданная и полезная книга. Со времен появления курса гигиены Ф. Ф. Эрисмана не появлялось больше никаких серьезных русских руководств по гигиене. Книга Эрисмана, несмотря на ее огромные достоинства, является в некоторых частях уже устарелой. Поэтому появление книги Г. В. Хлопина удовлетворяет острой потребности студентов и молодых врачей в полном руководстве по гигиене, стоящем на высоте современных научных знаний. Книга профессора Хлопина представляет собой курс лекций, читанных им в Юрьевском, Новороссийском университетах и Воен-

но-Медицинской Академии. Материал расположен в книге в порядке постепенного усложнения и детализации и рассчитан на 2 больших тома, из которых покамест появился только первый выпуск первого тома. Разделение на выпуски продиктовано было необходимостью печатания первого тома одновременно в 3-х типографиях. 1-й выпуск содержит главы: «Атмосфера и климат», «Почва», «Погребение и сожигание умерших». Этим главам предпослан исторический очерк о гигиене и санитарии в прошлом. Каждая из глав дает исчерпывающий по полноте материал и изложена в форме доступной и интересной даже и для невполне подготовленного читателя. Единственный недостаток, который ощущается при чтении, заключается в некоторой устарелости обильного статистического материала. Но это обстоятельство обусловлено тем, что книга сдана была в печать в 1919 году, когда в России еще не получалась новейшая западно-европейская литература по вопросам гигиены и санитарии. Было бы весьма желательно, чтобы в будущих выпусках этой весьма ценной книги был использован этот новейший материал. Внешность издания производит весьма благоприятное впечатление, особенно в виду того, что другие медицинские издания далеко не могут похвастаться этим достоинством.

Д-р И. Гельман.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК в честь 25-летия врачебно-научной деятельности (1894—1919 г.г.) профессора И. И. Грекова. Государственное Издательство. Петроград, 1921 г. 552 стр.

Первая мысль, которая возникает при виде этого объемистого сборника, изданного исключительно хорошо по условиям настоящего времени, — это мысль о том, допустимо ли в настоящее время, чрезвычайно тяжелой книжной нужды, издание юбилейных сборников, имеющих своей главной целью ознаменование, хотя бы и крупных заслуг того или иного общественного работника. Но этот вопрос по мере ознакомления с книгой постепенно рассеивается и к концу сменяется глубоким убеждением в нужности и полезности настоящего сборника. Дело не только в том, что профессор И. И. Греков, заведующий хирургическим отделением Мужской Обуховской больницы, является весьма крупной фигурой в русской врачебной среде и заслуживает поэтому той дани уважения, которая нашла себе место в сборнике,—но и в том, что вокруг него собралась большая плеяда учеников, почти целое поколение, что в заведываемой им больнице прошел огромный клинический и научный материал, что больница эта являлась до некоторой степени лабораторией хирургической и терапевтической науки и практики. Вся интенсивно-творческая работа в этой крупнейшей больнице нашла себе отражение в сборнике. Особенно отрадно то, что, несмотря на то, что война лишила больницу многих старых работников, что в ней остались молодые врачи,—научная работа в ней не прекратилась, и в этом огромная заслуга профессора Грекова.

Сборник состоит из 8-ми отделов: 1—Отдел внутренней хирургии, 2—Отдел костной хирургии, 3—Отдел сосудистой и грудоклеточной хирургии, 4—Терапевтический отдел, 6—Отдел, посвященный сыпному тифу и болезням, связанным с голоданием, 5—Отдел мозговой хирургии, 7—Отдел новообразований, 8—Гинекологический отдел.

Уже само перечисление отделов показывает все многообразие материала, помещенного в этом сборнике. Если мы к этому прибавим еще то, что все статьи этого сборника составлены на основании богатого клинического материала, хорошо обследованного и проведенного под опытным руководством,—станет понятна ценность этой книги. Мы встречаем здесь статьи, принадлежащие таким видным представителям медицины, как Г. И. Турнер («О некоторых осложнениях со стороны коленного сустава, наблюдаемых при лечении переломов бедра и голени»), Оппеля, В. А. («Наблюдения над расширениями вен нижних конечностей»), Пуссепа, Л. М. («К симптомотологии, диагностике и оперативному лечению опухолей мостомозжечкового узла») и т. д.

В вступительной статье В. П. Мануйлова дается обзор деятельности хирургического отделения мужской больницы за 1912—1919 гг., из которого видно то постоянное научное искательство, которое живо по сие время в больнице. Целый ряд новых методов в области хирургии (пересадка костей, фасций, мышц, сальника и т. д.) излагается в статьях написанных Гессе, Э. Р., Петрашевской, Г. Ф., Покровской, Н. И. и т. д. Результаты консервативных методов лечения при проникающих колото-резаных ранах грудной клетки излагаются в статьях Подобедовой, Н. В. и Мануйлова, В. П.

Все отдельные главы написаны весьма тщательно, сопровождаются указанием литературных источников и во многих случаях рисунками. Большинство их являются не изложением отдельных казуистических случаев, а изложением выводов и наблюдений над целыми сериями заболеваний. Особенно ценным является появление этой книги, богатой научно-клиническим материалом, в теперешнее время, когда медицинские журналы только еще начинают оживать и богатые повседневные наблюдения и выводы остаются под спудом. С этой точки зрения надо быть глубоко признательным группе учеников и сотрудников И. И. Грекова, решившим ознаменовать 25-летие своего учителя и сотоварища в такой культурной и достойной юбиляра форме.

Д-р И. Гельман.

RUDOLF EBERSTADT. Handbuch des Wohnungswesens und der Wohnungsfrage. Vierte Auflage. Jena. Verlag von Gustav Fischer. 1920.

РУДОЛЬФ ЭБЕРШТАДТ. Руководство по жилищному делу и жилищному вопросу. 164 рисунка в тексте. 735 страниц. Четвертое издание Г. Фишера. 1920 г. Иена.

Бедна у нас литература по жилищным вопросам и связанным с ними вопросам городского благоустройства и планировки. Только в самые последние годы перед войной эти вопросы стали в поле общественного внимания. Появились на ряду с журнальными статьями солидные работы (Загряцкого, Диканского, Ковалевского, Семенова и т. д.).

Война и последовавшая за ней революция привели все общественное внимание в сторону вопросов социально-экономической перестройки, и только теперь, когда разрушение жилища и города сделали вопрос об их восстановлении и об их оздоровлении неотложным, снова обострилась потребность в литературе, посвященной процессам созидания населенных мест и наиболее рациональным способам удовлетворения как гигиенических, так и технических и культурно-гигиенических задач в этой области.

Книга Эберштадта в полной мере удовлетворяет этой народившейся потребности в серьезной литературе по жилищно-планировочным вопросам и должна была бы стать настольным руководством для всякого научного и практического работника в жилищном и коммунальном деле. Всесторонне освещая все вопросы жилищной санитарии, экономики, строительства и планировки и практической коммунальной политики, она умело объединяет все эти отдельные проблемы и ярко показывает их внутреннюю зависимость и единство.

Книга начинается с достаточно полного изложения истории возникновения и строительства городов, где шаг за шагом развертываются те строительные проблемы, которые возникали пред все возраставшими городами.

Несколько глав посвящено анализу экономически-правовых отношений, которые возникают в городах на почве частной собственности на землю, на недвижимости и земельной и домовладельческой спекуляции.

Другие главы излагают и освещают правовые нормы, которые регулируют жилищное строительство и влияние на него государства и общины. Наиболее богатый материал собран в главах, посвященных современному состоянию жилищного строительства и планировки городов, санитарно-строительным регулятивам и нормировкам, жилищам для рабочих.

В этих главах Эберштадт дает крайне ценный материал по германской жилищ-

ной переписи 1918 года. Попутно затрагивается и освещается значение путей сообщения, внутренней канализации и т. д. в решении жилищного вопроса, приобревшего и на Западе, в частности в Германии, чрезвычайно острые формы. Последняя глава дает обзор состояния жилищного вопроса в главнейших странах Европы и Америки и тех мероприятий, которые там проводятся в целях ослабления жилищного кризиса.

Этот краткий перечень отдельных глав, разработанных в книге Эберштадта, показывает уже, как серьезна построена она.

Если прибавить к этому богатейший статистический и литературный материал, сжатый во всех главах, и исчерпывающую библиографию после каждой главы,—станет ясной вся ценность этой книги и для русского читателя. Было бы очень желательно издать перевод этой книги Эберштадта и этим пополнить большую пустоту, ощущающуюся в литературе, посвященной практической жилищной и коммунальной политике и планировке городов.

Самый внешний вид издания заслуживает также внимания. Хорошая бумага, четкий шрифт, соответствие шрифтов, отчетливые таблицы и недурные, обильные рисунки,—все это может сделать эту книгу образцом для всякой хорошей научной книги.

Д-р И. Гельман.

В. И. МОЛЧАНОВ, проф. 1-го Моск. университета и Государственной Высшей Медиц. Школы в Москве.—Физиологические данные детского возраста. Пособие при исследовании детей для врачей и студентов в трех таблицах. Госуд. Издат. 1921 г.

Нельзя не признать мысль автора, которая руководила им при составлении таблиц, правильной и удачной. Не только врачи и студенты при исследовании больных детей, но и школьно-санитарные врачи и педагоги при наблюдениях над здоровыми детьми и уходе за ними, нуждаются в данных, характеризующих нормальный рост и здоровое развитие ребенка.

Настоящее издание (если память нам не изменила) представляет перепечатку уже изданных ранее таблиц без изменений. О последнем обстоятельстве нельзя не пожалеть. Автору следовало дополнить свою работу пояснительным текстом (таковой имеется только к таблице роста и веса), а также заполнить довольно существенные пробелы. Так, например, нервная система представлена в таблицах только со стороны электровозбудимости и очень неполной схемой функционального развития, и совершенно нет данных, касающихся наростания веса головного мозга, не даны цифры, характеризующие потребность ребенка в различные годы жизни во сне (имеются таблицы Уффельмана, Фирордта, Тарханова). Далее, очень не полны сведения о питании. Автор сосредоточил все свое внимание на грудном возрасте и оставил без освещения другие периоды детства, а ведь таблицы должны заключать в себе, согласно заглавию, *физиологические данные детского возраста*. В таблицах имеются довольно подробные указания относительно питания грудного ребенка и совершенно отсутствуют нормы питания для дошкольного и школьного возрастов. Можно было бы указать еще на другие упущения. И все эти недостатки и пробелы автор легко мог бы исправить, если бы он использовал богатейший материал, заключающийся в известных таблицах Фирордта (H. Vierordt. «Anatomische, Physiologische und Physikalische Daten und Tafellen». (Jena, 1906).

В заключение пожелаем, чтобы автор к следующему изданию, которое при скудости нашей литературы и большой потребности в подобном справочнике, несомненно, понадобится, переработал и дополнил свои таблицы так, чтобы они могли стать не только полезным пособием, каковым они и в настоящем виде являются, но и ценным источником данных об особенностях развития детского организма.

Е. Аркин.

---

1. СБОРНИК РАБОТ КОНФЕРЕНЦИИ СЪЕЗДА ПО СЫПНОМУ ТИФУ в Петрограде 16—19 февраля 1920 года. Изд. Н. К. З. СПБ. 1920 года. Стр. 178.—2. СЫПНОЙ ТИФ И ЕГО ВОЗБУДИТЕЛЬ, сборник статей под редакцией проф. БАРЫКИНА. Ростов-на-Дону, 1920 г. Изд. Ростовского Здравотдела. Стр. 180.—3. ОДЕССКИЙ СБОРНИК ПО СЫПНОМУ ТИФУ, сборник под редакцией проф. Заболотного. Одесса, 1920 г. Стр. 90.—4. «ВРАЧЕБНОЕ ДЕЛО», № 14—15 за 1919 г. и № 17—20 за 1920 г., посвященные сыпному тифу. Харьков.

Научное изучение сыпного тифа привлекло к себе широкий круг исследователей, преимущественно за последние 10—12 лет. После классических работ французского ученого Nicoll'я в области этиологии и эпидемиологии сыпного тифа, установивших роль неизвестных до того времени передатчиков этой болезни—вшей, изучение сыпного тифа было направлено как в сторону точного нахождения микробов-возбудителей тифа, не открытых еще и до сих пор, так и в сторону патолого-анатомических изменений в организме больных тифом. Война 1914—1917 гг. вызвала эпидемические вспышки сыпного тифа в войсках, воюющих стран и снова подняла интерес исследователей, и в течение уже последних лет появилось много новых работ по сыпному тифу. В области бактериологии этой болезни достаточно указать на работы погибшего во время войны от сыпного же тифа немецкого ученого проф. Prowazek'a, который описал найденные еще и ранее Ricketts'ом в Мексике особые микроорганизмы в крови сыпно-тифозных больных; далее, на работы другой группы ученых, выделивших, как возбудителя тифа, другого микроба (т. наз. микроб Plotz'a); наконец, на работы русских ученых—проф. Недригайлова, проф. Марциновского, Розенберга, Кричевского и др., проведенных в последние полтора—два года.

В области патологической анатомии крупная работа дана московским ученым И. В. Давыдовским, выяснившим анатомическую природу сыпного тифа, как серьезного энцефалита (особый вид воспаления оболочек головного мозга). В области диагностики имеется ряд работ и, прежде всего, установление широко применяемой ныне повсюду, а также и у нас, в России, так наз. реакции Weil-Felix'a, с применением для точного диагноза и распознавания сыпного тифа культуры особого микроба (Proteus). Целый ряд новых попыток отмечен и в области лечения этой болезни.

Излишне говорить о громадном значении всех этих научных работ для выработки рациональных мер борьбы с сыпным тифом. Последние полностью должны строиться на основе этого изучения, и каждое новое приобретение по изучению сыпного тифа ведет за собой новый шаг по пути успешной борьбы с этой болезнью.

Этот интерес к научному изучению сыпного тифа особенно понятен в России, пережившей небывалую пандемию этой болезни в 1918—20 г., и ныне еще не вполне закончившейся. Целый ряд съездов и конференций был посвящен сыпному тифу, его эпидемиологии, клинике и профилактике, и параллельно с этим, несмотря на все трудности печатания, вышли в свет ряд печатных работ.

Одной из первых работ явился «*Сборник работ конференции съезда по сыпному тифу*», бывшего в СПБ. 16—19 февраля 1920 года. В сборник вошли работы 21 автора, видных петербургских работников, клиницистов и эпидемиологов. Центральной работой являются статьи проф. *Розенберга*: «К микробиологии сыпного тифа» и «Клиника сыпного тифа». В первой автор излагает свои исследования по изучению неизвестного возбудителя этой болезни и описывает открытые ими особые тельца, которые, повидимому, можно связать с сыпным тифом. В виду того, что соответствующих опытов по прививке этого найденного вируса человеку или обезьяне не было проделано, автор не считает себя в праве прийти к окончательным выводам. Вторая работа проф. Розенберга в живой форме излагает симптомотологию и клинику сыпного тифа с точки зрения патологической физиологии. Большой интерес имеет статья по патологической анатомии при сыпном тифе проф. *Шуенинова* и *Аничкина*, статья *Павловского*—по биологии вшей, и далее ряд статей

Глухова, Скородумова, Садова, Тушинского, Крестовникова и др. по диагностике и др. вопросам клиники и изучения сыпного тифа. Сборник издан на плотной бумаге с массой рисунков, частью исполненных в красках.

Другой работой явился сборник, изданный в Ростове-на-Дону—*«Сыпной тиф и его возбудитель»*—под редакцией проф. *Барыкина*, изд. 1920 г. Сборник начинается обширной статьей редактора—проф. Барыкина: «Сыпной тиф и его возбудитель» (около 70 стр.), излагающей последовательно все фазисы вопроса изучения и открытия возбудителя сыпного тифа; в статье использован обширный материал и дана полная картина многочисленных работ в этом направлении различных авторов. В других статьях проф. Барыкина (совместно с д-ром *Афанасьевой* и *Климентовой*) сообщаются результаты экспериментальных работ, приведших указанных лиц также к открытию особого микроба сыпного тифа, близкого к риккетциям Правачска. Статья проф. *Рознатовского* трактует вопрос о предохранительных прививках против сыпного тифа—вопрос, ныне решенный в отрицательном смысле (V Всероссийский съезд бактериологов и эпидемиологов в Москве в мае 1921 г.); далее статьи проф. *Максимович*, *Козловой* и *Афанасьевой* по реакции Weil Felix-Wiener'a и *Фризе* «К гематологии сыпного тифа».

Третий сборник *«Одесский сборник по сыпному тифу»*, вышедший также в 1920 г., содержит лишь две работы: прив.-доц. *Кронтовского* «Современное учение о сыпном тифе» и в приложении дан перевод работы проф. Gotschlich'a «Борьба с сыпным тифом». В статье Кронтовского дается полное и основанное на последних заграничных материалах изложение современных сведений о биологических свойствах вируса сыпного тифа, патогенез сыпного тифа, иммунитет и, наконец, вирус в организме вши и биология этих последних.

В 1919 и 1920 г. вышли в Харькове особые увеличенные № № журнала *«Врачебное Дело»*, посвященные сыпному тифу. Первый № (двойной № 14—15 от 20 июня 1919 г.) и второй (девятерной № 12—20 от 1 декабря 1920 г.) дают обширный материал по сыпному тифу. Статьи проф. *Шатилова*, проф. *Фавра* (оба погибли затем от сыпного тифа), проф. *Коршуна* и др.—в первом №; статьи проф. *Кричевского* («О возбудителе сыпного тифа»), дающего очерк его экспериментальных работ в области открытия нового специфического микроба сыпного тифа, проф. *Еленевского*, *Дыхно*, проф. *Тринклер*, *Давиденкова*, *Кагдыба* и др.—во втором №, составляют лишь часть обширного материала этих номеров.

В общем в списке печатных работ по сыпному тифу не хватает Москвы. Типографские условия задержали здесь выход в свет двух сборников московских авторов, посвященных той же теме. Первый сборник сдан в печать еще в 1920 г., второй—является результатом Всероссийского съезда по сыпному тифу, бывшего в Москве в 1920 г. (25—31 августа). Труды этого съезда, составляющие около 25 печатных листов, должны были выйти в свет в конце 1921 г.

До сих пор не все научные вопросы по сыпному тифу разрешены; не открыт пока и возбудитель этой болезни; но в сущности все предварительные работы для этого проделаны. Россия имела печальную привилегию быть очагом сыпно-тифозных эпидемий; остается пожелать, чтобы эта привилегия сменилась другой, более почетной,—привилегией страны, давшей разрешение основным загадкам и неясностям в области наших знаний о сыпном тифе.

Д-р А. Сысин.

ХОЛЕРА. Циркуляры, инструкции и приказы Народного Комиссариата Здравоохранения и Главного Военно-Санитарного Управления о мероприятиях по борьбе с холерой. Издание Санитарно-Эпидемиологического Отдела Н. К. З. Государственное Издательство. 1921 г.

Сборник «Холера», изданный Санитарно-Эпидемиологическим Отделом Н. К. З., содержит все циркуляры, инструкции и приказы, имеющие целью проведение в жизнь мероприятий, направленных на борьбу с холерой, как в

подготовительный период, так и во время вспышек холерных заболеваний.

Все эти меры воздействия, как путем приказов и циркуляров, так и путем широко-поставленной санитарной агитационно просветительной работы, имели непосредственным результатом, как ограничение заболеваний в местах вспышек, так и предупреждение их в соседних с ними областях.

Инструкции точны и жизненны, приказы обоснованны и решительны; различные правила: о взятии и пересылке объектов подозрительных по холере, о хлорировании питьевой воды, о порядке производства дезинфекции подвижных составов поездов, об организации саннятерок формулированы в точных и ясных выражениях.

Сборник «Холера» является настольной книгой для лиц медперсонала, ведущих непосредственную борьбу с холерой.

В виду возможности новых вспышек холеры весной 1922 г., благодаря голоду, охватившему Поволожье, издание сборника надо признать вполне своевременным.

К сожалению, объявленного в оглавлении списка изданий Н. К. З. по холере в сборнике нет, но зато имеется необъявленный в оглавлении перечень санитарных мероприятий, на которые должны обращать внимание саннятерки, организованные по приказу Р. В. С. Р. и Наркомздрава 1921 за № 214.

Е. Трапезонцева.

В. М. БРОННЕР. О стригущем лишае для воспитателей, педагогов и родителей. Гос. Изд. 1921 г. (10.000 экз.) 14 стр.

За последние годы войн и связанных и ними переселений, в Российской Республике весьма сильно распространились среди детей различные грибковые заболевания волосистой части головы. Экономическая разруха, недостаток мыла, дров, машинок для стрижки, с одной стороны, и отвлечение большого количества врачей на фронт—с другой, не дают возможности предупреждать и лечить эти болезни так, как бы хотелось. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы сам персонал детских учреждений замечал первые симптомы этих заболеваний и умел принять во-время должные меры, потому что, принятые с самого начала, они легко могут прекратить в короткий срок болезнь. Позже будет очень трудно ее лечить!

А потому появление брошюры д-ра Броннера надо горячо приветствовать и пожелать широкого распространения среди тех, кому она предназначена. Брошюра—в 14 страничек, написанная доступным языком, содержит описание передачи стригущего лишая и парши, их признаки и течение, профилактику и лечение.

Д-р В. А. Поспелов.

Д-р Л. С. НОВОТЕЛЬНИКОВ. Вечные враги нашего здоровья и борьба с ними. Государственное Издательство. Петербург., 1920 г. Стр. 27.

Пронесшиеся над Р. С. Ф. С. Р. в период 1918—20 гг. тяжелые инфекционные болезни, главным образом, сыпной тиф, вызвали появление целого ряда книг и брошюр, посвященных вопросу о причинах появления таких тяжелых эпидемий и методах и способах их предупреждения и распространения.

В указанной брошюре трактуется о возбудителях заразных заболеваний, переносчиках зараз, об условиях их жизни и развития, о способах их уничтожения и т. д.

При составлении своей брошюры автор, очевидно, рассчитывал ознакомить широкие массы с основными моментами в истории возникновения и распространения инфекционных болезней. Но он не совсем справился со своей задачей.

Не справился потому, что слишком много внимания уделяет вопросам, которые, во-первых, недоступны пониманию большого круга читателей, а во-вторых, эти вопросы не являются главными существенными моментами в профилактике заразных болезней.

Автор говорит много о способах приготовления питательных средств для выращивания микробов, о гистологи-

ческих элементах крови, о фагоцитозе и т. п.

В краткой брошюре, которая должна знакомить широкий круг читателей с главными, основными причинными моментами появления и распространения эпидемий тифов и методами их предупреждения, следовало бы больше внимания уделить вопросам санитарно-гигиеническим, играющим главную роль в процессе борьбы с эпидемиями.

Изложена брошюра языком вполне ясным и популярным, и с этой стороны она является вполне доступной для широкого круга читателей.

А. Шнеерсон.

Проф. Г. И. МЕЩЕРСКИЙ. Программа для чтений по венерическим болезням.—В. М. БРОННЕР. Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями (конспект для чтения).—И. М. МАЛЫШЕВ и В. М. БРОННЕР. Пояснения к диапозитивам. Гос. Изд. 1921 г. Н. К. З. Венерологическая Секция Отд. Сан. Просв. Серия в помощь лектору.

Каждый день приходится слышать просьбы врачей, инструкторов по санпросвещению и т. п. дать им программу или конспект лекций по венерическим болезням. До сих пор в центре мы таких программ не имели. Кое-где на периферии, напр., на Зап. фронте, Отделами Санитарного Просвещения подобные попытки делались. Вот почему надо считать крайне своевременным появление в Н. К. З. подобной руководящей брошюры. Хорошо изданная, на 43 страницах, она заключает, по нашему мнению, все то, что может пригодиться для лектора, будь то специалист венеролог, или же не специалист. В первой части профессором Г. И. Мещерским мастерски, в сжатом виде, обрисован со всех сторон сифилис, мягкий шанкр и перелой со всеми их последствиями; даны наиболее существенные статистические справки: лектору остается лишь развить по своему желанию и согласно с аудиторией данный материал. Часть, написанная тов. Броннером, есть подход к объяснению венерических болезней с точки зрения социалистического учения. В последней части имеется, составленный д-ром Малышевым, перечень 60 диапозитивов по венерическим болезням с кратким пояснительным текстом, которым лектор может воспользоваться, показывая диапозитивы. Этот текст может быть использован даже, напр., сельским учителем. Надо пожелать скорейшего распространения данной брошюры.

Д-р В. А. Поспелов.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

И. ГЛИВЕНКО. Данте Алигиери. Изд. Литомуза. Стр. 32.

Небольшая книжечка проф. И. И. Гливенко (написанная к 600-летию со дня смерти Данте) имеет целью ознакомить нового читателя, о Данте разве только слышавшего, с его жизнью и поэзией, в форме наивозможно более общедоступной. Очерк проф. Гливенко написан, несомненно, достаточно просто и популярно и вполне может выполнить свое назначение элементарной пропедевтики к Данте. Но уж если иметь в виду читателя мало подготовленного, то следовало бы или совершенно не упоминать о ряде фактов и имен, нуждающихся хотя бы в сжатом пояснении, или, если упоминать, то снабжать их коротеньким комментарием. Читатель, несомненно, спросит, почему Флоренция воевала с аретинцами и пизанцами (6), кто такой друг Данте Кавальканти (8) или Стоций (21), он, конечно, захочет узнать, что это за «рассказ об Уголино» (28), а может-быть, спросит еще, что такое «канцона» (10). Полагаем, что читатель, вероятно, будет недоумевать, почему самоубийцы превращаются именно в деревья (19), следовало хотя бы вкратце уяснить, что адская мука, по Данте, это не что иное, как увековечение психического состояния, в котором пребывает грешник

на земле. И, наконец, недостаточно ознакомить нового читателя с биографией и содержанием творений Данте, необходимо дать ему понять или, по крайней мере, почувствовать, что поэт был сыном своего времени, что его творения—зеркало, отражающее культурную жизнь эпохи. Ведь если Маркс так любил перечитывать Данте, то не только потому, что он был большой художник, но и потому, что творения его, как творения Гомера, Шекспира и Бальзака (других любимцев Маркса), воссоздают целую эпоху, конец средневековья, с его социально политическою борьбою, религиозными сомнениями и исканиями, научно-философскими и художественными достижениями.

В. Фриче.

НЕСТЕР КОТЛЯРЕВСКИЙ. Девятнадцатый век. Отражение его основных мыслей и настроений в условном художественном творчестве на Западе. «Наука и Школа». Петербург, 1921 г.

Главное заблуждение автора этой книги—его уверенность, что вся Западная Европа населена одинаковыми людьми, или, во всяком случае, людьми, которые тождественно мыслят, веруют, чувствуют и рассуждают. Поэтому слово «люди» самое употребительное слово в этой книге.

«Вера в прогресс попрежнему жива в людях»... (269).

«В 30-ые и 40-ые года, когда с таким пафосом люди относились к процессу жизни»... (270).

«Даже в эти годы культа суровой реальности люди гораздо больше верили»... (270).

«...люди издавна условились называть добром и нравственностью» (271) и т. д.

Другое заблуждение автора этой книги—его уверенность в том, что все эти одинаково мыслящие и чувствующие «люди», населяющие Западную Европу, мыслят и чувствуют именно так, как мыслит и чувствует он, автор повествования о XIX веке. Поэтому время от времени он заменяет слово «люди» местоимением «мы». На тех же двух страницах, откуда взяты вышеприведенные заключения о «людях», сообщается, что «мы давно уже привыкли решать нравственные и религиозные вопросы, как совершенно независимые друг от друга»... «что большие сомнения и опасения обступают нас, когда мы начинаем думать о том нравственном уровне, на каком находится наша современная блестящая культура»..., что «мы не любим теперь таких развязок»... и т. д.

И, наконец, третий, самый главный недостаток этой книги, естественно вытекающий из двух первых,—это то замечательное явление, что любое из утверждений автора можно превратить в противоположное, и оно не станет от того ни менее убедительным, ни менее доказательным. Напр., «в конце XVIII века в образованных людях самых разных миросозерцаний, в сентиментальных типах Руссо, рационалистах типа Вольтера, в материалистах и энциклопедистах, была крепка вера в нравственную силу человека... в эпоху революции эта же вера преобразила людей (опять людей. *П. К.*) в исступленных фанатиков социальной справедливости, устанавливаемой свободной волей человека»... (270). Оказывается, теперь эта вера в человека поколебалась, и «мы» уже теперь не верим в нравственный рост человечества так, как «люди» раньше верили.

Едва ли нужно доказывать, что противоположная мысль, т.-е. утверждение, будто именно теперь «люди» верят в нравственную силу человека, а в конце XVIII века не верили, имеет ровно столько же цены, как и мысль академика Котляревского. Стоит только вспомнить Бомарше или вольтеровского «Кандида», или шиллеровских «Разбойников», а из современных писателей Ибсена,—и всюду вместо «да» с успехом можно будет начертать «нет». Мы уже не упоминаем о «фанатиках социальной справедливости». Вероятно, автор так загляделся на Робеспьера и Дантона, что не заметил ни парижских коммунаров, ни Либкнехта, ни Розы Люксембург.

Столь же убедительны заявления автора, что «гневных обличителей текущей жизни среди нас немного», что в наши дни «художник желает остаться исключительно художником», что «ему дорога одна лишь красота, которая не должна знать никакой морали и для которой высший единственный закон — ее художественное совершенство». Оказывается

раньше в области морали все было «просто и ясно», хотя, «может-быть, и условно», а именно, «признание известного порядка мыслей, чувств и поступков «добрыми», а противоположных им—«злыми». В наши дни все это «страшно усложнилось и запуталось».

Дальше этих обывательских суждений итти некуда. Неужели Нестор Котляревский не знает, что вопросы о добре и зле никогда не были простыми и ясными, что понятие о художнике—«исключительно художнике» и о «чистой красоте», не связанной с моралью, занимало видное место в миросозерцании иенских романтиков и в «cénacle» Шарля Нодье и вообще в европейском романтизме, что торжество тенденциозной и морализирующей литературы начинается повсюду в Европе по мере приближения ко второй половине XIX века, в Англии в лице Диккенса и Теккере; во Франции — Жорж-Занда, Бальзака, Гюго; в Германии—«молодых германцев», особенно Берне, Гуцкова; в России—сначала Белинского, а позднее — шестидесятников и народников и т. д. Правда, с широким распространением модернизма или неоромантизма опять торжествуют принципы «чистой красоты», но против них ведется ожесточенная борьба, выдвинувшая в конце века замечательных писателей (Гауптман, Ромен-Ролан, Барбюс и т. д.).

Говорить о том, что принцип «чистой красоты» появился или утвердился только в наши дни, что раньше идейное направление преобладало в литературе—значит, совершенно не знать процесса ее развития, не понимать, что на протяжении всего XIX столетия идет жестокая борьба между романтизмом и реализмом, тесно связанная с общественными противоречиями века.

Автор не разбирается в интересах и психологии разных общественных групп, поэтому его обобщения носят ребячески легкомысленный характер. Вот образчики таких построений, объединяющих в общую кучу века и даже не народы, а целые материки: «XVIII век, в его наиболее типичных культурных представителях, был веком нерелигиозным, свободомыслящим, нередко атеистическим, веком первых побед всевозможных (?) наук над традициями совсем ненаучной мысли прошлых столетий и веком юношеской, полной энтузиазма, уверенности человека в силе своего ума, а главное—в силе свободного воздействия человека на ход жизни, какой он живет, и в особенности, какой он будет жить в грядущем» (62—63). И дальше все в таком же роде. Автор столько расплывчатого и аморфного нагромоздил здесь, что без всякого ущерба для убедительности и ясности вместо XVIII века можно поставить в выше приведенной цитате XVII, XVI или XIX век.

Неудивительно, что, при такой легкости в определениях, книга полна противоречий. Явление, рост которого автор утверждает на одной странице, оказывается идущим на понижение в другом месте книги. Так, по поводу понизившейся, якобы, веры в нравственную стойкость человека (о чем говорится на стр. 270) автор совершенно иное говорит в предисловии (стр. VIII): «XIX век поднялся на необычайную, до него неведомую высоту в своем представлении об автономной, умственной и нравственной силе человека». Итак, Вольтер, Руссо и пр. не добрались до этой «неведомой» им высоты!

Книга Нестора Котляревского—образчик отжитых методов исследования литературных явлений. И если она чем-нибудь полезна, то тем, что доводит их до абсурда. Чем очевиднее выставлена бесплодность и никчемность сумбурных разглагольствований этого типа, тем скорее история литературы освободится от пережитков прошлого.

Проф. П. С. Коган.

В. ЛЬВОВ - РОГАЧЕВСКИЙ. Очерки по истории новейшей русской литературы (1881—1919 гг.) Изд. Всерос. Центр. Союза Потребит. Обществ. Москва, 1920 г. 140 стр.

Львов-Рогачевский умеет находить интересные темы для своих работ. Года два назад он выпустил книжку «Поэзия новой России», в которой попытался дать критическое обозрение рабочей и крестьянской поэзии; данной книжкой он восполняет пробел, так как в нашей литературе не было конспективного, доступного широким массам обзора, ха-

рактеризующего литературу последних сорока лет.

Книжка найдет своего жаждущего читателя и, несомненно, даст ему довольно живую картину развития и смены настроений в нашей художественной литературе указанного времени. И даже больше. Поскольку автор расширяет свою тему, читатель вспомнит старые дворянские усадьбы Онегиных, Лаврецких, Обломовых, Нехлюдовых и т. д. Встретится он и с Чацким, восставшим против Фамусова, и с Помяловским, который после белой горячки в больнице к сроку для «Современника» день и ночь пишет свою повесть,—с Некрасовым, Левитовым, Решетниковым, Успенским и другими, которые в противовес «обаятельным диалектикам» 40-х годов выдвинули лозунг: «живое дело, вместо слов», и бросили в глаза обществу голую, неподдельную правду живой жизни. Прочтет он о борьбе в литературе, как и в жизни, двух начал—городского и деревенского,—о каратаевщине, абрамовщине и о многом и многих других, которых по существу очерков лучше бы и не упоминать.

Автор намерен «проследить изменение литературных форм и стиля, содержания и основных идей в зависимости от изменяющейся социальной среды и основы экономического и политического господства». Несмотря на весь интерес к «Очеркам», надо констатировать, что поставленную задачу автор в полной и нужной мере не разрешил. Не разрешил отчасти потому, что он слишком примитивно, поверхностно пользовался методом исторического материализма, не углубляя своего анализа, а ограничиваясь довольно общими суждениями о развитии капитализма, марксизма, революционности общественных настроений и т. п. Отчасти из-за непропорциональности частей работы и загроможденности отдельных страниц побочными материалами из области литературных воспоминаний, которые к большей выгоде работы в смысле ее яркости и выпуклости могли быть совершенно опущены.

Вопрос же о форме и стиле остался совсем без освещения, если отбросить несколько встречающихся рассуждений, сводящихся по существу к простому констатированию факта смены литературных форм и стилей. А это вопрос весьма интересный, волнующий в наше время всю литературную молодежь без различия течений и направлений.

Особенно сильной схематичностью, иногда граничащей с «общими местами», страдают главы о крестьянской и пролетарской поэзии. Та и другая имеют свою историю. И эта история в должной мере не выяснена ни в прежней работе, посвященной исключительно этому вопросу, ни в данной. Следовало бы проследить, например, развитие рабочей поэзии, в связи с развитием капитализма и рабочего движения, шаг за шагом, начиная с периода первоначального накопления и кончая днями пролетарской диктатуры. Материал есть, и он дал бы целостную картину развития пролетарской идеологии в поэзии, а также и картину овладения литературными формами. И этот путь, единственно правильный путь, не привел бы автора к недопустимым промахам—устанавливать периоды пролетарской литературы в зависимости от выхода тех или иных литературных сборников, в которых печатались вещи, написанные значительно раньше. Благодаря такому подходу, автор насчитал в развитии пролетарской литературы три периода только с 1905—8 годов. В силу все той же основной ошибки, он совершенно умолчал о Шкулеве, рабочем 80-х годов, о Савине, рабочем 90-х годов, о Гмыреве, умершем в 1911 году 25 лет отроду, но зато незаслуженно много уделяет места Лукашину, двумя-тремя словами обмолвившись о рабочем-стекольнике Нечаеве, 30-летний юбилей литературной деятельности которого прошел нынешним летом с такою сердечностью.

К лучшим страницам книги нужно отнести главы о В. Вересаеве, Б. Зайцеве, об А. Куприне, С. Сергееве-Ценском и Л. Андрееве. Старые литературные силуэты этих лиц, поставленные рядом, ярко оттеняют друг друга, особенно если взять за основной фон творчество В. Вересаева, от «бездорожья» пришедшего к «повороту», а отсюда «к живой жизни»,—писателя, сумевшего преломить в своем творчестве последние этапы русской общественной мысли в

ее марксистском направлении. Мало внимания уделено графу А. Толстому. А художник он весьма интересный. Не со всеми суждениями можно согласиться и в этих главах. Автор сравнивает настроения Б. Зайцева с «бледно-зелеными акварелями» Тургенева, от которых веет усталостью «довольно». Это не совсем так, и Львов-Рогачевский не доказал этого. Не уделил он должного внимания чеховским элементам в творчестве Зайцева, а они у него временами значительны. Рисуя Л. Андреева, как «Ивана Карамазова русской литературы» и увлекшись этой параллелью, автор не оттенил и не подчеркнул анархистских моментов в творчестве художника и не дал фона тех общественных условий, среди которых вырос этот «художник колеблющихся слоев интеллигенции».

Отметим лишь дополнительную главу о группе символистов старшего и младшего поколений, об эгофутуристах, имажинистах и адамистах. Как и вся книга, эта глава может служить хорошим конспектом при изучении вопроса.

Валериан Полянский.

Е. ЛЕВИНЭ-НИССЕН. Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов. Петербург. Гос. Изд. Стр. 58. Цена 60 р.

Книжка погибшего за дело рабочей революции коммуниста Е. Левинэ-Ниссен, написанная, очевидно, во время империалистической бойни, ставит своей задачей доказать, что утверждение империалистов, будто человечество всегда не только воевало, но и любило воевать, представляет одну из обычных уловок господствующих классов—заставить трудящиеся массы таскать для них из огня каштаны, тогда как сами трудящиеся к войне относились совершенно отрицательно, как о том свидетельствует поэтическое творчество всех народов мира. Автор приводит очень многочисленные и подчас чрезвычайно колоритные цитаты из жизни индусов, греков, римлян, евреев, китайцев, германцев, французов, славян. На ряду с произведениями безусловно народными и «народными» до известной степени, автор приводит и мнения о войне и мире поэтов и философов, не могущих считаться представителями именно трудящихся масс. Конечно, здесь есть пробелы. Например, говоря об Италии, автор ограничивается приведением нескольких пословиц против войны, можно было бы указать в этой главе, где говорится о Вольтере, на пьесу Гольдони «Война» с ее определенно-отрицательным отношением к войне; жаль, что не упомянуто великолепное антимилитаристическое выступление Байрона в «Дон Жуане», и если цитировать Мирбо, почему умалчивать о Золя (от Contes à Ninon до «Разгрома» и «Труда»). Но, конечно, всего не процитируешь. Однако, если тема гласит: отражение народных мнений о войне в поэзии, то следовало ли приводить мнения писателей не народных, а если их цитировать, то не следовало ли бы в каждом отдельном случае выявить и причину их антивоенного настроения. Так, для примера, миролюбие Аристофана есть лишь другая сторона его вражды к афинской демократии с ее империалистической программой внешней политики. С другой же стороны, если воинственность достигла своего апогея в XIX в., если в этом повинен, как указывает автор, капитализм (в его новейшей стадии развития), то буржуазия не всегда была настроена в пользу войны, напротив, в период зарождения промышленно-капиталистического общества она грезила о будущем, как о картине мирного труда и международного единения, а потому певцами мира были и ее философы и поэты (в XVIII и нач. XIX в.). Встречаются и утверждения едва ли правильные. «Слово о полку Игореве» едва ли можно истолковать, как антивоенную поэму, и если Игорь в ней порицается, то не за то, что он начал войну, а за то, что он начал ее сепаратно, как свое дело, тогда как, по мнению автора песни, она была делом национальным, в котором должны были участвовать все русские князья.

При всех указанных недостатках книжка Левинэ-Ниссена, живо написанная, представляет значительную ценность, как первая, если не ошибаюсь, сводка мнений о войне, запечатленных

в поэтическом творчестве всех наций и народов.

В. Фриче.

В. ЖИРМУНСКИЙ. Композиция лирических стихотворений. К-во «Опояз». Сборники по теории поэтического языка. Петербург, 1921. Стр. 112.

Целый ряд авторов, из которых немало людей достаточно серьезных—к таковым принадлежит и автор разбираемой книги, занят ныне разработкой вопросов поэтического языка, стиля, ритма и т. п. Но очень трудно сказать, можем ли мы теперь сделать что-нибудь кроме выяснения границ поставленных задач. Исследований много, материала, судя на глаз, переработано немало, читатель же почти всегда с одинаковым огорчением должен констатировать великую мизерность результатов, нимало не совпадающую с весьма громоздким и с внешней стороны, казалось бы, очень ухищренно обставленным аппаратом исследователей. Есть тому и легко улавливаемые причины общего свойства. Несомненно, интерес к формальным сторонам словесного искусства был поднят символистами, их влияние еще не изжито в нашей области, пресловутая «утонченность», сводящаяся практически к выкапыванию и коллекционированию разного рода раритетов (к какой бы области таковые не относились), словесных фокусов и мыслительного жонглерства (неприятного тем, что оно ловко и до конца опустошает сущность обволакиваемого им явления или автора),—все это остается и живет кое у кого из современных исследователей. Развязный Шкловский опоен эстетизмом такого сорта и, кажется, безнадежно. Но этого нельзя сказать о Жирмунском: эстетизма у него мало, он существует в простейших формах и потому мало мешает. Книга Жирмунского—результат очень добросовестной работы, но вот вам цитата: «Над ритмом, как явлением фонетическим, и над синтаксисом стоит высший закон, который управляет и тем и другим. Это закон художественного упорядочения словесного материала, его композиционного построения, которому одинаково подчиняются и фонетика и синтаксис. Композиционные формы лирического стихотворения определяются конкретными применениями этого закона». Этими словами заканчивается книга. Стоило ли «огород городить» для того, чтоб прийти к таким выводам? Да и выводы ли это,—конечно: это положения априорные, несомненно, бесспорные (хотя бесспорность эта в значительной степени обусловлена высокой общностью этих положений), вообще говоря, не противоречащие предложенному нам автором материалу, но и ни в какой степени его не поддерживающие. При таком положении вещей исследование разбивается на две, ничем не связанные части: материал и личные взгляды автора на природу поэтического языка. И если что на что действует, так, конечно, это скорей вторая часть на первую, а уж никак не первая на вторую, как бы оно полагалось в наукообразном сочинении. А в общем все представляет собой нечто весьма не упорядоченное. И мы вернемся к тому, с чего начали, спросив,—вина ли это авторов, метода или тех условий (главным образом, недостатка материала), в которых нам приходится работать? Всего бы удобнее свалить грех на условия... совесть только, пожалуй, замучает. Проф. Васильев в своей замечательной книге «Целое число», говоря об условиях писания книги, считает нужным указать, что вот-де он не привлекался к разгрузке дров, а все-таки книгу написал не так, как хотел бы. Конечно, не об этих условиях говорим здесь мы, а все ж полезно глянуть на «настоящих», всамделишных ученых, как вот эти-то таинственные люди оборачиваются. И нам представляется, что значительная доля вины за безрезультатность работ по поэтике должна быть отнесена на счет *метода*. Пока что, в ожидании светлого будущего, мы пробавляемся описанием, к которому примешана твердая уверенность в аподиктичности наших презумпций в поэзии и неменьшая уверенность в том, что формальная сторона поэзии автономна по отношению ко всем остальным сторонам той же поэзии, будь то содержание, либо, наконец, энигматическое энергетическое

начало. И, в конце-концов, читателю было бы много полезнее и интереснее, если бы ему дали книжку, где было бы изложено положение современных взглядов на поэзию в общем и целом, а не предлагался бы хаос наблюдений, хотя бы все это было в известной мере и субъективно, все же это лучше, чем весьма «объективные», но решительно ничего не говорящие ни уму, ни сердцу «исследования» в роде «повторов» Брика. Есть, конечно, еще выход: крупные, систематические обследования, как, напр., трехтомный труд Веррье о ритме в английской поэзии,—но скоро ли мы таких дождемся с нашими замашками!

Итак, говорить о Жирмунском можно лишь по частным поводам, его книга всего лишь сводка материалов, с которыми он по тем или иным причинам имел дело. Материал, нужно сказать, собран богатый и довольно разносторонний. Однако, некоторые принципиальные вопросы требуют особого рассмотрения. Автор почти не касается вопросов ритмических (хотя то, что он говорит о них, обличает в нем здравость суждений и грамотность), строфу он определяет «как единицу метрической композиции, состоящую из ряда стихов, расположенных по известному закону и повторяющихся в том же порядке». Таким образом,строфа для автора не объединяется ритмически, что, вероятно, неправильно. Нет оснований предполагать, что возможно как-либо разделить рифмическую схему строфы (это-то и называет строфой Жирмунский) и ее ритмическое содержание. Имеются основания думать, что строфа есть ритмическое единство в двух смыслах: 1) место строки в строфе определяет в некоторой степени ее ритмическую форму (ускорения, замедления, междусловесные перерывы, слоры; их конфигурации, гомофоническая сторона); 2) только что перечисленный в скобках ритмический материал объединяется последовательно в: а) стопу, б) диподию, в) строку (сколон) и через объединения промежуточного типа, г) строфу. Почему мы настаиваем на таком, а не другом определении строфы,—потому, что так она определяется через первичный ритмический материал. Все это мы ведем к тому, чтобы указать, что Жирмунский недостаточно точно определяет границы своего обследования и просто даже—предмет такового. Он не касается ритмической стороны, он не касается строфики, как классификации видов строфы. Он, по его словам, имеет в виду «морфологию композиционных приемов»,—но что называть таким приемом? Просто повторение таких-то и таких-то слов или принимать во внимание (чего не делает автор) ритмическое сродство? Считать ли употребление определенных «композиционных» типов (как рондо) за композицию, или искать ее в сравнительно вольном сооружении (бесчисленные примеры у Фета); считать ли, наконец, вообще ход параллелизма и повторения за ходы чисто-композиционные, или ритмико-строфические? Вот ряд недоумений, возникающих перед книгой Жирмунского,—им они никак не разрешаются и даже не ставятся, как терминологические проблемы.

Автор на это, вероятно, ответил бы нам, что он так-то и так-то ограничивал свою задачу и что, ритмические, напр., части стиха в его рассмотрение не входят, тем паче, что он даже указывает, что стилистического смысла «композиционных» построений он не касается. Однако, разграничивать задачу подобным образом можно было бы в очень развившейся науке, где с некоторой долей очевидности возможно установить границы компетенции отдельных дисциплин. Теперь же, в нашей науке, где пока еще основные вопросы ритмического строения, очевидно, неясны, такая мелкая градация вызывает только путаницу. Эта методологическая неясность отражается с полной определенностью и на всем остальном. Она-то и заставляет автора при отсутствии путного объяснения констатированному явлению загромождать свои страницы голословными указаниями, как, напр., утверждение, что строфа типа «абба» будто бы обладает «большей внутренней замкнутостью» (стр. 16),—утверждение, опирающееся на внешний вид строфы, и только на него, ибо никаких звуковых оснований для таких утверждений не имеется. А таких и сходных утверждений у автора не мало. Говоря о стихотворении Пушкина «Для берегов отчизны дальней» автор излагает самым незамысловатым

образом (на троечку, первый класс второй ступени) его «композицию» и говорит: что вот-де пример необыкновенно гармоничного распределения томатического и синтаксического материала, какое мы обычно находим в лирике Пушкина (стр. 19). Не говоря уже о блестящем сопоставлении эпитетов «необыкновенно» и «обычно», интересно было бы узнать, ведомо ли автору, что некто в «Журнале Мин-ва Нар. Просвещения» теми же приемами «доказал» «необыкновенную» гармоничность Голенищева-Кутузова и что вообще... доказывает ли связность изложения связность излагаемого? Конечно, приятно узнать, что тов. Жирмунский ничего не имеет против лирики Пушкина, но об этом он мог бы извѣстить русских читателей и менее помпезным образом и, главное, без лишних разговоров о «композиции». Стр. 52 говорит о «концовке» детально, сложно, применяя отдельный случай к принципиальному выяснению вопроса: масса терминов, а в общем рассказ о том, как ходит Карапет: поднимает Карапет ногу, опускает ногу, ставит на землю, а потом он опять поднимает ногу... и т. д. То же о фигуре кольца: «вариации словесного состава повторений тесно связаны с той вариацией функции...» и пр. (68)—путаница классическая, уже не упоминая о «вариации функции» (бедная функция!),—поставив себе «композиционную» задачу, любой стихотворец должен ей следовать, но тема и неожиданные находки, вырастающие в процессе писания, иной раз не позволяют это сделать,—вот и все. А у Жирмунского уже целая теория и «печатный труд». Стр. 80,—«спираль» (соединенные анафоры и эпифоры) объясняется, как прием «принципиально своеобразный», а почему это так,—секрет автора. Нашел он этих «спиралей» четыре штуки, а разговоров о них на целую главу. То же о «внутренней анафоре»; примерами коей служат самые скучные из Брюсовских стихов. Это искательство новых видов и терминов ужасно как напоминает Брюсовскую же «Науку о стихе»,—на наш взгляд русской науке больше одной такой книги не требуется, и от Жирмунского можно было бы требовать большего, чем «спецовская флюсоднобокость» по Пруткову. И часто автор запутывает довольно простые вопросы своей терминологией и страстью к объяснительству: так в конец завернено дело о концовке на стр. 51, где автор старательно хочет уверить нас, что Фет и Баратынский писали с логарифмической линеечкой в руках, когда все объясняется просто условиями *возникновения* стиха, а не конструктивными особенностями данной формы. Этого, решающего в данном случае, обстоятельства автор почему-то не замечает, хотя трудно придумать что-нибудь проще.

Общее отсутствие принципа заставляет автора делать массу очень странных ошибок. Не раз и не два читатель замечает, как автор объединяет различные явления и разделяет сходные,—его анализ столь скрупулезен, с одной стороны, и столь элементарен—с другой, что однажды он применяет данный термин (или выражение) так, другой—иначе. Может-быть, было бы полезнее ввести хотя бы указание функции, выполняемой таким-то ходом, эстетической даже.—Автор рассматривает стихи, главным образом, Фета (у которого, по его подсчетам, вдвое больше повторений, чем у Пушкина). Для Фета характерно в высшей степени пристрастие ко всяким «сложным» рифмовкам, повторениям, как отдельных строк, так и целых стихов, попросту говоря к дешевым украшениям стиха, что и создает в большой мере эту приторность поэзии Фета, за которой многие проглядывают его несомненные достоинства. Разъясняет ли дело «композиции» рассмотрение таких формально-«правильных» построений? Надо полагать, что такой материал и операции над ним только дают весьма однобокое и далеко неправильное представление о деле. Так, автор плывет по линии наименьшего сопротивления, а результаты сего сказываются—и тут и там. Нередко, забывая о том, что стихи пишет живой человек, и отбрасывая его эстетические суждения, автор ударяется в сторону необычайно сложных умозаключений, когда дело куда как просто. Разбирается стихотворение Фета «Уноси мое сердце»... Чего только там не находит автор! А на самом деле просто стихотворец повторил в конце самые удачные и самые важные, по внутренней теме,

стихи поэмы. Жирмунский удивляется, почему эта данная форма не канонизовалась... Форма не канонизовалась потому, что тогда бы получились такие святцы, что с ними бы не управился и весь «Опояз», а принцип (указанный нами) давно канонизован. — Жирмунский рассматривает стих, как нечто самодовлеющее, стационарное, как какую-то «независимую переменную»; этот метод, может-быть, и годился бы в приложении к искусствам пластическим, но во временных искусствах, где как сочинение, так и абсорбирование произведений оных, имеет единицей время, он приводит только к путанице и никчемному описательству. Грубовато сопоставляет Жирмунский у Фета (стр. 28) простейшие случаи явного совпадения синтаксиса с грубыми мелодическими формами. Стр. 31 он пытается уловить законы распадения параллелизмов и разнообразие аналогичных вариаций, опуская обстоятельства причинного свойства нацело определяющие положение вещей, в большинстве таких «отступлений», где композиционная вязь распадается под влиянием сюжетных либо орнаментационных усложнений. Существенно важным нам кажется отметить, что точно проведенные повторения (любого узора) приводят постепенно к стихотворениям полушуточным (стр. 33). Различие меж «явной» (словарной) и «скрытой» (смысловой) анафорами (стр. 35) кажется Жирмунскому несущественным и с его точки зрения оно говорит лишь о сродстве их. Это кажется нам неправильным: смысловая анафора дает больше простора поэту и потому относится к серьезным ходам стиха, стеснительность словарной приводит к орнаментации юмореска. Автор скажет, что он этой стороны не касался... но только этой стороны и стоит касаться. «Внутренняя» анафора представляет собой малозначительный фокус. Об эпифоре автор (стр. 50) говорит подробно, обследуя ее внедрение в тело стиха,— опять-таки все это лежит в условиях создания поэмы: эпифорическое закругление требует такого-то обращения с материалом,—все дело в данном материале, выдерживает ли он это закругление или нет? Чем менее приспособлен материал к этому закруглению, тем большие отступления от схемы могут быть обнаружены. Трагическое содержание Пушкина не может быть изломано припевиками, с другой стороны, Фет хорош там, где забывает о необходимости быть подкрашенным и лессироваться грубыми концовочками, где они у него вырастают сами по себе. Интересно обследование «кольца»... боимся только, что трудно будет указать стихотворение, где бы этого самого «кольца» вовсе не оказалось бы... В приводимом стихотворении Блока (стр. 67) любопытно именно, *как меняется* рефренообразная тема (это очень интересно прослеживается у Пушкина на переделках из пятистопного ямба в четырехстопный). Тут же цитируемое стих. Фета (балладного свойства, вот что важно) хоть и удовлетворяет формальной схеме кольца, но по резкости, обрывистости, с которой использован прием, говорит против автора, когда тот хочет доказать связь темы и композиции.

Но, несмотря на все эти «промахи», о которых мы уже говорили, что трудно решить, чему их приписать, и в которых в большей мере автор не повинен, книга Жирмунского представляет собой собрание очень интересного материала. Укажем кое-что: стр. 22—значение предлога «и» в разных формах и смыслах, то же дальше о «где», стр. 30—о парных периодах, стр. 34—характерно замечание, что Пушкин избегает повторений звукового характера (очень интересно), тут, может-быть, уместно отметить, что наша книжная лирика очень мало связана с песенной, исторически первая из второй не вытекает, — отсюда некоторая особая серьезность русской лирики и присущий ей философский характер. Интересно о чужеядности всяких композиционных украшений; на стр. 55 Жирмунский показывает, как кода выедает стих за стихом из основного тела стихотворения, превращая его в чисто мелодическое, в грубом смысле, сочинение. Любопытно было бы уследить: входит ли композиционная орнаментация в замыслы автора, является ли она результатом темы или, наконец, появляется независимо ни от автора, ни от темы. Материал по этому вопросу разрешил бы дело принципиально. Стр. 59 указывает на сравнитель-

ную «бедность» русской лирики орнаментационными приемами, — полагаем, что этому есть объяснение в указанной оторванности русской лирики от русской песни. Далее (61) говорится: «особенно характерно отсутствие эмоционального припева», что особенно подтверждает наше положение. Занимательно на стр. 71 сравнить два «кольцевых» стихотворения Фета и Полонского, где легко заметить, что облегченная нежесткая схема Фета воспринимается много легче. Несомненно, что грубоповторный Фет знаменовал собой некоторый декаданс,— недаром за ним—Мей, Надсон, Фруг. Интересно о «скрытом» кольце... Не совсем удачно то, что говорит автор о свободном стихе, примеры им взяты неудачно,—конечно, не Кузмин наш вэрлибрист. Неудачно и то, что говорится о «ритмической прозе»... сходного у стиха с прозой много, но еще больше различного: употребление длинных слов, которого избегает стих, столкновение масс неударных слогов, а главное: стих печатается короткими строчками, и за каждой такой строчкой стоит большая рифменная пауза, которой не знает проза.

В общем же нужно признать обследование Жирмунского весьма интересным и ценным. Надо надеяться, что в дальнейшем автор сможет дать обследования и более систематичные.

Сергей Бобров.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. Розанов. Из книги «Сюжет, как явление стиля». Из-во «Опояз» 1921 г. Петроград.

Брошюра В. Шкловского написана на модную нынче тему—это новый жанр критики, рассматривающей литературу как совокупность известных технических приемов письма. Собственно, Розанов заинтересовал автора только как создатель особой книги-дневника, книги, написанной на отдельных страничках, где попало, «как Бог на душу положит». Действительно, «Уединенные» и «Опавшие листья» после всевозможных стилизаций казались «самой душой», чем-то бесконечно, иногда излишне интимным, далеким от всякого сочинительства. Все эти черты и раньше отличали В. Розанова, но в этих случайно собранных листках они выступили сильней, осязательней, а вместе с ними тверже запомнился сложный и противоречивый образ писателя, о котором еще много будут говорить, писать и спорить. В. Шкловский прежде всего хочет рассеять наши иллюзии: все—литература, и все может быть подведено под известное правило рисунка и композиции. В. Розанов со своими «коробами» не составляет исключения: «я постарался показать,—говорит, Шкловский,—что «три короба» Розанова—произведение литературное. Указал также на характер одной из тем, преобладающих в книге,— это тема обыденщины, гимн частной жизни. Тема эта не дана в своем чистом виде, а использована для создания контрастов (27 стр.). Пока отметим, что «тема обыденщины» в книгах Розанова—открытие не новое. В свое время, кажется, Бердяев, назвал его «гениальным обывателем», и, пожалуй, не стоило этой чертой, очевидной и явной, заниматься, а тем более заподозривать ее в смысле «создания контрастов». Дальше мы найдем утверждение, что «план бытовой сменяется планом космическим, например, тема жены сменяется темой Аписа», а общий вывод таков: «таким образом, мы видим, что «три книги» Розанова представляют из себя некоторое композиционное единство типа романов, но без связывающей части мотивировки». Мы не станем оспаривать ни этого, ни этому подобных утверждений. Мы сомневаемся только в их необходимости, в их «научности», на которую, само собою, притязает критика, отбросившая все личное, субъективное. Однако, мы думаем, что наука—наукой, а смесь фельетона и науки—дело не нужное. Таков стиль всей брошюры. Не стоит на ряду с новыми открытиями занимать читателя цитатами из своей метрической выписи, в роде следующей: «мне минуло 28 лет 12 января». Эту развязность дурного тона давно пора оставить. В общем образ Розанова не выступил ярче, сложнее и ближе. Нам кажется, это неизбежно в тех случаях, когда художника рассматривают технически, подводя его под известные категории или приемы ре-

месла. Впрочем, брошюра Шкловского не достаточно строга, недостаточно выдержана, чтобы отвечать, как следует, последней цели. Она оставляет двойственное впечатление ненужного педантизма и брошенного на ветер остроумия.

К. Локс.

К. ЧУКОВСКИЙ. Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Петербург. Изд-во «Эпоха». 1922. Стр. 37.

Автора этой работы, как он сообщает в предисловии, всегда прельщали такие книги, как «Воображаемые разговоры» Уолтера Сэвэджа Лэндера или «Воображаемые портреты» Уолтера Патера. Он и задался целью, по обрывкам, намекам, случайным упоминаниям, разбросанным в мемуарной литературе, создать «воображаемый образ» Авдотьи Яковлевны Панаевой, воскресить облик женщины, которую когда-то любил Некрасов. Надо отдать справедливость автору, нарисовал он этот портрет мастерски. В этой работе Корней Чуковский предстает перед нами не столько в роли критика или историка, сколько художника. В этом смысле разбираемая книжка должна быть, пожалуй, отнесена к литературе художественной.

Работу эту почитатели и хранители «традиций», вероятно, будут бранить. Не за стиль автора, изящный, острый и, как всегда, стремительный и живой; не за тонкость работы, которую можно было бы порекомендовать многим, но, главным образом, за то обстоятельство, что Чуковский, игнорируя установившееся в среде историков литературы правило не касаться интимных сторон жизни писателя,—этими как раз сторонами и занялся. Истории литературы и в самом деле нет никакого смысла заниматься исследованием вопроса: грешил ли Некрасов, влюблялся ли в женщин, в каких именно—и т. д. и т. д. Все это лежит *вне* интересов исторических. Но К. Чуковский историко-литературных задач себе и не ставил. Его заинтересовали не идеи и не смена литературных форм, а живой человек, и потому-то материал, мимо которого проходили историки с полным равнодушием, как незаслуживающего внимания, под его пером получил значение чисто красочное: с его помощью он извлек из забвения образ женщины, в историческом смысле ничтожной, но любопытной по той роли, которую она сыграла в жизни поэта. Для личной биографии Некрасова работа Чуковского имеет, конечно, свое значение. Читается книжка с интересом—как все вообще его писания. Причиной является то, что в нем сидит большой беллетрист, и не совсем безосновательно одному из сборников своих статей он дал подзаголовок «Критические рассказы». Это в некоторой степени обезоруживает критику, направленную против «критических» писаний нашего автора: с ними трудно спорить, так как они не притязают на обязательность. Их можно или принять или отбросить. Но таланты, как и факты—великие нахалы: с ними ничего не поделаешь. Ничего не поделаешь и с Корнеем Чуковским: его «принимаешь» даже тогда, когда с ним не соглашаешься, потому что то, что он делает,—он делает мастерски и с талантом.

Вяч. Полонский.

А. Ф. КОНИ. Некрасов и Достоевский по личным воспоминаниям. Кооперат. Издат. литераторов и ученых. Петербург, 1921 г. 82 стр. 2.500 экз.

Столетняя годовщина со дня рождения двух великих русских людей, — поэта Н. А. Некрасова и писателя Ф. М. Достоевского, несмотря на тяжелые условия издательского дела, вызвала много литературы: критических статей, воспоминаний, биографий для широких масс и однодневных газет, типа журнала.

Книжка такого человека, как А. Ф. Кони, приковывает к себе внимание прежде всего. Во-первых, он прекрасно знал и Некрасова и Достоевского не только по литературе, рассказам современников, но и по личным встречам, которые так живо и ярко сохранились в памяти автора. Во-вторых, блестящее перо А. Ф. Кони, его теплота и задушевность, не переходящая в слащавую сентимен-

тальность, всегда вызывали интерес к автору, вызывают и сейчас.

И надо сказать, что всякий, знакомый с Некрасовым и Достоевским, прочтет воспоминания с большим наслаждением, освежив в своей памяти страдальческие облики двух замученных людей,—великих людей русской литературы. Прочтет не отрываясь, дополняя сложившиеся образы отдельными мелочами из жизни воспоминаемых.

Из этой книжки читатель узнает, между прочим, сколько хлопот и времени потратил А. Ф. Кони в переговорах и переписке с Новгородским земством, чтобы, выполняя посмертную волю сестры поэта, близ села Чудова в усадьбе «Лука» устроить школу имени Н. А. Некрасова. Дело тянулось десять лет. В 1906 году земство, не обращавшее внимание на школу, в виду ее неприглядности, постановило: «признать школу в настоящем ее виде нежелательной и поручить управе разработать вопрос или о реорганизации ее, или о совершенном закрытии». «Культурное» дворянство, управа, школу закрыла вовсе, а усадьба Некрасова сдана в аренду подрядчику рабочей артели с ближайшей плитной ломки.

В главе о Ф. М. Достоевском интересно место, в котором описывается посещение писателем колонии для малолетних преступников на Охте, а также и описание хорошо известных пушкинских дней.

В тексте имеется два автографа: письмо Некрасова и письмо Достоевского к автору воспоминаний.

Книжка издана приятно: хороший шрифт, четкая печать, не дурная бумага. Видна любовь издателей.

Широким массам воспоминания, конечно, дадут мало, так как автор строго держался личных воспоминаний.

Валерьян Полянский.

ВИКТОР ХОВИН. На одну тему. Петербург, 1921 г. Стр. 100.

Большая и наиболее существенная часть книжки посвящена прославлению В. В. Розанова. Судьба его литературной славы очень интересна и назидательна: будущий историк российской культуры мимо нее не пройдет: сочинения Розанова для своего времени почти то же, что писания И. Пересветова для эпохи Грозного.

До 1905 года Розанов, как писатель, влачил самое жалкое существование, писать о нем никому из «порядочных интеллигентов» и в голову не приходило, печатать—тем более; он вынужден был ютиться на страницах черносотенных изданий в роде «Русского Вестника» или «Русского Обозрения», когда желал получить места больше, чем ему отводилось в презренном подвале чиновничьего официоза «Нового Времени». И вдруг—мода. Успех. Книги нарасхват: виднейшая газета заказывает ему (хоть и за псевдонимною подписью) фельетон за фельетоном, продается до истощения даже умопостигаемый трактат о понимании... Откуда сие?

Салтыков живописал прелести российской свободы при царе Александре Миротворце возможностью безнаказанно покупать семгу. Радость российского интеллигента при чтении Розанова была очень похожа на описанное наслаждение свободой. Ведь только после 1905 года мелкая буржуазия нашего тогда монархического отечества почувствовала, что она может сметь свое суждение иметь, а за непривычкой к тому, естественно ухватилась за готовый лозунг своего миропонимания: высшее наслаждение человека сидеть на табуретке и ковырять в носу пальцем (изречение и догмат В. Розанова). Остальные члены нового символа веры соответствовали вышеприведенному—как же было не прийти в восторг. Наконец-то ничто не мешало пищеварению. Многое за это простить можно. И прощали. Простили даже глубокомысленное рассуждение «Об осязательных и обонятельных ощущениях у евреев по отношению к христианской крови», изданное в период процесса Бейлиса: заслуги Розанова все покрывали; повидимому, склонны прощать и впредь. В то время, когда писалась Ховиным статья о его любимом мыслителе, мелкой буржуазии усиленно возбранялось не только ковырять в носу (профессионально), но и создавать себе возмож-

ность обеспечения такого занятия на предбудущие времена,—ясно,что о великом апологете аполитичности можно и должно было говорить не иначе, как обливаясь слезами и став предварительно на колени. Он кстати и умер, а кто не знает, как русский интеллигент обожает мертвечину. (В книжке своей Ховин неосторожно обругал Блока, а тот возьми да и умри, как же быть-то?). Для канонизации все элементы были налицо. Она и произведена В. Ховиным на первых же страницах его работы «На одну тему». На одну ли? «У стен радостно расцвеченной Троицко-Сергиевской Лавры, дряхлого памятника старой Руси, гордо возносящего свои золотые купола над бесплодными,—увы!—песками нашей «Новой», позором немощи испепеленной России»... (1919 г.) «История гениальнее людей, делающих ее, а события развертываются часто с таким великолепным размахом и гениальным буйством»... (1920 г.). В этом переходе от минора в мажор поэзия Маяковского и статья о ней сыграла роль каденцы. Вряд ли только талантливый автор «Мистерии Буф» будет благодарен своему критику.

И. Д. Аксенов.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ. Статьи. Петербург. 1921 г. Из-во «Картонный Домик». 336 стр.

Толстый томик. Внешне производит приятное впечатление своей редкой в наши дни толщиной. Под его кровлей собрались разнородные авторы, объединенные одной общей целью—почтить и понять рано ушедшего от нас поэта.

Забегая вперед, все-таки скажем, что мы ожидали большей продуманности, надеялись увидеть живое лицо поэта.

Этого нет: все в сборнике загромождено отвлеченными рассуждениями о поэзии вообще, о символизме о «восхождении» и «нисхождении», т.-е. о том, что уже десять лет тому назад не блистало ни свежестью, ни новизной. Не будем отрицать, что некоторые мысли Б. Эйхенбаума правильно намечают вопрос о судьбе поэта, несомненно прав В. Жирмунский в своем анализе источников. Но общий тон статей как-то слишком не конкретен, слишком далек самой теме, и всевозможные сопоставления то с Соловьевым, то с Гейне мало убедительны своей отрывочностью, не доведенностью до конца. Прочитав иную страницу, скажешь: «это верно», но в то же время не почувствуешь себя удовлетворенным правильностью наблюдений, именно потому, что верная мысль сейчас же тонет в ворохе побочных отвлеченных рассуждений вообще.

В. Пяст пишет о спиритизме, перевоплощениях и «элементалях», Анцыферов о Петербурге у Гоголя и Достоевского, Энгельгардт и Верховский подкрепляют именем Блока общие положения теории символизма. Более по существу написана статья Жирмунского, подводящая итоги изучению поэтики Блока, мало дает Ю. Тынянов, хотя тема его выбрана интересно, не вызовут особенных споров наблюдения М. Слонимского, хотя бы и могли быть острее. В общем остается впечатление, что если бы пухлый сборник сжать и оставить в нем все фактическое и имеющее отношение непосредственно к Блоку, то от этого выиграли бы и авторы и читатели.

Мы были бы более благодарны именно за фактическое, за историю творчества, за биографию, наконец.

Кстати, ведя общие рассуждения то о романтизме Блока, то о цыганском романсе, авторы почти забыли поэта в обстановке современной жизни и современной поэзии. Где Брюсов, Белый, расхождение и дружество с ними? Где «Седое Утро», эта роковая книга, заставившая Эйхенбаума вспомнить «пророчество» московского критика?..

Весь этот материал о Блоке еще впереди, и петербургский сборник только лишний раз доказывает, что спешные поминки иногда не мешает отложить, чтобы помянуть действительно по чести и по заслугам.

К. Локс.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Царь Андрон, апокалиптическая повесть с послесловием К. Радека Госуд. Издательство. 1921 г. Стр. 107. 50000 экз.

Как будто вознамерившись опровергнуть свой собственный псевдоним, Демьян Бедный без-устали дарит нас в последнее время обильными и обширными плодами творчества. И как кому, а пишущему эти строки, признаться, больше по сердцу был Демьян «первоначальных лет»—сжато-крепкий, истинное воплощение быстрого и меткого, как стрела, мужицкого и рабочего юмора. Дух частушки, дух «политического» лубка, казалось, сидел в нем...

Но, как говорится, на вкус и на цвет товарища нет. Самому поэту, очевидно, кажется лучше выражающим свойственное ему вдохновение пространно-широковещательный стиль. Его дело. Он—законодатель в кругу своих стихов. Будем считаться с его «верховной волей». «Царь Андрон» написан под очевидным влиянием Кронштадтских событий нынешней весны. Внезапный взмет анархическо-мелкобуржуазной стихии в этих событиях многим сверкнул в глаза, как молнией, вопросом: что было бы в самом деле, если бы кронштадтская бунтующая «братва» осуществила свой нелепо-пешехонский лозунг: «да здравствуют советы без коммунистов»?

Ответ был ясен. Он дан был заранее столетней историей европейских революций, где темная крестьянская масса бросала рвущийся из цепей капитала рабочий класс под ноги этому самому капиталу, чтобы и самой затем задыхаться в тех же цепях. Таков приблизительно и ответ Демьяна, конечно, в игриво-фантастическом виде, подобающем «пророческому наитию» или «апокалиптическому сну».

В 3 частях «повести» автор изображает, как мужицкая свобода от «коммунии» постепенно обволакивается кадетско-меньшевистско-эсэровскими шайками, единственная задача которых—восстановить царство златого тельца и фабрично-помещичьей эксплуатации. Сперва мужицкий диктатор Андрон Хмурый, прогнав и казнив большевиков, созывает Учредиловку. В нее, понятно, пробирается подавляющее большинство кулачья, которому для полной «слободы» живодерства нужно лишь одно: сильная власть, т.-е. царь. И вот Андрон—царь «народною волею». Разливанное море, пир горой для спекулянта, крупного жулья, в роде эс-эра Виктора Чернова, попадающего в министры, и прочего воронья. Города голодают, промышленность лопается, рабочие разбегаются. Большевикам, в их подполье—непочатый угол для агитации. Все кончается новой мировой войной и всемирной революцией, которая приводит с собою возвращение большевиков и Советской власти в России. Хмурый Андрон исчезает обратно в своей стихии, как пузырь, вскочивший в бурю на воде.

Все хорошо, что хорошо кончается—как в старинных романах. Можно было бы, разумеется, спорить с поэтом насчет обязанности такого оптимистического исхода дела. Можно было бы сказать, напр., что большевизм или, точнее, революционный марксизм больше рассчитывает на *сознательное*, т.-е. намеренное «изменение бытия» рабочим классом, на прямую организацию, на строительство коммунизма, чем на автоматически-благоприятный объективный фактор.

Такая розовая надежда на последний несколько грешит преклонением перед тою самой стихийностью, которую автор клеймит в своем «Царе Андроне». «Бедненький, мол, ох, а за бедненьким Бог». Но... но опять-таки вспомним, что ведь все это—«поэтическая вольность», и не будем слишком придирчивы. Автор, очевидно, хотел дать нечто агитационное, и агитацию представляет себе только в такой форме: большевик—он в море не тонет и в огне не горит. До известной степени это, пожалуй, и верно, но... лишь до известной степени. Все-таки надо и в агитации меру знать. В этом смысле, может-быть, не худо было бы в другом каком-либо «сне» показать: *почему* мы все-таки избегли кронштадтской опасности, и *как* надо впредь ее избегать. А то какая-то выходит «самогонка» революции. Это скорей философия истории Мартова и

мадам Любови Аксельрод, хотя и в «боевом» наряде.

Меньше приходится сказать, собственно, о поэтической форме «Царя Андрона». Буду тут говорить просто с точки зрения рядового читателя. Слишком уж Демьян Бедный вдается здесь в тягуче - широковещательную, почти прозаическую речь стародедовских притчей и причитаний. Почти лишь одна рифма на конце стихов напоминает о том, что это поэт писал, и притом—какой подчас, бывало, звучный, какой умелый в перезвоне русской речи! Конечно, хороши иногда бывают стихотворные демьяновские «передовицы» и «ноты», но на многих страницах это, в конце-концов, утомляет.

Хорош, стилен в своем роде «Андрон», даже для массового читателя во многом поучителен. Но все же лучше Демьяновы басни, острые, сногсшибательные. Или вот этот боевой марш красноармейцев, что начинается словами:

Левой, правой, левой, правой,
Через горы и леса.
Иль погибнем мы со славой,
Иль покажем чудеса!..

Д. Дивильковский.

В. КОРОЛЕНКО. История моего современника. Т. III. Изд. «Задруга», Москва.

Третий том «Истории моего современника» читается с таким же интересом, как и прежде вышедшие тома.

Книга начинается описанием жизни Короленко в лесной глуши березовых Починок. Здесь, на крайнем севере Вятской губ., где не знают телег «за полным отсутствием летних проезжих дорог», перед Короленко прошла обнаженная зоологическая правда жизни наиболее темных слоев крестьянства. Он поселился в той избе, где хозяин-мужик Гавря четыре раза сбрасывал свою жену Лукерью «через брус», т.-е. с полатей на пол.

Никакого общего языка с починковцами у Короленко не было: всякие разговоры о царе и власти могли их интересовать, как сказка. Здесь люди, в самом подлинном смысле, жили «без понятия о праве, о Боге». И не Достоевский с его идеализацией крестьянской религиозности, а Белинский мог бы найти твердое обоснование своему утверждению (в письме к Гоголю), что русский народ по существу глубоко атеистический народ.

Но никто из них не является правым, ибо обширна Россия и велико многообразие степеней морального и культурного развития крестьянской массы. Короленко признает, что у других крестьян (т.-е. крестьян юга и центра России) много церковных суеверий, но в общем «их мир богаче и сложнее мира починковцев». Короленко видел, что «в этом лесном углу никакой в сущности религии не было». Одна баба насчет бессмертия заявила ему категорически: «я чаю, хлопает попзря».—А по-твоему как же?—спросил Короленко с любопытством.—«Пал да пропал,—больше ничего», сказала она удивительно просто. Но этот нигилизм великолепно уживался с верой в лешего, ворующего рыбу в реке, в колдунов и русалок, в огненного змия и в «лихоматку», которая в каком-то странном образе ходит по свету. Все эти страницы у Короленко ярки и захватывающе интересны. Именно здесь, в этом лесном углу, Короленко исцелился от романтического представления о крестьянской массе. Эта черта—говорит писатель—была присуща «не мне одному, а всему моему поколению... мы создавали предвзятые общие представления, сквозь призму которых рассматривали действительность».

Портреты починковских ссыльных—живые: рабочий Федор Лазарев, Карл Несецкий и в особенности Федор Богдан. Печально, надтреснутым голосом Несецкий поведал ему о том, как он потерял своего ребенка, благодаря подлому самодурству исправника. Память об этом человеке сохранилась у писателя, как одно из трогательных воспоминаний молодости.

Но, быть-может, самая интересная глава третьего тома, это история похождений Федора Богдана: его путешествие к царю в качестве ходока с жалобой на помещика. За свою наивную веру в царя Федор Богдан и попал, в конце-концов, в ссылку. Короленко передает о впечатлении крестьян-слушателей от рассказа Федора Богдана. «Мне кажется,—говорит писатель,—точно я присутствовал в тот

день при незаметном просачивании струйки того наводнения, которое в наши дни унесло трон Романовых».

Рассказывая о своей борьбе за право, хотя и административно-ссыльного, Короленко замечает: «и до самой старости меня проводила та же репутация опасного агитатора и революционера, хотя я всю жизнь только и делал, что взывал к законности и праву для всех, указывая наиболее яркие случаи его нарушения. И, может-быть, это инстинктивное отвращение людей самодержавия было основательно: около этой оси наша жизнь могла еще повернуться и стать на другой путь. Но, в конце-концов, он все-таки должен был привести к упразднению самодержавия». Если понять это замечание Короленко в том смысле, что сама борьба за право, натыкаясь на препятствия, революционизировала передовые слои трудовой России и привела их на путь необходимого насильственного переворота,—тогда это верно.

Пребывание в вышневолоцкой полит. тюрьме, история юношей революционеров Попова и Швецова, любопытная фигура крестьянина Курицина, Пермь, путь в Якутскую область; портреты революционеров-народников, хотя и очень бегло набросанные; очень интересные мысли по поводу психологии Ипполита Мышкина—этой яркой фигуры процесса 193, — все проходит перед нами в мемуарах Короленко. И, как общий вывод, замечание писателя-гражданина: «какая это была в сущности невинная стадия русской революции».

Третий том дает ценный материал и для понимания переживаний писателя, и для историка революционного движения, и очень много для характеристики различных слоев рабочей и крестьянской России.

Ив. Кубиков.

БОРИС ПИЛЬНЯК. Рассказы. Москва. Кооп. Изд-ское Т-во «Звенья» 1919. Стр. 114.

Борис Пильняк—не новичок в литературе. Его имя мелькало, не часто, впрочем, лет восемь назад. Впечатление от его опытов, помнится, было благоприятное. Но если тогда, при первых шагах писателя, можно было колебаться в оценке его дарования—теперь сомнений быть не может. Перед нами большой и вполне расцветший художник, мастер с сочной кистью, с большим запасом наблюдений, колоритных и свежих. Небольшая книжка, лежащая перед нами, дает достаточный материал для такой оценки. Хотя она составлена из вещей, которые автор не сочтет лучшими образцами своего творчества. Все это эскизы, наброски, этюды к какой-то большой, быть-может, еще не написанной, картине, но каждый эскиз говорит о таланте, зорком глазе, внимательном слухе. Пильняку удается природа; он знает лес, понимает зверя, лесные звуки, запахи—для него раскрытая книга—и все это сжато и экспрессивно умеет он не рассказать, а показать читателю,—его страницы в самом деле цветут, звучат, дышат ароматами. Он дал несколько зарисовок отдельных эпизодов эпохи революции, и в них показал себя прежде всего художником, для которого выразительность, выпуклость, убедительность, а следовательно, и правдивость того, что изображается, стоит на первом месте. Мимоходом бросил он рассказ из петровских времен и в рассказе запечатлел исторический колорит, тот воздух и свет эпохи, без ощущения которых не может быть искусства.

Встречаются и промахи, но они пустячны, и заниматься ими не хочется. Отдельные мелкие произведения говорят о том, что Пильняк, как художник, не прошел мимо революции. Будем ждать новых вещей нашего автора. Революция еще не нашла своего достойного отражения в русской художественной прозе, за малыми исключениями. И автор этих строк нисколько не будет удивлен, если впоследствии, в ряду живописцев революции, одним из первых он встретит имя Бориса Пильняка.

В. Полонский.

«ПЕРЕСВЕТ». Сборник 1-й. Борис Зайцев, Мих. Осоргин, Ф. Сологуб, Г. Чулков, М. Цветаева, Алекс. Яковлев. Кн-во Васильева. Москва, 1921. Стр. 115.

Книга открывается тремя стихотворениями Ф. Сологуба. Из них прекрасно первое по сочетанию красоты формы и сжатости мысли. Марина Цветаева пред-

ставлена четырьмя стихотворениями «Из стихов к Блоку». Из них мы узнаем, что еще при жизни А. Блока она возвела его в чин Христа, а себя—в мироносицы. Вот, напр., стих, под которым дата 1916 г., где поэтесса обращается к А. Блоку с такими словами:

И под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег.
Там, где поступью величаво
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий—святые славы
Вседержитель моей души.

Конечно, А. Блок—большой поэт, но к чему эта истерическая психопатия?

Поэма Г. Чулкова «Мария Гамильтон» по форме—попытка вернуться к классической ясности и простоте пушкинского стиха. И стих, действительно, красив и гладок. А содержание? Мария Гамильтон—знатная иностранка, появившаяся в свите Петра I около 1713 г.

Перед нами пьяный, разгульный Петр, его жена Екатерина и ее фрейлина Мария Гамильтон. Любовница Петра I, она стала любовницей его денщика Орлова, умертвила своего ребенка и за это казнена. Так гласит предание. В комментарии Чулков ставит под сомнение самый факт преступления Марии Гамильтон,—но не в этом центр тяжести поэмы.

Г. Чулков скорбит о том, что Петр I не разглядел Гамильтон, что

...в огне своей державы,
Марии не постиг судьбы:
Не видел за лучами славы
Царицы в образе рабы.

Дело, видите ли, в том, что «синеокая Мария была для царства рождена», а Петр, который для Чулкова—«прекрасный и могучий вождь», предпочел какую-ту бывшую «трактирщицу» Екатерину. Это весьма удручает Чулкова, и он рассказывает нам:

Марию бросил царь суровый,
Мария Гамильтон—одна.
И ей мучительны оковы,
И непонятна ей страна,
Где все загадочно и странно,
Где дремлет царственный (?) народ,
И где в палатке златотканной
С царем трактирщица живет.

Нет, этого поэт никак не может вынести и патетически вопрошает Петра:

Кого ты предпочел, державный?
С кем ты Россию сочетал?

Гладкий стих Чулкова временами говорит недостаточно вразумительно. Извольте разобраться, напр., в таких перлах темноты:

Великий Петр! И ты, Мария!
Не разгадали вы судьбы...
И ты, великая Россия,—
Ты жертва тайной ворожбы.
Младенца вы убили вместе—
Жених без Божьего венца,
И ты, подобная невесте
Без обручального кольца.
И плачут ангелы пред Богом,
Когда, влача свой темный груз,
Бредет Россия по дорогам
Без милых уз, без брачных уз.

Одно из двух: или я ничего не понимаю, или автор хотел сказать, что без сочетания браком Петра I и Марии Гамильтон погибла Россия. Это настолько забавно, что уже лучше мы отнесем все на счет нашего непонимания глубокомыслия Г. Чулкова.

Переходим к прозе. Рассказ Бориса Зайцева «Душа»—яркая художественная миниатюра, на которой лежит печать уже законченной писательской индивидуальности. Тихая грусть чеховской лирики припоминается, когда читаешь Зайцева. На память приходит описание тихой августовской ночи в «Доме с мезонином» или кладбище и его тишина в рассказе «Коныч». Но Чехов не чуждается жизни,—он весь в ней, иногда такой грубо-обнаженной. Зайцев—не то. Возьмем, напр., данный рассказ. Психология жителя помещичьей усадьбы предстает нам в откровенной правде. «Многое сожжено, попалено,—как в видимости, так и в душе,—повествует Зайцев, но мы живем. И мы за что-то заплатили: за свои неправды, за прошедшее». Но вся эта революционная буря привела только к острой потребности отгородиться от этого мира, уйти в свою скорлупу. Чехов—автор «Мужиков» и «В овраге», конечно, вниматель-

но всмотрелся бы в изменения окружающей психики. Но для Б. Зайцева это—«жизнь как она есть». Это неинтересно. Гораздо лучше уйти домой, закупориться и читать Ариосто. Еще и то хорошо, что писатель-художник откровенен. Говоря об окружающем мире, он замечает: «меж нами пропасть. В разные стороны мы глядим, разно живем, разно чувствуем. Я для них слишком *чудной*, они для меня слишком *жизнь*». Инстинкт классовой приспособляемости сказывается, когда герой говорит «Жизнь—как она есть—долой». Подальше от этого, в свою раковину, где такой далекий от настоящего—бронзовый Данте, а в другой комнате икона божией матери в ризе серебряной на столе, убранная иммортелями.

Перефразируя чеховского Тригорина, можно сказать: мило, талантливо, но Чехов писал лучше. В своих лучших созданиях он был выше этой классовой ограниченности, не боялся жизни и ее скорбной правды.

Недурной рассказ Мих. Осоргина «Пипо» далек от русской жизни. Но зато последний рассказ сборника вплотную подводит нас к жизни, которой так пугается Б. Зайцев. Рассказ А. Яковлева—самый значительный в сборнике. Если литература должна служить орудием великого познания жизни, то его рассказ выполняет это значение в полной мере. Перед нами яркая и художественно нарисованная картина летнего переселения крестьян Поволжья перед лицом засухи — первом подлинном зловещем факте предстоящего голода. Нарастает взаимная злоба. «Черной тучей она ползет по небу». Женщина бросает своего ребенка в воду и стоит равнодушная, а потом воет диким голосом. И даже символическая «Белая Дева» еще сильнее говорит о растущем ужасе и неизбежной гибели многих страдальцев.

Как это все далеко от салонной поэзии и тихой идиллии помещичьей усадьбы.

Ив. Кубиков.

В. ИРЕЦКИЙ. Гравюры. Петербург, 1921. Стр. 88. Продажн. моск. цена 12 т. р.

Книжка Ирецкого издана очень заботливым образом. Если откинуть орнаментацию обложки, подражающую нелучшим немецким довоенным образцам, довольно заметную безвкусицу художника (А. Н. Лео), то книжечка эта, отпечатанная в 15 петербургской типографии (Голике и Вильборг), может для нашего времени быть маленьким типографским шедевром.

Содержание книжки... ну, это уже не зависит от типографии—и его бледность особенно разительна при сопоставлении с этой столь обдуманной внешностью. В книжке восемь маленьких - крохотных рассказиков. Каждый из рассказиков стилизован под тот или иной из известных автору образцов, то ли под Декамерона, то ли под приключенские романы, то ли под старинные мемуары. Все они—безвредные и незлобивейшие анекдотики, не могущие, конечно, никого заинтересовать своим содержанием (хоть автор и кивает кое-на-кого, что у современников-де нет дара выдумки,—волнуется он зря, и у него этого дара на дюжину строк). У каждого рассказика обрамленьице из вступления и заключения уже чисто-стилизационного смысла, а один снабжен даже предисловьицем весьма оригинального свойства, сообщающим, что «издатель» нашел этот рассказ в рукописной копии и не смеет им с нами не поделиться,—это высокозахватывающее предисловие занимает около пятой части всего рассказа. Учителем автора был, видимо, Кузмин, но от некоторой нервной резкости кузминской прозы мало здесь осталось, что же до стилизации,—то кто ею в свое время не занимался: и Щепкина - Куперник что-то в «Ниве» стилизовала.

Тем не менее читаются все эти бонбоньерочки очень легко, и автор их, очевидно, некоторых способностей не лишен. Пожелаем ему на будущее время более серьезных трудов.

С. Бобров.

ВЛАД. ЗАЗУБРИН. Два мира. Роман в 2-х частях. Часть I. Издание Поарма 5. Стр. 294. 1921 г.

Роман издан Поармом, «на четвертой годовщине Октябрьской революции». Роман посвящается: «Красной армии, ее

27, 26, 5-ой, 35, 30 и 51-й дивизии, ее бойцам, ее вождям, ее мозгу, ее душе, ее совести, ее оку»...

Романа, в сущности, нет, как нет ни фабулы, ни завязки, ни персонажей, как нет ни Красной армии, ни ее бойцов и дивизии, ни души и мозга. Быть-может, все это будет во второй части. Содержанием романа является *баталия*. На первых 50 страницах я насчитал 27 боев и 141 смерть. Смерти какие угодно: и расстрелы, и повешения, и изнасилования, и сжигание на кострах, и сжигание в печах, и изрубление шпагами и рапирами, и иссечение шомполами и нагайками, и артиллерийский бой, и кавалерийский, и пехотный,—все что угодно: я перечислил не все виды. Мне несколько раз приходилось бывать на бойне, где режут скотину на мясо, у меня сжимало судорогой горло и меня тошнило: точно такое же ощущение вызывает этот роман. Содержание романа вот каково: N-ая колчаковская дивизия отступает от красных (словами пользуюсь из романа), все время в боях, и все эти бои описаны; автор глядит (ведь в каждой вещи есть угол, откуда глядит автор) из-за штыков этой N-ой дивизии и видит только штыки (пулеметы, пушки, нагайки); одновременно с этим, но ничем, кроме страниц в романе не связано, едет колчаковская карательная экспедиция, от нее вначале отступают, а потом наступают на нее партизаны, но и тут описаны только драка, насилие, засыпание людей заживо в землю, и т. д., и т. д.—всех видов смерти и оружия, при чем быта партизан почти не видно, но крепко запоминается, как партизаны расстреляли глупого офицерика, который елозил в ногах, моля о пощаде. Чтобы не быть голословным, приведу пять строчек начала романа и пять строчек конца.

«Земля вздрагивала. Тела орудий, круто задрав кверху дула, коротко и быстро метали желтые, сверкающие снопы огня. Тайга с шумящим треском и грохотом»... и т. д.

Конец: «Иссеченные нагайками и шомполами. Перепоротые розгами... Поднялись. Великие в своем гневе. Огнем лечили раны. Кровью смыли грязь белогвардейщины. Смывали кровь кровью».—Конец.

Вот из середины, наудачу. «Вот так жара, господин поручик, красным-то была. Я сам семерых в одной избе только приколол... как начали с полатей кричать, а я их на штык, на штык. Одного в пузо кольнул, так на всю избу зашипел дух-то из него—«ш-ш-ш».—А хозяйка-то визжит, батюшки мои, ребятишки орут».. и т. д.

Очень ярко, с волосами и на головах, и на животах, описаны офицерские пирушки.

Очень ярко видно, как смерть иногда бывает—«стаканом чая».

Совсем не ярко видна революция,—уже по одному тому, что автор смешивает скотобойню с революцией и арсеналом скотобоенных необходимостей воссоздает ее—революцию.

Художнические рессурсы автора очень невелики. Роман его состоит из ряда отрывков, построенных исключительно «описаниями» и «разговорами».

И вместе со всем этим роман надо приветствовать. Едва ли нужно его читать широкой публике, но историку, психологу и литератору прочесть надо. Историку—потому, что в этой повести описана *правда* смерти колчаковской армии. Психологу — потому, что он найдет материал к изучению «боевого психоза».

Литератору—вот почему. Революция создаст новое *литературное мастерство*. Революция заставила разорвать в повести фабулу, заставила писать по принципу «смещения планов». Революция заставила в повести оперировать массами, — масса-стихия вошла в «я» органически. То, что не могут оценить старые писатели (а потому молчат или пишут дореволюционно), то, что проделывает небольшая группа талантливой молодежи, изучая материал,—Зазубрин понял инстинктивно. Поэтому у него нет героев, а есть массы. Поэтому у него нет фабулы, а есть куски. Зазубрин еще не преодолел материал, у него все сыро. Но первые ласточки—всегда радостны.

Быть-может, т. Зазубрин поспешил напечатать свой роман.

Бор. Пильняк.

ВЛАДИМИР ВОЛЬКЕНШТЕЙН. Спартак. Государственное Издательство Москва, 1921 г. 142 стр. 10.000 экз.

Трагедия «Спартак» состоит из 5 действий.

В первом—дается картина, как рабы-гладиаторы: фракийцы, галлы, германцы и итальянцы, готовясь к принудительным состязаниям, подготовляют бегство. Организатором и вождем их является Спартак, гладиатор из Фракии. За сценой слышны шум, крики, как бы несущиеся с арены, на которой Спартак вынужденно, с болью в сердце, под крики: «Бей, жги! Добей, добей!», пронзает мечом на-смерть своего друга Берисада.

Действие второе вначале дает несколько штрихов растерянности в Риме, в связи с первыми успехами восставших рабов. Центр же состоит в том, что Спартак сознает неизбежность похода на Рим, так как только со взятием столицы, где сосредоточена государственная власть, возможно укрепить свою силу и развернуть восстание. Другие же видят гибель в этом походе. Спартак спорит с Криксом. Последний говорит: «Вижу, мы растем; но также вижу, господином став, недавний раб подражает прежним господам. Страсть к стяжанию головы туманит нашим самым доблестным бойцам. Пьянство, женолюбие—для забавы стравливают знатных римлян в играх гладиаторских, чтоб отомстить... Посмотри, что сталось с нашим войском, долго ли продержится оно?»

Действие третье развертывает картину веселья победителей в Мутине, у развалин храма Юпитера. Флейты, вино, обжорство, женщины, ругань, грабеж отодвигают цель восстания в туманное будущее. Спартак объявляет поход на Рим. Галлы во главе с Криксом покидают Спартака.

Действие четвертое. Жестокий Красс становится во главе римских правительственных войск. Он получает от сената исключительные права и особые полномочия. Разложение в рядах Спартака растет. Красс теснит, ропот в рядах Спартака. Недовольство походом достигает крайних пределов.

Действие пятое. Бой с Крассом. Неожиданно явившийся Крикс убеждает вождя рабов отказаться от боя, пользуясь ночной тьмой. Он предлагает начать войну морскую. Спартак не допускает мысли об отступлении. Его он считает позором, бегством, предательством. По-прежнему мечтает о конечной победе восставших и смело бросается в бой.

Пьеса задумана интересно. И написана она живым языком. Но сразу бросается ее недоработанность и схематичность. Трагедия Спартака, сознающего историческое величие начатого восстания, как первого шага к коренному переустройству старого мира, с надлежащей силой не развернута. А массы, которые еще не доросли до сознания своего вождя, скрыты автором. Они временами приветствуют Спартака, но их мысли, чувства и стремления не видны читателю. В силу этого нет того фона, на котором с большей яркостью и силой мог бы выявиться трагизм положения главного героя пьесы. Трагизм правдивый, исторически неизбежный, но больше теоретизированный автором, чем развернутый в художественных образах.

Второстепенные герои страдают великой схематичностью, однотонностью и слишком их много. Они совсем мало оттеняют и выделяют фигуру своего великого вождя и друг друга, а потому и излишни.

Не совсем удачно построена пьеса и технически. Пять действий содержат десять картин, при чем некоторые картины—пятиминутные; неудобства этого сознает сам автор, рекомендуя при постановках некоторые картины опустить, как усложняющие постановку, но необходимые в развитии трагедии.

Валерьян Полянский.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. К солнцу. Книга стихов. Вторая. Госуд. Изд. Петербург, 1921 г. 60 стр. 8.000 экз.

Стихи «К солнцу» ничего нового и оригинального не представляют. Все темы сборника стали шаблонными, да и у других они разработаны логичнее, красивее, смелее, а не так ученически, ощупью, как у А. Безыменского. Слово «налиты» рифмуется с «верна литы».

А как плохи и воллиттерации: «звоном громким расколотых звеньев хрустнет хрупкий хрящ у стекол». Да и «хрупкий хруст» — давно уже сказано А. Белым.

Ничего хорошего нет и в стихах:

1)

То
Там
То
Здесь,
То
Там,
То
Тут».

2)

Где
день
Дам
тень,
Где
тень
Дам
день».

Не редко встречаются противоречивые мысли, несогласованные образы. В одном случае земной «стихии великой не исчерпать никогда», а в другом автор собирается «на колеснице по небу отыскивать берега, пить из ковша Медведицы и ковром турецким выстлать Млечный путь».

Все неудачи А. Безыменского происходят, очевидно, от того, что, по его словам, его «сердце только вагранка», хотя и живая, а мысли—всего только «шуршащий провод», а самые стихи—не более как «гранка».

Не сумел автор обработать даже и заимствованное. Своего же у него ничего нет.

Валерьян Полянский

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ. Железная Пауза. Владивосток, 1919. Стр 64.

Первая книга стихов Сергея Третьякова только что добралась до Москвы. А выйти была она должна, как говорит довольно напыщенным языком предисловие, в начале 1916 г. Это было бы тогда естественно, теперь же книга—очень хорошая—кажется давнишним и не вовремя забытым дневником. Здесь собраны стихи за шесть лет, с 1913. История сложная и даже не без поучительности. Третьяков обладает удивительной, необыкновенно-трогательной серьезностью к своему делу,—да и пишет мало, а над тем, что пишет, как видно, долго сидит и упорно добивается своего. И не будет большой ошибки—его история, как она читается по «Железной Паузе»,—история современника-стихотворца. Первые годы—стихи 1913 и частью 1914—то ли откровенный Северянин,—с Кузминым и без Кузмина, петербургские изящники то же не без малого отразились,—будет символизма — объелись умничаньем—а грубоватость мальчишке прямо по плечу. Выяснять не требуется, и если я вчера видел кирпичника в синих штанах, он тебе, горожанину, такой же родной, как и Подколесин, могу на него ссылаться без сноски: не понимаешь?—так ты просто глуп, любезный!—ведь:

...Я слышу.
Свой игольчатый глаз просовываю
На крышу.

Вольно тебе не уметь делать этого. Темки маленькие, темки-крошки не беспокоят, мир игрушечен—очень красивенький мирок—его еще можно подкрасить. Что до трагизма—он в грубости, в филиграни мельтешащих амеб-метафор. Мир пейзажится в мое удовольствие—там, правда, что-то есть, но:

Мы чаю не допили,
Мы бросили тартинки.
На легком Оппеле
На пляж, на пляж!

Банкир что-то где-то проиграл и уже интересуется работой браунинга,—чудак!—«но не весь мир же вы проиграли на бирже?» Глупости и пустяки: вот ковер в гостиной лежит—такой красивый, стоит над ним посидеть и точнейше его записать. И тут мальчик стукается в Маяковского:

Я спала в граммофонных трубах.
На проводах сушила белье.
Сколько тихих и грубых
Входило в мое жилье.

Тут неожиданно начинает выясняться—и автор еще не умеет оценить

всю мрачную серьезность этого предостережения,—что «не в этом дело», и хоть:

Только вихрь фейерверка вращает и... хлоп:
Слезы римских свечей каплют в бархатный гроб.

хоть это все и так, хоть и:

На лице твоем две фиалки
Продаются на площадях,

а все-таки... а все-таки... мрачно осунувшийся город выпускает своих «закопченых на берег», они, «сплевывая в воду, закачаются домой», и хочешь не хочешь, а сплюнуть придется — и качаться придется вот так же, точь в точь. И вот на эту-то творческую индивидуальность, характерную чуть ли не отсутствием миросозерцания, наваливается июль четырнадцатого года. Она кричит:

Боженька! Миленький! Маленький! Малюсенький!..
Сидишь на мизинце...
Боишься? Лихорадит? Какой ты грустненький!?

но этот трагический образ всемогущества не мог вырасти в сердце, для которого всемогущество индентифицировалось с собственным автомобилем, тогда и мир, не создавший в свое время—это же была его обязанность, устроить все по хорошему—достаточно солидного противоядия на предмет обезвреженья военных неприятностей—этот мир обливается презрением. Кто его обвиняет?—мальчик, которому «нравится шоколад Сюшар». Отсюда начинается ломка и человека, который пишет «Железную Паузу» и поэта в этом человеке. Кочегар оказывается не только составной частью аппаратов для быстрого передвижения, мелочь распадается на тончайшую мелочь: она обращается в пыль. Невольно пейзаж начинает требовать большей внимательности. Грубость становится актуальной силой, с которой ополчается автор на войну, но и ее прорывает:

У одного была мать, у другого невеста,
А у третьего не было никого.

Эта бедность в средствах говорит, что старый способ, филигранированных мелочей, фактически уже погиб, надобно начинать сначала. Беда Третьякова в том, что он чуть запоздал: этот метод для более счастливых погиб еще до войны. А тут:

Раздавили ведь родину,
Как смородину.

И одной из смородинок была та поэзия, для коей ковер и авто символизовали мир. Мелочь уничтожена, на место ее вперся с трудом некий руссифицированный стиль,—полная разруха, одним словом. Но вот он начинает вылазить из этого добра,—«налаживается». Вот хорошее стихотворение «Татьянин день», разберем его по косточкам, все достоинства и недостатки сегодняшнего Третьякова в нем налицо. Смотрите, как это премило начинается:

Где башня Кремль обходит надменно
В тугих реверансах фрейлины свитской,
Я знаю багровые, умные стены
Его—на углу Моховой и Никитской.

И—

И вот приходит она,
С морозу румяна,
Святая Татьяна
С тяжелым бокалом вина.

Но, но,—

И теперь, стаканы стаканом чокая,
Я знаю, что умерли все слова.
Я ведь болен тобою, родная, далекая,
Юродивая Москва...

. . . . . .

И здесь, у гранитных бортов океана,
Где тяжко синеет чужая вода,
Хочу, чтоб стало как было всегда:
Чтоб молодо, шало, загульно и пьяно...
Для умных—крапивы, для скучных—бурьяна,
А важным и чванным—большая метла...
Здорово, Татьяна!
Татьяна пришла.

Способы автора неплохи, со стихом он обращается ловко и умело (хоть и чуточку старомодно), но в чем же дело?—что за странное, за немыслимое «всегда»—«молодое, шалое, загульное, пьяное»?.. Этот диковинный вид анакреонтизма, за которым не видно и половины Третьякова, говорит, что его кризис не выжит еще поэтом до конца. До сих пор

его привлекают сами собой словесные построения, до сих пор мыслится поэт, как нечто совершенно обособленное в мире, автономное, и в этой-то автономности только и становящееся тем, что оно есть, до сих пор мелочь, чуть разбухшая лезет к нам и к нему из мира его поэзии.

Резюме: автор чрезвычайно талантлив, надежд на него—целая бездна, но ему еще не год придется выбарахтываться из того бесполезного для мира благополучия, в котором он позабыл свое «всегда».

Сергей Бобров.

ФЕДОР СОЛОГУБ. Фимиамы. Изд. «Странствующий энтузиаст». Петербург, 1921. Стр. 105. Ц. 350 р.

Точно из другого мира звучит в наши буйные и бурные дни успокоенный, мечтательный, тихий голос Сологуба.

Никакие бури, никакие социальные вихри и революции его не затрогивают, не сдвигают с твердой и уверенной позиции. Верный жрец мечты, превращающей дебелую бабу Альдонсу в прекраснейшую из дев Дульцинею, поэт, считающий свое святое ремесло превыше всех человеческих трудов и устремлений, лирик, глубоко замкнутый в свой собственный мир от всего внешнего, Сологуб едва ли не единственный в наши дни, настойчиво и убежденно повторяет:

Мои безбурны небеса.
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса.

Он верит, что перед ним растворятся настежь двери рая, когда на вопрос о земной жизни, он просто и мудро ответит: «слагал романы и стихи».

И разве есть иное дело,
Иная цель, иной завет?

Новая книжка стихов Сологуба не прибавляет новых лавров в его венок. Она только говорит о том, как непоколебим он на своих старых позициях.

Д. Выгодский.

М. ЗЕНКЕВИЧ. Пашня танков. Саратов, 1921. Стр. 32.—Н. ЛЕПОК и Б. ПЕРЕЛЕШИН. Фуисты, Мозговой разжиж, стр. 16. Мск.—Д. ВЛЕНСКИЙ, На! Моск., 1922, стр. 40. Прод. ц. 10 т. р.—Г. СИДОРОВ, Стабли; К-во „Кино. Мск., стр. 16. Прод. ц. 10 т. р.—„ЭКСПРЕССИОНИСТЫ“ (Е. Габрилович, Б. Лапин, С. Спасский, И. Соколов), К-во „Сад академа“. Мск., 1921, стр. 19. Прод. ц. 5 т. р. — АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ОСОБНЯКА“, № 1, янв. 1922, Мск. 32. Прод. цена 15 т. р. — „ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ“, 2 сборник, К-во „Сопо“; Мск., 1922; стр. 32. Прод. ц. 7 т. р.—Н. ЗАХАРОВ-МЕНСКИЙ Печали. Стихи. 1918—22 гг., предисловие В. А. Гиляровского, К-во „Неоклассики“, Мск., стр. 32. Прод. ц. 10 т. р.

Надо полагать, скоро придется уже рецензировать не тех, кто пишет стихи, а тех, кто их не пишет. Так и будем писать: «Новое культурное начинание: Райполитпросвет обнаружил среди крестьян энской волости, выполнившей продналог полностью, одного молодого человека 19 лет, который стихов не пишет; герою труда постановлено выдавать пожизненно антиакадемический паек мощностью в два миллиона больших калорий», а дальше описание того, *как* он не пишет стихов и чего он не пишет. Кроме же вышеупомянутого искомого юноши, все остальные стихи пишут, без конца и без краю. Вот тут восемь брошюрок, а участников в них ровно тридцать шесть человек... и это еще не все москвичи начинающие (из известных имен тут двое-трое). Конечно, оно отсортируется: часть пойдет в газетку и в кабарэ, часть займется какими-либо социально-полезными ремеслами, бросив неприбыльное занятие... но все-таки, зачем они все печатаются? Чем объясняется эта дамаскированная—по Брюсову — в своей общедоступности страсть к столь недоступному ныне печатному станку,—явление, несомненно, болезненное и в этой болезненности чрезвычайно жалкое. Исключая «имена», скажем гипотетически: ведь не все же эти тридцать человек настолько глупы, чтобы не видеть, чтобы добрая половина из них не то что стихов, а дельного прошения в Отсобез не сумеет написать,—нет сомнения отсюда, что вид за-

фиксированных машиной их безграмотных строк должен на них действовать угнетающе (известно: напечатанное резче лезет на глаза со своими недостатками, можно на досуге рассмотреть и т. д.),—охота себе кровь портить—и ужели это не излечивает? Это-то душевное нищенство и жадное искание подтверждения своего права на жизнь у далекого неведомого «читателя»—мрачные симптомы жесточайшей неврастении и создают то тяжелое впечатление, которое выносишь из этого «креатория».

Начнем с безнадежных: вот Дешкин, который пишет о том, как «в высокой вазе астры умирали»; вот смехотворная по крайней беспомощности книжка Захарова-Менского: «Весна в подвенечное платье—Двадцать пятый раз для меня—Оделась, а все узнать я—Не могу моего счастья коня» и, ревнуя всемирной славе Дешкина, тоже об астрах, да целых два стихотворения. Дальше ряд авторов, случайно где-то видевших стихи и употребляющих слова в роде «медлительный», «вешнезвонкий» и др., вытянутые прямо на случай из каких-то второсортных стихотворцев. Газетные юмористы Арго и Адуев, все же мечтающие о «серьезной лирике», под которой у них понимаются эпизоды в роде:

Глубоко за провалами глаз,
Высоко над приподнятой бровью,
По ущельям мозгов пролегла
Та река, что зовется любовью.

В этом же роде сочиняет и Минаев, немножко подмандельштамив адуевский стиль, т.-е. старательно вводя в стихи воспевание аксиоматических положений в роде того, что «больно знать чудесные слова и не уметь их выразить словами»,—не подумайте, кстати, что «слова», влепленные дважды, попались случайно, этот белендрясик вклеен подумавши и имеет глубокомысленнейшее значение,—только для кого? То же проделывает и Манухина, но более откровенно и неумело. Чуть получше Мареев, Волчанецкая, Кугушева, все они не без Блока или его эпигонов в роде Стражева или Новикова,—все это микроскопически-скромно и схоже до странности. На два миллиметрика почище Владычина, еще немножечко покрасивее безделушечки Бенар, эти уже не без футуризма даже. Старательно переписывают Пастернака Анушкин и Я. Полонский—выходит грубо и плоско, но молодые люди не смущаются. Не пугает их и то, что нет никакой надобности излагать то, что они излагают, в столь пышном виде, что содержание их—грошовые кунштюки, пустенькие описаньица и пр. Страшные вещи пишет вялый Златопольский, которого кто-то, повидимому, насильно заставляет сочинять его сложные и угловатые рацеи об интегралах и дизелях,—он, вероятно, мог бы делать неплохие макеты стихов, если бы это только кому-нибудь понадобилось. Скучно-расскучно сочиняет Спасский, недурно владеющий стихом,—да горе все в том, что писать-то ему не о чем; в лад предыдущим пишет и Оленин. Все это, конечно, ничего, — но пусть авторы рассказали бы, почему эти длинные нерифмованные махонькие чудачества должны потребляться читателем как стихи? К чему нам, примерно, и книжка Виленского, где так тщательно переписан ранний Маяковский:

Рады—
Развесили душу в сушило:
Скоро
Будет
Глаженой...
Годами минуты душили,
Вымеряли улыбки на сажени...

и проч. все в том же маяковидном образе? Зачем определенно неспособному к стихотворству Соколову надобно переписывать аксеновские «Неуважительные основания», сдабривая своей фармакологически-сперминной эротикой эти упражнения? Кого собирается удивлять разбитной малый Г. Сидоров, извещая о своем вознесении: «а я, как спец, пойду в Главнебо», когда давно уж отзевался читатель над многими сходными возгласами?

Все-таки кое-кто остается. Таковы (за многими оговорками — и если вообще не бросят стихачество) Мачтет, Левит, Лапин, Лепок, Перелешин, Шиллинг. Тяжело, нудно и прегротивно кое-где пишет Мачтет, инсталируя в свой зверски-развороченный стих мещанскую психодраму. Клю-

ев, Крученых и Блок, выжатые до основания, решили судьбу Мачтета, но все-таки кое-где он трогает и немножко интересует. Плохо, что все это происходит неведомо где, и к современности и ее читателю не имеет ровно никакого отношения. Мачтета могут читать только люди, очень искушенные в стихах... как, положим, и всех его друзей,—это их общий грех: все они варятся в собственном соку, в кружке все тех же лиц и мнений, банально и одномерно парадоксальных, и будни, создаваемые ими, мертвенны в высокой мере. Левит, Лепок, Перелешин отходят от авторов Центрифуги, опять-таки выбирая оттуда самое тяжелое и самое трудно-воспринимаемое, хоть иной раз счастливо выползают из-под своих канонов. Лепок вставляет в излюбленную им форму пейзаж и делает это недурно. Левит пытается к ней же добавить романтическую пинкертоновщину,—получается весьма разорванно, но не безынтересно,—опять-таки интерес этот очень мелок и необщ. Бумажные построеньица Мониной носят некий характер задушевности, но сложнейшая смесь холодно перемешанных в стих слов опять-таки скользит мимо читателя... хоть из ее «Тамани» и выглядывает кое-где незатейливые картиночки Елизаветы Бем. Безусловно интересен талантливый и своеобразный Евгений Шиллинг, к сожалению, мало печатавшийся—его оригинальный, острый стих сразу приковывает к себе внимание. Из авторов известных у нас здесь: сильно пофутуревший Зенкевич, который, видимо, развивается и раздвигается; обычно лакированный Мандельштам, невнятная Цветаева (недавно напечатавшая в альманахе «Пересвет» довольно приятные вещи) и Пастернак, которого, признаться, чуточку обидно видеть в этой компании.

Но что в общем «за всеми снами, дорогами, цепями» этой молодежи видно: стихомания кончается, и кончается она в глубоком разложении стиха, которым они пишут. Тут и там определенно вылезает из-под стиха—проза, таким стихом стихи долго не пишутся. И, сдается, им скоро конец. Не случайно публичное появление таких «поэтов», как Захаров или Манухина,—начинается своеобычная бенедиктовщина. Ей-то и выпадет на долю перевести в полную общедоступность стихопромысел, в каковой тому и кончиться. Кроме того, в стих назойливо и страстно лезет «содержание». Лезть ему туда трудно: учились наши крошки у людей, которые занимались формой более нутра. Теперь: прямо-смысловое содержание слова, каковое превалировало у пушкинских поэтов, для наших авторов утеряно, и никакая мандельштамизация стиха его нам не вернет, ибо Мандельштам и его ученики пишут не о переживании, а о позе по поводу переживания. Следственно этим путем содержание вникнуть к современникам не может,—и оно вникает, реагируя обратно на то, что было модно футуристам,—возможно меньше стихоформы, вот невысказанный сегодняшний лозунг. Форма футуризма: виртуозное дробление стиха, оголенная форма; реакция уничтожает виртуозность, валит в противоположность голой форме—голое содержание, все вместе: «чернила и проза», как сказали Брюсов с Верлэном. Чернила несъедобны и выветрятся, останется проза. Ее содержанием как будто должна быть мещанекая драма, олеография, бытик. Еще долго на него будет проецироваться мрачный юмор футуризма, но исчезнет и он.

Э. П. Бик.

---

1) Н. ЛЯШКО. Весений день. М., 1921 г. Стр. 16. 2) МИХАИЛ ВОЛКОВ. Чудо М., 1921 г. Стр. 16 (рассказы) 3) ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ. Паруса. М., 1921 г. Стр. 16. 4) ГР. САННИКОВ. Лирика. М., 1921 г. Стр. 16. 5) В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ. Утро. М., 1921 г. Стр. 16. 6) С. ОБРАДОВИЧ. Сдвиг. М., 1921 г. 7) СЕМЕН РОДОВ. Прорыв. М. Стр 16 (стихи. Издание В. А. Пр. П. 8) Г. САННИКОВ. Дни. Вятка, 1921 г. Стр. 32 (стихи).

Работы пролетарских писателей, помимо того или иного отношения к полуакадемическому спору о классовой сущности участников их Ассоциации, интересны, как явление вообще небывалое в литературе, не только нашей, но и мировой. Если даже считать указанных беллетристов и поэтов только выходцами

из рядов пролетариата, то и тогда останется в силе предшествовавшее мое утверждение, и факт одновременного появления восьми сборников молодых поэтов не только не должен, но и не может пройти незамеченным или не отмеченным критикой.

Группе приходится отчасти отвоевывать, отчасти основывать свою собственную технику, и общие законы литературного развития естественно должны наложить свою печать на новое начинание. Как и всякая иная литература, литература пролетарская начинается со стихов, и две попытки прозаических работ стилистически не выпадают из общего стихотворчества. Потому что, конечно, не проза, а стихи такие строчки:

Пламя свечки дрожит
красным птичьим пером
Превращается
в лепесток цвета подсолнечника,
в яркую гвоздику.
А закрою глаза—
В солнце.

(Н. Ляшко).

или:

Под осень, когда небо беспрестанно.
как мокрая курица,
стряхивает брызгами
и ветер, подобно нищему слепцу
жалобно скулит Лазаря,
а в избушке, сквозь потолок,
словно из худого ведра
ручьями щирит вода—
бабушке не житье, а мученье!...

(Михаил Волков).

и настоящая проза участников Ассоциации вся впереди.

Поэтому критика пролетарской поэзии в данное время не может ставить себе задачей уловление тех или иных дефектов или погрешностей против унаследованной формы: занятие слишком легкое и потому неблагодарное, ведь не один Обрадович, а и многие старые поэты совершали промахи в роде: «вновь огненны рельсы режут — зубами пил и там и тут». Характер новой поэзии определится прежде всего свойствами ее метафоризма и, конечно же, не его материальным реквизитом, достаточно затасканным всеми урбанистами. Недостаток места не позволяет мне привести достаточное количество примеров, подтверждающих мое наблюдение, состоящее в том, что примитивность молодой школы вынуждает ее участников оперировать понятиями механической культуры в соединении с архаическими реминесценциями, причина которых лежит именно в этом примитивизме. Так, мы имеем: «И радио-птицы летят из открытых бойниц», «Не забыть лебединого дня—И заводских гудков молитвы». «Республиканский реет стяг». «То неба грань плечом ломая—Вобрав стремительность миллионов тел, — Рабочий строй, все перемогая...»

А накопление метафор порождает фольклор в области примитивного, и неслучайно лучшее стихотворение С. Родова, неведомо для него самого по новому строит монгольский миф о девушке, которая шила небо. Только этот фольклор лишен мистики, и в этом его особенность. Но тем не менее его дальнейшая искусственная разработка, как и всегда, даст нам ту будущую пролетарскую литературу, о которой пока рано говорить, как о совершившемся факте. Тем лучше для нее.

И. А. Аксенов

ДЕТСКИЕ КНИГИ.

Н. В. ТУЛУПОВ. Страшная коза. 32 стр.

Мы говорили уже о «Библиотеке детского чтения» Тулупова [1]), как о таковой, которую Госиздату никоим образом переиздавать не следует, ибо в ней преследуются не интересы детей, а интересы частного издательства, набиравшего в свои томики всякую мешанину и выставлявшего первым рассказом такой, который обеспечивал бы наилучший сбыт книжке. «Страшная коза» не составляет исключения. Как и в других книжках, материал в ней подобран для различного возраста; за «Страшной козой», которую надо поместить в сборник народных сказок, следует переводный рассказ о «Слепой лошади», язык которой—для детей

---

[1]) См. «Печать и Революция» 1921 г., книга вторая, стр. 209.

более старшего возраста, а мораль в конце рассказа о том, что «Бог велит», ни для кого не нужна. Затем рассказ Гаршина о «Лягушке путешественнице» опять-таки для другого возраста и опять-таки, как мы указывали при разборе одной из прежних книжек Библиотеки, запичкан совершенно недопустимо среди разной ерунды.

А после этого рассказа стихи о Маланье и о котике, чтобы последнюю страницу заполнить.

Пора уже Госиздату выбросить всю подобную макулатуру и приступить к изданию более обдуманной с педагогической и художественной стороны книг для детей.

Д. Елизарова.

И. В. ТУЛУПОВ. Книжка-первинка для малых ребят. Книжка VIII, X и XI. По 32 стр. каждая.

Книжки эти составлены по принципу: для малых ребят все сойдет, они не разберут. Мы не хотим сказать, чтобы в них было что-нибудь прямо вредное, но это совершенно бессистемный подбор,—главным образом, по размеру, чтобы 31 страничка составилась, да чтобы некоторые рисунки сунуть.

Не принимается во внимание возраст. Так, книжка XI начинается песенкой «Гуси вы, гуси, красные лапки», которую няньки поют 3 и 5-летним детям, продолжается рассказом для старших школьников, а кончается кое-чем: загадками, скороговорками. По первой страничке можно бы пятилетнему в руки дать, по следующим—двенадцатилетним, а там иногда 8-летним годится. По содержанию тоже совершенный винегрет: нравоучительные рассказики, стихи, сведения о временах года... Также и язык: то прибауточный, то современно-книжный, — повальная болезнь и зараза, горькая участь сирот и купчиха-благодетельница, мать богоданная... Подобные рассказы, вообще в детскую книжку вовсе негодные, не станут популярнее от разбивки их по куплетикам, по красным строкам. Надо малым детям давать действительно краткие, доступные и интересные им по содержанию и по языку рассказы. Надо, чтобы каждая книжка имела в виду один возраст и поэтому вместо расплывчатого термина «малым» надо давать особо чтение для дошкольников, для школьников 1-ой и 2-ой ступени. А прежде всего во главу угла надо поставить интересы детей и поэтому переиздавать книги, составленные в интересах издателей, недопустимо.

Д. Елизарова.

„БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ". Рассказы, басни, стихотворения. Гос. Издат. 31 стр. 1921 года.

Перед нами опять заголовок «Библиотека детского чтения», как и на некоторых изданиях Тулупова, но этого последнего штемпеля нет, а лишь один советский, — Российская Социалистическая Федерат. Сов. Республика. Таким образом, все заставляет предполагать, что мы имеем дело не с переизданным Госиздатом прежним, буржуазным, а с самостоятельным изданием. Это повышает наши требования к книжечке. Перелистывая ее, мы видим, что рассказы подобраны в ней хорошо, за что ручаются имена авторов—Л. Толстой, С. Аксаков. Рассказы В. Н. Львова о еже также хороши. И по содержанию (о жизни животных), и по положению книжка составлена для одного возраста, и ее вполне можно дать в руки детям. Но к чему мешанина из разных авторов? Почему давно известные и ничем доселе не превзойденные рассказы для детей Л. Толстого не издаются отдельными выпусками, с именем автора на обложке? Почему они прячутся под общим заглавием: «Рассказы, басни, стихотворения»? Какое может быть основание у Госиздата прятать, таким образом, гордость русской литературы, вместо того, чтобы с ранних лет приучать наших детей ценить ее? Какое основание прятать рассказы Толстого, таким образом, от составителей библиотек, от родителей? Буржуазные издательства предпринимали это для втирания очков: якобы новая книжка выпускается. У Госиздата этих мотивов быть не может. Поэтому надо давать детям Толстого самостоятельными выпусками, с именем

автора на обложке, облегчая этим и библиотекам, и отдельным маленьким читателям подбирать полное собрание детских рассказов нашего великого писателя. В таком же виде можно составить с рассказами из природы С. Аксакова и других наших писателей.

Но в таких книжках для самостоятельного детского чтения совсем ни к чему вопросы о прочитанном, задачи. Дети одни отвечать на эти вопросы не будут. Для занятий же с учителями нужны более систематические и более подробные хрестоматии и руководства.

Д. Елизарова.

БУРЕНУШКА. Сборник рассказов и стихотворений. Рисунки Комарова. Изд. Т-ва Сытина. 16 стр.

Эта незатейливая книжка с очень хорошо подобранными рассказами и стихотворениями, рисующими с разных сторон, простым языком и живо это домашнее животное применительно к пониманию детей 7—8 лет, с доступными для них и хорошо исполненными рисунками, составит полезный вклад в детскую библиотеку дошкольников. Следовало бы аналогично, с такой же любовью и вкусом составить книжечки, посвященные и другим нашим домашним животным, известным и маленьким детям.

Д. Елизарова.

В ПРИРОДЕ ЗИМОЮ. Библиотека детского чтения. Под редакцией Н. В. Тулупова. 31 стр.

В данном издании Тулупова лучше подобраны рассказы, — для детей лет 12-ти. Но все же мы считаем, что переиздавать эту книжку не следовало. Рассказ по Вольногорскому слишком сух и мало понятен для самостоятельного детского чтения. «Различные атмосферные осадки», — «Вследствие дурной теплопроводности»—и т. п. выражения не будут поняты детьми, и они либо испытают скуку, либо пропустят этот рассказ. Рассказ «Буран» из Пушкина следовало бы, по тем же соображениям, которые были высказаны нами относительно одного из подобных сборников, дать в выпуске сочинений Пушкина, чтобы знакомить с ним детей и облегчить им собрание его сочинений. Для детей старшего возраста подобный принцип сборников гораздо правильней, чем сборники о «Зимушке-зиме», «Буренушке» и т. п., вполне пригодные для малышей. Вопросы и задачи в таких книжках, как мы уже указывали, не у места.

Д. Елизарова.

М. ВЕРИГО. В лесу. Перевод с польского. 30 стр.

В сборнике три рассказа: «Ястреб», «Калека Мартин» и «Хитрый жук». Все они годятся для одного возраста,— школьников 1-ой ступени. Написаны легким и литературным языком и могут быть признаны хорошим чтением для детей. Как водится во всех сборниках, лучший—это первый: «Ястреб»; «Калека Мартин» недурен, но лучше было бы, если бы весь сборник был посвящен жизни животных,—он был бы цельнее. Желательно, чтобы для нового издания он был изменен в этом смысле. А кроме того, следует снять вопросы в конце книги. Как мы доказывали уже в других рецензиях, они ни к чему: при чтении с учителем они излишни, ибо всякий учитель сам поставит подобные; при самостоятельном чтении детей излишни также, ибо дети оставят их без внимания.

Д. Елизарова.

ИСКУССТВА.

АЛЕКСАНДР ТАИРОВ. Записки режиссера, изд. Камерного театра. Москва, 1921. Стр. 194.

Таирову, как дилетанту, не дано разобраться в одной сложнейшей области театра: в искусстве актера, в системе его игры, в познании тела, как материала, актером оформляемого.

Если Крэг утверждает — «актерская игра не есть искусство», надо же понять, что речь у него идет лишь об анархических системах, об отсутствии у актеров последнего двадцатилетия какой бы то ни было заботы о том, чтобы поставить свой материал в условия точного расчета.

Когда Таиров заявляет: «акробат—актер», а не «механическая кукла», он выдает нам свое непонимание всей сложности лицедейства. В актере-акробате всегда в одном двое: A_1 дает задание (активное начало), A_2, выражая свое согласие на принятие от A_1 предлагаемых ему форм, ставит себя в положение материала (пассивное начало). Начинается игра. К инициативному свойству A_1 тотчас же присоединяется все то, что ставит его перед A_2 как регулятор. A_2, оставаясь по существу явлением пассивного типа, в то же самое время—не только материал, это—рабочая сила, взявшаяся за выполнение задания и сознающая себя машиной. Не развивая в тесных рамках рецензии всех подробностей этой обязательной в лицедействе формулы $N = A_1 + A_2$, утверждаю (хотя может показаться такое утверждение парадоксальным), что и в актере-акробате, таком, конечно, как Max Dearly, например, и в сицилианце Грассо, умевшем подогревать свою рефлекторную возбудимость до высшего градуса (и потому казавшемся актером нутра), и в том, и в другом налицо механическая кукла. Акробат в номере на турнике, Max Dearly с его игрой в кисть (в «Mon bébé M. Hennequin'a) и любое животное на свободе, поскольку движения их являются организованными и механизированными, могут быть взяты, как объекты для схемы куклообразных основ в их движениях. В том-то и дело, что в человеке (как и в других животных: ведь члены всех животных сходны) уживаются рядом: движения тела, кажущиеся порой анархически-свободными, и столь ненавистная Таирову система, ставящая действующего в пространстве в положение механической куклы.

Пталомеево описание мира, подсказавшее Леонардо да Винчи поставить изучение книги о началах механики, как работу, необходимо предшествующую исследованиям законов перемещения в пространстве тех или иных подвижных частей тела человека и животных, должно стать поучительным: пуск машины на основах «единого закона механики во всех явлениях силы» (Винчи) ни на минуту не пригнетает в актере интенсивного разгорания горючего в области чувствований A_2 материала, поскольку регулятор A_1 всегда настраже.

Когда мы уже даем в наших новых театральных школах стройную систему предметов, имеющих задачей протренировать в A_2 материал в самых разнообразных направлениях, дабы A_1 мог «доказать каждое положение анатомии с ясностью геометрической» (Леонардо да Винчи), ну, не дилетантство разве говорить, как это делает Таиров, что, помимо занятий по «пластике» (вот!) и «балетной гимнастике» (вот-вот!), он ввел в свою школу занятия по фехтованью, акробатике и жонглированию. Полная неосведомленность Таирова в области обязательной для актерского искусства *биомеханики* привело актеров его театра к тому, что усердные работы в зале фехтования, акробатики и жонглирования дают неожиданные результаты: движения «камерников» по сценической площадке не подобны движениям эквилибристов и эксцентриков (гротеск—природа театра не в одной буффонаде, а и в трагедии, и в трагикомедии, и во всем театре в целом), у «камерников» не чередование больших движений крепкого бега, прыжков и дельсартовской устойчивой ходьбы, «где все положения, тело вижения, лицо предсказывают то, что (инициаторы) хотели бы заставить испытать» (Дельсарт). В Камерном тетре настойчивое

игнорирование винчиевского правила не делать «ни больших движений в мелких чувствах, ни мелких движений в больших». Здесь не крепкая поступь матроса, разгуливающего по палубе качающегося корабля. Здесь не осуществление предлагаемого А. Эйнштейном рецепта гениального теоретика Л. Больцмана: «оставить элегантность портным и сапожникам». Здесь как раз наоборот: «элегантность портных и сапожников» возводится в правило, а в основе движений по сценической площадке крепко (мы знаем откуда это) заложены принципы элевации балетных мастерских. В синоптической таблице Карла Блазиса отме ены: pas, enchainements, арабески, когда речь идет об элементах танца, но когда речь идет о пантомимах, в таблице возникает уже иное: жесты, физиогномия, внешнесценические состояния иного порядка.

Руки будто крылышки, когда скользит балерина по сцене, поступь каждую секунду выдает нам ее намерение вспорхнуть. Разве тут скажешь: «вот бег». Полетом отметишь каждое передвижение, а упадет на пол сцены балерина, и пачки ее костюма даже не сомнутся. О Нижинском в любом моменте его танца рецензент готов сказать: «воздушен». Это искусство возникает, как результат особой тренировки в экзерсисах особой балетной гимнастики. Вот к чему приводят «пластические» упражнения. И тут фехтование. Но и оно в особом окружении специфических предметов преподавания дает особые результаты.

Если для обучающегося трагикомедианта не поставлена в центр биомеханика в окружении гимнастических игр, если нет лыж, спорта на льду, метанья диска и копья, нет хоккея, футбола, бокса, французской борьбы и т. п.,—то и фехтование, и акробатика, и жонглирование неминуемо превращаются либо в забавы дендизма, либо актер обогащается познаниями лишь на те случаи, когда ему приходится на сцене подраться на рапирах (Гамлет, Дон-Жуан) или сыграть шута.

Акробатика, о которой говорит в своей книге Таиров, и та, которую мы смотрели не раз на сцене Камерного театра, ничего не имеет общего с той акробатикой, которая становится феноменом нового театра, не опекаемого дилетантами.

Мне никогда не было так ясно, как теперь, после выхода в свет «Записок режиссера», что Камерный театр—театр *любительский*.

Только любитель, желая стать акробатом, способен допустить в свою игру приемы балетного искусства. Ну, откуда смогут возникнуть у акробата, жонглера, боксера, фехтовальщика и приторные позы (с ними и в балете достаточно боролся Фокин), и надоедливая мотня, и эти размазывания кистями рук причудливых кругов и эллипсисов по невидимым, но воображаемым «камерниками» в их «атмосфере» плоскостям, и эти вылеты из-за кулис, и перелеты по сцене же всегда элегантных (надо—не надо) денди, и эти приплясывания в стиле Людовика XIV,—даже тогда, когда, казалось, так уместны были бы грубейшие приемы игры американских эксцентриков.

Я вынужден был сделать такое подробное рассмотрение некоторых положений главы «Внешняя техника актера» из книги Таирова потому, что мастерство актера правильно полагается автором, как высшее и подлинное содержание театра.

Бедные актеры, которым «отдает свою книгу» Таиров («своим соратникам и ученикам, их буйной молодости, их пламенному сердцу, их стойкой воле к театральному мастерству»). В каком неведении находятся они на каждом шагу с таким руководителем, который пытается поправлять Крэга (и художника, и актера, и постановщика) в том, в чем Таиров бессилен разобраться. Смотрите: в 1921 году Таиров повторяет почти на каждой странице многое из того, что вожаками театральной революции и в России, и на Западе писалось в период 1905—1917 гг., а многое, до сих пор не уяснив себе, непростительно извращает.

Период стилизации (1906—1907) вызывает со стороны Таирова гром и молнию. Он не понимает, что возникло стилизация, как необходимость вывести актеров из анархии натуралистического театра и привести к осознанию организационных начал Условного театра. Таиров теоретически расстается с «детскими затеями» театральных революционеров 1905—1912 годов, а на дале?..

Раскрыть книгу Silevan Levy «Le théâtre Indien», вычитать рецепт о подборе для «основных чувств пьес» соответствующие им краски, «взять строки» этой книги «за исход» инсценировки «Сакунталы»—Таиров не считает грехом, а то обстоятельство, что режиссер Условного театра принес на репетиции «Сестры Беатрисы» монографию Мемлинга, которая помогла актерам уяснить себе определенные формальные задания постановщика, кажется Таирову величайшим преступлением.

Таиров, видите ли, отнюдь не ставил себе реконструктивных задач, но зачем же было тогда целыми днями просиживать в индусских залах Musée Guimet в Париже на Rue d' Jena, или в лондонских музеях, чтобы зачерчивать различные планы предстоящей постановки?

«Иные группы казались помпейскими фресками, воспроизведенными в живой картине» — так описывался спектакль «Смерть Тентажиля» (Москва — 1905). Разве не так же расскажут нам о спектакле «Сакунтала» видевшие его?!

И если надо будет устанавливать разницу, то только в том, что в одном случае композиция не случайна (все организовано), в другом случае — все «ощупью», как и вся работа Таирова на всех путях (см. его признания на стр. 17, 30 и др.).

То обстоятельство, что Таиров так уж слишком педалирует желание свое во что бы то ни стало отмежеваться от Условного театра и особенно усиленно нападает на его стилизационный период, выдает автора книги с головой: Таиров отлично знает, что с тем запасом знаний, какие у него в области театра имеются, далеко не уедешь, а Камерный театр, помимо чисто любительского своего лица, носит на себе слишком явный отпечаток эпигонства. Если на путях ломки натуралистического театра опыты московского «Театра-Студии», театра В. Ф. Коммиссаржевской и петербургской группы режиссеров и педагогов: Н. Евреинова, Ф.Коммиссаржевского, Миклашевского, Мейерхольда, Вл. Соловьева, М. Гнесина,—если опыты эти были революционными, а не реформистскими, то Таирову не удалось стать зачинателем нового периода на смену Условного театра.

Если детище Таирова—Камерный театр слишком ясно говорит за то, что в нем мы на каждом шагу видим лишь перепевы старых мотивов Условного театра периода В. Ф. Коммиссаржевской,—Таирову невольно приходится в декларациях своих настойчиво подчеркивать якобы совсем иной подход к разрешению тех театральных проблем, которые давно уже разрешены и ждут того только, чтобы их, при научном подходе к вопросам о грамоте в области сценоведения и театроведения, возможно скорее передали в морг искусств.

Почин научного подхода к целому ряду театральных проблем уже сделан, и мы в праве многого ждать от Научного отдела Государственных Высших Режиссерских Мастерских, где прорабатываются коренные вопросы искусства театра.

Между тем с уходом с театрального фронта Театра Р. С. Ф. С. Р.—I мы не видим, кто практически смог бы продолжить начало монументально-героическое под знаком «стиль Р. С. Ф. С. Р.»

Места наших театров четко распределены в эстетических формулах театрального Сегодня. И в опознании этих мест придется руководствоваться тем, что дает нам просмотр близкого прошлого, однако, отошедшего уж в область истории, несмотря на то, что речь идет о не столь уж отдаленных годах: 1905—1917.

После кипучих исканий 1905—1907, резко обозначившихся в 13 opus'ах моего полтавско-московско-питерского периода от «Смерти Тентажиля» (Театр-Студия при М. Х. Т., 1905) до «Балаганчика» (см. стр. 177, 178 книги Вс. Мейерхольда «О театре»—Петербург, изд. «Просвещение», 1913),—«Балаганчик» определительно становится на грани нового года 1907 (1 спектакль в театре В. Ф. Коммиссаржевской 31 XII 1906).

С «Балаганчика» начинается движение и борение трех течений:

I) Новое театральное искусство, поборовшее и сменившее натуралистический театр (в нем властвуют художники: Судейкин, Анисфельд, В. Денисов, потом к ним присоединяются Бакст, Бенуа, Добужинский, Билибин).

II. Хотя Н. Сапунов и пребывал именно в I этапе, но и он, и А. Голс-

вин, если вспомнишь из работ последнего «Дон-Жуана», «Стойкого принца», «Маскарад», на сцене б. Александринского театра (Петербург), и «Электру» в б. Мариинском театре (там же), стоят особняком, особенно если знать, что сделали для театра сапуновский «Балаганчик» и «Шарф Коломбины» (не надо смешивать с «Покрывалом Пьеретты», и «Принцесса Турандот»). Все эти постановки значатся в списке моих режиссерских opus'ов.

III. Но вот впервые выставляется в особой значимости положение о трехмерности тела человека и всего того, что в трехмерном возникает вокруг него на сценической площадке. Изгоняется живопись. А если она и остается еще («Пробуждение весны»)—подчиняется новым законам вертикальных построений (хоть и в нормах тогдашнего Условного театра). Этот путь, связанный всего только с тремя постановками—«Жизнь человека» (петерб. редакция), «Пробуждение Весны» и «Победа смерти», возникший в начале 1907 года, в этом же году, к концу его, обрывается. Возникшее, как блестящее изобретение, наметившее то, что потом будет предложено в «Обмене» Клоделя (мною поставленное «Камерному театру» задание), что будет выполнено так безграмотно, на некоторое время задержится в своем развитии. И этому теперь post factum можно безошибочно дать объяснение: еще не успело в достаточной мере себя исчерпать течение I, о котором была речь выше. Слишком велика количественно и качественно сильна была группа, славная «преизбытком красочных щедрот». И даже в тот момент, когда в «Мире искусства» образовалось левое крыло, двинувшееся уже по путям кубизма, в театре ничто не изменяется: всячески утверждается стилизация, разливаются потоками яркие краски, реминисцируется старина, лезет всяческая вычура, этакая бардочность, и назойливое эстетство пытается утвердить себя, как некий непреложный канон.

Течение I потащило за собой в болотце двух режиссеров (улица буржуазной культуры носит их на руках). Марджанова и Таирова, и недаром последний так усердствует в похвалах первому (см. стр. 15 «Записок режиссера»).

Правое крыло «Мира искусства» распылится по территориям М. Х. Т. и подобным сценам. С ними Таирову не по пути. Конечно. Союз Таирова - режиссера с Экстер-художником не поставит Камерный театр в положение эдакого театра «Écho du temps passé»,—но что из этого? Хоть на некоторое время и удастся Экстер обмануть кое-кого своею «левизной», «Камерный театр» останется надолго на мертвой точке. Все, что узнал Таиров в период пребывания своего в качестве актера «у воды» театра В. Ф. Комиссаржевской, «жадно следя» за работами перестраивавшегося театра 1905, 1906 годов и жадно впитывая в себя все то, что сами зачинатели периода смены Натуралистического театра театром Условным стали подталкивать к сдвигу еще влево и влево еще,—все это Таиров подает публике из года в год, варьируя на разные лады.

В Камерном,—в «Ромео» ни нео-реализм, как гласят манифесты Таирова, а нео-стилизация. На смену Судейкину призвана Экстер,—вот перемена: вывеска и приказчики новые, товар тот же.

«Принцип обнажения тела» (вот чем гордится Таиров). «Обнаженные, раскрашенные, в свободном ритме двигавшиеся тела актеров уже не походили на искусственно-установленные барельефы Условного театра»,—радуется Таиров. Движущееся есть движущееся, неподвижное есть неподвижное, ну, пусть: нет сходства во временном и пространственном сценических явлениях, а что скажет Таиров в свое оправдание, если мы спросим его: разве мало видел он обнаженности и раскрашенности у Бакста, Судейкина, Глаголина, иногда у Фокина в давно прошедшие времена. А Дункан, тело которой прикрывается столь прозрачной тканью?

Ну, как же не стыдно Таирову об этих обнажениях говорить так торжественно: «в области формы были сделаны значительные достижения» (стр. 41).

Однако, самым страшным кажется нам излагаемое Таировым во главе о зрителе. Если из технического тупика можно выбраться заменой художника Экстер художниками Весниным или Якуловым, то полным разрывом с современностью, устанавливаемым утверждением, что театральное искусство может обойтись и

без зрителя (стр. 185), что зритель является не необходимым импульсом актера, что рампу не зачем упразднять и т. д. и т. д., Таиров становится на более опасный путь.

Кстати: Таиров, желая поймать меня на противоречии, приводит настойчивое желание мое, чтобы зритель «ни на одну минуту не забывал, что перед ним актер, который играет», и спрашивает: как же зритель сможет при этих условиях «вбегать в экстазе на помост, чтобы приобщиться к служению?» (стр. 187).[1]

Теперешний новый зритель (я говорю о пролетариате) наиболее способный, на мой взгляд, освободиться от гипноза иллюзорности, и именно при том условии, что он должен (и, я уверен, будет) знать, что перед ним игра, пойдет в эту игру сознательно, ибо через игру он захочет сказать себя, как содействующий и... *как созидающий новую сущность*, ибо для него живого (как для нового в коммунизме уже переродившегося человека) всякая театральная сущность лишь предлог время от времени провозглашать в рефлекторной возбудимости: *радость, нового бытия.*

Вс. Мейерхольд.

М. Д. ПРЫГУНОВ. Русская сцена за последние сорок лет 1880—1920 г. Государственное Издательство. Казанское отделение. Казань, 1921 г. 28 стр.

Эта брошюра представляет собою конспект четырех публичных популярных лекций, прочитанных автором сотрудникам, служащим и рабочим Татнаркомпрода. 17 страниц брошюры заняты библиографической сводкой тех пособий, которыми пользовался Прыгунов для упомянутых лекций. «Искусство народу»—вот боевой клич современности, а потому одна за другой возникают картинные галлереи, открываются новые музеи, консерватории и студии, читаются лекции по литературе, живописи, музыке, широко распахиваются двери театров для нового зрителя. «Он пришел, этот новый чуткий зритель»... говорит восторженное предисловие. Но «мало театр посещать, нужно его знать»—изрекает с наставительным глубокомыслием Прыгунов.

Вот этой цели как раз и не достигают ни лекции, судя по конспективному их изложению, ни библиографический указатель, задача которого «дать достаточный материал для тех, чья пытливая мысль не ограничится полученным на лекции».

Действительно, самая непритязательная мысль вряд ли удовлетворится прыгуновскими сведениями и характером их изложения.

Французскую классическую трагедию лектор попрежнему, по-старинке именует «ложно-классицизмом». Говоря пространно о «муках творчества» В. Ф. Коммиссаржевской, о ее «душе», о «личной драме жизни — источнике сценического вдохновения», о «шипах и розах» периода исканий, Прыгунов опускает без внимания театр В. Ф. Коммиссаржевской, руководимый В. Э. Мейерхольдом,— театр, влияния которого живы и по сей день, судя по некоторым работам Студий М. Х. Т. и по отношению к постановкам Условного театра (теперь в 1921 г.) Таирова.

К мейнингенцам на ряду с Кронегком отнесен Макс Рейнгардт.

В лекции третьей автор, переоценивая значение бесплодного теоретизирования («Ф. Сологуб и *его* (!) театр одной воли»), полуигнорирует практическое делание Нового театра (В. Э. Мейерхольд и *мысль* о просцениуме»).

В библиографическом указателе к III лекции («новые искания театра) помечены ничтожные вещи (напр., статьи Л. Гуревич) и непростительно пропущена книга Вс. Мейерхольд «О театре».

Б. Бебутов.

Б. В. ФАРМАКОВСКИЙ. Художественный идеал демократических Афин. 1918 г. Петроград, К-во «Огни» (Круг Знания, серия истории искусства, 204 стр., 7 таблиц, 42 рисунка в тексте.

Имя профессора Б. В. Фармаковского, крупнейшего у нас сейчас знатока истории античного искусства, украшает на этот раз обложку популярной книги с общеинтересным и чреватым названием. На заглавной странице эпиграф из Бальмонта, на первой—посвящение ма-

ститому эллиноведу, ныне покойному проф. В. К. Мальмбергу; далее идут заглавия разделов: «Древние Афины и наша современность», «История художественного идеала демократических Афин», «Выражение художественного идеала демократических Афин в эпоху Перикла» и «Ценность Афинского Идеала»; под заголовками—цитаты из Ренана, Пиндара, Солона, Мережковского, Родэна и Метерлинка; в тексте—стихи, сменяющиеся иллюстрациями: таков внешний облик книги, которая при первом же перелистывании производит известное впечатление. Солидный научный авторитет как бы выходит из замкнутости своего кабинета и говорит по вопросам своей специальности с неспециалистами; и тема его настолько общечеловечна, что представляет интерес для всякого образованного человека, хотя бы с эстетической точки приложения. Таких книг—популярных в лучшем смысле слова—много во Франции и Америке; но в России их мало. А такие книги очень и очень нужны. Если основы науки об античности медленно складываются в некое целое, как результат ряда критических исследований, произведенных по строго-ограниченным вопросам данных античной культуры, то добытые наукой историко-культурные синтезы, конечно, должны становиться достоянием не только профессионального круга ученых, а и всего читающего общества. В этом смысле тема, избранная Б. В. Фармаковским, исключительно удачна—как сама по себе, так и в данном ее аспекте.

Но в то же время она и трудна, как предмет популяризации. Это ясно сказывается в некоторых чертах работы. Так, самый прием популяризования научных данных, повидимому, дается автору нелегко; местами заметна неприспособленность к легкому стилю изложения, который достигается с заметным усилием. Мысль автора не воспаряет, как у энтузиаста, а с привычной осторожностью обтекает тему, цепляясь иногда за второстепенные подробности и точно боясь упустить полноту рационального выражения. Неровный, часто тяжелый слог почти не прибегает к логическим сокращениям (казалось бы, столь естественным в такой книге), но с медлительной детальностью анализирует явления. Научная эрудиция археолога не везде уда но сочетается с пафосом художника, и читатель может не заразиться энтузиазмом автора, слишком близко знающего свой предмет, чтобы отдаться искреннему увлечению: см. лирику на стр. 95 сл. и 196 сл.

И язык автора—язык более научный, чем литературный. Об этом свидетельствуют проскальзывающие архаизмы речи (такие слова как *ныне, весьма, столь, коего, наилучшие*) иногда чисто-технические термины («паиск» на 117 с., «реликвиарий» на 123); сюда же относятся кой-какие шероховатости стиля: тяжесть фразы, точно пер веденной с немецкого (на стр. 99—100—«Сооружение ей соответствующего ее величию и величию Афин, которые она олицетворяла, образа»), тавтология («постепенно поднимающийся подъем»—стр. 100), чрезмерное абстрагирование («общая конц пция композиции» — 102), монотонность («несколько только голов» — 200) и т. д. Напротив, некоторые всем привычные т рмины (как *красота* или *религиозное сознание*) без всякой особой нужды поставлены в кавычки, как будто бы они являлись пр дметом иронии в глазах автора—чего на самом деле нет.

На ряду с указанным, встречаются в книге слишком добросовестные примечания, которые справками своими отвл кают внимание от основной темы к неважным для читателя деталям: таковы, например, варианты перевода Перикловой речи в сноске на стр. 89.

Это—о внешней стороне труда, в данном случае, как нам кажется, первостепенно важной.

Что касается существа содержания работы, то здесь ученый автор гораздо менее уязвим, чем в области стиля. Мастерской, местами блестящий анализ памятников искусства способ н у довлетворить наиболее критическим требованиям. Умело составленное описание развития греческого художества в предшествовавшие Периклу эпохи дает в целом увлекательную картину. Удачные по своей показательности иллюстрации использованы автором велико епно: ничто из существенного не упущено, и

нельзя не признать, что описания Б. В. Фармаковским иных тем обнаруживают явные элементы систематического синтеза,—того синтеза, который редко бывает доступен археологам и встречается в специальной литературе лишь как особое исключение.

Определенное выражение в чисто искусствоведном разрезе вызывает только одно утверждение автора: «одежды у скульптур Парфенона не реальны и... стилизация у них преобладает над действительной натурой... у одежд фигур Парфенона *нет реальной характеристики материи*» (19).—Именно на фигурах тех трех богинь восточного фронтона, которые имеются здесь в виду, льняные хитоны и шерстяные гиматии настолько явно различены ваятелем, что с заключением Б. В. Фармаковского согласиться просто нельзя.

Остановимся еще на общих точках зрения и историко-культурных характеристиках автора. В этой области, наиболее философичной по методу и, быть-может, наиболее интимной по воззрениям, некоторые аналогии, проводимые в книге, представляются нам не вполне убедительными; например, эллинизм и христианство (186 сл.), или военно-революционная современность 1918 г. и Афины V века, — такие сопоставления обнаруживают очень приблизительные параллели, которые совсем расходятся, в наших глазах к стр. 181, где вырисовывается духовный облик Фидия... Ведь эллинское миросозерцание и наше наукообразие вряд ли соизмеримы, и «вера в богов» и «вера в науку»—совсем разные веры.

Некоторое преувеличение мы предусматриваем в подчеркивании того афинского оптимизма V в. (85 сл.), который в данном воззрении, правда, согласуется с оптимизмом самого автора (вводная глава), но, взятый объективно, плохо вяжется с открытой Ницше трагической подпочвой культуры Антики. *Страдание по красоте*, породившее эллинский гений, совсем не отмечено исследователем.

Кроме того, эволюционизм историка как-будто не дооценивает здесь надвременное, классическое своеобразие волевого синтеза рассматриваемой эпохи; пусть «царство чистой и совершенной культуры» есть идеал Перикловой эпохи, однако. вряд ли можно выводить его из элементов прошлого, как явление чисто временного ряда, как результат славных побед и заслуженного триумфа.

Конечно, V век вырос из VI, но художественная душа V века воспиталась на основе данных своего собственного подсознания. И в этой характеристике античной души хотелось бы встретиться с большей индивидуализацией предмета.

Указанные особенности общих предпосылок автора отнюдь, впрочем, не нарушают впечатления значительности, производимого книгой. Достоинства работы Б. В. Фармаковского вполне очевидны, говорят сами за себя и не требуют никаких апологий.

Проф. Д. Недович.

FRANZ LANDSBERGER. Impressionismus und Expressionismus (Eine Einführung in das Wesen der neuen Kunst). Lpz., 1920.

Ф. ЛАНДСБЕРГЕР. Импрессионизм и экспрессионизм. (Введение в новое искусство). Лейпциг, 1920.

Вышедшая под этим заглавием книжка известного германского ученого посвящена теме, одновременно и более узкой и более широкой, чем говорит об этом название. Собственно говоря, взаимоотношение между импрессионизмом и экспрессионизмом является для Ландсбергера в данном случае поводом для другого вопроса, остро выдвинутого современными художественными течениями. Вопрос этот сводится к проблеме изобразительности в живописи. Как известно, начиная с пост-импрессионизма (Сезанн, Ван-Гог), европейская живопись стала все сильнее и определеннее отходить от чисто изобразительных, натуралистических задач, путем—сначала деформации природных форм, а затем полного от них отказа и перехода к беспредметному творчеству. Особенность экспрессионизма, как правильно отмечает Ландсбергер, заключается в том, что он подошел к материалу не с точки зрения объективного построения (как это до

некоторой степени характерно для кубизма и футуризма), а с точки зрения субъективно-эмоциональной. Критикуя экспрессионизм, Ландсбергер указывает, что всякая живописная форма, взятая как таковая, может быть либо предметной (в орнаменте, в художественном производстве), либо иллюзионистской, т.-е. изобразительной. Аналогия с музыкой, которая пользуется чистой формой для выражения душевных эмоций и на которую любят ссылаться вожди экспрессионизма (например, Кандинский), не выдерживает, по мнению Ландсбергера, никакой критики: в то время, как цвет немыслим в восприятии без предмета, являющегося его носителем,—звук, напротив, переживается нами безотносительно, будучи не качеством предмета, а его порождением. Игнорируя это принципиальное различие, не являясь производственным и в то же время не принимая изобразительности, экспрессионизм неизбежно попадает в тупик: он лишается реальных целей для творчества, а потому вынужден, за неимением собственных форм, пользоваться чужими, т.-е. прибегать к стилизации под детей, дикарей и т. д.

Все это, конечно, совершенно верно, но какой же практический вывод должен быть отсюда сделан? Ландсбергер прямо не говорит, но целый ряд замечаний и глубокое сочувствие к импрессионистам позволяют утверждать, что для немецкого профессора выход дается возвратом назад, к реализму. С Ландсбергером повторяется то, что типично для новейшей буржуазной интеллигенции вообще, она сильна в критике и совершенно безнадежна в положительной программе. Экспрессионизм является одним из болезненнейших, а главное — неосознанных, стихийных проявлений разложения станковых изобразительных форм,—разложения, которое рано или поздно приведет и немецкого художника к необходимости обратиться к чистому материалу. Что же он будет с ним делать? Ясно, что, оставаясь индивидуалистически оторванным от жизни, он не находит ничего другого, как бесцельную игру красок à la Кандинский. Но жизнь сильнее личности. Могучий натиск пролетарского движения выдвинет и перед ним (как перед русским художником) задачу социального строительства. А тогда игра в материал претворится в реальное делание вещей. Экспрессионист, разумеется, об этом и во сне не мечтает, но такова уж судьба современной интеллигенции: она выполняет свою историческую миссию не потому, что понимает и хочет ее, а потому, что история за шиворот тащит ее на предназначенное ей место. Процесс эволюции этим, правда, замедляется, но не отменяется.

Б. Арватов.

П. П. ПЕРЦЕВ. Щукинское собрание французской живописи. Музей новой западной живописи. Москва. Б. Знаменский пер., 8. Москва. Издание М. и С. Сабашниковых. 1921. 8°. Стр. 120. Без цены.

Книга представляется симптоматичной и чрезвычайно поучительной. — Путеводителя по замечательным московским собраниям новейшей французской живописи мы ждали давно. Но книга П. Перцева честолюбива: она хочет дать больше, чем только путеводитель. Полученный результат—о нем позволительно сказать два слова в начале же: не годится. Книгу Перцева мы считаем более чем бесполезной: вредной. Ее подробный разбор представляется в силу этого необходимым.

Во «вступлении» автор противополагает «пластический» взгляд на живопись «литературному» («западный» и «русский»), требуя для них некоторых равных прав в суждениях о живописи. — «Формализм» в искусствопонимании, заметим от себя, представляется нам изжитым. Но это не предрешает возврата к сюжетной точке зрения, которая отожествляется автором с литературной. Дело идет о более глубоком. Имманентной критике искусства противополагается трансцендентная: и, может-быть, от забвения этого и вытекают все дальнейшие промахи. «Желание и умение смотреть», о котором сказано на стр. 6, выставляет требование определенной и четкой методологии.

О шаткости ее свидетельствует вся книга. Одна черта чрезвычайно харак

терна для автора: его терминология, по которой наиболее естественно выказывается всегда лицо пишущего. Здесь как раз с первых страниц встречается словоупотребление, останавливающее на себе внимание: «*символизм*», «символическая школа», «ранне-символическое искусство» (стр. 7: в применении к Ренессансу!). К этому мы еще вернемся, а пока укажем, что первая глава (общий очерк живописи во Франции) доказывает, что автор—никакой историк. Вся современная наука об искусстве прошла мимо него: о великих основах стиля Барокко не знает он; для него живопись Возрождения заканчивается Давидом. Искусство классицизма для него воодушевлено только пафосом линии, что, заметим, без дальнейшего не имеет права быть отожествленным с скульптурностью. Если характеристика Делакруа не вызовет возражений, то один прием автора, им проводимый во всей книге и встречаемый в самом начале, должен быть оговорен здесь. Это его тяготение к сопоставлениям художников с писателями. У Делакруа — общее с Достоевским, у Коро—с Тургеневым. Дальше—больше. Мы самым решительным образом протестуем против таких попыток: эти сравнения, низводя индивидуальные отличия искусства живописного и литературного в плоскость безлично серую общих и неизбежно индивидуальных восприятий зрителя-читателя, никоим образом не могут «научить смотреть». Равным образом, вряд ли особенно хорошо сопоставление французских реалистов с русскими «передвижниками». Здесь нельзя ограничиваться тем, что делает автор,—отметою преобладания пейзажа во Франции и жанра в России. Не к «национальной психологии» сводится здесь дело, а к разным ступеням художественного развития. В конце XIX века пейзаж у передвижников возобладал столь же решительно, как и во Франции...

Еще одно методологическое замечание. Говоря о мастерах до-импрессионистической Франции, автор часто ссылается на Третьяковскую галлерею, в которой картины эти недоступны пока что. (Об этом автор счел нужным сделать примечание в конце книги. Но непростительно, что ни словом не оговорен факт такого исключительного значения, как наличие в Москве примечательного собрания романтиков и барбизонцев в Румянцевском музее — Кушелевская галлерея с первоклассным Делакруа, Милле, Курбе).—Это делает сразу—увы!—книгу П. Перцева устарелой для пользования практического... Не считается также автор с наличием Морозовского собрания.—Почему?

Новая глава подготовляет переход к непосредственной теме книги. О Манэ автор говорит «по Моклеру», и только напрасно впадает в такое противоречие с истиной, что русский импрессионизм (живопись Врубеля и др., стр. 21) «вовсе не вызвал вражды в русском обществе». Врубеля просто затравили—и конечно, Стасов, в котором сконцентрировались мнения об искусстве 70—80-х годов, отнюдь не был фигурой карикатурной (стр. 26). Важно не «*что* написано, и даже не *как* написано, а *кто* написал»; устанавливает автор своеобразное эстетическое требование (стр. 27). Может-быть, в силу этого вся его оценка импрессионизма переломлена в плоскости отдельных личных переживаний. Проблема импрессионизма, как принципиального мироотношения, не затронута почти. В главе, непосредственно касающейся импрессионистов Щукинского собрания (заметим, что с новой развеской Музея западной живописи автор не считается и говорит о неудачном месте между окон картины, которая давно там не висит, стр. 41), акцент снова — на личных характеристиках. Почти оскорблением великих учителей современной живописи звучит мнение о картине Дега—как о сцене «откровенно комической» (стр. 45), сравнение Ренуара с Додэ (стр. 48). Мы решительно возражаем против того понимания искусства «иллюстрации», которое выказывает автор на страницах, где в круг этого термина он включает Тулуз-Лотрека, Стейнлена, Форена и других преемников Дега. Но вершины своей терминологическое творчество автора достигает в следующей главе, где Сезанн, Ван Гог и Гоген включаются в «триаду символизма». Применять этот термин к ним никто, утверждаем мы, не имеет права.

Самое понятие символизма (да будет здесь позволено высказать несколько простейших истин)—или толкуемое широко имеет равную годность ко *всем* произведениям образного искусства, к Египту, Греции, Рафаэлю и Рембрандту, к Делакруа, Курбэ и Ван Гогу одинаково; или толкуемое узко, в соответствии с литературным течением конца XIX века, должно быть применено к таким мастерам, как Бёклин, Клингер, Уоттс, Гюстав Моро... но Сезанн! Единственное обоснование, которое дает автор своей терминологии, сводится (стр. 63 — 4) к указанию на «несомненную отвлеченность» фигур Сезанна. Большая реальность, чем сама действительность вещей Сезанна «обращает их в *символы* этой реальности», говорит стр. 65.—О, нет: здесь достигнуто воплощение образной формы: не в первый раз в искусстве. Того, что характерно для символизма. единства формы с неким *содержанием*, живопись Сезанна не давала просто уже потому, что строго и аскетически последовательно от содержания себя отстраняла. Мы боимся, что установление этикетки символизма над триадой пост-импрессионистов будет неизбежно спорным. Но и другое: имеет ли право какой бы то ни было писатель группировать под каким-либо термином художников, которые сознательно никогда термином этим не пользовались — и вообще компактной исторической группы не образовывали? «Импрессионизм», «реализм»: это знамена, вскинутые не напрасно, и объединившие вокруг себя сторонников. «Символизм» в применении к Сезанну, Ван Гогу и Гогэну, которые сами никогда себя так не мыслили, есть совершенно неправомерное жонглирование терминологией.

О Гогэне автор утверждает, что в его живописи преобладает «музыкальное» начало (стр. 79). Еще один грех современности! Восхотев смотреть, *видеть* мы не научились. Боимся, что путеводитель Перцева видеть и не научит. В «модулировании» Сезанна (т.-е. в чисто живописной передаче светотени комбинациями валёров) автор с радостью ищет той же музыкальности, лишь бы где-либо нарушить границы тяжкой для него имманентной критики. Декоративная гармоничность Гогэна для него в том же порядке. Но не будем спорить. — Став раз на скользкую почву терминологии своей, автор в дальнейшем утверждает определенную неправду про Пюви де Шаванна, единственного настоящего символиста в Щукинском музее, что в его живописи... «нет символического обобщения природы» (стр. 83, зато есть совпадение с... Майковым!)— В Матиссе автор видит апогей красочного динамизма, очевидно подчинившись его панно «танца». Вряд ли правильно и здесь словоупотребление. Но полярности противоположений достигает автор со всем, чему учит современная наука об искусстве, в страницах о Пикассо. Понять его исторически — от Сезанна через кубизм — автор не захотел (здесь характерно абсолютное непонимание автором Дерена, о чем он расписывается на стр. 86). Зато утверждается, что Пикассо вложил в свою живопись «философское осмысливание мира. эстетический ответ на метафизическое задание» (стр. 93). Правда, это случилось «помимо воли художника»...— Мы очень боимся, что наша рецензия без того приняла слишком резкий характер. Мы утверждаем, что вся «диаболичность». «черная благодать» и прочее, о Пикассо высказанное со слов С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и Г. И. Чулкова (если что новое!), *ничего общего с его искусством не имеет*, в путеводителе места себе находить не должна, и вообще является измышлением воли, искусству изначала чуждой. Демоническую жуть перед чисто формальными эскизами Пикассо, через которые он, как известно (но не автору) благополучно прошел, может чуять только человек «имеющий очи, но не хотящий видеть».

Библиография, оканчивающая книгу— кратка до степени недобросовестности. Указано только то, что не противоречит взглядам автора, то-есть нет указаний ни на одно почти сочинение, написанное сторонниками и соратниками новейшего искусства. — Книжка Синьяка удостоилась упоминания в тексте (стр. 13), но не в библиографии. Нет трудов Аксенова о Пикассо Глэза и Метценже о кубизме; из трудов Грищенко упомянут только один, из книг Шевченко —

ни одной; опущены большие и руководящие монографии Я. А. Тугендхольда о Ван Гоге, Гогэне и Дега; нет трудов Малевича, Пунина, тех статей о Музее новой живописи, которые в очень большом числе были помещены в журналах последних лет...

Проф. А. А. Сидоров.

Николай МАКАРЕНКО. Искусство древней Руси у Соли Вычегодской. Издательство «Свободное Искусство». Петроград. 4°. Стр. 157. Иллюстраций в тексте 104.

Из послесловия автора книги, вышедшей в свет в 1918 году (стр. 138—9), выясняется, что книга его, в том виде, в каком мы ее имеем, представляет явление в некоторой мере случайное. «Работа эта была исполнена в конце 1916 года, для издания иного характера чем тот, в котором она ныне появляется. Прошел ровно год. Книга была набрана вновь, в другом формате и ином внешнем виде. Но вся внутренняя часть ее осталась та же: содержание, форма изложения и характер», и еще через несколько строк: «настоящее издание, на которое не пожалел средств издатель»...

Итак, повидимому, текст был написан для издания гораздо более скромного— единственное объяснение того несоответствия, которое наблюдается между этим текстом и сопровождающим его большим количеством репродукций.

Издается впервые целый ряд чрезвычайно интересных памятников (иногда даже на ряду с «общим видом» воспроизводятся «детали»); текст же в большинстве случаев касается их лишь совсем вскользь.

Особенно яркий пример: рис. 57 и 58 воспроизводят две прекрасных (особенно первая) шитых пелены с изображением «Благовещения». На стр. 97 и 98 автор отмечает, что мастер, выполнивший эти пелены обладал «высоким мастерством и тонким чувством стильности» (мало удачная характеристика); говорит, что «и та и другая датированы и потому одному имеют право на первое место среди однородных памятников русского искусства. В самом деле, то обстоятельство, что они имеют на себе эту дату, дает в руки исследователя в этой, доселе не разработанной, области ключ к пониманию и оценке многих и чисто художественных, и технических особенностей».

Но какую «эту» дату они имеют, автор ни на одной из 157 страниц своей работы не сообщает. Признаться, такая своеобразная первая публикация памятника не совсем обычна.

В этих случаях обыкновенно даже произведения искусства не датированные издающий снабжает датой, предполагаемой на основании тех или иных данных (стиля, иконографии, археологических). Если же вещь точно датирована, то опубликование этой даты, думается, обязательно, иначе какой же смысл в самом издании? Правда, можно догадаться, почему автор этого не сделал: на протяжении книги он не раз говорит о подготовляемом специальном издании памятников шитья, хранящихся в Сольвычегодском соборе; для него и бережется сообщение даты. Появление же репродукции в рассматриваемой книге может быть объяснено только тем, что книга—«издание, на которое не пожалел средств издатель».

Наш пример показывает, что она, несмотря на это, книга лишенная живой органичности, качества, меньше всего зависящего от «средств, которых на нее не пожалели» (принцип издания «роскошных» книг, где все так «богато» и не ценно, ибо не органично).

Несмотря на этот основной недостаток книги, тексту автора нельзя отказать в создании некоторого, правда, не слишком убедительного, образа—«Строгановы и искусство».

Очень жалко, что автором как-то совсем игнорируется живопись. Правда те иконы, которые он видел в храмах Сольвычегодска записаны или покрыты слоем потемневшей олифы (хотя все-таки о них, должно было сказать), но о Строгановской иконописи мы ведь уже кое-что знаем и некоторые аналогии для издаваемых памятников шитья и пластики с иконами наших собраний, несомненно, были бы очень полезны и для тех и для других.

Можно было бы из 104 репродукций посвятить несколько для ознакомления

читателя с очень важной для историка искусства фресковой росписью Благовещенского собора, дату которой—1600 г.—автор не скрывает; на этот раз он решил «скрыть» самый памятник. Единственная «деталь стенной росписи», представляемая на рис. 8, дает нам «общий вид» на...дверцы шкапчика в стене, несомненно, относящиеся к XX веку; справа видно крыло и спина ангела, вверху—подолы платье в четырех святых.

Два упрека хотелось бы сделать и по поводу репродукций: во-первых, весьма дешевый эффект представляет окраска некоторых из них в зеленый цвет; во-вторых, желательно более аккуратное фотографирование памятников (особенно не повезло иконным окладам) — очень многие из них даны с «обрезанными краями» (своеобразная форма насилия над художественной волей их создателей).

Порою несколько шокирует самый язык автора. О каком-то дурном эстетизме говорят выражения, в роде.

«Любили встарь красиво делать. Делать так, чтобы и глазу было приятно, и мыслям понятно. Любили и говорить о таких делах»; или: «...кто...был в этом суровом краю тем, кто жизнь разнообразил, кто красоту камней и риз сверканье на образе постиг, кто белый храм средь серых изб воздвиг?»

Г. Жидков.

СЕРГЕЙ ЭРНСТ Александр Бенуа. Русские художники. Издание Комитета популяризации художественных изданий при Российской Академии Истории Материальной Культуры. Петербург, 1921 г. 100 стр. текста. 42 фототипии, 6 красочные. Обложка по рисунку С. В. Чехонина Книжные украшения Александра Бенуа. Портрет художника — оригинальная литография Г. С. Верейского. Цена не указана.

Искусствознание, как всякая наука, имеет свои методы и пути исследования. Искусствознание, как всякая наука, подобно организму, живет и развивается. Отсюда, конечно, вытекает, что нас не может удовлетворить исследование, методологическая сторона которого не будет стоять на должной высоте развития науки и будет применять способы, канувшие в Лету. Книга Сергея Эрнста поражает своей архаичностью. Подчас, подменив имена, можно думат, что читаешь одну из биографии Вазари без его литературного очарования. И в самом деле, что представляет из себя книга об Александре Бенуа? Если это воспоминания, то форма их странна, если это панегирик, то это слишком длинно и не искусно, если это жизнеописание, то нас более удовлетворяет, да мы и более привыкли к биографической канве, хотя бы в форме той, которая занимает последнюю пару страниц в книге. С легкой руки некоторых «критиков искусства», «писателей об искусстве» широкая публика привыкла к субъективным раскрытиям и пересказам изображенного, но и этого читатель не найдет у Эрнста, который только и сделал, что год за годом проследил жизнь Александра Бенуа, называя по очереди его произведения и его литературные труды. Личность художника, его место в новейшем русском искусстве, влияния, на него оказанные, я уже не говорю о более серьезном анализе палитры и композиций или о его месте в ряде русских пейзажистов,—все это темно для автора, или во всяком случае он почему-то не хочет этого обнаружить. Нельзя же всерьез принять мнение Эрнста о Бенуа, как о типичнейшем художнике наших дней. Пожалуй, единственное ценное, что есть в этой работе,—это список произведений художника, да и то возникает сомнение, точен ли он и хотя бы приблизительно полон. Проверить это, конечно, почти немыслимо и поэтому приходится принимать на веру.

Эрнст все время старается подчеркнуть мастерство и уменье Александра Бенуа—декоратора и театрального деятеля. Это совершенно остается непонятным, хотя бы потому, что автор книги чрезвычайно скудное, как мы уже отметили, уделяет место мастерству Бенуа-художника. Похвалы Бенуа — театральному мастеру тем непонятнее, что именно эта сторона его деятельности оказалась наиболее уязвимой. Как известно, постановки Бенуа были в свое время встречены довольно холодно при наличии таких мастеров театральных иллюзий, как Коровин, Бакст, Добужинский и Кустодиев,

Помимо разных темнот, вследствие умалчивания многого, о чем должно было пространно говорить и чему надо было посвятить не одну, а добрых десятка два страниц, Сергей Эрнст делает еще много словесных промахов, относящихся, главным образом, к области теоретической. Так, например, рассказав о панно, сделанных Бенуа для Казанского вокзала, Эрнст называет художника мастером монументальной живописи. Мы, по правде говоря, недоумеваем, что общего между декоративными работами Бенуа для Казанского вокзала и живописью, которая бы могла претендовать на название монументальной.

Автор вскользь упоминает о деятельности Александра Бенуа, как историка искусства, но уяснить себе его место в русском искусствознании немыслимо, потому что Эрнст ограничивается похвалами и «восхищениями».

Бенуа имеет в данной области вполне определенное место и, думалось, пора бы было охарактеризовать личность художника с этой стороны. Пожалуй, грустно будет признаться, что многое в авторе монографии,—если разбираемую книжку можно назвать монографией,—идет от обследуемого им мастера, как историка искусства. Если особенно откинуть хлестко-фельетонный тон, так бойко проглядывающий в «истории русской живописи XIX века».

По прочтении книги Эрнста, Александр Бенуа остается загадкой для тех, кто не видел его произведений. Хотя бы приблизительного представления о крупном художнике и искусном графике составить себе по работе Эрнста немыслимо. Усугубляет все неважный подбор иллюстраций, а равно и неудачное воспроизведение их.

Какой-то гнет тяготеет над русским искусством XVIII и XIX веков. До сих пор нет связной и вполне научной истории этого периода нашего искусства, равно как и нет удовлетворительных монографий о русских мастерах, отвечающих современным требованиям искусствознания.

Д. Стрелков.

С. ЭРНСТ, В. Замирайло. Изд. «Аквилон» Петербург, 1921 г. 8°. Стр. 44.

Хорошо по внешности изданная книжка дает только схему жизни и деятельности художника. Автор не пытается раскрыть его творчество, разобраться в нем, наметить пути его эволюции.

Мы узнаем лишь, что в таком-то году Замирайло работал там-то и для такого-то издателя и что его преимущественно занимали те или иные темы, при чем красной нитью проходит увлечение сюжетами, «близкими по своим контрастам и неожиданностям к переживаниям сна или бреда».

О том, *как переживаются* художником эти сюжеты, мы лучше всего узнаем из приведенных в тексте двух принадлежащих его перу отрывков, ясно показывающих, что Замирайло привлекают и волнуют не самые «явления», не зрительные образы, а постигаемый человеком смысл этих явлений, сложно преломленные в душе художника впечатления от них.

Так оно и должно быть у художника, почти целиком отдавшегося иллюстрации. Ведь и большинство его «capriccі»—своего рода иллюстрации им же созданных фантазий.

О том, *как воплощены* эти фантазии в образ, какими средствами и приемами переданы эти «замыслы», что предпочитает мастер в тот или другой период творчества: светотень, blanc et noir или чистую линию, воплощает он динамику или статику мира, ищет ли он выразительности в повторяемости основного мотива, или находит ее в сопоставлении двух трех фигур, в комбинации нескольких пятен или линий,—одним словом, что такое Замирайло, как художник, и почему он—художник, а не новеллист,—обо всем этом автор не говорит ничего.

Ничего, кроме общих фраз, не находим мы и о деятельности его специально как иллюстратора.

Лишь указание на тесную зависимость Замирайло от «великого», «гениального» иллюстратора Г. Доре—повторяется много раз.

Думается, что если и была какая-нибудь связь ученичества нашего художника с французским иллюстратором, то

она давно порвалась, и Замирайло далеко опередил в силе и выразительности художественного воплощения, может-быть, и «гениального», но право же поверхностного француза.

Было бы гораздо интереснее сопоставить творчество нашего мастера с творчеством современных графиков-иллюстраторов и тем отвести ему надлежащее место в русском искусстве.

Молодому издательству (а может-быть, и автору) следует поставить в вину случайный подбор иллюстраций: о работах Замирайло до 1910 не получаешь никакого представления; отображен лишь последний, более или менее цельный период его творчества.

А между тем было бы очень полезным хотя по иллюстрациям дать возможность читателю составить себе представление об эволюции художественной формы художника.

Ошибку эту отчасти возмещает хорошо составленный Ф. Нотгафт хронологический и тематический список произведений.

И. Корницкий.

Я. ТУГЕНДХОЛЬД. Эдуард Дега и его искусство. Изд. З. И. Гржебина М., 1922. Стр. 89. 50 иллюстраций.

Я. Тугендхольд является единственным русским деятелем, специально посвятившим себя изучению нового французского искусства, долго жившим во Франции и лично знающим французских художников. Его работа о Дега была уже давно обещана. Ее ждали. И не напрасно.

На этот раз автор сумел дать чрезвычайно яркий и убедительный образ мастера, как человека и творца. Замечается большой прогресс по сравнению с более ранними работами о Ван-Гоге и Гогене. Прекрасно обрисован подход художника к миру. Хорошо понято, что его в этом мире привлекает. Но этого мало. Это удавалось автору и раньше. Здесь же не оставлено без внимания и то, каким образом эти явления внешнего мира преломились в душе художника и воплотились в произведения искусства; не оставлена без внимания художественная форма этих произведений. Произведен внимательный анализ композиции, линии, объемов, цвета, фактуры и их эволюции. Указаны излюбленные приемы и средства выразительности мастера, причем автор ни на минуту не отвлекается от целого, не забывает того, что произведение искусства есть живой организм. Сюжет в интерпретации автора сливается с содержанием, содержание — с формой. Автор не впадает ни в мертворожденные вне связи с целым формальные изыскания, ни в абстрагированную от организма данного произведения искусства психологичность.

Жаль только, что почти не привлечены для сравнений современники Дега — Сезанн, Ван-Гог и Гоген — эти три полюса французского искусства конца XIX века; облик Дега получился бы тогда еще более выпуклым и четким.

И еще один упрек хочется все же поставить. Он относится к методологии.

Весь опус Дега разделен на циклы: «скачки», «кулисы», «эстрада», «нагая натура». Такое деление представляется нам несколько искусственным, ибо многие из этих тем занимали мастера всю его творческую жизнь.

Художественная форма привлечена как бы в качестве иллюстрации подхода к той или другой теме. Эволюция художественной формы не выяснена последовательно: ее приходится местами угадывать, искать между строк.

Было бы, думается, гораздо продуктивней и последовательней во главу угла поставить именно эту эволюцию: ведь, в конце-концов, у Дега была одна единственная тема — зрительный образ в его движении. И этот зрительный образ деформировался и строился в картину по определенным законам композиции (в широком смысле), определяющим художественную форму творений мастера и, в свою очередь, его определяемым.

Каковы эти законы, какова эта художественная форма, повторю еще раз, несколько непоследовательно, но блестяще показано автором, почти так же блестяще, как и человеческий облик Дега, его отношение к миру. А разве художественная форма не есть в сущности «кристаллизованное отношение к миру»?

И. Корницкий.

А. БАКУШИНСКИЙ. Музейно-эстетические экскурсии. Госуд. Изд. М., 1919 г. 8° Стр. 20.

Брошюра А. В. Бакушинского не является объективной разработкой экскурсионной методологии, а представляет собой защиту одной ярко выраженной тенденции, ставящей целью эстетической экскурсии—«переживание» произведения искусства. В этом смысле брошюра является чрезвычайно интересным и значительным фактом, ибо «метод переживания» под личным обаянием и талантливостью А. В. Бакушинского нашел себе в современной Москве целую плеяду восторженных защитников и последователей. Но трактовка понятия «переживание», данная в брошюре, чрезвычайно характерная для московской школы этого рода художественно-экскурсионного течения, весьма сужает подобную эстетическую концепцию, если, особенно, сравнить ее с тем, что немецкие эстетики понимают под теорией «вчувствования».

«Переживание» в понимании автора не совпадает с моментом «восприятия» произведения но это последнее «обусловливает переживание» (12 стр.) Восприятие служит «раскрытию значения формы, колорита, техники, материала, фактуры и содержания». Но постольку, поскольку восприятию присущ элемент рассудочного анализа, автор склонен видеть в нем расхолаживающий момент в творческом процессе переживания, которое в иные моменты не нуждается даже в слове и в «молчании» раскрывает «ядро искусства» (13 стр.).

Видимо, «переживать» формальные элементы живописи — фактуру, материал, технику и пр. — нельзя; они отнесены к «восприятию»; следовательно, сущностью переживания является психологическая эмоция, возникающая, по преимуществу, через сюжетное содержание. Что сюжет играет основную роль в этом процессе,— подтверждается градацией, которая устанавливается при подборе материала для первоначального подхода к искусству. Поэтому самым удобным материалом является живопись, вследствие превалирования в ней именно сюжета по сравнению с скульптурой и архитектурой; в пределах живописи отдается предпочтение натуралистическому жанру с бытовым содержанием, затем уже портрету и пейзажу (16 стр.).

Как видно, высказываемая точка зрения покоится всецело на психологической эстетике, и в книжке неслышно даже отдаленных отзвуков того, правда, теперь уже достаточно установившегося отношения к искусству, переносящего центр тяжести на само произведение, где содержанием взаимоотношения между произведением и зрителем является процесс объективного анализа художественной формы и ее элементов.

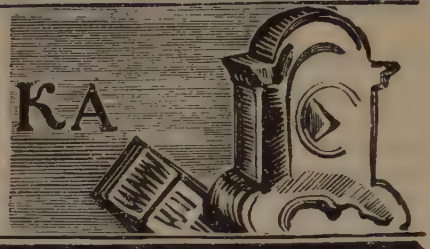
Само обоснование и защита занятой в брошюре позиции проникнуты дилетантским отношением к искусству и к постановке самой методологической проблемы; но, видимо, автор сознательно выбирает эту позицию,— недаром им дается отповедь «профессионализму» (6 и 7 стр.) и защищается «великое дилетантское искусство» (5 стр.),

Разумеется, что ныне, спустя три года после выхода книжки, «новые принципы» и «новые позиции» (11 стр.), намечаемые брошюрой, которые, по мнению автора, «осуществляются не столько практически, сколько намечаются теоретически», достаточно и устарели, и достаточно опровергли себя опытным путем. Сам А. В. Бакушинский в практике своей далеко ушел от высказанных в 1919 г. в брошюре положений. Так, хотя бы, отрицательное отношение к развеске картин в музеях, в которой сказывается «кропотливое изучение эволюции форм и творчества» (6 стр.) и которое противопоставляется «эмоционально-интуитивному целостному переживанию», теперь сменилось как раз обратным отношением: в своих опытах новой развески в Цветковской галлерее сам А. В. Бакушинский занят именно «кропотливым изучением эволюции форм и творчества».

Незыблемыми остаются методические положения, касающиеся, главным образом, внешних сторон экскурсионной практики, а так же критика исторической тенденции, как в музееведении, так и в методологии экскурсий, сделанная с большой убедительностью и той подлинной любовью к искусству, которой пропитаны все страницы прекрасно написанной, со стороны внешней формы, брошюры.

Н. М. Тарабукин.

ХРОНИКА



НА ЗАПАДЕ.

ЮБИЛЕЙ МОЛЬЕРА.

15 января 1922 года Франция праздновала 300-летие рождения Жана Батиста Мольера.

В центре празднеств стоял театр «Французская комедия». Была устроена выставка реликвий Мольера, книг его и о нем и исторических документов по театру.

Состоялся ряд лекций о Мольере, прочитанных выдающимися писателями Франции, Англии и Италии.

Почти весь январь в театрах шли пьесы Мольера.

Общество имени Мольера в Париже приступило к изданию периодической хроники «Дома Мольера», выходящей в виде двухнедельного журнала, под тем же названием.

О ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

О теории относительности в Америке на английском языке за последнее время вышли книги: Г. Гарроу, «*От Ньютона к Эйнштейну*». Изд. Ван-Нострандт, Нью-Йорк.—Е. Е. Слоссон, «*Общедоступные лекции по Эйнштейну*». Изд. Гаркур, Брейс и К°. Нью-Йорк.—А. С. Эддингтон, «*Пространство, время и тяжесть*». Изд. Кембриджского университета.—М. Шлик, «*Пространство и время в современной физике*». Изд. Оксфордского университета.—Е. Фрейндлих, «*Основания теории тяжести Эйнштейна*». Изд. Кембриджского университета.—Г. Карр, «*Главный принцип относительности с философской и исторической точки зрения*». Изд. Макмиллиан.—С. Александер, «*Пространство, время и божественность*». Изд. Макмиллиан.

▫ Герцог Лейхтенбергский выпустил «*Воспоминания об Украине*».

▫ *В Германии* вышло несколько романов, рисующих переживания великой мировой войны: *Г. Райзера* «*Ночь*», *К. Гольдмана* «*Нума*», *Кройца* «*Одинокое Пламя*» и др.

▫ *Книжная выставка*, устроенная немецкими книгопродавцами в *Берлине*, а затем перевезенная в Лейпциг и Франкфурт, свидетельствует о высоком состоянии книгоиздательства в Германии. В газ. «Руль» о выставке помещена большая статья Татаринова «*В царстве книг*».

▫ По случаю приближающегося юбилея *Гергарда Гауптмана* С. Фишер издал юбилейное собрание его сочинений в 8 томах. Издание включает в себе все написанное Гауптманом. Одновременно у С. Фишера вышла отдельным изданием новая буколическая любовная поэма Гауптмана «*Анна*» в 24 песнях. Поэма написана классическим гекзаметром.

▫ «Король французских поэтов» *П. Фор* написал историческую хронику «*Людовик XI*». Пьеса была поставлена в театре «Одеон».

▫ *В Франкфурте-на-Майне* состоялось открытие *музея Шопенгауэра*. Здесь собрано все уцелевшее из наследства философа.

На ряду с его рукописями, среди которых почетное место занимает манускрипт 2-ой части главного его сочинения «Мир, как воля и представление», хранятся и принадлежности домашнего обихода.

▫ В *Берлине* происходило присуждение *Клейстовской премии* за 1921 год. Цель этой премии — оказать поддержку драматическим писателям, которые при очевидной даровитости по

тем или иным причинам не могли добиться признания. Миссия присуждения премии в текущем году была возложена на Юлиуса Баб. Из громадного количества кандидатов Баб счел самым достойным уже немолодого (сорокалетнего) драматурга, остававшегося в полной неизвестности, несмотря на то, что им опубликовано уже несколько драм—как «Иеремия», «Сампсон» и «Иов». Имя лауреата — *Пауль Гурк*. Премия присуждена ему за последнюю драму «*Томас Мюнцер*», из эпохи крестьянских войн.

▫ В французскую «академию бессмертных», вместо умершего Эдм. Ростана, избран *Жозеф Бедьэ*, автор романа «Тристан и Изольда».

▫ Английский писатель *Ред. Киплинг* избран доктором «honoris causa» Парижского университета.

▫ *Ст. Пшибышевский*, служащий в одном из маленьких городов Галиции почтовым чиновником, написал новую трагедию «*Город*», уже поставленную в варшавских театрах.

▫ Вышли в свет беседы *Анатоля Франса*, собранные одним из его друзей, под заглавием «*Дни на Вилле Санд*» (на Вилле Санд, около аллеи Булонского леса, находится квартира знаменитого писателя).

▫ Вышла в свет новая монография о *Жан Жаке Руссо*, написанная Эрнестом *Селльером*.

▫ Персидский писатель *К. Идашир* написал пьесу «*Пилигрим вечности*», где главным действующим лицом является известный английский писатель лорд Байрон. Пьеса идет в лондонских театрах.

▫ *Х. Н. Бялик* закончил перевод на еврейский язык «*Вильгельма Телля*» Шиллера, «*Дон-Кихота*» Сервантеса и «*Юлия Цезаря*» Шекспира.

▫ В *Нью-Йорке* издано на еврейском языке несколько книг *Рабиндраната Тагора*.

▫ Английская биографическая литература за последнее время обогатилась трудами: *Чар. Лондон*, «*Биография Джека Лондона*» (2 тома, Лондон. Изд. Мильс и Буп) и *В. Стюарт*, «*Джон Кейр-Гарди*» (Лонд. Изд. Кассель).

▫ Немецкое издательство «*Euphorion*» выпускает серию книг «*К обновлению и поощрению современного искусства книги*». Уже вышла интересная работа *Эмке*, посвященная истории искусства книги в Германии за последние 30 лет, «*Садик библиофильских утех*» *Цейтлера* и книга *Г. Лубье* об искусстве немецкой книги за последние годы.

По графике вышли книги *К. Пфира* и *Вертенбергера*.

О РОССИИ.

▫ В издании Ольденберга (Берлин) вышла на русском языке книга *Сноуден* «*По большевистской России*». Гр. Сноуден была в России в числе членов английской рабочей делегации.

▫ *В Вене* вышла на немецком языке монография *Кальвокоресси*, посвященная *Мусоргскому*. Книга переведена с французского языка. Во Франции она имела большой успех, благодаря исполнению там Шаляпиным «Бориса Годунова».

▫ В журнале «Новое французское обозрение» напечатан перевод «*Женитьбы*» *Гоголя*.

▫ *В Париже* вышло отдельным изданием на французском языке «*Детство*» *М. Горького*.

Книга очень тепло принята французской критикой. Бенжамен Кремье называет «Детство» одной из замечательнейших книг последнего времени.

▫ В графическом издательстве Штенеса в Праге выпущены книги—Фр. *Таборского* «*Русское искусство*» и Александра *Кварта* «*Русская школа живописи*».

▫ При римском университете учреждена первая кафедра русской литературы. Доцентом приглашен *Этторе-Лоттарро*, секретарь восточно-европейского института.

▫ За 1921 год о России вышли следующие книги:

Вальтер *Брингольф*—«*Русская поездка 1921 г.*». Изд. Зеегоф. Берлин; «*Помогите, России в нужде!*» Иллюстрированное издание Марлик. Берлин; Виктор *Папин*—«*Расплата*». Изд. Зеегоф; «*Советская Россия и ее дети*». Иллюстрированное издание Марлик; Артур *Голичер*—«*Три месяца в Совстской России*». Изд. Фишер. Берлин; Вильгельм *Герцог*—

«Дневник о России»; Доктор Альфонс *Гольдшмидт—«Москва 1920 г.»*. Берлин; *Нетцль—«Основы духовной России»*. Изд. Дидерихс. Иена; Альфонс *Гольдшмидт—«Экономическая организация Советской России»*. Берлин; Лео *Матиас—«Гении и сумасшествие в России»*. Изд. Револьд. Берлин; *Спектатор—«Новый курс в экономической политике Советской России»*. Политика Советского правительства и будущность России. Берлин; С. Е. *Вечгоффер—«По умирающей России»*; *Уелс—«Россия во мгле»* и Вильям *Лекей—«Посланец зла»*, мемуары Федора Раевского, секретаря Распутина.

▫ В *Лондоне* вышла на английском языке книга Л. *Троцкого—«В защиту терроризма»*, с предисловием Г. Н. Брейльсфорда.

▫ В Праге изданы чешским Красным Крестом *«Сказки сибирских инородцев» К. В Дубровского*. В России эти сказки были в 1919 году изданы в Иркутске книгоиздательством «Сеятель». На чешский язык они переведены проф. Пражского университета Свобода и иллюстрированы художн. О. Лада.

▫ В Америке изданы мемуары О. О. *Грузенберга* под назв. *«Вчера-сегодня-завтра»*.

▫ Живущий сейчас в Риге художник *В. Н. Масютин* написал иллюстрации к «Носу» Гоголя, «Песне торжествующей любви» Тургенева и стихам Бодлера. Им также иллюстрированы некоторые произведения Достоевского и Толстого.

▫ За границей появились две новые русские оперы: *Прокофьева—«Любовь к трем апельсинам»* (ставилась в Нью-Йорке) и *М. И. Иванова—«Печорин»* (по тексту «Герой нашего времени» Лермонтова).

▫ В газете «Последние Известия (Рига) печатаются *«Воспоминания»* б. члена Государственной Думы С. Шидловского, сообщающие ряд любопытных наблюдений из области взаимоотношений Думы и правительства.

▫ *И. А. Родионов*, автор когда-то нашумевшего памфлета-повести «Наше преступление», выпустил в Берлине две книги *«Москва-Матушка»* и *«Жертва вечерняя»* и готовит к печати повесть *«Любовь»*.

▫ В изд-ве «Наше речь» (Прага) вышел сборник под ред. С. К. Маковского *«Артисты Московского Художественного театра за рубежом»*. В сборник вошли статьи и воспоминания В. И. Качалова, О. М. Книппер-Чеховой, М. Н. Германовой, С. Л. Бертенсона, Евг. Чирикова, В. Амфитеатрова-Кадышева и др.

▫ Вышел 4—5 номер журнала *«Жар Птица»* с обложкой Билибина и многими рисунками. В литературном отделе помещены письма Л. Андреева к С. Глаголю, статья М. Алданова о Достоевском и др.

▫ Вышел 3-й номер ежемесячника *«Сполохи»*, где напечатаны драматический этюд А. Амфитеатрова *«Семик»*, представляющий из себя пролог к драме «Протопоп Аввакум», рассказы П. Нилуса, Б. Лазаревского, В. Крымова и др.

▫ В только что вышедшем альманахе *«Грани»* (под ред. А. Черного) помещены отрывки из дневника Л. Андрева, рассказы Г. Гребенщикова, А. Ремизова, А. Даманской и А. Дроздова, статьи Филиппова, А. Амфитеатрова (*«Ключевский, как художник слова»*) и А. Левенсона, сонеты С. Маковского и стихи А. Черного.

▫ *Ев. Чириков* выпустил книгу *«Смердяков русской революции»* и печатает *«Исповедь»*.

▫ Дочь б. лейб-медика Боткина *Т. Мельник-Боткина* выпустила книгу *«Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции»*. В книге имеется много редких фотографий, факсимиле и документов.

▫ *Г. В. Бостунич* издал в Сербии книгу *«Масонство и русская революция»* (220 стр.).

▫ Поэт *Амари* (Цетлин) написал поэму *«Декабристы»*. Отрывки ее печатались в газете «Голос России».

▫ Писатель *Агнивцев* выпустил книгу *«Мои песенки»*.

▫ В издании Российско-Болгарского издательства (София) вышел сборник *«Голод»* со статьями П. Струве, Л. Львова и др.

▫ Изд-во «Скифы» (Берлин) отпечатало драму А. Терек (О. Форш.) *«Равви»*, Ал. Кусикова *«Алль Баррак»* и Е. Лундберга *«Художественный театр»* и *«Тютчев и*

Пушкин» и готовится к печати: Андр. Белый *«Звезда»* (сборник новых стихотворений), Н. Клюев *«Лъвиный хлеб»* (сборник не изданных стихов), Л. Шестов *«Достоевский и Ницше»*, Е. Лундберг *«О критике, читателе и писателе»* и А. Шрейдер *«Три года»* (по России и Европе).

▫ В издательстве *«Лагуны»* вышла художественно изданная книжка *В. Алова «Распятая Россия»*.

▫ Бывш. сенатор *Н. Корево* выпустил книгу *«Императорский Всероссийский Престол»*.

▫ Издана книга *Г. Лукомского «Венок пяти деятелей искусства»* с рисунками Нарбута.

▫ Лев *Урванцев*, проживающий в настоящее время в Берлине, закончил большой роман *«Со святыми упокой»*.

▫ *И. А. Бунин* написал несколько новых рассказов: *«Безумный художник»*, *«Косцы»* и *«Емеля»*.

▫ *Д. Мережковский* заканчивает большое художественное произведение из жизни Египта.

▫ В Берлине вышла новая книга *Вл. Крымова—«Аристарховы»*, посвященная изображению быта богатой русской буржуазии перед революцией. Много внимания уделено жизни раскольников.

▫ *Л. Добронравов* (Кишинев) написал два романа *«Побежденное»* и *«Король»*, драму *«Товарищ Потяев»* и три комедии *«Проказница»*, *«Маркиза»* и *«Последний сеанс»*.

▫ Проживающий в Японии футурист Д. Бурлюк написал роман *«Андрей Фиганов»* (350 стр.), две книги стихов и книгу статей об искусстве.

▫ Писатель-художник Н. В. Пинегин (Прага) заканчивает книгу *«Два года в стране льда и ночи»*. (Впечатления из экспедиции Седова 1913—1914).

▫ М. Пришвин, проживающий теперь в т. Дорогобуже, написал драматическую картину *«Базар»*.

▫ Б. проф. Томского университета и б. член правительства Колчака Г. Г. Тельберг (Шайхай) напечатал в американском журнале «Satierday Evening Post» две статьи о гибели царской семьи и готовит книгу *«Борьба Сибири против Советской власти»*.

▫ Дипломат царской службы барон *А. Гейкинг* выпустил книгу *«Четверть века на российской консульской службе»*, исследования, наблюдения и предложения реформ.

▫ В Берлине вышел из печати новый том рассказов А. Н. Толстого *«Рожь»*.

▫ Проживающий в Кларане (Швейцария) известный русский библиолог Н. А. Рубакин, подготовляя к печати 3-е издание «Среди книг», обращается ко всем авторам и издателям с просьбой о присылке ему их трудов.

▫ Поэт *А. Е. Котомкин*, автор сборника стихов, изданного А. Ф. Марксом, и исторических драм «Ян Гус» и «Ливонские рыцари», выпустил в Париже драму из жизни Советской России *«Сатанисты»*.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

— На последнем собрании Комитета помощи русским литераторам и ученым в Париже, образовавшегося в 1919 г., был сделан отчет о деятельности Комитета за 27 месяцев его существования. За отчетное время комитетом была оказана помощь литераторам и ученым на сумму 110.510 франков. В текущем году доход Комитета выразился в сумме 55.271 франк., расход — 55.473 франка, дефицит — 202 франка. Имеется запасный фонд в размере 518 франков.

В виду острой нужды, переживаемой писателями в Париже, полного истощения средств Комитета и трудности добывания новых средств, постановлено оказывать пособие и выдавать ссуды лицам, проживающим лишь во Франции.

Велись переговоры с французскими литературными союзами об оказании содействия русским писателям по изданию в Париже русских книг, но ни к каким практическим результатам переговоры не привели.

РУССКИЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА.

▫ *В Берлине* открылся новый русский книжный магазин *«Град Китеж»*.

▫ *В Варшаве* основано русское книгоиздательство *«Век Культуры»*. Там же работает польско-русское издательство «Rossica».

▫ *В Париже*, кроме издательства *Паволоцкого* и книжной лавки *«Зеленая Палочка»*, существуют русские книжные предприятия *«Культура»*, *Универсальная Библиотека»* и *Русско-Французский магазин Ротштейна.*

▫ *В Дрездене* основано русско-немецкое книгоиздательство *«Восток»*, цель которого — содействовать духовному общению России с Германией. Книгоиздательством намечен для перевода ряд произведений немецких писателей, между прочим, Гергардта *Гауптмана* — драма *«Еретик из Созана»*; Райнера Мария *Рильке* — *«Мальте Лауриде Бригге»*; *Штера*—*«Последний ребенок»*; Теодора *Дейлера* — *«Новый оплот»*; Эрнста *Блоха* — *«Дух утопии»*; Леонарда *Нельсона* — *«Так называемая проблема познания»*; *Фехнера* — *«После смерти»*; *Кунова*—*«Происхождение религии»*; Генриха *Манна*—*«Власть и человек»*. Готовится антология *«Немецкая душа»* с отрывками из Шпенглера, Блоха, Берта, а также сборник *«Новая Германия»*, где будут помещены оригинальные статьи Германа, Кайзерлинга, Эйнштейна и Гиль Дейблера, Блоха, Бейе, Нельсона и др.

▫ *В Берлине* открылся книжный магазин *«Родина»*. *В Вене* русские книги продаются в магазине Я. М. Перского.

▫ *В Берлине* возобновило свою деятельность возникшее во время революции в Москве изд-во *«Геликон»*. Оно печатает: *И. Муратова* — *«Три рассказа»* (с рис. Блюма), *И. С. Тургенева*—*«Казнь Тропмана»* (с рис. Слодского) и *«Песнь торжествующей любви»* (с рис. Масютина), *Н. В. Гоголя*—*«Нос»* (с рис. Масютина). *Масютина* — *«Рассказы глупца»* (с рис. автора), *И. Эренбурга*—*«А все-таки она вертится»* (о новом стиле в искусстве), *А. Ремизова*—*«Каменные пруды»* (Россия в письменах), *Дионео* — *«Когда Боги ушли»* (роман), *Андр. Белого*—*«Путевые заметки»* (два тома), *М. Цветаевой*—*«Разлуки»*, *Масютина*—*«Гравюра и литография»*, *Лукомского*—*«Медель»*, *А. Черного*—*Вспомни»* (для детей),—сборник *«На смерть Ал. Блока»* и др. Руководит издательством А. Г. Вишняк.

▫ *В Берлине* начало издательскую деятельность книгоиздательство *«Огоньки»* (рук. А. Левенсон.)

▫ *«Грани»* — новое издательство, возникшее в Берлине (рук. С. М. Пистрак), выпустило альманах того же названия и печатает *«Цветень»*, детский альманах, А. Ремизова *«Крашеные рыла»*, М. Алданова *«Святая Елена—маленький остров»*, две книги рассказов Соколова-Микитова «Кузовок» (детская) и «Корень» и ряд книг Амфитеатрова (новый роман *«Непоседа»*, *«Сестры»*, *«Очерки красного Петрограда»* и *др.*)

▫ Основавшееся в *Ревеле* книгоиздательство *«Библиофил»* выпустило целый ряд новых книг: две книги Алексея *Резова*—*«Огненная Россия»* и *«Шумы города»*; две книги Федора *Сологуба*—*«Сочтенные дни»* и *«Небо голубое»* и целый ряд новых книг *Амфитеатрова.*

▫ В Берлине возникло издательство *«Аргонавты»*, которое издает книги по научным вопросам (естествознание).

▫ Русские книги начало печатать крупнейшее болгарское издательство *А. Поскалева*. В первую очередь будет выпущена хроника *Е. Чирикова*—*«Жизнь Тарханова»*.

О КОРОЛЕНКО.

Смерть В. Г. Короленко вызвала в заграничной русской прессе ряд скорбных статей и несколько поминальных литературно-художественных собраний.

21 января в Париже кружок Х. Н. Бялика устроил литературный вечер в память В. Г. Короленко.

В тот же день в Гельсингфорсе в русском купеческом обществе состоялся доклад А. И. Вознесенского, посвященный Короленко.

ЗАГРАНИЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И АВТОРСКОЕ ПРАВО.

Против нарушения авторских прав эмигрантскими издательствами в свое время протествовал покойный Алек. Блок. Об этом же энергичное письмо в газетах было написано Евг. Чириковым.

Недавно в берлинских русских газетах напечатано письмо проф. О. Д. Хвольсона, где он протестует, что изд-во «Аргонавты» объявило о выпуске трудов И. П. Павлова, его и др. ученых, права на издание коих проданы книгоиздательству Гржебина.

27 ноября в Берлине состоялось совещание русских писателей по вопросу о защите авторских прав. Выяснилось, что за границей перепечатываются книги русских писателей, ставятся их пьесы в театрах, и все это происходит в большей части без ведома авторов и без всякой уплаты гонорара.

Этому же вопросу была посвящена в «русской книге» статья проф. Ященко, где он рекомендует союзу русских писателей за границей войти в соглашение с Schutzverband deutscher Schiftsteller на предмет защиты авторских прав русских писателей наравне с немецкими.

РУССКАЯ КНИГА В ИСПАНИИ.

До революции испанцы почти не интересовались русской литературой. Зато в последние годы русские писатели стали издаваться в поразительном для Испании изобилии. Только два издательства «Calpe» и «Biblioteca Nueva» за два года издали до 40 томов русских авторов. Переводились классики: Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов, и современные писатели: Андреев, Горький, Сологуб, Куприн, Арцыбашев, Гарин, Шмелев и Аверченко.

Изданы в Испании также книги Ленина, Троцкого и Бухарина,

ПО РОССИИ.

ЮБИЛЕЙ НЕКРАСОВА.

Юбилейные дни вызвали ряд празднований, которые в столицах и провинции продолжались весь декабрь и часть января.

▫ 11 и 13 декабря в Политехническом зее состоялось два вечера, посвященные памяти поэта. Читали доклады В. А. Поссе «*Кому живется весело, вольготно на Руси*» (Некрасов, как русский бытописатель) и Ю. И. Айхенвальд — «*Творчество Некрасова*». Отрывки из произведений поэта читали артисты Моск. Художеств. театра Булгакова, Жданова, Москвин, Лужский и Бурджанов.

▫ Румянцевский музей устроил выставку памяти Некрасова.

▫ Проф. Сакулин выпускает в издательстве «Земля» книгу о Некрасове.

▫ В Петрограде выставка памяти поэта была устроена в залах Пушкинского Дома при Академии Наук. Она заключала в себе три отдела: агитационно-просветительный, иллюстрационный и научный. Последний, в свою очередь, распадается на подотделы: рукописный, книжный и иконографический.

▫ Издательство «Начатки Знаний» выпустило популярно писанную книгу Черепнина—«*Некрасов*».

▫ Довольно живо «некрасовские дни» ознаменовались в Иваново-Вознесенске. Город был разукрашен плакатами-аншлагами с цитатами из Некрасова. В течение «некрасовской недели» по всем школам города и в деревнях устраивались вечера и торжественные заседания, посвященные поэту. Союз молодежи выпустил Некрасовский сборник. Губполитпросвет издал серию открыток Некрасова.

СМЕРТЬ В. Г. КОРОЛЕНКО.

25 декабря 1921 года скончался в Полтаве В. Г. Короленко.

▫ 9-й Всероссийский съезд советов отметил смерть художника-борца речью Ф. Кона и почтением памяти.

▫ 5 января в Колонном зале Дома Союзов состоялся вечер, посвященный его памяти. Вечер открылся докладом А. В. Луначарского, характеризовавшего Короленко, как художника и человека. Затем выступил профессор П. Н. Сакулин, обрисовавший Короленко как «писателя солнца».

▫ 9 января умершему писателю было посвящено два вечера — в Политехническом музее и в Союзе писателей. В *Политехническом музее* выступили с докладом А. В. Луначарский и артисты Моск. Художеств. театра. В *Союзе писателей* произнесли речи Б. К. Зайцев, И. Новиков, П. Н. Сакулин, В. Чешихин-Вет-

рцинский и Анд. Соболь. — 10 января книгоиздательство «Задруга» устроило в театре Корша гражданскую панихиду. Речи произнесли В. Н. Фигнер, С. П. Мельгунов, В. А. Мякотин, Н. М. Мендельсон, А. А. Кизеветтер, В. Розенберг, д-р Хорошко и друг писателя Григорьев, только что вернувшийся с похорон писателя.

▫ *Об-во любителей российской словесности* откликнулось устройством торжественного заседания, где были произнесены речи П. Н. Сакулиным, Н. Л. Бродским и др.

▫ 22 января *Всероссийский союз писателей* устроил в Политехническом музее вечер памяти Короленко. С речами выступали Ю. И. Айхенвальд, Б. Зайцев, Анд. Соболь и др.

▫ 27 января вечер памяти Короленко состоялся в «Доме Печати» при участии И. Н. Кубикова, артистов Лужского, Булгаковой и пианиста Гольденвейзера.

▫ 3 февраля в Доме Союзов состоялся вечер памяти Короленко. С речами выступили В. Н. Фигнер, Кизеветтер, Мякотин, Полянский, Бродский и др.

▫ 4 февраля вечер памяти Короленко был устроен Московским Губполитпросветом.

▫ 9 февраля Короленковский вечер был устроен в Институте инструкторов-организаторов Наркомпроса. С докладами выступали Айхенвальд и Кизеветтер.

▫ «Задруга» подготовляет к печати сборник, посвященный памяти В. Г. Короленко и IV том *«Истории моего современника»*.

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ П. А. КРОПОТКИНА

За год в обоих столицах основались ячейки Всероссийского комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. К 8-му февраля (день годовщины) комитетом выпущен сборник *«Памяти П. А. Кропоткина»* и однодневная газета *«П. А. Кропоткин»*. — Оба издания украшены хорошо исполненными портретами покойного. Был устроен литературно-музыкальный вечер в консерватории (участв. Боровой и др.)

Очередной 17 номер «Былого» целиком посвящен П. А. Кропоткину.

ПЕТРОГРАД.

ПЕТРОГОСИЗДАТ.

▫ За последнее время Петроградским отделением Госиздата печатается и частью уже вышли в свет: *«Труды научного общества марксистов»*; *«Очерки по истории колонизации Севера»*, в. I; Бокин *«Практический курс горного искусства»*; Цыперович *«Экономика и коммунизм»*; Камский (псевдоним) *«Сибирское действо»*; *«3-й Конгресс Коминтерна»*; Боричевский *«Введение в философию науки»*; Плеханов *«О Некрасове»*; Некрасов *«Проза и стихи»*; проф. Болдырев *«Курс кристаллографии»*; Левинсон-Лессинг *«История Петрографии в России»*; В. Шишков *«Вихрь»*; В. Анисимов *«Гравирование цветных офортов и эстампов»*; А. С. Поляков *«О смерти Пушкина»*; Короленко *«Слепой музыкант»*; *Отчет Петрогосиздата* и др.

Среди стихов помещено *«Пушкинскому дому»* А. Блока; рассказы Замятина (*«Ловец человеков»*), Никитина (*«Можей»*) и Б. Пильняка (*«Поезд № пятьдесят седьмой смешанный»*); статьи: И. Глебова (*«Таинство пленения мечты»*), Ю. Анненкова (*«Театр до конца»*), Н. Радлова (*«Современный плакат»*), А. Горнфельда (*«Новые словечки и старые слова»*) и Ан. Оль (*«Судьбы русской архитектуры»*).

▫ Драматическая поэма С. Есенина *«Пугачев»* уже вышла в двух изданиях — в Москве, у имажинистов, и Петрограде, в изд-ве «Эльзевир».

▫ В издательстве *«Начала»* печатается сборник, посвященный памяти Ф. М. Достоевского, куда войдут: С. Аскольдова *«Религиозно-этическое значение Достоевского»*, Л. Карсавина, *«Дос-кий и католичество»*, Н. Лосского *«Проблема зла у Достоевского»*, И. Лапшина *«Эстетика Дос-кого»*, Э. Радлова *«Дос-кий и Вл. Соловьев»*, В. Виноградова *«Стиль и композиция Двойника»*, Б. Модзалевского *«К материалам о Дос-ком»*, А. Долинина *«Герценизм и Дос-кий»* и др.

▫ Возникшее издательство имени К. М. Фофанова *«Кольцо Поэтов»* выпускает сборники стихов К. Вагинова (*«Петербургские ночи»*), К. Смиренского (*«Девятый вал»*) и Г. Римского-Корсакова; К. М. Фофанова *«В мире прозы»* (посмертное изд.), Анд. Скорбного *«Ко-*

ронованный нищий» (о Фофанове) и альманах *«Кольцо поэтов»*.

▫ *«Парфенон»* предполагает издать сборник стихов, посвященных Царскому селу (редакция и вступительная статья Э. Голлербаха), и печатает две книги А. Волынского *«Леонардо да Винчи»* (сокращенное изд.) и *«Н. С. Лесков»*, *«Рисунки А. С. Пушкина»* со ст. Н. Лернера, Вл. Пяста *«Мей и его поэзия»* (вышла), *«Соболевский — друг Пушкина»* со ст. В. Саитова, С. Штрайха *«Офицеры в восстании 1820 г.»* и Н. Лернера *«Пушкин и декабристы.*

▫ Изд-во «Кооперация» печатает сборник *«Кооперация и Революция»* и предполагает издавать ежемесячный журнал *«Новый Мир»*.

▫ Изд-во *«Книга»* печатает новые книги Е. А. Абрамова *«Революция в Германии»*, Балабанова *«Борьба с голодом во время Французской революции»* и Дживилегова *«Армия во время французской революции»*.

▫ В 4-й Государственной типографии закончен печатанием 5-й том русской истории В. О. Ключевского. Начат он печатанием в 1918 году. Редакция текста принадлежит Барскову.

▫ Исследователь Петрограда Столпянский написал новую книгу *«Спутник экскурсанта по Кронштадту»*.

▫ *«Петрополис»* выпускает книгу стихов Ф. Сологуба *«Свирель»* и печатает *«Скверный анекдот»* Достоевского.

▫ Худ. Добужинский издает со своими иллюстрациями *«Скупого рыцаря»* Пушкина.

▫ Философское об-во предполагает выпустить два тома своих «Трудов» и 1-й в. Словаря русских философов.

▫ *М. Лемке* подготовил к печати дополнительный том к собранию сочинений Добролюбова, в который вошли произведения известного критика до сих пор неопубликованные.

▫ *В. Водовозов* написал книгу *«Устройство современных буржуазных государств»*.

▫ Книг-во *«Эпоха»* недавно выпустило роман Ф. Сологуба *«Заклинательница змей»*, маленькую тетрадочку полемических стихов (против Есенина) Н. Клюева *«Четвертый Рим»*, Евг. Замятина *«Герберт Уэллс»* и К. Чуковского *«Книга об Александре Блоке»* и заканчивает печатанием Андр. Белого *«Котик Летаев»* (роман) и *«Книга о поэтическом смысле»*, три тома рассказов Всев. Иванова, Вл. Ходасевича *«Статьи о русской поэзии»*, *«Петербург в поэзии и живописи»*, А. Ф. Кони *«Процесс В. Засулич»*, Гершензон *«Ключ веры»*.

Кроме того, издательство приняло к изданию ряд детских книг (Чуковского, Киплинга, Ходасевич и Шкловского) и предполагает издавать два журнала *«Эпоха»* и *«Носорог»* (детский).

▫ «Светозар» печатает монографии об актере Мартынове и композиторах Бахе, Бетховене и Листе.

▫ *А. А. Шилов* печатает книгу *«Что читать по истории русского революционного движения»*.

▫ Об-во изучения теории поэтического языка издало Б. Эйхенбаума *«Методика русского языка»* и печатает трактат Данте *«Об искусстве»*.

▫ Издательство *«Всемирная Литература»* вновь возобновляет деятельность. Госиздат разрешил ему издать ряд новых переводных произведений. Печатаются: Лемонье *«Завод»* и Гюго *«93-й год»*, Синклер *«100%»* (книга эта готовится к печати и издат-вом Гржебина), Золя *«Жерминаль»*, Уитмен *«Листья травы»*, Сен.-Бенелли *«Рваный плащ»*, Шпильгаген *«Один в поле не воин»* и др.

▫ В издании *«Право»* только что вышла книга Anzell Normann *«Версальский мир и экономический хаос в Европе»* и печатается С. Фалькнер *«Очерки эмиссионной политики»*.

▫ Книгоиздательская артель *«Учитель»* выпустила Н. О Лосского *«Материя в системе органического мировоззрения»* и *«Интуитивная философия Бергсона»*, и готовит к печати: Евгеньев-Максимов *«Добролюбов и его время»* и *«Короленко, как писатель и общественный деятель»*.

▫ К столетнему юбилею *Т. А. Гофмана* изд-во «Петрополис» выпускает его *«Двойники»* с иллюстрациями А. Головина.

▫ *«Начатки Знания»* печатают «Азбуку внешкольного образования» Тумим и ряд учебников для 1-й ступени.

▫ *Пушкинский Дом* предполагает издать сборник памяти С. А. Венгерова.

▫ *В. Н. Сперанский* подготовил к печати книгу *«Ламене, как политический мыслитель»*.

▫ При Академии Наук учреждено *Всеукраинское Литературно-Науковое Товарищество* с целью разработки находящихся в Петрограде историко-литературных материалов, касающихся Украины. Товарищество предполагает издавать сборники и читать лекции.

Издательство *«Аквилон»* предприняло ряд художественных изданий. Вышли: Карамзин *«Бедная Лиза»* с рис. М. Добужинского, С. Эрнст *«В. Д. Замирайло»*, и печатаются: Некрасов, *«Шесть стихотворений»* с рис. Кустодиева, Пушкин *«Скупой рыцарь»* с рис. М. Добужинского, Уайльд *«Молодой Король»* с рис. Ю. Черкезова и Ев. Замятин *«Пять сказок»* с рис. Н. Радлова.

«Цех Поэтов» готовит к печати 3-ю книгу альманаха, С. Нельдихена *«Органное многоголосье»* (вышло), Г. Адамовича *«Возвращение Орфея»*, Георг. Иванова *«Стансы»*, Ир. Одоевцевой *«Ангел»* и Н. Оцуп *«Большая медведица»*.

▫ В издательстве Гржебина вышла книга проф. Федотова *«Клинические лекции по хирургии»* (1918—20 гг.) и печатаются: Б. Эйхенбаум *«Молодой Толстой»*, Вал. Брюсов *«Миг»* (стихи 1920—21 гг.), Вл. Соловьев *«Письма»* под редакцией Э. Радлова и проф. Оппель *«Успехи современной хирургии»*.

▫ В Изд-ве «Атеней» вышла книга М. Л. Гофмана *«Пушкин»* (первая глава науки о Пушкине) и печатаются *«Неизданный Пушкин»* (из собрания Онегина в Париже и др.), *«Неизданные письма Чехова»* под ред. Модзолевского, *«Новое о Радищеве»* Семенникова и др.

Петроградским отделением *Истпарта* выпущен 1-й номер журнала *«Красная Летопись»*, где помещен ряд воспоминаний, статей (В. Невского, И. Ионова и др.) и документов о 9-е января.

▫ Изд-вом *«Начатки Знания»* возобновляется издание детского журнала *«Жаворонок»*. В состав редакции вошли А. М. Калмыкова, П. Н. Сурожский и Н. Белопольский.

В этом же изд-ве выходит детская книга Н. Лернера *«Няня Пушкина»*.

▫ Ф. Сологуб перевел и подготовил к печати *«Озорные сказки»* Бальзака. Издается издательством «Миозотис» с рис. Фаварского. «Альконост» выпускает его *«Сказки заката»* (стихи).

▫ Издательство *«Наука и Школа»* выпускает серию книг под ред. проф. Н. Котляревского под общим названием *«Россия и Европа»*.

▫ *«Огни»* печатают С. Жебелева *«Апостол Павел»* и Л. Карсавина *«Джордано Бруно»* и возобновляет изданием серию *«Круг знаний»*.

▫ К. Чуковский подготовил к печати ряд новых книг: *«Современные русские лирики»* (печ. в изд-ве «Начала»), *«Некрасов, как человек и поэт»* (в изд. Гржебина), *«От Чехова до наших дней»* (4-е совершенно переработанное изд. «Солнце») и поэму для маленьких детей *«Майдодыр»*.

Под его редакцией выходят у Гржебина *«Воспоминания А. Я. Панаевой»*, в изд-ве «Солнце» *«Воспоминания И. Е. Репина»* и в изд-ве «Былое» *«Неизданные произведения Некрасова»*.

▫ В выходящем 2-м номере «Экономиста» напечатаны статьи Питир. Сорокина *«О голоде»*, В. М. Штейна *«Нищета и роскошь»*, А. С. Изгоева *«Русская община»*, А. Л. Рафаловича *«Новая экономическая политика»* и др.

▫ В издании «Колоса» печатаются Иванова-Разумника *«Вл. Соловьев и социализм»*, И. Лапшина *«Эстетическое мировоззрение П. Л. Лаврова»* и *«Эстетическое мировоззрение Чернышевского»*, Н. К. Михайловского *«Что такое прогресс»* под. ред. Иванова-Разумника, и серия выпусков «Биографической библиотеки». *«Островский»* (Эфроса), Тургенев, Пирогов, Мочалов (Игнатова), А. Иванов (Форш), Достоевский (Долинина). Тютчев (Горифельда; между прочим, это уже 3-я книга о Тютчеве, намеченная к выпуску), Н. И. Новиков-Радищев (Барскова) и Ковалевский (Сорокина).

В том же издательстве подготовляются к печати: П. Сорокин *«Голод, как фактор в истории и социологии»*, 3-й том *«Системы социологии»*, Т. П. Райнов *«Жизнь и творчество Д. Н. Овсянико-Куликовского»*, Г. Г. Шпет *«Словарь русских философов»* и биографии Ключевского, Туган-Барановского, Карпинского, бр. Трубецких, Вл. Соловьева, Сковороды, Михайловского, Лаврова и Венгерова.

▫ Издательство «Academia» выпускает философский журнал «Мысль» и печатает Ф. Ф. Зелинского *«Из жизни идей»*, IV т. (Возрождение), и *«Религия эллинизма»* и В. Н. Перетц *«Очерки методологии истории русской литературы»*.

МОСКВА.

ГОСИЗДАТ.

Согласно положения, принятого Наркомпросом 14/XI п. г., «Госиздат есть одновременно главное управление по делам печати и государственное издательское предприятие». В последней части оно переводится на самостоятельное хозяйственное существование. Все книги, выпускаемые Госиздатом, отпускаются исключительно за плату. К Госиздату переходят все книжные запасы Центропечати, за исключением книг, необходимых Наркомпросу для снабжения школ.

Работа Госиздата за время перехода на «хозяйственные начала» выражается в следующем.

В октябре 1921 г. выпущено 51 назв. в кол. 1.090.350 экз. (размер книги, в среднем, 4 листа).

В ноябре 1921 г. выпущено 94 назв. в кол. 2.134.000 экз. (размер книги, в среднем, 4, 9 листа).

В декабре 1921 г. выпущено 80 назв. в кол. 1.390.550 экз. (размер книги, в среднем, 6, 8 листа).

В январе 1922 г. выпущено 34 назв. в кол. 1.458.500 экз. (размер книги, в среднем, 6, 8 листа).

МОСГУБИЗДАТ.

Московское отделение Госиздата (Мосгубиздат) перешло на хозяйственные начала и намерено развить широкую издательскую деятельность.

Печатаются: *«Октябрьское восстание в Москве 1917 года»*, сборник статей, воспоминаний и документов под ред. Н. Н. Овсянникова; Ленин *«Что делать»* и *«Задачи русских социал-демократов»*; Фриче *«Очерк развития западно-европейской литературы от средних веков до наших дней»*, Аксельрод *«О Толстом»*; Келлерман *«9 ноября»*; Синклер *«Томми Хиггинс»* и др.

Аппаратом распространения и до некоторой степени источником материальных средств является Мосгубпечать (б. Отдел Печати Моск. Сов.), которая также переводится на хозяйственные основы. Мосгубпечать уже имеет два розничных магазина (один торгует книгами по беллетристике, гуманитарным наукам, искусству, иностр. яз., другой—техникой, медициной, агрономией и естествознанием) и оптовый склад. Все доходы от торговых операций предполагается обратить на укрепление книжного аппарата Моск. Совета и на производство новых книг.

ДОМ ПЕЧАТИ.

5 дек. В. Мейерхольд, И. Аксенов и В. Бебутов выступали с докладом на тему *«Амплуа актера»*.

А. П. Нечаев 7/XII читал доклад *«Литературное творчество при свете психологического анализа»*.

9/XII—Вечер поэта С. Клычкова. Читались стихи из неизданного сборника *«Заячья душа»* и др. В. Г. Сахновский 12-го прочел доклад *«Магия и шарлатанство в театре»*. 16-го А. Крученых выступал с докладом *«Приемы современной поэзии»* и читал новые стихи. 20-го Н. Н. Суханов прочитал *«Апрельские дни в 1917 году»*. 23-го поэт Орешин читал стихи из неизданной книги *«Алый храм»*, и 30-го В. В. Вересаев читал новую пьесу *«В священном лесу»*.

В январе состоялись доклады Н. М. Фореггера *«Театр современности»*, Отверженного *«Миф о Бакунине»*, Вульфа *Литературные типы в свете психоанализа»* и др.

Помимо того, был ряд докладов по истории революционного движения (Горев, Авдеев, Саблин), по естествознанию (Воробьев, Кольцов и др.) и устраивались литературно-музыкальные вечера.

КОНСТИТУЦИЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО.

3 февраля состоялось вскрытие шкатулки, прикрепленной к портрету Але-

ксандра I в Оружейной палате. Вскрытие происходило в присутствии комиссии с участием российско-украинских и польских делегатов.

В шкатулке хранилась конституция бывшего Царства Польского, написанная Александром I, хотя подписанная им же и скрепленная сенатом, но не опубликованная.

При вскрытии в шкатулке оказались следующие документы: запечатанный пакет с надписью «Проект конституции Царства Польского» и самая конституция в тетрадке на французском языке в 165 главах с подписью Александра I, закрепленная государственной печатью. Кроме того, был обнаружен ряд документов, за подписями исторических лиц, на польском языке, датированных 12 января 1822 года.

Шкатулка со всеми документами передана польской делегации.

КАБИНЕТ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ.

Интерес к библиотечному делу, несколько понизившийся за последние годы, вновь начинает привлекать внимание работников просвещения. Русское библиотечное об-во хотя и вынуждено было недавно закрыться за бездеятельностью, но работа его не совсем прекратилась: она переместилась лишь в Кабинет Библиотековедения (при университете б. Шанявского), где в минувшем году велись практические занятия по библиотечному делу, а ныне систематически устраиваются публичные собрания (по воскресеньям) и читаются доклады

На последнем собрании (29/I) было прочитано два доклада: В. И. Чарнолуским *«О записи прочитанных книг»* и Г. И. Поршневым *«Библиотечное дело в Сибири за годы революции»*.

Кроме того, Кабинет Библиотековедения принимал активное участие в устройстве курсов академических библиотекарей.

Программа курсов следующая:

I. Современный строй научной библиотеки (библиотечное законодательство в Р. С. Ф. С. Р., устав академических б-к, персонал, снабжение б-к и т. д.) (30 час.)

II. Современные большие научные библиотеки в России и за границей (32 ч.).

III. Работа с читателем научной библиотеки (12 ч.).

IV. Техника научной библиотеки.—Помещение и оборудование библиотеки регистрация поступлений (инвентарь). Дублеты, переплеты, расстановка книг, ревизия, каталогизация и классификация, условия пользования (148 час).—Обзор литературы по библиотековедению (148 ч.).

V. История книги (история русской книги, история западно-европейской книги, альды и эльзивиры, художественная книга и т. д. (60 час).

VI. Библиография общая.—Русская (библиография библиографии, общие энциклопедии и справочники, главнейшие специальные энциклопедии и справочники). Иностранная (национальные библиографии). Практическое применение библиографии в библиотеке (50 час).

VII. Библиография по отдельным отраслям знания.—Система и методы естественных наук, библиография иностранной литературы (22 час).

VIII. Эпизодические лекции (на отдельные темы) и конференции (38 час).

IX. Пять коллективных осмотров библиотек (20 час).

Преподаватели курсов: Н. Н. Аблов, А. И. Браудо, А. К. Виноградов, проф. И. И. Гливенко, проф. Ю. В. Готье, Г. И. Иванов, проф. П. Н. Каптерев, А. И. Калишевский, А. Н. Королев, проф. Е. А. Косминский, С. Д. Масловский, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. А. А. Сидоров, Ю. М. Соколов, проф. М. Н. Сперанский, Л. Б. Хавкина и др.

Занятия происходят три раза в неделю в вечерние часы в б-ке 1-го Государственного ун-та.

В Кабинете получены новые (за 1921 г.) немецкие и американские журналы по библиотечному делу.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.

При академическом центре Наркомпроса приступила к работам академия художественных наук, ставящая своей зада-

чей научную разработку вопросов художественного творчества и восприятия.

Правление академии работает под председательством проф. П. С. Когана, в составе: Л. Сабанеева, В. Фриче, В. Кандинского, Н. Гускенскова, А. Родионова. В академии работают в качестве постоянных сотрудников почти все московские специалисты по истории и теории искусства. Работа ведется по трем разделам: научно-психологическому, историко-теоретическому и социологическому. В академии были заслушаны научные доклады: Луначарского, Когана, Фриче и Степуна.

ЧАСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

К февралю 1922 года Госиздатом зарегистрировано в Москве свыше 143 частных издательств, около 35-ти периодических изданий и несколько сот названий отдельных книг.

При помощи русского торгового представительства в Германии образовалось смешанное русско-германское общество «*Книга*», в котором участвуют Советское правительство, в лице своего торгового представителя, и германские капиталисты. Общество имеет свои центральные отделения в Берлине и Лейпциге и в ближайшем будущем открывает центральное отделение в Москве. В задачи общества входят, как издательская, так и книгопродавческая деятельность, и в первую очередь выполнение заказов Советской России на книги и учебные пособия.

Открывающееся московское отделение «Книги» будет заниматься продажей всех русских изданий, вышедших за границей, как в издании «Книги», так и в издании других русских издательств, образовавшихся за границей, сбытом иностранной литературы, учебных пособий и приемом подписки на все иностранные периодические издания.

ЮБИЛЕЙ ДАНТЕ.

Нарком А. В. Луначарский получил следующее письмо от товарища министра искусств в Италии Джованни Розатти:

Рим, 17 января 1922 года.

«Г. Боджано Пико по возвращении из Москвы сообщил мне о торжественном чествовании памяти Данте, имевшем место в Москве 19 октября прошлого года, и о трогательном отзыве, который вы соблаговолили дать нашему мировому поэту в возвышенной и красноречивой речи.

Я счастлив выразить вам от имени Италии чувства нашей благодарности за достойные почести, которые русский народ вашими устами воздал бессмертной памяти поэту человечества.

Я надеюсь, что культурное общение между Россией и Италией скоро восстановится, и я счастлив вас уведомить о том, что несколько итальянских издателей постановили отправить первую посылку в числе тысячи томов «Дому Ученых» в Петрограде в знак солидарности с благородными представителями русской науки и искусства.

Я буду также просить вас, гражданин комиссар, принять для вашего Московск. музея собрание различных публикаций, афиш и пр., которые были выпущены в Италии по случаю Дантовского юбилея».

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА.

Центроархивом предпринято издание найденных Симбирским Губнаробразом писем И. С. Тургенева. Это—переписка И. С. Тургенева из Парижа с П. В. Анненковым в 1876—1885 гг., в период, когда Тургенев выпускал свою «Новь». В этой переписке есть много интересного материала, характеризующего общественное мировоззрение Тургенева. Доход от издания предназначен на оказание помощи голодающим Симбирской губернии.

РУССКОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

На общем собрании 31 декабря 1921 г. был заслушан годовой отчет и избран комитет об-ва в составе: Б. С. Боднарского (председатель), К. О. Гесселя (тов. председателя), С. И. Синебрюхова (секретарь), Л. Э. Бухгейма (казначей)

Н. Н. Орлова, И. М. Громогласова, А. Н. Соловьева и А. П. Казанского.

2 января был прочитан предс. об-ва Б. С. Боднарским доклад *«Обзор библиографической литературы за 1917— 21 гг.»* и устроена выставка литературы на тему доклада.

На выставке была собрана почти вся литература (около 300 названий), появившаяся в России за годы революции по библиографии и библиотековедению,— солидных и значительных трудов за этот период почти не было.

РУКОПИСИ ДОСТОЕВСКОГО.

6 января в Историческом музее состоялось заседание в присутствии тт. Покровского и Гливенко, на котором было произведено вскрытие несгораемого ящика с рукописями Ф. М. Достоевского. Тов. Щекотов, Бродский и Гроссман сделали предварительные сообщения. Вдова писателя еще при жизни передала музею ящик, разрешив его вскрыть только по ее смерти. Кроме этого ящика музей получил еще от Севастопольской ЧК чемодан с рукописями, находившимися у сына писателя, тоже скончавшегося в январе с. г. Выяснилось также, что в Грузии находятся 8 переплетенных томов каких-то рукописей Достоевского. Кроме того, значительные материалы находятся в распоряжении Главархива и в Петербурге.

На собрании было постановлено объединить работу всех комиссий, разбирающих рукописи Достоевского. Н. Л. Бродский указал на огромное значение неизданных материалов, среди которых, кроме черновиков и вариантов, находятся примечания жены писателя и стенограммы его бесед с посетителями. Новые материалы устанавливают фактическую канву многих произведений Достоевского, а художественные богатства вариантов и черновиков превосходят все известное из напечатанного Достоевского.

При напряженном внимании собрания был открыт ящик. В нем, в двух клеенчатых сумках, оказался целый ряд записных книжек писателя, с черновыми набросками и деловыми записками. Из рукописей самая ценная, на которой рукой Анны Григорьевны написано: «Братья Карамазовы. Ч. II. Все». Много вариантов и набросков «Подростка». Письма, документы погребения, папка неразосланных билетов в церковь на отпевание. Рукописи и документы чемодана были зарегистрированы ранее, и собрание проверило опись. Новых материалов, считая дневники А. Г., хватит на несколько томов, около десяти.

О-ВО ДРУЗЕЙ КНИГИ.

16/XII на общем собрании членов об-ва был заслушан доклад Г. И. Поршнева *«Писатели в Сибири за годы революции»*.

На заседании 8/I М. И. Щелкунов прочитал перевод статьи Нодье *«Библиофил»*.

20/I Н. Н. Руднев познакомил собрание с хмировскими вырезками.

Огромная коллекция газетных и иных вырезок, собранная *Хмировым*, ныне хранится в Историческом музее. Вся она разобрана по папкам и вполне доступна для исследователей.

Коллекция представляет значительный интерес по истории русской литературы и общественности.

29/I П. П. Шибанов читал продолжение своего доклада *«Описание русских иллюстрированных изданий»*.

Эта часть доклада была посвящена технике описания книг. Демонстрировались образцы карточек и много редких русских иллюстрированных изданий XVIII и XIX вв.

На аукционе 13/I были проданы: Божерянов «История книгопечатания на Руси» за 130 тыс. р., Каталог биб-ки Норова — за 190 т. р., Двухсотлетие гражданской печати—20 т. р., Керженцев «Газета»—15 т. р. и др.

ЦЕНТРОПЕЧАТЬ.

Новая экономическая политика в книжном деле произвела значительные изменения. Восстановлена платность произведений печати, разрешены частные издательства и книготорговля, упразднена Центропечать.

Теперь Центропечать влилась в Госиздат и образовала торговый сектор его. Губернские отделения ликвидируются. Снабжение библиотек предполагается вести через Политпросвет; для розничной торговли открываются магазины в центре и больших провинциальных городах.

Отделения Госиздата, где будет и продажа книг, сохранены в Саратове, Казани, Гомеле, Екатеринбурге, Иркутске, Томске, Н.-Новгороде, Самаре, Орле, Костроме, Воронеже и Ростове н/Д.

ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ.

В Московском институте журналистики будет читаться в текущем году курс *Критической библиографии* по программе:

Библиография, как часть книговедения. Значение библиографии. Разделение библиографии: всеобщая библиография и национальная библиография. Терминология частей национальной библиографии: общая регистрационно-статистическая библиография, частная регистрационно-статистическая библиография и критическая библиография.

Что такое журналистика? Терминология типов журналистики: политическая журналистика, учено-литературная журналистика и специально-ученая журналистика.

Критерий для определения типа журналистики. Определение критической библиографии. Что такое рецензия и рецензент?

Эволюция критической библиографии (характер рецензии) в связи с историей библиографической журналистики и общей журналистики.

Библиографическая журналистика. Общая журналистика и критическая библиография в журналах. Критическая библиография в газетах. Необходимость ведения библиографического отдела. Общие принципы рецензирования. Техника рецензирования. Когда помещать в газетах рецензии.

Как помещать в газетах и журналах рецензии и перечни книг; обзоры, рецензии по отделам и отдельные рецензии; списки книг, поступивших в редакцию, практические занятия по критической библиографии.

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК.

В январе состоялось заседание представителей всех литературных обществ Москвы, числом свыше 30, посвященное обсуждению вопроса об установлении навсегда обычая раз в год 11 февраля устраивать «Пушкинский день».

На заседании присутствовали представители: Дома Печати, Всерос. союза писателей, Всерос. союза поэтов, Артели «работников культуры», Литературного Звена, Ассоциации пролетарских писателей, Клуба «Кузница», Союза крестьянских писателей, Общества драматургов и др., а также представители Малого государств., Моск. Худож. театров.

Постановлено устроить 11 февраля первый «Пушкинский день» и организовать в этот день в помещении Больш. государств. театра торжественное чествование памяти великого поэта.

Намечена программа чествования «Москва—Пушкину»: в консерватории, после вступительного слова и речей о Пушкине (Н. П. Сакулина и Вал. Брюсова)—грандиозный концерт с участием артистов Малого, Большого и Художественного театров.

О-во друзей книги решило весь февраль сделать «пушкинским». 3-го был аукцион литературы Пушкина и о Пушкине, 10-го—литературный вечер, посвященный творчеству Пушкина, 17-го—М. П. Щелкунов читал доклад «*Запрещенный Пушкин*» и 24-го—доклад М. А. Цявловского о прижизненных изданиях Пушкина.

ЗАБОТА ОБ УЧЕНЫХ.

Во исполнение декрета об улучшении быта ученых, Наркомпросом вырабатывается сейчас ряд мер. Главными из них являются улучшение жилищных условий, снабжения, облегчение поездок за границу, введение премирования ученых трудов, приведение на должную высоту тарифа, для чего все ученые разбиты на 5 категорий.

Вместе с тем, заведующим управлением научных учреждений И. И. Гливенко разрабатывается доклад об организации дома отдыха ученых в Москве, аналогичного по своей организации дому отдыха ученых в Петрограде.

ЗАГРАНИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Инспекция Просвещения, пропаганды и искусств Н. К. Р. К. И. разработала и внесла на утверждение С. Н. К. проект постановления о порядке приобретения заграничной литературы. Согласно этому проекту, всем ведомствам предоставляется право самостоятельной закупки за границей непериодической иностранной литературы через органы Наркомвнешторга, периодические же издания можно приобретать через отделы печати и информации Наркоминотдела.

При Центральном управлении Наркомвнешторга для ведения переписки по ведомственным заказам и собирания необходимых библиографических и справочных материалов организуется особое бюро иностранной литературы.

При Государственной Румянцевской библиотеке в Москве, Публичной библиотеке в Петрограде организуются книжные фонды из русских книг для обмена на заграничные произведения печати.

ДОМ ТОЛСТОГО.

Главмузеем Наркомпроса открыт для осмотра дом, где жил Л. Н. Толстой в бывш. Хамовническом пер. (ныне ул. Л. Толстого). Дом был приобретен Толстым и перестроен им под личным наблюдением в 1882 году. С тех пор писатель проводил в Москве каждую зиму, уезжая на лето в Ясную Поляну, пока не поселился там окончательно в 1901 году. В Хамовническом доме написан Толстым ряд его произведений: роман «Воскресение», «В чем моя вера», «Так, что же нам делать», «Ответ Синоду» и др. Пока реставрирован и открыт для публики лишь верхний этаж, в котором наибольший интерес представляет рабочий кабинет Толстого, сохранившийся во всей неприкосновенности. Осмотр дома производится по четвергам и воскресеньям, от 12 до 3 час. дня.

ЛИТО ГЛАВПРОФОБРА.

В ведении Литотдела худож. образования Главпрофобра находятся по Москве, Петрограду и провинции около 20 литературных школ. Из них высшими учебными заведениями признаны Госуд. институт слова в Москве, Институт живого слова в Петрограде и Высш. литературно-худож. институт, открытый в Москве в т. г. Ближайшей задачей Лито является организация в больших провинциальных центрах литературных школ с чисто профессиональной программой. Такие школы будут подготовлять лиц, желающих вступить в высшую литературную школу, и давать техническое образование инструкторам литературных организаций и преподавателям художественной литературы в низших школах.

ХУДОЖНИКИ и ПРОИЗВОДСТВО.

Институт художественной культуры при отделе ИЗО академ. центра Наркомпроса занят разработкой проблем современной художественной культуры. Институтом подготовляется к печати сборник статей *«От изображений к конструкции»*, имеющий задачей выявить идеологическую позицию и обоснования творчества художественных групп, ищущих путей к производству. В сборнике предполагается участие художников: Татлина, Экстер, Родченко, Веснина, Иринского и др. и литераторов Арватова, Брика, Кушнера и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ.

ЦНТК обратился к автору известного труда «Среди книг» Рубакину с просьбой разработать конспект цикла лекций, охватывающий весь круг знаний от теории об образовании мира до эпохи социализма и составить краткий указатель литературы для чтения по этому же кругу знаний. Конспекты эти должны быть рассчитаны на совершенно неподг-

готовленного и даже малограмотного рабочего и крестьянина и на рабоче-крестьянскую молодежь. Они должны лечь в основание своего рода энциклопедии начальных знаний по всем отраслям естествоведения гуманитарных и технически-экономических дисциплин, включая все новейшие достижения науки и техники, все новейшие проблемы научной и технической мысли.

На заседании правления ЦНТК постановлено немедленно приступить к выпуску кратких каталогов книг по отдельным отраслям производства для самообразования рабочих. Каталоги эти решено выпускать пока частично, в виду недостатка средств для выполнения этой работы в широком масштабе. Работа эта поручена комиссии по выработке программы домашнего чтения под председательством проф. Реформатского.

ИСТОРИКО - РЕВОЛЮЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.

О-во бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев совместно с исторической секцией «Дома Печати» приступило к изданию ежемесячного историко-революционного «Бюллетеня».

Бюллетень ставит себе задачей:

1. Публикацию личных воспоминаний, исследований, статей, документов и иных материалов по истории революционного движения.

2. Информацию о том, что в настоящее время делается, как учреждениями, так и отдельными лицами и инициативными группами, в области изучения истории революции в центре и на местах в России и за границей.

3. Информацию о деятельности О-ва бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев и исторической секции «Дома Печати».

4. Библиографию и критику новых книг и изданий, появляющихся в России и за границей по истории нашего революционного движения.

5. Разработку вопроса об издании капитального историко-революционного словаря.

6. Бюллетень выходит под редакцией тт. Биценко А. А., Крамарова Г. М., Бороздина И. Н., Плескова В. А., Ковьмина В. П. и Вакса Б. А.

Первый номер вышел из печати.

БУДУЩИЕ КНИГИ.

Андр. Соболь написал две повести *«Бред»* и *«Салон-вагон»*.

Б. А. Грифцов подготовил несколько книг: *«О природе поэзии»*, *«Искусство Греции»*, *«Судьба К. Леонтьева»* и *«Бесполезные воспоминания»* (повесть).

Молодой беллетрист А. С. Яковлев закончил две повести—*«Октябрь»* и *«Распад»* и роман *«История моего знакомства с дьяволом»*.

А. К. Дживилегов имеет *«Итальянский театр эпохи Возрождения»* и *«Комедия масок»*.

Новиков-Прибой работает над романом из современной жизни и закончил две повести *«Жертва»* и *«Ангел на земле»*.

Готовится к печати альманах *«Свиток»*, Ив. Рукавишникова *«Мертвый человек»*, П. Муратова *«Кофейная»* и Б. Зайцева *«Данте и его поэмы»*.

Н. А. Бердяев подготовил к печати *«Философия неравенства»*, *«Смысл истории»* (опыт философии человеческой судьбы) и *«К. Н. Леонтьев»* (монография).

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Госиздатом разрешено издавать Наркомюсту двухнедельный журнал *«Советское право»*, Главполитпросвету *«Библиографический ежемесячник»* и *«Вестник искусства»* (1-й номер вышел), Коминолиту *«Бюллетень»* (2 раза в м-ц).

Всерос. фото-кино отд. издает журнал жизни и искусства *«Зритель»*.

«Всеколес» (Всер. союз лесн. коопер.) начал издавать бюллетень под назв. *«Лесная кооперация»*.

Специальные журналы по хирургии выходят в Твери и Казани.

В скором времени выходит журнал *«Детство и Юность»*.

▫ Т-во бр. Гранат возобновило печатанием свой энциклопедический словарь.

3-й и 6-й томы уже закончены печатанием.

▫ Вернувшийся с юга в Москву писатель В. В. Вересаев прочел две публичные лекции *«Тайна творчества»* (что нужно для того, чтобы стать писателем) и *«Художник жизни»* (о Л. Н. Толстом), в Доме Печати читал новую пьесу *«В волшебном лесу»*.

▫ Академией Художествен. Наук предположено издание нового художественного журнала под названием *«Синтез Искусств»*. Журнал будет выходить четыре раза в год. Кроме этого издания, Академия предполагает выпускать особые сборники *«Русское искусство в годы революции»*. Во главе издания становится редакционная коллегия в составе проф. Когана и Фриче (литература), Сабанеева (музыка), Сидорова (изобразительные искусства) и Попова (театр).

▫ «Альциона» выпускает с рисунками худ. К. Юона поэму К. Липскерова *«Другой»* и Н. Бенар *«Корабль отплывающий»*.

Серия «памятников мировой литературы» вскоре пополняется III томом Лукиана и III т. Еврипида.

▫ Л. Гроссман перепечатывает в разных издательствах свои книги, изданные в 1919 году в Одессе, *«Вторник у Каролины Павловой»* и *«Портрет Манон Леско»*. «Издательство писателей» печатает его *«Тютчев»*, *«Сумерки династии»* и *«Апол. Григорьев»*.

▫ Издательство Гржебина печатает книгу Мстиславского *«Пять дней»*, посвященную первым дням революции и Учредительному собранию.

▫ Наркоминдел печатает *«Секретный дипломатический архив царского правительства»*.

▫ Альбом автолитографии А. Васнецова *«Древняя Москва»* выпустило в количестве трехсот экз. издательство «Берендей».

В том же изд-ве вышла книжечка В. А. Гиляровского *«Петербург»* (первая часть трилогии) и печатаются: В. М. Варяжский *«Брошенные гнезда»* (из истории русских усадеб), М. А. Добров *«Россия»* (альбом офортов), К. Костромина *«Очерки по истории русской миниатюры»*, В. В. Розанов *«Творчество Нестерова»*, К. Ф. Юон *«Русская провинция»* (альбом автолитографий) и две монографии В. Лобанова о А. Васнецове и Малютине.

▫ Бор. Зайцев в издательстве «Вега» выпускает книгу о Данте. В альманахе «Костры» печатается его рассказ *«Уединение»*, где, кроме того, будут помещены *«Записки Сатаны»* Л. Н. Андреева, *«Зарубежные раздумья»* И. Эренбурга и др.

▫ Художником В. Д. Фалилеевым закончены иллюстрации к новой пьесе В. Волькенштейна *«Паганини»*. В ближайшем будущем художник выпускает в свет серию *«Дожди»*, включающую 10 гравюр; издание будет выпущено в количестсе 200 номерованных экз.

▫ Московское Кооператив. изд-во «Созвездие» выпускает в ближайшем будущем драму Марины Цветаевой (*«Конец Казановы»*—вышла) и трагедию В. Брюсова (*«Диктатор»*).

▫ В ближайшем будущем выйдет сборник «1905 год», посвященный революционной борьбе краснопресненских рабочих с царизмом в пятом году. В сборнике будут помещены воспоминания и статьи как руководителей движения, так и рядовых бойцов.

▫ Вышел в свет № 3 журнала Истпарта «Пролетарская Революция». В журнале помещена статья о 3-ем съезде партии т. Лядова.

Приступлено к печатанию № 4, со статьей О. А. Варенцовой о «4 съезде».

Кроме статей о съездах, в этих номерах будут напечатаны еще статьи Л. Дейча — *«Виктор Обнорский»* и *«Н. А. Некрасов и семидесятники»*; Маркушевича—*«Детство и отрочество Ст. Халтурина»* и Д. Коганицкого—*«1917—1918 г.г. в Тобольске»* и мн. др. В отдел воспоминаний войдут статьи Гр. Котова (о Сормове), Рябкова (о Куоккальском периоде), *«1906—1907 гг.»*—М. И. Калинина, А. Коллонтай (вследствие медленного печатания в Москве, статья эта успела выйти отдельным изданием в Одессе), далее—мемуары петерб. рабочего Ант. Митревича, записки рабочего Кунгурова и др.

▫ «Задруга» выпустила 1-й том воспоминаний В. Н. Фигнер *«Запечатленный труд»*, III т. *«Истории моего современника»* Короленко и Георг. Чулкова *«Стихотворения»*, начало издавать *«Бюл-*

летень книжного лозунга», *«Задруга»* и возобновляет журнал *«Голос Минувшего»*, куда, между прочим, войдут главы IV тома «История моего современника». Том этот готовится к печати и отдельным изданием. Обнимать он будет всю Якутскую ссылку и начало нижегородской жизни (ок. 20 л.).

▫ Начал выходить новый популярный журнал *«Наука и Техника»*, издаваемый Центральным Научно-Техническим Клубом. В редакционном комитете «Науки и Техники»: проф. И. Г. Александров, проф. А. П. Реформатский, проф. В. П. Кравец, проф. Б. К. Аркадьев, В. П. Бушинский, инж. А. Г. Львов.

▫ С. Волконский подготовил к печати и издает у М. Шлуглейта новые книги *«Искусство речи»*, *«Мимика»* и *«Мемуары»*. В мемуарах имеются личные воспоминания о Николае II, Кшесинской и др. представителях царской России.

▫ Повесть Чапыгина *«На Лебяжьих Озерах»* пойдет в одной из очередных книжек журнала «Красная Новь».

▫ Худ. И. Соколов выпустил в ограниченном количестве (40 экз.) альбом *«Гравюры на линолеуме»*. Альбом состоит из 10 гравюр, некоторые многоцветные.

▫ А. В. Луначарский выпустил 2-е издание драмы для чтения *«Фауст и Город»* и подготовил к печати сборник стихотворений под названием *«Эстрада»*.

▫ Коллегия Наркомпроса постановила приступить к всестороннему изучению всех наций, входящих в состав Р.С.Ф.С.Р., и издать сборник материалов под назв. *«Сборник по национальному вопросу и жизни национальностей»*.

В сборнике предполагается особыми очерками осветить жизнь 34 народностей, входящих автономно в Р.С.Ф.С.Р.

К участию в сборнике привлечены: т. т. Ленин, Сталин, Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Каменев, Радек, Сафаров, Покровский, Павлович, Бройдо, Трайнин, Раковский, Мануильский, Затонский (Украина) и видные работники всех национальных меньшинств.

ЛЕКЦИИ и ДОКЛАДЫ.

▫ В Политехническом музее 6 декабря В. Каменский читал свой новый «бульварный» роман *«Ставка на бессмертие»*. 11 и 13 декабря два вечера были посвящены памяти Некрасова. Читали: В. А. Поссе—*«Кому живется весело вольготно на Руси»* (Некрасов, как русский бытописатель), Ю. И. Айхенвальд—*«Творчество Некрасова»* и артисты Худож. театра—отрывки из произведений поэта. 10 декабря—вечер памяти Л. Н. Толстого. Вступительное слово сказал А. В. Луначарский. П. И. Бирюков и В. В. Вересаев поделились воспоминаниями. 26 декабря А. Боровой читал лекцию *«Бакунин»*. 4 янв.—Вяч. Полонский читал лекцию *«Бакунин и царь»* (об исповеди Бакунина). 8 янв. В. Маяковский устроил *«Вечер сатиры»* (чтение своих «вещей»), а 19 янв. и 17 февр.—*«Чистку современной поэзии»*. 13 янв. д-р А. Ф. Малинин прочел лекцию *«Биология любви»*. Лекция эта открывает целый цикл, посвященный «проблеме любви». Следующие были: «Призраки любви» «Физиология любви», «Преступления в области любви» и «Половое влечение и гигиена зачатия». 24—25-го—из цикла географических лекций А. Корсини *«Англия»* и *«Английская и шотландская национальная живопись и музыка»*.

▫ В Камерном театре 2 и 16 янв. состоялись две лекции Ф. А. Степуна *«Природа артистической души»* и *«Современность перед лицом трагедии»*.

▫ 14 янв. в Союзе крестьянских писателей состоялся литературный вечер, посвященный памяти недавно умершего в Туркестане писателя из народа Г. П. Попова-Завражного.

▫ В клубе лев. с.-р. 5/II состоялся вечер *«Памяти П. К. Михайловского»*.

▫ С докладами выступали С. Чижиков Гросман-Рощин.

▫ 5 февр. в Политехнич. музее Л. И. Аксельрода читал лекцию *«Нравственная красота в произведениях Оск. Уайльда»*, а 7-го Л. Дейч—*«Революционное движение от начала 70-х годов»* (по личным воспоминаниям).

ПРОВИНЦИЯ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОД.

Академией материальной культуры в Нижнем-Новгороде с октября н. г. утверждена археолого-этнологическая комиссия. Возглавляет комиссию уче-

ный совет в составе: проф. А. Я. Садовского (председатель), С. Парнийского (ученый секретарь), Н. Драницына, М. А. Шебуева и В. Т. Илларионова.

Комиссия приступила к деятельности, наметив ряд первоочередных работ по изучению Нижегородской губернии в археологическом и этнографическом отношениях.

Из работ, начатых комиссией, нужно отметить составленные археологические карты Нижегородской губернии проф. А. Я. Садовским и изучение революционного процесса среди раскольников Нижегородского Заволжья, предпринятого В. Т. Илларионовым.

Комиссия готовит к изданию книги: Проф. А. Я Садовского—*«Личный указатель к писцовым, платежным, переписным, дозорным книгам Нижегородского уезда VII века»*. Н. Драницына: *«Библиографический указатель к Нижегородским Губернским Ведомостям с 1875 по 1902 г.»*. *«Указатель к Нижегородским Епархиальным Ведомостям»*. С. Парнийского *«О Нижегородских крепостных укреплениях»* и М. А. Шебуева: *«О нижегородском кремле»*.

Под редакцией В. Т. Илларионова вышел в свет второй том *«Материалов по истории революционного движения»*.

Губсоюз принял к изданию книгу проф. Н. М. Романова *«Очерки полезных ископаемых в нижегородском крае»*.

САМАРА.

При Самарском Государственном университете открыто Историко-филологическое об-во, руководимое акад. В. Н. Перетц. За 1920—21 годы об-вом было устроено 14 заседаний с докладами по истории русской и всеобщей литературы, о поэтике и по истории искусства. В. П. Адрианова читала на тему *«Каманский купец Василий Гагара, как паломник-писатель»*, С. Д. Балухатый *«Отчет о научных занятиях в Чеховской комнате музея имени А. П. Чехова в Таганроге»*, *«Проблема слова и литературные школы»*. *«Некоторые ритмико-синтаксические категории русской речи»*, *Новые труды по поэтике»* и *«Опыт рационального стилистического описания стихотворного произведения»*, А. П. Баранников *«Yatakamala»* (гирлянда рассказов о перерождениях Будды), А. С. Башкиров *«Эгейская культура в поэмах Гомера»*; Л. Л. Васильев *«Московское общество любителей российской словесности в его отношении к русскому литературному языку»*; В. Н. Ивановский *«К проблемам метрики и ритмики русского стиха»*, *«Футуризм и имажинизм, как литературные школы»*. Акад. В. Н. Перетц *«Рукописи Самарского университета»*, *«Несколько польских параллелей XVI—XVII вв. к сочинениям Ивана Вишенского»* и С. А. Щеглова *«Беседы пастушеские Симеона Полоцкого»*.

Кроме того, ряд заседаний был посвящен памяти ученых: А. А. Шахматова (речи акад. Претца и В. Адриановой). С. А. Венгерова, Б. А. Тураева и научной деятельности В. Н. Щепкина, И. М. Петровского и С. Т. Голубева.

ТВЕРЬ.

Отпечатана брошюрка *«Последние дни последнего царя»* (материал, касающийся расстрела Николая Романова) и переиздается пражское издание сборника *«Смена вех»*.

Интерес к этому сборнику соблазнил на перепечатку его и смоленское отделение Госиздата.

КРАСНОЯРСК.

По сведениям библиографического бюро Приенисейского края в пределах Енисейской губернии за годы революции выпущено книг и брошюр: в 1917 году—80 названий, в 1918—49 назв., в 1919—57 в 1920—114 и в 1921—38

Периодических изданий за тот же период зарегистрировано в 1917 году—33 назв., в 1918—22, в 1919—24, в 1920—21, в 1921—7.

По изучению края в Красноярске имеется несколько научных организаций: Отдел географического об-ва, Музей Приенисейского края и Кружок «Старый Красноярск».

Задачи кружка—изучение прошлого города Красноярска и содействие по организации музея старого Красноярска.

Работает он под председательством местного ученого В. А. Смирнова. Ведется литературная работа по выяснению облика Красноярска первых годов после основания его, сделано Г. Дараганом описание храма Благовещения, представляющего большую историческую и художественную ценность, но издать его местными средствами едва ли скоро удастся.

Енисейская губерния богата историческими архивами, но разработка их подвигается весьма медленно. Так, напр., архив Туруханского монастыря имеет ценные никем неиспользованные материалы по колонизации края. Там же имеются дела о декабристах (Бобрищев-Пушкин и др.), дело о святом Василии Мангазейском, о скопцах и др.

Богатый архив Спасского монастыря передан в музей Приенисейского края.

Местное издательство совсем заглохло. Библиографическим бюро Приенисейского края подготовлена к печати работа по регистрации местных произведений печати, но без помощи Центральной Книжной Палаты ее едва ли удастся опубликовать.

Имеются готовые к печати работы: А. Я. Тугаринова, *Задачи и принципы устройства местного музея*. Ермолова, *Географическое и естественно-историческое описание Урянхайского края*». М. Н. Богданова, «*Этнография Минусинских инородцев*» и Н. К. Авербаха, *Колонизация и заселение крайнего севера Енисейской губернии*».

РЯЗАНЬ.

По инициативе тт. Володина (Сергея Черного), А. Егорова и Сем. Лягина в Рязани организуется «Дом Литераторов».

Вышел из печати «*Литер-худож. сборник*» в пользу голодающих Поволжья, изданный Лито ряз. губполитпросвета. В сборнике напечатаны произведения: К. Бальмонта, Сергея Спасского, С. Черного, Сем. Лягина, Кугушевой, Вен. Кисина, Тар. Мачтет и Кевер. Готовится к печати вторая книжка сборника.

В Рязанском отделении Всер. союза поэтов вышел четвертый сборник стихов под названием «*Сегодня*».

▫ В Казани вышел 3—6 номер «Казанского Музейного Вестника» со статьями Рихтера («*Идеальные и практические задачи этнографических музеев*»), Б. Адлера («*Главмузей*»), В. Адарюкова («*Предметный каталог отдела изящных искусств Румянцевского музея*»), А. Бакушинского («*Современное экскурсионное дело в России*»), П. Этингера, А. Кудинова, А. Рождествина, П. Дульского и др. Ряд матовых репродукций на меловой бумаге.

▫ Иркутский Госиздат выпустил ко дню трехлетия университета сборник под названием «*Иркутский государственный университет*».

В сборнике помещены отчеты о трехлетней работе университета и его учреждений и статьи-обзоры профессоров Н. Бушлакина, А. Сперанского, А. Муравьева, К. Кудряшова, Г. Маннс, Б. Сварчевского, В. Дорогостайского, М. Одинцова и А. Гляссерна.

▫ В Ставрополе начинает издаваться журнал «*Русский Коллекционер*», посвященный коллекционированию почтовых марок, денежных знаков и проч.

▫ Революция раскрыла многие недоступные раньше архивы. Особенно много таких запретных хранилищ было в Сибири.

Слабо освещенная судьба декабристов в Сибири привлекает большое внимание сибирских ученых. Архивные материалы о декабристах разрабатываются в Томске историком Бакаем, в Красноярске — Н. К. Авербахом и в Иркутске—Б. Г. Кубаловым и проф. В. И. Огородниковым.

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ НАБОРЩИКА Н. А. АЛЕКСЕЕВА.

18 февраля с. г. рабочие и служащие 1-й Образцовой типографии чествовали своего героя труда—старейшего наборщика Николая Алексеевича Алексеева по поводу исполнившегося 50-летия его многотрудной деятельности.

Чествование этого даже и не среди наборщиков редкого юбилея носило скромный характер. Отсутствие пафоса и вычурности в приветственных речах, задушевные бодрящие слова товарищей, простота в обращении — все это так хорошо гармонировало с симпатичной простотой почтенного юбиляра, который, не придавая тому большого значения, посвятил целую половину века делу, которое давало ему одну гарантию—не умереть с голода, и которое, тем не менее, он, как честный работник, аккуратно и добросовестно старался исполнять, глубоко убежденный что то, что он делает есть великой важности дело, клонящееся к просвещению масс, дело же просвещения—это светоч, озаряющий путь, по которому победоносный народ шел к своему освобождению—и пришел, завершив его Великой Октябрьской Революцией.

Н. А. Алексеев. (Грав. Ив. Павловым).

Николай Алексеевич родился в 1860 г. Питомец воспитательного дома, он не знал своих родителей. С младенческих лет он находит приют у чужих людей, в семье одного лесника близ г. Рузы. Здесь он растет и обучается в сельской школе. Когда ему исполнилось 12 лет, его отвозят в Москву и отдают в ученье «на года» в небольшую типографию Глушкова, на Лубянке, «на все готовое». В течение положенных для ученичества 5 лет, Николая Алексеевича здесь обучают всему, начиная с судомойного дела на кухне до всех отраслей типографского искусства включительно. Он был и накладчиком и золотильщиком, был словолитчиком и батырщиком и пр. и, наконец, стал наборщиком. Учение было трудное, бессистемное, часто сопровождаемое незаслуженными зверскими побоями, на которые, правда, в то время не обращали особого внимания, с постоянными ругательствами. Учили с тем, чтобы наиболее эксплуатировать. При эксплуатации убивали инициативу, забивали способности. Тем не менее, т. Алексеев извлек отсюда свою пользу: он стал универсальным, всесторонним, и везде нужным работником.

Выйдя из ученья, Алексеев поступает в типографию Лаврова (Леонтьевск. п.), где, проработав в продолжение нескольких лет, был взят на военную службу; однако, был оставлен при типографии Главного Штаба в Петрограде, нуждавшейся в то время в хороших разносторонних работниках; здесь он проработал до окончания срока военной службы.

В 1886 г. Николай Алексеевич поступает в типографию И. Д. Сытина, занимавшую в то время в небольшом флигелечке по Пятницкой ул. самое скромное место; небольшая по оборудованию—всего было 2 маш. и незатей-

ливая по содержанию выпускаемого товара, типография эта еще только начинала существовать. Универсальность Николая Алексеевича была использована: здесь он работает и наборщиком, и накладчиком, и пр.

Администрация ценила Николая Алексеевича: она ценила в нем многогранного работника, специалиста-наборщика и главное идеального кладовщика наборного материала. Какое значение имеет хороший кладовщик для крупной наборной, знает каждый типограф. Кладовая в таких наборных—это Альфа и Омега, начало и конец каждого дела, а потому в крупных типографиях на кладовую обращено особенное внимание, и потому заведывать ею назначаются люди только высококвалифицированные, только достойные. Таким идеальным кладовщиком и является Николай Алексеевич. Во-время принять и без задержки сдать материал, соответственно заменить, во-время прилить, отсортировать, расположить материал в систему—все это у него совершается легко и свободно, как будто само собой. С удивительною виртуозностью он разбирается в той массе сложного разнообразнейшего материала, которого он поставлен хранителем.

Как наборщик он приобрел большую популярность среди знающих его, главным образом, среди корректоров. Благодаря особенно развитому профессиональному вниманию, выдающейся аккуратности и щепетильности его знают, как наборщика, на которого можно положиться в ответственных делах.

В заключение немного статистики. Если принять, что Николай Алексеевич работал за весь свой стаж ежедневно по 7 час. (а он работал и по 11—12 час.) и вырабатывал по 4000 букв (а он вырабатывал по 8000 и более), и далее, что рабочих дней в году 280 (а их у него было и больше),—то в течение 50 лет Николай Алексеевич набрал (4000×280×50) 56.000.000 букв.

Теперь далее: если принимать печатный лист в 50.000 букв (чаще бывает меньше), то (56.000.000 : 50.000) получится 1120 печатных листов, или (считая в среднем каждую книгу в 10 печати. листов) 112 книг. Если эти 112 книг печатались на круг только по 15.000 экз., то и тогда уже ими пользовалось, следовательно, 1.680.000 человек... А это, что-нибудь да значит!

Николай Алексеевич признан героем труда.

А. Д.

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.

I. Постановление Совета Народных Комиссаров о порядке издания учебников, учебных пособий и руководств.

1. В целях устранения спекуляции с изданием новых и переизданием ранее сего изданных учебников, учебных руководств и учебных пособий для всякого рода образовательных внешкольных учреждений и для всех ступеней и типов школы, не исключая университетов и высших технических и профессиональных учебных заведений, Совет Народных Комиссаров п о с т а н о в и л:

Исключительное право на издание и переиздание указанных выше учебников, руководств и пособий предоставить Государственному Издательству, состоящему при Народном Комиссариате по Просвещению (Госиздату при Наркомпросе), с соблюдением порядка, изложенного ниже в параграфах 2—6.

2. В случае отсутствия соглашения с автором, Госиздат публикует в «Известиях ВЦИК» об учебниках, руководствах и пособиях, намеченных к переизданию в переработанном виде, и если в двухнедельный срок со дня опубликования авторы опубликованных изданий не заявят о своем желании произвести переработку, Госиздат передает означенные издания для переработки соответствующим коллегиям Наркомпроса или других Наркоматов и затем приступает к переизданию. Авторский гонорар за все переиздаваемые произведения оплачивается по существующим ставкам.

Примечание: Указанный срок удлиняется до одного месяца в случае, когда предварительные переговоры с автором не имели места.

3. Госиздат может передавать право на переиздание означенных выше произведений кооперативным издательствам и отдельным лицам, вступая с ними по этому предмету в надлежащее соглашение.

4. Заключение договоров на издание за границей рукописей, предусмотренных в параграфе 1-м настоящего постановления, допускается исключительно по соглашению с Госиздатом.

5. В трехнедельный срок со дня вступления в силу настоящего постановления, как все частные, так и кооперативные издательства должны представить Госиздату сведения о том, какие издания из числа предусмотренных выше в параграфе 1-м подготовлены ими к печати. Госиздат может принять на себя осуществление этих заданий и в таком случае производить расчет по существующим ставкам с авторами и редакторами таковых, изданий, а также возмещает издательствам произведенные ими расходы по подготовке изданий. От представления этих сведений издательства освобождаются лишь по тем изданиям, которые производятся ими с разрешения или по поручению Госиздата или по соглашению с Госиздатом.

6. В случае издания упомянутых в параграфе 1-м рукописей частными кооперативными издательствами без разрешения Госиздата, или другими издательствами без соглашения с Госиздатом вне порядка, установленного настоящим постановлением, таковые могут переиздаваться Госиздатом без оплаты авторского гонорара.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*
Управделами Совнаркома *В. Смольянинов.*
Секретарь *Л. Фотиева.*

II. Декрет Совета Народных Комиссаров о введение платности газет.

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Ввести платность газет с 15 декабря 1921 года.

2. Плату за газеты взимать как с отдельных лиц, общественных учреждений и организаций, так с государственных учреждений и предприятий без исключения.

3. Цены на периодические издания, выпускаемые государственными органами, устанавливаются фактическими издателями сообразно себестоимости, с учетом всех произведенных расходов.

4. Отпуск газет рабочим и служащим при коллективной подписке производить по пониженной плате.

5. Читальни, рабочие клубы, избы-читальни и другие просветительные организации снабжаются газетами за счет Наркомпроса.

6. Красноармейские части и воинские организации снабжаются газетами за счет Р. В. С. Р. по нормам, определяемым Р. В. С. Р. по соглашению с Н. К. Просвещения.

7. Определенный процент газет подлежит расклейке на заводах, фабриках, мастерских, улицах городов и сел за счет Наркомпроса.

8. На Н. К. Просвещения возлагается обязанность в двухнедельный срок разработать и опубликовать инструкцию о контроле над правильным распределением газет по сети просветительных учреждений и снабжением газетами трудящихся масс.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов.*
Управделами Совнаркома (подпись).
Секретарь (подпись).

III. Постановление Совета Народных Комиссаров о частных издательствах.

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Частные издательства действуют на основании нижеследующих правил.

2. Для возникновения издательства требуется разрешение Государственного Издательства или соответствующего местного органа, которое немедленно сообщается Главному Управлению Госиздата на утверждение.

3. Издательства могут иметь собственные типографии, конторы, редакторские и проч. кабинеты, склады, магазины и т. д., а также арендовать таковые у Пра-

вительства и частных владельцев с соблюдением установленных на этот предмет правил. Приобретение или аренда типографии может осуществиться лишь с разрешения Президиума В. С. Н. Х, и согласия Государственного Издательства и Ц. К. Печатников (постановление СТО от 28 IX 1921 г.).

4. Издательствам предоставляется заготовлять за границей книги, картины и другие произведения печати и ввозить их в Россию, с соблюдением действующих узаконений и правил о ввозе товаров из-за границы и с разрешения в каждом случае Государ. Издательства.

5. Издательствам принадлежит право свободно сбывать по вольной цене произведения печати, изданные на собственные их средства, без субсидий со стороны государства. Госиздат и его органы на местах имеют право преимущественной покупки всего издания или части его по ценам, установленным по соглашению, но не свыше оптовой цены.

6. Кооперативные издательства образуются в форме кооперативных товариществ авторов или в смешанном составе писателей, ученых, художников с тружениками печатного и книжного дела.

7. Все существующие частные издательства подлежат перерегистрации согласно статьи 2-й сего постановления.

8. Выдача разрешений на возникновение издательства и напечатание рукописей (ст. 9) возлагаются на Государственное Издательство и его отделения на местах, а где их нет—на Губполитпросветы, согласно особой инструкции Наркомпроса.

9. Каждая отдельная рукопись до сдачи ее в набор должна быть разрешена к печати органом, указанным в статье 8, о чем должно быть отмечено на каждой напечатанной книге. Решения местных органов могут быть обжалованы в Редакционную Коллегию Госиздата.

10. Книги, изданные без надлежащего разрешения, конфискуются и поступают в распоряжение Госиздата, а издатели их привлекаются к судебной ответственности.

11. При представлении рукописей в органы, указанные в статье 8, последними взимается сбор в размере одного довоенного рубля с печатного листа (40.000 знаков).

12. По отпечатании издания 10%, но не менее 10 экземпляров, представляются бесплатно в орган, выдавший разрешение, половина этого количества немедленно пересылается местным органом в Госиздат.

Примечание: Упомянутые в ст. 12 экземпляры представляются независимо от экземпляров, посылаемых в книжные палаты для библиографических целей, согласно постановления С. Н. К. о передаче библиографического дела в Р. С. Ф. С. Р. Государственному Издательству (Собр. Узак. 1920 г. № 65, ст. 289) и инструкции Наркомпроса по применению означенного постановления.

13. Издание учебной литературы регулируется постановлением С. Н. К. от 16 августа 1921 года. (Собр. Узак. № 61, ст. 430).

За председателя Совета Народных Комиссаров *Цюрупа*.
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров *Н. Горбунов*.
Секретарь *Л. Фотиева*.
Москва, Кремль, 12/XII 1921 г.

IV. Обязательное Постановление Народного Комиссариата по Просвещению. О порядке представления обязательных экземпляров произведений печати в Российскую Центральную Книжную Палату.

(Принято Коллегией Н.К.П. 12/I—22 г.)

В изменение и дополнение параграфов 2 и 3 Постановления Народного Комиссариата по Просвещению и от 3 августа 1920 г., напечатанного в «Известиях В. Ц. И. К.» от 19 августа 1920 г. в № 183. Народный Комиссариат по Просвещению постановил:

Порядок представления обязательных экземпляров произведений печати устанавливается следующий: все типографии и типо-литографии на территории Р.С.Ф.С.Р. обязаны до передачи издателю и выпуска в свет, во всяком случае не позднее трех суток по изготовлении первых экземпляров, представлять непосредственно в Российскую Центральную Книжную Палату (Москва, Твер-

ская, 48) безвозмездно по двадцати пяти (25) экземпляров всех произведений печати, имеющих литературный характер (книги, брошюры, листовки, газеты, журналы, доклады, плакаты, приказы, анкеты, прокламации, воззвания, лозунги, инструкции, циркуляры, объявления, афиши, картины, портреты, открытки с рисунком или текстом, карты, чертежи, ноты, всякого рода литографированные издания и т. п. на всех языках.

Примечание 1. Не требуется представления произведений печати, имеющих чисто канцелярский характер (бланки, накладные, чековые книжки, билеты и т. п.)

Примечание 2. За присылку всякого рода дефектных экземпляров, в чем бы дефекты изданий ни заключались, типографии и типо-литографии несут ответственность как за непредставление изданий.

Замнарком Просвещения *Е. Литкенс.*
Нач. Административн. Управления *Невельсон.*

V. Положение об Отделениях Главного Управления Государ. Издательства.

1) Отделения Главного Управления Государственного Издательства находятся в непосредственном и исключительном подчинении Главного Управления Государственного Издательства и действуют исключительно по его указаниям и распоряжениям, организуясь, как хозяйственные безубыточные предприятия.

2) Взаимоотношения отделений Главного Управления с местными органами (Губисполкомом, Губоно, и др.) определяются зависимостью отделений от Главного Управления и ограничиваются только взаимными обязательствами, вытекающими из заключаемых договоров (соглашений), утвержденных Главным Управлением.

3) Отделения Главного Управления, в качестве его представителей на местах, ведя свою работу в непрерывном согласовании с деятельностью Главного Управления: а) имеют наблюдения за издательской деятельностью кооперативных и частных издательств, возникших и возникающих в порядке декрета С.Н.К. от 12 декабря 1921 г.; б) приобретают по соглашению с Редакционным Сектором Главного Управления рукописи; в) в случае необходимости, принимают к изданию работы Главного Управления; г) ведут оптовую и розничную торговлю книгами, согласно установленным на сей предмет положениям.

4) Отделения Главного Управления составляют издательский план (на ближайшую треть года) в строгом соответствии с полиграфическими и бумажными средствами, руководствуясь исключительно соображениями безусловной необходимости и хозяйственной целесообразности. Составленный таким образом план представляется в Главное Управление Государственного Издательства на предмет его окончательного согласования утверждения. Бумага отпускается Главным Управлением в пределах плана, утвержденного указанным выше порядком.

Примечание: Издания, заказываемые местными органами и учреждениями, принимаются к изданию за счет заказчиков с калькуляцией, составленной на общих основаниях.

5) В отношении издания учебников, учебных пособий и руководств, отделения строго придерживаются действующего постановления Совета Народных Комиссаров от 16 августа 1921 г. («Известия В. Ц. И. К.», № 186).

6. Отделения в хозяйственном и финансовом отношении являются частями единого предприятия—Государственного Издательства.

7) При начале операций отделения получают от Главного Управления оборотный капитал в соответствии с активом данного отделения.

8) Актив данного отделения составляется из: а) всех денежных сумм, находящихся в распоряжении отделения; б) всех книжных запасов, считая в том числе и книжные запасы бывших агентств Центропечати; в) всего наличия газетной и печатной бумаги; г) прочего инвентаря. Все имущество оценивается в довоенных рублях.

9) Отделения Главного Управления могут открывать свои филиалы только с разрешения Главного Управления.

10) Отделения Главного Управления представляют на его утверждение свои штаты и соображения по окладам сотрудников.

11. Заведующие местными отделениями и их заместители назначаются Главным Управлением.

12) Каждый Сектор Главного Управления Госиздата разрабатывает инструкции для руководства соответствующим Секторам отделения.

VI. Инструкция по применению платности произведений непериодической печати согласно декрета Совнаркома от 28/XI 1921 г.

(Утверждена Правлением Госиздата 23/XII 1921 г.).

1. Право преимущественной закупки книг со всех складов Госиздата (Центропечати) и других государственных, кооперативных и частных издательств через Госиздат принадлежит Наркомпросу и его органам на местах.

2. Госиздат и его местные органы обязаны немедленно приступить к учету книг, находящихся на складах, передавая, по мере производства учета, списки книг для просмотра в комиссию, состоящую: в центре—из представителей Главполитпросвета, Главсоцвоса, Главпрофобра и Госиздата, в которую поступают и списки петроградских запасов, на местах—из представителей Губполитпросвета, Губсоцвоса, Губпрофобра и Госиздата (где он имеется), под председательством представителя Политпросвета. Комиссии вменяется в обязанность изъять из распределения и продажи книги, подлежащие распространению.

3. Цены на книги, находящиеся на складах, определяются учреждениями, в ведении которых находятся склады, и могут быть обжалованы: по отношению к местным учреждениям — в Госиздат, по отношению к Госиздату—в коллегию Наркомпроса.

4. Органами Наркомпроса должна быть забронирована литература в пределах фактической потребности их сети, при чем часть литературы должна оставаться в распоряжении Госиздата в качестве запасного фонда для внепланового снабжения учреждений, не входящих в сеть Наркомпроса, и вольной продажи трудящемуся населению.

5. Снабжение литературой Украинской, Грузинской и прочих независимых республик, имеющих самостоятельные органы снабжения, производится непосредственно Госиздатом из фонда Наркомпроса в нормах, установленных по соглашению с ними и за их счет.

6. Требования учреждений Наркомпроса на литературу из запасного фонда удовлетворяются в первую очередь.

7. Реввоенсовету и Цектрану для планового снабжения сети их просветительных учреждений литература выделяется Госиздатом из фонда Наркомпроса за счет их смет по их требованиям, в среднем для Реввоенсовета—10%, для Цектрана—7%.

8. Учреждения, получающие книги из фонда Наркомпроса, обязаны отчетностью перед ним в их использовании.

9. При массовом отпуске книг учреждениям, имеющим собственные склады и экспедиционные аппараты, делается соответствующая книгопродавческая скидка. Способы расчета определяются по соглашению.

10. Тираж книги устанавливается Госиздатом, при чем принимаются во внимание заявки Ц. М. К. П.

11. Наркомпрос ведет денежный учет распределенной по местам литературы; органы Н. К. П., получающие литературу для дальнейшего распределения, обязаны немедленно подтверждать получение ее и систематически присылать отчет с приложением расписок учреждений, получивших литературу.

12. При отпуске книг для продажи населению Госиздат и его местные органы обязаны в первую очередь удовлетворить потребности магазинов, принадлежащих государственным учреждениям, во вторую — профессиональных, кооперативных и других организаций и лишь в последнюю—частных лиц.

VII. Инструкция о порядке сдачи в аренду предприятий полиграфического производства.

На основании постановления СТО от 17 и 23 сентября с. г. сообщается к руководству нижеследующее:

1) Областные и Губернские Управления Издательским Делом заключают с местными Губполиграфотделами договоры, на основании которых заказы местных отделений Государственного Издательства концентрируются в наиболее оборудованной местной типографии.

2) Общественные организации, кооперативы и отдельные лица, желающие получить в аренду типографию или другое предприятие полиграфического производства, подают соответствующее заявление в Производственный Отдел С. Н. Х. (Бюро Аренды).

3) Производственный Отдел С.Н.Х. по каждому отдельному заявлению требует от местного Губполиграфотдела представления сведений о размере типографий, количестве машин, количестве шрифта, о месте ее расположения, наличии подсобных предприятий, как-то: литографии, переплетной и пр., а также заключения о желаемых условиях арендного договора.

4) Все указанные в пунктах 2 и 3 материалы поступают в Главное Управление полиграфической промышленности, которое в недельный срок со дня поступления заявки со всеми материалами обязуется представить на утверждение президиума В. С. Н. Х. заключение, согласованное с Госиздатом и Ц. К. В. С. Р. П. П.

5. В случае возникновения разногласий, окончательное разрешение вопроса передается президиуму В. С. Н. Х.

Председатель Коллегии Полиграфотдела В. С. Н. Х. (Подпись).
Управляющий делами (Подпись).
Заведующий Государ. Издательством *О. Шмидт.*
Нач. Общего Отдела *Р. М. Хатаевич.*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

I.

Уважаемый товарищ редактор!

В № 2-м журнала «Печать и Революция», в статье И. Степанова: «О пользе и вреде скромности», он говорит по поводу библиографического журнала «Книга и Революция», что отражение литературы в этом журнале—неточная копия литературной действительности, а зачастую «дружеское отражение.

Как же мотивирует товарищ Степанов свое утверждение?.. Он указывает, что даже никуда не годная брошюра «Фридрих Энгельс в литературе» оказывается заслуживающим внимания изданием в редактируемом нами журнале.

Что же, однако, оказывается на деле?... В № 10—11 «Книга и Революция», в статье «Фридрих Энгельс в литературе», тов. Серебряков пишет об этой брошюре: «брошюра «как писал Фридрих Энгельс», состоит из ряда цитат, ничем между собой не связанных. Я, по крайней мере, не мог уловить никакой руководящей мысли. Против выбора цитат тоже можно здесь сделать кое-какие возражения». Неужели подобный отзыв тов. Серебрякова дает «заслуживающему внимания изданию».

Затем тов. Степанов утверждает, что «контр-революционный» «Террор» Гра и «Процесс жирондистов» не нашли осуждения на страницах редактируемого нами журнала. Так ли это?..

В 12 номере «Книга и Революция» романам Феликса Гра «Марсельцы» и «Террор» посвящена целая статья Ольшевского. Автор приходит к выводу об определенной резкой тенденциозности романов Феликса Гра. Романы, подобные «Террору», могут вызвать в неподготовленном читателе, — говорит он,— совершенно превратное представление об эпохе Великой революции.

Это ли «дружеское отражение», товарищ Степанов?.. Что касается «Процесса жирондистов», то в № 7 «Книга и Революция» ему посвящена рецензия, подписаная Л. А. О. По словам рецензента, данная брошюра не выдерживает ни одного из требований, которым должна удовлетворять всякая популяризация.

Затем товарищ Степанов указывает на совершенно сумбурное пацифистское, анархическое содержание книги Кирк-

патрика — «Война... ради чего?» Эта книга разве обойдена молчанием на страницах «Книги и Революции»?.. Ничего подобного. В № 10—11 в рецензии об этой книжке мы читаем: «Подлинный перевод Киркпатрика едва ли был нужен».

Возьмем на удачу несколько номеров «Книги и Революции» и попробуем там отметить рецензии, неблагоприятные для книг, выпущенных Петроградским Отделением Государственного Издательства. Например, в № 10 — 11 находим отрицательную рецензию о книжке В. Колпенского: «Якутская ссылка и дело романовцев». В № 7—отрицательную рецензию о «рассказах Муйжеля и о переводе книжки Геккеля: «Происхождение человека». В № 12 помещена резкая рецензия тов. Антонова на брошюру В. Либкнехта—«Обоснование Эрфуртской программы», о которой упомянул в своей статье тов. Степанов. В том же 12 номере мы находим весьма критические отзывы о книгах редакторов журнала—Ионова и Быстрянского. Едва ли это дружское отражение... Мы привели только несколько примеров, взятых наудачу. Мы припоминаем, что в одной из рецензий на первые книжки журнала одного издания (если не ошибаемся московский журнал «Творчество») отмечали значительное количество неблагоприятных рецензий на издания Петроградского Отделения, выпускающего журнал.

Из приводимых нами примеров явствует, что «Книга и Революция» отнюдь не «вводила в тягостное заблуждение ни тов. Ионова, ни, как утверждает т. Степанов, и других товарищей, а что тов. Степанов поторопился высказать суждение о редактируемом нами журнале, не потрудившись его прочитать.

Мы, с своей стороны, можем пожелать нашему новому собрату, «Печати и Революции», такого же объективного отношения к изданиям центра, которое проявляла постоянно «Книга и Революция» к изданиям Петроградского Отделения Госиздата.

Редакция журнала

„Книга и Революция".

II.

Как иногда пишутся возражения.

Они пишутся иногда так, что в них скучно становится разбираться. Читатель в них во всяком случае разбираться не сможет, не станет сравнивать, что возражают, с тем, на что возражают. Я писал:

Отражение литературы в журнале «Книга и Революция»—«зачастую дружеское отражение, при котором даже никуда не годная брошюра: «Так говорил Энгельс», оказывается заслуживающим внимания изданием, и даже *контр-революционные* «Террор» Гра и «Процесс жирондистов» *перестанут* (вследствие опечатки стоит «перестают») быть жестокими промахами петербургской редакционной коллегии или будут обойдены приятельским молчанием.

Взятые «наудачу» несколько примеров не совсем положительных отзывов «Книги и Революции» о некоторых изданиях Петербургского Отделения меня не касаются, меня касается только та часть возражения, которая прямо относится к моим утверждениям. Я не стану отрицать, что и в этой части оно написано искусно. Но, к сожалению, и она не в состоянии опровергнуть, чего опровергнуть нельзя.

О брошюре *«Так говорил Энгельс»*. Кроме неодобрительного начала, которое цитирует письмо к редактору «Печать и Революция», в рецензии имеется такой утешительный конец, который замалчивается письмом: «Впрочем, за исключением двух-трех неудачных или мало говорящих цитат, остальные заключают законченные идеи, а некоторые и крайне современны».

Товарищи - питерцы, ну, как вам не стыдно после того отнимать время, место и типографские средства на свои искусные возражения?!

О брошюре *«Процесс жирондистов»*. Тщетно ищу в № 7 «Книги и Революции» указаний, что издание этой *контр-революционной* брошюры было жестоким промахом Петербургского Отделения. Есть упоминание, что брошюра представляет горячую апологию жирондистов, и что она не выдерживает ни одной мерки, с которыми надо подходить к

популяризации. А *главное, суть* рецензии заключается в следующих словах: «Для человека, ничего не читавшего по истории французской революции, она будет непонятна, так как автором взят только один эпизод великой эпопеи, и изложение носит такой характер, что предполагает уже известное знакомство читателя с данным вопросом. Человеку же, прочитавшему тот или иной курс по французской революции, она не дает ничего нового».

Значит, если бы к процессу жирондистов автор присоединил общий очерк великой эпопеи,—пожалуй, написанный в таком же стиле,—то дело было бы исправлено.

И после этого петербургские товарищи считают возможным что-то опровергать! Да ведь мои слова точная характеристика общего метода таких рецензий.

О «*Терроре*» Феликса Гра. № 12 «Книги и Революции», на который ссылается возражение, еще не пришел в Москву, когда моя статья уже появилась в печати. Потому-то я и говорил в *будущем времени*: «*перестанут быть*», «*будут обойдены*». Однако, читатель, который сравнил бы рецензию на «Террор», написанную тов. Н. К. Крупской и напечатанную в № 1 нашего журнала, с рецензией в «Книге и Революции», признал бы, что предвидение меня не обмануло.

У меня нет возможности и охоты разбираться в остальных мнимых поправках к утверждениям моей статьи. Да после предыдущего и нужды в этом нет.

И. Степанов.

III.

По поводу одной рецензии.

В 3-ем номере «Печати и Революции» помещена рецензия т. Поршнева на «Сборник постановлений и распоряжений центральной библиотечной комиссии». В интересах восстановления истины, мы должны написать несколько строк. Совершенно неправ автор, когда заявляет, что «библиотечное дело—одно из темных, неясных мест в просветительной работе Главполитпросвета». Стоит только ближе познакомиться с деятельностью Главполитпросвета, чтобы убедиться, что в области библиотечного строительства проделана большая организационная работа. Мы подчеркиваем необходимость этой организационой работы прежде всего, так как для нас важно было привести в систему, в единую сеть все библиотеки, уничтожить параллелизм в работе, усилить работу передвижных библиотек. Только при этом условии можно начать действительно полезную внутреннюю библиотечную работу. Утверждение т. Поршнева голословно и противоречиво: он не знает, что сделано за эти полгода и огульно бросает обвинения, а у нас есть данные, которые показывают, что в большей части губерний единая сеть проведена, работа усиливается, передвижные библиотеки завоевывают прочное положение. Неверно также его утверждение, будто нет съездов—в сборнике имеются материалы совещания 12 центральных губерний. А если автор интересуется библиотечной жизнью, то должен был в газетах читать, что 1—5 декабря было совещание других 20 губерний. Конечно, больших съездов не было, доклады на общие темы не ставились, и просто прорабатывались вопросы библиотечного строительства, ставились конкретные, очередные задачи, и эта работа проведена с 32 губерниями и военными округами Европейской России. Рецензент пишет, что сборник представляет «законодательное пустословие и жуткое упрощение сложных проблем». Мы отсылаем его к протоколом совещания с губерниями и отчетам с мест—он легко может убедиться что пустословие совсем не там, где ему это кажется. И здесь же вздох «скромное знакомство с теорией и практикой библиотечного дела». Можем утешить автора—в работе библиотечного центра принимают участие такие специалисты, как Покровский, Доблер, Хавкина, а на совещании присутствовали Покровская и другие. И они, признаться, грехов против теории библиотечного дела до сих пор в деятельности ЦБК не замечали. Рецензент очень внимательно просмотрел книжку и отметил много довольно мелких дефектов. Не будем возражать против всех, так как получилось бы и громоздко и неинтересно, но возьмем для примера один: «постано-

вления датированы произвольно», заявляет рецензент. Это верно—нумерация постановлений не совпадает с датой времени; но разве это важно? А кроме того, мы можем дать и объяснения—номер ставится после утверждения постановления Главполитпросветом, а это иногда задерживалось—и потому хронологическая путаница. Таковы вообще замечания рецензента, когда он пытается конкретизировать свои выпады и подтвердить голословные обвинения, которые он бросает вначале своей рецензии—обвинения пристрастные и неверные.

М. Смушкова.

IV.

Уважаемые товарищи!

Нью-Йоркская Публичная Библиотека обратилась ко мне с просьбой оказать содействие для получения ею из России вышедших и выходящих там книг. Позволяю себе через ваше содействие обратиться ко всем официальным и частным издательствам с просьбой удовлетворить обращение Нью-Йоркской Библиотеки Эта библиотека является одним из самых лучших мировых книжных сборищ, доступным для всех, и имеет чрезвычайно большой контингент читателей.

Пользуюсь случаем указать на необходимость регулярной высылки русских книг и в другую библиотеку с мировой репутацией—в Британский музей.

Адрес Нью-Йоркской Библиотеки:

The New-York Public Library. New York, 476 Filth avenue.

Адрес Британского музея;

British Museum, London.

С товарищеским приветом

Керженцев.

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

I. КНИГИ.

Государственное Издательство—Москва.

1. Торквато **Тассо.** Аминта. Пастораль.
2. **М. А. Котт.** Культура и первичная обработка конопли.
3. **С. Зельцер и Д. Элькина.** Книга для чтения и бесед в школах взрослых.
4. **Н. Л. Чугунов.** Рыбные богатства Астраханского края в прошлое и настоящее время.
5. **И. Степанов.** О правой и неправой вере, об их иных и ложных богах.
6. **М. Владимирский.** Организация Советской власти на местах.
7. **Ф. М. Орлов-Скоморовский.** К человечеству.
8. **Б. Н. Книпович.** К методологии районирования.
9. **„Красный Хор"**—сборник Суриковского литерат.-музык. кружка.
10. **Демьян Бедный.** Царь Андрон.
11. **И. Степанов.** Очерк развития религиозных верований.
12. **В. И. Молчанов.** Физиологические данные детского возраста.
13. **А. В. Луначарский.** Фауст и город.
14. **Лацис (Судрабс).** Значение соляной промышленности.
15. **В. М. Бронер.** О стригущем лишае и парше.
16. **И. Степанов.** Благочестивые размышления.
17. **К. Н. Корнилов.** Методика исследования ребенка раннего возраста.
18. **К. Н. Корнилов.** Очерк физиологии ребенка раннего возраста.
19. Профессиональное образование в Германии и Америке.
20. О роли и задачах профсоюзов (сборник).
21. «Холера» (сборник).
22. **А. Рыков.** Положение русской промышленности.
23. **П. Зуев.** Угольная промышленность и ее положение.
24. **А. Тольский.** Выращивание сосны.
25. **И. Ф. Рабинович.** Постановка фармацевтического дела в уезде.
26. **Джиованоли.** Спартак.
27. **Н. Л. Мещеряков.** Кооперация в Советской России.

28. Российская Социалистическая Федеративная Республика и Грузинская Демократическая Республика.

29. **М. Владимирский.** Советы, исполкомы и съезды советов.

30. **А. В. Мольков.** Материалы для бесед о поддержании чистоты в жилище.

31. Проф. **А. Гойхбарг.** Советское земельное право.

32. **Д. Н. Прянишников.** Растение полевой культуры.

33. **Б. А. Танашев.** Об установлении полевых севооборотов.

34. VIII Всероссийский съезд советов.

35. **П. П. Блонский.** Очерк научной психологии.

36. **Л. Фич-Перкинс.** Маленькие голландцы.

37. **М. М. Топор.** Вопросы питания в трудовой школе.

38. **И. Сигурʻ Ионсон.** Горный-Эйвинд и его жена.

39. Инструкция по испытанию дезинфекционных камер (Наркомздрав).

40. **Е. Преображенский.** Вопросы финансовой политики.

41. **Д-р Брауде.** Прободение матки. профилактика и лечение.

42. Агрон. **Шлыков.** Разведение красного клевера на семена.

43. Проф. **С. Стериопуло.** Краткая терапия внутренних болезней.

44. **Л. Н. Толстой.** Книга для чтения.

45. **А. Дивильковский.** Коммунисты и крестьяне.

46. **И. Левинштейн.** Материалы по профессионально-техническому образованию.

47. X Съезд Российской Коммунистической Партии.

48. **А. Богданов.** Элементы пролетарской культуры.

49. **А. Горобец.** Азбука. Из деревни.

50. **Н. Крупская.** Р. К. С. М. и бойскаутизм.

51. **А. Султан-Заде.** Экономика и проблемы национальных революций.

52. Проф. **Эдельштейн.** Как организовать питомник древесных пород.

53. **П. Стучка.** Революционная роль права и государство.

54. **П. Каммерер.** Омоложение и продление жизни.

55. **Бем, Волков и Струве.** Сборник упражнений и задач по элементарному курсу алгебры.

56. Сборник губерний, уездов и областей РСФСР, УССР, ССРБ.

57. **М. Рейснер.** Бог и биржа. Сборник революционных пьес.

Государственное Издательство — Петербург.

1. **Д. Мазнин.** В дыму пожаров. (Стихотворения).

2. **Н. Рожков.** Учебник истории всеобщей и русской.

3. Правила для сокращенного обозначения метрических мер.

4. **В. Быстрянский.** Газета в буржуазном и пролетарском государстве.

5. **С. Зорин.** Первое мая в прошлом и настоящем.

6. **С. Конобеевский.** Как плавают в воде и в воздухе и как летают.

7. **В. Сорокин.** Клуб молодежи.

8. **К. Либкнехт.** Милитаризм и антимилитаризм.

9. **В. Быстрянский.** Коммунизм, брак и семья.

10. **Г. Дорогин.** Что делать, чтобы растения в рамах не болели.

11. **И. Ионов.** Колос. Стихотворения.

12. **А. Тюменев.** Очерки экономической и социальной истории древней Греции.

13. **Е. Щепкина.** Женское движение в годы французской революци.

14. Партия и Союзы. Сборник под редакцией **Г. Зиновьева.**

15. **Г. Дорогин.** Как надо лечить крыжовник от мучнистой росы.

16. Первое мая—праздник пролетариев.

17. **И. Н. Богданов-Катьков.** Бабануха.

18. **Г. Плеханов.** Четырнадцатое декабря 1825 года.

19. Проф. **Штейнберг.** Справочник по огородничеству.

20. **Л. Я. Круковская.** Шлиссельбургский узник Валериан Лукасинский.

21. **К. Федин.** Светает.

22. **В. С. Иллич-Свитыч.** Надгробное слово Александру II.

23. **В. Быстрянский.** Очерки по истории Парижской коммуны.

24. Что нужно знать об азиатской холере.

25. **Н. Морозов.** Принцип относительности и абсолютное.
26. **К. Зиновьев.** На пороге новой эпохи.
27. **А. Иоффе.** Мирное наступление.
28. **Г. Борисов.** Диктатура пролетариата.
29. **В. Н. Семенников.** Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании.
30. **Н. В. Гоголь.** Мертвые души.
31. **А. Безыменский.** К солнцу. Стихотворения.
32. **П. Иванов.** Яков Иванович Свердлов.
33. **А. Овсянников.** Последние дни Людовика XVI.
34. **П. М. Керженцев.** Среди пламени.
35. **И. Богданов.** Статистика и отчетность в школе.
36. **Г. Циперович.** Чему учит опыт.
37. **П. Бессалько.** Песни садовника.
38. **Я. М. Захер.** Парижские секции 1790—1795 г.г.
39. **Р. Арский.** На распутьи.
40. **П. Керженцев.** К новой культуре.
41. **К. Цеткин.** Борцы революции.
42. **Г. Зиновьев.** Двенадцать дней в Германии.
43. **Вяч. Шишков.** Подножие башни.
44. **Степняк-Кравчинский.** Царь-Чурбан, Царь-Цапля.
45. **А. Иерусалимский.** Теория велосипеда.
46. **Богданов-Катьков.** Петроградское огородничество.
47 **Дорогин, Н. Спиченко.** Весенние меры ухода за огородными растениями.
48. **А. В. Немилов.** Как устроен человеческий костяк.
49. **А. Г. Дейч.** Почему я стал революционером.
50. Проф. **Б. Е. Райков.** Школьные экскурсии.
51. **К. Тет-Майер.** Горные орлы.
52. **П. Я. Дышлер.** Организация коллективных трудхозяйств.
53. **К. М. Тахтарев.** Очерк петербургского рабочего движения 90 годов.
54. **Е. Левинэ-Ниссен.** Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов.
55. **С. Городецкий.** Серп. Стихотворения.
56. **В. Бутягина.** Лютики.
57. **Октав Мирбо.** Жан и Мадлена (драма).
58. **А Тюшевский.** К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках.
59. **Ф. Р. Энгельс.** Крестьянская война в Германии.
60. **В. Евгеньев-Максимов.** Жизнь и поэзия Некрасова.
61. **Алекс. Чепыгин.** Волк за волком.

Высший Военный Редакционный Совет. (Отдел военной литературы при Р. В. С. Р.).

1. **Ф. Бернгарди.** О войне будущего.
2. **М. В. Фрунзе.** Единая военная доктрина.
3. Справочник по вещевому довольствию Фр. армии.
4. **А. И. Верховский.** Задачи военно-учебных заведений в свете опыта войны.
5. **Н. В. Фомин.** Правила хранения и содержания воздухоплавательного имущества.
6. **Уайт.** Боевое наставление для речных флотилий.
7. Как артиллерия наблюдает.
8. **В. Муратов.** Бронепоезда.
9. **А. Е. Снесарев.** Афганистан.
10. Сборник трудов военно-научного общества. Воени. Акад.

Пензенское отделение Госиздата—Пенза.

1. **И. А. Арямов.** Развитие научного мировоззрения.
2. **Л. Логинов.** Улей системы Дадан Блат.
3. Майские зори.
4. **Н. Крестинский, Е. Преображенский.** Финансовая политика Советского правительства.
5. Петля вместо хлеба.—Записки капитана Грегори о свержении красного режима в Венгрии.
6. **А. Меньшой.** Газетная кампания.
7. Политпросвет-работа.

Казанское отделение Госиздата—Казань.

1. **А. Бочков.** Три года Советской власти в Казани.
2. **Т. Ефимов.** Кооперация.
3. Новая экономическая политика (сборник материалов).

4. Материалы первого студенческого съезда В. У.З.—Т. С. С. Р.

5. **П. Кругляков.** В поисках живого человека.

6. **К. Сотонин.** Темпераменты.

7. **Н. В. Первушин.** Наука социология.

8. Проф. **Виппер.** Кризис исторической науки.

9. **Л. Брентано.** Опыт теории потребности.

10. **В. Дитякин.** Мировая торговля в эпоху великого экономического кризиса.

11. **М. Д. Прыгунов.** Русская сцена за последние 40 лет.

12. **А. Красновский.** Идеал личности педагога в связи с революционной реорганизацией школы.

13. **Б. Вишневский.** Указатель антропологической литературы.

14. **Г. Каминский** и **Г. Чудаков.** Новый зрительный диктант.

Рязанское отделение Госиздата—Рязань.

1. Голодающим Поволжья (сборник).

Гомельское отделение Госиздата—Гомель.

1. Революционная борьба Гомельской губернии.

Нижегородское отделение Госиздата—Нижний-Новгород.

1. Материалы по истории революционного движения. Т. I.

Саратовское отделение Госиздата—Саратов.

1. **Л. Гумилевский.** Исторические дни. Рассказы.

Всеукраинский Госиздат—Харьков.

1. **Рафаил.** Кронштадтский мятеж.

Всеукраинский Госиздат—Одесса.

1. **А. Курс.** Красноармейская лирика.

Редакционно-Издательский отдел В. С. Н. Х.—Москва.

1. Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы.

Книгоиздательство «Колос»—Петроград.

1. **Г. Шпет.** Философское мировоззрение Герцена.

2. **П. Лавров.** Государственный элемент в будущем обществе.

3. **Бехтерев.** Коллективная рефлексология.

4. **П. Л. Лавров.** Социализм и нравственность.

5. **Материалы** для биографии П. Л. Лаврова. Под ред. Витязева.

Всероссийский Союз Работников Связи—Москва.

1. **М. Ходеев.** Всероссийский профессиональный союз рабочих и служащих связи.

2. Краткий отчет всероссийской конференции рабочих и служащих связи.

3. **М. Ю. Шедлинг.** Исторический очерк развития телеграфа.

Рязанский отдел Всероссийского союза поэтов—Рязань.

1. Сегодня (сборник стихов).

Издательство Ярославского сельско-хозяйственного кредитного союза кооперативов—Ярос авль.

1. Проф. **П. А. Сорокин.** Общедоступный учебник социологии.

Кооперативное книгоиздательство—Самара.

1. **Гольдебаев, Степной, Неверов, Дорохов.** Волжские утесы (сборник).

Издательство Витебского Губроста—Витебск.

1. **М. Пустынин.** Да будет свет—газета.

Книгоиздательство И. П. Ладыжникова—Берлин.

1. **А. Толстой.** Князь Серебряный.

Книгоиздательство «Знание»—Берлин.

1. **Л. Грети.** Электричество.

2. **Б. Дюшен.** Радио-телеграфия.

3. **Н. Копец.** Первые шаги электротехника.

4. **Л. Н. Толстой.** Люцерн.
5. **Л. Н. Толстой.** Хозяин и работник.
6. **А. В. Кольцов.** Избранные стихотворения.
7. **А. Н. Афанасьев.** Лисичка-сестричка и волк (сказка).
8. **А. Н. Афанасьев.** Иванушка дурачок (сказки).
9. **А. Н. Афанасьев.** Кузьма скоробогатый (сказки).

II. ЖУРНАЛЫ.

Москва.

1. **«Книжная Летопись», № 1, 2, 3** за 1921 год. Изд. Рос. Центр. Книжн. Палаты при Госиздате.
2. **«Красная Новь»**, № 4 (дек. 1921 года) Главполитпросвет—Госиздат.
3. **«Народное Просвещение», № 93** Наркомпрос—Госиздат.
4. **«Пролетарская Культура», № 20, 21** (январь—июнь 1921 г.) Госиздат.
5. **«Военная Наука и Революция», № 2** за 1921 год. Высш. Воен. Редакционный Совет.
6. **«Политработник», № 15** за 1921 год и № 1 за 1922 год. Орган Политупр. Р. В. С. Р. Издание В. В. Р. С.
7. **«Военный Вестник», № 9** за 1921 год. Орган В. В. Р. С.
8. **«Политвестник», №№ 1, 2, 3.** Изд. В. В. Р. С.
9. **«Красноармеец», № 40—41** за 1921 г. Изд. Отд. Военной Литературы при Р. В. С. Р.
10. **«Красноармейская Печать», №№** — Изд. В. В. Р. С.
11. **«Военный Зарубежник», № № 1, 2.** Изд. Иностран. Отд. В. В. Р. С.
12. **«Известия Централ. Ком. Рос. Ком. Партии», № 34.** Изд Ц. К. Р. К. П.
13. **«Вестник Агитации и Пропаганды», №№ 22—23.** Изд. Ц. К. Р. К. П.
14. **«Вестник Главного Управления Металлопромышленности», № 1.**
15. **«Бюллетень Главного Управления по Рыбной промышленности и рыболовству», №№ 5—7.** Изд. Главрыбы.
16. **«Народное Хозяйство» № 10, 11—12.** Изд. Ред.-Изд. Отдела В. С. Н. Х.
17. **«Известия В. С. Н. Х.», №№ 10—15.** Изд. Р. И. О. В. С. Н. Х.
18. **«Пролетарий Связи», № 13.** Изд. Ц. К. Нарсвязи.
19. **«Клиническая Медицина», № 3.** Изд. Наркомздрава.
20. **«Московский Печатник», № № 9, 10, 11.** Изд. Мос. Губсоюза рабочих полиграфич. производства.
21. **«Искусство и Труд», №№ 1, 2.** Изд. Москоопрабис.
22. **«Работник Просвещения и Искусства», № 1** (дек. 1921 г.). Изд. Цекиспрос.
23. **«Культура и Жизнь», № 1** (февраль 1922 г.). Книгоиздат. Работник Просвещения.
24. **«Вестник Искусств», № 1** за 1922 г. Изд. Главполитпросвета.
25. **«Коммунистическое Просвещение», № 1** за 1922 год. Изд. Главполитпросвета.
26. **«Вестник Рабочих Факультетов», № 1** за 1922 год.

Петроград.

1. **«Книга и Революция», №№ 1 (13) 2 (14)** за 1921 год. Госиздат.
2. **«Летопись Дома Литераторов», №№ 3, 4, 5, 6, 7.** Изд. «Дома Литераторов».
3. **«Юный Пролетарий», №№ 1, 2.** Госиздат.
4. **«Человек и Природа», № 2.** Госиздат.
5. **«Вестник Птицеводства и Мелкого Животноводства», № 1.** Госиздат.
6. **«Пламя», № 19** за 1920 год. Изд. Петербургского С. Р. и К. Д.
7. **«Дальний Север», №№ 1, 2, 3.** Август, октябрь 1921 года. Изд. Петерб. Бюро Роста.
8. **«Красный Мурман», №№ 1—6.** Изд. Петерб. Бюро Роста.

Казань.

1. **«Труд и Хозяйство», №№ 6, 9—20** за 1921 год. Изд. Совнархоза и Совпрофсоюза Т. С. С. Р.
2. **«Казанский Медицинский Журнал» № 1** за 1921 год. Госиздат.
3. **«Казанский Музейный Вестник», №№ 1—2, 3—6** за 1921 год.
4. **«Вестник Областного Студенческого Бюро Т. С. С. Р.», № 7, 15.** Госиздат.
5. **«К знанию», № 1** за 1921 год. Изд. Юнош. Отдела Госиздата.
6. **«Известия Северо-Восточного Археологического и Этнографического Инсти-**

тута в гор. Казани». Том 1 за 1921 год, том 2—1921 г.

7. «Известия Общества Археологии Истории и Этнографии при Казанском университете». Вып. 2—3 за 1921 г.

Краснодар.

1. «Просвещение», №№ 2—6. Изд. Кубанско-Черноморского Обл. Упр. Издательским делом.

Харьков.

1. «Армия и Революция» №№ 1—6 за 1921 год. Изд. Штаба Командвойск Украины.

Саратов.

1. «Русский Гидробиологический Журнал», №№ 1, 2 за 1922 год. Изд. Волжской Биологической станции.

Пенза.

1. «Просвещение», ноябрь — декабрь 1921 год. Изд. Губотдела Наробраза.

Чернигов.

1. «Народне господарство Чернігівщини» № 1. Изд. Губернск. Эконом. Совета.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

	Стр.
В. Вересаев. Что нужно для того, чтобы быть писателем	3
И. Кубиков. Владимир Галактионович Короленко	22
М. Павлович. Белые и красные	29
Вяч. Полонский. Русский обыватель в эпоху революции	40
М. Н. Покровский. О мемуарах Витте	54
П. Ф. Преображенский. Освальд Шпенглер и крушение истины	58
Б. Арватов. На путях к пролетарскому творчеству	65
С. Городецкий. Воспоминания о Блоке	75
Анри Гильбо. Современное литературное движение во Франции	88
М. Рейснер. Интеллигенция, как предмет изучения в плане научной работы	93
А. А. Сидоров. Очерки по истории русской иллюстрации	106
В. Я. Адарюков. Русские граверы. А. П. Остроумова-Лебедева	120
Б. М. Завадовский. Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию	128
В. Д. Виленский (Сибиряков). Международное советское право (материалы к его изучению)	136
А. Юрьев. Обзор литературы по новой кооперации	140
Н. Батурин. Органы губэкономсовещаний. (Обзор)	149
В. А. Костицын. Астрономические новости по английским и немецким журналам (обзор)	154
В. А. Костицын. Обзор литературы по вопросу о Курской магнитной аномалии	157

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО.

Н. Л. Мещеряков. О работе Государственного Издательства	163
Н. Яницкий. О Российской Центральной Книжной Палате	168
Б. Городецкий. Библиография и краеведение	172
Б. Боднарский. Российский Библиографический Институт	178

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. **Социализм и коммунизм.**—В. Адоратского, Б. Волина, В. Ваганяна	181
II. **Анархизм и синдикализм.**—Б. Эльцина, Ил. Вардина	185
III. **Империализм и милитаризм.**—И. Звавича, В. Пичета	191
IV. **Гражданская война.**—С. Пионтковского, А. Аросева, Н. Мещерякова, Ц. Фридлянда	195
V. **Экономические науки и народное хозяйство.**—М. Русакова, М. Павловича, Е. Преображенского, Б. Горева, В. Сарабьянова, В. Михайлова, В. Яроцкого, С. Боброва, Н. Мещерякова, А. Бессера.	205

VI. **Промышленность и техника.** — И. Дикмана, А. Архангельского, К. Калицкого, А. Мозера, С. Шаманского, М. Цоллера, А. Элькинда, Г. Зандберга 223
VII. **История.**—Н. Лукина, Н. Щербакова. 235
VIII. **История революции.**—М. Ольминского, П. Лепешинского, Б. Горева, К. Злинченко, В. Н. Сторожева, Вяч. Полонского, А. Сольца. 239
IX. **История культуры.**—Д. Анучина, И. Степанова. 245
X. **Народное просвещение.**—А. Елизаровой, М. Смушковой, В. Смушкова, Н. Богуславской, М. Масленникова, В. Натали. 247
XI. **Библиография и библиотековедение.**—М. Смушковой, А. Эйхенгольца, М. Слуховского, Н. Бельчикова. 254
XII. **Народы и страны.**—В. Пичета, В. Виленского, Д. Анучина. . . 259
XIII. **Науки о природе.**—Д. Анучина, В. Костицына, С. Блажко, А. Жадовского, А. Чернова, М. Тихомирова, Н. Андреева, М. Завадовского. 262
XIV. **Медицина и народное здравие.**—И. Гельмана, Е. Аркина, А. Сысина, Е. Трапезонцевой, В. Поспелова, А. Шнеерсона. 270
XV. **Теория и история литературы.**—В. Фриче, П. Когана, В. Полянского, С. Боброва, К. Локса, Вяч. Полонского, И. Аксенова . 277
XVI. **Художественная литература**—А. Дивильковского, И. Кубикова, Вяч. Полонского, С. Боброва, Б. Пильняка, В. Полянского, С. Выгодского, И. Аксенова, А. Елизаровой 290
XVII. **Искусство.**—В. Мейерхольда, В. Бебутова, Д. Недовича, Б. Арватова, А. Сидорова, Г. Жидкова, А. Стрелкова, И. Корницкого, Н. Тарабукина. 305

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I. **На Западе.** Юбилей Мольера. Литература о России. Русские писатели за границей. Русские книгоиздательства за границей. Заграничное издательство и авторское право. Русская книга в Испании. II. **По России.** Юбилей Некрасова. Смерть Короленко. Годовщина смерти Кропоткина. III **Петроград.** Петрогосиздат. IV. **Москва.** Госиздат. Мосгубиздат Дом Печати. Кабинет библиотековедения. Академия художественных наук. Юбилей Данте. Письма И. С. Тургенева. Русское библиографическое Об-во. Общество друзей книги. Центропечать. Институт журналистики. Пушкинский праздник. Заграничная литература. Дом Толстого. Лито Главпрофобра. Художники и производство. Библиографические проекты. Историко-революционный бюллетень. Новые книги и журналы. V. **Провинция.** 320
Юбилей наборщика Алексеева 340
Законы о печати 341
Письма в редакцию 346
Список книг и журналов, полученных редакцией для отзыва 349
Объявления. 357

Концовки, рисунки в тексте статьи „Русские граверы“, и 4 цветные гравюры на вкладных листах воспроизведены с гравюр А. П. Остроумовой-Лебедевой.

ОТ РЕДАКЦИИ.

ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, АВТОРАМ И ЧАСТНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВАМ.

Редакция просит все литературные организации и учреждения, а также частные издательства, сообщать сведения о своих работах, планах и т. п. для помещения в „Литературной Хронике“. Представляемые сведения должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Редакция обращается, кроме того, к авторам и издательствам с просьбой присылать для отзыва свои издания (вышедшие за время с октября 1917 года).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ.

Редакция просит авторов статей и рецензий представлять рукописи в четко переписанном виде на одной стороне листа.

В заголовках рецензий обязательно должно быть указано: 1) фамилия автора книги, 2) полное заглавие книги, 3) имя переводчика и язык, с которого книга переведена (если книга переводная), 4) название издательства, 5) город, где книга издана, 6) год издания, 7) количество страниц, 8) тираж издания.

Редакция обращает внимание авторов на то, что отсутствие указания на количество страниц прорецензированной книги (п. 7) лишает ее возможности вычислить причитающийся автору рецензии гонорар.

Непринятые рукописи не возвращаются.

ЛИТЕРАТУРНЫМ РАБОТНИКАМ НА МЕСТАХ.

Редакция журнала „ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ“ просит товарищей, работающих в провинции, сообщать редакции сведения о состоянии литературно-издательского дела для помещения в хронике журнала. Желательно также присылка корреспонденций, посвященных общим вопросам литературы на местах.